АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

3 (25)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • 1948 • ЛЕНИНГРАД

РЕДАКТОР ПРОФ. А. В. МИШУЛИН

СТАЛИНСКИЙ КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ ВКП(б) И СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Со дня выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» прошло десять лет. Советское государство достигло за эти годы огромных результатов в строительстве коммунизма. Оно успешно справилось с задачей построения социалистического общества и показало громадные преимущества социализма перед капитализмом. Советский Союз продемонстрировал всему миру свою мощь в области социалистической экономики, высокий идейный и моральный уровень советского народа, его выдержку, самоотверженность, преданность делу Ленина—Сталина. Советское государство в годы суровых испытаний в период Великой Отечественной войны против гитлеровских захватчиков наголову разгромило врага и вышло из войны еще более окрепшим и сильным.

Под руководством партии Ленина—Сталина наш народ победил врага. Наша страна, встав в авангард всего прогрессивного человечества, сделалась центром сплочения всех демократических сил в борьбе за мир и безопасность народов.

Всемирно-историческая победа Советского Союза—построение социализма в исторически короткий промежуток времени—явилась результатом коренных преимуществ советского общественного и государственного строя.

Строительство социализма в СССР является гигантским шагом всего человечества к коммунизму. Строя социализм, наш великий народ прокладывает новые пути, по которым пойдут трудящиеся всего мира и на который теперь уже вступили трудящиеся стран народной демократии.

Победа социализма в нашей стране стала возможной благодаря мудрой ленинско-сталинской политике, обеспечившей создание новой экономической и социальной базы. Эта победа завоевана великим советским народом благодаря его монолитности и идейно-политической выдержке, благодаря всепобеждающей силе советского патриотизма.

Эти качества воспитала и воспитывает в советском народе партия Ленина—Сталина, являющаяся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя. Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) является партией нового типа. Это марксистско-ленинская, боевая, революционная партия. Она осуществляла руководство рабочим классом в его борьбе за свержение господства буржуазии, за создание и укрепление диктатуры пролетариата, а теперь руководит строительством коммунизма. Партия большевиков, возглавляемая великим Сталиным, смотрит далеко вперед, прокладывая пути к светлому будущему всего человечества.

В тяжелые июльские дни 1917 г., когда большевики подвергались жесточайшим преследованиям со стороны буржуазного Временного правительства, В. И. Ленин писал, что партия большевиков это «ум, честь и совесть нашей эпохи». В этом знаменитом ленинском определении подчеркнута всемирно-историческая роль нашей партии. За тридцать лет существования первого в мире социалистического государства партия большевиков полностью оправдала это ленинское определение. ВКП(б) обеспечила коренную перестройку экономической, общественной и политической жизни страны, обеспечила победу советской идеологии, победу марксизма-ленинизма.

Авангардная роль и жизненная сила партии Ленина—Сталина определяется тем, что ее революционная практика основана на марксистско-ленинской теории, а ее стратегия и тактика, ее политические и экономические мероприятия базируются на революционном опыте классовой борьбы.

«Сила марксистско-ленинской теории состоит в том, что она дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий, предвидеть ход событий и распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 339). Сила марксистско-ленинской теории заключается в ее подлинной научности.

«Манифест Коммунистической партии», первый программный документ марксизма, сто лет назад возвестил появление научного социализма. Сто лет—достаточный срок, чтобы судить о силе марксистской теории. За это время марксистская наука выдержала все удары врагов и получила свое дальнейшее развитие в трудах Ленина и Сталина.

Маркс и Энгельс показали в «Манифесте», что развитию производительных сил и производственных отношений соответствует развитие политической и умственной жизни общества, а в этом последнем отражаются, в конечном счете, закономерности развития экономики. Ленин развил это учение Маркса, изучил исторический период после Маркса, открыл закономерности этого периода и применил открытые им исторические законы в революционном действии, в борьбе за пролетарскую революцию, в строительстве социализма.

Ленин дал глубокий анализ империализма как загнивающего и умирающего капитализма и доказал, что империализм—канун социалистической революции. Лениным был открыт закон неравномерности экономического и политического развития в эпоху империализма. В связи с этим было отвергнуто устаревшее для новых исторических условий положение о невозможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Открытие Лениным новых исторических закономерностей вооружило рабочий класс в его революционной борьбе за победу социализма в нашей стране.

Товарищ Сталин определил ленинизм как науку, как продолжение и развитие марксизма в условиях новой исторической эпохи, эпохи империализма и пролетарских революций, указал на то новое, что внес Ленин в сокровищницу марксизма. Товарищ Сталин разработал науку ленинизма. Он развил дальше ленинскую теорию социалистической революции; конкретизировал теорию о возможности построения социализма в одной стране и пришел к выводу о возможности построения коммунизма в нашей стране также и в том случае, если сохранится капиталистическое окружение. Этот вывод товарища Сталина вооружает рабочий класс новым идейным оружием, дает партии великую перспективу в борьбе за полную победу коммунизма, двигает вперед марксистско-ленинскую теорию. Ленин и Сталин развили идеи Маркса о диктатуре пролетариата, создали

политическую экономию социализма, обогатили марксистскую теорию государства новыми идеями и положениями. Сталин значительно продвинул науку о законах развития человеческого общества, о законах строительства коммунизма. Полное всепобеждающей творческой силы, кристально ясное, близкое и понятное всем трудящимся учение Сталина является движущей силой в борьбе за построение коммунизма.

Вершину этого учения представляет собой «Краткий курс истории ВКП(б)», настоящая сокровищница, энциклопедия основных знаний марксизма-ленинизма.

Метод изучения исторических событий, примененный в «Кратком курсе истории ВКП(б)», является образцом для изучения всей истории человечества. Изложение истории партии ведется на базе развертывания основных идей марксизма-ленинизма, которые в свою очередь излагаются на основе конкретных исторических фактов. В «Кратком курсе» ярко продемонстрирована сила марксистско-ленинской теории, непримиримость нашей партии ко всякого рода отклонениям и извращениям в теории и на практике.

10 лет назад, издавая Сталинский «Краткий курс», Центральный Комитет ВКП(б) указал, что на исторических фактах лучше, естественнее и понятнее демонстрировать основные идеи марксизма-ленинизма, так как сама история ВКП(б) есть марксизм-ленинизм в действии. Правильность и жизненность марксистско-ленинской теории проверена практикой, опытом классовой борьбы пролетариата, и сама марксистско-ленинская теория развивалась и обогащалась в теснейшей связи с практикой, на основе обобщения практического опыта революционной борьбы пролетариата.

Раздел «О диалектическом и историческом материализме» содержит ключ к пониманию законов исторического развития. С особой силой показана здесь внутренняя связь, существующая между философией марксизма-ленинизма и практической революционной деятельностью большевистской партии. С предельной ясностью и простотой изложены здесь методологические основы и важнейшие теоретические положения марксизма-ленинизма.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» товарищ Сталин дал классический образец применения метода диалектического материализма для научного понимания общественных процессов. Развивая теорию исторического материализма, товарищ Сталин дал исчерпывающий анализ условий материальной жизни общества, охарактеризовал определяющую роль способа производства в общественном развитии и показал ограниченность влияния на это развитие других факторов, например географической среды и плотности населения.

Товарищ Сталин развил теорию исторического материализма в вопросе о роли передовых идей в общественном развитии. С предельной ясностью в «Кратком курсе» показана мобилизующая, организующая и преобразующая роль передовых идей в общественном развитии. «Общественные идеи, теории, политические учреждения, возникнув на базе назревших задач развития материальной жизни общества, развития общественного бытия,— сами воздействуют потом на общественное бытие, на материальную жизнь общества, создавая условия, необходимые для того, чтобы довести до конца разрешение назревших задач материальной жизни общества и сделать возможным дальнейшее ее развитие» («Краткий курс», стр. 112).

Далее, товарищ Сталин продвинул вперед теорию исторического материализма в вопросе о движущих силах общественного развития при социализме. Маркс и Энгельс на основе изучения известных им форм общественных отношений показали, что вся история общества есть история клас-

совой борьбы, что движущей силой истории является именно борьба классов и диктатура пролетариата есть высшая форма этой борьбы. На основе обобщения опыта социалистического строительства товарищ Сталин показал, что новыми движущими силами общественного развития при социализме, когда нет уже антагонистических классов, являются морально-политическое единство общества, дружба народов, советский патриотизм.

В период Великой Отечественной войны, руководя военными действиями Советской Армии на фронте и хозяйственно-организаторской работой в тылу, товарищ Сталин продолжал огромную теоретическую деятельность, разрабатывал и двигал вперед марксистско-ленинскую науку. В выступлениях и приказах товарища Сталина в тяжелые годы войны получили дальнейшее развитие советская военная наука, учение о советском социалистическом государстве, его функциях и фазах развития и источниках его силы. Товарищ Сталин обобщил опыт деятельности Советского государства в условиях войны и указал пути дальнейшего укрепления экономической и военной мощи Советской державы. Книга товарища Сталина «О Великой Отечественной войне» развивает марксистско-ленинскую теорию, показывает ее в действии, является новым вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма.

Все положения товарища Сталина нашли блестящее подтверждение в практике успешного строительства социализма в нашей стране, в героической победе советского народа над фашистской Германией. Советский патриотизм, выполнивший в годы войны великую миссию в разгроме немецко-фашистских захватчиков, в спасении социалистической Родины от угрожавшей ей опасности, теперь служит дальнейшему укреплению мощи Советского государства и успешному движению нашей страны вперед, к коммунизму.

Дальнейшее развитие советского патриотизма связано с воспитанием национальной гордости у советских людей; оно является одним из важных средств в борьбе против влияния капиталистического мира, против буржуазной идеологии.

Наиболее вредным антипатриотическим пережитком, который не искоренен еще из сознания отдельных советских людей и особенно живуч еще в среде отсталой части советской интеллигенции, является низкопоклонство и раболепие перед буржуазной культурой. Низкопоклонство ведет к неверию в силы советского народа, советской науки и техники. В низкопоклонстве перед заграницей проявляется неизжитая еще у некоторых советских людей духовная зависимость от капитализма, от мира эксплоататоров. Раболепие перед заграницей является каналом, по которому просачивается буржуазное влияние. Вот почему наша партия призывает к непримиримой борьбе с проявлениями всякого рода низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной.

Особенно остро партия большевиков ставит вопрос о критике и самокритике. «В нашем советском обществе,—указывал товарищ Жданов,— где ликвидированы антагонистические классы, борьба между старым и новым и, следовательно, развитие от низшего к высшему происходит не в форме борьбы антагонистических классов и катаклизмов, как это имеет место при капитализме, а в форме критики и самокритики, являющейся подлинной движущей силой нашего развития, могучим инструментом в руках партии» (Вопросы философии, №1, стр. 270).

Это требует от советских людей особо серьезного, вдумчивого, принципиального отношения к развертыванию критики и самокритики. Боязнь острой критики, попытка смазать и замаскировать недостатки в практической и теоретической деятельности отдельных работников, барское отношение к критике или восприятие ее в качестве личной обиды являются

различными сторонами стремления создать застой в нашей теории, в социалистическом строительстве, играют на-руку нашим врагам. Ученый, воспринимающий критику и самокритику как личную обиду, не способен двигать науку вперед, он обречен на застой и деградацию. Суровая критика и самокритика, направленные на изобличение старого и организующие решительную борьбу с ним, являются важнейшим условием поступательного развития советского общества, его подлинной движущей силой.

ЦК ВКП(б) неуклонно направляет развитие науки, литературы и искусства в СССР, заботливо взращивая коммунистическую культуру, советскую идеологию.

Вооруженная новыми положениями марксизма-ленинизма, развитыми в «Кратком курсе истории ВКП(б)», а также в последующих постановлениях ЦК ВКП(б), советская культура, искусство, наука проделали большой творческий путь в своем развитии.

Творческая дискуссия, развернувшаяся на философском фронте, усилила приток новых, свежих сил в науку, заставила наших ученых пересмотреть многие положения и новыми глазами взглянуть на многие вопросы. В советской литературе успешно преодолеваются те упаднические, антинародные тенденции, которые пытались вынашивать отдельные, оторвавшиеся от масс, литераторы. Советская литература обогатилась за последние годы большим количеством прекрасных произведений, многие из которых удостоены Сталинских премий. Развиваясь по пути, указанному ЦК ВКП(б), проделали большой творческий путь наша драматургия и кинематография. Советская музыка освобождается от налета формализма и декадентства, который проявился у отдельных композиторов, потерявших вкус к народной музыке, пытавшихся формалистическими ухищрениями прикрыть свою идейную бедность.

Советские историки, равно как и советские ученые всех областей знания, также внесли свой вклад в общее дело разработки советской науки за истекшие 10 лет со дня выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)».

Перестройка работы на фронте исторической науки в связи с выходом «Краткого курса» в первую очередь пошла по линии борьбы с антимарксистскими извращениями и вульгаризаторством так называемой «школы» Покровского. Преодоление извращений историков, примыкавших к этой «школе», которая толковала исторические факты вопреки теории исторического материализма, освещала их с точки зрения сегодняшнего дня без учета конкретных условий, в обстановке которых они протекали, и тем самым искажала действительную историю, позволило советским историкам встать на правильный путь в своей исследовательской работе. Выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» помог нашим историкам освободиться от антимарксистских, осужденных партией взглядов на роль личности в истории и степень влияния географической среды и плотности населения на ход исторического развития. Вооруженные передовой научной методологией, теорией марксизма-ленинизма, советские историки провели большую работу по изучению истории нашей Родины. Вопрос о происхождении русского государства и о характере общественных отношений в докиевской и киевской Руси был радикально пересмотрен. В результате этого полностью отвергнуто норманистское объяснение происхождения русского государства. В свете ленинско-сталинского учения об общественно-экономических формациях советские историки разрешили проблему общественного строя древней Руси, по-новому осветили вопросы образования русского централизованного государства, значение эпохи Ивана Грозного, историю царствования Петра I. Была заново создана история крестьян с древнейших времен до полного оформления крепост-

нических отношений, плодотворно изучается история народных революционных движений в России. Успешно изучались и отдельные стороны жизни России XIX в.: международное положение России, борьба с Наполеоном, выступление декабристов, движение крестьян. Серьезные достижения советские историки имеют и в области изучения общественных течений и революционного движения XIX—XX вв. Заново строится советское славяноведение. Созданы выдающиеся исследования по истории восточных и южных славян.

Целый ряд работ в этой и в смежных областях исторической науки получил высокую оценку Правительства, а авторы их удостоены звания лауреата Сталинских премий (акад. Б. Д. Греков, акад. Н. С. Державин, проф. М. В. Нечкина, чл.-корр. Н. М. Дружинин, чл.-корр. А. М. Панкратова и проф. М. М. Смирин).

Выдающихся результатов достигла за эти годы советская археология. Включившись в разрешение исторических проблем, советская археология перестала быть только вспомогательной дисциплиной, как это считалось ранее, и превратилась в важную отрасль советской исторической науки. На базе археологических материалов появились большие исследования по истории восточных славян, античного Причерноморья, Крыма, Кавказа, Закавказья, Сибири, Средней Азии и т. д., раскрывающие многовековую историю древнейших народов, населявших территорию нашей Родины. Советские археологи многое дали за истекшие 10 лет в области изучения дославянских народов нашей Родины—скифов, тавров, сарматов, раздвинув рамки исторического исследования далеко в глубь веков.

Больших результатов достигли советские историки в области изучения древнего мира. Прежде всего значительно возросло количество историков в СССР, разрабатывающих по-марксистски отдаленное прошлое человечества. Успехи в изучении истории древнего мира, стремление к теоретическому, научному осмыслению исторического процесса в древности сказались в первую очередь в большом количестве защищенных кандидатских и докторских диссертаций. С 1940 по 1947 г., несмотря на тяжелые условия войны, по неполным данным было защищено более 50 кандидатских и 20 докторских диссертаций по самым различным вопросам древней истории.

За 10 лет со дня выхода «Краткого курса» советские историки древности, строя свои исследования на основе марксистско-ленинского учения о законах развития общества, о социально-экономических формациях и классовой борьбе, по-новому разработали и осветили целый ряд кардинальных проблем. Плодотворным было четкое установление советскими историками рабовладельческого характера древневосточного общества. Это определение, основанное на марксистско-ленинском понимании общественных формаций, дало возможность правильно объяснить целый комплекс фактов и событий в истории древневосточных государств, осмыслить ход исторического процесса в странах древнего Востока, оказавшийся недоступным для понимания буржуазных исследователей. Изучение социального строя и аграрных отношений древневосточных государств значительно продвинулось вперед, за последнее время в этой области появился ряд исследовательских статей, монографических работ.

«Краткий курс истории ВКП(б)» мобилизовал также внимание историков античного общества на изучение истории социальных и революционных движений в древности. В этом направлении советские историки достигли значительных результатов, и в разработке ряда проблем этого порядка им, безусловно, принадлежит приоритет. Работы о восстании Спартака, движении агонистиков, восстании Савмака на Боспоре, движении буколов, восстании багаудов, движении Маздака и другие работы

о революционных движениях создали прочную основу для понимания характера классовой борьбы в древности, ее направления и результатов.

Немалые результаты имеют историки древности и в области изучения истории идей. Особенно плодотворно была разработана история первоначального христианства в связи с исследованиями о революции рабов и о раннем христианстве как форме идеологии угнетенных классов.

На правильный марксистско-ленинский путь было поставлено у советских историков и освещение роли личности в истории. История древнего мира перестала для советских историков быть историей царей и полководцев. Изучение закономерностей исторического процесса на основе марксистско-ленинской теории дало возможность доказать, что деятельность и политика даже самых выдающихся деятелей древности, как Александр Македонский, Цезарь, Август и другие, определялись не личными их свойствами, а объективными условиями экономической и общественной жизни того времени.

Особенно широко развернулось в последнее время изучение истории античного юга нашей Родины и далекого прошлого народов Советского Союза. Огромное количество археологического материала, добытого советскими археологами, делает изучение этих вопросов строго конкретным и обоснованным, а труд историка—особенно плодотворным.

«Краткий курс истории ВКП(б)» является настольной книгой советских исследователей, работающих во всех областях науки, в том числе советских историков. Применение марксистско-ленинских идей, изложенных в «Кратком курсе истории ВКП(б)», изучение и освоение теоретического богатства этой сокровищницы марксизма-ленинизма обеспечили советским историкам правильное осмысление хода исторического процесса, позволили им плодотворно разработать целый комплекс исторических проблем в больших и интересных монографиях, создали перспективу их дальнейшей творческой деятельности.

Однако мы не можем успокаивать себя достигнутыми успехами. Этих успехов еще далеко не достаточно. Несмотря на отдельные достижения советской историографии в области древней истории, ряд проблем остается до сих пор еще не изученным, а другие даже и не поставлены. Нужно прямо сказать, что не решена еще наиболее важная, поставленная товарищем Сталиным перед советскими историками задача создания истории производителей материальных благ, истории трудящихся масс, в том числе и истории народов древнего мира.

Историки древности сделали только первые шаги в этом направлении. С марксистско-ленинских позиций осмыслен теперь период эллинизма, в результате чего начала проводиться действительно научная разработка истории эллинизма—этого наиболее трудного для изучения периода истории древнего мира. Из культурно-исторического явления, каким он представлялся буржуазным исследователям, эллинизм вырисовывается в работах советских историков в качестве определенного этапа развития экономических и социальных отношений рабовладельческого общества. Однако до сих пор не вышло ни одной книги по истории эллинизма.

Определенные результаты в изучении производственных отношений древнего Востока должна дать развернувшаяся в самое последнее время на страницах «ВДИ» дискуссия по вопросу о формах рабства в странах древнего Двуречья. Разрешение поднятых в дискуссии теоретических проблем должно продвинуть вперед изучение этого вопроса и обогатить советскую историческую науку новыми выводами. Советский читатель имеет уже первые монографии по этому вопросу.

Есть нерешенные проблемы и в области политической истории древнего мира. Не изучена революция рабов, как она проходила в восточно-рим-

ской империи. Немалое значение имеет вопрос о смене и развитии форм государственной власти в древнем Риме. Слабо разработана история революционного движения в Греции, восстаний рабов и бедноты. Изучение проблемы разложения рабовладельческого общества даст плодотворные результаты для исследования становления другой общественно-экономической формации—феодализма. У советских историков имеется богатейший материал по истории идей, который подлежит еще рассмотрению и изучению.

Таким образом, даже беглый перечень вопросов, стоящих перед советскими историками древнего мира, показывает, что впереди еще много первостепенных задач, решение которых нельзя откладывать.

Большие задачи в этом отношении стоят и перед нашим журналом. Выпуская «Краткий курс», ЦК ВКП(б) осудил «оторванность наших теоретических журналов от насущных вопросов жизни и борьбы нашей партии, их самозамыкание и тенденции к академизму». Он постановил «обязать редакции теоретических журналов перестроить свою работу, обеспечив на своих страницах постановку актуальных теоретических вопросов, обобщение опыта социалистического строительства, обслуживание теоретических запросов наших кадров, разработку новых теоретических проблем и творческую дискуссию по вопросам теории».

Эта задача не является временной. Эта программа остается актуальной и на сегодняшний день как для редакции, так и для авторского коллектива нашего журнала. На страницах «ВДИ» еще мало печатается общетеоретических, обобщающих статей по важнейшим проблемам. Нельзя, понятно, недооценивать необходимость разработки отдельных частных вопросов истории, однако эта сторона исторического исследования должна быть поставлена на службу марксистско-ленинской разработке основных исторических проблем античности.

Творческая идейно-теоретическая работа советских историков возможна лишь на базе овладения марксистско-ленинской методологией. Без марксистско-ленинской теории не может быть передовой науки, в том числе и науки исторической. Десять лет назад на приеме в Кремле работников высшей школы товарищ Сталин сказал, что советская наука «имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устаревшими, когда они превращаются в тормоз для движения вперед». Эту смелость и решимость дает советским ученым живая, революционная марксистско-ленинская теория, непрерывно развивающаяся и совершенствующаяся, теория, которая не боится заменять устаревшие положения и выводы новыми, соответствующими новым историческим условиям, как это блестяще показано в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Товарищ Сталин неоднократно указывал на роль и значение марксистско-ленинской подготовки советских работников и ученых в их практической и теоретической работе. Он прямо говорил, что «нужно признать, как аксиому, что чем выше политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников любой отрасли государственной и партийной работы, тем выше и плодотворнее сама работа, тем эффективнее результаты работы, и, наоборот,—чем ниже политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников, тем вероятнее срывы и провалы в работе, тем вероятнее измельчание и вырождение самих работников в деляг-крохоборов, тем вероятнее их перерождение» («Вопросы ленинизма» изд. 11-е, стр. 598).

Это высказывание товарища Сталина целиком объясняет отдельные срывы и промахи, имеющиеся еще и в нашей науке, в области древней

истории. Можно прямо сказать, что эффект нашей работы и плодотворность ее целиком зависят от степени овладения нашими историками учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Нашей первоочередной и наиболее важной задачей поэтому является тщательное изучение марксистско-ленинской теории. Издавая «Краткий курс», ЦК ВКП(б) обратил внимание на то, что овладение марксистско-ленинской теорией—дело серьезное. Но ошибочно думать, будто эта задача посильна лишь небольшому кругу работников. Нужно лишь проявить желание, настойчивость и твердость характера, чтобы овладеть теорией марксизма-ленинизма. «Если можно успешно овладеть такими науками, как, например, физика, химия, биология, то тем более нет оснований сомневаться, что можно полностью овладеть наукой марксизма-ленинизма»[1]. Однако овладеть марксистско-ленинской теорией вовсе не значит добросовестно заучить и умело цитировать отдельные выводы и положения, имеющиеся в трудах классиков марксизма-ленинизма. ЦК ВКП(б) предостерегал против такого подхода и осуждал его. В «Кратком курсе» подчеркнуто, что «марксистско-ленинскую теорию нельзя рассматривать как собрание догматов, как катехизис, как символ веры, а самих марксистов,—как буквоедов и начетчиков. Марксистско-ленинская теория есть наука о развитии общества, наука о рабочем движении, наука о пролетарской революции, наука о строительстве коммунистического общества. Она, как наука, не стоит и не может стоять на одном месте,—она развивается и совершенствуется» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 339).

Задачей советских историков и является развивать и совершенствовать свою науку, обогащать ее новыми марксистскими исследованиями, двигать ее вперед путем разработки конкретно-исторического материала на базе марксистско-ленинской теории.

Одним из источников подлинной научности и идейной силы марксистско-ленинской науки является ее партийность. Ленинское указание о партийности в идеологической работе должно лечь в основу всех исследований в области древней истории. Марксистско-ленинская партийность требует прежде всего непримиримой, беспощадной борьбы с буржуазной идеологией.

Идеи ленинизма являются движущей силой в борьбе за построение коммунистического общества не только для народов нашей Советской страны. Эти идеи все более овладевают сознанием народов всех стран. Для всех народов и в первую очередь для народов стран народной демократии социализм стал теперь жизненным вопросом.

Победа марксизма-ленинизма во всем мире неизбежна. И советские историки должны внести свою лепту в это поистине всемирно-историческое дело, дело победы коммунизма.

[1] Постановление ЦК ВКП(б) о постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)»

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА АВДЕЕВА Р. Б.

Акад. В. В. Струве

ГЕРОДОТ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В ПЕРСИИ ЭПОХИ ДАРИЯ I

Уже историки древности ставили перед собой вопрос о достоверности Геродота, как, например, Ктесий, который, по словам Фотия, «изобличал во многом лживость» Геродота[1]. Правда, Ктесий мог бы воздержаться от подобной инсинуации по отношению к своему предшественнику, поскольку, по словам Плутарха, сам Ктесий «поместил в свое произведение собрание всякого рода невероятных сказок и небылиц»[2]. Суровое суждение о достоверности Геродота выносили и зарубежные ученые XIX в., гордые замечательными открытиями в области древней истории Ближнего Востока, противопоставлявшие сообщениям Геродота данные, добытые на основании изучения подлинных письменных и вещественных памятников Египта, Вавилонии и т. д.[3]. Правда, ученые XIX в. критиковали преимущественно и, надо прибавить, справедливо, сведения Геродота о древнейших периодах истории стран Ближнего Востока, почерпнутые им у невежественных туземных осведомителей. Ряд же зарубежных ученых XX в. стал критиковать данные Геродота и об истории VII—VI вв. до н. э., как, например, повествование его о падении Ассирийской державы[4] или сообщение его о религии персов[5] и т. д. Более положительную оценку Геродота как историка мы находим у крупнейших русских историков—у академиков Б. А. Тураева[6] и В. В. Бартольда[7].

Подобную оценку, данную корифеями русской исторической мысли, поддержали открытия последних десятилетий, подтверждающие достоверность повествования Геродота о некоторых событиях истории Ирана

---

[1] Неблагоприятные отзывы древности о Геродоте собраны у Ф. Г Мищенко. Геродот, т. II, 1886, стр. IV—V; ср. С. Я. Лурье, Геродот, 1947, стр. 151 сл.

[2] «Артаксеркс», II, гл. I.

[3] См. предисловие Ф. Г. Мищенко к II тому его перевода Геродота — «Не в меру строгий суд над Геродотом». Ф. Г. Мищенко отвергает пристрастное суждение о Геродоте, предложенное английским исследователем древневосточных культур Сэйсом, и дает более справедливую оценку Геродота как историка.

[4] См. статьи G. Hüsing в OLZ, 1915, посвященные вопросу о личности царя мидян, завоевавшего Ниневию. Названный австрийский ученый опровергал утверждение Геродота, что завоевателем ассирийской столицы был мидийский царь Киаксар.

[5] E. Herzfeld, Archaeological History of Iran, Лондон, 1935. О ценности данных Геродота о религии персов см. В. В. Струве. Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов, ИАН СССР, ОИФ, 3 (1944), стр. 128 сл.

[6] Б. А. Тураев, История Древнего Востока, т. I, 1935, стр. 16 сл.

[7] В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, стр. 38—39.

VII и V вв. до н. э. Так, издание в 1923 г. таблички Британского музея, содержащей анналы царя Набупаласара, доказало справедливость утверждения Геродота (I, гл. 106) о том, что Киаксар был тем царем Мидии, который покончил с существованием Ассирийского государства[1]. Так называемая гаремная надпись Ксеркса из Персеполя, изданная в 1932 г., подтвердила полностью рассказ Геродота (VII, гл. 2—3) о сильных распрях, которые возникли между сыновьями Дария в связи с вопросом о престолонаследии[2].

Другим памятником, который свидетельствует о ценности традиции, которая использовалась Геродотом, является, как я полагаю, вторая из надписей на скале гробницы Дария I, так называемая Накширустемская надпись b. Древнеперсидский текст был отчасти уже знаком давно[3], но полностью он был издан лишь в 1938 г. Э. Герцфельдом. Тем же исследователем были опубликованы тогда и вавилонский перевод данного древнеперсидского текста, а также сохранившиеся здесь у могилы Дария остатки надписи на древнеперсидском языке, написанной арамейским алфавитом. Эламский перевод не был издан ввиду его чрезвычайно плохой сохранности, но зато для восстановления Накширустемской надписи b могли быть использованы 3 фрагмента копии ее древнеперсидского текста, написанного на документе основоположения в селевкидском храме около Персеполя[4].

Основную часть Накширустемской надписи b Дарий I посвятил апологии и восхвалению принципов своего единоличного правления. Тем самым надпись Дария I перекликается с 82 главой III книги Геродота, в которой выводится Дарий в качестве защитника принципов монархии. В настоящем исследовании я попытаюсь доказать, что сходство между речью Дария у Геродота и Накширустемской надписью b не является «весьма отдаленным и случайным»[5], но обусловлено некоторой генетической связью. Я надеюсь установить, что некоторые из положений надписи Дария нашли свое отражение как в речи, вложенной Геродотом в уста Дария (III, 82), так и в одном из наблюдений Геродота относительно обычаев персов (III, 137).

Речь Дария о преимуществе монархии приводится Геродотом (III, 82) в очень любопытном контексте. Она включена в повествование о событиях, имевших место после уничтожения власти мага Гауматы. Убив последнего, Дарий и 6 остальных заговорщиков собрались, чтобы совещаться о способе управления государством, во главе которого они теперь оказались. На этом совещании выступили трое из участников с речами о наилучшем политическом строе. Первым выводит Геродот (III, 80) Отану (Ὀτάνης), соответствующего Утану, названному Бехистунской надписью (IV, 83) на втором месте среди сторонников Дария, помогавших ему при убиении мага Гауматы[6]. Отана в своем выступлении восхвалял демокра-

---

[1] См. C. J. Gadd, The Fall of Niniveh, Лондон, 1923.

[2] См. последнее издание E. Herzfeld, открывшего надпись, в его «Altpersische Inschriften», Берлин, 1938, стр. 35. См. В. В. Струве, Родина Зороастризма («Материалы по истории таджиков и Таджикистана», Сталинабад, 1945, стр 28).

[3] F. H. Weissbach, Die Keilinschriften der Achaemeniden («Vorderasiat. Bibliothek», III, 1911, стр. 92 сл.). Здесь же были изданы и жалкие фрагменты эламского перевода древнеперсидского текста.

[4] E. Herzfeld, Altpersische Inschriften, стр. 4 сл. Оценку этого труда см. А. А. Фрейман, ВДИ, 1940, № 2, стр. 126—127.

[5] Таково мнение С. Я. Лурье, высказанное им в его монографии «Геродот», стр. 61, прим. 1,

[6] Согласно Геродоту (III, 68), отцом Отаны был Фарнасп, а согласно Бехистунской надписи (IV, 83), его отцом был Сухра. Возможно, что традиция Геродота называла не отца, а предка Отаны.

тию и резко критиковал единодержавие. Вторым из ораторов у Геродота (III, 81) назван Мегабиз (Μεγάβυζος). Ему, очевидно, тождествен Багабухш, сын Датухья[1], засвидетельствованный Бехистунской надписью (IV, 85) в качестве пятого из шести сторонников Дария. Мегабиз опроверг аргументацию Отаны в пользу демократии и объявил олигархию наиболее совершенным политическим строем. После Мегабиза Геродот (III, 82) дает слово Дарию для критики доводов Отаны и Мегабиза и для выявления достоинств принципа монархии.

Согласно Геродоту, уже «некоторые эллины» высказывали сомнения в достоверности содержания этих речей, как об этом заявляет дважды сам Геродот. Слишком уже казалось образованному греку VI—V вв. маловероятным, чтобы и в персидском обществе могли вестись ожесточенные споры о преимуществах тех трех политических направлений, которые были и греческими учеными установлены в качестве трех мыслимых форм управления государством—демократии, олигархии и монархии.

Геродот, знакомый с сомнениями «некоторых греков», тем не менее настаивал на достоверности содержания речей Отаны, Мегабиза и Дария: «Когда волнение улеглось и истекло 5 дней, восставшие против магов стали совещаться об общем положении государства, причем были произнесены речи, невероятные для некоторых эллинов, но которые были тем не менее произнесены» (III, 80).

Если здесь Геродот настаивает, очевидно, на достоверности всех трех речей участников совещания, то в начале своего рассказа о первом походе Мардония на Грецию (492 г. до н. э.) он подчеркивает достоверность высказываний Отаны о преимуществах демократического строя: «Проезжая вдоль берега Азии, Мардоний прибыл в Ионию, и там случилось величайшее чудо, которое я хочу сообщить тем из эллинов, которые не хотят верить, что Отана высказал мнение семи персам о необходимости демократии для персов: Мардоний сместил всех тиранов ионян и восстановил в городах демократии» (VI, 43).

Столь определенно выраженная уверенность Геродота в достоверности речей трех знатных персов, произнесенных ими на совещании после убиения мага, говорит, очевидно, в пользу того, что действительно в этих речах нашли свое отражение те три политические направления, которые боролись за преобладание в среде персидской знати эпохи Дария I и его ближайших преемников. Уверенность в достоверности указанных речей Геродот не мог почерпнуть в труде своего предшественника—Гекатея из Милета, которому он, как известно, обязан весьма многими сведениями[2]. Наоборот, мы имеем основание предположить, что именно Гекатей и являлся одним из тех эллинов, которые сомневались в достоверности речей Отаны, Мегабиза и Дария. По крайней мере, чешский историк древнего Ирана Иустин Прашек высказал положение, что всюду, где Геродот обозначает свой источник словами «ионяне» или «элины», следует видеть ссылку на Гекатея[3].

Приняв положение Прашека и причислив тем самым Гекатея к тем «эллинам», которым казались указанные речи трех знатнейших персов «невероятными», мы приходим к весьма важному для нашего исследования выводу. Действительно, из данных предпосылок следует, что уверенность Геродота в исторической реальности Отаны, Мегабиза и Дария была обусловлена не чтением Гекатея, но главным источником отца исто-

---

[1] Геродот не называет имя отца Мегабиза.

[2] В. Бузескул, Введение в историю Греции, Птг., 3-е изд., 1915, стр, 73.

[3] «Ceske Museum Filolog.», V, 1899. Цитирую исследование известного чешского историка Прашека по В. Бузескулу («Введение в историю Греции». Харьков, 1904, 2-е изд,. стр. 76, прим. 5). См. также С. Я. Лурье, Геродот, стр. 142.

рии, а именно устной традицией[1]. Поскольку же эллины сомневались в достоверности речей Дария и двух его сподвижников, то в данном случае, очевидно, его осведомителями были не греки, а персы, которые по тем или другим причинам могли общаться с Геродотом.

Одним и, надо полагать, главным из этих осведомителей был Зопир, правнук Мегабиза, который пытался доказать преимущество олигархии на совещании семи заговорщиков после убиения мага Гауматы. Названный Зопир, согласно Геродоту (III, 160) «явился в Афины в качестве перебежчика из Персии». Он, конечно, был знаком с традицией истории своего знатного рода. Несомненно, был прав Б. А. Тураев, когда утверждал, что «Зопир, поселившись в Афинах, делился с Геродотом сведениями из преданий своего рода, принадлежавшего к числу наиболее знатных и близких ко двору, а потому мог сообщить и многие интимные подробности»[2]. Рассказав Геродоту о речи Мегабиза в пользу олигархии, Зопир передал из уважения к своему предку в очень смягченной форме полемику с олигархической установкой со стороны Дария. Последний в речи, влагаемой в его уста Геродотом (III, 82), признает, что олигархи «развивают добродетель на общее благо». Что же касается демократии, то при ней, согласно Дарию, «плохие» (κακοί) являются руководящей силой в государстве.

Несмотря на столь резкое осуждение Дарием демократического строя, он осыпал милостями Отану, выступившего с речью в пользу этого политического направления. Подобное благорасположение со стороны Дария заслужил, очевидно, Отана тем, что он, признав себя побежденным доводами Дария, отказался от соперничества из-за царской власти. Мегабиз же, будучи также побежденным, не отказался от борьбы за престол. Геродот (III, 84) отмечает те почетные дары, которые были обязаны персидские цари дарить Отане и всему его потомству[3]. Вообще же заслуживает внимания то обстоятельство, что Геродот подчеркивает в своем повествовании о борьбе персидской знати с магом Гауматой значительность той роли, которую играл в этом событии Отана (III, 68—72 и 83). В дальнейшем своем рассказе Геродот продолжает интересоваться личностью Отаны и его потомков. Он сообщает о нем ряд конкретных данных вплоть до тяжелой болезни, которая его поразила (III, 141, 144, 147, 149). Геродот отмечает высокое положение, которое занимал род Отаны в его время: «Теперь этот дом (т. е. дом Отаны) единственный у персов, который остается всегда свободным и подчиняется лишь настолько, насколько он (этого) хочет, не переступая, однако, законов персов» (III, 83). Подобная осведомленность в деяниях Отаны и положении его рода свидетельствует о том, что Геродот использовал для своего повествования о совещании после убиения мага не только традицию рода Мегабиза, но и традицию, восходившую к дому Отаны. Очевидно, традиция Отаны была включена каким-то образом в историографию острова Самоса, которая была хорошо знакома Геродоту[4]. Дело в том, что Отана стоял во главе персидского войска, которое завоевало Самос после гибели Поликрата (III, 141). Геродот, будучи уроженцем Малой Азии и подданным персидского царя, мог познакомиться с историей дома Отаны и в Малой Азии, так как род

---

[1] О значении устной традиции для Геродота см. В. Бузескул, Введение в историю Греции, 3-е изд., стр. 72.

[2] «История древнего Востока», 3-е изд., 1935 г., II, стр. 127.

[3] Ср. также надписи кирпичей дворца в Сузах, содержавшие наряду с именем Дария еще имя Отаны (И. Пташек, Geschichte der Meder u. Perser, т. II, 1910, стр. 28, прим. 4).

[4] С. Я. Лурье, цит. соч., стр. 11—12.

Отаны имел большие земельные владения в Каппадокии[1]. В среде персидских сановников, пребывавших в Малой Азии, должна была быть живой и во время Геродота традиция о борьбе при дворе Дария трех вышеперечисленных политических направлений. Эта борьба должна была иметь место не только в момент вступления на престол Дария, но и в конце его царствования. Она, несомненно, тогда вспыхнула с новой силой в связи с вопросом о престолонаследии, расколовшим персидскую знать на несколько враждовавших между собой партий. Боровшиеся между собой группировки знати могли рассчитывать путем поддержки того или другого претендента содействовать победе своих политических установок.

Геродот, родившийся незадолго до персидских войн, мог быть, следовательно, осведомленным о борьбе политических партий при дворе Дария.

Поскольку же, как мы выше видели, Геродот настаивал на достоверности речей трех знатных персов о наилучшей форме правления и поскольку все три участника спора являются лицами историческими, а не вымышленными, то я не вижу никакого основания возводить указанные речи полностью к каким-нибудь греческим источникам. Наоборот, я полагаю, что уже на основании данных доводов мы получаем возможность предполагать, что в речах Отаны, Мегабиза и Дария нашла свое отражение борьба трех политических течений, имевшая место в Западном Иране в эпоху Дария I. Борьба тех же политических течений при дворе Дария засвидетельствована, как я полагаю, в одной из надписей самого Дария I, а именно Накширустемской надписи b. Я уже выше указал, что основная ее часть служила апологии его долгого царствования (см. выше, стр. 13). Великий царь пытался, очевидно, оправдать свою единоличную власть перед лицом тех нападок на принцип монархии, которые исходили от некоторых кругов персидской знати. Путем детального анализа Накширустемской надписи b и сопоставления ее отдельных положений с соответствующими аргументами, приводимыми в речах трех знатных персов у Геродота, можно будет выявить ценность исторической традиции, которая была использована отцом истории в повествовании о совещании семи заговорщиков после убиения мага Гауматы. Переходя к анализу надписи Дария I, следует предварительно дать полный ее перевод, который является весьма нелегким ввиду сравнительно плохой сохранности надписи и своеобразного содержания, выделяющего ее среди прочих известных нам древнеперсидских эпиграфических памятников.

Ученый, изучающий в настоящий момент Накширустемскую надпись b, находится в более благоприятном положении, нежели 10 лет назад, когда в 1938 г. названный памятник был впервые издан. Тогда он мог проверить древнеперсидский текст в editio princeps надписи с помощью фотографии, дававшей лишь начало первых 19 его строк. Теперь же он имеет в своем распоряжении древнеперсидский текст, проверенный на основании фотографий, представляющих эпиграфический памятник во всем его объеме[2]. Сопоставление же вавилонского перевода надписи, данного в editio princeps, существенно содействует уточнению интерпретации надписи.

Надпись распадается на 3 части: введение, основная часть и заключение. Вводная часть восхваляет Аурамазду, создавшего совершенными

---

[1] И. Пташек, цит. соч., II, стр. 28 — 29.

[2] Имеется в виду издание транскрипции древнеперсидского текста в исследовании Roland G. Kent, Darius' Naqs-i-Rustam inscription, JNES, IV, 1845, стр. 39 сл. и 232. Автор, являющийся иранистом, пользовался помощью ассириологов при использовании вавилонского перевода надписи. См. также W. Hinz, Altpersischer Wortschatz, Лпц., 1942.

мир и самого царя Дария. Основная часть перечисляет все достоинства единовластия путем как положительных утверждений, так и отрицания за царем каких-нибудь пороков. Настойчивость и пафос апологии царской власти создают в сознании читателя надписи впечатление, что она была составлена самим Дарием. Заключение содержит обращение к людям с требованием оповещать весь мир о доблести и добродетели Дария. Оно сохранилось, как я уже выше сказал, очень плохо.

Введение

[1]Бог великий Аурамазда, который создал это[2] прекрасное (творение), которое видят, который создал благополучие[3] для человека, который мудрость и[4] силу на Дария царя[5] ниспослал.

Основная часть

Говорит Дарий царь[6]: волею Аурамазды такого рода я[7] есмь, что справедливость люблю я, злое не[8] люблю я. Не мое желание, чтобы простолюдин[9] знатного ради злое переносил[10]. Не мое это желание, чтобы знатный простолюдина ради[11] злое переносил. То, что справедливо, это мое[12] желание. Человека лживого не люблю[13] я. Не сердит я[1]. То (чувство), которое в моем [гн]еве[14] возникает, полностью я сдерживаю сердцем[2]. [15](Сердца) собственного полностью властелин я. [16]Человек, который трудится, согласно его достижению[17], так о нем забочусь я. Тот, который свершает [18]преступление, его, согласно преступлению, так[19] наказываю я. Не мое желание, чтобы человек[20] свершал преступление. Не мое это также желание: если[21] он свершает преступление, (чтобы) он не карался. (Если) человек[22], (что-нибудь) против человека скажет, это меня[23], не убеждает. Пока хорошо направляющее[24] объявление[3] удовлетворяется (и) человек что создает[25] или трудится, согласно силам[26] своим,—доволен я, и (это) мое весьма[27] (сильное) желание и сч[ас]тлив я. Такого именно рода[28] мой разум и рассуждение. Когда[29] мной что сделанное ты увидел бы или услышал[30] бы, (будет это) или в общине[4], или в войске[31], (от) это моя (смотри)[5]

---

[1] Соответствует manauviš надписи. Оно является именем прилагательным, восходящим к manah, которое имеет, согласно Herzfeld'у (цит. соч., стр. 241) эквивалент в греч. μένος (ср. лат. mens). К тому же корню восходит и глагол man «думать, мыслить». См. A. Meillet, Grammaire du vieux Perse, 1915, стр. 102. Вышеуказанное греческое слово может означать «силу», «мужество», «ярость», «волю», «дух», «нрав» и т. п. Локализуется μένος у Гомера иной раз в груди («Илиада», V, 125, 513, XIX, 202). Можно поэтому думать, что оно связано с сердцем. Вавилонский текст переводит древнеперсидское слово manauviš выражением ša igaga: «я не (из тех), который гневается». Гнев связан, согласно сумерийскому языку, с сердцем. См. Deimel, Orientalia, (1920, № 2), стр. 28. Поэтому я перевел manauviš словом «сердитый», т. е. «имеющий сердце против кого-нибудь». См. следующее примечание.

[2] Древнеперсидское manaha является инструментальным падежом только что упомянутого слова manah (см. Kent, цит. соч., стр. 45). Оно имеет в вавилонском переводе свое соответствие в лице ina libbija «в моем сердце». Вавилонский писец, следовательно, локализовал manah в сердце.

[3] Kent, Language (XV, 171 и цит. соч., стр. 42) переводит: «(Если) человек что (-нибудь) скажет против человека, то это меня не удовлетворяет, пока он не удовлетворит указу хороших правил». Полагаю, что древнеперсидские слова (h)urdanam ha(n) dugam, интерпретированные мной как «хорошо направляющее объявление», обозначают канон норм права и быта, установленных Дарием I для персидского народа (см. ниже). Поэтому я отношу предложение, включающее два указанных слова, не к предшествующему тексту, подобно Кенту, а к последующему.

[4] Т. е. во время мира.

[5] В вавилонском переводе (строка 20) мы находим слово «смотри».

сила[32] сверх мышления[1] и [разу]ма. Это также[33] моя сила: поскольку мое тело имеет мощь[34], я, как боец, хороший боец. Всегда[35], когда в разуме моем на месте (битвы)[2] приходилось бы усматривать[36], усматриваю ли я (кого-нибудь) мятежником, или не усматриваю[37], (то) как разумом, так рассуждением[38] тогда сперва я взвешиваю тщательно[3], когда[39] я усматриваю (кого-нибудь) мятежником, а также, когда[40] не усматриваю. Мощный я[41] и руками, и ногами. Как всадник[42], хороший всадник я. Как лучник, хороший лучник[43] я и как пеший и как[44] всадник. Как копейщик, я хороший копейщик[45] и как пеший и как всадник. И (это) способности[4], которые[46] Аурамазда н[а ме]ня ниспослал, и их[47] я смог развить волею Аурамазды[48]. То что мной (было) создано, этими способностями я создал[49], которые на меня Аурамазда ниспослал.

Заключение[5]

[50] О подданный, настойчиво возвещай, как велик [51] я и как велики мои способности и как велико[52] мое превосходство! Пусть тебе [лож]ным[6] не[53] покажется то, что твоими ушами (было) [услышано]! То,[54] именно слушай, что [тебе бы]ло сообщено[55]! О подданный, пусть тебе то именно [лож]ным не[56] сделают, что [мной сделано бы]ло[57] На то именно смотри. [написано] ли [оно]. Пусть не[58] [будет то]бой [з]акон [не выполняемым][7].

Только что переведенная надгробная надпись Дария I резко отличается от другой его надгробной надписи, которая уже давно была известна во всем своем объеме, а именно Накширустемской надписи а. Действительно, мы находим в последней, как это полагается в надгробной надписи, глагольные формы не настоящего, а прошедшего времени, так напр.:

---

[1] Словом «мышление» мы передаем древнеперсидское слово, тождественное с уже упомянутым термином manah. В данном случае последний переводится не «сердцем», а термином ṭēmu, означающим «рассудок». Восстановленный же термин uši, который я перевожу «разум» (букв. «оба уха»), сопоставляется в вавилонском тексте со словом ḫissatu «разум». Надлежит отметить, что во вводной части надписи термин xratuš «мудрость» был переведен вавилонским писцом только что названными терминами ṭēmu и ḫissatu. Следовательно, manah и uši вместе соответствуют xratuš «мудрости». Что же касается framānā строки 28 надписи, то я перевожу его термином «рассуждение», «суждение», поскольку тесно связанное с ним слово framātar можно интерпретировать, как «судья» (см. ниже стр. 25 настоящего исследования).

[2] В соответствующем месте вавилонского перевода (строка 22) мы читаем: «в середине битвы».

[3] Написание этого слова не должно вызывать никаких разночтений. Оно на основании всего доступного материала, несомненно, читается afuvāyā. Аргументация моего перевода будет подкреплена, когда ниже будет дана попытка исторической интерпретации этих еще не совсем понятных строк надписи.

[4] Перевод древнеперсидского слова uvnara. Последнее было переведено вавилонским писцом термином luitbarutu. Тот же самый вавилонский термин является соответствием древнеперсидского aruvastam в строках 4, 31, 33 надписи, которое я переводил словом «сила». Указанный вавилонский термин может также быть интерпретирован как «сила». См. R. Kent, JNES, IV, 1945, стр. 232.

[5] Здесь в надписи оставлено пустое пространство шириною в одну строку, очевидно, в целях выделения содержания заключительных строк из предшествующего текста.

[6] Восстанавливаю полуразрушенное в тексте слово как [durux]tam «[лож]ное», по близкому контексту в Бехистунской надписи, IV, 44—45 и 49—50.

[7] Конец этой, а также следующие две последние строки надписи настолько разрушены, что становится весьма трудным делом дать связный их перевод. Опыт такового предлагает Kent (цит. соч., стр. 42), но снабжает его рядом вопросительных знаков. В настоящем исследовании я вынужден поэтому уклониться от использования содержания этих последних строк надписи.

«Волею Аурамазды это те страны, которые я захватил, ... Мне подать они приносили. То, что им мной было сказано, то они делали. Закон мой, ими он выполнялся... Если же ты подумаешь, сколько было тех стран, которыми Дарий царь владел» и т. д.[1].

В противоположность Накширустемской надписи а, содержание изучаемой нами надгробной надписи относится в своей основной части, как мы видели, не к прошлому, а к настоящему. Эта примечательная особенность текста, столь неожиданная в надгробной надписи, которая должна говорить о событиях и действиях прошлого, указывает, очевидно, на то, что основная часть надписи не была первоначально предназначена для гробницы Дария I, а являлась апологией его действий в мире живых людей. Она поэтому не являлась «завещанием», как это предполагал издатель надписи Герцфельд[2], а была введением к тому «хорошо направляющему объявлению», о котором шла речь в строках 23—24 надписи.

«Хорошо направляющее объявление» не было «правом»[3] в узком смысле этого слова, хотя, несомненно, нормы государственного и частного права играли в нем существенную роль. Мы находим в изучаемой нами надписи и определение отношения царя к знати и народу, к лицам, совершившим преступления, к доносчикам и т. д. Очевидно, «хорошо направляющее объявление» использовало достижения законодательной деятельности Дария I. О значении последнего, как законодателя в Египте, нам сообщает Диодор (I,95) и текст на обороте так называемой демотической хроники[4]. Законодательство Дария I, охватывающее его державу во всем объеме, засвидетельствовано рядом его надписей[5]. Вместе с тем в «хорошо направляющее объявление» были включены, наряду с правовыми нормами, и нормы нравственного поведения, как, например, требование сдержанности, и нормы быта, как, например, требование искусства в пользовании луком и копьем.

Согласно нашей надписи, выполнение указанных норм поведения и быта было обязательным не только для подданных, но и для самого царя. Выполнение же подданными всех требований «хорошо направляющего объявления» создавало условия, как мы выше видели, для того, чтобы царь был «доволен» и «счастлив», поскольку это «весьма сильное желание» его» (строки 26—27). Таким образом, изучаемая нами надпись являлась своеобразным договором между царем, с одной стороны, и знатью и народом Персиды—с другой. Представители знати и народа, следующие «хорошо направляющему объявлению», имели полное основание рассчитывать на милость и благорасположение царя. Дарий подобным договором парализовал всякую аргументацию против принципа монархии, которая должна была зародиться в среде персидского общества в результате произвольных действий со стороны Камбиса и мага Гауматы.

Этот своеобразный договор, являвшийся введением к «хорошо направляющему объявлению» Дария, имел в глазах последнего столь большую

---

[1] Строки древнеперсидского текста Накширустемской надписи а 16—17, 19—22, 38—41. Последнее предложение (строки 38—41), столь характерное для надгробной надписи, я даю в переводе А. А. Фреймана, «Восток», 1925, кн. V, стр. 15.

[2] Ук. соч., стр. 190.

[3] «Праву», «закону» соответствует древнеперсидское datam.

[4] См. W. Spiegelberg, Die sogenannte demotische Chronik des Pap. 215 der Bibliothèque Nationale zu Paris nebst den auf der Rückseite des Papyrus stehenden Texten, Лпц., 1914, столбец с оборотной стороны папируса.

[5] Бехистунская надпись, I, 23, надпись Дария Сузы е, 37, Накширустемская надп. а, 21.

значимость, что он решил оторвать его от основного текста своего «объявления» и придать ему характер самостоятельного документа[1]. В конце концов он повелел увековечить его на скале у своей гробницы, желая, очевидно, использовать этот текст и в потустороннем мире в качестве апологии своих деяний. Тем не менее содержание Накширустемской надписи b не было забыто и живыми людьми, поскольку, как мне кажется, последующие цари видели в нем учение, направляющее их к хорошему.

Только при подобном предположении можно объяснить интерес у Александра Македонского и его сподвижников к надгробной надписи Дария. По крайней мере, Страбон упоминает в своем труде, что один из историков походов Александра, Онесикрит из Астипамэи, сохранил перевод «надписи на гробнице Дария». Согласно Страбону, Онесикрит передавал надпись Дария следующим образом: «Другом был я друзьям; всадником и лучником наилучшим я стал; среди охотников я главенствовал; все совершать я был в состоянии» (XV,3,8). Процитированный мной перевод Онесикрита отнюдь не является фантастической передачей надгробной надписи Дария, но передает, правда, в весьма суммарном виде, содержание второй части основного текста изучаемого нами эпиграфического памятника. Действительно, в первом предложении перевода Онесикрита: «другом был я друзьям», мы можем предположительно видеть попытку истолкования рассуждения Накширустемской надписи о том, кого следует рассматривать мятежником или не-мятежником (строки 34—40 текста). Ниже я даже надеюсь найти в переводе Онесикрита подкрепление моей интерпретации указанного рассуждения надписи, полное понимание которого еще до сих пор не было установлено.

Вторую фразу перевода греческого историка: «всадником и лучником наилучшим я стал», можно без затруднения сопоставить с заявлением Дария в его надгробной надписи о том, что он «как всадник, хороший всадник» и «как лучник, хороший лучник» (строки 41—43). Предложение «среди охотников я главенствовал», являющееся третьим в пересказе Онесикрита, находит свое соответствие в утверждении Накширустемской надписи, что Дарий был «как копейщик, хороший копейщик, и как пеший и как всадник» (строки 44—45). Копье, как известно, часто применялось на охоте против львов[2]. Наконец, заключение суммарного пересказа Онесикрита: «все свершать я был в состоянии», является параллелью к заключению основной части Накширустемской надписи о способностях, которые были дарованы Дарию Аурамаздой (строки 45—49),

На основании сопоставления второй половины основной части Накширустемской надписи b с сокращенным пересказом Онесикритом надгробной надписи Дария I мы приходим к несомненному выводу, что последний до некоторой степени передает реальное содержание текста, заинтересовавшего Александра и его окружение. В таком случае приходится признать, что высказывания Дария оставались известными и обращали на себя внимание и после смерти великого царя вплоть до времени походов Александра. Даже после Александра они не были преданы забвению, поскольку они были увековечены, как мы выше видели, в документе основоположения храма селевкидской эпохи (см. выше стр. 13). Тем более они

---

[1] Подобным самостоятельным текстом стало введение к судебнику царя Липит-Иштара (династия Исина). См. Fr. R. Steele, The Lipit-Ishtar Law Code, AJA LI (1947), стр. 159.

[2] Ср., например, известные охотничьи рельефы Ассурбанипала в Британском музее (D. D. Luckenbill, Ancient Records of Assyria a. Babylonia, II, стр. 1022 и 1025).

должны были быть известными представителям персидской знати, современникам Геродота. Последние, наверное, знакомились с положениями Дария о превосходстве единовластия не путем изучения самой надгробной надписи, а на основании чтения копий ее, написанных арамейским шрифтом[1] на папирусе или пергаменте.

Вместе с тем персидская знать в эпоху Геродота могла еще помнить и о той борьбе различных политических течений, в результате которой и родилась апология Дарием монархического правления. Классовая борьба создавала и в древнем Египте своеобразную политическую литературу[2]. Подобную же политическую литературу должна была вызвать к жизни в персидской державе борьба царя, знати и народа во время смут в конце царствования Камбиса. Она, конечно, после окончательной победы Дария I и его монархической установки в конце его правления, продолжала жить только в памяти некоторых представителей персидской знати, потомки которых смогли увековечить ее лишь с помощью гениального греческого историка. Правда, Геродот передавал в своем труде повествования своих персидских осведомителей не слишком точно. Основные идеи его исторического мировоззрения, а также и греческого мышления оказали свое воздействие на передачу своеобразных персидских терминов, созданных политико-религиозной концепцией Западного Ирана во второй половине VI в. до н. э. Тем не менее я полагаю, что можно установить в вышеуказанных трех главах—80, 81 и 82—III книги Геродота отражение положений Накширустемской надпии b, в которой нашла отклик та политическая борьба, которая раздирала Западный Иран в эпоху Дария I.

Я попытаюсь теперь доказать это мое положение об отражении Геродотом содержания Накширустемской надписи b детальным сопоставлением отдельных суждений надписи Дария I с соответствующими высказываниями знатных персов, приведенными Геродотом, а также с некоторыми другими данными, засвидетельствованными в труде «отца истории».

Вводная часть переведенной нами надписи содержит указание на основные достоинства Дария, как царя:

[1] «Бог великий Аурамазда, который создал это[2] прекрасное (творение), которое видят, который создал благополучие[3] для человека, который мудрость и[4] силу на Дария царя[5] ниспослал». Тем самым вводная часть надгробной надписи Дария I опровергала утверждение Отаны, защитника демократии, о том, что наилучший человек, сделавшись царем, терял свои хорошие качества. Действительно, Отана заявил на совещании семи вельмож, низвергнувших мага (Герод., III,80), следующее: «Я решаю, что никому из нас не следует опять стать единодержавцем. Это и не желательно и не хорошо. Вы знаете, сколь далеко доходило своеволие (ὕβρις) Камбиса. Вы также страдали от своеволия мага... Даже лучшего из всех мужей, если бы был облечен этой властью (царя), она (т. е. власть) вывела бы его из свойственного (до тех пор) образа мыслей. Окружающие его блага порождают в нем «своеволие», а «зависть» (φθόνος) свойственна человеку изначала. Имея эти два (порока), он имеет зло во всем его объеме»·

---

[1] Ср. сохранившиеся у могилы Дария остатки надписи на древнеперсидском языке, зафиксированной арамейским алфавитом. См. стр. 13 настоящего исследования. Надо полагать, что и лицо, знакомившее Онесикрита с содержанием надгробной надписи Дария, использовало не сам эпиграфический памятник, а копию с него, написанную арамейским алфавитом.

[2] См. В. В. Струве, История древнего Востока, 1941, стр. 162 сл. Р. И. Рубинштейн работает в настоящее время над исследованием, в котором устанавливаются некоторые моменты аналогии между политической литературой древнего Египта и соответствующей литературой Греции.

В гл. 82 книги III Геродота, в которой приводится речь самого Дария, последний указывает лишь на то, что «не может быть ничего лучше единовластия наилучшего человека», и затем развивает мысль о том, что «своеволие» и «зависть» как раз свойственны олигархии и демократии. Опровержения же положения Отаны о том, что наилучший человек, сделавшись единодержавцем, становится порочным, мы не находим в этой речи, вложенной Геродотом в уста Дария. Зато Дарий сам полемизирует с данным положением Отаны, надо полагать, во вводной части своей надгробной надписи. Он утверждал здесь, как мы выше видели, что Аурамазда создал «благополучие» (šiyātiš)[1] для человека и ниспослал «мудрость» (xraθum) и «силу» (aruvastam) на него, Дария.

Очевидно, состояние «благополучия» человечества стоит в причинной связи с тем, что Аурамазда наделил Дария «мудростью» и «силой». Если Аурамазда дал «благополучие» людям тем, что он облек царя Дария «мудростью» и «силой», то из этого следует, что указанные качества являются свойственными Дарию, ставшему царем. Он был «наилучшим» не только до своего воцарения, но и после того, как получил власть единодержавца. Тем самым опровергалось положение Отаны, что «лучшего из всех мужей, если бы он был облечен этой властью (царя), она (т. е. власть) вывела бы его из свойственного (до тех пор) образа мыслей». Над сознанием царя начинали властвовать, согласно Отане, два порока—«своеволие» и «зависть», которые и порождали все зло, которое он творил. Мы видим, таким образом, в речи, вложенной Геродотом в уста Отаны, указание на два основных порока, специфические для царя, а в надгробной надписи самого Дария утверждение о двух основных положительных качествах, даруемых Аурамаздой царю,—«мудрости» и «силе». Невольно возникает догадка, что эти два порока и эти два положительные качества являются двумя парами соответствующих друг другу противоположностей. Действительно, добродетель «мудрости» может быть рассматриваема как противостоящая пороку «своеволия». Что касается «силы», то вряд ли можно утверждать, что этому положительному качеству следует противопоставить в виде порока «зависть».

Я полагаю, что в данном случае Геродот нашел несоответствующий греческий термин для персидского названия свойственного царю порока под влиянием основной идеи его исторического мировоззрения. Мы знаем, что «одна из основных идей, красной нитью проходящих через весь труд Геродота,—убеждение в «завистливости божества»[2]. Персидский царь, который отождествлялся даже малоазиатскими греками с божеством, представлялся поэтому Геродоту сугубо «завистливым»—и в качестве божества и в качестве человека, ибо «зависть свойственна человеку изначала» (VII,56). Поэтому Геродот и перевел словом «зависть» персидский термин, которым его осведомители обозначали один из двух основных пороков, свойственных царю. Этот порок, приписываемый противниками единодержавия царям, был более точно определен Плутархом в его биографии Артаксеркса (гл. 25). В результате неудачного похода на кадусиев царь стал подозрительным по отношению к выдающимся людям его окружения. «Многих он казнил, поддаваясь чувству раздражения, но большинство из страха.

---

[1] Вавилонский текст дает эквивалент для древнеперсидского šiyātiš—слово dumḳu, обозначающее, как известно, «благо». Из надписи Ксеркса, запрещающей культ дэвов, мы узнаем, что «благополучие» даруется Аурамаздой своим последователям при жизни. Ср. В. И. Абаев, Антидэвовская надпись Ксеркса, строка 47—48 («Иранские языки», т. I, 1945, стр. 135—136).

[2] В. Бузескул, Введение в историю Греции, изд. 2-е, 1904, стр. 67.

Ведь трусость (правителя) в деспотиях вызывает больше всего убийств, мужество же вызывает благожелательность, мягкость и отсутствие подозрительности».

«Трусость», действительно, несовместима с чувством своей «силы». Так, в одной из своих надписей Дарий I заявляет, обращаясь к своему будущему преемнику: «Если так ты думаешь: никакого врага я не хочу бояться, (то) это персидское войско—народ оберегай!»[1]. Оберегая народ—войско, персидский царь сохранял свою «силу», и он поэтому мог никого не бояться. Отсутствие уверенности в «силе», даруемой Аурамаздой законному царю, заставляло мага Гаумату,—по мнению Дария, замышлять убийства. Согласно Бехистунской надписи, народ очень боялся мага, потому что народа много он мог убить, которые раньше Бардию знали. Того ради народ он мог убить: «чтобы меня не узнали, что я не Бардия, сын Кира»[2].

На основании сказанного мы можем сделать вывод, что не столько «зависть», сколько «трусость» или «страх» были тем пороком, который приписывался, наряду со «своеволием», персидскими противниками монархического правления любому царю. Царь же Дарий опровергал их во вводной части своей надгробной надписи утверждением, что Аурамазда одарял царя «мудростью», спасавшей его от «своеволия», и «силой», спасавшей от «трусости».

Переходя теперь к анализу основной части Накширустемской надписи b, мы попытаемся и здесь доказать, что каждое из его положений является опровержением тех нападок, которые делались персидскими «монархомахами», подобно Отане. Так, первое из положений Дария: «справедливость люблю я, зло не люблю я» (строки 7—8), является ответом на утверждение Отаны о безответственности действий царя. В своей речи (Герод., III, 80) Отана ставит риторический вопрос: «Каким же образом может быть единовластие правлением целесообразным для блага, коль скоро (царю), свободному от какой-либо ответственности, дозволяется делать все, что угодно» (III, 80,4).

Как бы отвечая на это оскорбительное для единодержавца утверждение, Дарий заявляет, что его действия не безответственны и что он не поступает так, как ему угодно, ибо «справедливость он любит, зло он не любит»[3]. В своей большой Бехистунской надписи Дарий подчеркивал также, что он в своих действиях воздерживался от произвола и насилия. «Этого ради Аурамазда помощь принес (мне) и другие боги, которые существуют, потому что не злым был я, не сторонником лжи был я, не насильником был я»[4].

Очень существенным для настоящего исследования является содержание второго положения основной части изучаемой нами надписи. Здесь Дарий указывал на то, что он не допускал насилия ни со стороны знати,

---

[1] Персидская надпись е Дария I, строки 19—22.

[2] Столб. I, строки 51—53.

[3] Герцфельд (Archaelog. History of Iran, 1935, стр. 43) сопоставил эти слова Дария I со словами 8-го стиха 45-го псалма, обращенными к некоему царю: «ты любишь справедливость и ненавидишь зло».

[4] Столб. IV, строки 62—64. Любопытно отметить, что о произволе царей древнего Ирана говорит и современный учебник на персидском языке «Краткая история Ирана». Он частично использован Е.Э.Бертельсом в его «Учебнике персидского языка». Интересующее нас место напечатано здесь на стр. 251. Оно гласит в моем переводе: «В древние времена, то-есть в государствах до Ислама, цари Ирана были полными обладателями власти, то-есть всякое дело, которое они пожелали, они выполняли, и они не были вынуждены со стороны закона действовать определенным образом, и если они свершали плохое дело, то никто не имел смелости им сказать: «зачем вы так поступили?»

ни со стороны народа: «Не мое желание, чтобы простолюдин знатного ради злое переносил. Не мое это желание, чтобы знатный простолюдина ради злое переносил» (Строки 8—11). Это заявление Дария о защите народа от насилия знати и о защите знати от насилия народа совпадает полностью с установкой Солона, который похвалялся тем, что он прикрывал своим крепким щитом и знать и народ и не давал возможности несправедливо одержать победу ни той, ни другой стороне. Очевидно, Дарий, подобно Солону, стремился защитить народ от хищнической эксплоатации знати[1], но вместе с тем оберегал и влияние и богатства племенной знати персидских оседлых племен от посягательства со стороны народа, организованного в боевые отряды стойкой пехоты[2].

Слова Дария в Накширустемской надписи о защите им народа должны были парализовать утверждение сторонников олигархии, подобно Мегабизу, второму из участников диспута, о всеобщем благополучии государства при правлении «лучших мужей» (Герод., III,81,3). Поэтому эти подлинные слова Дария перекликаются с речью, вложенной Геродотом (III,82) в уста Дария с целью опровержения установки Мегабиза о превосходстве олигархии, поскольку «лучшим людям, естественно, принадлежат и лучшие решения» (Герод., III,81,4). Согласно Геродоту, Дарий указывал, что при олигархии между отдельными представителями ее возникают часто ожесточенные распри, заканчивающиеся кровопролитием.

Мы выше видели, что введение к Накширустемской надписи отмечало «благополучие» людей, созданное, правда, Аурамаздой, но, очевидно, через посредство «мудрости» и «силы» царя Дария. Действительно, в своей надписи Сузы е, восстановленной в 1937 г. из четырех разрозненных фрагментов[3], Дарий подчеркивает свою исключительную роль как творца мира для народов своей державы. Он повествует здесь о том, что «страны (были в восстании), один другого побивал. Этого я достиг волею Аурамазды, что один другого не поражает, но на (своем) месте каждый пребывает»[4]. Во время восстаний, вызванных честолюбивыми замыслами знатных правителей областей, в особенности страдал народ, и поэтому за только что приведенными словами следует утверждение Дария о том, что он защитил народ, подчинив знать своему закону: «(Что касается) закона моего, (то) его они боятся, так что сильный[5] простолюдина[6] не поражает и не притесняет»[7].

Поэтому Геродот или, вернее, его персидский осведомитель был вполне прав, когда он вкладывал в уста Дария опровержение положения Мегабиза о превосходстве олигархического строя указанием на смуты при олигархии и указанием на благополучие народа при царе, ибо, «руково-

---

[1] Положение о том, что социальная политика Дария I была направлена отчасти на защиту народа-войска, доказал В. О. Тюрин в своей кандидатской диссертации «Внутренняя политика Дария I» (Ленинград, 1941). К сожалению, это ценное исследование еще до сих пор не напечатано.

[2] Храбрость персидской пехоты в битве при Платеях подчеркивает Геродот (IX,71). Засвидетельствованная Дарием защита положения знати объяснит нам внутренний смысл восстания в Маргиане, имевшего место в самом начале правления Дария.

[3] F. H. Weissbach, Die dreisprachige Inschrift Darius Susa e, ZA, 44, 1938, стр. 150 сл.

[4] Строки 32—37 надписи из Суз. К интерпретации конца приведенного отрывка см. W. Hinz, Altpersischer Wortschatz, Лпц., 1942, стр. 74, под словом či[na].

[5] «Сильный», «мощный», конечно, в социальном отношении.

[6] Тот же самый термин, что и в Накширустемской надписи b.

[7] Строки 37—41 надписи из Суз.

димый лучшими намерениями, он будет народом[1] безупречно управлять»[2].

В разбираемом нами втором положении основной части Накширустемской надписи b Дарий подчеркивает, что он был справедлив не только по отношению к простому народу, но и по отношению к знати. Он не допускал, чтобы последняя терпела обиды со стороны народа. Тем самым Дарий пытается выявить преимущество монархии перед демократией, так как при полном господстве народа, казалось бы, права знати должны потерпеть ущерб. Правда, Отана, согласно Геродоту, отвергал подобную возможность указанием на то, что «в народе содержится все» (III, 80,11), но второй из персидских «монархомахов» Геродота Мегабиз с чрезвычайной резкостью обрушивается на аргументацию Отаны. Таким образом, слова Дария в его надгробной надписи: «не мое это желание, чтобы знатный простолюдина ради злое переносил» находят свой комментарий в критике демократического строя, вложенной в уста Мегабиза: «Нет ничего более неразумного и своевольного, чем негодная толпа. Совсем невозможно, чтобы люди, избегающие своеволия единодержавца, отдались бы своеволию разнузданного народа»[3].

Слова столь непримиримой ненависти к демократии, уместные в устах аристократа Феогнида, были вряд ли уместны в устах поклонника Перикла Геродота[4], если бы его речи трех знатных персов являлись свойственным софистам вымышленным диспутом о преимуществах демократии, олигархии и монархии. Поэтому я и полагаю, что в страстных словах Мегабиза, дышащих столь жестокой злобой к народу, нашла свое отражение острая ненависть персидской знати к народу-войску племен Ирана. Учитывая подобное настроение окружающей его знати, Дарий подчеркивал не только в своей гробничной надписи, но и на Бехистунской скале, что он был в одинаковой степени справедливым и по отношению к знати, как и по отношению к народу, являвшемуся военной опорой персидской державы: «Ни над простолюдином[5], ни над знатным[6] я не совершал насилия»[7]. Будучи справедливым или, вернее, полагая быть справедливым по отношению к народу и по отношению к знати, Дарий стал называть себя «framataram» («судьей», «законодателем»)[8]. Так, в начале Накширустемской надписи а мы читаем: «Бог великий Аурамазда, который эту землю создал, который то небо создал, который человека создал, который благополучие создал для человека, который Дария царем сделал, единым

---

[1] Букв. «толпой».

[2] Герод., III, 82, 3. То, чего мог ожидать народ в рабовладельческом обществе при победе олигархии, нам ярче всего представляет требование Феогнида, аристократа из Мегары: «Наступи ногой на бессмысленную чернь, бей ее острым бодцом, надень ей на шею тяжелое ярмо». См. И. М. Тронский, История античной литературы, 1946, стр. 81.

[3] Герод., III, 81, 1—2. Вся речь дышит злобой против власти народа.

[4] Ср. восхваление демократии Геродотом в главе 78 книги V. Ср. С. Я. Лурье, Геродот, стр. 60.

[5] Слово теперь читается škauθim (см. W. Hinz, Altpers. Wortschatz, стр. 128). Надо полагать, что оно тожественно по существу со škaθim надписи Дария Сузы e и skauθaiš и skauθiš Накширустемской надписи b, 8—9 и 10.

[6] Тожественно со словом, которое мы имеем в разбираемых строках надгробной надписи Дария I.

[7] Столб. I, строка 65. Затем следует указание, что он всех награждал и карал по заслугам. Об этом см. ниже.

[8] К интерпретации термина см. Herzfeld, Altpers. Inschriften, стр. 150 сл.

над многими царем, единого над многими судьей»[1]. Возможно, что в содержание только что приведенного древнеперсидского термина входит и понятие «примирителя» διαλλακτής), каковым являлся Солон (Аристт., Аф. пол., V).

Утверждение Дария, содержащееся в строках 11—13 разбираемой нами надписи, является опровержением положения Отаны о благожелательности царя к самым плохим из граждан: «Он (т. е. единодержавец) завидует благополучию и жизни наилучших, но оказывает благорасположение наихудшим из граждан» (Герод., III, 80,7). Как бы ответом на это заявление Отаны звучат слова Дария, увековеченные в указанных строках его надгробной надписи: «То, что справедливо, это мое желание, человека лживого не люблю я». «Лжец» же для древних персов был наихудшим человеком, и с детства они приучались к правдивости (Герод., I, 136). В большой Бехистунской надписи Дарий призывал своего будущего преемника со всей суровостью расправляться со «сторонником лжи»: «Ты, который царем впоследствии будешь, (то) человек, который лживым будет или который насильником будет, им недругом будь и сурово их карай»[2].

Существенное значение для решения поставленной перед нами проблемы имеет содержание следующих (13—15) строк надгробной надписи Дария I. Здесь царь заявляет о себе: «Не сердит я (т. е. не имею сердца я). То (чувство), которое в моем [гн]еве возникает, полностью сдерживаю сердцем. (Сердца) собственного полностью властелин я». Этими словами Дарий отвергал для себя возможность сделаться виновником тех жестокостей, которые были совершены «своеволием» Камбиса, не сдерживавшего порывы своего «сердца», т. е. гнева. Отана указывал, как мы уже выше видели (строка 25), на совещании семи персидских вельмож, низвергнувших мага: «Вы знаете, сколь далеко доходило своеволие Камбиса. Вы также страдали и от своеволия мага» (Герод., III, 80,3). Геродот указывал на ряд жестокостей Камбиса, который «собственного сердца не был властелином»[3]. На немотивированную жестокость «своеволия» деспота указывает, по моему мнению, и Бехистунская надпись в своем повествовании об убиении Бардии: «У Камбиса брат, Бардия по имени, был от той же матери и того же отца, что и у Камбиса. Затем Камбис того Бардию убил» (столб. I, строки 29—31). У читателя надписи создается впечатление, что Бардия погиб от руки брата без вины со своей стороны. Та же Бехистунская надпись указывала на произвол мага Гауматы, когда она рассказывала о том, что народ боялся казней со стороны мага в целях предотвращения его разоблачения»[4].

Надо полагать, что Дарий утверждением о власти над своими страстями стремился также выявить и одно из преимуществ монархии перед демократией. По крайней мере, Мегабиз в своей уничтожающей критике демократии указывал на то, что народ «берется опрометчиво и без разума за решение дел, подобно горному потоку» (Герод., III, 81,3). Дарий же подчеркивал в документе, им самим составленном: «То чувство, которое в моем гневе возникает, полностью я сдерживаю сердцем. Сердца собственного полностью властелин я».

---

[1] Строки 1—8 надписи. Это введение мы находим в надписи Дария I о сооружении дворца в Сузах, строки 1—5 (см. В. М. Абаев, «Иранские языки», I, стр. 128), в надписи его на горе Эльвенд, к юго-западу от Хамадана, и, наконец, в реставрированной надписи Сузы е. Оно было воспринято надписями преемников Дария I—Ксеркса и Артаксеркса III.

[2] Столб. IV, 67—79 Бехистунской надписи.

[3] Герод., III, 30, 31, 32, 36, 74, 75.

[4] Столб. I, строки 50—53. См. выше стр. 23 настоящего исследования.

Вслед за этими словами надгробная надпись Дария I заявляла о том, что царь воздавал всякому по заслугам его: «Человек, который трудится, согласно его достижению, так о нем забочусь я. Тот, который совершает преступление, его, согласно преступлению, так наказываю я. Не мое желание, чтобы человек свершал преступление. Не мое это также желание, если он свершает преступление, чтобы он не карался» (строки 16—21). Утверждение Дария о воздаянии всякому по его заслугам является опровержением выдвинутого Отаной обвинения в том, что деспот казнит людей без суда. Правда, данное обвинение Отаны было включено Геродотом в контекст, который не находит полностью своего отражения в Накширустемской надписи: «он (т. е. деспот) потрясает обычаи, восходящие ко времени предков, насилует женщин и казнит людей без суда» (Герод., III, 80, 9).

Действительно, Дарий не касается в своей надписи обвинения в преступлениях против женщин, хотя подобные преступления приписывались царям и древневосточной традицией. Из древних текстов пирамид мы узнаем, что царь Египта мог похищать жен у их мужей (Унаса, 612), благочестивый Давид включил в свой гарем жену верного ему военачальника Урии (II Самуила, 2), а преемник Дария Ксеркс не останавливался перед тем, чтобы покушаться на жен своих родственников (Герод., IX, 108—183). Что же касается Дария, то он, согласно традиции, не обвинялся в подобных преступлениях. Не обвинялись в них и его предшественники: Камбис и Кир. Поэтому, вероятно, при жизни Дария не фигурировали среди обвинений, возводимых на царя, обвинения в насилии над женщинами, и Дарий таким образом не имел основания их отвергать. Подобного рода нападки были, очевидно, включены в аргументацию против идеи единодержавия осведомителями Геродота, знакомыми с нравами и бытом персидского царского двора преемников Дария I.

Что же касается двух других обвинений, предъявленных единодержавцу Отаной, наряду с обвинением в насилии над женщинами, я полагаю, что содержание только что процитированных положений надписи Дария их опровергает. Действительно, первым из них был, как мы выше видели, упрек в том, что деспот «нарушает обычаи предков», а одним из таких наиболее установившихся обычаев у персов считалась обязанность царя награждать щедро того человека, который оказал услугу царю. Подобное лицо становилось «благодетелем царя» (Герод., VIII, 85). Они осыпались Дарием почестями за доблесть, проявленную на службе царю (Герод., VIII, 155). Даже сравнительно небольшие услуги самым щедрым образом награждались Дарием[1]. Поэтому Дарий имел право в своей надгробной надписи утверждать, что о человеке, который трудился, он заботился согласно его достижениям. То же положение высказал Дарий и в большой Бехистунской надписи: «муж, который помогал моему дому, его я награждал»[2].

Так же, как и в Накширустемской надписи, Дарий отмечал непосредственно за этим утверждением о награждении хорошего человека и положение о том, что он сурово наказывал злоумышленника: «Тот, который свершал преступления»[3], его строго наказывал я[4]. Дарий умел столь же жестоко наказывать, как и цари Ассирии. Нельзя без ужаса и содрогания

---

[1] Герод., III, 140. Здесь Дарий указывает на то, что и за незначительный подарок благодарность его должна быть такой же, как за полученный ценный дар.

[2] Столб. IV, строки 65—66. Ср. также столб. I, строки 21—22.

[3] Тот же глагол, что и в строках 18, 20 и 21 Накширустемской надписи.

[4] Столб. IV, строки 66—67. Ср. также столб. I, строка 22.

читать описание той мучительной казни, которой он подверг Фравартиша, вождя восставших мидян[1], и Чиссатахму, вождя восставших сагартиев[2]. Дарий и не претендовал на добродетель всепрощения и христианской любви к своему врагу. В самой же надгробный надписи, как мы выше видели, Дарий заявлял: «Не мое желание, чтобы человек свершал преступление. Не мое это также желание: если он свершает преступление, чтобы он не карался». Он только настаивал на том, что все те лица, которых он карал, несли свои наказания за вполне определенные и установленные преступления по отношению к нему. Он их не «казнил без суда», как утверждали противники единовластия, и поэтому Дарий не боялся гласности. Вышеупомянутых Фравартиша и Чиссатахму он велел держать после их ослепления и нанесения им других телесных увечий связанными у своих ворот, так, что «весь народ видел их»[3].

Тесно связано с обвинением в казни невинных людей обвинение, высказанное Отаной, что деспот «весьма охотно внимает клевете» (Герод., III, 80,7). Поэтому Дарий, тотчас же после заявления о наказании им одних лишь преступников, заверяет в Накширустемской надписи о своем недоверии к клевете: «Если человек что-нибудь против человека скажет, это меня не убеждает» (строки 21—23). Надо полагать, что осуждение клеветы в речи, вложенной Геродотом в уста брата Дария Артабана, восходит отчасти к одному из персидских осведомителей греческого историка[4]. Казнь деспотом невинных людей и его доверие клеветникам было обусловлено тем, что, говоря словами Отаны: «Ему из всех людей наиболее трудно угодить, ибо если ты им умеренно восхищаешься, то он недоволен тем, что ты его недостаточно почитаешь. Если же кто-либо его чрезмерно почитает, то он недоволен им, как льстецом» (Герод., III, 80,8). Очевидно, это обвинение в невозможности удовлетворить желания своевольного деспота и имел в виду Дарий, когда он в строках 23—27 своей надгробной надписи заявлял: «Пока хорошо направляющее объявление»[5] удовлетворяется и человек (что-нибудь) создает или трудится, согласно силам своим,—доволен я, и (это) мое весьма (сильнсе) желание и счастлив я». Данными словами Дарий отражал нападки Отаны о полном произволе устремлений и порывов деспота. Действительно, коль скоро имеется перед лицом народа «хорошо направляющее объявление» самого Дария, то народ получал тем самым четкое указание, каким образом он мог удовлетворить желания царя. Выполняя требования «объявления», они угождали царю, и последний был «доволен». Только что приведенным мной требованием Дария о выполнении «хорошо направляющего объявления» исчерпываются положения Накширустемской надписи, являвшиеся опровержением тех обвинений, нападок и упреков, которые были высказываемы персидскими противниками идеи единовластия. Дарий поэтому здесь решил несколько подытожить содержание предшествующих строк надписи, снова указав на свойственные ему качества, которые и лишали, очевидно, обвинения противников единодержавия какого-либо основания: «Такого именно рода мой разум и рассуждение. Когда мной что сделанное ты увидел бы, или услышал бы, (будет это) или в общине, или в войске, (то) это моя (смотри) сила сверх мышления и [разу]ма» (строки 27—32).

---

[1] Бехистунская надпись, столб. II, строки 73—78.
[2] Там же, столб. II, строки 88—91.
[3] Бехистунская надпись, столб. II, строки 75—76 и 90.
[4] Герод., VII, 10. Речь Артабана была сказана на совещании у Ксеркса, посвященном походу на Грецию.
[5] Или «распоряжение», «указ» и т. п.

Введение изучаемой надписи указывало, что основными качествами царя Дария, дарованными ему Аурамаздой, были «мудрость» и «сила». В этих же только что приведенных строках основной части надписи «мудрость» заменена «разумом», «рассуждением» и «мышлением». Царь «разумный», «рассудительный» и «мыслящий» мог до некоторой степени побороть один из основных пороков, приписываемых персидскими «монархомахами» царю, а именно «своеволие», или «произвол». Все же он мог окончательно преодолеть указанный порок лишь при наличии «силы», которой он обладал волею Аурамазды «сверх мышления и разума». Действительно, слабый царь должен был быть рабом второго порока, свойственного, по мнению противников единовластия, царю, а именно «трусости», или «страха». Из чувства трусости мог слабый царь, даже будучи мудрым, стать виновником таких преступлений, которые свершал другой деспот, следуя слепо любому побуждению своего произвола. Поэтому Дарий и указывал, что все содеянное им во время мира и во время войны было обусловлено не только его «разумом» и «рассуждением,» т. е. «мудростью», но также и его «силой».

За этими словами Дария, выявляющими основу утвержденных выше его добродетелей, начинается та часть Накширустемской надписи, (строки 32—40) которая была, как мы выше видели (строки 20—21), переведена, хотя и весьма суммарно, Онесикритом. Состоит она по существу из двух сравнительно весьма развернутых положений. Несмотря на это, первое из них не нашло еще четкой и ясной интерпретации. Оно начинается с указания на значение «силы» Дария: «Это также моя сила: поскольку мое тело имеет мощь, я, как боец, хороший боец. Всегда, когда в разуме (моем) на месте (битвы) приходилось бы усматривать, усматриваю ли я (кого-нибудь) мятежником или не усматриваю, (то) как разумом, так и рассуждением, тогда сперва я взвешиваю тщательно, когда я усматриваю (кого-нибудь) мятежником, а также когда не усматриваю» (строки 32—40).

Дарий, одаренный «силой», принимал непосредственное участие в войнах, которые он вел. Будучи «хорошим бойцом», сильным и не знавшим страха, Дарий мог решить в условиях сражения и войны ответственный и сложный вопрос о том, кого из лиц, оказавшихся враждебными ему в данный момент, считать подлинными мятежниками и кого заслуживающими снисхождения. Он, обладавший силой, мог решить этот вопрос «разумом» и «рассуждением», не затемненными страхом и трусостью[1].

Дарий, поставив подобный вопрос и решая его, отнюдь не объявлял себя тем самым сторонником непротивления злу в духе христианского мировоззрения, как предполагал издатель надписи Герцфельд[2]. Мы ведь выше

---

[1] Я полагаю, что утверждение Дария о том, что он, поскольку тело его имело мощь, как боец был хорошим бойцом, входило как органическая часть в разбираемое мной развернутое положение, заканчивающееся на 40 строке надписи. По мнению же Herzfeld'a (Altpersische Inschriften, стр. 12 сл.), указанное утверждение не имеет никакого отношения к последующему тексту (строки 34—40 надписи). Он полагает, что последний содержал положение, которое должно было войти в состав первой половины основной части надписи, но было забыто и было впоследствии включено в несоответствующий контекст. Предположение немецкого исследователя мне кажется маловероятным. Действительно, перед нами ведь не черновой набросок текста, а надпись, высеченная на камне. Здесь, наверное, было уже все заранее взвешено и продумано автором текста—Дарием.

[2] В своем труде «Altpersische Inschriften», стр. 244 он полагает, что для интерпретации строк 35—40 следует привлечь слова стиха 13 главы 13 первого послания к коринфянам: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь, но любовь из них больше». Слова «но любовь из них больше» являются, по мнению Герцфельда, ключом к пониманию столь темного содержания указанных строк надгробной надписи Дария. Герцфельд включил в число сторонников непротивления злу и Заратуштру, установив

видели, что в строках 17—21 той же надгробной надписи Дарий утверждал о себе, что «тот, который свершает преступление, его, согласно преступлению, так наказываю я. Не мое желание, чтоб человек свершал преступление. Не мое это также желание: если он свершает преступление, чтобы он не карался». Я выше привел несколько примеров свирепости, которая была проявлена Дарием по отношению к лицам, свершившим преступление против него. Если Герцфельд, несмотря на данные факты, все же решился представить себе персидского царя проповедником христианской любви к врагу своему, то это было обусловлено неправильным чтением одного из слов строки 38, решающего для понимания интересующего его текста. Это слово он читал «aruvaϑā»[1], интерпретируемое им как «любовь», «милость», и переводил таким образом соответствующее предложение «тогда я думаю «сперва любовь»[2]. Американский иранист Кент предложил для указанного слова надписи Дария иное чтение, а именно «aruvāyā», в котором он видел инструментальный падеж имени прилагательного женского рода «aruva», использованного здесь в качестве имени существительного. С помощью авестийского словаря Кент установил для него значение «действие», «деятельность» (JNES IV, 52). Поэтому он перевел соответствующее место надписи следующим образом: «я первый обдумываю с действием, если я вижу мятежника, также если я вижу не мятежника» (там же, стр. 42). По мнению американского ираниста, Дарий хотел этими словами сказать о себе, что он превращал мысль в действие раньше, чем другой человек, будь это враг, или будь это друг, мог превратить свою мысль в действие (там же, стр. 50). Но Кент не дал более приемлемую интерпретацию этого темного текста, нежели Герцфельд. Неприемлемость ее обусловлена уже одним тем обстоятельством, что чтение «aruvāyā» также не соответствует подлинному написанию слова на самой скале. Действительно, на основании всего доступного нам материала оно с полной несомненностью читается «afuvāyā»[3]. Я готов определить слово как имя прилагательное женского рода «afuva». Оно поставлено в инструментальном падеже и имеет, вероятно, значение имени существительного[4]. Среди дошедшего до нас лексического материала языков древнего Ирана исследователи не могли пока установить какого-либо возможного соответствия для «afuvāyā» надгробной надписи Дария. Конечно, из этого факта еще отнюдь не следует, чтобы фонетический облик данного слова был невозможным с точки зрения закономерностей

своей интерпретацией в гатах, Ясна 44, 11—12 ту же мысль о любви к врагу. Он даже готов предположить (цит. соч., стр. 188), что данные слова Заратуштры нашли свое отражение в разбираемом положении его ученика Дария. Может быть, и существует некоторая близость между Ясна 44, 11—12 и Накширустемской надписью b, 35—40 (см. ниже). Вместе с тем придется отвергнуть и интерпретацию Герцфельдом обоих названных текстов, а также и предположение его о столь большой близости Заратуштры и Дария.

[1] Ук. соч., стр. 293 сл.

[2] Герцфельд полагал (цит. соч., стр. 10), что Дарий передавал непосредственно прямой речью содержание своей мысли. Полностью мысль Дария передавалась в переводе Герцфельда следующими словами: «тогда я думаю: «перед разумом и суждением сперва любовь».

[3] Сам Кент (цит. соч., стр. 44) и Герцфельд (цит. соч., стр. 293) указывают на то, что afuvāyā является единственным возможным чтением интересующей нас группы древнеперсидских клинописных знаков. Еще в 1911 г. Вейсбах указывал на основании фотографии на чтение afuvaϑa (Keilinschriften der Achaemeniden, стр. 93). Герцфельд и Кент предлагали свои исправления подлинного чтения слова, потому что не могли найти в дошедшем до нас иранском материале подходящего соответствия.

[4] W. Hinz, Altpersischer Wortschatz, стр. 44, видит в слове имя существительное женского рода в именительном падеже.

иранских языков. Несомненно, ведь лишь часть словарной сокровищницы древнего Ирана сохранилась вплоть до наших дней. Тем не менее на данном уровне наших знаний древнеиранской лексики мы вынуждены определить значение слова «aſuvāyā» лишь уяснением и уточнением содержания всего окружающего контекста. Последняя же задача может быть решена лишь путем сопоставления разбираемых нами строк 32—40 Накширустемской надписи с соответствующими параллельными текстами. Таковыми могут быть, конечно, лишь тексты, в которых мы с большой долей вероятности можем найти подлинные нормы быта и нравственного поведения общества Западного Ирана эпохи Дария I[1].

Мы уже выше говорили о содержании строк 32—40 Накширустемской надписи в том смысле, что Дарий, будучи сильным, бесстрашным бойцом, мог в условиях войны решить нелегкий вопрос, кого же из лиц, оказавшихся в рядах его врагов, он должен был считать подлинными мятежниками, а кого из них он мог рассматривать достойными пощады. «Сила» Дария устраняла страх, который парализовал разум и рассуждение иного слабого царя. При такой интерпретации указанных строк надгробной надписи Дария может быть привлечена в качестве разъяснительного параллельного текста к ним одна из глав того раздела исторического труда Геродота, в котором было дано описание нравов и обычаев персов (I, 131—140). Геродот причисляет к тем обычаям персов, которые заслуживают одобрения, и тот обычай, согласно которому «ни царь сам не казнит никого за одну провинность, ни кто-нибудь другой из персов не предает смерти никого из своих рабов, провинившихся лишь один раз. Только после тщательного размышления и если он установит, что совершенные преступления более многочисленны и более значительны, нежели оказанные услуги, лишь тогда перс дает волю своему гневу» (I, 137, 2).

Только что описанный обычай персов, которому подчинялись и царь и его подданные, являлся, несомненно, обоснованием той нормы поведения, которой подчинялся, согласно Накширустемской надписи b, 32—40, Дарий I. Действительно, и общий для всех персов обычай и надгробная надпись Дария требовали тщательного обсуждения при решении вопроса, кого следует рассматривать подлинным врагом и кого не следует рассматривать таковым. Дарий подчинялся данному требованию своего нравственного кодекса не только на словах, но и в своей деятельности. Так, Геродот рассказывает о следующем решении, которое принял Дарий относительно правителя эолийской Кумы Сандокеса в связи со свершенным им преступлением. Сандокес, сын Фамаспы, «будучи одним из царских судей, постановил за деньги несправедливый приговор». За подобный проступок велел Дарий виновного распять. «Сандокес уже висел на кресте, когда Дарий после тщательного размышления установил, что заслуги его по отношению к дому царя более многочисленны, чем его преступления. Установив же это и осознав, что он поступил скорее поспешно, нежели мудро, Дарий велел его помиловать»[2].

Другой прекрасной иллюстрацией к положению Дария в строках 32—40 его надгробной надписи является повествование Геродота о гибели Гистиэя, правителя Милета, оказавшего весьма значительную услугу Дарию во время похода на скифов, а затем поднявшего ионян против персидской державы. В Малене, лежащей в атернейской земле, Гистиэй потерпел поражение от персов, и, надеясь на то, что Дарий не казнит его за со-

---

[1] Конечно, искать параллели в евангельских текстах не приходится.

[2] Герод., VII, 194. Следует отметить, что терминология этой главы совпадает отчасти с терминологией вышеприведенной 137 главы I книги.

деянную вину, он отдался живым в руки победителей (Герод., VI, 99). Геродот сам полагал, что надежда Гистиэя на милость со стороны Дария была вполне обоснована: «Если бы после своего пленения он (т. е. Гистиэй) был доставлен к царю Дарию, то он, как мне кажется, не претерпел бы никакого зла и он (т. е. Дарий) простил бы ему вину» (Герод., VI, 30, 1). Дарий простил бы Гистиэя, так как «сила» царя сохраняла его «мудрость» от трусости и вызывала в памяти подвиг Гистиэя, спасший его и персидское войско при их отступлении из степей черноморских скифов. У военачальников Дария «силы» не было и они боялись Гистиэя, который мог снова приобрести влияние у царя. Поэтому наместник Сард Артафернес и военачальник Гарпаг, захвативший в плен Гистиэя, велели его казнить, а забальзамированную его голову отослать Дарию в Сузы (Герод., VI, 30,2). Последний, получив столь жуткий «дар» от своих военачальников, не забыл о том, что «мятежник» Гистиэй был когда-то его «благодетелем». Геродот сообщает о том, что «Дарий выразил порицание тем, которые так поступили и не доставили его (Гистиэя) живым перед его (Дария) очи. Он приказал обмыть голову Гистиэя и, придав ей хороший вид, похоронить, так как он был мужем, который оказал ему самому и персам большие благодеяния» (Герод., VI, 30,9).

Подобные действия засвидетельствованы нам и со стороны преемников Дария I, и это также говорит в пользу моего толкования строк 32—40 Накширустемской надписи. Мое понимание указанного текста находит свое подтверждение, как я полагаю, и в выше (стр. 20) приведенном резюме его, составленном Онесикритом: «другом был я друзьям». Действительно, если Дарий подчеркивал в гробничной надписи, что он разумом и рассуждением взвешивал вину свершившего преступление, то он, очевидно, стремился определить удельный вес преступления по сравнению с услугами, оказанными его «благодетелем», т. е. другом. Тем самым Дарий являлся, несомненно, подлинным другом для своих друзей.

Осторожность при решении вопроса о степени виновности свершившего проступок входила, кажется, в канон нравственных норм и восточного Ирана. По крайней мере, в стихах 11—12 Ясна 44 мы находим, если можно согласиться с моим переводом, следующий запрос Заратуштры к богу своему: «На всех врагов я смотрю в мыслях моих как на противников. Об этом тебя я спрашиваю, дай мне правильный ответ, о боже! Кто из тех, которые под вопросом, сторонник истины, или кто сторонник лжи? При котором из двух пребывает злой? Или этот, или злой (тот), который, как сторонник лжи, борется против твоей благой силы?»[1].

Очевидно, Заратуштра должен был при решении вопроса о степени виновности преступившего ту или другую заповедь Аурамазды учесть и все прошлые деяния. Заратуштра, в противоположность Дарию, не сам решал этот сложный вопрос, а предоставлял его богу своему.

Мы можем теперь на основании всего вышесказанного считать в достаточной степени уясненным и уточненным содержание строк 32—40 Накширустемской надписи. Остается лишь определить значение слова «afuvāyā» строки 38 надписи, не имеющего соответствия в известном нам лексическом составе языков древнего Ирана. Поэтому я выше (стр. 31) и указал, что мы выявим значение слова «afuvāyā» в результате уяснения и уточнения содержания всего окружающего контекста. Поскольку

---

[1] Ясна, 44, стих 11,5—стих 12,4. Я переводил текст, изданный Chr. Bartolomae, Arische Forschungen, II, стр. 174—175.

последняя задача разрешена, то можно определить семантику «afuvāyā» как обозначение положительного качества «взвешивания» или «обдумывания». Наиболее соответствующим качеством «взвешивания» или «обдумывания» является, по моему разумению, в данном контексте «тщательность». Данное значение я и присвоил слову «afuvāyā» в моем вышеприведенном переводе надгробной надписи Дария.

Заканчивая исследование, посвященное интерпретации строк 32—40 Накширустемской надписи b, можно повторить данный нами перевод этого наиболее трудного для понимания отрезка изучаемого нами эпиграфического памятника. «Это также моя сила: поскольку мое тело имеет мощь, я, как боец, хороший боец. Всегда, когда в разуме (моем) на месте (битвы) приходилось бы усматривать, усматриваю ли я (кого-нибудь) мятежником, или не усматриваю, (то) как разумом, так и рассуждением тогда сперва я взвешиваю тщательно, когда я усматриваю (кого-нибудь) мятежником, а также, когда не усматриваю».

«Сила» Дария создала условия для того, чтобы «разум» и «рассуждение» дали правильный ответ на вопрос о степени виновности человека, вступившего на путь борьбы с Дарием. «Сила» же последнего породила и те воинские доблести, описанием которых заканчивается центральная часть Накширустемской надписи b, утверждающая за великим царем все те положительные качества, которые необходимы были для единовластного правителя мировой державы.

Описанию преимуществ Дария как воина посвящены строки 40—45 надписи: «Мощный я и руками и ногами. Как всадник, хороший всадник я. Как лучник, хороший лучник я и как пеший и как всадник. Как копейщик я, хороший копейщик и как пеший и как всадник». Содержание этих строк надгробной надписи находит отчасти свое отражение в том описании воспитания персидских юношей, которое мы находим у Геродота: «Начиная с пятилетнего возраста и кончая двадцатилетним, они (т. е. персы) обучают детей только трем предметам—верховой езде, стрельбе из лука и правдивости» (I, 136, 3).

Геродот описывал, конечно, со слов своих персидских осведомителей лишь воспитание, получаемое знатными юношами. В эпоху Геродота знать сражалась лишь в конном строю. Стойкая персидская пехота, рекрутируемая из среды народа, отступала тогда уже на задний план, и ее начинали заменять греческие наемники. В эпоху же Дария I еще сам царь не считал для себя унизительным сражаться в пешем строю. Условия места сражения могли заставить царя оставить колесницу или коня и превратиться в пешего воина, подобно знаменитому ассирийскому царю-воителю Санхерибу в войне с горными племенами между Ванским и Урмийским озерами. Санхериб горделиво заявлял в своих анналах, что там, где путь становился слишком крутым даже для носилок, он их оставлял и продвигался вперед «подобно горному козлу» [1]. Даже еще Артаксеркс II в своем походе на горные племена кадусиев, «неся колчан и с копьем в руке, шел во главе всех, горными и крутыми тропинками, оставив лошадь» [2]. Поэтому Дарий мог изобразить себя на рельефе Бехистунской скалы пешим, а не конным, подобно сассанидским царям.

В противоположность Геродоту, надгробная надпись Дария говорит не только о стрельбе из лука, но и о бое с копьем. Умолчание Геродотом о последнем было обусловлено, я полагаю, тем же вышеуказанным обстоятельством, что осведомителями греческого историка были персы знатного

---

[1] Шестигранная призма Санхериба (издание Fr. Delitzsch, Assyrische Lesestücke, 5, 1912, стр. 62 сл.), столб. III, 75—78.

[2] Плутарх, Артаксеркс, гл. 24, II.

происхождения. Они не упоминали о копье, поскольку оно являлось основным оружием народа-войска, во всяком случае тем оружием, которое решало исход битвы. В Накширустемской надписи а Дарий призывает читателя надписи посмотреть на сопровождающий ее рельеф, на котором изображены представители покоренных народов. «Тогда тебе станет известным: персидского мужа копье[1] далеко проникло вперед. Тогда тебе станет известным: персидский муж далеко от Персии врага[2] победил» (строки 43—47). Дарий сам был, согласно свидетельству Геродота (III,139), копьеносцем Камбиса. Копья имела персидская пехота и в войске Ксеркса (Герод., VII, 40 и 41; ср. также и VII, 61).

Основную часть своей надписи Дарий заканчивает следующими словами: «И (это) способности, которые Аурамазда на меня ниспослал, и их я смог развить волею Аурамазды. То, что мной было создано, этими способностями я создал, которые на меня Аурамазда ниспослал» (строки 45—49). Кент высказал предположение, что значение слова «способности» (uvnarā), следует определить как «физические способности», «мастерства тела»[3], так как вавилонский писец переводил одним и тем же словом, обозначавшим «силу», и древнеперсидское «uvnarā» («способности») и древнеперсидское «aruvastam» («сила»). Я полагаю, что с предположением Кента нельзя согласиться, поскольку в тексте говорится не о «способности», а о «способностях», которые «ниспослал» Аурамазда на Дария. Во вводной же части надписи мы читали, что Аурамазда «ниспослал» на Дария «мудрость» и «силу», и поэтому я, не колеблясь, включаю в понятие древнеперсидского термина «способности» как его составные элементы «мудрость» и «силу», о которых говорит введение изучаемого нами текста. Что же касается вавилонского перевода древнеперсидского термина «uvnarā» («способности») словом «сила», то последнее, очевидно, могло быть применено в поздневавилонском языке не только по отношению к телесным, но и к умственным способностям.

Заключение надписи посвящено призыву Дария к своим подданным, чтобы они «настойчиво возвещали» о его величии и способностях. Оно плохо сохранилось, и его содержание, поскольку можно себе его уяснить, не представляет интереса для решения поставленной перед нами задачи об отражении Геродотом, хотя и не непосредственном, содержания Накширустемской надписи b. Учитывая все вышесказанное, можно считать завершенным детальное сопоставление отдельных суждений названной надписи Дария I с соответствующими высказываниями трех знатных персов, приведенными Геродотом, а также с некоторыми другими данными,

---

[1] Не лук, а именно копье!

[2] Противники Дария названы здесь не «мятежниками», а «врагами», ибо среди противников персидского царя были народы, которые до того были самостоятельными и потеряли свою независимость лишь вследствие покорения их Дарием. «Мятежными» они становились лишь после восстания против Персидской державы, в состав которой они после покорения вошли. Поэтому Кент не прав, когда он заявляет (JNES, IV, 1945, стр. 50), что «для Дария «мятежник» или «враг» были синонимами, ибо для него, получившего милостью Аурамазды власть над всем миром, всякое проявление враждебности являлось мятежным действием и всякий враг являлся мятежником». Бехистунская надпись ведь свидетельствует об ином отношении Дария к Скунхе вождю саков-массагетов, не входивших раньше в состав Персидской державы, нежели к вождям Мидии, Сагартии, Элама и т. д., покоренных еще предшественниками Дария. Вожди этих восставших областей являлись «мятежниками» и были преданы смертной казни. Скунха же был только «врагом» и поэтому не подлежал смертной казни. См. В. Струве, Поход Дария на саков-массагетов, (ИАН, ОИФ, т. III, № 3 (1946), стр. 248—249).

[3] См. JNES, IV, 1945, стр. 42 и 51.

засвидетельствованными в труде «отца истории»[1]. Если согласиться со всей моей аргументацией в пользу возможности сопоставления указаний Геродота с утверждениями надписи Дария, то в таком случае следует признать доказанным положение об отражении в труде Геродота Накширустемской надписи b. Очевидно, Геродот располагал в лице своих осведомителей из среды персидской знати ценным источником для истории Ирана эпохи второй половины VI в. до н. э. Тем самым мы получаем новый и весьма существенный довод в пользу признания за трудом Геродота большой ценности как исторического источника. Конечно, подобное выражение доверия не может быть вынесено по отношению к повествованию Геродота об отделенных от него пропастью веков периодах истории стран Востока. Наше исследование может возбудить доверие лишь к тем разделам труда Геродота, которые в основном посвящены событиям VII—V вв. до н. э. О последних греческие или же персидские и малоазийские осведомители «отца истории» могли иметь сравнительно надежные знания, и он сам умел излагать их в своем труде относительно точно[2].

В конечном итоге можно с полной уверенностью высказать положение, что вопрос о достоверности Геродота для истории Ближнего Востока VII—V вв. получает в результате данного исследования свое новое положительное разрешение.

[1] Этими словами я на стр. 22 настоящего исследования определил путь, который должен был привести меня к решению поставленной задачи.

[2] В противоположность Ктесию, который весьма неточно передавал данные своих осведомителей. См. В. Струве, К истории позднего Египта, ИАН, 1928.

К. Зельин

ЗЕМЛИ КЛЕРУХОВ В КЕРКЕОСИРИСЕ ПО ДАННЫМ ТЕБТЮНИССКИХ ПАПИРУСОВ

Вопрос о военно-земледельческих колониях, которые получили такое широкое распространение в эллинистическую эпоху, давно был поставлен всем ходом социально-экономического развития греческого общества и живо обсуждался в публицистике еще до завоеваний Александра в течение всего IV в. (у Ксенофонта в «Анабасисе» и «Киропедии», у Исократа). Делались и попытки колонизации этого рода. Однако только после македонского завоевания стран Востока наступила пора для планомерного разрешения этого вопроса, связанного с интересами как имущих классов, так и безземельного люда. Египетские источники дают нам возможность проследить до известной степени ход процесса военной колонизации, которая приняла в царстве Птолемеев значительные размеры. Фаюм явился одним из важных ее центров, но далеко не единственным.

В своих «Studien zur Geschichte des römischen Kolonats» (1910 г.) Ростовцев стремился выяснить сущность землевладения клерухов, основываясь при этом в значительной мере на источниках II в. до н. э. Он приходит к выводу, что право владения клером представляло собой род эмфитевсы, участки земли давались правительством из ager rudis (χέρσος), клерухи должны были возделать их. Клер не являлся вознаграждением за службу. Птолемеи имели возможность не дарить, но продавать землю, накладывая ряд обязательств на нового владельца. Ростовцев рисует клерухов как исконных крестьян, здоровых, сильных парней, полных инициативы (ук. соч., стр. 10). У них есть энергия и желание работать, они скопили деньги, участвуя в походах, и, посаженные на землю, образуют сильный слой военных землевладельцев, отнюдь не являющийся бременем для правительства. Клерухи—представители среднего класса, формирующегося на базе туземного—отчасти жреческо-феодального, отчасти прикрепленного к земле—населения. В момент появления «Studien» еще не вполне ясно рисовался ход развития военного землевладения. Теперь мы видим, что Ростовцев исторические особенности определенного периода этого развития—специфические черты его во II в.—принял за самое существо данного института. А с другой стороны, для проведенной им характеристики социальной природы клерухов (притом без различения их разрядов) нет оснований в источниках. Катэки (Ростовцев имеет в виду не-египтян) вовсе не представляются такими «kerngesunde, kräftige Burschen», какими он их рисовал.

Основные черты и особенности военной организации птолемеевского Египта и, в частности, институт клерухий были подвергнуты тщательному пересмотру в книге Lesquier, «Institutions militaires de l'Égypte sous les Lagides», вышедшей в 1911 г. Lesquier критически использовал результаты старых работ (Schubart, P. Meyer, Bouché—Léclercq) и дал очень полное изложение данных по истории военных учреждений Лагидов на основании главным образом известных тогда папирусов (Petrie, Lille и I т. Tebtynis).

Lesquier возражает против применения современной терминологии («действующая» армия, «территориальная» армия), которая приводит к модернизации античных отношений. Птолемеи не имели ни «действующей», ни «территориальной» армии. Клерухи не ветераны. Они—солдаты на действительной службе, среди них мы встречаем молодых людей, сыновья их получают клеры в раннем возрасте. Но они не представляют собой и действующей армии, которая требовала бы постоянной службы в лагерях или гарнизонах и постоянных упражнений. Мобилизация клерухов, образующих регулярную армию, приводит эту армию, очень уменьшенную во время мира, в состояние боевой готовности. Уменьшение македонского ядра должно было сделать необходимым набор воинов греческого и не-греческого происхождения (ук. соч., стр. 36). Этот набор отличался от обычного набора наемников тем, что он основывался на добровольном и индивидуальном соглашении. Автор подробно рассматривает вопросы об общем составе армии, ее внутренней организации, пополнении, юридическом положении солдат, распределении между ними земель, соотношении между величиной наделов и военным рангом клеруха, управлении этими землями. Одной из самых интересных глав представляется гл. VII, посвященная вопросу об обработке клера, системе сборов с этих земель, их юридическому положению.

Книга Lesquier отличается большой полнотой и обстоятельностью изложения. Однако можно заметить, что история клерухий в ней рассматривается вне связи с современной политической и особенно социальной историей. Несмотря на некоторые исторические экскурсы автора и хронологическую последовательность в отдельных главах, все же перед нами больше система отношений, чем история, скорее институт с определенной юридической и экономической его сущностью, взятый отдельно, чем органическая часть общества своеобразной структуры, изменяющаяся в неразрывной связи с историей этого общества. Клерухи рассматриваются автором нередко как некое однородное в социальном отношении целое, не уделяется достаточно внимания отличительным и часто важным особенностям отдельных их разрядов, что приводит автора к не вполне правильным выводам, в частности в вопросе о хозяйстве клерухов. Все же надо признать, что книга Lesquier подвела итог изучению данной проблемы и явилась отправным пунктом для новейших исследователей, дававших иное решение того или иного вопроса, но в основе базировавшихся на выводах французского исследователя. Здесь нет возможности останавливаться подробно на истории вопроса—на спорах, вызванных публикацией P. Freib., 7, толковании Гельцера, возражениях Lesquier и пр., но нельзя не рассмотреть постановку и решение проблемы в последних крупных работах по истории эллинистического Египта: в труде Préaux «L'oeconomie royale des Lagides »(1938 г.) и в «Социально-экономической истории эллинистического мира» Ростовцева (1941 г.).

Préaux считает упрощением исторической действительности представление о господстве «аграрного этатизма» в птолемеевском Египте и особенно выдвигает моменты, связанные с принципом частной собственности. Столкновение царского права и права индивида и победа последнего—вот

сущность процесса развития клерухий в государстве Лагидов в изображении Préaux. Она полагает, что виды держаний с правами пользования и распоряжения землей, которые определяют частную собственность, существовали в Египте уже раньше Птолемеев. При последних лишь заканчивается переход от феодального права к праву индивидуальному. Само верховное право Птолемеев на землю, по мнению Préaux, обусловлено наличием понятия частной собственности (ук. соч., стр. 461). Институт клерухий в течение трех веков способствовал обеднению царя в отношении его прав и доходов. Автор приводит ряд мотивов, которые должны были содействовать установлению системы клерухий, и характеризует тенденции ее развития. Египтяне после 217 г. были допущены в активные ряды армии и получили многочисленные, но небольшие держания (там же, стр. 467). В ходе гражданской войны цари вознаграждали своих приверженцев, распределяя среди них конфискованные земли.

Превращение со II в. держаний воинов в частную собственность определялось экономическим фактором: желанием царя не видеть землю необработанной. Возникает лимитированное право наследства. Préaux склонна придавать значение и тому, что во II в. клерухи не иностранцы, но либо сыновья клерухов же, либо туземцы, умеющие владеть земледельческими орудиями. Отношения царя и клерухов во II в. меняются: клерух оказывает царю услугу, принимая на себя обязательство обработать землю и платить налоги. За эту услугу царь платил уменьшением своих прав. Потребность государства в том, чтобы земли были обработаны, и стремление обеспечить верность клерухов способствовали победе индивидуума над царскими прерогативами. Распределение земли мелкими участками привело к обеднению как царя, так и населения. Во II в. бедность (la misère) клерухов, как и всех земледельцев, велика. Политика Птолемеев в это время сводится к тому, что они признают все права на владение клером, если только будет гарантирована уплата налогов. Т. 124[1] показывает ослабление прежнего права под действием аграрного кризиса, увеличившегося благодаря смятению гражданской войны. Это—полное отречение царя от своих прав.

Далеко не во всем можно согласиться с Préaux. На ее построение, повидимому, оказали сильное влияние взгляды Pirenne (на которого она и ссылается). И в характеристике птолемеевской эпохи перед читателем прежде всего выступает борьба двух юридических концепций, хотя и на общем фоне хозяйственного развития, но в сущности вне связи с основными моментами социальной истории. Самым существенным для интересующего нас вопроса является то, что автор не проводит надлежащего различия между отдельными элементами, из которых складывался слой воинов—владельцев земли, рассматривая их как более или менее однородное целое. Едва ли также можно понять отношения, если мы их будем представлять себе как «услугу» царю со стороны клеруха и расплату первого за эту услугу своими правами. Формирование того «индивидуалистического» права, о котором говорит Préaux, происходило в ходе общего процесса социального развития, выражением одной из сторон которого оно явилось,—столкновений различных социальных групп, династической борьбы, своеобразных экономических условий и пр.

Наконец, нельзя не считать преувеличенными представления автора о клерухах II—I вв., которые были якобы теснее связаны с землей, чем

[1] The Tebtunis papyri ed. by Grenfell, Hunt and Smyly. Part I, London. 1902. Part II, 1907; v. III, p. I, 1933; V. III. p. II, 1938.

клерухи-иностранцы III в. И здесь характеристика оказывается чересчур общей, и автор не учитывает неоднородный состав массы клерухов и в II—I вв.[1].

В грандиозном по охвату материала труде «Социально-экономическая история эллинистического мира» Ростовцев изменил свои взгляды на клерухов по сравнению с «Исследованиями по истории колоната». В противоположность Lesquier у Ростовцева, как обычно, проблема берется в широком историческом аспекте. Он считает, что в решении задачи создания «постоянной национальной армии» Птолемеи следовали отчасти египетским традициям, отчасти практике Александра и диадохов и в некоторой степени образцам греческим, в частности организации афинских клерухий. Решение вопроса заключалось в наделении воинов землей. Главными мотивами, по мнению Ростовцева, были: 1) стремление Птолемеев привязать личный состав армии к Египту, добиться того, чтобы воины считали Египет своей страной, установить постоянные отношения между царем и армией; 2) стремление ввести новые методы обработки земель, новый экономический дух, заинтересовать клерухов в их хозяйстве, и 3) способствовать вложению денег, которые получали воины (в виде платы или части военной добычи), в землю, чтобы в противном случае земля не осталась необработанной (SEHHW, III, 888).

В противоположность Селевкидам Птолемеи не основывали катойкий, не поселяли клерухов значительными группами в городах, воины были рассеяны по стране. В отличие от своих прежних взглядов Ростовцев отмечает, что земля давалась в таком состоянии, что могла быть немедленно подвергнута обработке. Διαγραφαὶ σπόρου не применялись к военным держателям: клерух был, за некоторыми исключениями, свободен в выборе культур. Большею частью воины отдавали свои участки для обработки местным земледельцам. Обычно участок клеруха переходил от отца к сыну. Ростовцев видит в клерухах не однородную массу, но различные социальные элементы (катэки и μάχιμοι). Воины-«эллины» (по составу греки, греко-египетские семьи и эллинизированные туземцы) образуют главную опору Птолемеев. Это—класс сельской буржуазии, средней и мелкой, поддерживающий связь с буржуазией Александрии. Различными путями представители этого класса приобрели земли, но существенно то, что они вкладывают свои сбережения в землю и дома. Хотя эволюция этого класса мало известна, но Ростовцев не сомневается, что перед нами часть богатого и зажиточного населения, достигшего значительной prosperity. Только политика Птолемеев, желавших в своих интересах использовать это благосостояние, приводит к его подрыву. Податные требования правительства растут, бремя литургий увеличивается, сфера принуждения расширяется. Во II в. класс находится в положении трудном, но не критическом. Он становится все более и более классом землевладельцев, правительство признает за ним право передачи земли по наследству.

Что касается клерухов-туземцев (μάχιμοι), то известные мероприятия Птолемея IV в 217 г. характеризуются как переход от политики господства к политике союза с египтянами. Переход совершился под влиянием политической необходимости, притом в обстановке развивающегося социального движения, направленного против высших классов,—хаотиче-

---

[1] Таубеншлаг, в своей последней большой работе The law of Greco-Roman Egypt in the light of the papyri, New York, 1944, стр. 171 сл., представляющей обстоятельную сводку папирологического материала по истории права, все еще придерживается в общем уже оставленной концепции военного держания в птолемеевском Египте, как феодального института. Он называет клерухии феодальным держанием и полагает, что этот первоначальный феодальный их характер проявляется еще даже и в эпоху Августа (в таком термине как παραχωρεῖν).

ского мятежа туземцев по всему Египту. Упоенные победой, μάχιμοι встретились дома с нищетой и угнетением. Некоторые из них примкнули к восставшим, хотя большая часть сохранила лойяльность по отношению к Птолемеям. Организация μάχιμοι во II в. представляет собой компромиссное мероприятие (сохраняется малый размер их владения, земля может быть у них изъята, на них падают литургии). Таковы основные черты (в изображении Ростовцева) организации и характеристика социальной природы и значения клерухов в Египте.

Идея Ростовцева о том, что в птолемеевском Египте существовала, с одной стороны, масса населения, занятая физическим трудом, и, с другой стороны, bourgeoisie (т.е. высший класс), против которой выступают низшие слои населения в восстаниях II—I вв., представляется во многом правильной. Исходя из этой мысли о резком антагонизме эксплоатируемой массы и имущих слоев населения, автор настоящей статьи в начале 30-х гг., в докладах в МОГАИМК и МГУ, доказывал, что жречество в Египте, как общее правило, не является вождем «национальных» восстаний, но поддерживает правящие круги, что нередко против него обращается ненависть мятежников, что вообще эти восстания представляют собой движения с ярко выраженным социальным характером. Однако в эту мысль необходимо внести существенные оговорки. Во всяком классовом обществе существует основной антагонизм между массой трудящихся и эксплоатирующим их труд командующим классом, существуют, если пользоваться терминологией Ростовцева, свои «λαοί» и своя «буржуазия». Однако специфические черты данного общества, его преходящий, исторический характер обусловливается не наличием этого общего антагонизма, но тем способом, которым присваивается прибавочная стоимость. Между тем этот вопрос ни в какой мере не может считаться вполне выясненным в работе Ростовцева. Самая терминология не может быть принята по общим соображениям (и, как увидим, не оправдывается и результатами конкретного изучения). «Bourgeoisie» у Ростовцева является обозначением всего высшего класса, но этот термин имеет у него различное значение: то всего целого, то лишь части (напр., стр., 1099, где перечисляются составные части смешанной по национальному составу «буржуазии»: бюрократия, жречество, армия и флот, bourgeoisie).

В общей оценке политики Птолемеев с автором также согласиться нельзя. Ростовцев (ук. соч., прим. 191 к гл. VI) критикует выводы известной статьи Westermann, считая характеристику птолемеевской политики в данной статье чересчур «розовой», но сам идеализирует деятельность Лагидов, когда утверждает, что они никогда не следовали классовой политике в угоду «буржуазии», что они были беспартийными и справедливыми и были более склонны поддерживать слабых и бедных против чиновников и буржуазии. Их политика становилась с течением времени все более и более «царской» (royal) в смысле Préaux. Правда, он тут же прибавляет, что эта политика все более угнетала широкую массу населения и становилась невыносимой для нее. Государство в глазах Ростовцева—и великая благодетельная сила и, с другой стороны,причина упадка, который сделал Египет добычей иностранного завоевателя. Ростовцев яркими красками рисует хозяйственный подъем при первых Птолемеях, многообразные их мероприятия по вмешательству в различные сферы экономической жизни, а с другой стороны, полагает, что именно государство своим вмешательством мешало возможности свободного развития живых сил страны, суживало поле приложения частной инициативы, все подавляло своим мертвящим этатизмом. Несмотря на весь интерес Ростовцева к социальной истории и его чутье при изучении социальных отношений, он все же склонен нередко рассматривать государство независи-

мо от социальных сил, направлявших его политику, как некий самостоятельный фактор исторической жизни. Что касается положения высшего слоя клерухов-катэков, то суммарная характеристика «привилегированного класса населения», включающего и их, и чиновников, откупщиков, филакитов, поручителей и т. д., может быть убедительной только при условии детального изучения социального характера каждой из групп, составлявших этот «класс». В частности, если в него входят и «катэки», согласно Ростовцеву, то необходимо тщательно выяснить для разных областей Нильской долины как материальные условия их существования, социальный характер этой группы населения и ее взаимоотношения с другими его категориями, так и позицию ее в политической борьбе этого времени.

В настоящей статье затрагиваются только первые два вопроса в узких рамках данных, относящихся лишь к одному из поселений в Фаюмском оазисе[1]. Рассмотрение проблемы катэков в связи с политической историей II в. может быть дано лишь в общем обзоре, охватывающем весь Египет и за сравнительно продолжительный период времени.

Исследователь, изучающий детально материал, подобный тому, какой заключают папирусы, нередко склонен преувеличивать его значение, обобщать те выводы, к которым приводит его их изучение, и распространять их на гораздо более обширную территорию. Но, как заметил один современный ученый (Gomme) по другому поводу, «исследование с микроскопом приводит нередко к слепоте». И, конечно, было бы опрометчиво делать какие-либо общие выводы на основании знакомства с фактами, относящимися к одной коме на окраине Фаюма. Условия Арсиноитского нома были очень своеобразны, и отношения в других местностях Египта: соотношение различных категорий земель, численность и относительное значение владельцев храмовой земли или наделов клерухов, состояние царской земли, относительное развитие частного землевладения и т. п.—могли быть совершенно иными. Но, как бы правильны ни были указания на опасность поспешного обобщения выводов, полученных при изучении небольшого местного материала, и возможность упрощения таким образом многообразной исторической действительности,—все же нельзя, мне кажется, не считаться со следующими соображениями.

Изо всех документов II—I вв. лишь тебтюнисский материал представляет собой не только более или менее разрозненные документы частного характера (как, например, договоры об аренде земли или о займах), но и образцы систематической переписи всех земельных участков, притом за несколько лет. Поэтому наши общие представления о характере и взаимоотношении различных частей населения должно проверять именно на таком материале: его изучение может способствовать конкретизации выводов относительно тенденции экономического развития, главных особенностей социальных типов и т. д. Изучение этих текстов поучительно потому, что в них, как в капле воды, хотя и с своеобразной окраской, которая определяется локальными условиями, отражается общий порядок. В них проявляются запросы, рождавшиеся в связи с нуждами и потребностями местного населения, жившего в тяжелых условиях нарастающего экономического кризиса; в жалобах и предписаниях, то грозных, то полных уступчивости (φιλάνθρωπα), во всех этих разнообразных документах, мы слышим отзвуки политических бурь и острых социальных столкно-

[1] В дальнейшем изложении использованы почти исключительно тексты, помещенные в т. I. Документы т. III, p. I и II представляют большой интерес для историка, но отличаются менее цельным характером; их удобнее рассмотреть в связи с другими данными, относящимися к клерухиям Фаюма. Обзор содержания т. I дан в статье М. Хвостова. ЖМНП, 1904, сентябрь.

вений II в.,—и только самое тщательное и по возможности полное рассмотрение этих обильных и разрозненных данных может привести нас к определенным выводам и указать пути дальнейшего изучения.

С другой стороны, эти конкретные данные могут быть надлежащим образом оценены лишь в том случае, если они будут приведены в связь с общей проблемой развития землевладения клерухов в Египте, с выяснением его специфических особенностей и значения, которое оно получило во II в. до н. э. Тебтюнисский материал составился из донесений местных чиновников, их писем друг к другу, частной корреспонденции, петиций разнородного содержания, отчетов, податных списков и поземельных описей деревни Керкеосириса и отчасти Магдолы. Наряду с сообщениями местного происхождения и содержания, мы обладаем в тебтюнисских папирусах источниками общего характера, как постановления (προστάγματα) Птолемея Эвергета II. Выше указывалось на опасность поспешного обобщения местных данных. Было бы ошибочно, например, на основании этих данных о хозяйстве μάχιμοι рисовать общую картину их положения. Другие документы (я имею в виду, например, Парижский папирус 110 и некоторые другие тексты) характеризуют это положение иначе[1].

В дальнейшем я не буду останавливаться на известных общих фактах, относящихся к клерухиям и выясненным в литературе, а попытаюсь на материале из Тебтюнис проследить: а) особенности правового положения, которое занимали земли клерухов во II—I вв. по отношению к государству; б) условия хозяйственной жизни военного населения Фаюма во II в. до н. э. и в) социальный характер некоторых групп военных колонистов, их положение в том все же сложном целом, какое представляет собой население птолемеевской комы.

Экономические условия Нильской долины и самый ход социальной и политической истории конца IV—начале III в. привели в скором времени к тому, что уже первые Птолемеи располагали многочисленной армией и сильным флотом, что и позволило им играть едва ли не первую роль в сложной борьбе на международной арене. Армия Лагидов, как и армия Александра Македонского, была многосоставна. Она не являлась ни по преимуществу крестьянским ополчением, как некоторые армии древнего мира, ни наемным войском, ни постоянной национальной армией, как ее называет Ростовцев, даже в том условном и ограниченном смысле, в каком считают такой армией македонское войско перед завоеванием Азии. Но если она не была армией национальной, то, несомненно, ее можно называть постоянным войском. Этот характер ее и был обусловлен экономической базой, каковой явилась земля. Отвод земель для воинов (клерухов) и организация их хозяйства и службы оказались одной из важнейших отраслей государственного хозяйства.

Эти задачи хозяйственного устроения—наделения землей и жилищем—так или иначе были в общем успешно разрешены в III в. Можно полагать, что общим правилом в это время было наделение готовой к посеву землей с соответствующим образом налаженной ирригацией (γῆ σπόριμος). Правительство организовало постоянный контроль над клерухами, за царем сохранялось право верховной собственности на уступленные земли, получавшее выражение в практике конфискации клера (ἀναλαμβάνειν), который в соответствующих случаях снова входил

[1] Многочисленные тебтюнисские демотические папирусы (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caïre, XXXIX, II, 1908) для рассматриваемого вопроса материала почти не дают.

в состав царской земли. Пока не были уплачены подати, клерух не имел возможности использовать урожай со своего участка. В истории землевладения клерухов, в зависимости от развития их права располагать своими участками, различают три главных момента: 1) от начала военной колонизации до конца III в.; в этот период после смерти клеруха его надел поступает опять в состав царской земли; 2) от конца III в. до начала I в., когда надел ab intestato переходит по наследству по прямой линии (к сыновьям); 3) I в., когда клер может уже переходить и к близким родственникам (ἀγχιστεία)[1]. Сюда следовало бы присоединить, как заключительный момент в эволюции клеров, их окончательное превращение в частную собственность уже после римского завоевания. При характеристике этой эволюции надела военного колониста не раз подчеркивалось (например, Wilcken), что в течение всей птолемеевской эпохи продолжало существовать право собственности государства на клер, что если даже колонист и передавал своим прямым наследникам свой участок, то это был лишь фактический, удобный в практическом отношении порядок вещей, но ни в коем случае не признанное законом право[2]. Наоборот, Préaux говорит о борьбе царского и индивидуального права и отмечает успехи последнего во II в. Устанавливается наследственность держания клера, хотя и ограниченная (еще не автоматическая, только по мужской линии и с перерывом в случае секвестра). Преемственность владения ab intestato приближается к режиму частного наследования. Тенденция к установлению свободы распоряжения клером затрагивает царские права. Однако это право распоряжения является правом не продажи, но лишь перенесения на третье лицо обязательства платить налоги, связанные с использованием земли. Παραχώρησις—одна из последних вех в эволюции владения клерухов, а Т. 124—заключительный акт этой эволюции (Préaux, ук. соч., стр. 472). Чтобы разобраться в этом вопросе и разногласиях, необходимо определить по возможности содержание понятия частной земельной собственности в том виде, в каком оно могло появиться в эллинистическом Египте в приложении к землям клерухов. Когда прежние исследователи указывали на значение принципа верховной собственности царя на землю и когда теперь ряд ученых говорит о растущей силе принципа частной собственности, они не всегда считались со сложностью этого понятия. Мне кажется, можно указать следующие основные его признаки: 1) устойчивость владения (противоположность: право царя конфисковать клер (ἀναλαμβάνειν) и вообще распоряжаться им); 2) передача по наследству (противоположность: возвращение клера в состав γῆ βασιλική); 3) право свободного распоряжения землей (противоположность: отсутствие этого права). С другой стороны, надо указать, что нередко при изучении вопроса об эволюции права на клер не проводилось достаточно определенного разделения между различными категориями клерухов—катэками и μάχιμοι, постоянно говорили вообще о праве клерухов на землю. Между тем казалось бы уже a priori, что, зная сравнительно резкую социальную грань между эллинами и не-эллинами, мы, можем думать, что это различие так или иначе найдет себе отражение и в юридической сфере. Как обстоит дело с указанными выше тремя признаками в тебтюнисских данных? Чтобы ответить на этот вопрос, и следует рассмотреть его по отношению к обоим разрядам клерухов отдельно. Для суждения об устойчивости владения особенно существенное значение имеет Т. 124.

---

[1] Lesquier, Les institutions militaires, стр. 230.

[2] L. Mitteis und U. Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. I Band, I Hälfte, стр. 282 сл.

Перед нами петиция катэков и ряд постановлений Птолемея Эвергета II. Являются ли они ответом на петицию или появились вне всякой связи с ней, установить трудно. Неясным остается и вопрос о характере этих декретов. В них везде употребляется 1-е лицо местоимения (ἡμῖν), а по содержанию они отличаются от известных постановлений 118 г. до н. э. и до некоторой степени противоречат им. Grenfell и Hunt все же склонны были считать, что здесь действительные декреты царя, а не только проекты, как можно было бы думать на основании указанных деталей.

К этому суждению примкнули и другие исследователи (Préaux и др.). Содержание этого документа представляется очень существенным. Во втором постановлении говорится о том, что все клеры, которые были получены клерухами каким бы то ни было способом, должны остаться за ними и потомками их (разумеются потомки по прямой линии) нерушимо (μένειν ἡμῖν καὶ ἐγγόνοις κορίως), в неоспоримом владении. В употреблении термина μένειν κορίως можно выделить 2 момента: 1) указание на продолжительность владения и б) противоположение законного нерушимого владения фактическому пользованию. Оба эти момента и дают в общем характеристику права на данный объект как гарантированного законом права владения. Нельзя не указать, что в этом отношении формула 124 папируса отличается от соответствующих статей постановления 118 г. В последних нет указания на продолжительность владения и нет упоминания о детях, которые наследуют право отца на надел. Постановление в № 124 представляет, таким образом, несомненный шаг вперед по сравнению с упомянутыми статьями, давая большие гарантии владения катэкам и представляя официальное признание со стороны государства права передачи. Поэтому мне представляется неправильным мнение Вилькена о том, что цитированные выше слова 124 папируса (он, между прочим, дает неполную цитату, выпуская слово κορίως) не указывают необходимо на дальнейшее развитие права клерухов на их наделы по сравнению с известным Лилльским папирусом III в. (Lille, 4). Если в Лилльском папирусе говорится лишь о праве владения (ὑπάρχειν, ведь этот термин обозначает как раз фактическое владение), то в Т. 124 определяющим является термин μένειν κορίως. К этому нужно прибавить, что в тех документах, которые постоянно привлекаются при изучении развития права клерухов, во всех случаях идет речь о катэках (т. е. клерухах-эллинах). В самом деле, в демотическом папирусе от 202 г. (№ 7 у Sethe-Partsch, Demotische Urkunden zum ägyptischen Bürgschaftsrecht, 1920) говорится о катэке, «которому поле дано в вечность «(ср. сходный термин в одном из берлинских текстов; см. Sethe-Partsch, ук. соч., стр. 130). В Лилльском папирусе № 4 перед нами владелец клера в 30 арур, македонянин, т. е. катэк. Наконец, акты о παραχώρησις относятся исключительно к катэкам. Данные о праве передачи по наследству и условном праве распоряжения клером имеют в виду также только катэков, а не μάχιμοι. Это не значит, что владения последних были лишены всяких гарантий, но эти гарантии имели иной характер. Так, в постановлениях 118 г. (стр. 43) говорится: «Постановили, что ἐπίλεκτοι и μάχιμοι, владельцы 10 и 7 арур, и их командиры, все входящие в этот разряд и не-эллины-моряки (ναυκληρομάχιμοι) и... владели бы теми клерами, которые находятся в их руках (ὧν κατεσχήκασι) до 52 г. (правления Птолемея Эвергета II) без переъявления к ним обвинения и без вмешательства». Grenfell и Hunt переводят, «чтобы они имели законную собственность на землю» (the legal ownership of the lands). (Т. 35), но в тексте стояло, повидимому, κρατεῖν (Т. 5,47), что означает лишь фактическое владение. Ни термина κορίως μένειν, ни указания на переход по наследству нет. О том, что правовое положение катэ-

ков и μάχιμοι было различно в отношении их владельческих прав, свидетельствует и та статья в постановлениях 118 г., где говорится о вселении (Т. 5, 168). От него ограждаются воины-эллины и другие категории населения (жрецы, βασιλικοὶ γεωργοί и пр.), но не μάχιμοι. Таким образом, то, что говорилось о развитии принципа частной собственности в смысле устойчивого, гарантированного законом владения, наследования и хотя бы и ограниченного права передачи, относится к катэкам и без новых данных не может быть принято для всех клерухов вообще.

Тебтюнисские папирусы не полностью освещают хозяйство на землях клерухов, но все же дают возможность составить более или менее ясное представление по целому ряду вопросов. Из общего количества 4 700 арур γῆ κληρουχικῆ в Керкеосирисе занимает 1581 $^{27}/_{32}$ ар., или немного более одной трети. Сюда входит всего 101 участок (по спискам 119—18 г.; Т. 62). Участки эти далеко не одинаковы. Колонисты делятся в основном на две группы: а) катэков и близкие к ним разряды и б) μάχιμοι). Главный контингент владельцев самых мелких наделов (55 чел.), имеющих по $6^1/_2$ ар. каждый, составляют последние. Если мы взглянем на владения клерухов, учитывая земельную площадь, имеющуюся у различных групп колонистов, то соотношение получается следующее: у высшей категории греческих колонистов—катэков сосредоточено более 1000 ар., тогда как у египетских μάχιμοι (составляющих половину всего военного населения Керкеосириса) имеется 354 ар.[1].

Наделы клерухов, как и другие владения, лежат иногда разбросанно, причем эта разбросанность, так сказать, разного рода: иногда в разных περιχώματα, иной раз в различных деревнях. В некоторых случаях можно проследить связь между делением клера на отдельные части и способом их возделывания. Мы замечаем, например, что клер Акусилая (Т. 84, 129, 134; ср. Т. 62, 109) делится на части в 3 и 7 ар. Из другой описи видно, что 7 ар. этого участка засевались пшеницей, а 3 ар.—луговой травой, т.е. состав клера из 2-х участков естественно сказывался и на способе пользования ими, на смене культур на этих участках. Как видно из № 84, обе части клера расположены сравнительно недалеко один от другого. Севооборот на землях клерухов в общем масштабе мы проследить не можем ввиду отрывочности сведений: мы имеем последовательные данные лишь за 4 года (119—116). Как известно, в Фаюме в это время господствовало так называемое улучшенное трехполье и двухполье. И в договорах клерухов владелец земли оговаривает, чтобы съемщик ежегодно оставлял $^1/_2$ участка под посевом, не истощающим землю (например, Т. 105,23). То же соотношение дает и материал описей.

Вообще говоря, положение с обработкой земли клерухов далеко не блестяще. Исследователь военных учреждений в Египте Lesquier ставит в связь громадный рост необработанной γῆ κληρουχική, который иллюстрируется сравнением данных за 119—116 гг. с общим упадком хозяйственной жизни, наблюдающимся к концу II в. и, в частности, с трудностью подыскать рабочую силу (ук. соч.,стр. 208 сл.). Указав на увеличение числа держаний, обрабатываемых самими владельцами, особенно значительное у ἑπτάρουροι μάχιμοι, где оно доходит до 100% в 117—16 гг., названный ученый замечает, что приведенные им цифры

---

[1] Точнее; у катэков 965 $^1/_4$ ар., у клерухов, близко стоящих к катэкам, (χερσέριπποι ἐρημοφύλακες, φυλακῖται, ἔροδοι), 142 $^3/_{32}$ ар., у восьми египетских ἱππεῖς 120 ар., у 55 ἑπτάρουροι μάχιμοι 354 ар.

объясняются, несомненно, общими причинами, так же, как и процент незасеянных арур по отношению ко всей площади держаний μάχιμοί. Этими причинами он считает: 1) трудность в подыскании γεωργοί; 2) обстоятельства военной службы, дававшей больший или меньший простор самостоятельной хозяйственной деятельности военных колонистов. Lesquier приводит, однако, лишь общие данные и оперирует в основном с наделами μάχιμοι. Между тем для решения этого вопроса необходимо рассмотреть участки клерухов по отдельным разрядам. Только в том случае, если площадь необработанной земли растет у тех, кто пользовался чужим трудом, а потом перешел на личный труд, мы сможем утверждать с большой долей вероятности, что существовала теснейшая связь между указанными явлениями.

Попробуем использовать данные, почерпнутые из сравнения описей 119—118 и 116—115 гг., памятуя, разумеется, об их ограниченном значении ввиду того, что эти данные относятся лишь к нескольким годам. В разряде ἑπτάρουροι μάχιμοι, имеющих самые мелкие наделы в $6^1/_2$ арур, мы не можем заметить ни проявления общего хозяйственного упадка, ни связи увеличивающегося запустения земель с недостатком рабочей силы. Из тех клеров, владельцы которых сдавали свою землю, лишь один отмечен в 117—116 г. как незасеянный; два другие, оставшиеся незасеянными, в 119—118 г. были опять полностью обработаны. Приблизительно такую же картину наблюдаем мы и на участках, самостоятельно обрабатывавшихся в 120—119 г. клерухами. Между прочим, из последних данных видно, что на клерах постоянно наблюдался переход от самостоятельной обработки к сдаче субарендатору. В 119—118 г. из 17 клеров, обрабатывавшихся самими колонистами, пять стали возделываться с помощью γεωργοί, чтобы в следующем году опять вернуться в прежнее положение. Три надела, остававшиеся незасеянными в 120—119 г., остались таковыми же и в 117—116 г. В общем, можно сказать, что наделы ἑπτάρουροι в 117—116 г. находились приблизительно в том же состоянии, что и в предшествующие годы. Переход к стопроцентной самостоятельной обработке отнюдь не означал упадка. Связи между недостатком рабочей силы и упадком хозяйства установить нельзя. У κάτοικοι дело обстоит несколько иначе. Здесь наблюдается несомненный рост необработанной площади на участках без γεωργοί. Из 15 наделов катэков, сдающих свои клеры, у десяти появилась γῆ ἔμβροχος. Это значит, что вода слишком задержалась на полях и воспрепятствовала частично их обработке. То же явление замечается и на участках φολακῖται и ἔφοδοι, а также на храмовых землях, где тоже происходит увеличение γῆ ἔμβροχος. В общем, констатируя уменьшение посевной площади на землях клерухов в 117—116 г. по сравнению с предшествующими годами, мы должны признать, что наблюдаемый упадок хозяйства, хотя и связан с общим направлением хозяйственного развития, но не так непосредственно, как думал французский исследователь. В № 84, представляющем подробную опись земель Керкеосириса, можно проследить расположение земель отдельных категорий, правда, в небольшой их части (опись относится к 118 г.). Участки царской земли ἁλμυρίς и ἔμβροχος нередко встречаются не в разных местах описи, но следуют в ней подряд. Очевидно, тянулись целые полосы земли одинакового качества. Наряду с γῆ βασιλικὴ ἔμβροχος или γῆ ἱερὰ ἔμβροχος упоминаются клеры, земля которых также принадлежит к этому разряду. Наоборот, в других частях описи встречаются наделы ἑπτάρουροι и катэков, земли которых в 118 г. были обработаны.

Γῆ ἔμβροχος в описи встречается всегда параллельно с указаниями на каналы, предназначенные для отвода воды (ἐξαγωγοί). Повидимому, это обстоятельство не случайно. Если земля оказалась под водой, то это

могло произойти и вследствие того, что оросительные сооружения плохо выполняли свое назначение. В этом сказывался общий упадок экономики Фаюма в конце II в. Из № 84 видно, что если земля была затоплена, она могла оставаться в таком состоянии в течение нескольких лет. Неисправное состояние сооружений для орошения земли должно было отразиться на ее культуре при неблагоприятных условиях. Таково одно из возможных решений вопроса, поднятого Lesquier. Неблагоприятные условия сказались во всяком случае на более крупных наделах (катэков). Клерухи с самыми мелкими участками (ἑπτάρουροι μάχιμοι) справились, очевидно, с затруднениями, и их земля оказалась обработанной полнее, чем земельная площадь катэков.

Я указал выше, что у катэков можно подметить связь между состоянием участка и наличием или отсутствием γεωργοί. Действительно, на тех их участках, где земля полностью или частично обработана, мы находим в огромном большинстве случаев и γεωργοί. Предположения о том, что в описи 116 г. отразилась перемена в отношениях между владельцами участков и арендаторами, т.е. отказ последних от работы, допустить нельзя, так как на многих участках γεωργοί остались. С другой стороны, на некоторых из них, несмотря на наличие γεωργοί, земля осталась необработанной вследствие затопления. Вывод должен быть другой, а именно, что с затруднениями, возникшими, очевидно, в 117 г., не смогли справиться катэки, которые ранее обрабатывали свои участки лично или же почему-либо лишились γεωργοί в 117 г. Неоспоримым является тот факт, что в 117 г. у μάχιμοι полностью отсутствуют γεωργοί. Таким образом, последних удержали более зажиточные элементы, а клерухи, владеющие самыми мелкими наделами, их лишились. Все это скорее указывает не на «забастовку», а на затруднения при подыскании γεωργοί.

Процесс формирования разряда катэков, как определенной социальной группы, для II в. достаточно выяснен: в этот разряд переходят из местных полицейских отрядов (эфодов, филакитов, χερσέφιπποι и др.). Этот переход знаменует для них повышение социального уровня, хотя и не сопровождается, повидимому, увеличением площади их участка. Понятно, что именно эти элементы, являвшиеся составной частью слоя «эллинов», должны были являться социальной опорой правительства в деревне в смутную пору (ἀμιξία) социальных движений и династических столкновений. Их привлекают к выполнению ответственных функций генематофилаков. Перед нами, несомненно, привилегированная социальная группа. Присмотримся к хозяйственному положению катэков. Общее впечатление при изучении соответствующих данных—это то, что положение этой части «буржуазии» в Керкеосирисе сравнительно неустойчиво. Любопытно, что у тех, кто сравнительно недавно попал в число катэков (т. е. у бывших эфодов и эремофилаков), в хозяйственном отношении дело обстоит плохо. Из 8 соответствующих клеров лишь на трех более или менее благополучно. Остальные остаются незасеянными. 3 клера уступлены другим катэкам посредством παραχώρησις, на один наложено запрещение.

Из 38 клеров катэков и близких к ним групп 8 остаются вовсе не засеянными в течение 4-х лет, многие другие обрабатываются неравномерно. На три клера наложено запрещение. За некоторых катэков ручается комограмматевс, чтобы оградить их от секвестра. Среди этих 38 мы встречаем 6 случаев уступки участка (παραχώρησις), очевидно, ввиду стесненных обстоятельств и нежелания или невозможности продолжать хозяйство. На 6 клерах лежит задолженность (венок, пеня за получение γῆ σπόριμος и пр.). На хозяйстве катэков, как мы видели, особенно сказались неблагоприятные условия 117—116 г.

При изучении храмового землевладения можно видеть, что, помимо

собственно γῆ ἱερά, храмы арендовали дополнительную площадь на γῆ βασιλική, и арендованная земля обрабатывалась большей частью руками γεωργοί, причем некоторые данные (№ 42) свидетельствуют о довольно высокой плате, получаемой землевладельцами с арендатора. То же явление мы встречаем и на земле клерухов. Труд земледельцев (γεωργοί) на землях клерухов применяется двояким образом: 1) они возделывают самый надел, полученный клерухом от государства в качестве земельного обеспечения его службы; 2) военный колонист, кроме своего клера, арендует еще участок на царской земле, который и обрабатывает руками γεωργοί. Указывалось, что клерухи для обработки своих наделов большей частью пользуются чужим трудом. Однако тебтюнисский материал не позволяет высказать столь решительное утверждение. Во всяком случае необходимо различать и при этом отдельные категории клерухов. Очень многие μάχιμοι являются сами земледельцами, сами обрабатывают свой участок, который и по размерам немногим отличается от участков βασιλικοὶ γεωργοί. Здесь наем γεωργοί производился, вероятно, ввиду невозможности по случаю военной службы обработать надел самому владельцу. Другое дело, когда у клеруха, кроме клера, есть еще участок царской земли и на этом участке работает земледелец. В этом случае чужой труд применяется, вероятно, с целью получения добавочного дохода. В 120—119 гг. из 55 ἑπτάρουροι 17 сами обрабатывают свои наделы и 25 имеют γεωργοί (об остальных сведений нет); из катэков 5 сами и 15 имеют γεωργοί. К сожалению, источники указывают большей частью лишь имя земледельца, работающего на участке клеруха. Мы замечаем, что одни и те же имена встречаются по нескольку раз при описании земель клерухов. Так, Гариот—2 раза, Гермонтис—4 раза, Оннофрис—4 раза и пр. Имеем ли мы дело в этих случаях с одним лицом или с разными? Решить трудно. Но другие данные (62, 238 и 236) показывают, что случаи, когда один земледелец работал у двух клерухов, бывали. Являлись ли γεωργοί на землях клерухов и на арендованной клерухами земле самостоятельными хозяевами, которые сами снимали у государства участки, или же они ограничивались арендой у частных лиц? Сообщение (Т. 84,55 и 95) о Ἁρφαήσιος Πετοσίριος свидетельствует, что перед нами, иногда по крайней мере, держатели царской земли, так сказать, подрабатывающие на стороне. Очевидно, γῆ βασιλική, достаточно выгодной для обработки, нехватало: ведь если бы она была в достаточном количестве, то не было бы смысла снимать участок у клеруха, так как земля у частного лица обходилась, вероятно, дороже: из Т. 42,11 видно, что субарендатор иногда платил 6 артаб за аруру, тогда как государство такой цены не брало. Очень интересные данные, касающиеся взаимоотношений клерухов и βασιλικοὶ γεωργοί, содержит № 73. В нем говорится о клерухах, получивших γῆ σπόριμος вместо ἐπισταλείσης γέρσου. Эту годную для посева землю они, очевидно, должны были получить из состава земельных участков, отданных в аренду «царским земледельцам», так как правительство не оставляло, конечно, γῆ σπόριμος необработанной. Таким образом, здесь случай из практики, запрещенной постановлением Эвергета II. Т. 61, 213 сл. показывает, что около 120 г. вопрос о том, как поступать с получившими γῆ σπόριμος, не был достаточно выяснен. Администрация колеблется, как быть с этими участками и ссылается на отдельные решения высших чиновников, имевшие место по этому поводу.

Решения эти были различны по отношению к отдельным комам (ср., например, более строгую практику в Магдоле—Т. 79). Еще не создалось, очевидно, твердого порядка в этом вопросе, и это обстоятельство, повидимому, указывает, что сама практика этого рода—сравнительно недав-

него происхождения. Постановления относительно катэков были приняты на собрании под председательством Аполлодора, но это—постановления, регулирующие землевладение клерухов, уже наделенных γῆ σπόριμος. Архибий, диойкет, в 124—3 г. дает следующее решение: если поселенцы получили вместо ἐπισταλείσης χέρσου ἀπὸ σπορίμου, то они нарушили постановления относительно катойкий. Отсюда можно сделать заключение, что было такое постановление, запрещавшее наделять катэков ἀπὸ σπορίμου. Наделение клерухов ἀπὸ χέρσου преследовало цель уменьшить ὑπόλογον и было, таким образом, вызвано в известной мере результатами волнений (ἀμιξία). Далее, по поводу клерухов Гераклидова округа (μερίς) называется другое постановление и выносится различное решение в зависимости от того, когда клерух получил γῆ σπόριμος: до Аполлодоровской σύγκρισις или после. Очевидно, что те, кто получил готовую для посева землю до этого постановления, считались ее законными владельцами. Можно предположить, что постановление относительно катойкий, запрещавшее наделять катэков γῆ σπόριμος, было издано в первую половину II в.

Можно полагать также, что дело не обходилось иногда без подкупа или обмана. И в другом месте мы находим жалобу «царского земледельца» на отнятие земли комограмматевсом (Т. 29). Участки, упоминаемые в № 73, довольно значительны: в 12, 20 с лишним и 50 арур. Последний составился из более мелких владений. В папирусе указаны и прежние владельцы этих участков: это «царские земледельцы», снимавшие коллективно или индивидуально. Мы находим, например, здесь двух братьев, 3—4 γεωργοὶ βασιλικοί (μέτοχοι). Источник позволяет только догадываться о дальнейшей судьбе некоторых из них. Имя одного из них—Гора Петесуха—встречается в описи 119—118 гг., но он отмечен здесь уже не как владелец участка на «царской земле», а как арендатор на земле того клеруха, который получил (незаконно) землю Гора в качестве надела (Т. 73,9 сл.; ср. 62, 125сл.). Таким образом, прежний непосредственный съемщик царской земли превратился в арендатора частного лица, оказался сидящим на γῆ ἐν ἀφέσει. Плата от него (натурой) шла уже не в βασιλικόν, но клеруху. Каков смысл этой метаморфозы? βασιλικόν, несомненно, потерпел ущерб, но изменилось ли в каком-нибудь отношении положение бывшего «царского земледельца»? Являясь держателями государственной земли, βασιλικοὶ γεωργοί пользовались сравнительно прочным владением. До тех пор, пока продолжалась правильная уплата ἐκφόριον, они могли быть большей частью уверенными в своем владении, в том, что оно не будет отобрано. Такой же ли прочной оказывалась аренда у клерухов? Описи показывают, что γεωργοί клеруха обрабатывают данный участок далеко не продолжительное время. Там, где есть возможность проследить их судьбу, мы видим, что они остаются всего 1—2 года, а потом сменяются новыми лицами. Так, у Диодота, сына Аполлония, в 120—119 г. был земледелец Петосирис, а уже в 117—116 г. его участок обрабатывает Гор, сын Гора (Т. 62, 68; ср., 63, 61). На большом клере Протарха бывший арендатор γῆ βασιλική Гор Петесух сделался «земледельцем» клеруха. Уже в 117—116 г. мы находим на этом клере нового земледельца. Из этого видно, что факт превращения γῆ σπόριμος в γῆ κληρουχική мог повести к изменению положения земледельца: из самостоятельного арендатора «царской земли» он превращался в возделывателя участка клеруха, причем это новое положение βασιλικὸς γεωργός оказывалось довольно непрочным. Материальное положение двух других «царских земледельцев», согнанных со своего места неправильным наделением клерухов землей, не блестяще: на это указывают предстоящие взыскания с них по разным поводам (Т. 73, 13 и 66, 75 сл., 73, 17 и 68, 83 сл.).

Конечно, не следует забывать, что перед нами не общий факт и не следствие, вытекающее из основной предпосылки верховной власти царя на землю. «Царские земледельцы» пострадали не в силу практики, санкционированной центральной властью, а вследствие злоупотребления местных властей, в силу нарушений общепризнанных положений, а не в результате их применения. Что это случалось довольно часто, видно из того обстоятельства, что понадобилось издать специальное πρόσταγμα для запрещения подобных случаев (Т. 5, 162 сл.). Сказанное подтверждает мысль о значительной роли произвола власти на местах, о значении социальных интересов в вопросе о положении «царских земледельцев». Они свидетельствуют о том, что клерухи, и именно высший слой этой группы населения, входивший в состав категории «эллинов», пользовались удобным случаем в целях собственной выгоды, для приобретения удобного участка земли и ставили иногда в зависимость от себя прежних самостоятельных съемщиков γῆ βασιλική. Присвоенная (в нарушение правила) земля оставалась в руках новых владельцев при условии выплаты годичной арендной платы.

По отрывкам полных описей (№№ 84 и 85) мы можем установить, что некоторые βασιλικοὶ γεωργοί, имеющие свои участки на γῆ βασιλική, в то же время обрабатывают землю клеруха. Таков, например, Ἀρφαήσις τοῦ Πετοσίριος, у которого на «царской земле» есть 4 аруры. Кроме них, он обрабатывает 5 арур у клеруха, владельца 20 арур Ἀρμιῦσις Πτολεμαίου (Т. 84, 55 и 94). На арендованной клерухом γῆ βασιλική чаще работае γεωργός.

Нередко γεωργοί теряют один из обрабатываемых ими участков и переходят на новый в зависимости от перехода клеруха к самостоятельной обработке. Два клера иногда обрабатываются одним и тем же земледельцем. Орсес, сын Орсея, обрабатывавший в 119 г. участок, исчезает (Т. 62, 236; 238; ср. Т. 61, 95—96). Сменивший его γεωργός работает опять на тех же двух клерах. В общем происходит постоянный круговорот. Рабочая сила на землях клерухов отличается текучим характером. Постоянно наблюдается переход от пользования чужим трудом к самостоятельной обработке и обратно.

В деревнях Фаюма живется во II в. неспокойно. Сохранилось много жалоб «царских земледельцев» на притеснения и жестокие расправы. Достаточно определенно обозначается социальный элемент, от которого исходят эти насилия: этим элементом являются клерухи, особенно катэки. Бок о бок мы находим βασιλικοὶ γεωργοί и клерухов на землях Керкеосириса, и нельзя сказать, чтобы это сожительство было мирным. Прежде всего угрожало насилие со стороны начальства: комограмматевс утягивал землю у «царских земледельцев», топограмматевс является в деревню со множеством людей, вооруженных кинжалами, ничто не может остановить его, и дело кончается уходом сельчан в соседние комы (Т. 41). Клерухи, с одной стороны, служат в деревне милицией, с другой—буйствуют и обирают жителей. За эти действия им грозит наложение запрещения на клер. Большей частью зачинщиками являются катэки, но иногда и ἑπτάρουροι μάχιμοι. В 110 г. владелец 20 арур Петермутис Каутиос вместе с несколькими ἑπτάρουροι, напав разбойничьим образом, угнал 40 овец (Т. 53). Вообще говоря, если судить по многократным жалобам, едва ли борьба правительства с эксцессами со стороны клерухов была особенно эффективна. Еще случай: ватага под предводительством катэка Пирриха, сына Дионисия и Гераклия, сына Посидиппа, вторгается в дома βασιλικοὶ γεωργοί, наносит удары, грабит (Т. 45; 46; 47). В жалобах приведены данные о нанесенном ущербе, ассортимент похищенных вещей довольно разнообразен: женские платья,

двери из тамариска, подставка для ног, кирка, сосуд, деньги и т. д. Нередко столкновения вызывались действиями землевладельцев, нарушавших интересы соседей, препятствовавших правильному орошению их участков. Подобные жалобы можно отметить неоднократно в заявлениях обитателей Керкеосириса. При этом обращает на себя внимание одна особенность: заявления, сохранившиеся в архиве Керкеосириса, свидетельствуют о нередких спорах между βασιλικοὶ γεωργοί и колонистами. Обидчиком выступает та или иная сторона, но характерно, что споры возникают большей частью между этими разнородными элементами. В письме Менхеса от 114 г. говорится о том, например, как несколько человек, посланные одним катэком из соседней комы Береникиды Фесмофора, срыли часть плотины на протяжении 400 м, а землю свалили на плотину на клере этого катэка (Т.13). Впрочем, иногда дело доходит и до столкновения между лицами, принадлежащими к сходным разрядам, как, например, в Т. 793, где владелец 100 арур в Береникиде Фесмофора жалуется, что на него с оружием напал другой представитель этой «буржуазии» и избил его.

Указанное выше явление едва ли случайно. Поводы к спорам разнообразны. То земледелец выпустит воду со своего участка на соседний и затопит его, то сосед запрет канал и таким образом воспрепятствует орошению земли в нужный момент, заставляя соседнего владельца нести крупные убытки (Т. 49; 50).

Кроме противоречий экономических интересов, связанных с владением землей, существовали и другие поводы для столкновений. Военные элементы сталкивались с мирным населением из-за жилища. Практика принудительного вселения клерухов в дома местного населения известна уже в первую половину III в. Это уплотнение носило не временный, но постоянный характер и вызывало сильное недовольство владельцев помещений. Уже в III в. появляются постановления, специально регулировавшие вопрос о поселениях военных колонистов и их взаимоотношениях с владельцами помещений. В указах 118 г. мы также находим соответствующие статьи. Там перечисляются категории лиц, привилегированных в жилищном отношении (Т. 5, 170 сл.). То помещение, в котором они сами живут, свободно от вселения. Из помещений, сдаваемых в наем, половина может быть занята колонистами. С другой стороны, не подлежат занятию дома, которые были куплены от казны.

Катэки, как это видно из тебтюнисского материала, представляют тот слой населения в деревне, на который главным образом опирается правительство, и они, тем не менее, оказываются по преимуществу нарушителями общественного спокойствия, и против них государство вынуждено прибегать к мерам, имеющим целью защитить остальную часть населения. Однако эти меры недостаточны, в общем ни личной, ни общественной безопасности в деревне нет. Недовольство населения в зависимости от общего ухудшения положения растет, и оно активно и в разных формах протестует и борется за свои интересы.

О. В. Кудрявцев

РИМСКАЯ ПОЛИТИКА В АРМЕНИИ И ПАРФИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ПРАВЛЕНИЯ НЕРОНА

Перелом во внешней политике Рима, наступающий в начале нашей эры, и установление империи находились в глубокой внутренней связи. Италия жаждала мира, и мир стал знаменем нового порядка вещей. Самому Августу пришлось вести много войн, но преемникам своим он завещал не расширять пределы империи[1]. Сила обстоятельств вынуждала империю к обороне.

Причины этого коренились во внутреннем и внешнем положении римского государства. Победа Октавиана над Антонием закрепила экономическое, политическое и военное господство Италии над Средиземноморьем. Введенный Августом в сенат «цвет... колоний и муниципиев» (CIL, XIII,1, 1, 1668) пополнил поредевшие ряды старой знати: новая италийская аристократия стремилась не допускать провинциалов к почестям и римскому гражданству. Пополнение последнего за счет жителей провинций в первые десятилетия империи шло сравнительно медленно. Между тем в легионах могли служить только римские граждане, т. е. преимущественно италики[2], а истощенная Италия не могла обеспечить

---

[1] Тас., Ann., I, 11: «и добавил совет удерживать себя в границах империи...»; Тас., Agr., 13; Dio, LVI, 33, 5: «дал им совет довольствоваться существующим и никак не желать более увеличивать империю; ибо ее будет трудно охранять...»; также LIV, 9, 1; LVI, 41, 7; Suet., Aug., 21, 2.

[2] Это не значит, однако, что легионы набирались исключительно из италиков. Наоборот, Тацит неоднократно указывает на пополнение легионов провинциалами, имевшими римское гражданство. Тас., Ann., IV, 4: «Затем сообщается о старом и часто притворном решении [Тиберия] отправиться в провинции. Предлогом император выставлял множество ветеранов и необходимость пополнения войск наборами...»; XI, 24: «... при помощи выведения легионов по кругу земли добавлением сильнейших из провинциалов была оказана поддержка ослабевшей империи». См. также XIII, 35. Данные Тацита подтверждаются надписями: легион, стоявший в Египте,—XXII Deiotariana—пополнялся преимущественно галатами (CIL, III, 6627=ILS, 2483=Ephem. Epigr., V, 15; CIL, III, 12059=ILS, 2274). Но слова Юлия Флора и Юлия Сакровира у Тацита, указывавших «насколько бедна Италия, насколько невоинственен городской плебс» и что «нет ничего сильного в войсках, кроме чужеземцев» (Ann., III, 40), являются двойным преувеличением, поскольку они вложены в уста галльских мятежников, стремившихся побудить своих соплеменников к отпадению, и вместе с тем отвечают настроениям Тацита, всегда охотно выделявшего теневые стороны императорского режима.

необходимого количества легионеров. По словам Энгельса, «легионы, составлявшиеся уже со времен Мария из наемных солдат, но все еще исключительно из италиков, начиная с Цезаря стали буквально вымирать, по мере того как вымирали и сами италики под гнетом стремительно растущих латифундий, которые обрабатывались рабами»[1]. Действительно, опустошения, вызванные гражданскими войнами, рост латифундий, непрекращающийся упадок мелкого землевладения и зарождение колоната приводили к тому, что набор легионов в Италии становился все более и более затруднительным. К тому же содержание легионов тяжелым бременем ложилось на финансы империи: благодаря ограниченности военных действий войска перестали окупать себя, а наделение землей при отставке было заменено единовременной выдачей крупной денежной суммы. Все это приводило к тому, что число легионариев в последние годы Августа не превышало 150 000 человек, а число легионов—25. «Сто пятьдесят тысяч человек, составлявшие сомкнутые ряды 25 легионов пехоты, можно было удерживать в строю лишь при помощи самых крайних средств. Двадцатилетний срок службы не соблюдался; отслуживших срок ветеранов заставляли на неопределенное время оставаться под знаменами. Это было главной причиной бунта римских легионов после смерти Августа, бунта, так наглядно изображенного Тацитом... Пополнение войска сыновьями свободных италийских крестьян прекратилось вместе с исчезновением самих италийских крестьян. Каждое новое пополнение легионов добавочными контингентами ухудшало качество войска. И так как приходилось, тем не менее, по возможности щадить легионы, это с трудом сохраняемое ядро всех военных сил, то на первый план все более выдвигаются вспомогательные войска; они сражаются в битвах, в которых легионы служат лишь резервом, так что батавы могли сказать уже во времена Клавдия: кровью провинций завоевываются провинции.

С таким войском уже нельзя было теперь вести большие наступательные войны, а скоро стало невозможным давать и крупные наступательные сражения. Вырождение войска заставило государство ограничиться обороной, которая вначале еще носила наступательный характер, а потом становилась все более пассивной...»(там же). Таким образом, одной из причин постепенного перехода Римской империи к обороне было дурное состояние римской армии.

С другой стороны, в последнее столетие республики и при Августе границы римской державы расширились настолько, что наличное число легионов было достаточно только для обороны империи, но не позволяло ей вести широкие наступательные операции. К тому же военные силы легионов имели своей задачей не только борьбу с внешним врагом, но и поддержание порядка внутри империи. Новые земли, недавно покоренные Римом на протяжении от Атлантического океана до Черного моря, были по большей части населены народами, еще не переступившими порога цивилизации; управление этими территориями не могло быть организовано по образцу старых областей, но требовало значительных военных сил. Испанские провинции, хотя они и не были пограничными, все же требовали трех легионов; в Далмации, которая находилась в сходном положении, стояли два; назначением восьми рейнских легионов была не только борьба с вольными германцами, но и удержание в повиновении покоренных галлов. Четыре легиона, находившиеся во времена Тиберия в Сирии, были расположены внутри страны: ни один из них не стоял на

---

[1] Энгельс, К истории древних германцев, Маркс и Энгельс, Соч., XVI, 1, стр. 362.

Евфрате. Тем большую трудность представляло для империи наступление за Рейн и Дунай по непроходимым лесам и болотам Германии: все походы римлян в эту страну были неудачны.

Наконец, закрепление покоренных территорий требовало реорганизации их по образцу коренных областей греко-римского мира путем распространения античного городского строя. Усиленное градостроительство и превращение племенных территорий в городские (например, в Галлии) были характерными явлениями ранней империи. Так происходило экстенсивное развитие рабовладельческого строя. Этот процесс, связанный с романизацией и эллинизацией варварских народов, требовал времени и сил, а без освоения покоренных территорий дальнейшее наступление было невозможно. Энгельс показывает, что именно это было главной причиной, почему римлянам не удалось укрепиться в Германии: попытка ввести варварские племена германцев в рамки римской провинциальной жизни оказалась неудачной (там ж , стр. 357).

Таковы были внутренние причины, препятствовавшие дальнейшему расширению пределов римской державы. С другой стороны, римляне повсюду наталкивались на активное сопротивление варваров. Поражение Вара, неудачная борьба с царством Маробода, постоянные столкновения на дунайской границе являются тому примером. На северо-востоке римлянам приходилось постоянно отражать нашествия кочевников. Империя достигла своих естественных границ: Рейна, Дуная и Евфрата, и перейти за них она не была в состоянии. Таким образом, и внешнее и внутреннее положение империи препятствовало дальнейшим завоеваниям.

На Востоке, более чем где-либо, Римская империя была вынуждена отказаться от дальнейшего наступления. На всю азиатскую границу от Понта Эвксинского до Эритрейского моря приходилось четыре легиона, стоявших в Сирии и подчиненных ее легату. О боевых качествах этих легионов можно судить по словам Тацита: «Достаточно известно, что были в этом войске ветераны, которые не ходили ни на сторожевые посты, ни на вигилии, разглядывали вал и ров, как нечто новое и удивительное, и прошли военную службу по городам без шлемов, без лат, щеголями и людьми, заботящимися о наживе» (Ann., XIII,35). Такие важные провинции, как Каппадокия, вообще не имели гарнизона из легионариев. К тому же азиатские провинции были менее тесно связаны с Римом, чем Галлия или Испания. Римское гражданство распространялось здесь значительно медленнее, чем на романизированном Западе; набираемые на месте войска с трудом усваивали римскую дисциплину[1]. Значительные области Малой Азии были еще почти чужды городской цивилизации антич-

---

[1] Дурное качество войск, набираемых в восточных провинциях, хорошо показывает Тацит (Hist., III, 47), говоря о когорте, стоявшей в Понте и образованной из царского вспомогательного отряда: ее воины, «наделенные римским гражданством, имели знамена и оружие по нашему образцу, а праздность и распущенность—по образцу греков». В таком же положении находились и легионы, переведенные при назначении Корбулона из Армении в Сирию (Ann., XIII, 35), причем в данном случае следует восстановить рукописное предание: «Suria transmotae legiones... munia Romanorum aegerrime tolerabant», «переведенные из Сирии легионы... с трудом терпели обязанности римлян». Слово «Romanorum» по-разному исправляют все издатели (Bötticher, Halm: «castrorum»; Freinsheim: «armorum»; Heinsius: «Romano more»; Nipperdey: «castrorum Romanorum»), однако проще всего оставить рукописное чтение: уроженцы Востока, наделенные римским гражданством при зачислении в легионы, с трудом сносили обязанности своего нового социального положения.

ного мира[1]. На юге очагом постоянной опасности для Рима была Иудея. Лишь наиболее цивилизованная часть римского Востока была организована в виде провинций: две трети Малой Азии, южная половина Сирии, многие пограничные земли представляли собой царства, владетели которых находились в зависимости от Рима. Области, слабо затронутые античной городской цивилизацией или отличавшиеся значительным культурным своеобразием, трудно было сразу организовать в виде провинций. Система зависимых царств, доставшаяся империи в наследство от республики, была средством, при помощи которого римское правительство удерживало восточную границу. Однако для наступательных операций войска зависимых царей были совершенно непригодны.

С другой стороны, внешняя обстановка на восточной границе была не менее сложна, чем на Рейне или Дунае. Здесь Римская империя сталкивалась с единственной державой, которая могла до известной степени с ней равняться. Правда, Парфия, разделенная на несколько царств, раздираемая внутренними междоусобиями, также не была способна к наступлению. Но и для Рима прочные завоевания в областях арамейского и иранского населения, чуждого городской цивилизации античного мира и эллинистической культуре, где недостаточно развитое рабовладение сосуществовало с примитивными формами земельных отношений, унаследованными от древнего Востока, были невозможны. Поэтому, начиная со времени Августа, столкновения между Римом и Парфией сводились к борьбе за Армению или политическим интригам Рима в государстве Арсакидов. К югу от Евфрата граница империи упиралась в Сирийскую и Аравийскую пустыни, которые ставили естественный предел распространению римских владений.

Все эти обстоятельства препятствовали дальнейшему расширению империи. Однако внешняя политика Рима определялась не только положением вещей, но также взглядами и интересами различных группировок правящего класса империи. При Августе и его преемниках продолжает сохранять значение старая знать, настроение которой разделяют и многие представители новой аристократии. Эти консервативные круги считали оборонительную политику наиболее соответствующей благу империи. Защищая свои интересы, они отождествляли их с интересами всего государства в целом: они не хотели увеличения войска, опасаясь усиления императорской власти и помня проскрипции триумвиров. С другой стороны, до тех пор, пока высшие командные посты в армии находились преимущественно в руках нобилей, увеличение войска было опасно и для самого императорского дома (Тас., Ann., I, 31). Менее всего соответствовали интересам коренной римской знати завоевания на Востоке: распространение римских владений в этом направлении грозило, в пред-

---

[1] Население Фригии, несмотря на ряд городов, еще в эпоху империи считалось образцом варварства (Ap., Flor., III; Iust., Dial. c. Tryph., 99). См. А. Б. Ранович, Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии, ВДИ, 1947, № 2, стр. 30. Галатия стала покрываться городами, преимущественно военными колониями, лишь в I в. н. э.: χώρα Γαλατική, название, под которым она фигурирует в источниках (Acta ap., 16, 6), указывает на ее негородской характер. Это подтверждается описанием центральных частей Малой Азии у Плиния (NH, V, 146—7). Из десяти стратегий Каппадокии, перечисляемых Страбоном (XII, 1, 4), только две имели города (XII, 2, 5; 7), тогда как ко времени Птолемея (V, 6) их число увеличилось только до пяти. Наконец, в первый период империи значительную роль продолжали играть жреческие княжества (Ольба: Hill, Catalogue of the Greek Coins of Lycaonia, Isauria and Cilicia, 1900, стр. XXX, LIV, 119).

ставлении этих кругов, нарастанием восточных влияний и соответствующим перерождением императорской власти в монархию восточного типа.

Иными были настроения новой знати, складывавшейся на протяжении первого столетия империи. Далеко не все представители сенаторского сословия, попадавшие в него в эпоху принципата, подчинялись древним традициям римской аристократии. Выдвигавшиеся на императорской службе и постепенно оттеснявшие старую знать от командных высот, они были искренними сторонниками существующего режима. Их настроения разделяли представители нарождающейся императорской бюрократии, всадники, отпущенники, проникавшие в первые два сословия империи провинциалы. Этих людей не могли смущать опасения старой знати: завоевательные войны казались им лучшим средством для дальнейшего продвижения по лестнице должностей, источником почестей и богатства. Вместе с тем расширение социальной базы императорского режима приводило к укреплению империи, благодаря чему открывались некоторые возможности для наступательной политики. Пополнение римского гражданства за счет провинциалов делало возможным известное увеличение войска. Постепенное замирение провинций частично освобождало занятые в них легионы, более интенсивная эксплоатация естественных богатств в провинциях укрепляла финансы империи. Освоение провинций превращало их в более удобные плацдармы для наступления. Наконец, сила сопротивления противников Рима временами ослабевала, в то время как субъективные интересы новой знати толкали империю к наступлению на различных фронтах.

Изгибы внешней политики Рима определялись различными сочетаниями объективных обстоятельств, с одной стороны, и борьбой группировок внутри римского правящего класса, с другой. К концу правления Августа до известной степени наступает примирение старой знати с императорским режимом; параллельно с этим, особенно после поражения Вара, во внешней политике империи побеждают оборонительные тенденции. Тиберий верно следовал заветам Августа и во внутренней и во внешней политике. При нем не было значительных внешних войн: ему больше нравилось поощрять смуты среди чужеземных или зависимых племен (Tac., Ann., II, 62—63), и его оборонительные мероприятия были успешны (Vell., II, 129, 3; Suet., Tib., 37; Anon., Ep., II, 8). Во внешней политике Тиберий был наиболее верным продолжателем Августа.

Иное наступает при его преемниках. Гай разрывает и с италийскими традициями принципата и с внешнеполитическими заветами Августа. Поклонник Антония (Dio, LIX, 20,2), он окружает себя толпой союзных царей (LIX, 82) и мечтает о завоевательных походах (Suet., Cal., 45). То же самое происходит и при Клавдии. Правительство, которое вступает на новый путь и ищет опоры среди всадников и провинциалов, обращается к активной внешней политике. Покоряется Британия. Захватывается область к северу от Драва. Бойи подчиняются префекту. В Германии Корбулоном ведется наступление, позднее, впрочем, остановленное по приказу Клавдия (Tac., Ann., XI, 9). Создаются новые легионы. Зависимые царства обращаются в провинции (II,63; Eus., Chron., 152 Hq; Vers. Arm., 2062e; Hier., 2064q).

Но так было только на Западе. На Востоке сохраняется система союзных царств. Неудачная попытка вмешаться в дела Парфии при помощи кандидатуры Мегердата также не выходит за рамки восточной политики Августа, традиции которой продолжают сохранять свое значение.

Итак, при Августе и его преемниках складываются два направления внешней политики: оборонительное и наступательное. В области восточ-

ной политики борьба этих двух направлений наполняет почти все правление Нерона.

Основным содержанием римской восточной политики был вопрос об отношениях с Парфией. С тех пор, как нашествие Пакора и Базафрана окончилось неудачей, Парфия не делала серьезных попыток к нападению на римские провинции. Династические междоусобия, восстания отдельных областей, разъедающее влияние римской дипломатии делали ее неспособной к ним. Рим также, в основном, придерживался оборонительной политики, и потому важнейшие противоречия между Римом и Парфией сводились к борьбе за Армению. Расположенная на фланге евфратского театра военных действий, Армения имела одинаково важное стратегическое значение и для Рима и для Парфии. Переход ее в руки одного из противников представлял значительную опасность для другого: для обеих держав самое важное было *не захватить* Армению, а *не допустить захват* ее другой державой. Господство Рима в Армении ставило Парфию под угрозу постоянного вмешательства императорского правительства в ее дела, переход Армении в руки Парфии обнажал римскую восточную границу, лишенную, за исключением Сирии, легионов. Поэтому вопрос обладания Арменией был для обеих держав жизненно важным.

Со времени Августа Армения почти непрерывно находилась в зависимости от Рима, но попыток превратить ее в провинцию Рим не предпринимал. «Когда я мог бы Великую Армению... сделать провинцией, я предпочел по примеру предков наших передать царство это Тиграну»...—говорит Август (RGDA, 27; см. также Vell., II, 94, 4). Управление Арменией при помощи царя, назначаемого из Рима, стало системой и продержалось с небольшими перерывами до Нерона. Таким царем при Клавдии был Митридат, брат иберского царя Фарасмана (Tac., Ann., XI, 8—9; Dio, LX, 8,1). В 51 г. Радамист, сын Фарасмана, по совету отца и с его помощью, склонив на свою сторону армянскую знать (Tac., Ann., XII, 44), начал завоевание Армении. Митридат сдался Радамисту в Горнеях (XII, 46) и был убит. Вялость сирийского легата Уммидия Квадрата (XII, 48—49) и самовольное вмешательство прокуратора Каппадокии Юлия Пелигна в пользу непопулярного в Армении Радамиста (XII, 49) сделали страну легкой добычей парфян (XII, 50). Радамист еще раз появился в Армении, но был вынужден бежать вследствие восстания своих подданных (XIII, 6). К 54 г. парфяне снова заняли страну (XIII, 7).

Итак, конец правления Клавдия был ознаменован полным провалом римского господства в Армении. 13 октября 54 г. Клавдий умер, и его преемником сделался Нерон. Власть оставалась в руках Агриппины. «Она давала аудиенции посольствам и посылала письма правителям, народам и царям» (Dio, LXI, 3, 2). Обладая титулом Августы[1], она хотела быть соправительницей сына (Tac., Ann., XIII, 2; Suet., Nero, 9; Dio, LXI, 3, 2; ср. Tac., Ann., XIV, 11). Они совместно изображались на монетах[2]. В противоположность распространенному мнению, следует заметить, что Агриппина продолжала политику Клавдия, стремившегося, особенно в последние годы, опираться на новую знать и предоставившего большинство государственных дел ведению своих отпущен-

---

[1] Dio, LX, 33, 2a. В нем заключалась идея соучастия во власти (ср. LX, 33, 7; 12).

[2] Eckhel, Doctrina numorum veterum, II, 1794, стр. 257; VI, 1794, стр. 288; Cohen, Description historique des monnaies, frappées sous l'Empire Romain communement appelées Medailles Impériales, I, 1859, стр. 175—176.

ников. Ее советником оставался Паллант, «который... действовал как бы с произволом, присущим царской власти»[1]. Правление Агриппины сохраняло все черты предшествующего принципата: Нерон, провозглашая в сенате новый курс, обещал отречься именно от того, что было характерным для политики Клавдия и Агриппины[2].

Соответственно этому правительство Агриппины и в Армении продолжало политику последних лет Клавдия. Туда был послан некий Лелиан, который, как говорил Дион, «был нисколько не лучше Поллиона, но насколько превосходил того достоинством, настолько родился более ненасытным к прибылям» (LXI, 6, 6). Самоуправство и корыстолюбие этого Лелиана превзошли худшие примеры последних лет Клавдия. Немудрено, что к концу года Армения была окончательно потеряна.

Правление Агриппины было недолгим. Вокруг молодого императора вскоре развернулась борьба: воспитатель Нерона Луций Анней Сенека и префект претория Секст Афраний Бурр, стремясь захватить в свои руки всю полноту власти, выступили против Агриппины (Тас., Ann., XIII, 2; 14; Dio, LXI, 3, 4). Сенека и Бурр были представителями той самой новой знати, которая усилилась при Клавдии. Они выдвинулись первоначально с помощью Агриппины[3]. Однако, вступив с ней в борьбу еще в первые месяцы правления Нерона, они были вынуждены пойти на сближение с сенатом. Сын испанского ретора и римский всадник из Нарбонской Галлии (CIL, XII, 5842) оказались вождями аристократической оппозиции.

К концу 54 г. Сенека и Бурр взяли власть в свои руки. Они встретили широкое сочувствие высших кругов римского общества и руководили судьбами империи первые семь—восемь лет нероновского принципата[4]. Первая речь Нерона, написанная Сенекой, была программой нового правления, составленной по контрасту с предыдущим. Законное отправление суда, борьба с подкупами, уничтожение частной администрации, обеспечение прав сената и магистратов, разделение сфер ведения императора и сената—ее существенные черты (Тас., Ann., XIII, 4). Нерон избрал своим образцом Августа (Suet., Nero, 10,1), ибо после правлений Тиберия, Гая и Клавдия времена Августа казались для знати золотым веком. Это не было пустыми словами: Сенека и Бурр проводили широкие преобразования по сравнению с предыдущим принципатом (Dio, LXI, 4,1). Возрастает значение сената (Тас., Ann., XIII, 5; XIV, 49; даже XV, 73). Характеризуя это время, Тацит говорит, что над государством господствовал «призрак республики» (XIII, 28).

Новый курс выражался не только в красивых словах и поступках принцепса подобно отказу от золотой или серебряной статуи (XIII, 10), или отмене караула на играх, «чтобы был большой вид свободы» (XIII,

---

[1] Тас., Ann., XIII, 14: «quis... velut arbitrium regni agebat».

[2] Тас., Ann., XIII, 4. Господству Палланта Нерон противопоставил, по словам Тацита, «разделение дома и республики»; иною речью Нерон обещал, что государственные дела не будут отныне зависеть от произвола императорских отпущенников. Общая характеристика правления Агриппины у Диона находит любопытную параллель в речи Нерона у Тацита: Агриппина «торговала всем и добывала деньги из самого незначительного и позорного» (Dio, LXI, 6, 5), Нерон говорил, что «ничто у его пенатов не будет продажным или доступным искательству» (Тас., Ann., XIII, 4).

[3] Сенека: Тас., Ann., XII, 8; Dio, LX, 32, 3; LXI, 10, 1; Schol. vet. in Iuv., V, 108—109; Бурр: Dio, LXI, 10, 6; Тацит указывает на Бурра, как на человека «выдающейся военной славы, знавшего, однако, по чьей воле он продвигается» (Ann., XII, 42).

[4] Замечание Диона (LXI, 7, 5) противоречит другим источникам.

24), но и в широком увеличении круга ведения сената[1], в усилении значения старших магистратур[2], в ограничении частной администрации и в ослаблении значения отпущенников (Тас., Ann., XIII, 4). Палланта (XIII, 14) сменяет Клавдий, не пытавшийся вмешиваться в высшую политику. Отпущенники выступают лишь в делах, связанных с императорским домом (XIII, 21), их значение покоится на личных отношениях с Кесарем, в их руках находятся лишь второстепенные отрасли администрации, например, флот (XIV, 3). Управление империей сосредоточивается в руках знати.

Административным реформам соответствует сословная политика. Светоний говорит о дружеском отношении Нерона к сенаторам в начале правления (Suet., Nero, 10). Сокращается число политических процессов[3]; адвокатура становится привилегией знати[4]; представителям сенаторского сословия оказывается материальная помощь[5]. По настоянию сената Нерон легко отказывается от уничтожения косвенных налогов (Тас., Ann., XIII, 50). Ограничивается дальнейшее численное увеличение сенаторского сословия[6], укрепляется рабовладельческое право[7], поддерживаются древние обычаи[8], столь дорогие для старой аристократии. Хотя реальное преобладание и оставалось на стороне императора, во время «пятилетия Нерона» старая знать в последний раз наслаждалась призраком власти. Традиции Августа наложили отпечаток и на внешнюю политику эпохи.

Новое правительство столкнулось с тяжелым положением на Востоке. Армения была потеряна. В Риме надеялись на Сенеку и Бурра, ожидая избрания «выдающегося вождя, а не богатого и снискавшего поддержку и благосклонность благодаря искательству» (Тас., Ann., XIII, 6). И действительно, новые правители сумели сделать хороший выбор.

---

[1] Здесь решаются дела о вымогательствах (Тас., Ann., XIII, 4; 33; XIV, 18; Quint., Inst., VI, 1,4; Iuv., Sat., VIII, 92 слл.), даже в императорских провинциях (Тас., Ann., XIII, 30: дело Випсания Лената). Сенат—высшая кассационная палата для Италии и сенатских провинций (Suet., Nero, 17), сюда передано дело о столкновении жителей Нукерии и Помпей (Тас., Ann., XIV, 17). Уравнение залога при апелляции в сенат с тем, который выплачивался при обращении к императору: XIV, 28. Передача императором значительных сумм эрарию: XIII, 31; XIV, 18. Монета «ex s[enatus]-c[onsulto]»: Cohen, I, 176.

[2] Нерон запрещает присягать своим постановлениям своему коллеге по консульству (Тас., Ann., XIII, 1), ограничиваются права трибунов в пользу преторов и консулов и залоги, налагаемые эдилами (XIII, 28), управление эрарием переходит от квесторов к префектам из бывших преторов, правда, назначаемым императором (XIII, 28—29), но обязанным отчитываться перед сенатом (Hier., 2083h; Vers. Arm., 2083 e). Здесь опять возвращение к августовскому порядку, ибо тогда эрарием управляли сперва префекты, а потом преторы.

[3] Освобождаются от суда Карринат Целер (Тас., Ann., XIII, 10), Сульпиций Камерин, Помпей Сильван (XIII, 52), оправдываются Сулла (XIII, 23), Эприй Марцелл (XIII, 33), затягивается процесс Публия Целера (XIII, 33); процесс Юлия Монтана—не политический (XIII, 25; Suet., Nero, 26, 2). Сулла и Плавт, сосланные в конце периода—соперники принцепса (Тас., Ann., XIII, 19—21). Уменьшение наград доносчикам: Suet., Nero, 10. Случаи наказания их: Тас., Ann., XIII, 23.

[4] Восстановление lex Cincia (Тас., Ann., XIII, 5; 42). Ср. Suet., Nero, 17,

[5] Тас., Ann., XIII, 34; Suet., Nero, 10, 1; подобно Августу (Тас., Ann., II, 37; Suet., Aug., 41, 1) и Тиберию (Тас., Ann., I, 75; II, 38).

[6] Недопущение сыновей отпущенников в сенат, а допущенных ранее—к почетным должностям: Suet., Nero, 15, 2.

[7] Расширение senatus consultum Silanianum: Тас., Ann., XIII, 32; Paul., Sent., III, 5, 6; дело Педания Секунда: Тас., Ann., XIV, 45; прекращение процесса Каррината Целера, обвиненного рабом: XIII, 10.

[8] Старинные обряды: Тас., Ann., XIII, 24; борьба с чужеземными суевериями, семейный суд: XIII, 32; законы против роскоши: Suet., Nero, 16, 2.

Происхождение Гнея Домиция Корбулона было не таково, чтобы привлечь к нему расположение старой знати. Правда, род Домициев был наделен патрициатом, но Корбулон не был нобилем[1] и почести его семьи были недавними. Его отец Домиций Корбулон еще до 21 г. был претором (Тас., Ann., III, 31), но получил консульство только в 39 г. (Дио, LIX, 15,5). При Тиберии он сильно скомпрометировал себя в глазах знати, выступая обвинителем в процессах о неисправности италийских дорог (Тас., Ann, III, 31; Дио, LIX,15,3), и еще шире развернул свою деятельность при Гае (LIX, 15,4). Блестящие способности по вымоганию денег обеспечили ему расположение этого императора. Отцу Корбулона удалось достичь консульства, но успех его не был длительным. При Клавдии он был обвинен и наказан, а потерпевшим было отдано взысканное с него (LIX, 15,5; LX, 17,2). Происхождение не давало его сыну больших преимуществ, и только личные достоинства сделали Корбулона вершителем судеб римского Востока.

При Клавдии Корбулон управлял Нижней Германией (Тас., Ann, XI, 18—20; Дио, LX, 30,4—6), где проявились наиболее яркие черты его характера: военный талант (Тас., Ann., XI, 18—19) и дипломатическое искусство (XI, 19), умение укреплять дисциплину (X1, 18, 20; Дио, LX, 30,4—6) и древняя суровость (Тас., Ann., XI, 18). Корбулон и самого себя не освобождал от тягостей дисциплины (XIII, 35; XIV, 24). Все это сделало из сына сподвижника Калигулы героя аристократии, отношение которой к Корбулону отражено в характеристике, даваемой ему у Диона (LXII, 19,2), напоминающей панегирик, но истинной в основе. Успешное наступление Корбулона в Германии (Тас., Ann., XI, 20; Дио, LX, 30,4), которое он был вынужден оставить по приказу императора (Тас., Ann., XI, 19—20; Дио, LX, 30,5), и последние годы, проведенные в бездействии и как бы в опале, еще более привлекли к нему расположение знати. Назначение Корбулона было для Сенеки и Бурра средством привлечь общественное мнение на свою сторону во время борьбы с Агриппиной, так как личные достоинства полководца ручались за то, что затруднения на Востоке будут успешно устранены.

Корбулон прибыл на Восток в 55 г. Немедленно после этого, видимо, согласно ранее полученным распоряжениям, он отправил послов в Ктесифонт с тем, чтобы склонить Вологеса на мир. Одновременно, такое же посольство было отправлено легатом Сирии Уммидием Квадратом (Тас., Ann., XIII, 9). Была «восстановлена дружба» (XIII, 37), и Вологес, «чтобы тем удобнее подготовлять войну или чтобы удалить под видом заложников подозреваемых в соперничестве» (XIII, 9), легко передал римлянам знатнейших Арсакидов в качестве заложников[2]. Римское правительство достигло мира, необходимого для подготовки к войне.

---

[1] Тацит никогда не называет Корбулона нобилем, но упоминает его блестящее происхождение (Тас., Hist., II, 76). Можно предполагать, что нобилитет был замкнут в эпоху империи, нобилями считались только потомки консулов республиканского периода, но зато он наследовался и по женской линии. Закрытие нобилитета, видимо, произошло в период между 9 и 21 гг. Источники императорской эпохи называют сорок одного нобиля, и Корбулона нет в их числе. Первое консульство Корбулонов—39 г. (Дио, LIX, 15, 5).

[2] Schiller, Geschichte der römischen Kaiserzeit, I, 1, 1883, стр. 349, говорит, что заложники были даны Тиридатом. Однако слова Тацита (Ann., XIII, 37) могут относиться и к Вологесу. Принятие заложников от Тиридата означало бы его официальное признание, чего римское правительство упорно стремилось избежать. Тиридат не был отозван (XIII, 7), как думает Homo, Le Haut-Empire, 1933, стр. 295. Армения не была упомянута в переговорах, и римляне пока молчаливо признали царем Арсакида. К этим же событиям относится Дио, LXII, 19, 1, «ибо ведь Вологес, царь парфян, и Тиридат, правивший Арменией, были устрашены при одном известии о Корбулоне».

56 год был занят подготовкой Корбулона к войне. Мнение Шура[1], что это время было наполнено переговорами с Тиридатом, протекавшими уже на территории Армении, не соответствует действительности и вытекает только из его общих построений. Оно опровергается словами Тацита[2], показывающими, что в это время военные действия еще не начались. Эти слова находятся вне рассказов о Корбулоне и потому обычно выпадали из поля зрения исследователей.

Вопрос о целях парфянской политики Сенеки и Бурра является центральной проблемой истории римско-парфянских отношений в первой половине правления Нерона. Общепринятое в настоящее время мнение полагает, что римляне хотели превратить Тиридата в зависимого от них царя и, таким образом, не роняя своего престижа, отделаться от Армении, отдав ее фактически парфянам[3].

Однако эта точка зрения совершенно неприемлема. Беспричинный отказ от традиции целого столетия непонятен. Разочарование в своих возможностях по отношению к Армении у римлян еще не наступило. К тому же вопрос о том, что делать с Арменией (там же, V, 374—375), далеко не зависел от свободного выбора римских государственных мужей. Империя Юлиев и Клавдиев не была в состоянии сделать Армению провинцией, и назначение зависимого царя было единственным способом сохранить влияние в стране. Нет оснований полагать, что Корбулон и Квадрат, хотя бы тайно, признали Тиридата: об Армении не было упомянуто в переговорах[4]. Неподготовленность Рима к войне заставила его пойти на временное соглашение. Вологес дал заложников не потому, что верил в мирные намерения Рима (Моммз., V, 375), а потому, что это было ему выгодно (Тас., Ann., XIII, 9). Несогласие Вологеса и Тиридата является предположением, которое нельзя доказать.

Отдельные указания в источниках, которые, как будто, указывают на стремление договориться с Тиридатом, в действительности ничего не говорят. По словам Тацита, «Вологес не допускал, чтобы брат Тиридат был лишен данного им [Вологесом] царства или имел его, как дар другой державы» (XIII, 34). Отсюда, однако, нельзя заключать о наличии до начала войны переговоров с Римом, предметом которых служило установление зависимости Тиридата от Рима. Это заключение неверно, поскольку в договоре 55 г. Армения не была упомянута, а отсутствие каких-либо переговоров до вступления Корбулона в страну доказывается словами Тиридата, который, отправляя послов к Корбулону, ссылается именно на

---

[1] Schur, Die Orientpolitik des Kaisers Nero, 1923, стр. 8.

[2] Тас., Ann., XIII, 25: «при консулах Квинте Волусии, Публии Сципионе внешний покой».

[3] Эту точку зрения впервые высказал Моммзен, Римская история, V, 1885, стр. 374. За ним следуют Henderson, The Life and Principate of the Emperor Nero, 1903, стр. 157—161; Schur, Die Orientpolitik des Kaisers Nero, 1923, стр. 1—5, 7, 30—31, 37, 57; Anderson, The Eastern Frontier from Tiberius to Nero, CAH, X, 1934, стр. 770; см. Кудрявцев, «Восточная политика Римской империи при Нероне (критический обзор историографии вопроса), ВДИ, 1948, № 2, стр. 83.

[4] Позднее Тиридат жаловался (Тас., Ann., XIII, 37): «почему после того, как даны заложники и восстановлена дружба, ... он изгоняется из своего старого владения из Армении». Условия договора были составлены римлянами намеренно небрежно. Они не хотели брать на себя обязательств, но желали, чтобы Вологес думал так некоторое время. Впрочем, тот не обманывался в истинных намерениях Рима.

договор 55 г. и приводит в оправдание своего господства в Армении не согласие Рима, а давность владения. В таком случае, вышеприведенные слова Тацита о нежелании Вологеса пойти на соглашение с Римом могут относиться только к тем переговорам, которые начались после упомянутого посольства Тиридата. Во время этих переговоров Корбулон предлагал Тиридату сделаться зависимым от Рима царем и не пытаться отстаивать свою самостоятельность силой оружия (XIII, 27). То, что слова о Вологесе стоят у Тацита раньше, объясняется композицией его труда[1]. В действительности, дело происходило следующим образом: Тиридат, получив предложение от Корбулона, сорвал переговоры (XIII, 38), а Вологес, находившийся в это время на войне с гирканами, одобрял поступок брата и побуждал его к упорному сопротивлению.

Итак, первая выдержка из Тацита представляет собой несколько расширенное повторение второй и, таким образом, не может быть привлечена в качестве самостоятельного доказательства. Остается выяснить причину совета, данного Корбулоном армянскому царю. Правительство вовсе не хотело примириться с Тиридатом, а Корбулон—отступить с первых шагов от того, ради чего он был послан на Восток. Официальная программа войны состояла в том, чтобы «вернуть завоеванное некогда Лукуллом и Помпеем» (XIII, 34), а устройство покоренной области мыслилось в привычной форме зависимого царства. Последующие события подтверждают это. Воцарение Тиридата означало бы потерю Армении, а потому предложение Корбулона правителю Армении было сделано для того, чтобы переложить вину войны на парфян, отвергающих справедливые условия. Римский полководец был заранее уверен в отказе. Для Арсакида было бы нелепо подчиниться Риму, не испытав оружия, а империя не стала бы готовиться несколько лет только для того, чтобы произвести военную демонстрацию.

Стратегия Корбулона подтверждает высказанные соображения. Нельзя разделять военные действия 57—58 гг. на два похода и поход 57 г. считать демонстративным, имеющим своей целью принудить Тиридата к покорности, поскольку он был направлен в долину Эрзурума, отделенную от долин Арсания и Аракса непроходимыми горами (Schur, 9). Настоящие походы 58 и 63 гг. направлялись в долину Арсания (там же, 10). Однако нельзя усмотреть никакого различия в направлении удара между 57 и 58 гг., хотя кампании этих годов и были разделены полосой зимнего бездействия. Поэтому невозможно говорить об особом походе 58 г. Корбулон предпочитал держаться северного направления потому, что в этом случае легче было обеспечить снабжение войск с берегов Понта (Tac., Ann., XIII, 39). Походы, отправлявшиеся с самого начала в долину Арсания, имели для этого особые причины. Целью похода Пета было возвращение Тигранокерты, и он был направлен поэтому в южную Армению, а поход 63 г. был именно демонстративным; его предполагалось вести недолго и потому не было необходимости в хорошо организованной связи с Понтом. С другой стороны, Эрзурум расположен близко к течению Аракса и вместо кругового пути через Агры-Даг в долину Алашкирта и оттуда на Диядин и Баязид гораздо проще предположить движение между Агры-Дагом и Араксом. Поэтому,

[1] Соответствующее повествование Тацита (Ann., XIII, 34—41), приуроченное к 58 г. (XIII, 34: «в начале этого года»), охватывает события 56—58 гг.

то, что Корбулон первоначально занял долину Эрзурума, не противоречит тому, что основной целью похода с самого начала был вооруженный захват Артаксаты. Вот почему и этот аргумент Шура оказывается неубедительным.

Таким образом, восточная политика Сенеки и Бурра соответствовала их внутренней политике: и здесь они пошли вслед за Августом, не желая ломать привычных путей. Изменение наступило много позднее под влиянием исхода парфянской войны.

Летом 58 г. Корбулон покорил Армению и взял обе ее столицы. Его поведение по отношению к Артаксате и Тигранокерте прекрасно отражает намерения римского правительства. Если Артаксата, расположенная в глубине страны и бывшая символом парфянского господства в Армении[1], была разрушена (Tac., Ann., XIII, 41; Dio, LXII, 20,1), то Тигранокерта—центр эллинизированных областей страны—осталась невредимой (Tac., Ann., XIV, 24). Здесь поселился римский ставленник Тигран.

Пока Корбулон покорял Армению, в Риме закрепляли результаты его завоеваний дипломатическим путем. К сожалению, о римской дипломатии этого времени имеются только разрозненные упоминания. Вожди фризов, будучи в театре Помпея, «заметили некоторых в чужеземной одежде на сидениях сенаторов» (XIII, 54); узнав, что «эта честь дается послам тех народов, которые выделяются доблестью и дружбой» (XIII, 54), они спускаются и садятся в орхестре. То же самое известие Светоний относит ко времени Клавдия, но зато сообщает, что послы, которых увидели фризы, были послами парфян и армян» (Suet., Claud., 25). Включение Тацитом рассказа о фризах в анналистическую схему побуждает принять его датировку. Шур[2] относит это событие к поздней осени 57 г. и заключает отсюда, что в это время в Риме находились послы Вологеса и Тиридата, которые, согласно общим построениям Шура, якобы пытались договориться об условиях признания Тиридата Римом. Не следует, однако, делать столь поспешных заключений. Данное событие помещено у Тацита под 58 г., и датировка Шура проистекает отчасти из общего положения, что германские события, рассказанные в этой книге, длились несколько лет, отчасти из желания сопоставить это посольство с теми переговорами, которые шли в 57 г. между Корбулоном и Тиридатом. Других оснований предпочесть 57 год 58-му нет. В 58 г. в разгар войны не могло быть и речи о парфянском посольстве в Рим. Но и в 57 г. нельзя было бы назвать парфян народом, который выделяется римской дружбой. Можно, однако, найти другое объяснение. Армянские послы в это время могли находиться в Риме, ибо известно, что «армяне» в начале 58 г. «приглашали оружие той и другой стороны» (Tac., Ann., XIII, 34). Под парфянами же следует разуметь гирканов, чьи послы в это время тоже были в Риме. Если Светоний спутал императора, при котором произошло данное событие, то еще легче он мог сделать небольшую ошибку относительно национальной принадлежности посольства. Рим во время вооруженной борьбы не только старался поддерживать свою клиентелу на Востоке дипломатическим путем, но и приобрел союзников в тылу Парфии.

---

[1] Характерно то, что Тиридат после того, как преобладание в Армении перешло в руки парфян, выбрал своей столицей именно Артаксату (Dio, LXII, 6,5).

[2] Schur, Orientpol. 10; Schur, Untersuchungen zur Geschichte der Kriege Corbulos, «Klio», (1925), стр. 91.

Непосредственно о гирканских послах известно очень мало. «Когда они возвращались, Корбулон, дав охрану, препроводил их к берегам Красного моря, чтобы, перейдя Евфрат, они не были окружены стражами врагов; оттуда они, избежав пределов парфян, возвратились в отечество» (Тас., Ann., XIV, 26). Других известий о гирканском посольстве нет, и для оценки его значения приходится прибегать к догадкам. По мнению Шура, союз с гирканами, который означал включение Гиркании в римскую клиентелу, принес Риму многочисленные военные, политические и торговые выгоды (Schur, Orientp., стр. 35—36). При этом Шур отождествляет восстание гирканов с восстанием сына Вардана, о котором упоминает Тацит (Ann., XIII, 7). Это унижение двух Арсакидов (Schur, там же, 36)—Тиридата, которого римляне хотели включить в своею клиентелу, и сына Вардана—должно было повести, по мнению Шура, к постепенному превращению Парфии в римское вассальное царство (там же, 36; 81). Однако домыслы Шура не имеют достаточной опоры в источниках. Если можно согласиться с тем, что заключение гирканского союза имело место, и признать, что он облегчил Корбулону завоевание Армении (Тас., Ann., XIV, 25), то наличие фактического влияния Рима на Гирканию крайне сомнительно, а о превращении Парфии в зависимое государство не приходится и говорить: у Рима нехватило сил даже для удержания Армении. Далее Шур, исходя из предполагаемого факта заключения союза с Гирканией, развертывает сложную картину отношений Рима с этой страной до времен Траяна (Schur, там же, 114), между тем, как самый факт заключения союза не вполне достоверен[1]. Поэтому лучше ограничиться самыми скромными предположениями.

Завоевание Армении и назначение царем римского ставленника завершало программу Сенеки и Бурра. Если римское правительство в это время и готовилось к новой войне, то только к войне оборонительной[2] Однако к началу 60 гг. в Риме выдвинулись новые силы, благодаря которым произошел перелом и в политике по отношению к Армении. «Пятилетие Нерона» окончилось, а несколько позднее произошел коренной перелом, резко разделяющий на две части историю нероновского принципата.

Политика нероновского правительства по отношению к Армении показывает, что внешнее положение Рима определялось, с одной стороны, объективным состоянием империи, а с другой, различными тенденциями

---

[1] Anderson, The Eastern Frontier from Tiberius to Nero, CAH, X, 1934, стр. 764. Сам Schur, Zur neronischen Orientpolitik, «Klio», XX, 1926, стр. 216, вынужден признать, что доказать факт заключения союза с Гирканией невозможно.

[2] Именно поэтому Корбулон выбрал для своей ставки Тигранокерту, которая представляла удобнейшую позицию для защиты Армении. Два перевала связывали ее с долиной Арсания и над тем, который вел в Арсамосату, господствовала захваченная римлянами Легерда (Тас., Ann., XIV, 24). Тигр, укрепления Тигранокерты и Легерды препятствовали наступлению из Месопотамии, а в случае нападения из Кордиэны можно было отступить к Тоспитиде. Наконец, отсюда легко было достичь северных пределов Армении, как показал поход 59 г. (XIV, 26). Непонимание Гендерсоном выгод положения Тигранокерты проистекает из неправильного представления о месте, где она находилась. Однако исследования Lehmann-Haupt'a (Armenien einst und jetzt, I, 1910, стр. 381 слл., 501 слл.) показали, что Тигранокерта была расположена не в месопотамской пустыне, а к северу от Тигра. Остатками Мартироноля, христианского наследника Тигранокерты, считаются развалины Маийафарикина, расположенные в 50 км от Тигра, на берегу древнего Нимфия, который является его притоком. К этому взгляду присоединяется и советский историк Я. А. Манандян, Тигран Второй и Рим в новом освещении по первоисточникам, 1943, стр. 63—65, и, только исходя из него, можно понять стратегическое значение Тигранокерты.

отдельных группировок господствующего класса. Сенека и Бурр не стремились к новым завоеваниям на Востоке, но хотели лишь вернуть империи то, что ей некогда принадлежало. Следуя во внутренней политике образцу Августа, они и во внешней политике придерживались того же направления. Внешнеполитическая рутина, выразившаяся в назначении Тиграна армянским царем, соответствовала консервативной внутренней политике, которая отражала компромисс между старой и новой знатью. Однако объективное положение, сложившееся на Востоке, было таково, что Армения не могла быть удержана Римом: во второй половине правления Нерона Риму пришлось отказаться от Армении, которая осталась лишь в номинальной зависимости от него. Подобное решение вопроса об Армении соответствовало оборонительным тенденциям старой знати и было необходимо с точки зрения объективного положения вещей. Внешняя политика Рима была не случайным скоплением фактов, а глубоким отражением социально-политических процессов, протекавших в центре римского мира и на его окраинах.

А. Д. Дмитрев

К ВОПРОСУ ОБ АГОНИСТИКАХ И ЦИРКУМЦЕЛЛИОНАХ

История североафриканского движения агонистиков достаточно хорошо изучена. В зарубежной литературе, появившейся главным образом в конце XIX и в начале XX в., исследован ход событий, в нашей советской исторической литературе обращено было главное внимание на его социальную сущность[1]. Но некоторые моменты этого движения все же остаются еще не освещенными или освещаются, по нашему мнению, исторически неправильно.

В частности, нельзя согласиться с освещением и трактовкой исходных начал движения агонистиков, а также с общепринятым объяснением термина «circumcelliones», который обычно считается специально изобретенным насмешливым названием агонистиков, пущенным в оборот их врагами. В науке установилось мнение, что движение агонистиков организационно и идеологически было связано с донатизмом и даже непосредственно вытекало из него. Это мнение сохраняется до настоящего времени, и оно было принято и нашими советскими историками.

Так, В. С. Сергеев писал: «В самом донатизме имелось несколько течений, отражавших настроение различных социальных групп африканского общества. Наиболее радикальное левое крыло составляли циркумцеллионы»[2].

Точно так же Н. А. Машкин самое появление агонистиков ставит в прямую связь с возникновением донатистского раскола и идейными руководителями их считает донатистское духовенство. «Донатизм,—пишет он,—помог идеологическому оформлению движения агонистиков»[3]. «Бродячие священники, беглые рабы и колоны распространяли учение донатистов по отдаленным поместьям, где оно послужило толчком к оформлению аграрного движения»[4]. «Все эти проповедники примкнули к донатизму. В результате к 30-гг. IV в. в южной Нумидии скопилась масса

---

[1] См. Н. Машкин, Движение агонистиков, «Историк-марксист», 1935, № 1, стр. 28—52, где указаны все источники и основная новейшая литература по этому движению; В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима, М., 1938, стр. 721 сл.; А. В. Мишулин, История древнего Рима, М., 1946, стр. 306—307; Р. Ю. Виппер, История средних веков, М., 1947, стр. 48.

[2] В. Сергеев, ук. соч., стр. 721.

[3] Н. Машкин, Агонистики или циркумцеллионы в кодексе Феодосия, ВДИ, 1938, № 1, стр. 92.

[4] Н. Машкин, Движение агонистиков, стр. 33.

людей, доставлявших большие неприятности владельцам поместий и ростовщикам этого края. Противники донатистов прозвали их циркумцеллионами» (там же, стр. 35).

И еще: «В каком отношении стояли к донатистам агонистики? Отрывать эти два течения у нас нет никаких оснований... Мы можем считать агонистиков радикальной и наиболее активной группой донатизма со своей особенной организацией» (стр. 50). Может быть, укоренению такого взгляда на появление агонистиков весьма способствовало то, что все главнейшие и почти единственные источники о них мы черпаем исключительно из антидонатистских произведений церковных ортодоксов IV—V вв., у которых, помимо скудости сведений о движении агонистиков, мы находим тенденциозный подбор материала и крайне извращенную общую характеристику движения.

Агонистики в этих источниках как бы тонут и растворяются в донатизме, с которым, как известно, ортодоксальные церковные писатели вели непримиримую и ожесточенную борьбу в первую очередь. И в этой борьбе они интересовались агонистиками только в той мере, к какой последние могли скомпрометировать их врагов. Главный враг донатистов Августин на посрамление своих противников постарался тесно связать агонистиков с донатизмом и перенес на них название circumcelliones.

Однако тщательный анализ источников показывает, что в действительности агонистики ни организационно, ни, тем более, идеологически не были связаны с донатизмом. Это были два совершенно различных по идеологии, по организации и по своей социальной направленности движения. Они только протекали одновременно, хронологически связывались и политически временами сливались одно с другим. Но всегда и при всех обстоятельствах они имели совершенно рзличные интересы и преследовали совершенно различные цели.

Если донатизм являлся выражением протеста различных слоев африканского общества против нивелирующей силы римского господства, то движение агонистиков было чисто революционным движением, отражавшим чаяния угнетенных масс и выражавшим протест этих масс против социального гнета, откуда бы он ни исходил. Если в донатизме мы видим чрезвычайно пестрый социальный состав, начиная от крупных землевладельцев и рабовладельцев—римской и туземной аристократии, торговцев-ростовщиков, епископов—и кончая мелкими свободными земледельцами, ремесленниками, колонами и даже рабами, шедшими за своими владельцами-донатистами, то социальный состав агонистиков был классово однороден. Это эксплоатируемая масса, преследовавшая ярко выраженные цели передела земли и освобождения от рабства, от долгов и долговой кабалы.

Нельзя, конечно, отрицать, что главари донатистов—епископы в своей ожесточенной борьбе с ортодоксами использовали движение агонистиков и часто опирались на них. Но всякий раз, когда эти временные союзники донатистов посягали на существовавшие в Африке имущественные отношения, донатисты не только порывали с ними и осуждали их, но и предавали, призывали на помощь римскую власть.

В данном случае, как справедливо замечает М. Юнг, донатистские епископы поступали с агонистиками, как Лютер в XVI в. поступил с восставшими крестьянами[1]. В обоих случаях религиозные реформаторы боялись восстания угнетенных масс, которое могло нанести ущерб и им. И когда они видели, что призванные ими союзники объявляли войну

[1] M. Jung, Die romanischen Landschaften des röm. Reiches, 1881, стр. 179.

всему социальному порядку, они призывали на помощь против них все силы этого порядка, чтобы их подавить и искоренить.

«Перед лицом революции,—говорит по этому поводу Энгельс,—все старые раздоры были забыты... горожане и князья, дворяне и попы, Лютер и папа соединялись против крестьян»[1].

Поэтому мы считаем исторически неверным связывать организационно эти два разнородных по своей идеологии и по своим целям движения и выдвигать положение, что агонистики представляли собой «радикальное крыло донатистов».

Мы считаем, что самое появление агонистиков в Африке следует относить ко времени, гораздо более раннему, чем возникновение донатистского раскола. Судя по всем данным источников, первоначально агонистики представляли собой одну из раннехристианских демократических сект, в которых были особенно сильны хилиастические и монтанистические традиции раннего христианства.

Здесь, в Африке ,может быть, еще быстрее и шире, чем в других римских провинциях, распространялись и укоренялись эти традиции. Недаром церковные писатели, сочувствовавшие монтанизму, Тертуллиан и Лактанций были родом из Африки. Недаром Коммодиан именно на почве Африки создал свою блестящую поэму о гибели мира и наступлении царства Христа, которая по богатству фантазии и ярким краскам далеко оставляет за собой все подобного рода трактаты и картины, рисуемые его современниками. Точно так же и другой африканец Лактанций не менее ярко изобразил все великолепие мессианского царства, которое, по его словам, должно наступить после ниспровержения Римской империи и воздаяния тем, «которые не ведали правосудья божьего»[2].

«Там будет земля, одинаковая для всех, жизнь—общая, богатство станет ненужным, не будет больше нищего и богатого, господина и раба, великих и малых царей и вельмож, но все будут равны» (Ibidem, VII, 24).

Не подлежит сомнению, что христианская пропаганда, проникнутая хилиастическими идеями, должна была оказывать могущественное влияние на те слои населения провинций, на которые с особой тяжестью давило римское государство. Она заставляла их с особенной силой почувствовать свое тяжелое положение, сознать нетерпимость его. Вера в близкое пришествие Христа, за которым последует расправа с ненавистным миром угнетения и порабощения, надежда на грандиозную катастрофу, после которой откроется новый, лучший мир, должна была находить конкретное воплощение в народных сердцах.

Неудивительно, что в северной Африке там, где утвердилось римское влияние, пропаганда христианства шла весьма успешно. Исследователи отмечают, с какой быстротой распространялось христианство в римской Африке. Уже в начале III в. христианство было широко распространено в Нумидии и Мавритании[3]. В условиях свирепого военного режима и гнета туземцы с энтузиазмом встречали эту «религию рабов,изгнанников, отверженных, гонимых и угнетенных»[4], которая провозглашала близкое наступление божьего царства с его равенством всех людей, с его социальной справедливостью. Но очень скоро приходило разочарование. И по

---

[1] Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, М., 1939, стр. 48.

[2] Lactant., Instit. divin., VII, 16.

[3] A. Harnack, Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten, B. II, Leipz., 1906, стр. 238.

[4] Ф. Энгельс, Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу», К. Маркс, и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 367.

мере того, как все более и более утверждался антидемократический дух в христианской церкви и ее верхи выказывали все явственнее в своих действиях и в своих сочинениях оппортунизм по отношению к империи со всеми ее порядками, массы туземцев отходили от бюрократизирующейся церкви и образовывали свои сектантские демократические общины. Сближение руководителей христианских общин с «языческим» Римом и их «омирщение» возбуждали глубокое недовольство в массах африканских христиан. Это недовольство отразил в своих сочинениях карфагенский епископ Киприан, у которого мы находим резкие жалобы на «омирщение» церкви[1].

В то же время гонения Деция (249—251) и Валериана (253—260) еще более углубили рознь внутри африканских христианских общин. Во время гонения Деция высшее духовенство и наиболее влиятельные и богатые христиане или скрывались, или становились отступниками. В Сатурне, втором городе проконсульской Африки, епископ Репост сам пришел в языческий храм и привел с собой клириков и часть мирян[2]. Епископ Ассура Фортунат и два других африканских епископа Иовин и Максим также принесли жертвы богам (ibid., epist, 55 и 64).

На христианскую бедноту это бегство и отступничество производило глубокое впечатление. Множество простых людей ушло навсегда из общин, а те, кто остался, проявили величайшую непокорность бежавшим епископам.

На расстоянии времен, сквозь туман агиографических источников трудно дать подробное описание событий, происходивших внутри африканских христианских общин в связи с гонениями Деция и Валериана. Но несомненно одно. В то время как епископы и богатые слои христиан бежали или отрекались от веры, христианская масса была охвачена сильным религиозным возбуждением. Появились новые вожди, вышедшие из народа. Они увлекли за собой массу под лозунгом мученичества.

Окруженные ореолом святости и мученичества, эти вожди стали во главе движения против епископата. Их готовность пролить свою кровь в борьбе против языческого Рима влекла к ним массы, стоявшие даже вне христианского движения. Эти туземные простые люди, согнанные с земли, разоренные и порабощенные, легко поддавались энтузиазму христианских сектантов. Буйная и неоформленная ненависть к римским колонизаторам сосредоточивалась у них на идее мученичества и на культе мучеников. Этот культ мучеников имел характер какого-то болезненного, фанатического исступления, переходившего в «жажду мученичества», что в тех условиях являлось лишь своеобразной формой протеста против существующего строя.

Эти мученики, проклинавшие языческий Рим и бунтовавшие против него, были бесконечно далеки от епископов и руководителей бюрократизирующейся африканской церкви. Они, действительно, становились в христианских общинах большой силой, пока епископская знать не подавила этого движения. Иллиберский (Эльвирский) собор в 305—306 гг. окончательно осудил практику добровольного мученичества. Шестой канон этого собора запрещал провозглашать мучеником того, кто «кощунством и богохульством» навлекал на себя ярость «язычников».

Так произошел внутренний переворот в африканской церкви. Добровольное мученичество было осуждено и изгнано из практики церкви.

---

[1] Киприан, О падших, об одежде девственниц, Творения Киприана, изд. 1-е, ч. II, стр. 135, 146, 147.

[2] Cyprian, epist. 64.

Но оно осталось в народившихся сектантских демократических общинах и сделалось одной из самых характерных черт африканских сектантов.

Эти сектантские общины, по нашему мнению, и были начальным этапом движения агонистиков.

Действительно, нельзя отрицать, что в антидонатистских сочинениях агонистики IV—V вв. являются перед нами со всеми характерными чертами еретиков раннехристианских демократических сект. Они лишь в новых условиях и в новой социальной обстановке продолжали традиции этих сект.

И прежде всего—традицию добровольного мученичества. Это находилось в теснейшей связи не с донатизмом, а с монтанистическими воззрениями, отражавшими идеологию антиепископальных демократических элементов в раннем христианстве. Исповедание веры во время гонений, мученичество за веру монтанисты считали величайшей добродетелью. Тертуллиан, сам сочувствовавший монтанизму, писал: «Не желайте умирать на своих постелях в муках рождения или в лихорадке, но желайте умереть мученической смертью»[1]. Оптат Милевитский и Августин, как известно, неоднократно отмечают и осуждают эту «жажду мученичества» у агонистиков.

«Это были люди,—писал Оптат,—того самого рода, которые в стремлении к ложному мученичеству сами на свою погибель вызывали на себя губителей (sibi percussores sub cupiditate falsi martyrii, in suam perniciem conducebant). Поэтому и были среди них такие, которые бросались с вершин высоких гор, сбрасывая свои дешевые душонки»[2]. Но и все другие характерные черты социальной системы агонистиков IV—V вв. ведут нас не к донатистам, а к раннехристианской традиции II—III вв. Они называли себя «святыми» (sancti), «воинами Христа» (milites Christi), «подвижниками» (agonistici)—все это традиционные названия членов раннехристианских общин. Названия milites Christi, agonistici объясняются тем, что члены раннехристианских общин считали, что они призваны «состязаться» в борьбе с противником Христа—дьяволом и преодолевать его. Тертуллиан называл христиан «воинами Христа» и утверждал, что военная служба неприлична им[3]. Коммодиан часто говорит о христианах как о «состязающихся» в борьбе с дьяволом[4] и одно из своих наставлений специально посвящает «militibus Christi». И Августин прямо говорит: «Их называют агонистиками... Называем мы их так, говорят, из-за их подвига, состязания (propter agonem). Ведь они подвизаются, а апостол говорит: «подвигом добрым я подвизаюсь»[5] (II Кор., 1,4). Поэтому, те которые подвизаются против дьявола и преодолевают его, называются воинами Христовыми, агонистиками»[6].

Продолжая традиции раннехристианских демократических сект, агонистики IV—V вв., как это ясно видно из антидонатистских сочинений, также предавались аскетизму и отвергали брак. Они также проповедова-

---

[1] Tertull., De fuga in persecut., 3; ср. ibidem, 10: Moriatur quoquo modo, aut victor, aut victus. Nametsi negando ceciderit, cum tormentis tamen proeliatus, malo miserandum, quam erubescendum. Pulchrior est miles in proelio amissus, quam in fuga salvus; ср. Ad martyr., 2.

[2] Optat., III, 4; Русск. перев. см. А. Ранович, Первоисточники по истории раннего христианства, М., 1933, стр. 180; ср. Augustin., Contra Gaudent., I, 28, 32, epist. 185, 3, 12; 4, 15, 2, 8, 88, 8, 204, 1, 2, 5, Ad Donat. post. collat., 17, 22, Contra Gaudent., I, 22, 25; 27, 30, 31; Theodor., Haeres., IV, 6 (Migne P. Gr., t. 83, стр. 423); Isidor., Hisp. Originum, VIII, 5.

[3] Tertull., De corona militis, II.

[4] Commod., Instruct., I, 29, 13; II, 20, 3.

[5] Commod., Instruct., II, 12.

[6] August., Enar. in psalmo, 132, 6; ср. Epist, 108, 6, 18; Optat., III, 4.

ли возвращение к первоначальному «истинному» христианству и также отрицательно относились к собственности. Идея равенства всех и общности имущества также, несомненно, лежала в основе их учения, как это ясно видно из всей их дальнейшей практики. Отрицая собственность и проповедуя нестяжание, они сами жили в строгой бедности, не имели ни собственных домов, ни какого-либо достатка, ни запасов на завтрашний день. Они добывали себе пропитание подаянием, и, считая себя «странниками и пришельцами» на земле, они не имели никакого постоянного местожительства и никаких определенных занятий. Переходя с места на место, они бродили по селениям, по полям и дорогам, по горам и лесам, проповедуя свое учение, вовлекая в свои общины новых адептов.

Римское господство, обострявшее классовые противоречия, доставляло общинам агонистиков много новых приверженцев. Число их должно было особенно возрасти во второй половине III в., когда свободные мелкие собственники—туземцы почти совершенно исчезли в Африке. Земли, которые прежде принадлежали туземным племенам, были расхватаны и распределены между доменами императоров и поместьями римской и туземной аристократии. Африканец Арнобий в конце III в. говорил уже о «целых провинциях», сделавшихся владением одного лица[1]. Прежние свободные земледельцы частью были вытеснены в малоплодородные пустынные и горные местности, частью остались сидеть на захваченных землях на положении колонов и рабов. И к ним пришли теперь разорение, порабощение и нищета.

Аграрные отношения осложнялись невыносимой фискальной системой и произволом римской администрации, что еще более ухудшало положение трудящихся масс. Именно эта земельная экспроприация, эти непосильные бремена податей и общий свирепый режим доставляли общинам агонистиков многочисленных приверженцев. Беглый трудящийся люд быстро пополнял их ряды в это тяжелое время. Угнетенные массы шли к этим странствующим беднякам так же, как и они, становились воинами Христа, борцами за ниспровержение дьявольского мира и за торжество «святых» на земле.

Сила еретических движений и состояла в том, что они отвечали революционным тенденциям широких масс, угнетаемых римскими порядками, давая идеологическое оформление их бунтарским, стихийным и неорганизованным порывам к освобождению. Через эти сектантские демократические общины христианство идеологически и организационно связывалось с теми революционными элементами, которые выделяло из своей среды римское рабовладельческое общество в Африке.

Вместе с тем это было время не только быстрого количественного развития общин агонистиков, но и качественного их видоизменения. Эти общины окончательно оформляются как революционные организации угнетенных масс. Мир не только с его языческим культом, но также и со всем его социальным строем стал для агонистиков царством дьявола. И они стали предпринимать агрессивные посягательства на этот социальный строй, намереваясь осуществить царство Христа на земле. Эсхатологические упования переносились этими странствующими толпами неимущих бедняков на реальный мир, и они смотрели на себя как на мстителей социальной неправды. Проповедь нестяжания и отрицания собственности сменилась теперь проповедью истребления нечестивых слуг дья-

---

[1] Arnob., Adv. gentes, II, 40: quamvis provincias totas rus facerent unum; cp. Frontin., De contr. agr., p. 53: Africa, ubi saltus non minores habent privati quam res publicae territoria, quin immo multis saltus longe majores sunt territoriis.

вольского римского мира и подготовления таким путем торжества святых на земле.

Нельзя думать, что агонистиков еще не было в III в., только потому, что их нет в это время в дошедших до нас источниках. Ведь не внезапно же появились они в начале IV в. Историки задумывались над этим вопросом—в какое время появились они? И многие склонялись к тому, что агонистики существовали в Африке еще до возникновения донатистского раскола[1]. Во всяком случае не подлежит сомнению, что угнетенные массы Нумидии в половине III в. уже вели ожесточенную борьбу против социального гнета под религиозными христианскими лозунгами. В это время они часто выступали в союзе с независимыми и полузависимыми племенами берберов и мавров, постоянно вторгавшихся в оккупированные Римом области Африки. Риму, несмотря на все усилия не удавалось покорить эти свободолюбивые племена. Они оставались грозной и враждебной Риму силой на протяжении всей границы римских владений и вели неутомимую борьбу, не прекращавшуюся в течение веков.

Часто неустрашимые отряды берберийских всадников неуловимо проскальзывали между римскими охранными постами и вторгались далеко в глубь страны. Нумидийские города Калама, Тагаста, Мадавра, Октава, Милев, Цирта, Сигус, Тевеста, Багаи, Ламбеза, Тамугады, т. е. те города, которые, согласно позднейшим источникам, были главнейшими очагами движения агонистиков, весьма часто подвергались их нападениям. Начиная с правления Максимина (238 г.) и вплоть до Диоклетана, источники отмечают эти вторжения в Нумидию, которые в условиях Африки принимали характер восстаний против римских оккупантов, сливаясь с народной освободительной борьбой[2]. В союзе с этими «варварами» шли и христианские угнетенные массы, эти milites Christi, во имя победы над дьяволом провозглашавшие священную войну рабовладельческому миру.

Фантастическое отражение этих событий мы можем находить в христианской агиографии.

Конечно, с исторической точки зрения африканские жития бесчисленных донатистских мучеников не имеют большой научной ценности и не являются подлинными. Но в них все же запечатлелась покрытая густым слоем фантастики та идеология борьбы и мученичества, которой были пропитаны бедные воины Христа. Переполненные огненными видениями, страшными пытками и казнями, насыщенные исступленной жаждой мученичества, эти жития, несомненно, отражают часть той революционной борьбы, которую вели в Нумидии, надо полагать, агонистики.

Так, мы знаем, что в 260 г. римский офицер Кв. Гаргилий, начальник вспомогательной кавалерии, сражался с вторгнувшимися племенами кабилов в районе Auzia (Aumale) и, захватив в плен знаменитого вождя кабилов Фараксана, предал его смерти. После этих успехов Гаргилий от-

---

[1] См. Н. Кутепов, Раскол донатистов, Казань, 1884, стр. 38; F. Ribbeck, Donatus und Augustinus, oder der entscheidende Kampf zwischen Separatismus und Kirche, Elberfeld, 1858, стр. 123—124; Е. Трубецкой, Религиозно-общественный идеал западного христианства в V в., ч. I, М., 1892, стр. 117; Bindemann, Der heilige Augustinus, B. II, стр. 393; D. Völter, Der Ursprung des Mönchtums, Tübing. u. Leipz., 1900, стр. 41 сл.; F. Martroye, Genséric, La conquête vandale en Afrique et la destruction de l'Empire d'occident, Paris, 1907, стр. 18; ср. В. Болотов, Лекции по ист. др. церкви, т. II, СПБ., 1910, стр. 406.

[2] См., например, CIL, VIII, 9045; «Ephem. épigr.», V, 953; V, 752; AEp., 1936, № 53; ср. выражение «barbari rebelles» в одном отрывке надписи в AEp, 1928, № 38.

правился для соединения с войсками легата Нумидии, но попал в засаду, организованную варварами, и погиб[1].

Немного позднее кабилы, населявшие горный массив Бабора, вторглись в окрестности Милева (Milev) и опустошали римские владения до самой южной границы Нумидии. Легат К. М. Децциан, пропретор Нумидии, с большим трудом рассеял их[2].

Очевидно, эти события отражает «Passio S. S. Jacobi, Mariani et aliorum plurimorum martyrum in Numidia». В рамках житийного трафарета, смешивая исторические факты с фантастикой, «Passio» рассказывает об участии христиан в этой борьбе. Это обстоятельство заставило легата К. М. Децциана начать жестокие гонения на христиан.

Преследование велось по-военному[3]. Против христиан были брошены не только полицейские силы, но и солдаты, стоявшие в Ламбезе[4]. Магистраты с помощью солдат искали христиан, бросали их в тюрьму, где подвергали допросу и пыткам, а затем отсылали захваченных с письменным рапортом в Ламбезу—резиденцию легата.

В это же время через Нумидию проезжали три христианина—Яков, Мариан и третий, не известный по имени. Во время пути Мариан уснул в телеге и видел во сне юношу в огненном сиянье, бросившего ему и Якову два красных пояса. Неизвестно за что они были схвачены солдатами и водворены в Мугуасе (Muguas), около Цирты, на хуторе, где находились другие христиане.

Через два дня римский центурион в сопровождении отряда солдат захватил еще группу христиан, которые собрались на хуторе. Все они, как заговорщики, были отправлены в Цирту, где муниципальные магистраты бросили их в тюрьму, пытали и мучили их. Затем они были отправлены в Ламбезу на суд легата и через несколько дней казнены со множеством других христиан. Их привезли на берег реки на одну небольшую равнину, окруженную холмами. Осужденных было множество. Их поставили в ряд, завязали им глаза, а затем палач пошел перед рядом, отрубая постепенно одну голову за другой.

В своем экстазе мученики Ламбезы перед казнью видели во сне «белых всадников», мчавшихся на белых конях, и слышали гулкий топот и дикое ржанье коней[5]. Белые всадники спустились внезапно с гор, и их вели четыре шейха во главе с вождем. Выведенные на место казни, Яков и Мариан проклинали судей, накликали на империю чуму, землетрясения, голод и предсказывали скорую победу белых всадников на белых конях.

Трудно базироваться на этом житии, так как мучение Якова, Мариана и множества других христиан не может рассматриваться нами как исторически достоверное. Но все же нет ничего невероятного в том, что множество христиан погибло за участие в восстании во время вторжения кабилов, и это нашло свое отражение в житии.

---

[1] E. Mercier, Histoire de l'Afrique septentrionale, t. I, Paris, 1888, стр. 115; ср. CIL, VIII, 9047.

[2] CIL, VIII, 7824. В память этой победы К. М. Децциан посвятил в Ламбезе надпись Юпитеру и всем богам.

[3] «Acta sanctorum», ed. Ruinart, стр. 226: Praesidis furor per militares manus requirebat.

[4] Это были, вероятно, солдаты legio III Augusta, который с 253 г. стоял в Нумидии, см. CIL, VIII, стр. XX—XXI.

[5] «Passio», 22: quod sibi apparerent equi desuper niveo colore candentes, quibus inveherentur juvenes candidati et exauditos equorum fremitus ac sonos recognoscerent.

Согласно церковной традиции, в эпоху гонений III в. в Африке кровь христиан лилась потоками, и эта кровь, как видно из африканских житий, по преимуществу была кровью порабощенного туземного населения. Весьма многие имена, отмечаемые в житиях, показывают, что это были простые люди—свободные или рабы. Namphamo[1], Nartzalus, Cittino, Jader, Mettun, Ahymnus, Baric, Namgedde, Gudden, Miggin, Lucitas, Sanaé и много других подобных имен обнаруживают, что эти берберы-христиане были плебеи или рабы. Speratus, Donata, Secunda, Vestia, Revocatus, Felicitas, Saturninus, Secundulus, Tertius, Dinocrates, Saturus, Jucundus, Rusticus, Artaxius—все это, возможно, рабы[2].

Для нас имеет важное значение тот факт, что агонистики времен Августина преемственно связывали себя с этими мучениками и почитали их как борцов, погибших за дело бедных и угнетенных, и память о них долгое время жила среди агонистиков.

Языческий ритор Максим из Мадавры в письме к Августину от 390 г. бросает упрек христианам в том, что они вместо «бессмертных богов» поклоняются бессчетному числу «смертных, потерпевших справедливую казнь за свои злодеяния при жизни». Представитель античной философии и религии питает отвращение к этим мученикам с берберийскими именами, которые у христиан заступили место древних богов и которые в его глазах были все государственными преступниками, казненными по заслугам.

«Кто может стерпеть, чтобы Юпитеру-громовержцу предпочитали какого-то Мигдона, Юноне, Минерве, Венере и Весте—какую-то Санаю, а всем бессмертным богам—о, ужас,—архимученика Намфамо и бесчисленных других с их ненавистными богам и людям именами, которые в сознании нагроможденных ими нечестивых преступлений потерпели под видом славной смерти конец, достойный их гнусных нравов и действий. Их-то пепелища, покинув храмы, забыв могилы предков, глупые люди посещают»[3].

Агонистики IV—V вв. окружали почитанием именно этих мучеников, и это почитание в их традиции сохраняло свой особый классовый смысл. У могил своих братьев по классу, погибших за дело свободы, они часто собирались и устраивали поминки (convivia), против которых так вооружался Августин, изображая их в виде каких-то пьяных и развратных оргий[4].

Вряд ли в данном случае имеются основания выводить этот культ мучеников из языческих обрядов и обычаев берберийских племен, как это полагает Гзелл[5]. В данном случае идеология культа мучеников у агонистиков имела под собой уже другую основу и они вкладывали в этот культ совершенно другое осмысление, не связанное со старыми языческими обрядами магического оплодотворения земли. Агонистики просто почитали останки тех, которых народная традиция считала такими же «воинами Христа», такими же борцами против дьявольского мира, какими являлись и сами они.

---

[1] Культ Namphamo получил в Африке большое распространение в народе, и имя это было весьма употребительным, как показывают надписи; см. L. Renier, Inscriptions d'Algérie, 1030, 1761, 935, 3601, 3608, 3609, 3632, 3777, 3954.

[2] A. Harnack, указ. соч., стр. 237, 238, прим. 1.

[3] August., Epist. 101, 16.

[4] August., Sermo 355, 4: istum tam sanctum locum ubi jacet tam sancti martyris corpus invaserat pestilentia et petulantia saltatorum. Per totam noctem cantabantur nefaria; ср. Contra litt. Pet., I, 24, 26; Contra ep. Parm., I, 24, 26; De unit cath. eccl., 19, 20; Concil. Carthag. 400 an., can. 60.

[5] Gsell, Histoire ancienne de l'Afrique, VI, стр. 129, 130, 140; ср. Н. Машкин, указ. соч., стр. 42.

Другой вопрос, на котором мы считаем необходимым остановиться, касается термина circumcelliones. Исторический смысл этого термина не выясняется в существующей литературе, и все исследователи ограничиваются только кратким замечанием, что название circumcelliones—это оскорбительное прозвище, данное агонистикам их противниками на том основании, что толпы агонистиков «бродили вокруг деревенских клетей».

Вот известное место из сочинений Августина, в котором он, обзывая агонистиков циркумцеллионами, дает этимологию этого слова:

«Quis nescit hoc genus hominum in horrendis fascinoribus inquietum, ab utilibus operibus otiosum, crudelissimum in mortibus alienis, vilissimum in suis, maxime in agris territans, et victus sui causa cellas circumiens rusticanas, unde et circumcellionum nomen accepit, universo mundo poene famosissimum Africani erroris opprobrium»?»[1].

На основании этого места за агонистиками в буржуазной литературе твердо упрочилось название циркумцеллионов, и между обоими названиями обычно не усматривается никакого различия по существу. Считают, что термин circumcelliones наши источники применяют только по отношению к агонистикам.

А между тем, в действительности, этот термин был перенесен на агонистиков совершенно случайно и у того же Августина, равно как и у донатистов, а также во всей церковной литературе IV—V вв. обозначал, собственно говоря, совершенно другую категорию людей, обозначал, именно, определенную конфессиональную группу лиц, по своей социальной сущности не имевшую ничего общего с агонистиками. Вот почему Августин по поводу этого названия в своей полемике с донатистами говорил: «может быть, скажут: наши (т. е. донатисты) не называют их циркумцеллионами. Это вы (т. е. ортодоксы) зовете их таким пренебрежительным именем. Их же называют агонистиками»[2].

Действительно, пренебрежительным именем circumcelliones в африканской церковной литературе IV—V вв. обычно называли толпы бродячих монахов, не желавших подчиняться правилам общежительных монастырей. В других странах их называли еще цирцеллионами (circelliones), циркви торами (circuitores), гировагами (gyrovagi), сараваитами (sarabaitae) и ремоботами (remobothae).

Это монахи, не организованные и не объединенные по типу церковного монашества в киновиях. В то время как в киновиях, учреждаемых ортодоксами, церковные руководители вводили строгие правила дисциплины, за нарушение которых наказывали часто жестоким бичеванием, калечением, а иногда выкалыванием глаз или бросанием в подземную тюрьму (яму), множество монахов, избегая суровых правил общежительной жизни, отказывались от проживания в киновиях и толпами бродили по городам и селениям, буйствовали, выпрашивали подаяние, продавали ложные реликвии.

Говоря словами Августина, бродяжничество, отсутствие определенного местожительства составляло одно из характерных отличий таких монахов от ортодоксального церковного монашества, организованного в конгрегации. Таким-то монахам церковные ортодоксы в Африке и усвоили пренебрежительное название circumcelliones.

Augustin, Enarratio in psalmo 132, 3: circumcelliones dicti sunt qui circum cellas vagantur: solent enim ire hac atque illac, nusquam habentes sedes. Глоссатор XI в. Папий так говорит о циркумцеллионах: Circumcel-

---

[1] August., Contra Gaudent., I, 28, 32.
[2] August., Enar. in psalmo 132, 6.

liones dicuntur qui sub habitu monachorum usquequaque vagantur[1]. Они, по словам Августина, отличаются от ортодоксально-церковных монахов, как vagantes or congregati. Им противно самое имя монаха, «quia nolunt cum fratribus habitare in unum»[2].

Современники Августина Иоанн Кассиан (ум. 435 г.), Павлин Ноланский (353—431 гг.) и Иероним также говорят о таких монахах.

Кассиан, основатель монашества в Галлии и один из главных теоретиков монашеской жизни, в своих «Collationes» говорит о многочисленности таких бродячих толп монахов, наполнявших восточные и западные провинции империи при императоре Валенте (364—378 гг.). Он называет их «самым ужасным и неверным родом монахов» (deterrimum et infidele monachorum genus), «вредным насаждением» (plantatio rediviva). «Они никак не принимают благочиния киновийского, не подчиняются воле старцев, не принимают их наставлений, не учатся отсекать свою волю..., не остаются в своих жилищах, связанные теми же занятиями, или, строя себе особые кельи и называя их монастырями (aut construentes sibi cellulas easque monasteria nuncupantes), живут самочинно, по своей воле... и имеют дерзновение выходить, куда бы им ни вздумалось, побродить и делать, что угодно»[3].

Кассиан указывает и на другой род бродячих монахов, которых он называет гировагами. «Они всю свою жизнь бродят по разным странам (qui tota vita sua per diversas provincias vagantur), по три и по четыре дня гостят в домах разных лиц (ternis aut quaternis diebus per diversorum cellas hospitantur), всегда шатаются, никогда не оседают прочно, но всегда и везде ищут удовольствий по чревоугодию (semper vari et nunquam stabiles, sed semper et ubique propriis voluptatibus et gulae illecebris servientes)[4]. Павлин Ноланский в своей поэме «Ad Cytherium de naufragio Martiniani» так изображает их:

Qualia vagari per mare et terras solent
Avara mendicabula,
Qui dijerando, monachos se vel naufragos,
Nomen casumque venditant[5].

Иероним описывает их под местным, палестинским названием ремоботов[6], а Нил Синайский в письме к архимандриту Никону сетует, что все города и села наполнены бродячими монахами, «которые понапрасну и без цели бродят, встречая везде неуважение и холодность». «Все домохозяева смущаются и поистине огорчаются самым зрелищем, видя, что монахи бесстыднее нищих не отходят у них от дверей»[7]. Против таких толп бродячих монахов были направлены неоднократные постановления различных церковных соборов, как, например, Африканского собора

---

[1] См. у Дюканжа, Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis, s. v.
[2] August., Enar. in psalmo 132, 6.
[3] Johan. Cassian., De sarabaitarum principio et conversatione, Collat., XVIII, 7, «Sanct. patr. opuscula selecta», ed. H. Hurter, t. III, стр. 575—578.
[4] Joh. Cassian., Collat. XVIII, 8 стр. 578.
[5] Paulin., Carm. XIII, (Paulini, episcopi Nolani, Opera, ed. 1622, стр. 490).
[6] Hieronym., Epist. 22, De custodia virginitatis. Remobothae—еврейское слово, соответствующее латинскому renuitae, т. е. отвергающие правила монашеского общежития.
[7] Нил Синайский, письмо III, 106, «Творения св. отцов в русском переводе», т. 33, М., 1859, стр. 268.

от 403 г. (канон 93), Трулльского собора (канон 42), Халкедонского собора 451 г. (Деяние 15, канон 4) и ряда других поместных соборов, в канонах которых они фигурируют под различным названием и в том числе под названием circumcelliones.

Нам думается поэтому, что и в известных эдиктах Гонория от 412 г. и вандальского короля Гунериха от 484 г. под термином circumcelliones следует понимать именно толпы бродячих монахов, с которыми антидонатисты вели ожесточенную борьбу.

Совершенно неправ, конечно, Сомань, который, прибегая к натяжкам, усматривает под термином circumcelliones в эдикте Гонория от 412 г. «кочующих свободных сельскохозяйственных рабочих» и на этом ложном основании строит свою теорию аграрных отношений в Северной Африке в эпоху поздней империи[1]. Но, если иметь в виду действительный социальный смысл этого термина, то должна отпасть и аргументация Н. А. Машкина в защиту его положения, что под названием circumcelliones в упомянутом эдикте Гонория объединены «низшие слои свободного сельского населения, поскольку сословное положение их в условиях смешанного туземного и римского населения было различным»[2].

Ведь не подлежит сомнению, что эдикт Гонория имел в виду только донатистов, как конфессиональную группу клириков и мирян, противостоящую ортодоксальной церкви. Эдикт не имел совсем в виду агонистиков, которые, как багауды в Галлии, квалифицировались римской юриспруденцией «разбойниками» (latrones) и должны были наказываться на основании существовавших общих узаконений о беглых рабах и крестьянах, выступавших с оружием в руках против общественных порядков.

Если так, то кого же еще, помимо агонистиков, мог иметь в виду эдикт Гонория, осуждавший за принадлежность к донатизму? Он мог иметь в виду только толпы бродячих монахов, которые в происходившей ожесточенной борьбе между ортодоксами и донатистами стояли на стороне последних, как это видно из многих мест Августина. И решение, которое вынес трибун и нотарий Марцеллин на Карфагенском соборе 1 июня 411 г. и которое, несомненно, легло в основу эдикта Гонория, касалось не агонистиков как таковых, а тех же буйствующих монашеских бродячих толп, которые давно известны были под названием circumcelliones. Марцеллин, несомненно, имел их в виду, когда выносил решение о «circumcellionum turba» и призывал донатистских епископов подавить и усмирить их «буйство» в своих владениях (in praediis suis)[3]. При таком понимании термина circumcelliones,—а оно нам кажется правильным,—употребление его в эдикте Гонория не будет находиться в противоречии с данными церковных писателей относительно агонистиков.

В век Августина бродячими монахами—circumcelliones была наполнена вся римская Африка, и против них так же, как и против донатистов, ортодоксы вели непримиримую борьбу. Сам Августин всячески насаждал и поощрял организацию монастырей. Он основал киновии в Тагасте, в Гиппоне[4], и в несколько лет монастыри мужские и женские

---

[1] C. Saumagne, Ouvriers agricoles ou rôdeurs de celliers? Les circoncellions d'Afrique, «Annales d'histoire économique et sociale», № 27 (1934), стр. 357—368; ср. Н. Машкин, Агонистики или циркумцеллионы в кодексе Феодосия, ВДИ, 1938, № 1, стр. 82—92.

[2] Н. Машкин, указ. статья, стр. 88.

[3] «Gesta collat. Carth.», sententia cognitoris (Migne, P. L., стр. 1240).

[4] Possid., Vita Aug., 4, 6, 12, 14, 31; August., Epist. 64, 3; 78; 83; 209, 3; Sermo 355, 1, 2; 356, 10, 15.

распространились у ортодоксов по всей северной Африке[1]. Но это учреждение киновий встречало ожесточенное сопротивление бродячих монахов (circumcelliones), а также донатистов, которые не желали следовать за ортодоксами в новой организации монашеской жизни. Разногласия по этому вопросу приводили к большим волнениям и нередко к кровавым столкновениям, которые не были, строго говоря, связаны с выступлениями агонистиков и целями их борьбы. Августин по этому поводу около 400 г. написал «De opere monachorum», где резко порицал этих «праздно-любцев» и умолял братию киновий не следовать по пути этих «бродяг», продавцов мнимых реликвий, лжецов и шарлатанов, проступки которых, по его словам, дискредитировали ортодоксально-церковное монашество[2].

Вообще надо иметь в виду, что через многие сочинения Августина проходит борьба не столько против агонистиков, которых он смешивает в одну кучу с бродячими толпами монахов (circumcelliones), сколько против этих последних. В «Enarratio in psalmo 132» он пытается показать существенное различие, которое отделяет толпы этих circumcelliones от ортодоксально-церковных монахов, и противопоставляет первых последним: «пьяных—трезвым, беснующихся—благочинным, исступленных—простым духом, бродяг—братии, собранной в обитель»[3]. Он говорит о том, что эти монахи—circumcelliones пьяными толпами днем и ночью бродят с непотребными женщинами, предаваясь вместе с ними дикому разврату[4], что, очевидно, не имеет никакого отношения к организации и движению агонистиков. Во втором письме к Макробию, донатистскому епископу Гиппона, Августин проводит ясное различие между действиями монахов-циркумцеллионов, пренебрегающих государственными законами, и действиями «сельчан, которые дерзко восстают против своих владельцев, и беглых рабов, которые не только убегают от господ, но и угрожают им,—и не только угрожают, но и грабят их»[5].

Следует поэтому при характеристике движения агонистиков учитывать действительный социальный смысл термина circumcelliones и строго различать выступления бродячих толп монахов, этого деклассированного элемента, переполнявшего в то время города и селения римских провинций, от классовой борьбы угнетенных масс римской Африки, обозванных циркумцеллионами, но выступавших под названием агонистиков—традиционным названием членов раннехристианских демократических общин. Отождествлять агонистиков с бродячими монахами, как это делают некоторые исследователи[6], по нашему мнению, исторически неверно, так как это два разных явления, выросших из разных социальных корней, не имеющих ничего общего между собой. Ведь термин circumcelliones, принятый в западной церковной литературе IV—V вв. для обозначения бродячих монахов, существовал еще в эпоху Карла Великого[7], но никто не скажет, что в это время еще действовали африканские агонистики.

---

[1] August., Epist., 48; 211; 214—216; Possid., Vita Aug., 12.
[2] August., De opere monach., 36.
[3] August., Enar. in psalmo 132, 6.
[4] August., Enar. in psalmo 132, 3, 6; ср. Contra. Parm., II, 9, 19.
[5] August., Epist., 108, 6, 18.
[6] См. F. Ribbeck, указ. соч., стр. 122—123; Bindemann, указ. соч. ,стр. 363; D. Völter, указ. соч., стр. 42 и сл.; von Nathusius, Zur Charakteristik der Circumcellionen des IV-en und V-en Jahrhunderts in Afrika, 1900; F. Ferrêre, La situation religieuse de l'Afrique romaine, Paris, 1897, стр. 157.
[7] См. у монаха Sangallens., De Carolo Magno, I, 8: cum autem itinerando venisset Carolus ad quandam grandem basilicam, et quidam clericus de circumcellionibus ignarus disciplinae Caroli in chorum ultro intraret...

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обсуждение книг по античной науке и философии

А. О. МАКОВЕЛЬСКИЙ, засл. деятель науки, проф. Древнегреческие атомисты. Издательство Академии Наук Азербайджанской ССР, Баку, 1946, стр. 401, тир. 5 000, ц. 35 руб.

I

Обширное исследование проф. А. О. Маковельского ставит перед собой задачу восстановить исторически подлинный образ великого материалиста древности, одновременно философа и ученого, энциклопедически охватившего все основные отрасли знания своего времени. Автор справедливо подчеркивает, что старые и новейшие работы о древнегреческой атомистике полны вопиющих искажений исторической действительности. Левкипп вовсе вычеркивается из истории атомистики, как реальный предтеча Демокрита, последний превращается в предшественника Платона, принижается значение философии Эпикура, вся школа Демокрита квалифицируется как ветвь софистики и т. д. Отмечая, что уже Маркс, Энгельс и Ленин выступали против подобного рода (восходящих к Гегелю) извращений, автор, руководствуясь указаниями основоположников марксизма-ленинизма, старается показать Демокрита как определенную фигуру в истории развития античной атомистики. В соответствии с этой задачей исследование распадается на три основные части: а) Левкипп (гл. I), б) Демокрит (гл. II), в) Демокрит, его современники, школа Демокрита (гл. III и IV). В качестве обширного приложения дан полный перевод всех фрагментов биографического и доксографического характера о древнегреческих атомистах (часть вторая, стр. 199—387). Задача, поставленная автором, является весьма трудной. Литературное наследие античной атомистики очень скудно, биографические и доксографические материалы недостоверны и разноречивы. Это обстоятельство дает возможность искажать историю древнегреческой атомистики, и, как выражается автор, на самые разнообразные лады—платонизировать, кантианизировать, гегельянизировать, махизировать и т. п. Демокрита, превращать его в предтечу Мальбранша, спиритуализировать в духе кембриджских платоников XVII ст. и т. п. Вот почему метод простого анализа текстов не только недостаточен, но может привести к серьезным ошибкам, как это хорошо видно на примере последнего сочинения проф. С. Я. Лурье по истории античной науки. Помимо текстологических критериев, необходимо мобилизовать ряд критериев объективного порядка из областей экономики, политики, техники, науки и общей культуры. Только совокупность всех критериев, правильно использованных методологически, может привести к верной картине исторической действительности, предохранить от односторонностей и извращений.

Можно ли считать, что автор рассматриваемого труда справился с поставленной задачей? В основном—да, хотя в частностях недостаточно, последнее относится к использованию автором данных по истории развития античной техники и науки.

А. О. Маковельский неоднократно подчеркивает большое значение подобного рода критериев, но на деле использует их в недостаточной мере. Это в ряде мест придает изложению автора несколько догматический характер. Автор, решив часть задачи, как бы предоставляет другим исследователям заняться остальными, что нельзя не признать вполне законным, принимая во внимание сложность и трудность задачи. И это тем более так, что сама история древней науки и техники пока что разработана еще недостаточным образом. Обратимся к подробностям.

В главе о Левкиппе автор прежде всего защищает реальное существование Левкиппа, как предтечи Демокрита. Из разнообразных приводимых им аргументов отметим объективный критерий, относящийся к космогонии. Автор справедливо указывает (стр. 37 и 97), что «более примитивный характер космологии Левкиппа, по сравнению с космологией Демокрита, служит доказательством исторической реальности Левкиппа». Аналогичное значение могла бы иметь еще ссылка на то, что Демокрит «один из первых стал применять научный эксперимент», если бы автор эту тему развил подробнее на конкретном материале. Из отдельных высказываний автора в рассматриваемой главе важной и правильной является характеристика атомистики Левкиппа как синтеза ионийской натурфилософии, элеатизма и пифагореизма (стр. 22), последнего в его ранней материалистической форме, отожествлявшей единицы (монады) с мельчайшими телами (стр. 21).

Весьма важным и правильным является также указание автора (стр. 22 и 28) что первоначально у атомистов термины «форма» и «идея» означали не что иное, как пространственный «вид» или «фигуру» атомов. В дальнейшем, у Платона и Аристотеля, эти термины приобрели идеалистический смысл и обусловили известное искажение атомистики Левкиппа—Демокрита, сближение ее с теорией идей Платона.

С характеристикой автора атомистики Левкиппа—Демокрита как «плюралистического и механистического мировоззрения», противоположного «стихийно диалектическому мировоззрению первых философских школ древней Греции» (стр. 22 и сл.), едва ли можно полностью согласиться. Прежде всего является весьма странным, что в эпоху расцвета Греции господствовала философия первого рода, а до того—вторая. Говоря о «социальных корнях философии Левкиппа», автор выставляет следующее неправильное положение: «развитие денежного хозяйства, торговли и промышленности является той первопричиной, которая порождает атомистическую философию с ее индивидуализмом, трезвой рассудочностью и интересом к конкретному опыту и чувственной практике» (стр. 41). Сознавая, что этот тезис может вызвать серьезные сомнения, автор вспоминает «суздальскую дубоватость» Шулятикова и критику шулятиковщины Г. В. Плехановым (стр. 42). Тем не менее указанный тезис методологически используется автором при рассмотрении ряда проблем из истории древней атомистики, что приводит его к ошибочным и противоречивым суждениям. Так, автор, с одной стороны, утверждает, что по учению Левкиппа и Демокрита «атомы все абсолютно однородны и бескачественны» (стр. 28), а с другой, характеризует атомистику как «философию индивидуализма» (стр. 41 и др.). Спрашивается, что может означать понятие «индивидуума», если все «индивидуумы» абсолютно однородны и бескачественны»!

В действительности атомы Левкиппа—Демокрита лишь относительно однородны, т. е. одновременно однородны и индивидуальны, однородны в отношении первичного вещества, индивидуальны в отношении величины, фигуры, характера движения, тяжести, вплоть до знаменитого индивидуального отклонения или движения атомов Эпикура. Большой философской заслугой Левкиппа—Демокрита является то, что они впервые подвергли критике тривиальное понятие качества и показали, что это понятие является вторичным и сложным, а не первичным и простым; что, например, цвета, тона, запахи, вкусовые ощущения и пр.—это результаты сложного взаимодействия человеческого тела с объективно существующими материальными телами. В этом именно смысле Левкипп и Демокрит отличают вторичные качества от первичных.

Последнее замечание касается концепции тяжести у Левкиппа, Демокрита и Эпи-

кура. Автор правильно устанавливает, что у Левкиппа и Демокрита тяжесть была свойством вторичным, обусловленным вихревым движением, у Эпикура же—первичным, как «отвесное падение сверху вниз» (стр. 30—35). Формулировки автора требуют, однако, исправления и уточнения, иначе они могут породить недоразумения. Прежде всего неприемлема следующая формулировка аргумента против понятия тяжести, приписываемая автором Левкиппу и Демокриту: «ибо атом по самому своему понятию есть нечто, вполне замкнутое в себе, чуждое всего остального».

Эта формулировка модернизирует Левкиппа и Демокрита в духе Ньютона, ибо ее подоплекой является ньютоново представление о тяжести как «всемирном притяжении» частиц материи. Такого понятия о тяжести не было не только ни у кого из древних, но даже у Коперника и Гассенди. О нем начали смутно догадываться сначала Галилей и Кеплер, в более ясной форме Гюйгенс и Гук—предтечи Ньютона. Когда Эпикур говорит о «тяжести» атомов, то он, как справедливо указывает Дидро, разумеет под этим инерционное движение по определенному космическому направлению (верх—низ).

Демокрит и Левкипп, отрицая «тяжесть», отрицали существование такого космического направления, будь то в смысле Эпикура или же в смысле Аристотеля, рассматривавшего центр Земли как космический центр, куда «по своей природе» «устремляется» «тяжелый» «элемент земли», а за ним последовательно располагаются остальные элементы, из которых огонь обладает уже абсолютной легкостью. Левкипп и Демокрит считали такого рода «устремление» и «расположение стихий» естественным результатом вихревого движения, свойства которого они выводили из наблюдений над водоворотами и из опытов с воздушным насосом и т. п.[1].

Сформулированные в первой главе основные положения автор применяет во второй обширной главе, посвященной Демокриту. Демокрит характеризуется всесторонне как «пентатл» (пятиборец), т. е. как человек, прославившийся победами в пяти главных областях науки—математике, физике, технике, филологии и этике—как «первый энциклопедический ум среди греков» (Маркс).

Рассматривая генезис атомистики Демокрита, автор слишком непосредственно сближает философию и физику с экономикой и политикой. Философия Демокрита якобы отражает развитие индивидуалистических тенденций в экономике и общественной жизни древней Греции (стр. 48). По мнению автора, «правильным является выводить атомистическую политическую теорию и механистическую физику из одной общей основы—из характера социально-экономических отношений эпохи» (стр. 125).

Несостоятельность этой точки зрения может быть показана на простом примере. Высшим выражением индивидуализма, как это понятно, является доктрина о бессмертии души. А между тем эту доктрину опровергал «идеолог торгово-промышленных кругов рабовладельческого общества» Демокрит и защищал рабовладелец-аристократ Платон и все христианские философы феодального средневековья. Стремление автора быть прямолинейным и последовательным в генерировании взглядов Демокрита, исходя из «индивидуалистического» общественного базиса, приводит его к серьезным ошибкам. Одной из таких ошибок является характеристика демокритовского учения о пространстве и времени (стр. 91—93). Оказывается, что Демокрит якобы трактовал понятия пространства и времени «индивидуалистически» или «атомистически». Не только атомы образуют прерывность, как разделенные пространственной протяженностью, но и само пространство состоит из «протяженных единиц», разделенных... Чем? Этого автор не говорит, ибо сказать невозможно, по крайней мере с материалистической точки зрения. Автор не замечает, что он в своей характеристике сближает взгляды Демокрита с известным учением поздних пифагорейцев о непротяженных математических точках как истинных единицах или атомах сущего.

[1] О чем, например, пишет перипатетик Стратон, пытавшийся объединить Аристотеля с Демокритом при помощи отрицания «великих пустот» и признания «малых».

Точно так же автор не замечает, что указанная концепция путает и делает противоречивыми его в общем и целом совершенно правильные характеристики теории познания и научного метода Демокрита. Автор ополчается на различение Демокритом вторичных и первичных качеств. Но это различение, в указанном выше смысле, является совершенно правильным и составляет суть материализма Демокрита.

Автор говорит, что «первая особенность научного метода Демокрита заключается в требовании исходить из единичного». Но разве понятие атома—это понятие единичного? Утверждать это—все равно, что утверждать, что понятие товара, с которого Маркс начинает политическую экономию капиталистического общества, является понятием единичного. Как раз наоборот: понятие товара—категория всеобщего, от которой нисходят к особенным и единичным конкретным товарам. Аналогично этому, суть философии Демокрита в том, чтобы от всеобщего понятия атома итти к объяснению единичных и особенных конкретных вещей и процессов.

Атомистика Демокрита является ограниченной, но не во всех тех смыслах, которые подчеркивает автор. Будучи продуктом определенной эпохи, атомистика Демокрита является порождением очень сложного комплекса факторов, характерных для эпохи,—степенью развития общественной жизни, экономики и политики, науки и техники, философии и искусства, общей духовной и материальной культуры.

В эпоху Демокрита из всех научных отраслей были более или менее развиты,—в абсолютном смысле весьма, однако, слабо,—математика, астрономия и механика; физика и химия в качестве наук не существовали; еще в меньшей степени—биология и научная психология, а о политической экономии и научной истории и говорить не приходится. Отсюда примитивный метафизический характер демокритовского представления об атоме, понимание взаимодействия как механического толчка и удара, механистический характер психологии, экономический и политический примитивный атомизм и т. д.

Понимая эту ограниченность философии Демокрита, следует тем более удивляться гениальности философа, сумевшего на столь убогой базе возвыситься до грандиозной теоретической концепции, блестяще оправданной всей последующей двухтысячелетней историей науки и техники. Вот почему «Общие замечания о философии Демокрита» А. О. Маковельского (стр. 171) требуют некоторых исправлений и уточнений. Автор проделал большую положительную работу для реставрации подлинного Демокрита, но эта работа несколько портится тенденцией автора слишком упрощенно трактовать связь между философией Демокрита и политико-экономическими условиями его времени.

Третья и четвертая главы рассматривают современников Демокрита и его школу.

Параграф «Демокрит и пифагорейцы» (стр. 126 и сл.) очень хорошо характеризует различие между материалистической концепцией атома у Демокрита и позднепифагорейским пониманием атома как непротяженной математической точки.

В параграфе «Демокрит и Платон» (стр. 179—191) возражение вызывает слишком прямолинейное противопоставление Демокрита Платону (стр. 191). Например, Платон исходил из реальности общего (идеалистический реализм); Демокрит же—из реальности единичного (философский номинализм, по терминологии автора). В действительности суть различия между Демокритом и Платоном заключается в различном понимании всеобщего. Всеобщее Платона—это идея идей, т. е. бог, генерирующий мир из абсолютной пустоты через посредство метафизических треугольников и правильных многогранников. Всеобщее Демокрита—это бесконечное разнообразие материальных атомов, обладающих величиной, фигурой, движением, сочетание и взаимодействие которых образуют конкретные вещи и материальные процессы.

Глава «Школа Демокрита» (стр. 192—199) весьма кратка и имеет в виду собственно непосредственных преемников Демокрита в Абдерах. Методологически было бы более правильным, если бы автор уделил некоторое место характеристике школы Демокрита в более широком смысле слова, остановившись хотя бы на Эпикуре и Лукреции Каре.

Можно было бы сделать еще ряд замечаний о различных разделах исследования А. О. Маковельского, например, по вопросу о биологических, социологических, этических и других взглядах Демокрита. Но мы ограничимся сказанным, касающимся самого существенного и спорного.

В заключение несколько слов об обширном приложении—«Источники. Перевод фрагментов биографического и доксографического материала». Независимо от суждения насчет правильности перевода отдельных фрагментов, это приложение должно быть признано весьма ценным. Впервые советский читатель получает в руки богатый материал, расположенный притом в систематическом порядке многочисленных тем, могущий послужить основой для изучения истории древней атомистики.

Ограничиться только этим материалом было бы большой ошибкой, в которую впадают сторонники текстологического и филологического метода. Указанный материал является отправным пунктом, и дальнейшее движение возможно лишь исходя от него.

Проф. З. А. Цейтлин

II

Вторая часть большой работы профессора Маковельского заключает в себе перевод античных свидетельств о древних атомистах и перевод фрагментов сочинений Левкиппа, Демокрита, Несса, Метродора Хиосского, Диогена из Смирны, Анаксарха, Гекатея из Абдер, Аполлодора, Навсифана, Диотима и Биона из Абдер. Как указывает автор (стр. 198), в это издание «введен новый материал, пересмотрен и уточнен ранее опубликованный перевод в связи с принятием нового чтения отдельных греческих текстов, и, наконец, в части, посвященной Демокриту, автор по-новому систематизировал материал».

Таким образом, благодаря новому труду известного нашего ученого мы имеем возможность пользоваться в русском переводе наиболее полным из существующих у нас сводом античных данных о греческих атомистах до Эпикура.

А. О. Маковельский указывает, что перевод свидетельств и фрагментов сделан им по изданию Дильса и дополнен «другими текстами, вносящими, по мнению автора, существенные добавления и пояснения» в изучение древнегреческой атомистики.

Материал подлинных свидетельств и фрагментов систематизирован удобно и хорошо, а благодаря подробному оглавлению в конце книги легко найти нужные тексты. Но весьма существенным недостатком работы А. О. Маковельского является отсутствие указателя, по которому читатель мог бы найти соответствующий тому или иному переведенному фрагменту греческий текст: ссылки на источники, данные при каждом фрагменте, отнюдь не достаточны, так как подлинные сочинения, из которых взят греческий текст для перевода, в ряде случаев имеются лишь в немногих библиотеках; так, например, сочинения Ипполита, Гемина, Порфирия, Эротиана, собрание оксиринхских папирусов и др. совершенно недоступны не только рядовому читателю, но и многим специалистам. Сам автор указывает на то, что он в основном использовал свод фрагментов Дильса; так почему же он не счел необходимым указать рядом со своей нумерацией отрывков нумерацию этого свода? В отношении Левкиппа дело обстоит более или менее благополучно, так как нумерация Маковельского почти не отличается от нумерации Дильса, но в отношении Демокрита дело совсем плохо: найти соответствующий переводу Маковельского текст у Дильса чрезвычайно трудно и хлопотливо. Избежать этого было очень легко: надо было дать сводную параллельную нумерацию настоящего издания и нумерацию по Дильсу. Сделать это было необходимо и потому, что сам автор несомненно не всегда проверял тексты Дильса. Не помещая в своем издании подлинных текстов, автор должен был создать наиболее удобные условия для проверки своей интерпретации, которая в ряде случаев далеко не безукоризненна, а в других, по меньшей мере, спорна. Приведем несколько примеров.

В тексте Цицерона из диалога «О природе богов» (кн. 1, гл. 24, § 66), где говорится о «тельцах» (=атомах) по учению Левкиппа и Демокрита (стр. 203, фрагмент 11), А.О. Маковельский не обратил внимания на то, что corpuscula...levia никак не может иметь значение «л е г к и е тельца», а значит «г л а д к и е тельца». Если в прозаическом тексте нельзя определить просодию слова levia по формальным признакам, то все-таки для специалиста по античной философии должно быть совершенно ясно, что levia в данном тексте никак не может означать в е с а «телец», а указывает на их ф о р м у: «...esse corpuscula quaedam levia, alia aspera, rutunda alia, partim autem angulata, hamata quaedam et quasi adunca...» (Кстати сказать, в такую же ошибку впадает и Рачинский в переводе Лукреция.) И эта ошибка не случайная, проф. Маковельский уверен, что Цицерон говорит не только о форме, но и весе Левкипповых телец, так как ссылается в примечании на фрагмент «А 80» из Демокрита (на стр. 233), где говорится о т я ж е с т и и л е г к о с т и тел. Думаю, что и самая система приведения свидетельства Цицерона не очень вразумительна. Вот точный текст начала разбираемого свидетельства у Маковельского:

«11. Цицерон, Ac. pr. II, 37, 118 (между Парменидом и Демокритом). Левкипп: полное и пустое. De deor. nat. I, 24, 66. Ибо таковы бесстыдные утверждения Демокрита»..

Что значит «между Парменидом и Демокритом»? Если так приводит свидетельство Дильс, то неужели надо в точности следовать его условной и мало понятной системе, пропустив только очень важную ссылку на его же работу «Doxographi Graeci», обозначенную буквой D и номером страницы? Вот начало текста Дильса:

«11. Cic. Acad. pr., II, 37,118 (D. 119; zwischen Parmenides und Demokrit) L. plenum et inane. de deor. nat. I, 24,66 ista enim flagitia Democriti...»

Но только Дильс не ссылается на свидетельство о Демокрите, на которое указывает Маковельский!

В текстах из Элиана (стр. 268—270, №№ 215, 216, 217, 218, 221) тоже имеется ряд недоразумений. Тексты эти соответствуют следующим номерам второго издания Дильса: 150[a], 151, 152, 153, 155[a]. Не останавливаясь на отдельных непонятных выражениях, как «рыбы питаются... пресной водой, прилежащей к морю» (№ 221), «торопится быть орошенным» (№ 218, стр. 270) и других, вряд ли понятных и самому автору книги, мы остановимся на одном курьезе, указанном нам профессором С. И. Соболевским, который отметил и вышеупомянутые недоразумения. Это отрывок под № 215 на стр. 268, где в подлиннике не говорится ни о какой «пастушке», введенной автором перевода в квадратных скобках, ни об удалении ее вместе с пастухом «в спальню новобрачных», а указывается на то, что пастух верблюдов, уважая их стыдливость, отходит куда-нибудь в сторонку, подобно тому как это делается, когда проходят в спальню жених и невеста.

Непонятно, почему автор, пользующийся переводами С. Я. Лурье (стр. 291, № 292), Рачинского и других, не воспользовался переводом «Метафизики» Аристотеля А. В. Кубицкого, например, для № 6 на стр. 200, в котором пропущено очень важное понятие «твердого»? Вот перевод Кубицкого: «...Левкипп и его сотоварищ Демокрит признают элементами полное и пустое, называя одно сущим, другое небытием, а именно: полное и твердое—сущим...» При сравнении с греческим текстом становится совершенно ясно превосходство перевода Кубицкого, который не мог быть неизвестен автору.

Надо сказать, что большинство недоразумений в переводах Маковельского падает на те части его книги, где приводятся не подлинные слова философов, а свидетельства древних о греческих атомистах. Это вполне понятно, так как подлинные фрагменты гораздо тщательнее разработаны в научной литературе и, кроме того, переведены в издании Дильса.

Издавая свою работу, А. О. Маковельский, очевидно, имел в виду не только специалистов, которые могут сопоставить его перевод с подлинниками, а главным образом тех читателей, которые незнакомы ни с греческим, ни с латинским языком. Но в таком случае следовало бы, помимо необходимого сопоставления с изданием Дильса, о чем говорилось выше, дать и некоторые специальные разъяснения. Надо было бы указать, что означают буквы А и В на стр. 386 и в приведенном выше обозначении «А 80» в снос-

ке на стр. 233: читатель, знакомый с изданием Дильса сразу поймет, что А относится к свидетельствам, а В означает отдел подлинных фрагментов, но другие никак этого не поймут. Необходимо было дать и объяснения сокращений в названиях сочинений, из которых берутся тексты, например, указать полные заглавия сочинения Евсевия, так как «Дионисий у Евсевия Р. Е. XIV, 23,2,3» (№ 54 на стр. 227), или «Эпикур ер.[55]» (там же) совершенно невразумительны для неподготовленного читателя. Непонятно также, почему в русской транскрипции приняты латинизированные формы имен греческих авторов: «Аэций» (вместо Аэтий), «Симплиций» (вместо Симпликий). Откуда знать неспециалисту, что «Ямвлих V, P» означает сочинение неоплатоника Ямвлиха о жизни Пифагора? А знай он это, он бы мог разобраться,в какой степени следует доверять тому или другому тексту, а кстати и исправил бы непонятную запятую на точку (№ 5 стр. 200), не говоря уже о том, что мог бы в конце концов найти и подлинный текст и понять, что «современники его самого», это—современники самого Пифагора. Такие необходимые разъяснения значительно увеличили бы научную ценность книги и удобство пользования ею. Непонятны для читателя, не имеющего возможности пользоваться подлинными текстами, и условные обозначения, вроде скобок в тексте. Так, например, в тексте из Аристотеля на стр. 201, № 7 говорится: «... Они носятся в пустоте, [ибо пустота существует] и, соединяясь между собой, они производят возникновение...» и далее... «Ибо...налицо не единое [а множество отдельных сущих].Складываясь и сплетаясь, они рождают [вещи]. [Ведь] из поистине единого не могло бы возникнуть множество [вещей] ...» Что означают эти одинаковые квадратные скобки? Пропуски в греческом тексте, которые необходимо дополнить конъектурами? Добавления переводчика для ясности? Или, быть может, еще что-нибудь?

Нельзя не приветствовать появления новой работы заслуженного деятеля науки, нельзя не отнестись с полным вниманием к его стремлению дать наиболее полный свод переводов текстов, относящихся к древнегреческим атомистам, но вместе с тем нельзя не пожалеть, что данная работа А. О. Маковельского вышла в таком виде, который затрудняет чтение его труда и лишает во многих случаях возможности пользоваться им как собранием точных документов. Будем надеяться, что в последующем издании эти недостатки будут исправлены.

Ф. А. Петровский

III

Появление новых работ об античных атомистах всегда вызывает у нас в Союзе большой интерес. Тем больший интерес должна вызвать обстоятельная работа члена-корр. АН СССР А. О. Маковельского, о которой сам автор говорит (стр. 12), что его книга «воздает должное великим материалистам древности» и является «всесторонним монографическим исследованием их учений» и что всякие свидетельства о Демокрите, которые могут быть привлечены после выхода в свет его труда, «могут иметь лишь третьестепенное значение» (стр. 198).

Книга проф. А. О. Маковельского распадается на два больших отдела: научное исследование, озаглавленное «От Левкиппа до Эпикура», и собрание источников (перевод фрагментов биографического и доксографического материала). Обе части примерно равны по объему. Первая включает главы, посвященные Левкиппу, Демокриту, современникам Демокрита и школе Демокрита. В этой части дана связная история греческой атомистики. Вторая часть соответственно распадается на 3 отдела: Левкипп, Демокрит и школа Демокрита. При этом отделы о Левкиппе и о школе Демокрита заключают в себе лишь те фрагменты, которые содержатся в классическом труде Дильса «Die Fragmente der Vorsokratiker» (3-е изд., 1922), а отдел, посвященный Демокриту, кроме отрывков, содержащихся у Дильса, включает в себя и большое число отрывков, не вошедших в это собрание.

Уже это перечисление разделов и большой объем книги говорят о том, что перед нами разностороннее научное исследование.

Проф. Маковельский поставил себе задачей не только собрать все сохранившиеся до наших дней отрывки и свидетельства о Демокрите, но и дать связное изложение и глубокий марксистско-ленинский анализ миропонимания атомистов. Значение этой работы тем более велико, что до сих пор составлением собраний такого рода занимались только историки философии — идеалисты (Муллах, Дильс, Нестле; выпущенные А. О. Маковельским в «Известиях Азербайджанского гос. университета» за 1925 и 1926 гг. собрания отрывков Левкиппа и Демокрита представляли собой лишь перевод книги Дильса).

Начнем с разбора первой части книги А. О. Маковельского. Автором собран обширный материал, и из него сделаны выводы, с которыми в ряде случаев нельзя не согласиться. Изучена огромная литература, учтены указания классиков марксизма-ленинизма, и в результате получился цельный и последовательный образ философа, стоящего на позициях механистического материализма.

При более углубленном изучении книги у читателя, однако, невольно возникают сомнения в правомерности метода, положенного в основу своей работы А. О. Маковельским.

Автор ее априорно, не считаясь с источниками, начертал себе образ материалиста-механиста со всеми теми грехами, которые ставятся обычно в вину представителям этого направления в наше время: Демокрит—чистый эмпирик и враждебен всякому рационализму (см., например, стр. 147); он всегда идет от частного к общему (например, стр. 118, 121); для него всякое сложное образование—это простое соединение элементарных тел (например, стр. 79); он чужд диалектике и не понимает, что целое есть качественно нечто новое по сравнению с его отдельными частями, что количество переходит в качество, он «не сумел преодолеть субъективизм в оценке познавательной значимости ощущений» (стр. 193); он отрицает революционные изменения в природе и обществе и стремится все объяснить эволюционным путем; он умеренный демократ, но настолько боится народа, что захвату власти народом предпочитает диктатуру (тиранию) (стр. 138); в теории, однако, он с оговорками сочувствует коммунизму (стр. 133); он стоит за гуманное обращение с рабами (стр. 139); он—сторонник исторического материализма, но не дорос до диалектического материализма и т. д.

Конечно, в ряде черт этот образ не может не соответствовать действительности: вряд ли можно, например, сомневаться в том, что «у Демокрита речь идет не о химическом, а о физическом сложении цветов» (стр. 100), тем более, что древние не знали химии; никто не усомнится и в том, что «превращение тела из твердого состояния в жидкое и газообразное и обратно Демокрит объяснял разъединением и соединением образующих его атомов, а также изменением их положения и порядка», ибо по учению Демокрита все без исключения явления природы объясняются «разъединением атомов, а также изменением их положения и порядка»[1] и т. д. Однако в ряде других случаев факты не могут уложиться в эту социологизующую и модернизующую схему.

То, что Демокрит был эмпириком,—несомненный факт; мало того, мы глубоко убеждены, что деятельность Демокрита, как экспериментатора, еще далеко не получила надлежащей оценки. Но неверно, что Демокрит был чужд всякого рационализма, что он всегда шел от частного к общему, а не наоборот: сам же Маковельский, в полном противоречии к этому своему утверждению, заявляет на стр. 147: «как в познании, так и в этике (у Демокрита) конечный критерий разум», и на стр. 127: «[Демокрит] исходит из абстрактного понятия человека вообще», т. е. идет от общего к частному.

Утверждению автора противоречит свидетельство Аристотеля («Физика», III, 4, p. 203 b. 22), согласно которому те, которые признают существование бесконечных

---

[1] Хотелось бы, чтобы кроме этих общих слов автор объяснил читателю, как же собственно представляет себе Демокрит переход тела из одного состояния в другое.

по числу миров и пустоты, считают, что в бесконечном пространстве и времени нет разницы между возможностью и существованием. Указание на «признающих существование бесконечных по числу миров и пустоты», казалось бы, само по себе достаточно ясно[1], но мало этого: два античных комментатора этого места—Филопон (405, 23) и Симпликий (467, 16) указывают, что здесь речь идет о Демокрите; с другой стороны, Лактанций (De ira dei, 10) приписывает этот взгляд Левкиппу. Автору эти свидетельства, несомненно, известны, однако они нарушают стройность его предвзятой концепции, и он не вносит их в число свидетельств о Демокрите.

Когда автор говорит, что Демокрит «не сумел преодолеть субъективизм в оценке познавательной значимости ощущений» (стр. 193), он следует установкам идеалистической истории философии, пытавшейся представить учение Демокрита некиим примитивом, полным противоречий, для того, чтобы всю заслугу создания античной «научной» философии приписать Платону и Аристотелю. Действительно, на следующей же (194) странице автор, следуя за таким столпом идеализма, как Эд. Целлер, заявляет, будто «Демокрит признавал недостоверность чувственных показаний, являющихся основой и для познавательной деятельности разума». Между тем Демокрит говорил лишь о недостоверности оценки познаний этих чувств низшим «незаконнорожденным» разумом (эту оценку исправляет высший разум); самые же показания чувств, как единственный критерий истины, по мнению Демокрита, всегда сигнализируют о реальной действительности. Это подтверждается, в сущности, всеми свидетельствами о Демокрите: «жалкий разум» (τάλαινα φρήν) в отрывке 125 у Дильса—это γνώμη σκοτίη, «темная мысль», которая только вследствие своей темноты и неразумения пытается опровергать несомненные πίστεις «залоги верности», даваемые чувствами. В таком же плену у идеалистической истории философии оказывается автор и на стр. 57—58, когда вслед за Платоном и Целлером повторяет махровую клевету на афинских софистов, руководителей умственного движения V в., влагая им в уста такие выражения: «Искусный оратор может убедить людей в чем угодно... В основе могущества слова лежит обман... Отсутствие всяких принципов возводится в принцип». Мы знаем теперь довольно много об учениях современников и противников Демокрита—Продика, Протагора, Антифонта, Гиппия Имеет ли эта инсинуация под собой какие-либо корни?

Ничем не обоснованным является утверждение автора (стр. 124) будто «из двух зол: монархии и власти массы неимущих—[Демокрит] готов предпочесть как меньшее зло единовластие... в этом случае создание царской власти или тирании является *правомерным*» (курсив мой.—*С. Л.*). В действительности Демокрит говорит по этому вопросу с полной определенностью и ясностью (отрывок 251 у Дильса): «Бедность в демократическом государстве настолько же лучше так называемого богатства под единоличной властью, насколько свобода лучше рабства». Автор пытается прочесть нужные ему мысли в сочинении неизвестного автора конца V в. (Anonymus Jamblichi), которого Катауделла совершенно произвольно отожествляет с Демокритом (это отожествление встретило единодушные возражения в научной литературе). Но если бы даже Anonymus Jamblichi был написан Демокритом, все равно заявление Маковельского оставалось бы необоснованным. В Anonymus речь идет только о следующем: когда в народе исчезает чувство справедливости и уважения к закону, создается благоприятная почва для такого беззакония, как тирания; но нигде не говорится, что автор одобряет или предпочитает это насилие народному правлению[2].

---

[1] К этому надо еще прибавить выражение: τί μᾶλλον (τοῖον ἢ τοῖον), бывшее характерной особенностью Демокрита, как указывает Секст (Pyrrh. hypotop., I, 213).

[2] Совершенно неосновательна и даваемая в этой связи на стр. 126 критика блестящего чтения отрывка 266, предложенного Т. Гомперцом. Т. Гомперц отнюдь «не влагает в уста Демокрита сравнение царской власти с орлом, а народа

Под влиянием идеалистических толкований Дильса автор утверждает (стр. 133), что Демокрит положительно относился к коммунизму! (повидимому, речь идет о потребительском коллективизме): «К коммунизму, осуществление которого [Демокрит] видит в догосударственной стадии жизни человечества, он относится скорее положительно, чем отрицательно. Он высказывает свое суждение о коммунизме в афоризме: «В общей рыбе нет костей» (Plut., Quaest. conviv., II, 10, p. 643E). Дильс, который ненавидел и материализм и коммунизм (см. Diels, Elementum, стр. 1), априорно готов был считать, что всякий материалист сочувствует коммунизму, и соответственно этому толковал этот отрывок. Но стоит прочесть соответствующее свидетельство Плутарха целиком (с параллельным свидетельством Зиновия, Paroem. gr., I, p. 125, V, 23), чтобы убедиться, что принцип выделения отдельных равных порций был тогда демократическим, а принцип общего потребления—аристократическим и что разбираемая пословица означает, что при совместном пользовании каждый старается захватить себе как можно больше, и потому может подавиться костью. Лозунг общности имущества и потребления (κοινὰ τὰ τῶν φίλων) был в V в. лозунгом аристократии[1]. Так же произвольно утверждение, будто «Демокрит видит в догосударственной стадии жизни человечества осуществление коммунизма». В свидетельствах о Демокрите ничего подобного не читается. Ни на чем не основано утверждение автора, будто Демокрит рекомендует гуманное обращение с рабами, будто «он учит, что ко всем людям мы должны относиться как люди... [учит], как воспитать у бедняков и *рабов* (курсив мой.—*С. Л.*) примирение со своей судьбой». Ничего подобного в отрывках Демокрита нет. Демокрит действительно убеждает бедняков примириться со своей судьбой, но о рабах здесь ничего не говорится. Нужно совершенно забыть о том, что раб был «одушевленным орудием», что в эксплуатации рабов в V в. привилегированные люмпен-пролетарии были кровно заинтересованы, чтобы допустить мысль, что Демокрит ставил на одну доску бедных граждан с рабами. В единственном отрывке, в котором Демокрит говорит о рабах (отр. 270 у Дильса) говорится: «Рабами пользуйся, как частями тела, каждым для другого дела», т. е. здесь речь идет о наиболее рациональной и выгодной организации рабского хозяйства,—сами рабы никого не интересуют.

Иногда для устранения свидетельств, противоречащих его социологизирующей схеме, автор прибегает к другому приему: неудобные ему отрывки он относит не к Демокриту, а к его учителю и предшественнику Левкиппу, Демокрита же перемещает в IV век (стр. 64, 127). И в этом случае он часто оказывается в плену у идеалистических конструкций, ибо (независимо от вопроса, существовала ли философская система Левкиппа как отличная от системы Демокрита) ни для кого не секрет, что идеалистическая философия, вслед за Аристотелем, раздувала заслуги Левкиппа, чтобы умалить заслуги Демокрита и обвинить его в плагиате, а деятельность Демокрита отодвигала в IV век. Ведь сам же Маковельский возмущен «тенденцией отодвигать время жизни Демокрита в IV век»: «В этом,—правильно замечает он,—сказалось влияние... В. Виндельбанда, рассматривающего Демокрита и Платона как представителей двух противоположных, одновременно выступающих течений» (стр. 43); точку зрения, относящую деятельность Демокрита к IV в., он характеризует как «несостоятельную» (там же). Но обо всем этом автор забывает, когда ему приходится подогнать взгляды Демокрита под свою априорную схему. В этом случае он, в противоречии с тем, о чем он сам же говорит на стр. 43, вслед за Виндельбандом и его последователями, видит в Демокрите современника и противника Платона; вся система Демокрита, по мнению автора, есть полемика с Платоном: «философская система Демокрита направлена против... сократо-пла-

---

с гадом», как утверждает Маковельский. В этом отрывке с орлом сравнивается не царь, а честный демократический государственный деятель, а с гадами—не народ, а профессиональные кляузники-сикофанты, преследующие его при представлении отчета народному собранию!

[1] См. мою книгу «Очерки по истории античной науки», стр. 327 слл.

тоновского идеализма», его задача—«построение всеобъемлющей системы знаний в противовес идеализму сократо-платоновской философии понятий» (стр. 64). «Демокрит является представителем рабовладельческой демократии в эпоху кризиса ее» (стр. 127), т. е. его учение характерно для IV в. Более того: цель философской деятельности Демокрита, по словам Маковельского,—не эмпирическо-познавательная, а этическая. «Демокрит,—замечает Маковельский,—прямо говорит, что цель философской системы в ее этическом действии» (стр. 143); при этом совершается насилие над отр. 31 у Дильса, где сказано лишь, что «мудрость излечивает человека от душевных страданий», т. е., что занятие наукой отвлекает человека от тяжелых душевных переживаний (ср. отр. 180 у Дильса), и ничего не сказано о «цели философской системы». Автор забыл при этом и о своем программном положении, что Демокрит был «эмпириком-естествоиспытателем»,забыл и о диссертации Маркса,где Демокрит справедливо *противопоставлен* как раз в этом отношении Эпикуру;забыл о том, что произведение, подытоживающее философию Демокрита «Малый диакосм» вышло уже в 420 г., задолго до появления на исторической сцене Платона. Более того: здесь автор уже не говорит о том, что идеалистическая наука стремится отодвинуть время деятельности Демокрита вперед, в IV век, а утверждает, «что Трасилл отодвинул рождение Демокрита (назад) до 470 г. для того, чтобы сделать его ровесником Архелая в соответствии с высказываниями Аристотеля». Но Аристотелю, почти современнику Демокрита, не могло не быть известно, когда жил Демокрит,—значит, выходит, что Аристотель был грубым фальсификатором?[1]

Если Демокрит выступал в IV в., то создателем всех основных положений его учения окажется уже Левкипп. Вопрос о Левкиппе весьма спорный, и исследователь вправе держаться любого взгляда по этому вопросу. Но Маковельский и в этом случае сам себе противоречит.

Аристотель и его школа, как известно, считали, что основное произведение Демокрита «Великий Диакосм» было написано его учителем Левкиппом и лишь приписано Демокриту. Если это верно, то надо рассматривать учение Левкиппа и учение Демокрита отдельно, как и поступает большинство западноевропейских ученых—Целлер, Дильс, Бейли и др. Наоборот, Эпикур считал, что никакого философа Левкиппа не существовало. Для объяснения этой точки зрения Эпикура несколько исследователей, в том числе автор этой рецензии, выставили и пытались обосновать предположение, что Левкипп нам известен только как действующее лицо в сочинениях Демокрита (подобно тому, как Сократ у Платона), тогда как сам Левкипп ничего не писал. Если это так, то Левкипп мог служить (подобно Сократу у Платона) рупором для выражения собственных взглядов Демокрита, что, вероятно, и хотел сказать Эпикур; в таком случае мы лишены уже возможности отделить учения обоих абдеритов друг от друга.

Маковельский обрушивается на тех, которые отказываются от попытки восстановить учение Левкиппа, и восстанавливает его детально, приписывая учение об атомах Левкиппу, всю этику—Демокриту и т. д. Но в то же время он утверждает, что Левкипп ничего не писал, что «Великий Диакосмос» написан Демокритом и даже был «самым выдающимся из его произведений», что «Левкипп учил устно в тесном кругу учеников, и лишь Демокрит изложил эти учения в письменной форме, причем... [они] преподносились от имени Левкиппа» (стр. 24), что «вероятно, в нем [в «Великом Диакосмосе»] учения излагались от имени Левкиппа, что и послужило для Теофраста основанием считать автором этого сочинения Левкиппа» (стр. 53). Если это так, если уже Эпикур не мог установить, что принадлежит Левкиппу, и считал все эти учения принадлежащими Демокриту, то какие у нас могут быть критерии для утверждения, что эти учения и на самом деле принадлежали Левкиппу? Ведь если А. О. Маковель-

---

[1] Согласно Аристотелю (De partibus animalium, I, 1, 642a, 24) Демокрит *старше Сократа*, т. е. родился не позже 470 г.

ский признает, что у древних был обычай влагать свои собственные мысли в уста своих предшественников, если он считает- что «в сочинении «Пифагор» Демокрит свои собственные учения излагал от имени Пифагора» (стр, 50), то какие основания есть для того, чтобы думать, что в случае с Левкиппом дело обстояло иначе и Эпикур ошибался? И если этикой впервые стал заниматься Демокрит, то на каком основании А. О. Маковельский приписывает один из моральных отрывков Левкиппу (№ 334, Левкипп, А 37 у Дильса), несмотря на то, что в рукописях Климента читается Leukimos, и сам Дильс считает более вероятным, что это—искажение имени Lykis kos?

Аргументация автора в пользу существования особой философии Левкиппа заимствована из арсенала идеалистической философии. Он замечает: «Решающее значение в этом споре, по нашему мнению (моя разрядка), имеют новые данные, найденные в геркуланских папирусах», и дальше слово в слово повторяет аргументацию Дильса. На тенденциозный характер этой аргументации я указывал уже в 1936 г. в своей статье «Zur Leukipp-Frage», «Symbolae Osloenses», XV—XVI, стр. 19 слл. Уже в древности было указано (у Diog. X, 37 и 7; ср. Sext. Adv. math. I, 3—4, Hesych. Miles. 30), что ряд писем Эпикура, в том числе так называемое письмо Эпикура к митиленским друзьям, на которое ссылаются Дильс и Маковельский,—злостная фальсификация, а текст папируса № 1788, которому оба эти автора придают решающее значение, тенденциозно дополняется и толкуется Дильсом: в действительности здесь эпикурейский автор возмущается клеветой перипатетиков, которые, будучи сами плагиаторами, называют автором «Великого Диакосмоса» Левкиппа и обвиняют Демокрита в плагиате![1]

Из рассуждений на стр. 78 мы видим, для чего понадобилось автору обособить и отодвинуть Демокрита в IV век. Дело в том, что принцип «исономии» (οὐ μᾶλλον) слишком хорошо засвидетельствован для Демокрита, чтобы его можно было просто игнорировать. Между тем такой принцип неуместен в устах эмпирика чистейшей воды, каким Демокрита рисует автор: «Абстрактно-логический характер этого доказательства,—говорит Маковельский,—идет в разрез с теорией научного метода», придуманной им же самим для «Логики» Демокрита. Автору известно даже, что «это доказательство, принадлежащее Левкиппу, вначале было принято и Демокритом, но впоследствии Демокрит... отбросил это доказательство» (там же), несмотря на то, что в источниках нигде об этом не говорится: Секст (Pyrrh. hypotyp., I, 213) свидетельствует, что οὐ μᾶλλον было любимым «припевом» Демокрита (а не Левкиппа),—именно он, Демокрит, его постоянно повторял (ἐπιφθέγγεσθαι)![2].

В ряде случаев автор дополняет от себя черты учения Демокрита, о которых ничего не говорится в источниках. На стр. 118—119, 121 и 138 труда дано подробное изложение учения Демокрита о происхождении общества, а Демокрит изображен настоящим материалистом эволюционного типа. Автор делает вывод (стр. 121), что «Демокрит понимал ведущую роль экономики», что «в массовых явлениях [Демокрит] видит ключ к объяснению исторических событий», что, по мнению Демокрита, «народная масса есть подлинный деятель истории», что «в центре внимания Демокрита стояли такие явления народной жизни, как народное хозяйство, денежное обращение и кредит, быт и психология народной массы», что, по мнению Демокрита, «в жизни общества большие внезапные перевороты являются продуктом давно происходивших накопившихся незначительных изменений» и т. д. Все это не подтверждается и не может быть подтверждено никакими свидетельствами.

Автор, на наш взгляд, редко и не всегда удачно аргументирует свои положения подлинными античными текстами, но слишком переполнил книгу ссылками на научную литературу—главным образом на немецкую литературу середины XIX в. Многие

---

[1] См. мои «Очерки...», стр. 134.

[2] Место Aristot., Phys., VIII, 1, p. 252 b 35, никакого отношения к этому вопросу не имеет.

из этих книг давно потеряли всякое научное значение, многие вообще не внесли ничего нового в разбираемые вопросы. Автор очень редко указывает на то, чем ценна каждая из упоминаемых им книг, что нового внесла она в науку и, в частности, чем обязан ей автор книги. См., напр., стр. 70: «... говорят об элементах скептицизма в философии [Демокрита] Руд, Гирцель и Пауль Рихтер»; стр. 71: «Об антисенсуализме Демокрита говорят П. Наторп, К. Боймкер и Г. Гарт... «Причисляют Демокрита к рационалистам Э. Целлер, В. Виндельбанд, Ренувье, Вилямовиц-Меллендорф, С. Трубецкой». «Г. Риттер, Фр. Шлейермахер, М. Филиппов и др. также считают Демокрита эмпириком»; стр. 74: «К. Боймкер, А. Гедекмайер, Э. Кюнеман и др. считают, что, по учению Демокрита, все качества вещей «всецело субъективны» (gänzlich subjektiv)... стр. 75: «Говорят о близости Демокрита к идеализму Д. Пейперс, П. Наторп, Кинкель, Форлендер, Кассирер, Бюк и др.»; стр. 142: «Полное согласие и внутреннюю связь между атомистикой Демокрита и его этикой усматривают Гирцель, Керп, Циглер, Гейнце, Кестлин, Виндельбанд, Ланге, Наторп и др.» и т. д. и т. д.

Для чего нужны эти перечни имен? Ведь культ немецкой идеалистической философии середины прошлого века чужд нам. Следовало бы изложить весь материал от своего имени в таком виде, каким он представляется автору, ссылаясь, главным образом, на первоисточники, а на предшественников только в тех случаях, когда их толкования принципиально важны и открыли новые пути в науке. Авторы, суровая критика которых необходима в книге, написанной марксистом, либо упоминаются А. О. Маковельским в сочувственном тоне, либо автору делаются лишь мягкие возражения по частным вопросам. Я имею в виду прежде всего часто упоминаемую автором книгу С. И. Данелиа «Научное знание в представлении Демокрита» (1935). Эта идеалистическая книга требует беспощадной критики. Данелиа считает, что атомисты не сыграли никакой роли в истории науки, ибо «физикальное мышление само по себе антинаучно», вся теория атомистов «соткана из внутренних противоречий», ибо никакая наука невозможна «без сократовского самопознания», единственными деятелями естествознания были до Сократа, по мнению Данелиа, элеаты (несмотря на то, что даже Аристотель называл их ἀφυσικώτατοι). Чего стоит, например, такая фраза: «Наивность в области знания есть отсутствие науки и замена ее суррогатом науки, т. е. опытом, наивность в области религии есть отсутствие веры и замена ее суррогатом веры, т. е. язычеством!». Ненаучность Демокрита заключается, по мнению Данелиа, в том, что он «признавал только то, что обладает физической реальностью», иными словами в том, что он был материалистом. И для такой книги у Маковельского не нашлось ни одного слова критики!

Еще более типично некритическое отношение к книгам, вышедшим на Западе. Автор относится с благоговением к крупным деятелям западной науки (прежде всего к Дильсу), принимает все их утверждения на веру без проверки на первоисточниках и поэтому нередко оказывается в плену у них.

Приведу пример. В своей диссертации Маркс с исключительной выпуклостью подчеркнул основную разницу между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура: если первый был детерминистом и «видел форму мышления действительности в необходимости» (стр. 36 русского пер.), то, продолжает Маркс (стр. 37),—«Эпикур, наоборот, говорил: «Необходимости, которую некоторые ввели как властительницу, не существует»... «Лучше следовать мифу о богах, нежели быть слугой рока физиков. Ибо миф этот оставляет надежду на помилование за почитание богов, рок же есть неумолимая необходимость (Diog. L., X, § 134). Несчастье—жить в необходимости, но нет необходимости жить в необходимости... Преодолеть самое необходимость дозволено...» На дальнейших страницах Маркс показывает, что в этом разногласии Демокрита и Эпикура—ключ ко всей философии Эпикура, в частности—к знаменитому отклонению атома от прямой линии.

Это замечательное открытие Маркса вполне подтвердилось и памятниками, найденными после его смерти. Вот что говорит эпикуреец Диоген из Эноанды (стр. 33,

столб. 2): «Если кто-либо скажет, что... нельзя избежать необходимости, он никогда не избавится от смятения... Если верить в предустановленность, то теряет смысл всякое увещание и порицание и не следует наказывать даже преступных людей». Отр. 6, столб. 2: «На основе твоего учения, Демокрит, не только невозможно найти истину, но и жить» и т. д.

Однако А. О. Маковельский вместо того, чтобы в свете этих замечательных указаний Маркса подвергнуть филологическому изучению первоисточник, предпочел ученически следовать Дильсу. Это привело его к серьезной принципиальной ошибке.

Под № 63 он приводит из Дильса (А 69) первую фразу (дальнейший текст отсутствует у Дильса) свидетельства Эпикура о Демокрите из его сочинения «О природе», папирус 1056, и дает к нему комментарий, представляющий собой довольно точный перевод комментария Дильса (однако без всякого указания источника), и в духе этого комментария Дильса дается перевод и всего отрывка:

Diels, отр. 101, прим. к строке 30; Epikur meint, obgleich die Abderiten in vielen Dingen Grosses geleistet, sei es ihnen doch selbst noch nicht klar gewesen, welche Erleichterung der Gedanke der Ananke und Tyche der Welterklärung gebracht habe. Die Tatsachen (ἔργα), die Epikur neu gefunden zu haben glaubt, beseitigen vollends die δόξα (vulgäre Auffassung einer göttlichen πρόνοια) und führen die mechanische Theorie der Abderiten zum Siege.	Маковельский, стр. 229; Признавая великие заслуги абдеритян, Эпикур здесь говорит, что все же самим абдеритским мыслителям не было еще вполне ясно все значение их учения о необходимости. Эпикур полагает, что лишь ему удалось окончательно опровергнуть веру в божественное провидение и таким образом доставить победу механической теории абдеритских философов.

Этот комментарий Дильса используется и в исследовании Маковельского. На стр. 29 мы читаем: «Эпикур в сочинении «О природе» говорит, что Левкипп и Демокрит сами еще не осознали всего значения своего учения об естественной необходимости. Им еще не было ясно, как облегчает объяснение мира мысль, что все совершается по необходимости».

После приведенной выше убедительной характеристики Марксом основного пункта полемики между Демокритом и Эпикуром воистину удивительно, что Эпикур (как получается при дильсовом переводе и толковании этого места) восхищался учением о «необходимости», т. е. механическим детерминизмом Демокрита, и видел в нем «великое облегчение для человечества». То, что Дильс, открытый и принципиальный враг всякого материализма[1], сваливает в одну кучу Демокрита и Эпикура, как «механистов», прибегая для этого даже к натяжкам, вполне понятно. Но как мог А. О. Маковельский, знающий и эти отрывки и диссертацию Маркса, не остановиться в недоумении перед этим толкованием Дильса, а последовать за ним и не заметить, что Дильс привел лишь начало отрывка Эпикура, умолчав о его продолжении? Кроме того, никак нельзя согласиться с данным Дильсом переводом выражения: καίπερ ἐν πολλοῖς μεγάλοι, κουφίσαντες ἐν τῷ τὴν ἀνάγκην... πάντα δύνασθαι ... словами: «Хотя они были во многих отношениях велики, но они... принесли большое облегчение тем, что считали всемогущей необходимость». Во-первых, после выражения «хотя они были во многом велики», естественно должно следовать порицание, а не похвала. Во-вторых, глагол κουφίζω, как известно, имеет два значения—одно непереходное, «быть легким» (κοῦφον εἶναι), другое—переходное: «делать легким, облегчать». Ввиду отсутствия прямого дополнения гораздо проще и естественнее понимать κουφίσαντες в непереходном смысле: κοῦφοι γενόμενοι, а так как одно из обычных значений κοῦφος «легкомысленный», то κουφίσαντες означает «оказавшись легкомысленным», «рас-

[1] См. H. Diels, Elementum, Leipzig, 1899, стр. 1 слл.

суждая легкомысленно.» Тогда весь отрывок из Эпикура, включая часть, привлеченную Дильсом и противоречащую его толкованию глагола κουφίζω, получает связный смысл и без труда переводится следующим образом: «Те, которые дали впервые удовлетворительное объяснение (природной необходимости) и не только далеко превзошли своих предшественников, но и ученых, живших после них, хотя во многом были великими людьми, но, тем не менее, незаметно для себя, в ряде случаев рассуждали легкомысленно, считая всемогущей слепую необходимость. Учение, проповедовавшее такие взгляды, претерпело крах: у этого мужа [т. е. у Демокрита] теория приходит в столкновение с практикой: если бы он в практической деятельности не забывал о своей теории, то он постоянно приводил бы себя в замешательство» и т. д. Если бы Маковельский не удовольствовался в этом случае пересказыванием Дильса, а обратился непосредственно к доступному всем первоисточнику, то он, несомненно, нашел бы правильный путь к его пониманию.

Теперь просмотрим вкратце, как трактует автор отдельные части системы Демокрита. Из «Канонов» Демокрита, содержащих изложение теории познания и логики Демокрита, до сих пор нам были известны только два отрывка (отр. 10b и 11 у Дильса). Первый гласит, что Демокрит возражал против доказательства, ἀπόδειξις. А. О. Маковельский (стр. 77) на основании этого одного места утверждает, что Демокрит «решительно [sic!] высказывался против дедуктивного метода». О «решительности» говорить бы не стоило, поскольку Секст, у которого это указание находится, сомневается, направлено ли это место против логического доказательства («может быть»— τάχα δὲ καὶ Δ). Действительный смысл его, однако, становится ясным из схолии Михаила Эфесского (5, 35) к положению Демокрита, цитируемому Аристотелем—«Человек есть то, что мы все знаем»: «Доказывать надо только неясное (τὸ ἄδηλον), а не очевидное (τὸ φανερώτατον)».Очевидно, Демокрит не «отрицал дедуктивного доказательства», а считал, что непосредственно очевидные вещи не могут и не должны быть доказываемы. Второй отрывок посвящен различию между «незаконнорожденной» и «законнорожденной» мыслью. Это все, что нам известно из «Канонов», и сам автор на стр. 82 принужден признать, что «наши сведения о содержании «Канонов» Демокрита весьма скудны». Тем не менее на стр. 56 автор утверждает: «Каким образом истина становится достоянием познающего субъекта в процессе его познавательной деятельности—об этом говорится лишь в конце теоретической системы Демокрита, в которой, как в подлинной системе, начало и конец смыкаются».

Более того: на стр. 167 А. О. Маковельский безоговорочно приписывает Демокриту теорию красноречия Навсифана и под № 114 (ч.2) включает соответствующее свидетельство о Навсифане в число отрывков Демокрита. На стр. 242 он утверждает, что «Треножник» Навсифана был переработкой логики Демокрита, хотя об этом нигде не сказано. Решающим А. О. Маковельский считает утверждение Навсифана о необходимости хорошо знать предмет, о котором говоришь, но почему этого не мог сказать Пиррон? Известно, что Навсифан был в равной мере учеником и Демокрита и скептика Пиррона, а скептицизм много сделал для обоснования логики. Но А. О. Маковельский не довольствуется этим своим выводом: исходя только из этого отрывка, он на стр. 56—57 строит всю систему философии Демокрита на основе изложенной в этом отрывке логики Навсифана. Еще более произвольно поступает Маковельский (в том же № 114), попросту отожествляя логику Эпикура с логикой Демокрита: Эпикур жил после Аристотеля и в ряде вопросов подвергся уже влиянию великого Стагирита! В результате Маковельский с удовлетворением усматривает поразительное сходство между этими сочинениями (т. е. между «Каноном» Демокрита, с одной стороны, и Навсифаном и Эпикуром,—с другой) как в построении их, так и по содержанию[1] Circulus vitiosus!

---

[1] Мне удалось найти чрезвычайно интересное новое свидетельство, относящееся к «индуктивной логике», в «Каноне» Демокрита, на основании которой можно будет говорить более конкретно о содержании этой работы Демокрита.

Данная автором трактовка математически неделимых частиц (амер) у Демокрита и Эпикура не только внутренне противоречива, но и порочна с марксистской точки зрения. На стр. 10 автор замечает: «Согласно С. Лурье Демокрит принимал два типа неделимых: «атомы» и «амеры», не имеющие частей точки..., которые тем не менее имеют минимальную величину». Существование «математических минимумов» (амер), не имеющих частей, до появления моих работ принималось только для учения Эпикура (см. Секст, X, 142, Эпикур, Письмо к Геродоту, 58). На основании ряда привлеченных мной впервые свидетельств (Александра, Симпликия, Фемистия, схолии к Евклиду и др.) я утверждал, что это учение заимствовано Эпикуром уже у Демокрита. С этим выводом согласились не все ученые; имел право также не согласиться с ним А. О. Маковельский (см. стр. 10—11 рецензируемой книги). Однако на стр. 86 той же книги он излагает, совершенно так же, как Арним и я, учение Эпикура, справедливо утверждая, что по Эпикуру есть три категории величин: «Видимые и осязаемые точки не допускают деления только для наших несовершенных органов чувств; атомы не допускают физического деления... и, наконец, умопостигаемые наименьшие величины (т. е. амеры!—*С. Л.*) не допускают деления даже в уме, они абсолютно неделимы». В соответствии с предисловием, в котором он обрушивается на допускающих «америзм» у Демокрита, мы, естественно, ждем, что автор будет допускать это учение у Эпикура, но отрицать его у Демокрита. Нет! Сам себе противореча, он заявляет: «Несомненно демокритовское происхождение этого учения... Эти рассуждения Эпикура являются не чем иным, как повторением учения Демокрита».

В предисловии (стр. 11) автор считает, что амеры Эпикура обязательно должны мыслиться как нематериальные, следовательно, допускать существование амер значит допустить, что материя состоит из нематериальных частиц и впасть во вредный идеализм, «архивздорную мистику», «лжетолкование», а на стр. 86 сам же приписывает учение об амерах Демокриту.

Я же, подобно А. О. Маковельскому, не считаю, что тело, не имеющее частей, обязательно должно было рассматриваться как нематериальное, более того, я могу строго научно доказать, что и Демокрит никогда так не думал. Как раз задачей всех моих работ было показать на ряде текстов, что у Демокрита нет никаких геометрических абстракций, что он говорит лишь о материальных телах, плоскостях и линиях и что его точки, линии и плоскости представляют собой тоже материальные тела, куски материи —только очень узкие и очень маленькие (см. мою «Теорию бесконечно малых у древних атомистов» стр. 60—61, 163 и др.). Не я, а А. О. Маковельский (стр. 23) утверждает, вопреки всем свидетельствам, что у Демокрита «абсолютное пространство мыслится существующим независимо от материи».

В рассуждениях об атомах и пустоте я хотел бы отметить одно неверное утверждение. На стр. 6 в прим. 6 читаем: «Своим первотельцам [Демокрит] дает следующие названия:... «что» (τὸ δέν)... термин, искусственно созданный самим Демокритом». Это не верно. Этот термин был употреблен уже поэтом Алкеем (fr. 84, Lobel), жившим за 150—200 лет до Демокрита (καὶ κ'οὐδὲν ἐκ δένος γένοιτο). В разделе «Космогония» непонятно утверждение автора, будто земля у Демокрита «имеет форму чаши». Он, очевидно, переводит: κοιλὴ ἐν τῷ μέσῳ «полая внутри», но так как рядом с этим определением стоит еще τυμπανῶδες, то, очевидно, земля у Демокрита имела форму не чаши, а барабана (тимпана) с вогнутыми днищами. Еще более странное утверждение А. О. Маковельского (стр. 7), будто у Левкиппа «земля—плоский круг», повидимому, имеет единственным источником Aristot., de caelo, II, 13, p. 294 b, 13, где говорится, что земля—это круглая крышка (экваториальная плоскость); однако Аристотель отличал Левкиппа от Демокрита, а здесь он говорит только об Анаксагоре и Демокрите. Ввиду противоречия этого указания целому ряду других свидетельств о Демокрите принято считать это свидетельство недоразумением или интерполяцией, тем более, что в Exc. Vatic., 381 взгляд Анаксагора, по которому земля—плоская, прямо противопоставлен взгляду Демокрита, по которому земля вогнутая. Впрочем, на стр. 173 А. О. Мако-

вельский, вопреки тому, что он же говорит на стр. 96, утверждает, что и у Демокрита земля не чашеобразная, а плоская и притом парит в воздухе!

Перехожу к отделу биологии и медицины. Непонятно, из каких источников Маковельский взял утверждение, будто Демокрит, подобно Эмпедоклу, говорил о «всевозможных чудовищах и уродах странной наружности» при возникновении мира и даже об отдельном возникновении отдельных органов животных и частей их тела (стр. 102). Ничего подобного в источниках не содержится.

На стр. 61, в угоду схематическому построению автора, утверждается, что среди представителей медицины V в. «развился позитивизм с его «ползучим эмпиризмом». Это неверно: главным недостатком медицины V в. был недостаток эмпирических данных и то, что она исходила из отвлеченных философских предпосылок об элементах, «соках организма» и т. д., пытаясь построить лечение больных на этих предпосылках.

На первый взгляд чрезвычайно интересно свидетельство № 596 на стр. 332 из Varro «Res rusticae», I, 12, 2, из которого автор заключает, что уже Демокриту было известно существование микроорганизмов, причиняющих болезни. На стр. 105 своего исследования автор ссылается на эту, как он говорит, «гениальную догадку Демокрита, предвосхищающую дальнейшие открытия», как на незыблемо установленный в науке факт; «Демокрит первый ... пришел к мысли о том, что эти мельчайшие животные ... являются причиной разных тяжелых заболеваний», причем Маковельский ссылается еще на другое место Варрона (I, 92, 2), которого вообще не существует. У автора не было достаточного основания для включения замечания Варрона в число свидетельств о Демокрите. Вся аргументация А. О. Маковельского в пользу принадлежности этого отрывка Демокриту сводится к ссылке , что «это учение возводит к Демокриту Бекштрем» (ЖМНП, 1916, март). Однако у Бекштрема (стр. 111 написано: «У кого бы из древних натурфилософов V в. эта мысль ... ни была заимствована—Анаксагора, Диогена из Аполлонии, Демокрита или кого-либо другого», и далее на стр. 128 он заявляет, что «далее этих общих соображений, конечно, мы итти не можем» и что «lis adhuc sub iudice est» (стр. 130).

В отделе психологии мы сразу же встречаем ряд положений, которые были бы важны принципиально, если бы они подтверждались текстами. См., например, стр. 80—81: «В психологии Демокрита психика ребенка характеризуется хаотичностью, бурными душевными движениями, неумеренными желаниями». Откуда это? Или откуда № 104: «Жизнь, по учению Демокрита, есть горение (это положение получило экспериментальное подтверждение в химии нового времени)». Последнее замечание (о новом времени), конечно, верно; но Демокрит никогда не утверждал, что жизнь есть горение, ибо у Демокрита в нормальных условиях атомы огня не производят никаких разрушений в теле, а только слегка раздвигают атомы, проникая в промежуток между ними.

Полемику Аристотеля («De part. anim.», IV, 10, p. 687a, 16) против Анаксагора (см. Аристотель, там же, строку 7) А. О. Маковельский считает почему-то направленной против Демокрита и поэтому приписывает Демокриту учение о роли руки в прогрессе человеческой культуры. И это положение ничем не доказано.

При восстановлении этики Демокрита основное значение имеет вопрос о достоверности источников. Дильс считал, что доверия заслуживает только Стобей и «Золотые изречения» Демокрита; так как Лауэ усомнился в подлинности последних, Дильс стал на их защиту. А. О. Маковельский довольствуется тем, что точно повторяет эти рассуждения Дильса, хотя советскому ученому не следовало бы в этом случае плестись за немецкими исследователями, а надлежало бы снова и во всей широте поставить вопрос о правильности использования не только этих собраний, но и Парижских гномологий, равно как и собраний Максима и Антония, тем более, что они были переведены на русский язык уже в XV в. Маковельский, очевидно, вслед за Дильсом считает их не заслуживающими внимания и даже не упоминает о них в обзоре источников, а между тем в тексте на стр. 153 (дважды) и 158 (с прим. 6) он основывается на этих изречениях, несмотря на то, что как раз здесь изречение: νεκρὸν ἰατρεύειν καὶ

γέροντα νουθετεῖν—ямбический триметр, заимствованный из аттической комедии, а никак не из Демокрита!

Удивляет трактовка вопроса о военной науке у Демокрита. На стр. 55—56 Маковельский, вслед за Дильсом, показывает, что соответствующие сочинения (нам известны только их заглавия!) принадлежат не Демокриту, а некоему историку Дамокриту александрийского времени, но на стр. 170—171 неожиданно оказывается, что эти сочинения не только подлинные, но еще и написаны в духе механистического материализма. Мало того, автор подробно излагает их содержание (неизвестно, из каких источников) и даже сообщает, что с этими сочинениями якобы полемизировали: Платон (где—не указано), автор XVIII в. Дешан, рукопись которого находится в Баку, и, наконец, Фр. Энгельс в «Антидюринге» (стр. 91). Однако Фр. Энгельс в этом месте ни слова не говорит о Демокрите.

Перейдем теперь ко второй части труда Маковельского—к его собранию отрывков и свидетельств о Демокрите.

Всякий исследователь, имея перед собой такого рода труд, прежде всего заинтересуется вопросом о принципах, положенных в основу привлечения материалов и о методике критической их обработки. Принципы, на которых основывается проф. Маковельский при подборе материалов, обнаруживаются лучше всего в его утверждении (стр. 198), что использование свидетельств неоплатоновских комментаторов Аристотеля, метафизических апорий Феофраста и других аналогичных источников не имеет сколько-нибудь существенного значения для изучения воззрений атомистов. Мы, прежде всего, не считаем правомерным применение А. О. Маковельским ко всем комментаторам Аристотеля названия «неоплатоники», хотя, разумеется, все они были в большей или меньшей мере пропитаны неоплатоническими идеями; с другой стороны, мы позволили бы себе усомниться в правомерности такого чрезмерного самоограничения; если мы принципиально откажемся от использования идеалистической—неоплатонической, метафизической и т. д.—литературы, то много ли останется от наших знаний о Демокрите? Опыт показывает, что в оставленной автором в пренебрежении поздней литературе (в частности—патрологической) можно найти еще очень много новых принципиально интересных свидетельств; точно так же имеются и свидетельства о Демокрите в литературе классического периода, до сих пор не замеченные. До сих пор никто из крупных исследователей античности не сомневался, что будущее принесет нам еще не мало отрывков и свидетельств о Демокрите.

Посмотрим, как реализует автор во второй части своего труда эти свои принципиальные установки.

Основной отдел, посвященный Демокриту, заключает в себе в общей сложности 619 номеров (не считая отрывков псевдо-Демокрита и подражаний Демокриту), а так как в некоторых номерах соединено по 2—3 свидетельства, в общем здесь собрано почти 800 свидетельств.

Первое, что естественно вызывает интерес рецензента, это вопрос о том, какие же новые, ранее не известные отрывки привлекает автор. К сожалению, ответить на этот вопрос дело нелегкое. У проф. Маковельского нигде нет указаний, у кого заимствован тот или иной отрывок его собрания, а также нет предметного, именного указателя и указателя источников. Рецензенту пришлось произвести большую работу для того, чтобы установить, откуда взят А. О. Маковельским тот или иной отрывок.

Оказалось, что из привлеченных Маковельским отрывков Демокрита лишь 89 не вошли в собрание Дильса. При этом не может не удивить, что А. О. Маковельский включил в свое собрание и 60 свидетельств «неоплатоновских комментаторов Аристотеля», против привлечения которых он же сам решительно выступает в своих вводных замечаниях.

Заимствованные у Дильса отрывки А. О. Маковельский расположил в ином—по сравнению с изданием Дильса—порядке, но в понимании текста он точно следует толкованию Дильса. Точно так же, поскольку я мог проследить, те немногочислен-

ные примечания, которые содержатся в собрании отрывков Маковельского, дословно взяты у Дильса, однако без всякого указания на источник[1].

Перейдем теперь к рассмотрению тех 89 отрывков, которые автор привлек не из Дильса. Из них 10—это отрывки из писем Эпикура, приведенных в X книге Диогена Лаэртия, 7 взяты из Лукреция (преимущественно из V книги). На близость взглядов, высказываемых в этих местах, к взглядам Демокрита, как и вообще на близость эпикурейцев к Демокриту, указывалось в литературе очень часто. Тем не менее до сих пор они никогда не включались в число свидетельств о Демокрите.

В самом деле, если все места у эпикурейцев, в которых можно предположить заимствование у Демокрита, вносить в число свидетельств о нем, то придется, переписав бóльшую часть писем Эпикура и поэмы Лукреция, включить затем все это в собрание отрывков Демокрита. Нам представляется, что единственным принципом для составления такого собрания может быть привлечение лишь свидетельств, в которых 1) названо имя Демокрита, прямо или описательно, 2) точно и дословно повторены его подлинные выражения и 3) ведется несомненная полемика с ним. Между тем в числе этих привлеченных автором, помимо Дильса, отрывков есть даже отрывки, включающие такие взгляды, которые никак не могли быть высказаны Демокритом, и есть лишь один-два таких, о которых можно с большим или меньшим правдоподобием сказать, что они имеют в виду Демокрита.

Еще 10 «новых» свидетельств заимствованы из Платона, причем ни в одном из них Демокрит не назван по имени. Влияние Демокрита на Платона не подлежит сомнению, и многие из этих отрывков уже не раз разбирались у Дироффа, Гаммер-Иенсен, Хинди, Франка и др. Однако, как справедливо указывает сам же А. О. Маковельский в другом месте (стр. 184 его книги), «обычной манерой Платона было рассматривать философские учения, обобщая родственные направления. Платона всегда интересует тип мировоззрения, а не учение отдельного философа в его своеобразии». Поэтому совершенно незакономерно включать безыменную полемику Платона с его материалистическими или полуматериалистическими противниками в число свидетельств именно о Демокрите.

Из остальных 60 отрывков, не вошедших в собрание Дильса, только 3 свидетельства, поскольку я могу судить, еще не находятся в научном обращении и имеют право на включение в собрание отрывков Демокрита.

Это следующие отрывки:

1) Aristot. De interpret. 9 p. 18 B 26 (№ 729). Это место, несомненно, представляет собой полемику с Демокритом, и оно очень интересно, так как показывает влияние

---

[1] Напр., Маковельский

№ 68: «Симплиций, Phys. 331, 16 относит это место Аристотеля к Демокриту».

№ 81: «Против Демокрита Эпикур, ер. I (Диоген X, 61)».

№ 102: «После 46A 99»... (см. 18A 45)».

№ 229: «Р. Риттер и Узенер приписывают Демокриту цитируемое Эпикуром в «Пире» 62a (118, 19 Usener) изречение»...

№ 230; «Немесий» О природе человека «247 Matth.....» это неверно».

№ 246: «Д. 390; вероятно, из эпикурейского источника».

№ 281: «(Полемика против Демокрита)».

№ 329: «В это же сочинение Демокрита входили, может быть, фрагменты B 170, 171, 174, 191, 194, 235, 285, 286».

Дильс, 3-е изд.

№ A 69: «Bezieht Simpl. Phys. 331, 16 auf Demokrit».

№ A 61: «Gegen Demokrit Epikur Ep. (Diog., X, 61).

№ A 101: «Nach 46A 99»... (S. 18 A 45)».

№ B 32: «H. Ritter und Usener wollten das von Epikur im Symposien fr. 62a (118, 19 Us.) Zitierte Wort... Demokrit zuzuschreiben».

№ A 143: «Nemes. de nat. hom. 247 matth... «Demnach unrichtig».

№ A 105: «D. 390; verm. aus epikur. Quelle».

№ A 130; «[Polemik gegen Demokrit]».

Стр. 133 (к № 24); «Zugehörig vielleicht: B 170, 171, 174, 191, 194, 235, 285, 286».

Аристотеля на Эпикура в мотивировке одного из основных принципиальных расхождений с Демокритом. К сожалению, совпадения с Эпикуром А. О. Маковельский не заметил и как раз на это ни словом не указал.

2) Ps.-Plut. De Homeri vita c. 150, p. 422 (№ 262). Новое подтверждение уже давно отмеченного влияния Гомера на теорию образов Демокрита.

3) Eustath., p. 1518, 18.

Относительно двух последних, к сожалению, нельзя быть уверенным, что ссылка на Гомера содержалась уже у Демокрита: возможно, что это комбинация какого-либо позднего ученого, но комбинация, во всяком случае, заслуживающая внимания.

За исключением этих отрывков, собрание Маковельского не представляет самостоятельного научного интереса. Несколько необычная манера ссылок затрудняет пользование этим собранием. Автор нигде в своем исследовании не ссылается на номера своего приложенного к нему собрания отрывков, а ссылается только на Дильса, и притом на старое издание, несмотря на то, что новое издание Дильса вышло уже 13 лет назад[1].

К сожалению, мы должны отметить также ряд недостатков перевода. Как известно, целый ряд отрывков Демокрита дошел до нас в вырванном из контекста или искаженном виде. Переводить их можно только на основании более или менее произвольных догадок или дополнений ученых. Для того чтобы читатель мог судить, в какой мере эти отрывки можно использовать для восстановления подлинного облика Демокрита, необходимо дать аппарат, т. е. сообщить, что́ в переводе достоверно, а что́ гадательно. А. О. Маковельский этого никогда не делает: он дает перевод по конъектуре, сделанной каким-либо ученым и принятой у Дильса, или по собственной догадке, в аподиктической форме, никогда не давая научного аппарата. Приведу примеры.

Отр. 135 (Дильс 195). А. О. Маковельский переводит без всяких оговорок: «Бывают женщины, которые, подобно статуям, великолепны на вид» и т. д. Между тем в дошедшем до нас предложении подлежащего нет. Речь могла итти и о женщинах, и о богах, и о софистах и т. д. Это не мешает автору делать отсюда выводы об отношении Демокрита к женщинам.

Отр. 433 (№ 44 Дильс, 225). Автор переводит: «Должно говорить истину, это всегда гораздо лучше». Очень похвальное изречение, но, к сожалению, в рукописях ничего такого не читается. В рукописях Стобея читается: ὅπου λῷον. «Должно говорить правду, где это выгоднее»,—совсем иной смысл. В рукописях «Золотых изречений»: οὐ πολύλογον, «надо быть правдивым, однакоже не болтать лишнего». Перевод А. О. Маковельского основан на произвольном исправлении текста Бюхелером, которое в старых изданиях было с колебаниями принято Дильсом, а в его новом издании уже отвергнуто, как неудовлетворительное.

Еще хуже, когда А. О. Маковельский дает просто неверные переводы, искажающие смысл подлинника. В привлеченном впервые мной для Демокрита («Изв. АН СССР», 1927, стр. 1051 слл.; Докл. АН СССР, 1929, стр. 140) свидетельстве из Аристотеля (De div. in somn. 464 a), включенном в собрание Маковельского под № 292, выражение: μεθ' ἡμέραν γὰρ ἐγίνετ' ἂν καὶ τοῖς σοφοῖς, εἰ θεὸς ἦν ὁ πέμπων, он переводит: «Днем же это может возникнуть у мудрецов, если посылает бог». Этот перевод нарушает элементарные правила грамматики, совершенно искажает смысл и дает превратное представление об учении Демокрита. Ведь только в русском языке частица «бы» ставится и в главном и в придаточных предложениях; в греческом частица ἄν, «бы», ставится только в главном предложении и с indicat. исторических времен означает «нереальное условие»: поэтому в русском переводе ее нужно вставить и в главное и в придаточное предложения. Автор же оставил без перевода и частицу ἄν, «бы»,

[1] Например, в отр. 313 собрания А. О. Маковельского содержится такая ссылка: «срв. Демокрит B 142». Поискав этот № у Дильса, я убедился, что B 142—это то же, что № 314 собрания Маковельского, т. е. отрывок, напечатанный на той же странице, лишь несколькими строками ниже первого: читатель принужден делать долгие изыскания, тогда как нужный ему отрывок напечатан тут же рядом.

и союз καί, «и», и не заметил артикля при σοφοῖς. Правильный перевод будет: «Если бы (бредовые видения, предсказывающие события) посылал бог, то они возникали бы днем и у мудрецов (а не только у юродивых)». Итак, здесь Демокрит старается доказать, что сны посылают не боги; по А. О. Маковельскому же он, наоборот, утверждает, что сны посылают боги.

Отр. 601 (D. 129): φρεναὶ θεῖα νοοῦνται автор переводит: «Они измышляют божественные (существа)». Этот перевод невозможен: «измышлять, выдумывать» по-гречески πλάττειν, ψεύδεσθαι, а не νοεῖσθαι. Демокрит называл «божественным» творчество философа или поэта; поэтому здесь необходимо принять перевод Дильса: «(поэты или философы) своим умом мыслят божественно».

Совершенно не дающий никакого смысла и неверный перевод дает А. О. Маковельский для отр. 574 из комментария Порфирия к Гомеру: «Некоторые выдумали относительно поэта (Гомера), будто он имел черные кости. Они ссылаются на Ореста, (будто бы) сказавшего это вследствие сообщения Демокрита относительно орла, что (у последнего) черные кости. Так они искажают истину». Вдумаемся в то, что говорит А. О. Маковельский. Орест (живший, по преданию, за 1100 лет до н. э.) сказал, что Гомер, ж и в ш и й ч е р е з 100—200 л е т после него, имел черные кости; сказал же он это под влиянием Демокрита, ж и в ш е г о ч е р е з 700 л е т п о с л е н е г о. При этом искажена структура греческого предложения и оставлены без перевода слова ὑφ'ἧν и καί.

В действительности речь идет о следующем: некоторые читатели в XXI кн. «Илиады», в ст. 252, вместо обычного начертания двумя словами μέλανος τοῦ, «черного того» (т. е. орла),—одно слово: μελανόστου «чернокостного». Правильный перевод этого места: «Некоторые выдумали относительно поэта, будто он сказал (об орле) «ч е р н о к о с т н о г о» одним словом, как слово: Ὀρέστου (они утверждали это) вследствие того, что и Демокрит рассказывал относительно орла, будто у него черные кости. Но они искажают истину».

Еще более поразительный перевод отр. 592 (Дильс, 27а): «Демокрит... и Вергилий говорят о том, что пчелы могут рождаться по отнятии молодняка». В подлиннике же у Колумеллы, IX, 14, 6, читается очень простая вещь: «Progenerari posse apes iuvenco perempto Democritus... nec minus Vergilius prodiderunt, т. е. «Демокрит и Вергилий сообщают, что пчелы могут рождаться из убитого быка,—поверье, распространенное до XIX в. А. О. Маковельский перевел слово «бык», iuvencus, ввиду его сходства с iuventus, как «молодняк»; «perimo», «убиваю», как «отнимаю», и получилась нелепость. Если бы автор заглянул в то место Вергилия, на которое указывает Колумелла,— «Georg.» IV, 284,—он прочел бы там: Caesis iam saepe iuvencis insincerus apes tulerit cruor—«Из порченой крови быков убиенных пчелы родятся»; далее у Вергилия следует подробное описание, как получить пчел таким способом.

Приводимые образцы составляют лишь незначительную часть погрешностей, обнаруженных мной в книге. Таких промахов, как неправильное цитирование источников (по различным, часто устаревшим изданиям—в зависимости от того, как они случайно приведены в книге, откуда источник перецитирован), как указания автора без ссылки на книгу или страницу, описок и т. п., я здесь вовсе не мог коснуться.

Заслугой автора является связное изложение философской системы атомистов с привлечением большой научной литературы, перевод многочисленных отрывков с включением в собрание трех новых свидетельств о Демокрите и попытка осмыслить наследие Демокрита с точки зрения марксистской методологии. Крупными недостатками работы являются: слепое следование авторитетам, в частности, авторитетам старой немецкой идеалистической литературы, приводящее автора к методологическим ошибкам; социологическое схематизирование, побуждающее иногда автора прибегать к фантастическим восстановлениям недошедших до нас частей труда Демокрита и неправильно толковать дошедшие; путанность и внутренне противоречивая концепция, отсутствие научного аппарата, неряшливость, часто просто неправильность перевода текстов.

Проф. С. Я. Лурье

С. Я. ЛУРЬЕ, Очерки по истории античной науки. Греция эпохи расцвета. Издание АН СССР, 1947, 402 стр.

Общий характер данной работы сформулирован самим автором в предисловии, в котором он сообщает читателям о своем подходе к античной науке вообще. Автор говорит, что он своей работой продолжает тот подход, который был у ученых эпохи Возрождения и который «затем был надолго заброшен для того, чтобы возродиться в чрезвычайно поучительной, хотя и несколько фантастической и гиперболической работе Левенгейма» (стр. 6).

Автор предлагает вычеркнуть триста лет развития науки, прошедшие с эпохи Возрождения, и вернуться к точке зрения Дж. Бруно и Фр. Бэкона, как это сделал немецкий ученый Левенгейм в своей работе, вышедшей в 1914 году.

Центральное место в книге С. Я. Лурье занимает Демокрит, которому посвящена половина всей работы (стр. 129—291). Особый интерес вызывает у читателя заявление автора, что ему удалось расширить собрание отрывков Демокрита Г. Дильса «более чем в два раза» и что на основании этого нового материала, впервые привлеченного им, С. Я. Лурье, «реконструкция учения Демокрита должна существенно измениться». Но читателя ждет разочарование. Такого нового материала, который внес бы ценные существенные изменения в реконструкцию учений Демокрита, он в книге С. Я. Лурье не находит. Очень легко увеличить более чем в два раза материал, относящийся к древним философам. Дело в том, что филологическая и историческая критика нескольких поколений ученых, главным образом, в XIX веке отвергла многие свидетельства, как недостоверные, подложные, искаженные. Задача заключалась в выделении наиболее ценного, наиболее достоверного материала. Расширять этот материал за счет того, что было отброшено, есть неблагодарная задача, которая не стоит затрачиваемого на нее труда.

Некритическое отношение С. Я. Лурье к древним свидетельствам привело к тому, что он расширил источники за счет более поздних свидетельств, фальсифицирующих и искажающих Демокрита. В частности магический элемент в учении Демокрита, который столь обширен у С. Я. Лурье, идет от подложных псевдо-демокритовских сочинений Бола. С. Я. Лурье превозносит Демокрита, как самого выдающегося ученого древней Греции эпохи расцвета, выводит его как центральную фигуру всей науки этой эпохи, но на деле, вследствие приписывания ему на основании псевдо-демокритовской литературы, магических представлений (симпатической магии и др.) он снижает Демокрита до дикаря, мыслящего «дологически». Даже элементы (атомы) Демокрита представлены у С. Лурье как дань магии («здесь он восходит к древнейшим магическим представлениям», стр.15).С другой стороны, излагая учения Демокрита, С.Я. Лурье привносит в толкование учений Демокрита кое-что от высшей математики нового времени, приписывает Демокриту такие понятия, как дифференциалы dx, dy, dz, говорит о «молекулах» воздуха у Демокрита и т. п.

Работа С. Я. Лурье устарела как в своем принципиальном подходе к изучаемому предмету, так и в своем некритическом отношении к источникам. Она тянет нас в далекое прошлое, хочет вернуть нас к давно пройденному этапу научной мысли.

В силу ошибочной методологии и засоренности доксографического материала недоброкачественными источниками, результаты исследований С. Я. Лурье оказались не менее «фантастическими и гиперболическими», чем у его учителя Левенгейма.

В чем заключается новая даваемая С. Я. Лурье реконструкция учений Демокрита? Начала всего существующего суть «нуль» и «уль». Нуль—пустота, которая мыслится лишь потенциально, как нечто, способное вместить большее или меньшее количество материи. Она существует только как возможность вместить тело (стр. 188). Пустота у Демокрита, по словам С. Я. Лурье, в сущности лишена протяженности, представляя собой нечто неопределенное (стр. 188). И тут же говорится, что эта демокритовская «пустота материальна». До «открытий» С. Я. Лурье пустота в системе Демокрита понималась как объективное реальное существование абсолютного пустого пространства в отрыве от материи. С. Я. Лурье «открыл», что пустота у Демокрита есть

нечто материальное, лишенное протяженности и являющееся не объективной реальностью, а только возможностью. Это не только нечто абсолютно неопределенное, но и непредставимое, «фантастическое» соединение противоречивых определений.

Не менее фантастичен и «уль». На стр. 197 С. Я. Лурье пишет: «В самом деле по существу демокритов атом не имел никаких атрибутов материи». Что же такое этот таинственный «уль»? В своем сочинении: «Демокрит» (1937 г.) С. Я. Лурье разъяснял, что атомы Демокрита—это «цепочки точек», не имеющих ни верха, ни низа, ни переда, ни зада, ни правой, ни левой стороны. Теперь он говорит, что «атомы Демокрита были в сущности чистой материальной формой» (стр. 197). Но эта форма представляет собой форму чрезвычайно большого числа абсолютно бесформенных неделимых, не имеющих ни правой, ни левой, ни передней, ни задней стороны, ни верха, ни низа (стр. 168—169). Бесформенная неделимая, из которой «рождаются протяженные вещи», есть «чистый принцип протяженности» (стр. 169). Такая неделимая «точка» имеет минимальную протяженность. Естественно возникает вопрос: что это за протяженность, в которой нет ни верха, ни низа, ни правой, ни левой, ни передней, ни задней части?. Это—некая протяженность нулевого измерения. Если эта «точка» имеет *минимальную протяженность во всех направлениях, то она уже есть мельчайшее, микроскопическое тело.* Если же она не имеет никакого измерения, то она—чисто геометрическая точка. С.Я. Лурье не принимает ни первого, ни второго решения, а ищет выхода *в допущении какой-то туманной «бесформенности», о которой он сам говорит, что это* —нечто «непредставимое» и что это не реальность, лишь чистый принцип. Но материя не может состоять из абстракций, из чистых принципов. Имеются у С. Я. Лурье и другие высказывания об «уле». На стр. 196 говорится, что «если пустота—это отрицание конкретного бытия, то сами атомы в сущности только отрицание пустоты». Пустота—«ничего», а атомы—«не ничего». И, наконец, на стр. 197 С. Я. Лурье утверждает, что демокритов атом «имеет все атрибуты божества или души». Маленький «уль» в заключение становится божеством «Уль».

Не менее фантастически, чем «нуль» и «уль», выглядит у Лурье и третье основное понятие философской системы Демокрита—движение. В сущности, по реконструкции учения Демокрита, даваемой С. Лурье, в системе Демокрита нет самого процесса движения, нет процесса перехода с одного места пространства на другое.

«Тело (говорится на стр. 180) находится некоторое время на одной частице пространства, а затем внезапно на соседней». Движения на каждой частице нет, а есть только результат движения (стр. 182). Здесь С. Лурье приписывает Демокриту взгляд на движение, представителем которого был эристик Диодор Кронос (см. Zeller II, стр. 266—267), учивший, что вообще ни о чем никогда нельзя сказать: оно движется; можно только сказать: оно подвинулось. Диодор на этом положении построил свои четыре доказательства невозможности движения. С. Я. Лурье (в сноске на стр. 182) говорит, что Демокрит не отрицал движения атомов: по учению Демокрита атомы всегда находятся в движении. Каково же это движение атомов? С. Я. Лурье разъясняет, что это движение безвременно. Он пишет: «Время, затраченное телом на движение вдоль всего участка, равно сумме промежутков времени, затраченных на стояние, а время, затраченное на движение в промежутке между этими моментами (стояния), принимается равным нулю» (стр. 182, сноска). Таким образом, согласно реконструкции С. Я. Лурье, движения нет ни в пространстве (пространство состоит из частиц, в каждой из которых не может быть движения), ни во времени.« В данный момент n движущееся тело стоит на неделимом участке N, в момент $n+1$ движущееся тело сразу же стоит на неделимом участке $N+1$ и т. д.» (стр. 180). А где и когда происходит самый процесс перехода с участка N на участок $N+1$? Нигде и никогда! Неподвижность летящей стрелы в каждый отдельный момент (парадокс Зенона) «с точки зрения атомиста—простое констатирование факта» (стр. 180). Для процесса движения не оказывается места ни во времени, ни в пространстве, а если «уль» тем не менее всегда находится в движении, то это чудо можно объяснить лишь тем, что «уль» не имеет атрибутов материи, но «имеет атрибуты божества».

На стр. 188 С. Я. Лурье говорит, что Демокрит определял пустоту как причину движения. Это неверно. Пустота постулируется атомистами лишь как необходимое условие для процесса движения. О причине же движения атомов по Демокриту бессмысленно ставить вопрос, ибо это изначальный факт, не нуждающийся в объяснении (атомам по самой их природе присуще вечное самодвижение).

Взгляды С. Я. Лурье на теорию познания Демокрита столь же сумбурны, как и его реконструкция атомистической онтологии. На стр. 164 Н. Я. Лурье пишет: «Демокритом была построена стройная и цельная система научного эмпиризма». На стр.142 он говорит, что Демокрит был рационалистом, но не в философском, а в совершенно другом смысле. «Опыт он считал единственным источником познания. Его рационализм заключался в том, что он не допускал в окружающем нас мире каких бы то ни было необъяснимых противоречий: все эти противоречия он считал кажущимися..., а мир насквозь логичным» (стр. 141). Отрицание в мире противоречий, признание их только кажущимися, только «результатом неправильного толкования явлений»—это не рационализм, а метафизика. Метафизик может быть и эмпириком (как Фр. Бэкон, следовать которому призывает С. Я. Лурье), так и рационалистом (как, например,Декарт). Но суть вопроса в том, как понимает С. Я. Лурье основные предпосылки философии Демокрита. Первой из этих предпосылок он считает принцип исономии, который С. Я. Лурье характеризует как «замечательный принцип, являющийся крайним последовательным развитием материалистического рационализма» (стр. 144). Этот принцип С.Я.Лурье сформулировал так: «Все возможное, всякое наше логическое непротиворечивое представление существует материально» (стр. 144). В силу этого принципа все то, что можно помыслить, без логического противоречия, обязательно должно существовать в каком-либо из бесконечных миров (стр. 274). В частности, согласно этому принципу, всякая вещь должна иметь и свою противоположность (стр. 146); если где-либо существует какое-либо *A*, то должно где-нибудь существовать и не—*A* (стр. 184). Но ведь все это есть решительный антиэмпиризм, чистое логизирование, и на этой антиэмпирической основе С. Я. Лурье строит всю свою реконструкцию естественно-научных теорий Демокрита. С. Я.Лурье пытается убедить читателя, что «стройная и цельная система научного эмпиризма» это есть то же самое, что «крайнее последовательное развитие материалистического рационализма». Умозрительная метафизика с ее принципом: «все, что можно помыслить без логического противоречия, реально существует», у С. Я. Лурье выступает в качестве «стройного эмпиризма».

Неправильно С. Я. Лурье истолковывает сказанное Аристотелем о Демокрите: «В вечности нет разницы между возможностью и действительностью». По С. Я. Лурье это значит: все возможное логически существует реально в бесконечном пространстве и времени. Между тем здесь Аристотель излагает учение Демокрита в категориях своей философии и противопоставляет свою диалектическую точку зрения, согласно которой субъективная возможность может осуществиться и может не осуществиться, механическому детерминизму Демокрита, по которому объективная возможность (не чисто логическая мыслимость без противоречия, как толкует С. Я. Лурье) всегда должна осуществиться, а то, что не осуществляется, то и невозможно, поскольку то,что происходит, всегда неизбежно с механической необходимостью вытекает из предшествующего состояния материи.

Несмотря на данное в предисловии заявление о своей некомпетентности в истории философии, С. Я. Лурье берется не только за реконструкцию философских понятий древних, но идет и дальше к определению социального характера философских систем. Ясно, что только после того, как вскрыта сущность той или иной философской системы, можно ставить вопрос о том, отражением какой социальной действительности, выражением каких классовых интересов она является. С. Я. Лурье отказывается от задачи философского анализа древних систем и с плеча рубит, высказывая свои мнения об их социальных корнях. Философии Гераклита С. Я. Лурье дает такое смехотворное объяснение: это есть спроицирование в область метафизики партийной склоки (стр. 67); даваемая автором характеристика философской системы Демокрита (стр. 130—131) сводится к «проекции»

античного общества и пережитков родового строя. Тут уже демокритовские атомы выступают как проицированные равноправные граждане, конкурирующие и борющиеся между собой. В результате демокритовские атомы у С. Я. Лурье—то цепочки точек, то сумма бесформенностей, то чистая материальная форма, то некие начала, наделенные божественными атрибутами, то проицированные социально-политические категории, т. е. все, что угодно, но только не то, что они суть на самом деле.

Способ аргументации С. Я. Лурье иногда страдает элементарными логическими ошибками. Так, например, на стр. 134 С. Я. Лурье доказывает свое положение своей же собственной поправкой, вносимой в текст геркуланского папируса, т. е. делает логическую ошибку circulus in demonstrando (порочный круг).

Социология Демокрита в изложении С. Я. Лурье также полна ошибочных положений. Основное различие человеческого общества у Демокрита от стада животных автор усматривает в создании искусственных условий жизни, в частности искусственных орудий (стр. 264). Но столь ответственное утверждение о роли искусственных орудий труда в социологии Демокрита ничем не подтверждается. Ни в одном известном нам источнике об этом не говорится. На стр. 266—267 С. Я. Лурье утверждает, что Демокрит якобы ставил животных выше человека и рекомендовал людям учиться у инстинктов животных. При этом С. Я. Лурье ссылается на свидетельство Элиана (H N. VI, 60) о высказывании Демокрита о верблюдах. Однако в этом месте Элиана вовсе не говорится, что Демокрит рекомендует людям учиться у животных. Свидетельство Элиана говорит лишь о том, что Демокрит заинтересовался редким исключением в мире животных (стыдливостью верблюдов) и отыскивал причины этого необычайного явления.

Неубедительна полемика С. Я. Лурье с Г. Дильсом по поводу того смысла, какой надо вкладывать в афоризм Демокрита: «В общей рыбе нет костей». Наивно думать, что Плутарх, живший пятьсот лет спустя после Демокрита, должен дать правильное истолкование этого изречения.

Следует отметить некоторые неточности у С. Я. Лурье в переводе греческих текстов. Так, например, на стр. 369 (сноска 5) неудовлетворителен перевод С. Я. Лурье выражения: «ἀποτομὴ ἀπὸ τοῦ ἀπείρου». Демокрит и Эпикур этим выражением хотят сказать, что каждый отдельный мир представляет собой «отрезок от беспредельного». Беспредельное пространство с носящимися в нем беспорядочно атомами противопоставляется мирам. По аналогии с различием общинной земли и отрезками земли, ставшими частной собственностью, во вселенной различаются от общей бесконечности отдельные миры, окруженные, точно межами, твердыми оболочками, отделяющими их от окружающего их «беспредельного». Каждый отдельный мир есть как бы «отруб», «отрезок» (ἀποτομή), обособившийся от этого беспредельного.

Перевод отрывка Аэция (IV, 19, 3) о звуке: «частицы воздуха скатываются в одно место с частицами звука»—неточен. Дословно это место переводится «воздух свертывается в одно целое с кусками от звука». Под звуком здесь, очевидно, разумеются истечения, исходящие от звучащего тела, которые на своем пути соединяются с обволакивающим их воздухом, и эти сгустки воздуха проникают в уши слушателей. Многочисленные куски, которыми свертывается воздух, служат для объяснения, почему множество лиц одновременно слышат одни и те же звуки. Образование этих сгустков воздуха, соединенных с истечением от звучащего тела, могло также служить объяснением, почему нами воспринимается целиком слово или фраза, а не отдельные «звукобуквы», из коих они состоят.

С. Я. Лурье пишет на стр. 291, что учение Демокрита не пользовалось широким успехом в Афинах, так как в то время в центре интересов стояли вопросы этики, вопросы человеческого поведения, а не отыскивание причин природных явлений. Это не объяснение, поскольку Демокрит написал восемь сочинений по этике, бывших в то время самыми замечательными произведениями литературы в этой области. Причину непопулярности Демокрита в Афинах надо искать в чем-то другом.

Мы остановились более подробно на том разделе книги С. Я. Лурье, которая трактует о Демокрите, так как в этой части С. Я. Лурье изучил большой материал источников. Что касается других философов, о которых идет речь в книге С. Я. Лурье, то суждения автора о них поверхностны, произвольны и порой наивны. Например, на стр. 226 С. Я. Лурье ставит такой вопрос Аристотелю: «А что приводит в движение «Перводвигатель»? Но дело в том, что перводвигатель в системе Аристотеля сам пребывает вечно неподвижным, и, следовательно, неуместно спрашивать о том, что его двигает.

С. Я. Лурье, как он сам об этом говорит, вслед за Бэконом и Левенгеймом, стремится показать, что Аристотель только по недоразумению попал в число творческих деятелей античного естествознания. И в качестве motto для первой части своей работы С. Я. Лурье берет цитату из Бэкона, в которой последний дает отрицательную оценку Аристотелю. Но в своем суждении о ничтожестве Аристотеля Фр. Бэкон исходил не из исторического Аристотеля, а из схоластического, выхолощенного Аристотеля, из которого, как указал В. И. Ленин, поповщина удалила все живое и подлинно научное, и заслугой Фр. Бэкона была борьба с этим Аристотелем, ставшим помехой в развитии науки. В настоящее время мы знаем подлинного Аристотеля, громадная историческая заслуга которого заключается в материалистической критике теории идей Платона и в научном материалистическом решении ряда вопросов философии естествознания. Этот Аристотель есть большая научная величина и не заслуживает пренебрежительной «бэконовской» оценки, возрождать которую собрался С. Я. Лурье. Последний считает Аристотеля идейным последователем пифагорейцев (стр. 72), которые для него являются представителями религиозного мракобесия. Совершенно иную характеристику роли Аристотеля в развитии античной науки дают К. Маркс, Фр. Энгельс и В. И. Ленин, отмечающие его материалистические тенденции и называющие его всеобъемлющим, универсальным гением древнегреческой науки.

Нельзя согласиться с даваемой С. Я. Лурье общей характеристикой ионийской философии, к которой он относит милетскую школу, Гераклита и Ксенофана. Ионийская философия по С. Я. Лурье «такое же теоретическое умствование, такое же умозрение, как религиозная философия ее врагов: ионийские философы убеждены, что до всего решительно можно дойти, основываясь только на цепи логически построенных умозаключений» (стр. 49). Это неверно. Ионийская натурфилософия всюду исходит от чувственного опыта, от эмпирических данных, только этот эмпирический базис у нее еще узок. Представителями рационализма, строящими цепи логических умозаключений, являются элеаты, и логическую форму доказательства впервые мы встречаем у Зенона. О Парменидe С. Я. Лурье говорит, что он якобы пишет свою систему, чтобы доказать правильность старинного религиозного учения; что воспринимаемый нами мир есть только скверный сон (стр. 66). Но Парменид нигде не говорит, что чувственный мир есть только сон, он далек он такого субъективного идеализма. Парменид говорит об обманчивости данных чувственного восприятия и ищет подлинно сущего бытия. Как метафизик, он отрывает мир бытия от мира явлений, но он вовсе не ставит себе целью восстановить какую-то старинную религию, он развивает понятие материи, как таковой (абстракцию материи). Заслуга Зенона—в первой попытке выразить движение в логике понятий. Элейская философия была важным шагом в развитии науки. С.Я. Лурье же дает элейской школе исключительно отрицательную оценку: Парменид—мыслитель, охваченный сильным религиозном чувством, Зенон и Мелисс опровергают огулом всю науку; аргументы Зенона незаслуженно привлекали к себе внимание ученых древнего и нового мира. Зато Анаксагора С.Я. Лурье называет «материалистом до мозга костей» (стр. 86). Между тем в учении Анаксагора об уме, как первопричине движения, явственна тенденция к идеализму.

О Сократе С. Я. Лурье высказывает ряд противоречивых суждений. То он говорит о реакционном идеалистическом мировоззрении Сократа («целью Сократа было подвести «научное» обоснование под религиозные переживания» (стр. 320), то утверждает, что у Сократа не было никаких определенных религиозно-метафизических учений (стр. 334); то он говорит о мистицизме и глубокой религиозности Сократа (стр. 319),

то утверждает, что «Сократ впервые обосновал самодовлеющую рационалистическую этику, не опирающуюся на религию и веру в загробную жизнь» (стр. 320); то он говорит, что Сократ пунктуально и добросовестно исполнял все требования государственных властей, вел себя лойяльно в отношении государства; то утверждает, что Сократ был опасным врагом демократического государства, и его казнь оправдывается государственными интересами демократических Афин; то он говорит, что «Сократ относился с большим уважением к работе естествоиспытателей» (стр. 335), то говорит, что Сократ считал занятия естественными науками бесполезным делом (стр. 321).

Все подобные блуждания исследовательской мысли С. Я. Лурье вытекают из его неправильной методологической позиции. Методологические установки автора порочны именно потому, что он исходит не из марксистско-ленинских положений. Он ищет установок в далеком прошлом, в мнениях, господствовавших триста лет тому назад, и в возрождении этого далекого прошлого в новейших трудах буржуазных ученых. Методологические позиции С. Я. Лурье можно охарактеризовать как позитивизм. Это то игнорирование философии, против которого Фр. Энгельс предостерегает естествоиспытателей. Фр. Энгельс говорит, что те естествоиспытатели, которые хотят игнорировать философию и рассматривать проблемы естествознания независимо от всякой философии, на самом деле оказываются в плену самой худшей, самой отсталой философии, «становятся рабами самых скверных вульгаризированных остатков самых скверных философских систем»[1]. Так именно случилось и с С. Я. Лурье. Он поставил своей задачей рассмотреть историю конкретного научного знания в древности в отрыве от истории философии и этим обрек всю свою работу на неизбежный провал. Ибо если невозможно составить правильного представления о ходе развития нового естествознания вне связи с историей философии, как это гениально показал В. И. Ленин в своем классическом труде «Материализм и эмпириокритицизм», то тем более немыслимо без знания философии разобраться в естественно-научных теориях античности, когда естествознание еще не отдифференцировалось от философии. Ведь только в свете основных идей и понятий той или иной философской системы древности может быть достигнуто верное понимание естественно-научных теорий, которые являлись тогда лишь частными моментами философских систем. Оторвать эти теории от философских систем, на почве которой они выросли,—это значит насиловать их, исказить их, отрезать себе путь от понимания их подлинного смысла.

Ввиду отмеченных нами недостатков книги С. Лурье, следует признать ошибкой напечатание ее в научно-популярной серии АН СССР. Давая неправильные методологические установки и превратные представления об учениях древних философов, она не может быть полезной для широкого круга читателей, желающих познакомиться с историей античной науки. Ее можно было бы напечатать в плане предварительных сообщений о научных работах (в дискуссионном порядке). В ней содержатся неплохие главы (о Фукидиде), имеются отдельные ценные места (например, стр. 16—17, о влиянии Гомера на мировоззрение Демокрита), отдельные интересные мысли и большой материал, к сожалению, приводимый в немарксистском освещении.

А. Маковельский

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 415.

С. Я. ЛУРЬЕ, Геродот. Академия Наук СССР. Научно-популярная серия. Издательство Академии Наук СССР. М.—Л., 1947, 210 стр., Тир. 5000 экз., цена 19 руб.[1].

Вышедшая в научно-популярной серии Академии Наук СССР монография проф. С. Я. Лурье «Геродот» стремится восполнить пробел, ощущаемый сейчас не только в общедоступной, но и в специальной литературе по древней истории. Превосходное для своего времени, частично и ныне не утратившее своего значения исследование о Геродоте Ф. Г. Мищенко, предваряющее оба тома его перевода «Истории», краткая, но весьма содержательная характеристика «отца истории», данная В. П. Бузескулом, во «Введении в историю Греции», и некоторые другие, более специальные работы, как, например, Клингера, при всех их достоинствах, теперь уже значительно устарели. Советский читатель нуждается в исследованиях по истории древнего мира, основанных на последних достижениях науки, сочетающих тщательный анализ первоисточника и детальное изучение фактов с обобщением их на основе марксистско-ленинского учения о развитии общества. Появление книги о Геродоте вызывает самый живой интерес, особенно если учесть крайне разноречивое отношение к «отцу истории», существовавшее в предшествовавшей литературе.

«Понять и представить воззрения человека, которому мы обязаны наиболее достоверным рассказом о Греко-Персидских войнах и одновременно—первой книгой по истории,—и является главной целью нашей работы»,—пишет С. Я. Лурье (стр. 5). Однако автор невольно выходит за рамки поставленной перед собой задачи, касаясь многих других вопросов, неизбежно возникающих при изучении первого дошедшего до нас исторического труда. Ведь Геродот излагал не только события Греко-Персидских войн. С. Я. Лурье правильно указывает, что Геродот «был первым универсальным историком, не ограничившим себя рамками какого-нибудь одного государства или даже одного народа» (стр.151).

Первая глава книги С. Я. Лурье содержит жизнеописание Геродота (стр. 7—32). Автор пытается показать жизненный путь великого историка на основании случайных упоминаний, рассеянных в его «Истории» и в работах позднейших авторов, в особенности Плутарха. Внимание С. Я. Лурье привлекают спорные вопросы: о месте рождения Геродота (стр. 10), о возвращении его из Фурий (стр. 27—28), о времени пребывания в Македонии (стр. 29—30) и т. д. Автором устанавливаются маршруты длительных и далеких путешествий Геродота и степень знакомства с теми или иными районами греческого и «варварского» мира. В этой главе мало самостоятельных наблюдений автора, но факты, изложенные им, подобраны умело и сопоставлены удачно. Эта глава дает представление о том, какими материалами располагает современная наука о жизненном пути Геродота.

В следующей главе—«Мировоззрение Геродота» (стр. 32—99) ставится вопрос о миросозерцании «отца истории», его политических убеждениях и об отношении к Греко-Персидским войнам. По широте задач и по важности поставленных проблем эта глава определяет направленность и характер книги, отношение и взгляды С. Я. Лурье к творчеству и личности Геродота.

Следующие три главы посвящены изучению источников Геродота (стр. 99—124), истории труда Геродота (стр. 124—133) и художественной технике Геродота (стр. 133—142). Автором устанавливается преемственность между прозаическим и предшествующим Геродоту поэтическим творчеством, между фольклором и эпосом и логографами. С. Я. Лурье считает, что торгово-ремесленные круги «придя к власти, стремятся заменить аристократические сказания о богах и героях теми рассказами, которые вошли в моду в новом обществе и стали в свободное послеобеденное время главным развлечением людей, достигших теперь влияния и власти» (стр. 101). Таким образом, изменения,

---

[1] В основу настоящей рецензии положено сообщение, зачитанное на заседании кафедры древней истории МГУ, и некоторые замечания, сделанные во время прений.

происшедшие в литературном творчестве в эту пору, увязываются автором с социальными сдвигами VII—VI вв. до н. э., особенно характерными для Ионии. С.Я. Лурье показывает, что большую роль в осведомленности Геродота, его предшественников и преемников играли всевозможные эпиграфические памятники и устные сообщения.

Далее он останавливается на «основных принципах античной историографии», за которые выдает ряд формалистических приемов, как, например,—метод мотивированной замены, синкретизм и дублирование мотивов, секуляризация богов, этимологизация и т. д. Им уделено гораздо больше внимания, чем разбору классовых основ, определявших взгляды того или иного историка, хотя несомненно, что эти формальные приемы, которыми бессознательно пользовались древние, играли второстепенную роль и не обусловливали особенности и направленности произведений древних авторов. После краткой характеристики наиболее выдающегося логографа—Гекатея Милетского автор устанавливает, в какой степени Геродот прибегал к тем приемам, которые были характерны для античной историографии.

Рассматривая историю труда Геродота, С. Я. Лурье приходит к выводу о необоснованности предположений, что произведение его когда-либо существовало без вставных новелл и без всякого уклона в историю. «История» создавалась постепенно из отдельных самостоятельных сочинений, λόγοι, посвященных описанию той или иной страны: Лидии, Персии, Вавилона, Египта, Скифии и т. д. «Позднейшая переделка этих λόγοι в единое целое не была глубокой и коренной. Они до настоящего времени сохранили характер самостоятельных сочинений» (стр. 126). В них содержится большое количество ценнейшего фольклорного материала, в том числе относящегося к Скифии и поэтому особенно ценного для нас. С. Я. Лурье правильно подчеркивает историческую достоверность многих из этих сообщений. Автор последовательно выявляет сложные обстоятельства, при которых создавалась «История», решительно и убедительно опровергает положения некоторых ученых, полагающих, что она писалась по заранее обдуманному плану. Независимость первой части «Истории», охватывающей книги I—IV, доказывается тем, что в них ни слова не сказано «о желании описать Греко-Персидские войны». «Во второй части уже нет больше пестрого ковра, сотканного из географических описаний и восточных легенд; обрамляющий рассказ, служивший только цементом для вставных эпизодов, теперь является основным содержанием: здесь Геродот дает цельную, хотя и тенденциозную историю Греко-Персидских войн» (стр. 131).

Автор показывает, что на стиль и форму повествования Геродота оказали влияние разнообразные художественные жанры, широко распространенные в ту эпоху на Востоке и в Греции: басня, анекдот, эротическая новелла, сказка. Воздействие их на трактовку реальных исторических событий, на наш взгляд, явно переоценивается автором книги. Что касается языка Геродота, то С. Лурье считает, что Геродот «вслед за ионийскими натурфилософами развивал общемалоазийское ионийское κοινή» (стр. 140), достигнув в этом поразительных художественных эффектов, не теряя ясности, четкости и простоты стиля.

В заключительной—шестой—главе, озаглавленной «Геродот как историк» (стр. 142—161) С. Я. Лурье сопоставляет приемы исторического исследования у Геродота и его предшественника Гекатея Милетского. Если последнему свойственно стремление к «плоской рационализации» мифов, то Геродот, напротив, по мнению автора, «сохранил для истории целый ряд сообщений, которые лично ему казались недостоверными, но с нашей точки зрения содержат ценный и достоверный материал. Основная задача Геродота—не критика того, что уже собрано его предшественниками, а тщательное собирание и передача нового» (стр. 146). Однако степень влияния великого логографа на первого историка остается читателю неясной вследствие крайней невразумительности формулировок автора. Он считает, что кругозор Геродота у́же, чем у Гекатея (стр. 150), что Геродот заимствует у Гекатея больше, чем мы думаем (стр. 143), но что эти заимствования не могли касаться самого существа дела. С другой стороны, С. Лурье говорит, что Геродот воспринял от Гекатея универсальную картину мира, этнографические отступления и даже самый принцип критического отношения к циркулирующим

рассказам, а также стиль в географических описаниях. Как примирить эти высказывания С. Я. Лурье? Из отзывов античных писателей о Геродоте автором приведены главным образом те, которые в той или иной степени дают отрицательную характеристику Геродоту. Это невольно создает впечатление преднамеренности их подбора. Впечатление это особенно усиливается данным в приложении переводом памфлета Плутарха «О злокозненности Геродота», памфлета, язвительного и полного несправедливых нападок на Геродота, впервые переведенного на русский язык автором рецензируемой работы.

Обширные знания автора позволили ему умело подобрать многие интересные факты, сделать отдельные заслуживающие внимания наблюдения и дать несколько метких определений. Вполне обоснованно разрешается вопрос об отношении Геродота к варварам и эллинам. Отсутствие у Геродота пренебрежительного и враждебного отношения ко всему не-греческому, уважение к культуре древнего Востока выгодно отличают его от многих греческих авторов. С. Я. Лурье справедливо объясняет развитие греческого шовинизма, начиная с V в. до н. э., достигающего своего апогея у Плутарха, усилением и распространением рабовладения. «Тот факт, что огромное большинство рабов составляли варвары, дал возможность использовать уже существующие националистические предрассудки: раб низшее существо не потому, что он раб, а потому, что он «презренный варвар» (стр. 47). Отсюда вытекает, что терпимое и даже благожелательное отношение Геродота ко многим «варварским» народам—следствие не только его личных убеждений, но вообще присуще ранней стадии развития античной идеологии. Недаром греки той поры считали египтян, финикиян и вавилонян своими учителями.

Удивляет, что в книге С. Я. Лурье почти полностью опущено все, что относится к описанию народов СССР у Геродота. Только в самом конце последней главы этому важнейшему для нас вопросу уделена неполная страница. Создается впечатление, что автор поневоле говорит: «В работе, выходящей в нашей стране, необходимо еще сказать несколько слов о значении Геродота для истории южных территорий СССР» (стр. 156). Далее следует сжатое на одной странице изложение мнения Ростовцева об описании скифов Геродотом, заимствованное из работы «Скифия и Боспор» (изданной, кстати, в 1925 г., а не в 1935 г., как указано в примечании). Между тем достижения советских историков и археологов внесли существенные и принципиальные изменения и дополнения в суждения Ростовцева. Казалось бы, автор книги, посвященной «отцу истории», прежде всего обязан был заняться именно этим вопросом, наиболее актуальным для истории нашей Родины.

Ведь IV книга «Истории» — подлинная сокровищница ценнейших данных, вскрывающих начальную историю многих славянских племен. Как мог автор пройти мимо такого факта! Теперь уже установлена преемственная связь геродотовых невров со славянами. В работах акад. Н. Я. Марра указывается на участие скифских элементов в формировании древнейших славян. Даже легенда об основании Киева, по его мнению, восходит к киммеро-скифскому первоисточнику. Ценность сведений Геродота для истории Причерноморья доказывают блестящие открытия П. Н. Шульца в Неаполисе (около Симферополя), установившие существование в Крыму скифского государства.

Геродот дает также ценные сведения, помогающие восстановить историческую топографию Кавказа, быт и нравы населявших ее народов (например колхидян). Очень важна киммерийская проблема, разобраться в которой помогают работы А. А. Иессена, умело сопоставившего традицию, передаваемую Геродотом, с археологическими памятниками.

Не менее важны и существенны сведения Геродота о народностях Средней Азии. В частности им излагается оборонительная война массагетов, положившая предел захватническим походам Кира. Основатель державы Ахеменидов, покоривший столько стран, нашел свою гибель в степях, прилегавших к Аральскому морю. В связи с этими событиями Геродот приводит интересные этнографические данные об этих племенах. Их сопоставление с результатами археологических

изысканий С. П. Толстова дало бы возможность притти к новым и интересным выводам. К сожалению, все эти сведения Геродота С. Я. Лурье оставил вне поля своего зрения.

Каковы же взгляды С. Я. Лурье на «отца истории»? Какую характеристику автор дает Геродоту? Как он расценивает основной труд Геродота—о Греко-Персидских войнах?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть метод, применяемый С. Я. Лурье в этой работе. Метод этот в своей основе не нов для автора. Читатель знаком уже с ним по другим работам С. Я. Лурье, в частности по его книге «История античной науки», но здесь, в научно-популярном очерке о Геродоте, он нашел свое наиболее яркое выражение и доведен до предела.

С первых же страниц работы ярко бросается в глаза полная зависимость автора от мнений, суждений и взглядов, высказанных в разное время буржуазными исследователями: Ф. Якоби, Эд. Мейером, Ф. Леграном и др. Их домыслы, в том числе безусловно вредные, порочные, принимаются автором не только безоговорочно, но даже с хвалебными эпитетами. Автор всегда охотно указывает, что его взгляды не представляют собой чего-либо нового или оригинального, что это общее место «современной исторической науки» (например, стр. 95—96), под которой он подразумевает главным образом работы Якоби, Мейера и Леграна. Он цитирует целые страницы их произведений, постоянно подчеркивая, что ограничивается приведением мнения Якоби или Мейера по тому или иному вопросу (стр. 38, 51, 62, 66, 73, 87, 98 и мн. другие).

Даже там, где С. Я. Лурье полемизирует с неоднократно упоминаемым в книге цюрихским профессором Э. Говальдом, он делает это с позиций Эд. Мейера, а вся полемика его носит характер популяризации взглядов Говальда, высказанных последним четверть века тому назад в парадоксальной статье в журнале «Гермес», написанной во вкусе гиперкритиков, гонящихся за внешним эффектом. Читая работу С. Я. Лурье, невольно получаешь впечатление, что автор задался целью широко популяризировать взгляды на Геродота, высказанные буржуазными исследователями-модернизаторами, а главным образом Эд. Мейера и Ф. Якоби. Зачем это понадобилось автору? Неужели он не мог самостоятельно написать исследование о Геродоте для советского читателя? Нужно прямо сказать, что, став на путь заимствования различных взглядов буржуазных исследователей, С. Я. Лурье превратил свою работу в трибуну для Эд. Мейера, Якоби, Говальда, Леграна, Кери и др. Их словами, их языком, их взглядами охарактеризовал проф. Лурье «отца истории» Геродота. Посмотрим, однако, что получилось благодаря этому с самим исследованием проф. Лурье.

По всей книге проф. Лурье разбросаны различные мысли и высказывания о Геродоте как человеке, гражданине, писателе и общественном деятеле. Нигде в книге эти высказывания автора не объединены в одно целое, поэтому нам приходится собрать их, чтобы представить, как проф. Лурье характеризует Геродота, его труд и позиции. Автор пишет, что Геродот провел долгое время в Дельфах, «вел продолжительные разговоры с местными жрецами и всецело проникся их идеологией. Свое сочинение он поставил фактически на службу дельфийскому жречеству» (стр. 13). До этого автор указывает, что «тот, казалось бы, неоспоримый факт, что Геродот родился в Галикарнассе, не может считаться установленным» (стр. 10), «что сам Геродот называл себя фурийцем» (стр. 10), а на стр. 66 он пишет: «не забудем, что Геродот родился в Галикарнассе, под властью персидского царя, жил там спокойно и безбедно». «С молоком матери он впитал в себя нерасположение и презрение к ионянам и никогда не мог окончательно преодолеть в себе чувство благоговения перед ведущим дорийским городом—Спартой» (стр. 89). Это не помешало ему, однако, в дальнейшем «стать на афинскую патриотическую точку зрения» (стр. 144) и выдерживать «роль адвоката Афин до конца своей истории» (стр. 131). В угоду галикарнасским дорийцам Геродот прославлял спартанский уклад и спартанские общественные учреждения (стр. 57). «Геродот уверяет, что ионяне с древнейших времен были самым незначащим племенем во всей Греции», но в угоду афинянам он добавляет: «кроме Афин» (стр. 56). Геродот научился относиться

враждебно к Спарте и ее союзникам (стр. 97) и выполнять поставленную перед ним афинским правительством задачу, в частности, прославлять Афины, за что афиняне, несомненно, щедро наградили его (стр. 70).

Впрочем, «отец истории» делал все это умело: он внешне признавал националистическую концепцию и проводил «афинскую точку зрения исподволь и незаметно» (стр.71), и даже умел ловко дать понять свои истинные взгляды читателям в тех случаях, когда проведение афинской точки зрения противоречило его религиозным чувствам или моральным взглядам (стр. 79). Питая благоговение к дорянам, он в то же время всей душой сочувствовал Афинам и «с головой погрузился в ожесточенную склоку между греческими государствами» (стр. 79), делая все возможное, чтобы выгородить Афины, и одновременно поддерживая взгляд, что государственный строй спартанцев является образцом, впрочем, говоря о последних с легкой иронией и делая против них скрытые выпады (стр. 77).

Однако этим не исчерпывается характеристика взглядов и политических позиций греческого историка. Читатель узнает, что Геродот, испытывая перед Спартой чувство благоговения (стр. 89) и выполняя заказ Афин, вел изложение своего труда с точки зрения Персии, относился к персам с уважением (стр. 96), был в хороших отношениях с представителями персидской администрации в Галикарнассе (стр. 75), сочувствовал Персии в ее борьбе против малоазийских греков, выставлял персов героями (стр. 59), хотя и воспевал борьбу греков против Ксеркса (стр. 97), как высокомерного агрессора.

Геродот «стремился во что бы то ни стало обелить Македонию» (стр. 95), считал нужным выгораживать фессалийцев (стр. 76). Он был горячим поклонником Самоса, делал все возможное, чтобы обелить Самос, оправдывал измену самосских стратегов (стр. 94), но в то же время хотел «оправдать и жестокое поведение на этом острове персов» (стр. 95). Геродот «старается очернить фокидцев, так как их ненавидели дельфийцы» (стр. 94). Он всячески выгораживал Аргос (стр. 78) в интересах афинского правительства, собирал «все, что может служить к оправданию аргосцев, несмотря даже на то, что эти сообщения противоречат друг другу», пускал нелепую клевету против Фив (стр. 76), давал злостные сообщения о Коринфе (стр. 72), делал решительно все, чтобы обелить (стр. 90), выгородить (стр. 93) Дельфы, не брезгая фальсификациями (стр. 93). Геродот не был сторонником радикальной демократии (стр. 97), он считал, что массу людей легче обмануть, чем одного человека (стр. 61).

Таким образом, С. Я. Лурье создал чудовищный образ Геродота, стоящего одновременно на позициях всех враждовавших между собой государств и племен того времени.

Что можно сказать после этого о патриотизме Геродота? Да и как С. Я. Лурье понимает патриотизм? На стр. 96 он пишет: «Геродот был хорошим и честным патриотом своего родного государства—Галикарнасса»; несколько строк ниже, на той же странице мы уже читаем: «Геродот ввиду его новой, афинской, ориентации переселяется в Афины. Он становится хорошим, безукоризненным патриотом, но патриотом Афинского союза, а не панэллинским». Что же это за патриотизм, который меняется с переездом Геродота из одного государства в другое?

Парадоксально, что Лурье не находит в этом никакого противоречия. На стр. 97 он пишет: «Взгляд, по которому у Геродота встречается много противоречивого, попросту неверен,—он вызван неумением стать на точку зрения Геродота и понять ее».

Очевидно, один только С. Я. Лурье понимает, каким образом Геродот мог быть патриотом нескольких враждовавших между собой государств.

Для советского читателя такое понимание патриотизма абсолютно неприемлемо. Взгляды на патриотизм С. Я. Лурье, проводимые им в научно-популярной книге, рассчитанной на массового читателя, нужно признать вредными. Они целиком навеяны буржуазной литературой, от влияния которой С. Я. Лурье не захотел освободиться.

Исходные позиции автора, с которых он представил в таком неприглядном виде Геродота, легли в основу его описания и Греко-Персидских войн у Геродота.

Еще Бузескул в своей работе «Введение в историю Греции» (изд. 1915 г.) указал, что Эд. Мейер исказил характер труда Геродота, а вот теперь, в 1947 г.,

С. Я. Лурье пошел значительно дальше Мейера, соглашаясь с большинством его положений. Он совершенно пренебрег исследованиями русских ученых, в первую очередь Мищенко, целиком стал на точку зрения буржуазных гиперкритиков и представил Греко-Персидские войны в изображении Геродота совершенно необычным для историка способом.

С. Я. Лурье пишет: «достаточно вспомнить» «как объясняет Геродот первопричины Греко-Персидских войн: греки украли у варваров такую-то женщину, варвары у греков—такую-то, греки у варваров—опять такую-то—и это все. Тут скорее история драки между двумя семействами, а не величайшего из бывших до тех пор столкновений мирового масштаба; ее нашел нужным пародировать уже Аристофан в «Ахарнянах». Смешно было бы утверждать, что Геродот старается установить, кто—«агрессор»: он только устанавливает, кто—первый задира, кто начал драку» (стр. 157—158).

С. Я. Лурье ставит наголову, следуя по обыкновению двум-трем иностранным авторам, всю историю возникновения и исхода греко-персидских войн. Оказывается, что прибытие 20 афинских кораблей на помощь Милету и другим греческим городам Малой Азии, восставших против персов, было, с точки зрения самих малоазийских греков «ничем не оправданной агрессией» (стр. 30). Что ионяне великолепно жили под властью Ахеменидов, а персидские сатрапы правили умеренно и справедливо, стремясь прекратить войны между греческими городами (стр. 67 и 86). Любовь к свободе никакой роли в восстании ионян не играла, последнее же вообще было лишь делом «нечистоплотных интриганов» (стр. 67) «фантазеров и теоретиков» (стр. 83). В действительности же, при внимательном чтении «Истории», не трудно установить, что военными действиями против персов руководило общее собрание ионян (V, 109), что ионийские воины призывали кипрских греков помнить о бедствиях, которые они терпят в «рабском подчинении персам», и сражаться храбро, чтобы Иония и Кипр «завоевали себе свободу» (V, 109). Геродот охотно описывает героические подвиги самоссцев и кипрян (V, 112—113) и особенно хиосцев (VI, 15). Прекрасно очерчен им образ доблестного патриота Диония Фокейского (VI, 17). Можно установить неоднократные попытки объединения греков (включая Сиракузы, Крит и Керкиру) для борьбы с персами (VII, 145, 153, 154, 168). Можно вспомнить о неудавшейся попытке Фемистокла привлечь ионян к общегреческой борьбе за независимость (VIII, 19, 22). Таким образом, мысль об общегреческой солидарности во время греко-персидских войн отнюдь не была чужда Геродоту, а сами войны представлялись ему освободительными. С. Я. Лурье извращает по существу описание войны Геродотом. Персы с его точки зрения вовсе не агрессоры, греки не вели освободительной войны, а исход ее постыден был не для персов (стр. 80), а для греков.

Характеристика творчества Геродота полностью вытекает из представления автора об «отце истории», мозаично составленного из цитат различных работ буржуазных историков и взглядов Эд. Мейера, Якоби, Леграна, Говальда и многих других. Вот, например, на стр. 84 С. Я. Лурье словами Леграна говорит: «Интересно убедиться в том, что великий историк Персидских войн чрезвычайно равнодушен ко всему, что мы называем национальной гордостью, славой и свободой», а в следующей же фразе утверждает, что «Геродот гордился подвигами афинян».

Непоследовательность С. Лурье и крайняя противоречивость созданного им чудовищного образа Геродота объясняется постоянным стремлением автора следовать в каждом отдельном вопросе взгляду какого-либо буржуазного «корифея».

В изображении С. Я. Лурье Геродот только и делал, что «обелял», «оправдывал», всячески «выгораживал», «умалчивал» (стр 75). «искажал исторические факты» (стр. 42), «злорадствовал» (стр. 55), «высмеивал» (стр. 143), чернил и клеветал, сообщал с этой целью «непроверенные факты», «нелепые выдумки» (стр. 76), «совершенные абсурды» (стр. 73), «злостные сообщения», «ничего не значащей фразой только запутывал факты» (стр. 80). Одним словом, поступал по принципу «semper aliquid haeret», «клевещи, клевещи, что-нибудь да останется» (с обычной ссылкой на Эд. Мейера, стр. 73).

В сравнении с подобной характеристикой суровое суждение Сэйса о первом греческом историке покажется мягким упреком, а заглавие статьи Ф. Г. Мищенко «Не в меру строгий суд над Геродотом», справедливо и умно опровергающей взгляды англичанина, окажется вполне подходящим для суждения о работе С. Я. Лурье.

Автор создал искаженный образ «отца истории» Геродота и несправедливо очернил первый исторический труд.

По своим методологическим установкам книга является не марксистской и не может быть рекомендована широкому кругу читателей.

И. С. Кацнельсон

Проф. С. Ф. КЕЧЕКЬЯН, Учение Аристотеля о государстве и праве. Изд. АН СССР, М. — Л., 1947, 220 стр.

Важная и интересная тема развития древней науки, связанная с общей проблемой истории идеологии, в последнее время неоднократно привлекала внимание советских историков и философов (Лурье, История античной науки, 1947, его же, Геродот, 1947; Маковельский, Греческие атомисты, 1946; Александров, Аристотель, 1940 и др.).

Этой же теме посвящена вышедшая в 1947 г. монография проф. Кечекьяна «Учение Аристотеля о государстве и праве». В книге, состоящей из введения, 11 глав и заключения, автор ставит следующие вопросы: судьба аристотелевой «Политики», ее подлинность, пробел и порядок книг (стр. 9—22); социально-политическая характеристика Афин времени Аристотеля (стр. 23—36); сопоставление философских и общественных взглядов Платона и Аристотеля (стр. 37—62); особенности античной собственности, воззрения Аристотеля на собственность и его защита рабства (стр. 63—80); учение о сущности государства и права, о преступлении и наказании (стр. 81—102); теория Аристотеля о формах государственного строя и государственных переворотах (стр. 103—121); защита Аристотелем «среднего» класса и «среднего» государственного строя; учение о справедливости и дружбе (стр. 122—140); отношение Аристотеля к афинской демократии, Спарте и македонской монархии (стр. 141—202); изображение «наилучшего» государства у Аристотеля (стр. 203—217).

Задача, поставленная проф. Кечекьяном,—проанализировать теорию государства и права у Аристотеля, приобретает в настоящее время особую актуальность.

Подобное исследование советского ученого, основанное на базе марксистско-ленинской методологии, должно противостоять обширной буржуазной литературе, которая, как известно, тенденциозно искажает учение Аристотеля и значительно его фальсифицирует. Буржуазные модернизаторы находят в учении Аристотеля о государстве аналогии с политическими принципами современного капиталистического строя, пытаясь оправдать и доказать извечность их существования.

В своем введении проф. Кечекьян правильно устанавливает, что философские теории Аристотеля «были поставлены в средние века полностью на службу христианскому богословию, его рассуждения о собственности и рабстве получили широкое использование в попытках оправдания феодальных отношений и крепостничества, а его учение о формах правления находило свое признание в самых различных общественных и политических условиях. Буржуазные политики и историки, за редкими исключениями, сохранили этот антиисторический подход к учению Аристотеля, изучая его абстрактно, как некую универсальную систему понятий, как бы сохраняющих одинаковый смысл и одинаковое значение для всех времен и для всех народов» (стр. 4—5).

Проф. Кечекьян совершенно правильно намечает иной, противоположный этой фальсификации путь изучения Аристотеля—как теоретика греческого рабовладельческого полиса, «как выразителя интересов рабовладельческого класса, и притом определенных групп этого класса» (стр. 8). Сущность учения Аристотеля и задачу своего исследования автор формулирует следующим образом: «Политическая теория Аристотеля есть учение о динамике и о формах (морфология) греческого рабовладельческого госу-

дарства. Осветить политическое учение Аристотеля с этой стороны составляет задачу настоящего исследования» (стр. 8).

Попробуем рассмотреть, как разрешил автор поставленную им задачу.

Проф. Кечекьян считает, что в основу учения о государстве, как и в основу своего философского учения, Аристотель ставит учение о форме.

Исследуя последнее, автор приходит к следующему выводу: «Форма, по Аристотелю, таким образом, есть сущность вещи, вернее—сущностное в вещи. Поэтому «формальное» означает для Аристотеля сущностное, существующее в действительности. Поэтому «формальная» логика Аристотеля есть столько же учение о формах мышления, сколько и учение о формах реальности. Таково же значение формы в его «Политике», которая в существенной своей части есть учение о формах государства. Неудивительно, что в «Политике» Аристотель придает столь большое значение различию форм. Ведь форма—это и есть то, что образует вещь. Поэтому классифицировать и познавать формы—это и значит познавать сущность вещей. Всякая наука получает значение морфологии действительности» (стр. 48). «Вся политика Аристотеля есть не что иное, как учение о формах государства» (стр. 107). «Аристотель придает форме государства значение определяющего начала и строит свое учение о государстве как учение о его формах» (стр. 109).

Свой анализ социально-политической теории Аристотеля проф. Кечекьян основывает на анализе особенностей античной собственности. Ссылаясь на такие явления как раздачи Кимона и Августа (стр. 69), сисситии на Крите и подкуп избирателей в Риме (стр. 69—71) и др., автор заключает о «печати некоторой коллективности, лежащей на античной частной собственности» (стр. 65). Эта особенность, которая объясняет, по мнению проф. Кечекьяна, социально-политические отношения в Афинах IV в. является результатом «солидарности свободных перед лицом рабов» (стр. 71). У Аристотеля автор также находит представление о собственности «как бы несущей на себе путы коллективности» (стр. 74). «Итак, частная собственность должна быть сохранена, но это должна быть—в духе античности собственность, претерпевающая ограничения, делающая уступки в интересах всего коллектива свободных, уступки в пользу неимущих масс...» (стр. 74). Это представление определило, по мнению автора, политическую программу Аристотеля: «Подобно другим идеологам рабовладельческого класса, он считает необходимым обеспечить солидарность свободных перед лицом рабов. Дружба (φιλία) объявляется поэтому основной политической добродетелью. Богатые должны делиться с бедными частью своих доходов» (стр. 71). Проф. Кечекьян признает противоречие между рабами и свободными; однако основное проявление этого классового противоречия в Афинах IV в. состоит, по его мнению, в растущем имущественном неравенстве в среде свободных, в классовой борьбе богатых и бедных.

Рассматривая расхождения Платона и Аристотеля в их политических учениях, автор считает, что «Аристотель естественно примыкал к той политической программе, которая отвечала интересам средних кругов афинского общества», в то время как Платон столь же естественно оказался в рядах сторонников реакционной знати (стр. 50).

Такова в самых кратких чертах концепция проф. Кечекьяна.

Автор анализирует понятия Аристотеля о государстве, праве, гражданстве и др., справедливо подчеркивая их классовую ограниченность, однако в его изложении подчас отсутствует подлинная историческая оценка взглядов Аристотеля. Тот факт, что учение Аристотеля представляет собой апологию рабовладельческого государства, не умаляет выдающегося значения Аристотеля в развитии античной науки. Проф. Кечекьян должен был показать Аристотеля «величайшим мыслителем древности», «гением», «исполином мысли», по выражению Маркса, а не ограничиться указанием в своем введении на эти высказывания основоположников марксизма. Автор приводит прекрасные слова Ленина о том, что Аристотель «всюду на каждом шагу ставит вопрос именно о диалектике» (стр. 4), но, к сожалению, свое исследование учения Аристотеля он строит совсем не в этом плане. Автор показал связь учения Аристотеля о государстве с его основными общефилософскими понятиями и теориями, но, как свидетельствует уже самое оглавление книги, проф. Кечекьян углубился главным образом в изучение

одних только форм государственного строя у Аристотеля и уделил недостаточно внимания его учению о динамике. Вопрос о смене форм государственного строя и причинах этой смены по Аристотелю автор рассматривает сравнительно бегло (лишь в гл. VI, 4, 5). Характерно для точки зрения автора, что в заключении (стр. 218 сл.) дается резюме, которое названо «Учение Аристотеля как морфология рабовладельческого государства» (стр. 219). Автор, таким образом, в значительной мере отрешился от более широкой задачи, поставленной им во введении, и свел, в конце концов, все учение Аристотеля о государстве и праве только к учению о формах. Сведя учение Аристотеля почти исключительно к «морфологии», проф. Кечекьян упустил главное—именно вопрос о диалектике у Аристотеля и таким образом не выявил в его учении основного рационального зерна. Автор правильно подчеркивает, что «Аристотель обнаруживает в своей философии две различные тенденции: материалистическую, демокритовскую линию, с одной стороны, и непреодоленную идеалистическую, платоновскую, линию—с другой» (стр. 44). Однако в дальнейшем исследовании, построенном главным образом описательно, эта мысль автора теряется и в отдельных случаях не всегда можно установить философскую позицию Аристотеля.

Эту позицию проф. Кечекьян не раз определяет как «здоровый реализм». Идеализму Платона проф. Кечекьян постоянно противопоставляет «здоровый реализм» Аристотеля (стр. 48, 95, 218, 220), вводя, таким образом, новое философское понятие, нечто среднее между идеализмом и материализмом. Но ведь несомненно, что острая социально-политическая борьба, а вовсе не какие-то философские «реалистические» принципы диктовали Аристотелю задачу исследовать многообразную общественную жизнь греческого мира. Проф. Кечекьян больше излагает учение Аристотеля о государстве, чем анализирует его; притом «Политика» изучается им в статике, как и все мировоззрение Аристотеля.

Автор устанавливает несомненно идеалистический подход Аристотеля в вопросе об отношении формы и материи, когда говорит, что у Аристотеля «форма имеет примат над материей» (стр. 46), что форма государства имела для Аристотеля значение определяющего начала (стр. 109), что учение Аристотеля о государстве—это учение о формах (стр. 109). Однако в изложении проф. Кечекьяна формализм Аристотеля выглядит значительно глубже и последовательнее, чем это было в действительности. Автор должен был вскрыть и показать непоследовательность этого формализма у Аристотеля, внутреннюю противоречивость учения Аристотеля и с этой стороны рассмотреть его «Политику».

«Политика» Аристотеля—основной источник проф. Кечекьяна—не разобрана им всесторонне. Необходимо показать многочисленные внутренние противоречия «Политики», непоследовательность политических взглядов Аристотеля, контрастные тенденции его теории, представить взгляды Аристотеля в их развитии. Автор же ограничился главным образом рассмотрением различных версий комментаторов «Политики», о состоянии «Политики», ее пробелах, возможности перестановки книг и т. д., сведя таким образом исследование своего источника к формальному разбору его пробелов и литературных недочетов.

В монографии проф. Кечекьяна встает вопрос о социально-политических позициях Аристотеля. Значительные, но противоречивые материалы, которые представляет «Политика» для его решения, сводятся к двум видам: это, во-первых, требующие расшифровки теоретические построения Аристотеля; во-вторых, критические замечания Аристотеля о реальных государствах и событиях. Эти материалы проф. Кечекьян привлекает для обрисовки взглядов Аристотеля на фоне социально-политической характеристики Греции IV в.

Две политические партии, по мнению автора, боролись в Афинах времен Аристотеля: демократическая и олигархическая. Первая, отвечавшая интересам «городских (торговых и промышленных) кругов» (стр. 157), отстаивала возможно большую солидарность всех свободных перед лицом рабов и пыталась смягчить уступками и раздачами недовольство свободной бедноты. Вторая, олигархическая партия—«военной диктатуры», выражала стремления землевладельческой знати. Позиция Аристотеля в этой

борьбе изображена автором в общем правильно, как компромисс, в котором вражда к замыслам реакционеров сочеталась с критикой «крайностей» афинской демократии и стремлением «вернуться к умеренной цензовой «конституции отцов», к конституции времен Солона, к «среднему» государственному строю с господством в нем «среднего класса» (стр. 36). Вопрос о том, кого разумел Аристотель под этим «средним» классом, проф. Кечекьян в разных местах книги решает по-разному. Это—то «средние» городские круги (стр. 127), то «земледельческий класс» (стр. 128), то «средний», зажиточный класс» (стр. 125—126), то «зажиточное крестьянство» (стр. 128).

Приведенные суждения проф. Кечекьяна кажутся нам в некоторых отношениях ошибочными и противоречивыми, а терминология—неопределенной.

Автор свободно и постоянно оперирует такими понятиями, как: «имущая верхушка афинского общества» (стр. 35), «средние городские круги» (стр. 127), «неимущий класс населения» (стр. 33), «умеренные городские круги» (стр. 36), «банкиры» (стр. 28), «промышленные товарищества» (стр. 70) и др. Вся эта терминология не имеет ничего общего с марксистско-ленинским учением о государстве и классах. Она полностью заимствована автором из арсенала буржуазной историографии, использующей особенно широко и охотно неопределенное понятие «среднего класса» («middle class»). Проф. Кечекьян должен был подвергнуть критике эту буржуазную терминологию, а не следовать ей. В его работе необходима была особенная четкость в терминологии, характеризующей социальные отношения в Афинах.

Не учитывая в достаточной мере основного проявления антагонизма между рабами и свободными и трактуя преимущественно о борьбе богатых и бедных, автор лишает четкой классовой характеристики социальную борьбу в Греции IV в. Этот методологический порок привел автора к недооценке важнейшей части «Политики» Аристотеля—теории рабства, разбору которой проф. Кечекьян посвятил всего лишь 6 из 220 страниц своей книги. Нельзя согласиться с проф. Кечекьяном, когда он констатирует у Аристотеля «смутное угадывание классовой сущности государства» (стр. 109). Наоборот, Аристотель—теоретик античного рабовладельческого государства, формулирующий свои взгляды с предельной ясностью и полной откровенностью эксплоататора-рабовладельца, для которого раб—только «одушевленный инструмент».

Серьезные возражения вызывает трактовка проф. Кечекьяном важнейшего вопроса о характере античной собственности. Автором не учтены в полной мере ведущие указания классиков марксизма-ленинизма по этому вопросу. Проф. Кечекьян не использовал опубликованной еще в 1939 г. работы Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», без привлечения принципиальных установок которой невозможны правильный анализ и критика теории Аристотеля, его взглядов на собственность. Цитатой, вырванной из общего контекста «Немецкой идеологии» (стр. 66), проф. Кечекьян пытается подкрепить тезис о коллективном характере античной собственности, построенный на весьма шатком основании фактов, объединенных внешним сходством. Проф. Кечекьян не уделяет достаточно внимания процессу развития, изменения собственности, который неоднократно подчеркивался Марксом («частное право развивается параллельно с частной собственностью из процесса разложения естественно развившейся коллективности»[1]). Единая «печать некоторой коллективности» лежит, согласно проф. Кечекьяну, и на спартанском рабовладении и на раздачах Цезаря. Проф. Кечекьян ищет доказательств своей мысли у буржуазных исследователей: Кролля, Гирцеля, Пельмана, взгляды которых он использует очень охотно и некритически (напр., стр. 69—70). Факты, которыми оперирует проф. Кечекьян по Пельману, как свидетельством о «коллективности» античной собственности, самим Пельманом рассматриваются как доказательство существования «социализма» в древности.

---

[1] Маркс и Энгельс, Немецкая идеология, Партиздат, М., 1933, стр. 53.

К более мелким недостаткам книги следует отнести несколько одностороннее изображение упадка Греции IV в. (гл. II), игнорирующее подъем отдельных отраслей экономики, расширение торговли в IV в. и, наконец, социально-политическое развитие областей средней Греции. Некоторым формализмом страдает описание институтов древней Спарты. Необходимо было больше учесть момент исторического развития отдельных институтов, а также характер и степень достоверности источников различной ценности (Плутарх, Фукидид, Ксенофонт, Геродот (стр. 174—176). Недостаточно внимания обращено на современные Аристотелю политические теории, сравнения проводятся лишь с Платоном, остальные упоминаются большей частью в примечаниях.

Исследование проф. Кечекьяна представляет большой интерес. Автор хорошо знает свой источник, его не удовлетворяют русские переводы Аристотеля, сделанные акад. С. А. Жебелевым и Э. Л. Радловым, он частично изменяет их в своей работе (стр. 22). Автор правильно ставит задачу исследования и в дальнейшем изложении рассматривает основные вопросы, связанные с учением Аристотеля о государстве. Однако приемы изучения материала и отдельные положения, высказанные автором, вызывают возражения.

Большим и серьезным недостатком книги является отсутствие в ней подлинно критического отношения к буржуазной литературе. Вместо необходимого обстоятельного критического разбора буржуазных концепций по этому вопросу автор ограничился поверхностным обзором некоторых работ.

В книге проф. Кечекьяна постоянны ссылки на резко тенденциозных, часто реакционных западноевропейских авторов: Пельмана, Белоха, Рема, Виндельбанда и многих других. Многочисленные некритические ссылки на работы этих авторов никак не связаны с теми немногими общими замечаниями, которые мы находим в его введении. Без всяких оговорок проф. Кечекьян предлагает обратиться к пельмановской трактовке таких понятий у Аристотеля, как «справедливость» (стр. 132), «равенство в идеальном государстве» (стр. 210), «предел населения» (стр. 212) и др., хотя автору должно быть известно, что эти вопросы рассматриваются Пельманом в свете его реакционно-идеалистической, модернизаторской концепции, давно разоблаченной советскими исследователями.

Автор не только не дает критического разбора буржуазных работ, но и сам заимствует из них многие из своих положений и даже терминологию. Характерно, например, что недооценка автором основного классового противоречия и классовой борьбы между рабами и рабовладельцами явилась результатом постоянных ссылок автора на описания IV в. у Пельмана и Белоха, историков-модернизаторов, подразумевающих под классовым антагонизмом в Греции этого периода антагонизм между капиталистами и пролетариями. Автор настолько доверяет Пельману, Рему и другим буржуазным «теоретикам», что в ряде случаев прибегает к цитированию источника по буржуазным работам. Например, на стр. 70 автор пишет: «Плутарх рассказывает, что Демад добился возможности на одном из праздников преподнести каждому из граждан 50 драхм», смотрим сноску автора, там указано «Пельман, Указ. соч., стр. 423». Таким образом, проф. Кечекьян даже Плутарха цитирует по Пельману!

Автор обходит молчанием работы советских историков по социальной борьбе в древней Греции, в которых сделаны попытки марксистского изучения этих вопросов. Русская литература вообще привлекается автором очень мало. Метод ее использования ярко характеризуется ссылкой автора на стр. 59, где без всяких комментариев и каких-либо оговорок поставлены рядом работы Мишулина, Волгина и Гильдебранда, Пельмана и Трубецкого.

Наконец, непонятно, как мог проф. Кечекьян пройти мимо работы Александрова, вызвавшей широкую философскую дискуссию. Не останавливается он и на монографии Александрова об Аристотеле, критический разбор которой, несомненно, помог бы автору правильнее разобраться в поднятых им проблемах.

Автор далек от претворения в своей научной работе положений, выдвинутых т. Ждановым на философской дискуссии.

Существенные методологические ошибки, некритическое использование буржуазной литературы, недостаточно широкое и углубленное изучение ряда вопросов помешали автору разрешить поставленную им проблему—дать подлинно марксистское исследование теории Аристотеля о государстве и праве.

М. Узунова

А. А. ИЕССЕН, Греческая колонизация Северного Причерноморья. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1947, стр. 1—92+4 карты, ц. 9 р.

I

Вопросы, связанные с греческой колонизацией Северного Причерноморья, изучаются исторической наукой уже более 150 лет. При этом ведущая роль принадлежит здесь русским исследователям. Особый успех достигнут в этом деле советскими учеными, последовательно применившими марксистско-ленинский анализ к изучению источников по истории колоний и местных племен. Крайне расширился самый круг источников. Наряду с письменными памятниками, тщательному историческому анализу подверглись и вещественные, археологические памятники, игравшие в прошлом, в трудах даже наиболее крупных исследователей Причерноморья, второстепенную, иллюстративную роль.

Рецензируемая книга в известной мере является итогом всей работы, проделанной советскими историками и археологами. Автором внимательно анализируются сношения племен Северного Причерноморья с югом в III и в начале II тысячелетия до н. э., во II тысячелетии до н.э. и в начале I тысячелетия до н. э. Особо выделяется рассмотрение событий VII в. в истории причерноморских племен, сношения Причерноморья со странами юго-востока в VII—VI вв. и с греками в VII в. до н. э. Возникновение постоянных греческих поселений в Северном Причерноморье в VI в. рассматривается в тесном соотношении с теми изменениями, которые произошли в туземной среде, а после этого прослеживаются те изменения, которые внесли новые условия в греко-скифские отношения. С этой целью специальная глава посвящается автором импорту греческих изделий в причерноморские степи в VI в., выясняются основы расширения греческой колонизации в V в. и определяются ее последствия в V в., когда «по мере замены доколониальной торговли греческих купцов и мореходов постоянной торговой и производственной деятельностью греческих городов-колоний связи с греками получают все больший перевес над связями с юго-востоком» (стр. 90).

Основной вывод А. А. Иессена заключается в том, что нельзя рассматривать процесс греческой колонизации односторонне, только со стороны внутренних событий метрополии. Равную роль играли события из истории местного северно-причерноморского населения, определявшие время и географическое распространение колонизационных процессов (стр. 81, 90).

Отстаивая такой вывод, автор, естественно, должен был проанализировать историю развития местного населения областей северного, северо-западного и северо-восточного Причерноморья и Приазовья. Эта задача была им выполнена с большой обстоятельностью и хронологической углубленностью. А. А. Иессен начинает свое повествование с III тысячелетия до н. э.

Целью этого многотысячелетнего экскурса является показ истории сношений древних племен Черноморья с южными центрами и выяснение результата этих сношений. Автор считает, что уже издавна можно говорить о двух направлениях связей племен Северного Причерноморья—кавказском и восточнобалканском. В результате первого направления связей складывается группа культур высокоразвитой бронзовой индустрии Северного Кавказа и Закавказья конца II—начала I тысячеле-

тия до н. э. Из этих культур особое значение для событий скифской истории имела так называемая кобанская культура.

Важнейшей особенностью этой группы культур является развитие их на основе тысячелетней связи Кавказа с древневосточными центрами. Истории этих связей, то достигавших Прикубанья, то ограничивавшихся только Закавказьем, то более близких к традициям Двуречья, то более родственных хеттам, Ассирии и Урарту, автор посвящает интереснейшие страницы.

Результатом другой цепи связей—через восточные Балканы каботажным морским путем вдоль западного берега Черного моря—явился, по мнению автора, другой мощный центр бронзовой культуры—в сравнительно небольшом районе, «на самом побережье Черного моря, от Днестра до Днепра, а также по нижнему течению Днестра, по берегу до района Первомайска и по Днепру до порогов» (стр. 27). Сношения между этими двумя центрами не отрицаются. А. А. Иессен даже специально останавливается на пути с Кубани через Тамань в Крым, а оттуда к низовьям Днепра, по которому проникали изделия кавказских бронзолитейных центров. Говорится и о возможности связей морским путем между черноморским югом и Крымом вдоль кавказского побережья.

К сожалению, в этой картине почти целиком опущены события в огромной области, будущей степной Скифии. Об этих районах автор говорит вскользь. Так, на странице 18, касаясь всего Северного Причерноморья в целом, А. А. Иессен замечает, что «II тысячелетие до н. э. в общих чертах являлось периодом спокойного, постепенного развития культуры». Дальше же, применительно к началу I тысячелетия, автор говорит, что «на правобережной Украине в этот период продолжают жить племена земледельцев и скотоводов, в то время как в областях к востоку от Днепра у пастушеских племен скотоводов, в результате развития патриархальной семейной собственности на скот и значительного роста стад, начинают создаваться предпосылки для перехода от оседлого к кочевому образу жизни» (стр. 25). Мне кажется, что А. А. Иессен, большой знаток южнорусского бронзового века, напрасно обошел вопросы культурного развития древнего населения пространств между Днепром и Волгой, сославшись на ничем не обоснованную якобы прямолинейность имевшего там место развития. В действительности, это развитие было сложно в этнографическом отношении—сошлюсь хотя бы на вопросы происхождения племен, оставивших нам катакомбы, и в экономическом: племена, оставившие нам срубную культуру (в общем значении этого определения), далеко не были однородны в хозяйственном отношении. Наличие же на востоке этого пространства причерноморских степей таких находок, как клад Сосновой Мазы и бронзы «Хвалынских» погребений, заставляет сомневаться в правильности утверждения автора о бедности нашего степного юга металлическими изделиями. Мы располагаем дефектными данными—погребениями, в массе своей ограбленными. Но ведь их и грабили-то, конечно, из-за металла, которого было гораздо больше, чем можно предполагать по данным раскопок. Такие находки, как литейная форма вислообушного топора из Киевки близ Землянска, Воронежской области, обнаруженная в погребении срубного типа, это только подтверждает.

Мы остановились на этом месте книги А. А. Иессена потому, что отказ от рассмотрения фактов, касающихся культуры населения областей между Днепром и Волгой, сильно ослабляет возможности определения размеров и характера местного развития в культурах бронзового века нашего Юга. Помимо воли автора, создается впечатление, что бронзовая индустрия Восточной Европы представляла собой результат одних только сторонних воздействий. Между тем глубоко своеобразные черты многих бронзовых изделий литейщиков нашего Юга, наличие значительных центров бронзовой индустрии в лесной зоне, в Приуралье и в Поволжье заставляют более ограничительно трактовать вопрос о зависимости наших степных бронз от переднеазиатских и закавказских металлургических центров.

Перейдем теперь к следующему этапу, имеющему уже самое непосредственное касательство к основной проблеме исследования А. А. Иессена.

Автор совершенно правильно связывает южные походы скифов с глубочайшими

переменами в общественных отношениях степных племен, определяемыми их переходом на высшую ступень варварства. Положительное значение также имеет и то внимание, которое А. А. Иессен уделяет многочисленным случаям непосредственных соприкосновений скифов со странами Древнего Востока во время их проникновения через Кавказ в Переднюю Азию.

Бесспорно справедлив тот акцент, который вслед за Б. Б. Пиотровским делает автор на урартийских чертах в орнаментике архаических скифских изделий. Однако едва ли можно согласиться с А. А. Иессеном, когда он считает, что скифские вещи Келермесских курганов Северного Кавказа и столь сходные с ними из Мельгуновского кургана, раскопанного под Кировоградом, «изготовлены не в Причерноморье, а где-то на юге, скорее всего где-нибудь в пределах Урарту или недалеко от его границ, в мастерской, сложившейся на основе старой древневосточной традиции, но воспринимавшей и новые потребности и вкусы кочевников-степняков» (стр. 45). Раскопки в Закавказье, относящиеся к эпохе Урарту, достаточно полно характеризуют облик урартской индустрии и художественного ремесла. Они резко отличны от скифских образцов архаического Северного Кавказа и нижнего Поднепровья. Остается непонятным, почему мы должны отказывать скифским мастерам в способности, заимствуя отдельные южные мотивы, создавать уже в архаическое время собственные произведения высокого качества. Ведь найденные образцы так близки к художественному литью из золота и из бронзы, которое в других, не осложненных иноземной примесью произведениях автор соглашается оставить за мастерами-скифами Северного Кавказа. Или, может быть, на основании находки Б. Б. Пиотровским в сторожке Тейшебаини (Кармир-Блур) костяной резной головки зверя, столь близкой к головкам, украшающим костяные псалии скифских удил вплоть до Киевской области, весь скифский звериный орнамент придется считать урартским?

Здесь у А. А. Иессена тот же недостаток в объяснении, что и при изложении более древних событий. Умело и тонко разбирая указания на внешние связи Причерноморья с Югом, он меньшее внимание уделил закономерностям внутреннего культурного развития местного населения, и поэтому возникла некоторая диспропорция в экспозиции и оценке фактов.

Обратимся теперь к колониальному периоду в жизни греческих городов. А. А. Иессен, несомненно, прав в том, что уровень развития местного населения необходимо принимать во внимание при решении вопросов ранней истории колонизации. Однако при этом осталась непреодоленной одна старая ошибочная традиция антиковедения. Греки изображаются А. А. Иессеном только в качестве носителей культуры и прогрессивных (для того времени) начал рабовладельческого общества. Тем самым они превращаются у автора в услужливых помощников скифского развития. Стоило племенам, жившим между Днестром и Днепром, достигнуть определенного уровня развития, как возникает станция на Березани, а потом и Ольвия. Скифы предоставляют свои городища пришельцам, охотно сами переселяются в новые города и только никак не могут отвыкнуть хоронить своих покойников в скорченном виде.

Между тем так ли идилличны были сношения греков с местным населением? Показательно, что в тех случаях, когда более ясен местный материал, идиллия исчезает. Развитие Тапаиса сопровождалось вытеснением или «поглощением» (т. е. обращением в неволю) местного населения низовьев Дона. А история Анахарсиса и Скила является прямым указанием на отсутствие в древнейшие времена этой идиллической общности. Греки шли туда, где общественное устройство местного населения делало возможным установление торговых взаимоотношений, но они устанавливали эти взаимоотношения отнюдь не идиллическим путем. Захват, подкуп, подпаивание, измена (как в случае с изменой скифам ионян, стороживших мост, чтобы не пропустить Дария) были их методами. Что касается мирного сожительства эллинов со скифами и таврами в севернопричерноморских городах, утверждаемого, главным образом, на основании наличия скорченных покойников в древнейших некрополях Ольвии, Пантикапея и Херсонеса, то оно еще должно быть тщательно проверено. Прежде всего немалый процент скорченных покойников имеется и в греческих некрополях метро-

полии. Если даже и будет доказано скифское происхождение скорченных, нужно еще выяснить положение, которое занимали в причерноморских городах хоронившиеся скорченно. Обращается также внимание на грубую посуду, находившуюся в большом числе в колониях. Однако не меньшее число грубых обломков находится и при раскопках в метрополии. Что же касается обломков посуды скифского типа, то в древнейших слоях она может принадлежать тому населению, которое было вытеснено или подчинено пришельцами-греками. То обстоятельство, что Ольвия была основана на месте скифского укрепления, может свидетельствовать вовсе не о мирном сожительстве, а о насильственном захвате. Отмечая все это, я вовсе не хочу отрицать общеизвестных фактов об эллинах-скифах V—IV вв. Они—результат длительного греческого проникновения в Скифию и ускорения распада у скифов старых общественных и хозяйственных форм. Но почему принято умалчивать, что спутником этого проникновения явилась эксплоатация местного населения греческими скупщиками или их посредниками—знатными скифами? Греки-культуртрегеры—с этим пережитком буржуазной науки следует покончить путем всестороннего освещения проблемы греческой колонизации в Северном Причерноморье.

Я остановился на этом вопросе в истории греческой колонизации потому, что именно здесь еще слишком мало сделано нашим советским антиковедением. Несомненная заслуга автора рецензируемой книги в том, что его исследование делает такую работу первоочередной.

Что касается других сторон проблемы, то очень много нового внесено в их освещение рецензируемым исследованием. Повидимому, нужно согласиться с А. А. Иессеном относительно более позднего развития Боспора по сравнению с днепро-днестровским побережьем и отрицательно отнестись к гипотезе о высокоразвитом киммерийском центре на Боспоре. Думаю только, что нет у нас еще достаточного количества находок, чтобы утверждать уже сейчас «культурную отсталость» Керченско-Таманского района до VII в. по сравнению со степным Крымом. Особое внимание привлекает к себе глава книги А. А. Иессена об импорте греческих изделий в причерноморские степи в VI в. Тщательность анализа позволила автору притти к ряду остроумных выводов, из которых особого внимания заслуживают выводы о направлении кочёвок скифов, местонахождении их летних и зимних стойбищ и локализации мест находок «в предположительных районах постоянного обитания (или зимовок) местных племен» (стр. 74).

Несомненной заслугой автора является детальное выявление тех особенностей, которые позволяют выделить второй период истории колонизации—период «превращения торговых колоний в производственно-торговые центры», когда греческие города «стали органической частью культурного комплекса Северного Причерноморья» (стр.87). Нам остается только пожелать, чтобы и здесь исследователями культуры Северного Причерноморья, увлеченными изучением «исторического процесса слияния культуры греческой и местной», не упускались важнейшие политические результаты этого «слияния», приведшие к острой классовой борьбе на Боспоре, столь глубоко вскрытой в этюдах покойного академика С. А. Жебелева.

Заканчивая на этом свои замечания о книге А. А. Иессена, я должен отметить, что они вызваны прежде всего той широтой постановки вопроса и той глубиной анализа явлений и источников, которые делают рецензируемое исследование значительным произведением нашей науки о древнейших судьбах населения Причерноморья. Его прекрасно дополняют приложенные автором карты, наглядно обосновывающие важнейшие положения книги. Несмотря на свои небольшие размеры, она является образцом исследования, всегда подкрепленного тщательно проверенными источниками, и, несомненно, послужит важной ступенью на том пути, которым идет наше советское археологическое антиковедение, неотъемлемая часть истории народов СССР.

Проф. С. В. Киселев

II

В литературной и исторической традиции греков и римлян сохранилось немало, хотя и в разрозненном виде, сведений о северочерноморских колониях. Однако, отчасти в силу фрагментарности источников, отчасти же в силу специфических особенностей античной историографии, причины и первые шаги греческой колонизации северного побережья Черного моря известны чрезвычайно плохо. Поэтому первостепенную роль в деле раскрытия картины раннего периода колонизации призван сыграть археологический материал.

Работа А. А. Иессена является важной сводкой археологической литературы по данному вопросу и попыткой по-новому объяснить причины и особенности северочерноморской колонизации. В настоящей рецензии я рассматриваю только вопрос о начале греческой колонизации.

Известно, что исследование вопроса о возникновении греческих колоний на нашем юге в буржуазной науке страдает односторонностью, игнорированием исторического развития местного населения. А. А. Иессен показывает двусторонний характер этого процесса. Он правильно указывает, что «возникновение греческих колоний на северном побережье Черного моря было подготовлено развивавшимися издавна, в течение полутора тысячелетий, меновыми сношениями населения наших степей с южными странами, в том числе и со странами Эгейского бассейна» (стр. 89). Немало убедительных примеров собрано в его работе, которая, наряду с юго-западными (средиземноморскими), старается в достаточной мере осветить также юго-восточные (кавказские и переднеазиатские) связи Северного Причерноморья[1]. Однако характеристика сношений Северного Причерноморья с крито-микенским миром (стр. 19—20) дана очень не полно. Почему-то нет у автора описания бронзовых усатовских кинжалов, очень сходных с кинжалами из Гурнии на Крите и из Микен (II тысячелетие)[2]. Автор сознательно отказывается от попытки связать археологические данные о сношениях эгейских народов с северным побережьем Черного моря во II тысячелетии до н. э. с данными греческой мифологии. Н. Я. Марр считал, как известно, возможным на основе палеонтологического анализа цикла мифов, связанных с Понтом, относить знакомство греков с Черным морем к середине II тысячелетия до н. э.[3].

Основная мысль автора сводится к тому, что «замена доколониальной торговли греческих купцов и мореходов постоянной торговой и производственной деятельностью греческих городов-колоний» (стр. 90) стала возможной «только с переходом местного населения на высшую ступень варварства» (стр. 89) и что это и есть «скифская» стадия в истории местного населения Северного Причерноморья (стр. 34).

Непонятно, почему переход к высшей ступени варварства автор себе представляет как поголовный переход населения к кочевому образу жизни (стр. 34 сл.). Уже Мищенко правильно указывал, что «под скифами приходится разуметь и у Геродота... несколько народов различного этнографического типа и разных видов культуры»[4].

---

[1] Заслуги автора в деле изучения культур Кавказа эпохи раннего металла хорошо известны. Ср. его работы: «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе», ИГАИМК, вып. 120 (1935), «Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии» (III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады, М.—Л., 1939, стр. 100 сл.).

[2] Ср. Граков, Скіфи, стр. 41.

[3] Н. Я. Марр, Избр. работы, I, стр. 104.

[4] Ф. Мищенко, Этнография России у Геродота, ЖМНП, 1896, стр. 81; ср. также М. И. Артамонов, Общественный строй скифов, Вестник Ленинградского университета, 1947, № 9, стр. 75; он же, Вопросы истории скифов в советской науке, ВДИ, 1947, № 3, стр. 71—72.

Не только в VI—V вв., когда писали Аристей из Проконесса и Геродот, но и гораздо раньше мы имеем среди скифов земледельческие племена и кочевников. Учитывая их географическое распределение, можно думать, что существование рядом земледельцев и скотоводов на территории нынешней Украины датируется уже поздним Трипольем[1] и что прибрежная полоса в начале I тысячелетия до н. э., особенно в районе днепро-бугского лимана, была населена племенами, которые, как и соседние им племена Истрии[2], занимались одновременно земледелием и скотоводством[3] (Усатово).

Верно, конечно, что рост общественного расслоения в связи с накоплением богатств, в том числе и скота и распространением рабства должен был способствовать росту торговых связей (стр. 34—37). Добавлю лишь, что, в свою очередь, торговые сношения должны были влиять на общественные отношения местного населения. Мне кажется, что замечание Т. Н. Книпович[4] о некотором влиянии ранней торговли «на тот процесс, в результате которого образовалось уже сильно усложненное местное общество», замечание, сделанное, правда, на основе погребений Елисаветовского некрополя, mutatis mutandis приложимо и к другим прибрежным областям нашего юга в эпоху ранней колонизации, хотя в основном безусловно правильно, что «скифское общество складывается независимо от греческого влияния» (стр. 89)[5]. Последнее утверждение, однако, требует детализации, которой А. А. Иессен не дает. Тем не менее было обращено внимание на тот факт, что древнейшие находки скифских памятников датируются концом VII и началом VI в., т. е. как раз тем же временем, что и находки древнейших следов пребывания греческих колонистов в Северном Причерноморье[6]. Это совпадение, как и ряд других фактов, позволяет делать вывод о тесных греко-скифских связях уже в архаическую эпоху. Недавно Б. Н. Граков высказал предположение, что континентальный торговый путь от северного побережья Черного моря в глубь страны (в Поволжье и Приуралье) существовал уже в архаическую эпоху, и греки познакомились с ним, как только проникли в причерноморские степи[7]. Неправильно, на мой взгляд, Иессен представляет себе характер греко-скифской торговли в наиболее раннюю эпоху. Она не могла быть в первую очередь ни работорговлей (стр. 36)[8], ни скототорговлей, которые значительно позже начинают играть первостепенную роль в общепонтийской торговле (Polyb., IV, 38). Источники говорят о другом. Геродот (IV, 33—36) сообщает, что по старинному обычаю ежегодно в храм Аполлона на острове Делосе прибывают

---

[1] Т. С. Пассек, Древнейшее население Днепровско-Днестровского бассейна, «СЭ», т. VI—VI_1, 1947, стр. 38.

[2] С. А. Семенов-Зусер, Торговый путь к Ольвии. Западное побережье Черного моря, Уч. Зап. Харьк. гос. ун-та, 1940, № 19, стр. 99—100. Земледелие засвидетельствовано также неолитическими находками для более отдаленных от побережья районов Бухареста, см. N. Jorga, Histoire des Roumaines, II, стр. 79—80, Bucarest, 1937.

[3] Ср. Б. Граков, Скіфи, Київ, 1947, вид-во АН УССР, стр. 17.

[4] Т. Н. Книпович, К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаис в VII—VI вв.. до н. э., ИГАИМК, вып. 104 (1935), стр. 108 (сб. «Из истории Боспора»).

[5] Такой взгляд встречается также у А. Спицына, Скифы и Гальштат, «Сб., посвященный Бобринскому», СПБ., 1911, стр. 162.

[6] M. M. Ebert, Südrussland, Reallexikon der Vorgeschichte, B. XIII, 1929, стр. 58.

[7] Б. Граков, Чі мала Ольвия торговельни зносини з Поволжам і Приуралям в архаічну і классичну эпохи? Археология, вид. АН УССР, Київ, 1947, стр. 23 сл.

[8] Рабы со скифскими именами встречаются в надписях, начиная со 2-й половины VI в. н. э. Ср. Граков, Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и М. Азии, ВДИ, 1939, № 3, стр. 305 (№ 100—105).

священные дары (начатки) от гипербореев[1]. Эти первинки (пшеницы) идут на Делос сухопутным путем через Скифию на запад до Адриатического моря и оттуда на юг[2]. Другой путь указывает Павсаний (I, 31, 2). Согласно его свидетельству, первинки привозились племенами нашего юга к берегам Черного моря, переправлялись в Синопу, затем передавались из рук в руки греками Малой Азии, пока не достигали Аттики (Прасий) и лишь оттуда морским путем отсылались на Делос[3]. Правильно отмечая, что в области религии находим часто обычаи, которые являются пережитками давно исчезнувших общественных отношений, Сельтман указывает, что путь, по которому в более позднее время священные начатки из степей нашего юга (якобы от гипербореев) шли на Делос, отражает архаичный сухопутный путь, по которому возили товары из Скифии[4]. Прасий утратил свое торговое значение уже к концу VII и в начале VI в. до н. э.

Этот рассказ о гипербореях содержит в себе также ценное свидетельство о глубокой древности хлебной торговли в Скифии. В свете этих данных становится ясным, почему в период XI—VII вв. до н. э. «из всех районов скопления импортных предметов,—как пишет А. А. Иессен,—наиболее ярко выступает район днепровско-бугского лимана и прилегающие к нему местности от устья Днестра до Нижнего Днепра» (стр. 33), т. е. как раз та область, которую позже занимают земледельческие скифы, сеющие хлеб для продажи (Her., IV, 17—18, 53—54). Об этом же для VI в. до н. э. свидетельствуют археологические раскопки в Марицыне[5]. Характерно также, что греческие колонии в восточной части Северного Причерноморья (Пантикапей, Феодосия, Гермонасса, Фанагория и др.) возникли в полосе, богатой зерном и рыбой[6]. Исключительная роль понтийского хлеба[7] в жизни материковой и островной Греции натолкнула некоторых исследователей на мысль, что уже в конце II тысячелетия греки в поисках причерноморского хлеба начинают продвигаться на север к проливам[8]. Если для так называемой гомеровской эпохи нельзя переоценивать значение торговли и торговых сношений, то вполне заслуживает внимания мнение о том, что ионийская колонизация носила планомерно-организованный характер и преследовала цель приобрести ключевые позиции понтийской торговли в обход Лидийской державы[9]. Можно предположить, что уже к середине VIII в. началась милетская колонизация Пропонтиды и южного побережья Понта. Вскоре затем (VII—VI вв.) последовала колонизация западного и северного побережья.

---

[1] Повидимому, о них идет речь в отчете афинских эпимелетов на Делосе (IG, II² 1636, IG II 813), составленном на рубеже V и IV вв., где читаем: ἱερὰ τὰ....ἐξ Ὑπερβορ[έ]ων Ср. Граков, ВДИ, 1939, № 3, стр. 238—9 (№ 2).

[2] Более подробно этот путь может быть восстановлен, если привлечь птиперарий так наз. гиперборейских шествий в Греции. См. Ch. Picard, La route des processions hyperboréennes en Grèce, «Rev. Hist. Relig.», 132, (1946), стр. 98 и passim.

[3] Ср. также Plin., IV, 91 со ссылкой «tot auctores tradunt».

[4] C. W. Seltman, Athens, its history and coinage, London, 1924 стр. 12 и 132. Этой ссылкой я обязан любезност проф. С. Я. Лурье.

[5] E. v. Stern, «Hermes», 50 (1915), стр. 167.

[6] С. А. Жебелев, Основные линии экономического развития Боспорского государства, ИАН ООН, 1934, стр. 592.

[7] А. Коцевалов, Нариси з історії економічного життя грецьких колоний, на пивничному узбережжи Чорного моря, «Збірник Заходознавства Всеукраин. АН» Київ, 1929, стр. 15.

[8] Fr. Miltner, Die Meerengenfrage in der griech. Geschichte (Antrittsvorlesung, Innsbruck), «Klio», XXVIII (1935), стр. 1 сл.

[9] Th. Lenschau, Klio, XIII (1913), стр. 175 сл. RE, IX, 1878 сл., Fr. Miltner, loc. cit., idem, Die erste milesische Kolonisation im Südpontus, «Anatolian Studies presented to W. H. Buckler», Manchester, 1939, стр. 191.

К этому времени относятся древнейшие археологические находки, свидетельствующие о торговле с Грецией[1] и возникновении здесь греческих колоний (Аполлония, Каллатис, Истрия, Ольвия, Пантикапей и др.). Вероятно, уже к этому времени восходит морской путь вдоль западного побережья Черного моря. С трудом верится, что на такой большой территории все племена (фракийцы, геты, скифы) почти одновременно переходили на высшую ступень варварства и поэтому греческие фактории превращались в колонии. Что касается Приднепровья, то курганы Киевской, Кировоградской и Полтавской областей уже для VII—VI вв. рисуют картину довольно далеко идущего социального неравенства (знать, рабы), так что вряд ли можно это назвать «переходом к высшей ступени варварства»[2], несмотря на то, что скифы не знали гончарного круга и что железо окончательно вытесняет бронзу из производства только в VII в. Экономическими и стратегическими по преимуществу причинами определялся интерес греков к Черному морю и возникновение здесь греческих факторий, на месте которых в большинстве случаев и возникли затем колонии[3]. Превращение факторий в колонии зависело главным образом от событий в жизни греческих полисов VIII—VII вв., вызывавших торговую экспансию, принудительную эмиграцию и тому подобные явления (о значении последней в общественной жизни древних см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, ГИЗ, 1924, стр. 128). Если учесть общеизвестный факт, что древнегреческие колонии представляли собой самостоятельные, независимые от метрополии государственные образования[4], то станет ясным, почему греческая колонизация Северного Причерноморья носила так наз. мирный характер[5]. Наличие торговых сношений греков со скифами, в которых из туземцев, в первую очередь, была заинтересована знать, подготовило почву для сближения пришельцев-греков с местным населением, так что возникновение колонии не только не встречало препятствий со стороны местной знати, но всячески ею поддерживалось. Этим объясняется смешанный характер древнейших греческих колоний на Черном море[6].

Не могу также согласиться с объяснением относительно позднего возникновения Херсонеса Таврического, которое дает автор. По его мнению, лишь к последней четверти V в. таврские племена (или, по крайней мере, часть их) достигли высшей

---

[1] Для западного побережья Черного моря см. Хр. М. Дановъ, Из древната икономическа история на западното Чорноморие до установянето на римското владичество, «Известия на Българския Археологически Институтъ», т. XII, 1939, стр. 186—187, 190—191.

[2] О родовом обществе у скифов писали в советское время С. А. Семенов-Зусер, Родовая организация у скифов Геродота, ИГАИМК, т. IX, в. 1; он же, Скіфи-кочовники на території північного Причерноморъя, «Наук. Зап. Харьків. Держ. Педог. Ин-ту», 1939 и В. И. Равдоникас, Пещерные города Крыма и т. д., «Готский сборник» (ИГАИМК, т. XII), см. также Артамонов, ук. ст., ВДИ, 1947, № 3, стр. 68 сл. О раннерабовладельческом обществе у скифов, ср. А. П. Смирнов, Рабовладельческий строй у скифов-кочевников, М., 1935, также М. М. Кобылина, ВДИ, 1938, № 2, стр. 336. О военной демократии у скифов, ср. Артамонов, ук. ст., ВЛУ, стр. 86 и ВДИ, стр. 72.

[3] Ср. С. А. Жебелев, op. cit, ИАН, 1934, стр. 594, прим. 3; он же Боспорские этюды, в сб. «Из истории Боспора», ИГАИМК, вып. 104, М.—Л., 1935, стр. 7; он же Народы Северного Причерноморья в античную эпоху, ВДИ, 1938, № 4, стр. 155—56.

[4] Oehler, Apoikia, RE, I (1897), 2823, Bilabel, Die jonische Kolonisation, 1920, стр. 6—9.

[5] Ср. А. Коцевалов, Наук. Зап. ІІМК УАН 1937, № 2, стр. 111 (прим. 12). Артамонов, ук. ст., ВЛУ, 1947, №9, стр. 75.

[6] Семенов-Зусер, op. cit., стр. 100, ср. Артамонов, ук. ст., ВДИ, 1947, № 3,

ступени варварства (стр. 76). Однако археологический материал не дает нам права сделать такой вывод. Более вероятно, что тавры достигли высшей ступени варварства значительно позже. В. Н. Дьяков, посвятивший Таврике специальное исследование, склонен считать, что низкому хозяйственному уровню тавров (рыболовство, скотоводство и мотыжное земледелие) соответствовала примитивная социальная структура («клановая допатриархальная организация с явными признаками матриархата)»[1]. Это звучит слишком обще. На основе таких данных трудно определить, когда тавры перешли на высшую ступень варварства.

А. А. Иессен суммировал богатую археологическую литературу и обобщил результаты ряда новых археологических находок, касающихся предпосылок этой колонизации. Однако он иногда несколько упрощает сложный процесс возникновения греческих колоний в Северном Причерноморье.

Кое-какие незначительные упущения имеются по части использованной литературы. Правда, автор оговаривается, что работа написана в Свердловске в 1942 г., где не было никакой возможности получить нужную литературу (стр. 3, прим.).

Б. И. Надэль

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ. ТРУДЫ ОТДЕЛА ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ВОСТОКА. Т. IV. Ленинград, 1947, 502 стр., 75 таблиц и рисунки в тексте. Тираж 2000. Редактор проф. И. М. Лурье.

Четвертый том трудов Отдела Востока Гос. Эрмитажа является первым послевоенным томом. Он содержит 14 статей, посвященных разным культурам Востока и вопросам востоковедения, различным как по тематике, так и по методу освещения материала. При всем этом том производит цельное впечатление благодаря умелому подбору статей, стоящих на высоком научном уровне и удачно скомпанованных. Книга в основном посвящена публикации неизданного или мало изученного материала. Каждая из статей не преследует, однако, узкой задачи атрибуции, но затрагивает значительно более широкий круг вопросов из области истории, искусства, религии и языка.

Книга открывается статьей М. Э. Матье: «Роль личности художника в искусстве древнего Египта». Это место статьи в сборнике диктуется отнюдь не только ее хронологическими рамками, но и самим характером—постановкой очень широкой и обобщающей проблемы.

Статья посвящена вопросу о специфике египетского искусства и его историческом месте в периодизации культур. Автор так и формулирует свою задачу: «вопрос о личности художника в истории искусства древнего Египта является одним из наименее разработанных и в то же время самых важных принципиальных вопросов для истории египетского искусства, так как правильное понимание роли художника и тех границ, в которых он имел возможность проявлять свою творческую индивидуальность, исключительно важно для определения особенности египетского искусства в целом» (стр. 5).

Западноевропейские буржуазные ученые с их узко формальным или же социологизирующим (с позиций идеалистической науки) подходом, не могли, разумеется, даже сколько-нибудь близко подойти к решению интересующей нас проблемы. М. Э. Матье, владеющая многообразными источниками, решает интересную и трудную проблему с исключительной вдумчивостью и с большой убедительностью.

Важнейшие исходные положения автора о природе культуры раннеклассового общества в древнем Египте, застойности исторического процесса и сохра-

---

[1] См. В. Н. Дьяков, Таврика в эпоху римской оккупации, «Уч. Зап. МГПИ им. Ленина», т. XXVIII, 1 (1942), стр. 13 сл.

нения в этом обществе институтов, характеризующих предшествующий этап доклассовой культуры, позволяют ему правильно расценить специфику типа и стиля египетского искусства. Матье совершенно правильно отмечает реминисценции архаическо-первобытного искусства в позднейшем египетском. Таково, например, подчеркивание идеи значительности царя путем выделения его фигуры, превышающей ростом остальные; в рельефе это приведение трехмерно воспринимаемой формы к плоскости, планиметрическому решению и т. д. (стр. 27—28). Только с этих позиций осмысления искусства может выясниться и роль художника в искусстве. Чрезвычайно архаическим и в то же время неотъемлемым явлением для ряда древнейших обществ, в частности и египетского, являются наблюдающаяся здесь первичная нерасчлененность и отсюда органическая спайка искусства с религией, а далее и синтез архитектуры с изобразительным искусством. Автор пишет: «в этой застойности развития египетской культуры следует искать в частности и объяснение упомянутой уже нами выше неизменной теснейшей связи египетского искусства с религией и сохранение для памятников искусства религиозно-культового назначения» (стр. 22—23). В доказательстве и наглядном показе теснейшей связи религии с искусством и органической спайки ряда других явлений, распавшихся и обособившихся в позднейших обществах, заключается один из основных тезисов статьи. Второй и вытекающий из первого заключается в доказательстве каноничности египетского искусства и ограниченности роли индивидуума в условиях древневосточного общества, в данном случае художника. Автор указывает, что зодчие в Египте нередко руководили ирригационными работами, одновременно являясь специалистами в горноразрабатывающем деле. «Так, зодчий Аменемхета II, Сахатор, рассказывая о работах по постройке пирамиды этого фараона, которыми он руководил, пишет в своей автобиографии следующее: «я посетил страну Хеха, осмотрел ее водовместилища, открыл гавани». Главный зодчий царицы Хатшепсут, Сенмут, говорит: «я был тот, кому был поручен разлив, чтобы я мог руководить Нилом» (стр. 10). Приводятся слова того же Сахатора: «я поставил на рудничные работы молодых и приказал старым промывать золото» (стр. 11). Известно, что в Египте существовало особое звание для главного зодчего: «начальник всех работ царя». Таким был, например, Хемиуну, чья великолепная статуя, принадлежащая Гизехской школе периода царя Хуфу, явно свидетельствует о его высоком положении в иерархии двора фараона. М. Э. Матье правильно указывает на безусловное знание главными зодчими, возводившими храмы и гробницы, всех тонкостей религии. «Этим же объясняется,—пишет автор,—и наличие у многих зодчих жреческих званий, в частности звания великого таинника» (стр. 7). Совмещение в лице главного зодчего разных функций лишний раз подтверждает «наличие в Египте известной недифференцированности научных и технических специальностей» (стр. 8).

М. Э. Матье касается и другого крайне существенного вопроса: о социальном положении художников в египетском обществе. Указывая на известный факт принадлежности упомянутого «начальника всех работ царя» к высшим слоям рабовладельческой знати, а иногда и к царскому роду (думается, что таким был и Анххаф, чей поразительный портретный бюст ныне находится в Бостонском музее), автор статьи одновременно указывает и на другие социальные группировки, к которым принадлежали менее заметные мастера. Очень удачно использована автобиография архитектора Пепи I, Нехебу, из которой явствует передвижение по служебной и иерархической лестнице самого Нехебу и его брата. (Заметим, кстати, исключительно удачное использование М. Э. Матье текстового материала на всем протяжении ее работы.) Статья М. Э. заканчивается таблицей, в которой читатель найдет более подробные сведения не только о каждом из известных нам зодчих, но и о мастерах изобразительного искусства, их социальной принадлежности, авторстве, наконец, источники о них. Всего указано 136 мастеров. Автором проделана большая филологическая работа по толкованию терминов, возможно дифференцировавших понятие живописца, скульптора и рисовальщика (стр. 12—17). Правильный анализ социальных отношений в древне-

египетском обществе и глубокие филологические штудии автора по толкованию терминов наносят удар антиисторическим взглядам западноевропейских исследователей, которые наделяют египетских художников или памятники чертами, типичными лишь для современности, как, например, это имеет место в одной из последних работ Брестэда, где автор сравнивает искусство периода Амарны с живописью Барбизонской школы[1]. Разумеется, от установленной Матье специализации в египетском изобразительном искусстве было еще далеко до современного понимания искусства. Напротив, прояснялся творческий метод в одном из древнейших искусств, который в немецкой формалистической, позднее реакционной науке первой половины нашего века, сводился к полнейшему безличию, имперсональности. Совершенно правильное положение автора, одно из кардинальнейших во всей статье,—о том, «что внутри каждой специальности были как крупные мастера, занимавшие видное положение в своих мастерских и в обществе, так и многочисленные рядовые исполнители, механически воспроизводившие созданные первыми мастерами образцы» (стр. 17), к сожалению, мало иллюстрировано примерами. Следовало бы привести хотя один пример с так называемыми скульптурными моделями, который бы показал процесс освоения учеником строго установленных правил, а, с другой стороны, глубокое различие между ремеслом и искусством, ремесленниками, не пошедшими дальше педантического заучивания правил, и гениальными мастерами (Вспомним общеизвестную полихромную голову царицы Нофертити, которая ведь тоже представляла собой, по всем видимостям, скульптурную модель).

Здесь мы подходим к другому, главнейшему вопросу статьи: к роли художника как индивидуума в творческом процессе искусства. Правильно расценив роль творца, мастера в усвоении искони существовавших канонов, отнюдь не снимавших собою вопросов качества, таланта, автор спрашивает: «значило ли все сказанное, что в Египте личность художника была навсегда абсолютно скована традицией и тем самым не играла никакой роли в развитии искусства?» (стр. 30). Лучшим ответом могло бы служить определение К. Маркса, данное им по отношению к древним обществам. «Здесь, в рамках определенного круга,—писал он,—может происходить значительное развитие. Могут появляться крупные личности. Но здесь немыслимо свободное и полное развитие ни индивида, ни общества, так как такое развитие находится в противоречии с первоначальным отношением (между индивидом и обществом)[2]. М. Э. Матье и решает поставленную перед собой основную проблему именно в духе высказанного Марксом положения. На ранней стадии развития древнеегипетской культуры «немыслимо свободное и полное развитие ни индивида, ни общества», однако это не снимает возможности появления таких художников, как Сенмут и Имхотеп, Инени, и авторов статуй Хемиуну, Анххафа, царицы Нофертити и неисчислимого количества других, полностью раскрывавших свой талант в пределах существовавших канонов, «в рамках определенного круга».

В заключение автор правильно решает вопрос о реализме в египетской скульптуре, считая, что по сравнению с античными и западноевропейскими памятниками «египетский реализм представляет собой явление качественно стадиально иное, и это необходимо твердо помнить и четко оговорить» (стр. 43).

Нельзя не согласиться с автором и о необходимости изучения в каждом отдельном случае тех религиозно-магических представлений, которые вызвали как целые комплексы памятников, так и отдельные статуи. Большая или меньшая степень реализма или условности изображения зависит от точного учета и характеристики именно данной, а не какой-либо другой магической обусловленности. М. Э. Матье пишет: «необходимо подойти к анализу каждой такой группы отдельно, с учетом причин,

---

[1] Breasted, The Dawn of Conscience, 1946.

[2] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, ВДИ, 1940, № 1 (10), стр. 18.

обусловивших появление новой трактовки образа именно в этой данной группе, так как эти причины в разных случаях, естественно, будут различны» (стр. 34). И далее: «по моему глубокому убеждению именно здесь мы можем найти полное объяснение специфики «реалистичности» египетских заупокойных скульптур» (стр. 35). Автор приводит множество примеров: что знаем мы, например, о самобытном как по стилю, так и по сопутствовавшему ему необычному ритуалу и т. д. портретном бюсте Анххафа? Или же, что знаем мы о причинах, вызывавших часто наличие в гробнице «двух принципиально противоположных в стилистическом отношении статуй умершего» (стр. 35)? На разнокачественность стиля в зависимости от назначения памятника (статуя из сердаба, храма и т. д.) указывалось уже давно. Об этом говорил Ж. Капар, Г. Эверс и многие другие. М. Э. Матье идет дальше, справедливо требуя не только установления столь общих причин, но и гораздо более уточненных. Однако автор, как мне кажется, впадает здесь в крайность, приводя примеры, с которыми согласиться трудно. Так ли, во-первых, принципиально различны со стороны стиля те пары статуй, которые были найдены в одной и той же гробнице: например, статуи Каапера, Ранофера и др.? Безусловно, некоторые различия есть, но в таком случае их надо стилистически обосновать с той же дифференцированностью, с какой уточняются и вызвавшие их культовые отклонения. Определение «идеалистического» типа статуй, даваемое автором в противоположность «реалистическим», кажется слишком общим и потому не убеждающим (стр. 37). Кстати здесь же приводятся образцы реалистического направления (Хемиуну, Рахотеп, Каи и др.), «идеалистические же» (по мнению автора) не называются, а лишь характеризуются слишком обще. Само это противопоставление «реалистического» типа статуи «идеалистической» вызывает сомнение, даже при наличии кавычек и всяких оговорок. Зачем потребовалось автору вновь ссылаться на статью Баллода, где это противопоставление «идеализма» «реализму» ни в чем не убеждает и решает проблему слишком прямолинейно, абстрактно и бездоказательно (стр. 37)? Вопрос только осложняется, если под идеалистическим типом статуи понимать условность. Степень условности очень значительна даже, например, в бюсте Анххафа, казалось бы, самом реалистическом из всего, что создала пластика эпохи Древнего царства. Да, наконец, понятие реализма, исходя из той стадии, на которой находится и египетское искусство, содержит в себе достаточную долю обобщения в противоположность натурализму, что прекрасно подчеркнуто самим автором на стр. 43. Отстаивая это противопоставление двух категорий, М. Э. Матье приводит аргументы, в ряде случаев не убедительные. Так, на стр. 38 доказывается, что двум типам статуй соответствуют и разные типы одежд и париков. Плотно прилегающие повязки на головах оказываются характерными для «реалистического» типа статуй, в то время как пышные парики —для «идеалистических». Исходя из этого, следует, очевидно, обе статуи периода V династии Ранофера разнести в разные категории и признать условность в статуе с пышным париком, в то время как обе статуи осмыслены в одном и том же плане или, скорее, даже с реалистическим перевесом в голове с длинным колоколообразным париком.

Автор мимоходом упоминает и о так называемых «запасных головах» из Гизехского некрополя с их также плотно прилегающей головной повязкой и также представляющих собой поразительные образцы своеобразного реализма (стр. 39). С последним нельзя не согласиться, с некоторой, однако, поправкой. Совершенно справедливо, что культовые представления, вызвавшие весь этот круг во многом неповторимой по своему своеобразию скульптуры периода IV династии, нам не известны. Но ведь не одинаковы в художественно-стилистическом отношении и все эти «запасные», ровно срезанные головы. Автор не будет отрицать, что многие из них, в данном случае, действительно кажутся более условными в их сглаженной, обобщенной манере, другие, напротив, более реалистическими, портретными. Условия же находки и религиозно-магические функции всей этой категории голов совершенно одинаковы. Больше того. Сам автор не будет отрицать не только стилистической близости, почти тождества, но и портретного сходства упомянутой статуи Хемиуну с некоторыми из этих гизехских голов (особенно из числа воспроизведенных

в книге W. S. Smith, Ancient Egypt, 1941). Но ведь культовое назначение статуи Хемиуну во всяком случае отличается от религиозно-магических представлений, вызвавших не менее своеобразное искусство скульптурного портрета «запасных голов». Не во всех случаях и не обязательно с неукоснительной последовательностью те или иные видоизменения, особенности и уклоны в культовых представлениях тотчас же влекут за собой и художественно-стилистические перемены. Мне кажется, что автор слишком логизирует этот процесс, во всяком случае на примерах параллельного развития «идеалистического» и «реалистического» типа статуй он преувеличивает функционализм искусства. Я этим ни в какой мере не хочу отрицать большой заслуги автора не только в постановке вопроса, но и в единственно правильном доказательстве тесной зависимости стиля от особенностей культа. Большинство писавших об египетском искусстве слишком обще трактовали вопросы стиля, без достаточной дифференциации культовых воззрений, обрядов и т. д., с другой стороны, стиль, в ряде случаев, не может свестись только к функциональности, о которой пишет автор на стр. 40. Обусловленность искусства культом есть всегда лишь один из компонентов. В целом стиль складывается под влиянием всей совокупности общественных отношений, что показано самим же автором при характеристике искусства периода XVIII династии (стр. 50). Искусство и на стадии развития египетской культуры знает школы, направления, наконец, индивидуальные особенности мастеров. Лучшим ответом на данный вопрос является таблица художников, приложенная автором к разбираемой статье, и его же разбор художественных школ в искусстве Среднего царства (М. Э. Матье, Искусство эпохи Среднего царства, 1941).

Основное значение рецензируемой статьи заключается в установлении правильного взаимоотношения индивидуума с обществом. Только вооруженный методом марксистской методологии советский ученый мог во всей глубине поднять эту проблему и только на ее базе разрешить вопрос о месте художника в искусстве. Жаль только, что автор лишь мимоходом указывает на решение интересующего его вопроса в современной западноевропейской науке и не дает развернутой критики взглядов буржуазных исследователей. А между тем небезынтересно было бы разобрать хотя бы книгу В. Вольфа, Individuum und Gemeinschaft in der Ägyptischen Kultur, 1935, статьи А. Шарфа, в особенности же статьи в журн. «Antiquity», 1937, June).

А. Шарф лишь продолжил традицию идеалистическо-утопической, а впоследствии реакционной немецкой науки, в данном, однако, случае особенно показательной, ибо речь шла о египетском скульптурном портрете и, следовательно, об образе человека. И вот у Шарфа оказывалось, что почти на всем протяжении развития египетского искусства этот образ не мог осмысливаться художником сколько-нибудь индивидуально, ибо все египетское искусство имперсонально, анонимно. Можно говорить лишь о типизации, о безличном процессе традиции. Художник—ремесленник, лишь с большей или меньшей точностью, заучивающий и выполняющий правила канона. Можно ли больше сгустить краски, касаясь традиционности и роли канона в египетском искусстве? Однако В. Вольф идет еще дальше, тем более, что, как показывает само название его статьи, он касается социальных проблем, а не только вопросов искусства. В. Вольф считает, что в условиях египетской культуры художник является лишь человеком, блюдущим традицию, он—посредник (Vermittler). О каком же проявлении личного дарования может итти речь в таких условиях? «Образ в первоистоках не связан с инспирацией имен», по мнению В. Вольфа. Так стушевывается индивидуальность в безличном процессе творчества, по мнению ряда немецких ученых, заведших науку в тупик. Роль личности художника сведена здесь к полнейшему автоматизму.

Исследованием нашего советского ученого отметена бездушная точка зрения, не имеющая ничего общего с объективным ходом развития идеологии в древнем Египте. Этот взгляд М. Э. Матье прежде всего характеризуется идеями гуманизма. Он отражает истинное положение вещей. Соотношение традиции и индивидуально осмысленного образа, канона и выполнения его живым человеком-художником впервые получило свое убедительное и правильное решение.

Отчего же автор, так основательно доказавший свои мысли, не дал необходимой критики взглядов ряда чуждых нам буржуазных ученых? Мне представляется, что необходимое в данном случае освещение истории вопроса только бы оттенило с еще большей выпуклостью глубоко содержательное и узловое по египетскому искусству исследование М. Э. Матье.

В разделе древневосточной культуры имеются еще две статьи: И. М. Лурье и И. М. Дьяконова. В первой из них автор публикует древнеегипетские солнечные часы из собраний Гос. Эрмитажа и Гос. музея изобразительных искусств им. Пушкина. Публикация этих памятников безусловно интересна, поскольку два из них, как говорит сам автор: «являются образцами типов, которые, насколько мне известно, еще не были отмечены в литературе», и поскольку эти памятники могут дать «дополнительный материал для суждения о древнеегипетской астрономии» (стр. 101). Иной характер носит статья И. М. Дьяконова, публикующая один чрезвычайно трудный для атрибуции памятник: бронзовую портретную голову мужчины, найденную около Хамадана на территории Мидии и ныне находящуюся в Brummer Gallery в Нью-Йорке. Каждое из искусств знает подобные памятники, вокруг которых возникают споры и иногда огромнейшие расхождения в датировке. Так, например, Кэссон считал упомянутую голову ахеменидской, а Мортгат относил ее к эламскому искусству. И. М. Дьяконов, вероятно, ближе всех подходит к достаточно убедительной атрибуции Хамаданской головы, однако, как мне представляется, атрибуция, все же не снявшей еще всех знаков вопроса. Отбрасывая ахеменидское искусство, с которым голова, безусловно, не имеет ничего общего, автор привлекает тот круг памятников (особенно же бронзовую голову царя из Ниневии, Аккадской династии середины III тысячелетия до н. э.), к которому подходит и публикуемая скульптура. В своем анализе И. М. Дьяконов дифференцирует материал, правильно относя Ниневийскую царскую голову к «обычному типу месопотамского семита» и противопоставляя ее иному типу портрета в публикуемом памятнике. Убедительной кажется, далее, намеченная связь с северошумерийскими памятниками, в особенности со скульптурами из Эшнунны, и, напротив, большое различие с южношумерийским типом искусства. Однако ни одна из намеченных аналогий не позволяет автору провести полную параллель. Действительно, и датировка бронзовой головы из Нью-Йорка серединой или второй половиной III тысячелетия до н. э. и тем более отнесение ее к культуре династии Гутиев, влечет еще за собой ряд нерешенных вопросов. Но автор, предлагая такое решение, и сам подходит к нему с большой осторожностью. Одно несомненно—наличие весьма разнородных групп памятников на протяжении III тысячелетия до н. э. Много новых, интересных и свежих мыслей дает автор, своеобразно освещая многообразную экспозицию культур Двуречья, в частности дифференцируя круг северошумерийского и южношумерийского искусства. Мысль эта, впервые развитая у нас Н. Д. Флиттнер, способствовала дальнейшему сложению очень интересной концепции, данной И. М. Дьяконовым в его статье.

Последующие две работы и примыкающая к ним статья И. М. Дьяконова посвящены вопросам культуры и искусства сассанидского круга. Публикуя сассанидский серебряный кубок из Урсдонского ущелья Горно-Алагирского района Северной Осетии, К. В. Тревер, как всегда, привлекает обширный материал и поднимает широкий круг вопросов из области истории, культуры, искусства и религии, проясняющих атрибуцию изучаемого автором памятника. Доказанные положения позволяют исследователю притти в итоге к принципиально важным выводам: провести аналогию с кубками Перещепинского клада, установить (хотя бы предположительно) место их изготовления— в северо-западных областях Ирана, наконец, наметить направление древнего караванного пути. Датировка опубликованного К. В. Тревер кубка VI—VII вв. кажется убедительной, в равной мере как и утверждение о переносе на металл мотивов тканых узоров, в чем автор безусловно правильно расходится с мнением Герцфельда (стр. 122).

Публикация К. В. Тревер удачно дополняется статьей Е. Г. Пчелиной (стр. 133—154), подробно останавливающейся на интересных обстоятельствах находки сассанид-

ского кубка из Урсдонского ущелья. Е. Г. Пчелина значительно расширяет задачи статьи, останавливаясь на осетинском историческом эпосе, на сказаниях, записанных самим же автором и вместе с археологическими данными расширяющих исторические источники.

Статья М. М. Дьяконова озаглавлена: «Бронзовая пластика первых веков Хиджры (стр. 155—179) и посвящена группе памятников, в большинстве своем известных у нас по трудам акад. И. А. Орбели и К. В. Тревер.

Разбираемый в статье материал хронологически далеко выходит за рамки, нас интересующие, поскольку же, однако, ранние, публикуемые здесь бронзы входят еще в круг сассанидской культуры,—постольку мы и коснемся работы М. М. Дьяконова.

Познакомив с историей вопроса, с гипотезами ряда ученых по датировке и локализации этих исключительно интересных бронзовых памятников, автор затем переходит к собственной концепции. Он пытается распределить сосуды и курильницы, изображающие зверей и птиц на группы и дать их стилистическую периодизацию. Хронологические границы данного материала определяются VI—началом XIII вв. Картина же развития стиля в основном рисуется как переход от очень лаконичных, монументальных форм ранних бронз, явно входящих еще в круг сассанидского искусства, к все большей плоскостности, орнаментальности и, наконец, стилизации. Вопреки взглядам буржуазных исследователей (Кюнель, Мижон) автор устанавливает, по крайней мере, два культурных центра появления подобной бронзовой пластики. Это, говоря словами автора,—«Ирано-Кавказский культурный узел» и Египет. «Взаимное влияние этих очагов,—пишет М. М. Дьяконов,—несомненно. Однако их возникновение независимо» (стр. 177). И далее: «Традиции фигурных изображений Египта и Кавказа—Ирана, несомненно, восходят к доарабскому времени и явились компонентами в сложном и противоречивом искусстве халифата» (стр. 178). Выводы кажутся существенными. Можно лишь пожалеть, почему автор при установлении стилистических групп анализируемых им бронзовых фигур не привлек других видов искусства, в частности и архитектуру, в качестве необходимых параллелей. Ведь сам же автор говорит на стр. 175 о «совпадающей линии» с искусством Переднего Востока в VIII—XIII вв.

Наше внимание в книге привлекает, наконец, статья В. А. Шишкина, ставящая перед собой задачи историко-художественного и археологического порядка. Изучая «Архитектурные декорации дворца в Варахше», В. А. Шишкин в заключении указывает на предварительный характер своего исследования, на задачи лишь описания памятников и лишь «некоторого их стилистического анализа» (стр. 290). В действительности автор выходит за рамки первичного обследования памятника и намечает гораздо более широкий круг историко-художественных вопросов. Так, после обстоятельного изучения техники архитектурных декораций, скульптуры и стенных росписей автор приходит к бесспорно правильному выводу, указывая на синкретичность среднеазиатской культуры и искусства дворца в Варахше и, что особенно существенно, на самобытно-оригинальные черты этой культуры. С одной стороны, как пишет автор,—«эти многочисленные связи, положение среднеазиатских стран между древнейшими культурными очагами, такими, как Китай, Индия и Передняя Азия, предопределяет в сильной мере характер культуры и искусства» (стр. 271). С другой—налицо оригинальное претворение местными мастерами всех этих разнородных элементов. Следует полностью принять его заключение о том, что описанные им памятники «являются блестящей иллюстрацией и подтверждением того положения, что страны Средней Азии, впитав разнородные элементы, сочетали их со своим традиционным древним искусством, о существовании которого теперь не приходится сомневаться». Мы, в сущности, и имеем три основных элемента, которые приходится особенно учитывать, изучая искусство дворца в Варахше. Это эллинистическая традиция в ее гандхарской форме, иранская и местная. Автор особенно акцентирует иранский круг культуры, в особенности в орнаментике, где он видит «значительно больше параллелей, граничащих иногда с полным совпадением» (речь идет о резном штуке Ирана

и Месопотамии сассанидского времени,—стр. 281). Автор в то же время указывает и на связь с Восточным Туркестаном, отмечая фрагменты алебастровой резьбы из окрестностей Хотана (стр. 278). Мне кажется, что эта связь с искусством Гандхары и с эллинизирующей линией Восточного Туркестана значительнее, чем то подчеркнуто автором (во всяком случае исходя, например, из таблиц XV, XVI, XX, XXI, XXIX).

В свете последующих открытий С. П. Толстого в Хорезме эта гандхарская линия искусства в различных его вариантах стала еще явственнее. Автор статьи о дворце в Варахше, писавший, видимо, свое исследование еще до войны, несомненно, учтет данные современных раскопок.

Разумеется, акцентируя больше эллинистическо-гандхарские, нежели иранские элементы мы исключаем какое бы то ни было прямое влияние. Заслуга автора в отстаивании оригинальности местной основы искусства в Варахше, бесспорна. Разумеется, нужна еще большая исследовательская работа для определения специфики этой оригинальности.

Статья В. А. Шишкина обильнее других иллюстрирована. Она снабжена 29 таблицами и множеством рисунков в тексте. К сожалению, не везде дается в тексте ссылка на соответствующие таблицы.

Мы не будем касаться здесь работ Т. А. Измайловой, М. М. Явича, Г. В. Птицына, А. Н. Болдырева, А. Ю. Якубовского, И. В. Дьяконовой и С. М. Кочетовой. Бесспорно представляя собой ценные исследования, эти статьи в большей или меньшей мере переходят уже хронологические рамки, поставленные настоящим журналом.

В итоге можно сказать, что IV том «Трудов», выпущенный Гос. Эрмитажем и посвященный культуре и искусству Востока, представляет собой значительную научную ценность. Положительной стороной всех статей является заложенное в них сочетание вопросов теории и истории, причем те или иные теоретические положения берутся не отвлеченно, а непосредственно вытекают из анализа материала, который глубоко изучен каждым из специалистов-авторов. Пожелаем, чтобы в последующих томах отводилось больше места статьям обобщающего исторического характера, решающим проблемы с еще большей теоретической остротой марксистской методологии. В рецензируемой книге этим требованиям отвечает исследование М. Э. Матье, представляющее собой крупный шаг вперед в развитии советской египтологии.

Вместе с тем следует подчеркнуть необходимость в последующих томах более критического подхода к разбору как целых концепций, так и отдельных высказываний западноевропейских ученых. Излишним является помещение в конце каждой статьи резюме на английском языке.

В заключение хотелось бы указать, что большинство вошедших в сборник статей писалось авторами, несмотря на трудности условий эвакуации, в период Великой отечественной войны, когда фашисты открыто попирали все завоевания культуры.

Проф. В. В. Павлов

О постановке преподавания древних языков

А. Н. ПОПОВ и П. М. ШЕНДЯПИН, Латинский язык, Элементарный курс. Хрестоматия, грамматика, словари. Изд. 2-е, пересмотренное и дополненное. Утверждено ВКВШ в качестве элементарного учебника для вузов. Изд-во литературы на иностр. яз. Москва, 1945, стр. 340 + 4 карты. Цена 15 руб.. Тираж 25 100 экз.

Одной из важнейших мер, принятых для поднятия уровня нашего историко-филологического образования, явилось в свое время введение двухлетнего курса латин-

ского языка на исторических и литературных факультетах университетов и пединститутов (см. ВДИ, 1947, № 2, стр. 5 сл.). Однако отсутствие учебников[1] приводило к тому, что большинство преподавателей латинского языка преподавало латинский язык по старинке, такими методами, какими их самих учили когда-то в гимназии, иногда с небольшими изменениями, подсказанными духом времени или опытом самого преподавателя. Большим событием поэтому следует признать появление учебника латинского языка, утвержденного ВКВШ.

Под этим углом зрения я и подойду к учебнику А. Н. Попова и П. М. Шендяпина. Остановлюсь главным образом на методических принципах, положенных авторами в основу их учебника (ср. методическое пояснение для преподавателей—стр. 6—8). Правильно указывая, что морфологию нужно проходить вместе с основными правилами синтаксиса (стр. 6), авторы тем не менее не проводят этого последовательно. Такие необходимые конструкции, как accusativus или nominativus cum infinitivo, ablativus absolutus, они поместили лишь в §§ 27 и 29 своего учебника (всего параграфов 30). Это значит, что после 80-ти, по крайней мере (стр. 4), часов обучения, т. е. половины всего курса латыни (стр. 6), студенты не знают основных латинских оборотов и, следовательно, не могут читать античные тексты. Авторы поясняют, что связные статьи в учебнике даются только «как дополнительный и повторительный материал для курсового чтения» (стр. 3). Учащимся приходится поэтому довольствоваться чтением отдельных разрозненных фраз, правда, заимствованных в большинстве случаев, из произведений римских писателей. Рецензируемый учебник, в соответствии с традиционным методом преподавания латинского языка, сохраняет таким образом крайне вредный разрыв, неизбежно получающийся при переходе от искусственных фраз к подлинным латинским текстам, хотя вполне очевидно, что знание античных языков состоит в умении читать античные тексты, и что поэтому изучение латинского языка должно быть основано на чтении и анализе подлинных античных текстов, расположенных в порядке возрастающей трудности (Боровский—Болдырев, ук. соч., стр. 3 и 6). Такой метод далеко не нов. В Ленинграде долгие годы так преподавали А. М. Пульман и недавно скончавшийся Л. Л. Спасский, который свою кандидатскую диссертацию посвятил защите этого метода, проф. С. Я. Лурье (только греческий) и др. Преимущества этого метода перед традиционным очевидны. Этот метод отбрасывает деление процесса обучения на два резко разграниченных этапа (освоение основ грамматики и чтение авторских текстов), начинает прямо с чтения текста и на примере текста показывает учащимся необходимость прохождения грамматики, причем морфология изучается в связи с синтаксисом, а грамматика в целом—в связи с текстом. На разных этапах обучения на основании разных текстов учащийся усваивает все новые и новые элементы грамматики, повторяя и углубляя при этом пройденный материал. Вместе с тем учащийся приобретает навыки самостоятельной работы с авторским текстом, овладевает определенным запасом слов, выражений и т. д. и после 80 часов обучения будет в состоянии с помощью словаря без особых затруднений читать средней трудности текст Непота или Цезаря. Не могу поэтому никак согласиться с утверждением А. Н. Попова и П. М. Шендяпина о том, что нельзя «помещать грамматические правила среди текста хрестоматии... потому, что правила, вырванные из общей системы грамматики, лишили бы учащихся возможности представить себе латинскую грамматику как стройное целое...» (стр. 6). Какая беда! Сейчас уже никто не требует от начинающего изучать иностранный язык, чтобы он знал «общую систему грамматики».

---

[1] В 1940 г. в изд. «Радянська школа» (Киев) вышло в свет посмертное издание учебника Н. Г. Крихацкого, представляющее собой переработку 28-го изд. его «Учебной книги по латинскому языку». Почти одновременно (в том же году) в издании Учпедгиза вышли учебники Я. М. Боровского,—А. В. Болдырева (в Ленинграде) и А. Н. Попова—П. М. Шендяпина (в Москве).

Это очень трудоемко и не методично. Почему же предъявлять такие требования к человеку, изучающему античные языки, овладеть которыми значительно труднее, чем современными иностранными? Пора уже нам отделаться от средневекового заблуждения, будто бы сначала надо выучить все правила грамматики, а только после этого можно приступить к чтению авторского текста[1].

Незначительные отступления от традиционного расположения материала, которые ввели авторы (раннее изучение Passivum и прохождение Perfectum до Imperfectum), являются лишь небольшими уступками «новым» веяниям в области методики преподавания латинского языка. На наш взгляд помещение в учебнике краткого очерка латинской грамматики желательно как приложение, но не за счет хрестоматии. В учебнике же Попова—Шендяпина грамматика занимает 85 стр. (181—266), а хрестоматия всего 50 (9—58). Правда, почти 110 стр. занимают в учебнике избранные отрывки из латинских авторов, но они носят сугубо дополнительный характер и вовсе не предназначены для использования при прохождении грамматического материала, особенно морфологии[2].

Следует также отметить, что при прохождении грамматики авторы почти пренебрегают таким важным приемом, как сравнение с родным языком. Правда, изредка такая аналогия проводится в синтаксисе, но главным образом в подстрочных примечаниях. Мне кажется, что этот прием должен являться исходным моментом при прохождении грамматического и лексического материала. Непростительно также полнейшее отсутствие элементов исторической грамматики (например, ни слова не говорится о ротацизме, о возникновении падежных окончаний, глагольных форм и т. д.), без чего взрослый человек вынужден довольствоваться лишь механическим запоминанием, будучи лишенным возможности, хотя бы в небольших размерах, понимать внутренние закономерности изучаемого языка.

Не мешало бы ввести элементы историзма и в словари. От времени до времени надо указывать происхождение сложных слов, возникновение и развитие понятий и т. д., а также давать наиболее яркие параллели из русского и иностранных языков. Принципы, которыми следует при этом руководствоваться, хорошо изложены у Боровского—Болдырева (стр. 6—7, прим.). Этот пробел никак не может заполнить приложение № 1 «Важнейшие правила словообразования» (стр. 228), что тем более досадно, если вспомнить общеобразовательное значение такого приема.

Вряд ли необходимо напомнить, как важно, особенно на первых порах, заинтересовать учащихся и преподносить им материал занимательно. Для этого можно брать рассказы Авла Геллия, Апулея, в меньшей мере Непота, Цезаря и т. д. Удачным следует считать подбор отрывков на стр. 54—58 (Авл Геллий, Сенека) и на стр. 67—73 (Цезарь). Менее удачно подобраны отрывки из Непота (стр. 59—65), не говоря уже о «войне с гельветами» Цезаря, которая может заинтересовать лишь историков-античников, и то скорее в качестве домашнего чтения.

Имеются в учебнике и другие, более мелкие недостатки. Вряд ли стоило целых 10 страниц учебника (3%) посвятить «стихотворным переводам на русский язык неко-

---

[1] Опасения С. И. Соболевского (Хрестоматия по латинскому языку, ч. 1, Учпедгиз, М., 1938, стр. 5), что стремление «некоторых педагогов как можно скорее, до окончания курса грамматики (разрядка моя.—*Б. Н.*), приниматься за чтение автора... при котором учащемуся представляется масса затруднений с формальной стороны, только может быть вредным и приучить его к переводу «кое-как», в значительной степени не оправданы, так как на первых порах не может быть речи о курсорном чтении автора; имеется в виду лишь чтение избранных отрывков, взятых у римских авторов.

[2] Из этих 110 страниц лишь 41 страницу занимают латинские тексты, которые к тому же очень часто даются в совершенно устаревшей редакции (ср. соответствующие издания в серии «Римские классики»).

торых из поэтических произведений, помещенных в хрестоматии» (стр. 138—148), так как возникает опасность, что учащиеся будут пользоваться ими в качестве подстрочников. В словаре иногда отсутствуют простейшие слова, встречающиеся в хрестоматии (напр. bibo, brevis). Имеются опечатки, хотя технически учебник сделан довольно аккуратно. Так, например, appellater вместо appellatur (стр. 72), intineribus вместо itineribus (стр. 81), invenir вместо inveniri (стр. 97), vota factura вместо vota facturi (стр.100), Scipio, onis. f. вместо m. (стр. 166), cornus вместо cornua (стр. 195), possis вместо possim (стр. 210), opinio, onis, m. вместо f. (стр. 299).

Высказанные мной замечания имеют своей целью не столько критику учебника Попова—Шендяпина, сколько привлечение внимания педагогов и общественности к важному вопросу о наиболее эффективном методе преподавания латинского языка.

Б. И. Надэль

ХРОНИКА

АБРАМ БОРИСОВИЧ РАНОВИЧ

(1885—1948)

Советская историческая наука понесла тяжелую утрату. 29 мая с. г. на 63 году жизни скончался выдающийся ученый-марксист, профессор Московского университета, старший научный сотрудник Института истории Академии Наук СССР Абрам Борисович Ранович.

Весь жизненный путь А. Б. Рановича свидетельствует о том, какую трудовую школу прошел А. Б., давший блестящие работы и оставивший глубокий след в развитии марксистской исторической науки.

* * *

Абрам Борисович Ранович родился 15 декабря 1885 года в г. Житомире в многодетной семье мелкого служащего.

С исключительным упорством, вынужденный уже с 13 лет помогать семье грошо-

выми уроками, Абрам Борисович самостоятельно готовился к сдаче экзаменов на аттестат зрелости экстерном. В 1905 г. А. Б. Рановичу удалось поступить на физико-математический факультет Киевского университета. В 1907 г. «за призыв к ниспровержению существующего строя», как гласил приговор царского суда, А. Б. Ранович был приговорен к году заключения в крепости. По выходе из тюрьмы А. Б. Ранович перешел на историко-филологический факультет Киевского университета, который закончил в 1913 г. Здесь учителями А. Б. Рановича были крупные русские ученые— Ю. А. Кулаковский и А. И. Сонни. Выпускное сочинение Абрама Борисовича об Аполлонии Тианском было удостоено серебряной медали. Однако при царизме А. Б. Ранович не мог по окончании университета получить работу по специальности и на ряд лет был оторван от научной работы. Только Великая Октябрьская революция, уничтожившая национальный гнет, открыла, наконец, перед Абрамом Борисовичем дорогу к преподавательской деятельности. С 1919 г. А. Б. Ранович преподает в учительской семинарии в Киеве, читает лекции в Киевском народном университете, работает в Институте народного образования в Житомире. С 1929 г. А. Б. Ранович принимает активное участие в работе антирелигиозных издательств («Безбожник» и ГАИЗ). В эти годы А. Б. Рановичем был написан ряд исследований и статей по истории раннехристианской церкви. Уже в 1931 г. А. Б. Ранович читает в Комакадемии доклад «Источники по изучению социальных корней раннего христианства», положивший начало ряду марксистских исследований в этой важной области истории древнего мира. Под редакцией и с комментариями А. Б. Рановича выходит в свет ряд переводов книг по истории религий (Робертсона, Люке, Фрэзера, Уайта). В эти же годы А. Б. создает свои первые работы в области библейской критики («Спиноза как родоначальник библейской критики»). Разгром антинаучной «школы Покровского» открывает перед А. Б. Рановичем более широкие перспективы научной работы. Выходит в свет его важный труд «Первоисточники по истории раннего христианства», он же редактирует перевод поэмы Лукреция «О природе вещей», сборник «Античные критики христианства» и перевод книги Гольбаха «Галлерея святых». В 1934 г. была опубликована работа А. Б. Рановича «Иудейская религия». В эти годы А. Б. Ранович работает ответственным редактором в издательствах «Московский рабочий» и Моспартгиз.

Одновременно А. Б. Ранович ведет научно-исследовательскую работу в Институте философии Комакадемии; с 1935 по 1937 г. он состоит действительным членом ГАИМК.

Абрам Борисович принимает самое активное участие в развернувшейся дискуссии по вопросу о характере социально-экономических отношений в странах древнего Востока и вносит свой ценный вклад в научную, марксистскую постановку этих проблем. В этом отношении крупное значение имела опубликованная в 1937 г. монография А. Б. Рановича «Очерки истории древнееврейской религии». Это исследование имеет важное значение как первая марксистская работа в области библеистики, основанная на изучении первоисточников и направленная против буржуазных школ библейской критики; применение материалистической диалектики к анализу библейских текстов позволило А. Б. Рановичу дать первое марксистское построение истории древнееврейской религии. Но этим не исчерпывается значение «Очерков». Не меньшую роль сыграло это исследование и в деле научной марксистской постановки вопроса о характере социально-экономических отношений на древнем Востоке. На конкретном документальном материале по древней истории Иуды и Израиля А. Б. Ранович одним из первых дал правильное определение древневосточных обществ, как обществ рабовладельческих. При этом А. Б. Ранович сумел показать и специфику древневосточного рабовладельческого строя как первого исторического этапа в развитии рабовладельческой формации, со всеми конкретными особенностями, отличающими его от рабовладельческих обществ античности. Уже в этом исследовании А. Б. Рановича проявляется его умение рассматривать исторические явления с точки зрения их движения, их изменения, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания.

Такой подлинно-научный, основанный на глубоком овладении методом материалистической диалектики подход к решению проблем истории древнего мира дал А. Б. Рановичу возможность найти правильное решение как частного вопроса о характере социально-экономических отношений в Израиле и Иуде, так и общего вопроса о характере древневосточных обществ, как первого этапа развития рабовладельческой формации. В сущности решению этого важнейшего вопроса в той или иной степени посвящены и многие другие исследования А. Б. Рановича, созданные в последовавшие годы его напряженной творческой работы.

Начиная с 1937 г., А. Б. Ранович становится бессменным заместителем редактора основанного в том же году журнала «Вестник древней истории». Трудно переоценить значение того вклада в развитие марксистской науки о древнем мире, который внес А. Б. Ранович, работая на этом посту. В этой области своей деятельности А. Б. Ранович проявил свои лучшие качества советского ученого, для которого общее дело, дело строительства марксистской исторической науки, всегда стояло выше личных интересов. День за днем до последних месяцев жизни Абрам Борисович отдавал большую часть своего драгоценного времени кропотливой, не всегда благодарной работе с авторским коллективом. Если бы собрать все письма, которые были написаны Абрамом Борисовичем к авторам «Вестника древней истории», то, вероятно, вышел бы не один том интереснейших статей по самым различным вопросам древней истории. К работе с авторами и редактированию статей «Вестника» Абрам Борисович подходил с такой же научной добросовестностью, как и к своим собственным исследованиям. Исключительная широта и глубина познаний позволяли ему критически оценивать почти любую статью, поступавшую в редакцию. А. Б. Ранович в своей работе редактора никогда не был только пассивным критиком недостатков; в письмах и беседах с авторами, на которые он не жалел ни времени, ни сил, Абрам Борисович будил мысль исследователей, направлял ее на решение важнейших, наиболее актуальных проблем; формулируя эти проблемы с предельной четкостью и логичностью, А. Б. Ранович тем самым подсказывал исследователю правильный путь их решения.

Особенно многим обязаны А. Б. Рановичу молодые ученые. С исключительным терпением и тактом целыми часами беседовал он с молодыми авторами, доказывая им, в чем и почему они ошибаются, подталкивая их к правильному решению вопроса, заботливо исправляя даже мелкие ошибки, воспитывая в них строгую требовательность к себе, которая была столь характерной чертой самого Абрама Борисовича. В этих беседах сказывалась и другая замечательная черта этого обаятельного человека: свои идеи и открытия он никогда не считал своим личным достоянием; не гоняясь за личной славой, всегда готовый бескорыстно поделиться с товарищами и учениками сокровищами своей кристалльно-ясной мысли, выше всего ценил он интересы родной страны и науки. Эту скромную, подчас незаметную и трудную работу Абрам Борисович продолжал буквально до последних недель своей жизни. Тяжело больной, он продолжал горячо интересоваться делами журнала и работой своих товарищей.

Годы деятельности Абрама Борисовича в «Вестнике древней истории» совпадают со временем наибольшего подъема его научного творчества и расцвета его педагогической деятельности.

Начиная с 1938 г., он работал старшим научным сотрудником в Институте истории Академии Наук СССР. Из года в год, в два и три раза перевыполняя план научной работы, Абрам Борисович создает целый ряд фундаментальных трудов по истории эллинизма и Римской империи, публикует десятки рецензий и статей в различных журналах, ведет огромную работу по редактированию II и IV томов подготовляемой Институтом «Всемирной истории», сам пишет ряд разделов для этих томов (по истории древнего Востока и по истории эллинизма).

Большую роль в идейном росте советских историков древнего мира сыграли такие статьи А. Б. Рановича, как «Религия и атеизм в «Истории древнего мира» (ВДИ, 1938, № 3), «Проблемы марксистского изучения древней истории» (ВДИ, 1939, № 3), «Первоначальное христианство и его историческая роль» (ВДИ, 1939, № 2), «Энгельс о христианстве» («Антирелигиозник», 1940, № 10/11).

Не меньшее значение имеют и рецензии, опубликованные в эти годы[1]. Высокая принципиальность и идейность критических работ А. Б. Рановича, его глубокая эрудиция придают им исключительную силу, делают его доводы неопровержимыми; они убеждают не только читателей, но и самих авторов рецензируемых работ.

Исключительно большое принципиальное значение имеет обширная рецензия А. Б. Рановича на книгу видного буржуазного ученого М. И. Ростовцева «The social and economic history of the Hellenistic world» («Исторический журнал», 1945, № 1—2). Эта работа представляет собой образец глубоко-научной и в то же время боевой критики буржуазных концепций. А. Б. Ранович не только вскрыл порочность концепции Ростовцева, не только показал со всей ясностью тот тупик, в который зашла современная буржуазная наука, но и детально, пункт за пунктом разбил все здание аргументации Ростовцева, противопоставив ей свои ясные и четкие выводы, построенные на непоколебимой основе диалектического материализма. Такую работу А. Б. Ранович сумел проделать благодаря тому, что уже в то время им была создана в основных чертах марксистская концепция истории эллинизма. Эту концепцию А. Б. Ранович кратко изложил и четко аргументировал в большой статье «Эллинизм и его социально-экономические основы» («Вопросы истории», 1945, № 2). В этой статье впервые в историографии было дано классически четкое определение эллинизма как прогрессивной фазы развития античного общества. «... Эллинизм,—писал А. Б. Ранович,—этап в истории античного рабовладельческого общества,... он, следовательно, был исторически необходимым результатом всего предшествующего развития... Изучать его следует в связи с историей рабовладельческого общества в целом» («Вопросы истории», 1945, № 2, стр. 102). Такой подлинно-марксистский подход к изучаемым проблемам дал возможность А. Б. Рановичу впервые в историографии дать правильное определение эллинизма. Но этим не ограничивается его вклад в советскую историческую науку. Как уже было замечено выше, вопрос об этапах развития рабовладельческой формации рассматривается и во всех других его работах; можно без колебаний сказать, что именно А. Б. Рановичу советская наука обязана четкой постановкой этой проблемы в целом и наиболее ясной и убедительной формулировкой ее решения. В этом отношении работы А. Б. Рановича подводят итог всей предшествующей работе советских историков и знаменуют собой начало нового, более высокого этапа в разработке марксистской истории древнего мира.

Разрабатывая дальше эти проблемы, А. Б. Ранович в последние годы жизни создает две самые значительные из своих монографий: «Восточные провинции Римской империи» (печатается в Издательстве Академии Наук СССР) и «Историю эллинизма» (готовится к печати). Эти крупные исследования, уже оказали плодотворное влияние на творческую мысль ученых Москвы, которые участвовали в обсуждении этих работ в секторе древней истории Института истории. Из докладов, прочитанных А. Б. Рановичем в ходе работы над монографией «История эллинизма», два опубликованы в ВДИ: «Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии» и «Александр Македонский и греческие города Малой Азии». Особенно важное значение имеет первая из этих статей, направленная против буржуазных теорий о феодализме на древнем и эллинистическом Востоке. Дав новую интерпретацию эпиграфических памятников, являвшихся до сих пор самым сильным аргументом в построениях буржуазных исследователей, А. Б. Ранович убедительно доказал, что «те два документа, на которых строится теория феодализма в эллинистической Малой Азии, подтверждают иное: на Востоке не было собственности на землю, а лишь владение ею. Самыми прочными

---

[1] Рецензии на книги: В. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима (ВДИ, 1938, № 4); С. Кечекьян и И. Перетерский, Всеобщая история государства и права, т. I («Сов. книга», 1946, № 2 и ВДИ, 1946, № 1); В. В. Струве, История древнего Востока ВДИ, 1946, № 1).

владельцами были, с одной стороны, λαοί, но не лично, а лишь поскольку они принадлежали к существовавшим некогда общинам... С другой стороны, верховным владельцем земли был царь, но именно как носитель царской власти, а не лично» (ВДИ, 1947, № 2, стр. 38). В этой работе, как и во многих других, в частности в статьях «Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи» (ВДИ, 1946, № 2) и «Гномон идиолога» (печатается в следующем номере ВДИ), А. Б. Ранович блестяще продемонстрировал подлинно-научный метод интерпретации источников, показав, что перевод и восстановление утраченных частей источника должны быть подкреплены исторической аргументацией, в противном случае, оставаясь на почве формального филологического анализа, исследователь никогда не может доказать с абсолютной точностью правильность своей реконструкции.

Перу А. Б. Рановича принадлежит около ста монографий и статей, посвященных разнообразным вопросам древней истории; но каковы бы ни были темы этих работ, затрагиваются ли в них общие или частные вопросы,—для всех этих исследований характерна одна общая им черта: любой частный вопрос, затронутый в работах А. Б. Рановича, приобретал важное значение для решения основных принципиальных проблем. Как подлинный марксист, А. Б. Ранович не мыслил решение частных вопросов в отрыве от общих социально-экономических проблем. Глубокий знаток «древностей», ученый энциклопедических знаний, тонкий ценитель исторического анекдота, мастер филологического анализа, А. Б. Ранович в то же время никогда не был скучным собирателем фактов. За «деревьями» документального материала А. Б. Ранович всегда видел «лес»: цель марксистского исторического исследования—познание закономерностей исторического развития. В этом кроется причина того, что значение многих работ А. Б. Рановича далеко выходит за рамки тех тем, которые они затрагивают.

Эта наиболее характерная черта творческого облика А. Б. Рановича определяется тем, что во всех своих исследованиях он руководствовался единственно верной научной теорией марксизма-ленинизма. В равной степени владея методом диалектического материализма и техникой исторического исследования, А. Б. Ранович строил свои теоретические обобщения на глубоком анализе первоисточников, поэтому в его работах нет и следа того псевдомарксистского социологизирования, которым грешили некоторые его современники.

Многочисленные рецензии А. Б. Рановича и историографические экскурсы в его монографиях представляют собой образец марксистской критики буржуазных теорий. А. Б. Ранович умел не только вскрывать концепцию критикуемой книги, не только показывать социальные и философские основы теоретических позиций ее автора, но и с фактами в руках убедительно опровергать неверные выводы буржуазных ученых.

Вся научная деятельность непартийного большевика Абрама Борисовича была образцом работы настоящего ученого марксиста-ленинца. Все его труды и исследования служили пропаганде идей марксизма-ленинизма, были проникнуты духом большевистской партийности и направлены против буржуазных теорий в области древней истории.

Жестокая болезнь прервала жизнь Абрама Борисовича в расцвете его творчества. С удивительной самоотверженностью работал он до последних дней жизни; уже тяжело больной, ожидая операции, он оставался на своем посту и не хотел лечь в клинику раньше, чем была закончена его последняя работа—монография «История эллинизма». Ему удалось закончить эту работу, советские историки с нетерпением ждут ее опубликования.

Абрам Борисович ушел от нас; огромная, незаполнимая пока брешь образовалась в наших рядах; но его живая, могучая мысль живет и вдохновляет нас к дальнейшей работе; еще долгие годы его творческие идеи будут двигать вперед советскую науку; опубликование и изучение его работ—неотложная задача и долг его товарищей и учеников.

Однако значение прекрасной жизни Абрама Борисовича не исчерпывается его научными открытиями.

От нас ушел не только замечательный ученый, но и человек большой душевной красоты. Образ этого самоотверженного труженика, всей душой преданного своей Родине и науке, человека блестящего таланта и остроумия, строгого, но справедливого критика, предельно скромного в личной жизни, чуткого и отзывчивого товарища и учителя навсегда останется в сердцах его друзей, учеников и знакомых.

Неумолимо суровый в борьбе с антимарксистскими взглядами, всегда принципиальный, никогда не вносивший в свою критику элементов личных симпатий и антипатий, А. Б. Ранович умел быть необычайно мягким и тактичным, критикуя отдельные недостатки в работах своих товарищей, воспитывая и уча молодежь. Он не только указывал на недостатки, но и показывал пути их преодоления, однако при этом никогда не подчеркивал своего превосходства. Все, кто слушал его лекции в Московском университете и ИФЛИ, все, кто имел счастье работать вместе с ним, знают, как многим мы обязаны этому человеку.

Но отзывчивость и чуткость Абрама Борисовича сказывалась не только в той помощи, которую он так щедро, так охотно оказывал своим товарищам и ученикам в их научной работе; столь же чуток он был и в личных отношениях; десяткам людей оказывал он разнообразную помощь и внимание; хлопотал о напечатании их работ, принимал на себя труд оппонента даже в то время, когда был загружен сверх всякой меры, оказывал материальную помощь, делил горе и радость своих друзей и учеников.

Кристально-чистый образ Абрама Борисовича Рановича, верного сына Родины, слуги народа, человека огромных знаний и вдохновенного труда, мудрого и справедливого товарища и друга, навсегда останется в наших сердцах.

Жизнь его—вдохновляющий пример для всех советских ученых.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН СССР
СЕКТОР ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Список трудов А. Б. Рановича

1. Марксизм и художественная критика, Киев. газ., 1909.

2. Миф о всемирном потопе. «Атеист», 1929, № 43, стр. 67—83.

3. Наука о религии в фашистской Европе (Обзор иностранных журналов). «Атеист», 1929, № 47, стр. 106—111.

4. Происхождение таинства причащения. М. «Атеист», 1929, 32 стр.

5. Из истории таинства брака. М. «Атеист», 1929, 40 стр.; изд. 2-е, М., 1930, 48 стр.

6. Таинство крещения. «Атеист», 1929, № 40, стр. 1—26.

7. Таинство евхаристии. «Атеист», 1929, № 39, стр. 59—87.

8. Происхождение таинства крещения. М. «Атеист», 31 стр.; изд. 2-е, М. «Атеист», 1930, 38 стр.

9. Обручальные кольца. «Антирелигиозник», 1930, № 7, стр. 58—61.

10. Еврейская пасха, ее происхождение и значение. «Антирелигиозник», 1930,

11. Церковный и светский календарь, «Антирелигиозник», 1930, № 11. № 3, стр. 42—47.

12. Робертсон. Первоначальное христианство. Перев. с англ. прим. и предисл. А. Рановича, М. «Атеист», 1930,162 стр.

13. Люке. Религия ископаемого человека (L'art et la religion de l'homme fossile), Сокращ. перев. с фр. с предисл. и примеч. А. Рановича, М. «Гудок» (ЦС СВБ СССР), 1930, 56 стр.

14. Происхождение христианских таинств. М. «Моск. Раб.» (ЦС СВБ), 1931, 210 стр.

15. Источники по изучению социальных корней христианства (Переработанная стенограмма доклада и заключ. слово в Комакадемии от 20—31 октября 1931). «Воинствующий атеизм», 1931, № 12, стр. 165—181.

16. Еврейские осенние праздники. М.—Л., «Моск. Рабоч.» (ЦС СВБ), 1931, 32 стр.

17. Происхождение христианского культа святых. М. «Моск. Раб.» (ЦС СВБ), 1931, 56 стр.

18. Пасха в еврейском быту. «Антирелигиозник», 1931, № 2, стр. 13—18.

19. Фрезер, Д. Д. Библейские сказания (Folklore in the old Testament). Перев. с англ., предисл. и примеч. А. Рановича. М. «Безбожник, 1931, 228 стр.

20. Б. Спиноза как родоначальник библейской критики. «Антирелигиозник», 1932, № 21/22, стр. 22—27.

21. Методология Н. А. Морозова в истории античности. «Антирелигиозник», 1933, № 1, стр. 28—33.

22. Иконы. БСЭ, 1933, т. 27, стб. 742—744.

23. Первоисточники по истории раннего христианства. Матер. и документы. М. ГАИЗ (ЦС СВБ), 1933, 191 стр.

24. Лукреций. О природе вещей. Перев. И. Рачинского. Предисл. В. Вандека и В. Тимоско. Примеч. А. Рановича и В. Сережникова. М. ГАИЗ, (Ин-т философ. АН СССР, ЦС СВБ СССР), 1933, 210 стр.

25. Мифология. «Литературн. Энциклопедия», т. 7 (1934), стб. 347—370.

26. Христианство. БСЭ, т. 60, (1934),стб. 128—192; «Антирелигиозный учебник», 1941.

27. Иудейская религия. М. ГАИЗ (Наркомпрос. Центр. Антирелиг. заочн. ин-т) 1934, 31 стр.

28. Античные критики христианства (фрагменты из Лукиана, Цельса, Порфирия и др.). М. ГАИЗ, 1935, 257 стр.

29. Спиноза. Богословско-политический трактат, содержащий несколько рассуждений, показывающих, что свобода философствования не только может быть допущена без вреда благочестию и спокойствию государства, но что она может быть отменена не иначе, как вместе со спокойствием государства и самым благочестием. Перев. М. Лопаткина, редак. со вступит. стат. и примеч. А. Рановича. М. ГАИЗ (ЦС СВБ СССР и Ин-т философии Комакадемии), 1935, 415 стр.

30. Уайт, Э. Д. Борьба религии с наукой. Перев. Вейс. Предисл. А. Рановича, М. «Гудок», 1932, 270 стр изд. 2-е М. ГАИЗ, 1936, 298 стр.

31. Об искажении дрвней истории еврейского народа (Реценз. на кн.: «История древнего мира», т. I—Древний Восток, М. 1936, гл. XVI). «Антирелигиозник», 1937, № 2, стр. 53—54.

32. Социальная революция в Иудее в 66—73 гг., ВДИ, 1937, № 1, стр. 126—132.

33. Гольбах. Галлерея святых. Перевод и примечания А. Рановича, предисл. Б. Богданова. М. ОГИЗ (Ин-т философ. АН СССР), 1937, 314 стр.

34. Очерк истории древнееврейской религии. М. ГАИЗ, 1937, 400 стр.

35. Реценз. на кн.: «Papyri Osloenses». Fasc. III. Ed. by S. Eitrem and L. Amundsen. Oslo, 1936; ВДИ, 1938, № 2(3), стр. 227—228.

36. Реценз. на кн.: Allan Chester Johnson. Roman Egypt to the Reign of Diocletian. Baltimore, 1936; ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 225—226.

37. Реценз. на кн.: Сергеев, В. С. Очерки по истории древнего Рима, ч. 1—2. М. Соцэкгиз, 1938; ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 213—218.

38. Религия и атеизм в «Истории древнего мира» АН СССР. ВДИ, 1938, № 3(4) стр. 351—357.

39. Иудейская война 66—73 гг. н. э. «Историч. журн.», 1938, № 11, стр. 99—109.

40. Из литературы о текстах Рас-Шамры. ВДИ, 1938, № 2(3), стр. 150—158.

41. Карл Маркс о христианстве. «Антирелигиозник», 1938, № 8—9, стр. 18—22.

42. О происхождении христианства «Красная Звезда», 1939 г. 24. VIII.

43. Проблемы марксистского изучения древней истории. ВДИ, 1939, № 3(8), стр. 3—10.

44. Маркс об античности (совместно с А. В. Мишулиным). ВДИ, 1939, № 2(7), стр. 15—20.

45. Первоначальное христианство и его историческая роль. ВДИ, 1939, № 2(7), стр. 31—46.

46. Сталин и развитие марксистской исторической науки. ВДИ, 1939, № 4(9), стр. 3—15.

47. Ф. Энгельс о раннем христианстве. «Антирелигиозник», 1940, № 10—11, стр. 7—10.

48. Значение рукописи Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» для истории древности. ВДИ, 1940, № 1(10), стр. 3—9.

49. Ф. Энгельс о раннем христианстве (к 125-летию со дня рождения). «Антирелигиозник», 1940, № 10—11, стр. 7—10.

50. Энгельс и историческая наука. ВДИ, 1940, № 3—4 (12—13), стр. 3—15.

51. Филон—«отец христианства» (философские взгляды предшественника христианства). «Антирелигиозник», 1940, № 3, стр. 35—36.

52. Первый советский учебник древней истории. ВДИ, 1940, № 3—4 (12—13), стр. 15—23.

53. Происхождение христианства и его краткая история (X глава в кн.: «Антирелигиозный учебник». Для кружков самообразования». Под ред. М. Шейнмана, изд. 2-е, 1940).

54. Критику и библиографию на службу исторической науке СССР. ВДИ, 1941, № 1 (14), стр. 3—8.

55. Христианская философия первых веков (Глава VII в книге: «История философии», т. 1. Под ред. Г. Ф. Александрова и др. М. Политиздат, 1941)

56. Реценз. на кн.: «История философии», т. 1. Под ред. Г. Ф. Александрова и др. М.—Л. Политиздат, 1940. ВДИ, 1941, № 1 (14), стр. 102—107.

57. Реценз. на кн.: Ф. Олещук, Играло ли христианство в истории человечества прогрессивную роль? М. «Моск. Раб.», 1940. «Антирелигиозник», 1941, № 4, стр. 61—62.

58. Палестина (IV гл. в кн: «История культуры», т. 1, М. Соцэкгиз, 1941 (1 п. л.) (Макет).

59. Очерк истории раннехристианской церкви. М., ГАИЗ (Ин-т философ. АН СССР), 1941, 260 стр.

60. Реценз. на кн.: M. Rostovzeff. The social and economic history of the hellenistic world. Oxford, 1941, т.т. 1—3 «Исторический журнал», 1945, № 1—2, стр. 92—99.

61. Эллинизм и его социально-экономические основы. «Вопросы истории», 1945, № 2, стр. 99—116.

62. Реценз. на кн. Кечекьян, С. Ф. и Перетерский, И. С. Всеобщая история государства и права. Древний Восток и древняя Греция, Древний Рим. Учебн. для юридических институтов. М. Юриздат, 1944, 1945; «Советская книга», 1946, № 2, стр. 84—89.

63. Реценз. на кн.: В. В. Струве. История древнего Востока. М. 1941; ВДИ, 1946, № 1, стр. 178.

64. Секст Юлий Фронтин. Стратегемы. Введение, примечание и перевод с латин. А. Рановича. ВДИ, 1946, № 1 (15), стр. 217—219.

65. Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи. ВДИ, 1946, № 2 (16), стр. 66—80.

66. Задачи советской исторической науки в новой пятилетке. ВДИ, 1946, № 2 (16), стр. 3—10.

67. О некоторых проблемах истории античности. ВДИ, 1946, № 3 (17), стр. 3—15.

68. Реценз. на кн.: Кечекьян и Перетерский, Всеобщая история государства и права. Ч. 1,2. Учебник для юридич. ин-тов. М. 1944; ВДИ, 1946, № 3 (17), стр. 117—126 (Совместно с А. В. Мишулиным).

69. Выше идейный уровень исторической науки. ВДИ, 1946, № 4 (18), стр. 3—9.

70. Археология и ее роль в развитии советской исторической науки. (Совместно с А. В. Мишулиным). ВДИ, 1946, № 1 (15), стр. 3—9.

71. К изучению истории крестьянства в древности. ВДИ, 1947, № 1 (19), стр. 3—9.

72. Александр Македонский и греческие города Малой Азии. ВДИ, 1947, № 4 (22), стр. 57—64.

73. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии. ВДИ, 1947, № 2 (20), стр. 28—40.

74. Реценз. на кн.: Р. Ю. Виппер, Возникновение христианской литературы. М.—Л. 1946, ВДИ, 1947, № 3 (21), стр. 140—150.

75. Восточные провинции Римской империи. 16 п. л. Печатается.

76. «Гномон идиолога». Печатается (ВДИ, 1948, № 4(26).

77. История эллинизма. Рукопись. 22 п. л.

Борис Владимирович Фармаковский

28 июля 1948 г. исполнилось 20 лет со дня смерти выдающегося русского археолога и историка античного искусства Бориса Владимировича Фармаковского.

В течение 35 лет своей исключительно плодотворной научно-исследовательской и педагогической деятельности Б. В. Фармаковский внес значительный вклад в археологическую науку России. Среди русских археологов ему по праву принадлежит почетное место. Уже тогда, более 20 лет назад, в его лице наша античная археология во многом опередила уровень археологической науки на западе. Крупный исследователь, он вместе с тем отдавал много сил делу организации коллективной научной работы и воспитанию целой плеяды специалистов, многие из которых в настоящее время занимают видное место в разработке отечественной археологии.

Б. В. Фармаковский родился 31 января 1870 г. в Вятке. Высшее образование он получил в б. Новороссийском университете, историко-филологический факультет которого он окончил в 1892 г. Одним из виднейших учителей Б. В. Фармаковского в университете был А. А. Павловский, под руководством которого он прошел основательную историко-филологическую и археологическую школу, и с тех пор всю свою жизнь посвятил бескорыстному служению науке. Вскоре после окончания университетского курса Б. В. Фармаковский уехал в Афины и провел там два с лишним года, имея возможность изучать архитектурные памятники Афин и следить за раскопками Дерпфельда.

В Греции в это время кипела археологическая работа. Кроме Афин, велись раскопки в Дельфах, на Делосе, Элевсине, в Микенах и многих других пунктах.

Для Б. В. Фармаковского это была наилучшая школа, которая так пригодилась ему впоследствии. С января 1894 г. он работал в главных европейских музеях, с увлечением изучая их сокровища. Уже в 1896 г. археологическая комиссия поручила ему произвести раскопки некрополя Ольвии и на о. Березани. Результаты произведенных им раскопок изложены в «Отчетах археологической комиссии» за 1896 год. В 1898 г. Б. В. Фармаковский был приглашен в основанный в Константинополе Русский археологический институт в качестве ученого секретаря. Три года, проведенных в институте, расширили его научный горизонт. Он неоднократно принимал участие в раскопках в Македонии, совершил археологическую экскурсию в Малую Азию и выступал в институте со своими сообщениями. В «Известиях Русского археологического института в Константинополе» были напечатаны исследования Б. В. Фармаковского, посвященные микенскому искусству; поздним пальмирским росписям, а также византийскому искусству: 1) Лесха Книдян в Дельфах, т. IV, вып. 1; 2) Византийский пергаментный рукописный свиток с миниатюрами, принадлежащий Русскому архео-

логическому институту в Константинополе, т. VI; 3) Живопись в Пальмире, т. VIII, вып. III. Здесь же им был окончательно завершен большой труд—«Аттическая вазовая живопись и ее отношение к искусству монументальному в эпоху непосредственно после греко-персидских войн» (II, 1902).

С первых годов XX в. начинается новый период в научной деятельности Б. В. Фармаковского. Он переехал в Петербург и был назначен членом Археологической комиссии. С этих пор он целиком посвятил себя изучению Ольвии. С 1901 по 1915 и с 1924 по 1926 гг. он систематически вел раскопки.

Археологическая наука в России в это время находилась еще на заре своего развития. В 1859 г. была организована императорская Археологическая комиссия—центральное археологическое учреждение России. Виднейшие русские ученые, историки и археологи, занимавшиеся изучением прошлого нашей родины, концентрировали свою работу в Археологической комиссии. Наиболее передовые из них уже тогда стремились изучать и воссоздавать прошлое по вещественным памятникам.

Методы исследования Ольвии, примененные Б. В. Фармаковским, являются классическим образцом раскопок античного города. Он вел раскопки по заранее начертанному, строго научному плану, в котором отсутствовала какая-либо погоня за сенсационными открытиями. Своими раскопками, как никто другой, он способствовал превращению археологии из собирательства в настоящую науку. Им впервые был создан «послойно-квадратный» метод полевых исследований, который, в сочетании с логически безукоризненными научными выводами, был наиболее совершенным.

Исследуя отдельные слои ольвийского городища и некрополя, он стремился установить историю города со времени его возникновения и до упадка, начиная с архаической эпохи VII в. до н. э. и кончая позднеримской эпохой III в. н. э.

Начав раскопки Ольвии с 1896 г., он непрерывно и последовательно руководил ими в течение 19 кампаний. В 1901 г. Фармаковский исследовал некрополь. Открыто было много могил, преимущественно III-I вв. до н. э., причем установлено три главных типа могил: 1) простые групповые, 2) земляные подбойные и 3) склепы с дромосами. Помимо могил вышеуказанного типа, в некрополе раскопан склеп Еврисивия и Ареты, к сожалению, разграбленный. В 1902 г., после долгого перерыва со времени раскопок И. Е. Забелина и В. Г. Тизенгаузена, начали производиться раскопки на месте древнего города и одновременно продолжались раскопки некрополя. В городе были открыты остатки стен с грандиозными башнями римского времени, мощеная улица, остатки великолепного дома эллинистической эпохи. Под большим курганом был открыт обширный склеп римского времени II в. н. э., состоящий из 2 комнат со сводом в виде арки, хорошо сохранившийся, но разграбленный. В этом же году Б. В. Фармаковским впервые был составлен генеральный план города. В некрополе были открыты многочисленные древние могилы VI—V вв. до н. э.

В 1903 г. была открыта полигональная кладка, отнесенная Б. В. Фармаковским к началу V в. до н. э. Начиная с 1904 г. велись раскопки стены древнего города с VII в. до н. э. по IV в. н. э. Основная задача разрешена была в 1907 г., когда был открыт ров и за ним следы древнейших оборонительных стен на фундаментах из субструкций (слоев золы, перемешанной с углем, и трамбованной глины). В 1908 г. были обнаружены остатки башен, определено место главных городских ворот и установлены границы города в до-гетскую эпоху.

В 1909—1910 гг. среди остатков построек обнаружен замечательный дом с двором, имеющим четыре портика по сторонам, относящийся ко второй половине II в. до н. э. Во дворе алтарь и культовая комната, посвященная Кибеле. Б. В. Фармаковский выдвинул предложение, что этот дом имел, вероятно, общественное значение. В некрополе открыт ряд могил архаической эпохи, эллинистической и римской эпох.

При раскопках 1913 г. внимание было обращено главным образом на некрополь. Найдено более 100 могил, значительная часть которых архаического времени, преимущественно VI в. до н. э., затем эллинистической и римской эпохи, немногие из них относятся к классическому периоду. В этом году Б. В. Фармаковский обследовал

часть северной стены римской цитадели и развалины храма Аполлона. К плану, составленному в 1902—1903 гг., была присоединена заново обмеренная, прилегающая к городу обширная территория его некрополя.

Раскопки 1925 г. велись в северо-восточной части верхнего города, где обнаружена оборонительная стена, являющаяся продолжением стены, раскопанной Б. В. Фармаковским в 1907—1908 гг. В 1926 г. открыты остатки различных построек от VI в. до н. э. до позднеэллинистического времени.

Ольвийские раскопки сопровождались находками многочисленных и разнообразных вещей и эпиграфических памятников. Среди найденных Б. В. Фармаковским надписей в историческом отношении важен декрет в честь одного «корабельщика», устанавливающий факт сношений граждан Ольвии с Митридатом. Из находок особенно интересны известковая плита в виде надгробного памятника с изображением сидящей Кибелы со львенком на коленях; художественные фрагменты, среди которых выделяются три мраморные головки, терракотовые вазы с рельефными изображениями и другие керамические изделия.

Таким образом, благодаря неутомимой деятельности Б. В. Фармаковского, Ольвия оказалась исследованной лучше, чем какой-либо другой античный город на территории СССР. Открытые Б. В. Фармаковским разнообразные предметы бытового обихода, памятники искусства, могилы, жилые и общественные здания, оборонительные сооружения дают в общем яркую картину жизни Ольвии.

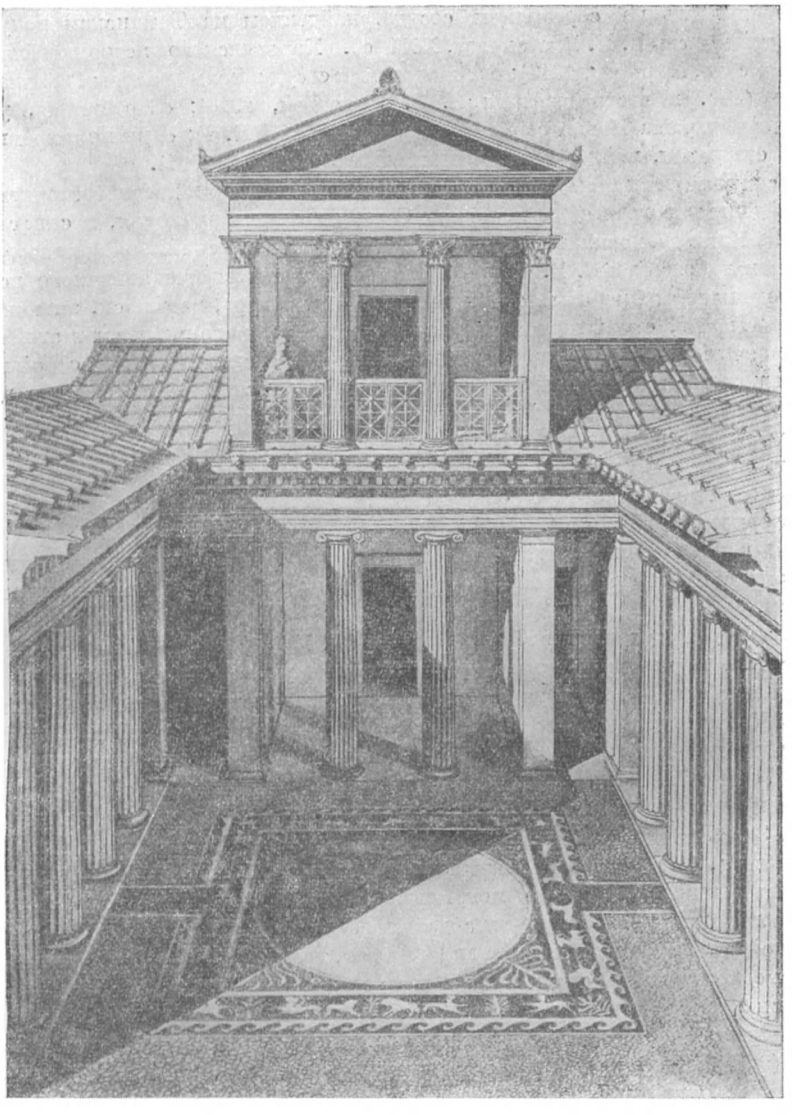
Б. В. Фармаковский проводил свою работу с исключительной педантичностью. Об этом говорят его обстоятельные, до мелочей, отчеты об отдельных ольвийских кампаниях. Некоторые из них носят характер подлинных исследований. Так, например, отчет за 1901 г. содержит ряд ценных наблюдений над Ольвийским некрополем (ИАК, вып. 8). Отчет за 1902—1903 гг., помимо подробного описания раскопок, содержит исследование и реконструкцию открытых остатков эллинистического дома (см. рис.), издание 3 мраморных головок александрийского стиля и керамических находок, относящихся к архаической эпохе.

За этот отчет Б. В. Фармаковский был удостоен Русским археологическим обществом золотой медали в память графа А. С. Уварова. Специальные работы посвящены Б. В. Фармаковским отдельным памятникам, открытым в Ольвии. К числу их относятся: 1) «Склеп Еврисивия и Арсты в Ольвии» (ИАК, вып. 3, 1901); «Обломки рельефа глиняной чаши из Ольвии» [ИАК, вып. 2, (1902)]; «Ольвийская реплика Афины-Девы Фидия» (ИАК, вып. 14, 1905); «Ольвийские древности из коллекции И. Ф. Романченко» (ИАК, вып. 42, 1911); «Судьба одного Ольвийского памятника» (ИАК, вып. 51, 1914); «Мраморная головка Диониса из Ольвии» (СГАИМК, т. 1); «Архаический курос из Ольвии» (СГАИМК, т. 1) и др.

О результатах раскопок Ольвии за 1901—1908 гг. Б. В. Фармаковский прочел доклад на Каирском международном конгрессе. В 1913 г. он выступил с докладом о классических древностях Южной России на международном историческом конгрессе в Лондоне. Материал этого доклада послужил основой для написания значительного труда «Архаический период на юге России». Из этой работы видно, что южнорусские классические древности были для Б. В. Фармаковского не чем-то самодовлеющим. Чуждаясь чисто формального и атрибуционного метода, он, на основе широкого использования данных искусства, материальной культуры и языка, пришел к широким и глубоким историческим выводам, которые сделаны им в вышеуказанной работе.

В 1914 г. Московское археологическое общество, на основании составленного С. А. Жебелевым отзыва, присудило Б. В. Фармаковскому золотую медаль им. графа А. С. Уварова.

В 1924 г., когда все памятники юга России, в том числе ольвийские, были переданы в Эрмитаж, Б. В. Фармаковский вошел в состав хранителей Эрмитажа. Под его руководством готовилась экспозиция классических древностей Ольвии, Херсонеса, Керчи и пр. В ноябре 1927 г. южнорусские залы Эрмитажа были открыты для публичного обозрения. Экспозиции были исполнены с совершенством и любовью. Ему хотелось, чтобы побольше людей познакомились с памятниками, чтобы археология



Греческий дом в эллинистическую эпоху (реконструкция).

стала всенародным достоянием. Вот как он сам об этом говорил еще в 1915 г.: «Ничего бы я так не желал более, как чтобы ольвийские развалины и ольвийские древности побольше привлекли к себе внимание со стороны нашего образованного общества и специалистов и чтобы экскурсии в Ольвию делались у нас не реже, чем они делаются в Греции и Италии».

Это пожелание Б. В. Фармаковского исполнилось лишь при Советской власти и в гораздо большей степени, чем он мог мечтать.

Б. В. Фармаковский был не только исследователем Ольвии, но и одним из лучших знатоков классических древностей южной России и Кавказа вообще. Много ценных работ составлено им по памятникам, происходящим из других мест: «Резной камень римской работы из Черниговской губернии» (ИАК, вып. 3, 1901); «Бронзовая ручка из Екатеринославской губ.» (ИАК, вып. 3, 1901); «Обломки статуэтки сатира из Керчи («Записки импер. Одесского общества истории древностей, т. XXX, Одесса, 1912);

«Аканфовая ветвь на серебряном сосуде, найденном на Таманском полуострове» («Сб. статей в честь В. П. Бузескула», XXI сб. Харьковского историко-филологического общества, Харьков, 1914); «Терракотовый сосуд в форме головы Геракла из Пантикапеи» («Сб. в честь графини П. С. Уваровой, 1916); «Серебряная, украшенная рельефами чаша Новороссийского музея» (ИГАИМК, 1); «Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории» (ЗГАИМК, 1921).

Описания многих памятников греческого архаического и древневосточного искусства, найденные в греческих колониях Северного Причерноморья, в скифских курганах и на Кавказе, вошли в его большую работу «Архаический период на юге России».

Не меньше заслуги Б. В. Фармаковского в области истории античного искусства. Многочисленные его работы по архитектуре, скульптуре, живописи, античной керамике показывают, сколь широки и разнообразны были его интересы в этой области. Умение изучать различные разделы в тесном взаимодействии их между собой и в связи с общим развитием античной культуры делает его исследования особенно ценными. Лишь человек, обладающий широким историко-филологическим кругозором в той мере, в какой обладал им Фармаковский, мог утверждать, что «...одною из основных задач современной истории греческого искусства является приведение в связь известий древних авторов о греческих художниках с дошедшим до нас пластическим материалом древности».

Даже в небольших работах, где Б. В. Фармаковский давал атрибуции отдельным памятникам, он ставил вопрос о культурных влияниях и связях между народами древности.

Его фундаментальная работа, занявшая 900 страниц,—«Аттическая вазовая живопись...», за которую автору присвоена была ученая степень магистра истории и теории искусств,—построена на привлечении колоссального вещественного материала. 3380 расписных аттических ваз краснофигурного стиля описаны в этой работе. Стремясь к тому, чтобы все могли пользоваться его работой и собранным им для нее материалом, он прибавил к своему труду указатель на 250 страниц, в котором дан полный список и краткое описание по формам ваз всех памятников, вошедших в его исследование. Здесь же даны указания о месте хранения и новейших публикациях.

Эта книга, по выражению самого автора, преследовала цель «...выяснить взаимоотношения вазовой живописи и монументального искусства в эпоху расцвета греческой цивилизации после греко-персидских войн, в одну из интереснейших эпох в греческой истории, когда действовал Полигнот, художник, которого древние ставили так же высоко, как и его современника знаменитого скульптора Фидия». Прежде чем обратиться к хронологии ваз, Б. В. Фармаковский останавливается на хронологии произведений самого Полигнота, так как последняя, по его мнению, еще не была установлена (этому вопросу уделена вся вторая глава исследования). Он подробно исследовал вопрос о времени возникновения и упадка строгого краснофигурного стиля вазовой живописи и установил периоды господства сменяющих друг друга стилей вазовых картин. Первая часть седьмой главы посвящена вопросу о времени прекращения выделки расписных греческих ваз. Чрезвычайно важной является группировка аттических краснофигурных ваз, свидетельствующая об умелом и тонком анализе автора. Его группировка и оценка материала сохраняют свое значение и поныне, а вместе с указателями эта книга является настольной для всякого археолога. Но этим значение труда Б. В. Фармаковского далеко не исчерпывается. Исследуя отношение аттической вазовой живописи к монументальному искусству почти на протяжении всего V в., автор в сущности дал одну из глав истории греческого искусства за этот период. В литературу по истории античного искусства эта работа является важным вкладом.

В выше упомянутой фундаментальной работе—«Архаический период на юге России» Фармаковский поставил своей целью установить взаимосвязи южнорусских и кавказских древностей с переднеазиатской и египетской культурой. В этой работе им был привлечен огромный материал из Ольвии, из скифских и некоторых кавказских курганов. Между прочим, разбирается вопрос о происхождении и последовательном

развитии так наз. «звериного стиля», который получил широкое распространение в степях восточной Европы и северо-западной Азии. Проблемы, поставленные Фармаковским, и сделанные им заключения будут еще долгое время служить важным пособием не только для археологов, но и для историков.

Необходимо также отметить научно-популярный очерк «Художественный идеал демократических Афин», написанный Фармаковским в 1918 г. Этот очерк содержит обзор искусства в эпоху Перикла, с обширной вводной главой по истории греческого искусства, начиная с эгейской эпохи до Фидия. Возможно, что эта работа была одной из глав задуманной Б. В. Фармаковским большой книги по общей истории античного искусства.

На протяжении многих лет свою исследовательскую работу Б. В. Фармаковский сочетал с педагогической деятельностью. С 1915 г. он преподавал историю античного искусства в б. Петербургском университете, на Высших женских курсах и в Историко-филологическом институте. С первых же дней создания Академии истории материальной культуры (1919) Фармаковский стал одним из основных и самых активных ее членов. В том же году он был избран председателем художественно-исторического отделения, а в 1921 г.—ученым секретарем института. В этом звании он находился до последних дней своей жизни. С 1914 г. Б. В. Фармаковский состоял членом-корреспондентом Академии Наук.

Громадная работа, проделанная Б. В. Фармаковским, явилась лишь началом того широкого размаха, который получила археологическая наука в наше время. После Великой Октябрьской социалистической революции значительно шире развернулась в нашей стране археологическая работа. Главным центром археологических исследований в первые же годы после революции явилась созданная по указанию В. И. Ленина Государственная академия истории материальной культуры (ныне Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР). Создан Институт археологии при Академии Наук УССР и других республик, которые систематически ведут большую экспедиционную и исследовательскую работу в разных направлениях в области раскрытия и изучения не только греческих городов, но и памятников скифо-сарматской культуры.

Ольвия и другие древние города превратились в государственные исторические заповедники Академии Наук СССР и академий союзных республик.

За годы после Великой Октябрьской социалистической революции советская археологическая и историческая наука собрала огромный новый материал и получила возможность по-новому разрешить целый ряд вопросов. Советских исследователей занимает одна из важнейших проблем: выяснение культурного взаимодействия между греческими городами и коренным местным населением. Прежние исследователи, игнорируя все местное, «варварское», видели в причерноморских колониях только античные города. Условия сосуществования греков-колонистов с местным населением Северного Причерноморья почти не исследовались. В ряде случаев неверно ставились вопросы о процессе формирования и исторического развития местного общества. Принципиально новым в археологических исследованиях, по сравнению с дореволюционным периодом, является рассмотрение памятников не только как проявления исторического процесса развития античного греко-римского мира, но как явления, органически связанного с историей народов, населявших нашу страну в античную эпоху. Греческие города выступают лишь крупными центрами обширных районов, заселенных местными племенами, с которыми греки вступали в постоянные сношения. Хотя это население и подвергалось в определенной мере эллинизации, оно сохранило в основе свою самобытную культуру и, в свою очередь, оказывало влияние на культуру колонистов.

Результаты раскопок Ольвии за последние годы по-новому освещают ряд вопросов, занимавших в свое время Б. В. Фармаковского. Значительно полнее и по-новому освещаются вопросы о греческом и туземном элементах в Ольвии, об основном характере города в послегетскую эпоху, о местных производствах и т. д.

Созданная Б. В. Фармаковским блестящая школа археологов, не только значитель-

но обогатила советскую археологию новыми материалами, но и внесла ценный вклад в историческую науку. Работы ближайшего преемника Фармаковского академика И. И. Мещанинова, проф. доктора Т. Н. Книпович, проф. М. Ф. Болтенко, чл.-корр. АН УССР Л. М. Славина, П. Н. Шульц, А. Н. Карасева и многих других являются продолжением и дальнейшим совершенствованием созданной им методики исследования античных памятников. В настоящее время раскопочные работы приобрели исключительно широкий размах.

Еще долго археологи и историки будут работать над проблемами, составляющими научное наследие выдающегося русского ученого Бориса Владимировича Фармаковского. Его имя прочно и навсегда вошло в список лучших представителей отечественной исторической науки.

Д. И. Нудельман

Оссуарии с городища Калалы Кыр I Ташаузской области Туркменской ССР

Оссуарии, т. е. глиняные или каменные костехранилища (астоданы), служившие в соответствии с погребальным ритуалом зороастрийской религии для хранения омытых и очищенных костей умерших, неоднократно привлекали к себе внимание наших востоковедов. В нашей научной литературе, особенно в первое десятилетие XX в., опубликован ряд статей, посвященных изучению оссуариев, большое количество которых было найдено в Средней Азии, главным образом в Ташкенте, в Самарканде и в прилегающих к ним местностях. Эти оссуарии представляют собой глиняные ящики овальной или прямоугольной формы, без ножек, украшенные лепным орнаментом и рельефными изображениями.

Вопрос о типе оссуариев, встречающихся на территории Туркменистана, до настоящего времени не получил надлежащего освещения; мы располагаем только краткими и отрывочными данными, свидетельствующими о том, что оссуарии и их фрагменты были найдены в Анау при раскопках А. В. Комарова в 80-х гг. XIX в. и американской экспедицией Р. Пампелли в 1904 г.[1]

В 1907 г. К. Иностранцев в одной из своих статей, посвященной среднеазиатским оссуариям[2], сообщил, что, по полученным им сведениям, в Закаспийском областном музее имеются три оссуария, «один большой и два меньших», без каких-либо украшений и надписей, и что оссуарии «находят в курганах» (т. е., повидимому, на местах древних поселений, на так наз. «тепе») по всей Закаспийской области. К сожалению, оссуарии, хранившиеся в Закаспийском областном музее, впоследствии были утрачены, и до настоящего времени в археологических собраниях Музея краеведения Туркменского филиала Академии Наук СССР не было даже ни одного фрагмента оссуариев.

Археологические исследования, широко развернувшиеся в Туркменистане при Советской власти, дополнили эти скудные данные рядом сообщений о находках оссуариев в низовьях Аму-Дарьи, т. е. на территории древнего Хорезма.

В 1929 г. А. Ю. Якубовский нашел на городище Миздахкан, в 25 км от г. Куня-Ургенча, на левом берегу Аму-Дарьи, «неполивные черепки оссуарного типа» толщи-

[1] В. В. Бартольд, К вопросу об оссуариях Туркестанского края, «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», 1908, № 8, стр. 68. О раскопках А. В. Комарова см. в статье «Закаспийская область в археологическом отношении», напечатанной в газ. «Новости», 1888, №№ 62 и 65 и в газ. «Туркестанские ведомости», 1888, №№ 24—25.

[2] К. Иностранцев, К изучению оссуариев, «Записки Вост. отд. имп. Русск. Археологического о-ва», т. XVIII, вып. 1, стр. 064—067.

ной в 1,7 см грубого теста с большой примесью песка, с орнаментом или елочного типа в глубоко врезанных бороздах, или в виде рельефных полосок с косыми насечками[1].

Сомневаясь в том, происходят ли эти черепки от оссуариев, А. Ю. Якубовский сообщает сведения о найденных в том же 1929 г. в Чимбайском районе Кара-Калпакской АССР (т. е. на правом берегу Аму-Дарьи) оссуариях «нового типа, известного только в Хорезме». К их числу он относит три оссуария, привезенные этнографом А. Л. Милковым в Русский музей, имеющие «четырехугольную форму, ножки, четырехскатные крышки без орнамента» и сделанные «из алебастра».

В 1938 г. во время работ Хорезмской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Академии Наук СССР на территории Кара-Калпакской ССР вдоль восточной стены городища Топрак-Кала (с ее внутренней стороны) было обнаружено большое кладбище оссуариев, имеющих вид «небольших прямоугольных глиняных ящиков на ножках с выпуклыми крышками с круглой ручкой посредине». По мнению начальника экспедиции С. П. Толстова, такая форма оссуариев является характерной для Хорезма. Кроме того, «большое количество фрагментов аналогичных оссуариев, частью из алебастра» было собрано экспедицией с развалин близ городища Беркут-Кала[2].

В 1939 г. Хорезмская археологическая экспедиция произвела обследование древних поселений Ташаузской области Туркменской ССР. На городище Калалы Кыр I, в 70 км к западу от г. Ташауза, были обнаружены «развалины большого многокомнатного кирпичного погребального здания». «На его поверхности найдены фрагменты глиняных оссуариев, а в шурфе, заложенном в одной из комнат,—погребения в хуме. Тонкостенные, украшенные лепным орнаментом в виде жгутов с косыми насечками оссуарии сходны с оссуариями Миздахкана и согдийскими оссуариями»[3].

В 1946 г. начальником экспедиции № 5 по обводнению и освоению пустыни Кара-Кумы К. И. Божко были найдены оссуарии на уже упомянутом нами городище Калалы Кыр I. Один из оссуариев был им доставлен в гор. Ташауз. По заданию Института истории, языка и литературы Туркменского филиала Академии Наук СССР нами было произведено обследование места находки оссуариев.

Городище Калалы Кыр I расположено в песках пустыни Кара-Кумы на большой плоской возвышенности (слово «кыр» у местных туркмен означает плоскую возвышенность) у пересохшего канала Чермен—Яб, к северу от него, имеет форму прямоугольника размером около 1000×720 м (по данным измерения, произведенного Хорезмской экспедицией) и окружено четверной стеной с внутренними помещениями, которые использовались как жилье. По мнению С. П. Толстова, такие «городища с жилыми стенами» представляют собой наиболее древний тип античных городищ Хорезма и могут быть датированы «ахеменидским временем или, может быть, VI—III вв. до н. э.»[4].

Место, на котором К. И. Божко обнаружил оссуарии, находится в северо-западной части городища, к северу от развалин большого кирпичного здания. Оссуарии располагались цепью один за другим в земле вдоль западной стены городища, с внутренней ее стороны, примыкая вплотную длинными сторонами к стене, а короткими

---

[1] А. Ю. Якубовский, Городище Миздахкан, «Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Академии Наук СССР», т. V (1930), стр. 563—564.

[2] С. Толстов, Древнехорезмийские памятники Кара-Калпакии, ВДИ, 1939, № 3, стр. 185.

[3] С. Толстов, Древности Верхнего Хорезма (основные итоги работ Хорезмской экспедиции ИИМК в 1939 году), ВДИ, 1941, № 1, стр. 178.

[4] С. П. Толстов, Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма (Предварительные итоги работ Хорезмской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Академии Наук СССР в 1940 г.), ВДИ, 1946, № 1, стр. 67.

друг к другу. На поверхность земли выступали верхние части каменных оссуариев без крышек, фрагменты крышек лежали на земле возле них.

К северу от оссуария, доставленного К. И. Божко в Ташауз (оссуарий № 1), непосредственно к нему примыкая, находился каменный оссуарий значительно большего размера (оссуарий № 2), а еще дальше к северу—также каменный оссуарий несколько меньшего размера (оссуарий № 3). Далее в этой цепи оссуариев видны были выступающие на поверхность земли фрагменты глиняного сосуда, оказавшегося при последующем его осмотре также оссуарием. По словам К. И. Божко, в оссуарии № 1 были кости двух человек, эти кости были им вынуты из оссуария и оставлены на месте, а в оссуарии № 2, по его словам, находились кости 5 человек. В момент осмотра нами места находки вынутые им из оссуария № 1 кости отсутствовали совершенно, а в оссуарии № 2 удалось обнаружить только два черепа и много человеческих костей плохой сохранности, смешанных с землей. Оссуарий № 3 был наполнен до самого верха землей. Оба каменных оссуария и фрагменты глиняного оссуария были извлечены из земли и доставлены в Ташауз.

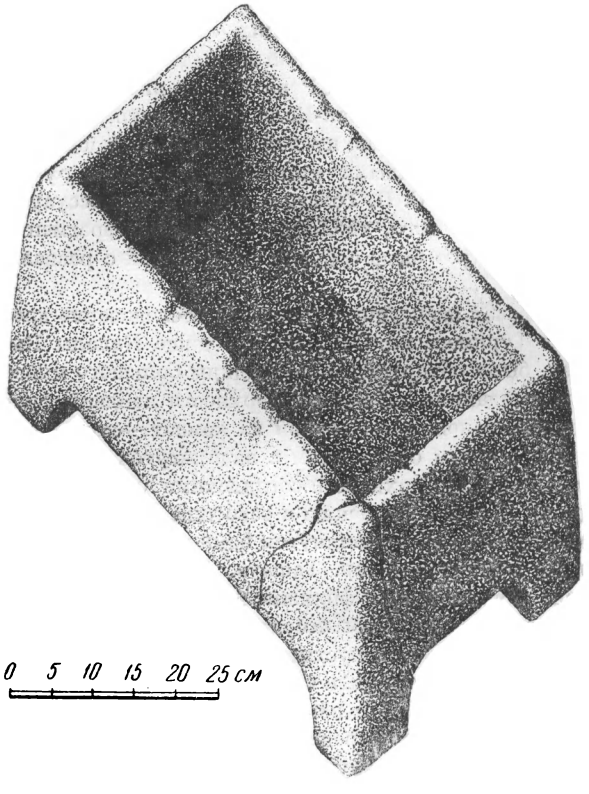


Рис. 1. Оссуарий № 1 с городища Калалы Кыр I.

Все 3 каменных оссуария изготовлены из серого песчаника и имеют вид ящиков прямоугольной формы, книзу они несколько расширяются. Каждый из них высечен из цельного куска камня; такой способ их изготовления соответствует предписаниям зороастрийской религии[1].

Оссуарий № 1 (рис. 1) имеет в длину 60 см., в ширину—35 см; его наружные стенки несколько наклонены внутрь, и поэтому размеры его верхней части сокращаются до 58×33 см. Толщина стенок в верхней части оссуария составляет 3—3,5 см., в нижней части они значительно толще. Оссуарий имеет ножки высотой около 5 см, высота всего оссуария вместе с ножками составляет 28 см. Крышка оссуария, также изготовленная из песчаника, разбилась на несколько частей. Сохранившиеся 4 фрагмента крышки дают возможность восстановить ее размеры и форму (рис. 2). Длина крышки достигает 57 см, ширина—32 см, толщина—4 см. Снаружи крышка имеет форму цилиндрической поверхности, обращенной выпуклостью кверху, короткие стороны крышки ограничены сегментными поверхностями высотой около 8 см. На верхней поверхности крышки вырезан орнамент в виде выпуклой полосы шириной около 3 см, окаймляющей поверхность крышки вдоль ее краев, и двух таких же полос, проходящих вдоль и поперек крышки через ее середину и крестообразно пересекающихся между собой.

[1] К. Иностранцев, Туркестанские оссуарии и астоданы, «Записки Вост. отд. имп. Русск. Археологического о-ва», т. XVII (1907), стр. 0167.

В верхних частях стенок коротких сторон оссуария у их середины имеются сквозные отверстия около 1 см в диаметре; такие же отверстия имеются и в соответствующих местах боковых сторон крышки оссуария. Назначение этих отверстий ясно,—ими пользовались для прикрепления крышки к оссуарию.

Оссуарий № 2 (рис. 3) по своим размерам значительно превосходит оссуарий № 1; при извлечении из земли он раскололся на 3 части. Длина его в нижней части достигает 89 см, ширина—54 см, в верхней части его размеры не превышают 86 см в длину и 52 см в ширину. Оссуарий № 2 также имеет ножки, высота которых достигает 6 см; высота всего оссуария составляет 35 см. Толщина стенок в верхней части оссуария колеблется в пределах 3,5—4,5 см, в нижней части доходит до 7,5—8 см, толщина дна составляет 5—6,5 см.

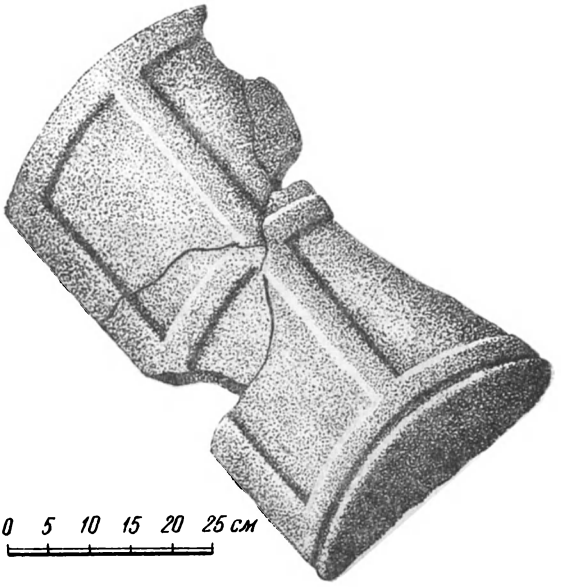


Рис. 2. Крышка к оссуарию № 1 с городища Калалы Кыр I.

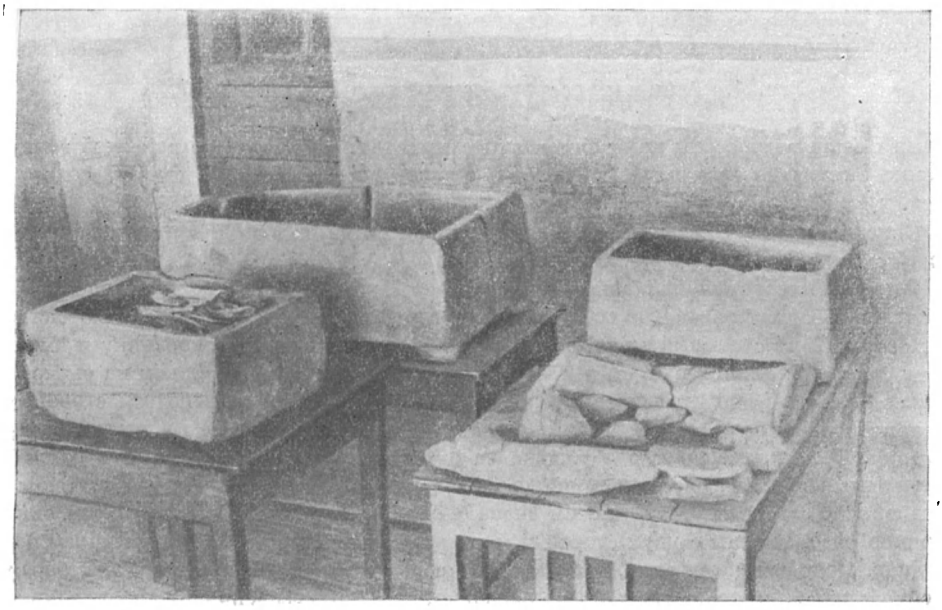


Рис. 3. (Справа налево) оссуарий № 1, крышка к оссуарию № 1, фрагменты крышек к оссуариям № 2 и № 3, оссуарий № 2, оссуарий № 3 с найденными в нем костями.

В стенках оссуария имеются отверстия такие же, как и в оссуарии № 1, в одном из этих отверстий сохранились следы окиси железа и часть железного стержня, служившего, очевидно, для прикрепления крышки. Крышка к этому оссуарию не сохранилась, от нее осталось только несколько разрозненных фрагментов.

Оссуарий № 3 (рис. 3) отличается от двух других оссуариев меньшей длиной и отсутствием ножек. Длина его 53 см, ширина—43 см, в верхней части его размеры достигают 51×41 см. Высота оссуария—25 см, толщина его стенок в верхней части—3 см. В верхних частях стенок этого оссуария имеются такие же отверстия, как и в двух других оссуариях. От крышки этого оссуария сохранилось только несколько фрагментов. На фрагментах крышек оссуариев № 2 и № 3 имеется орнамент такого же типа, как и на крышке оссуария № 1, т. е. выпуклые полосы, пересекающиеся между собой (рис. 3). Оссуарий № 3 до самого верха был наполнен землей с человеческими костями. Наверху лежали фрагменты двух черепов плохой сохранности, отдельные

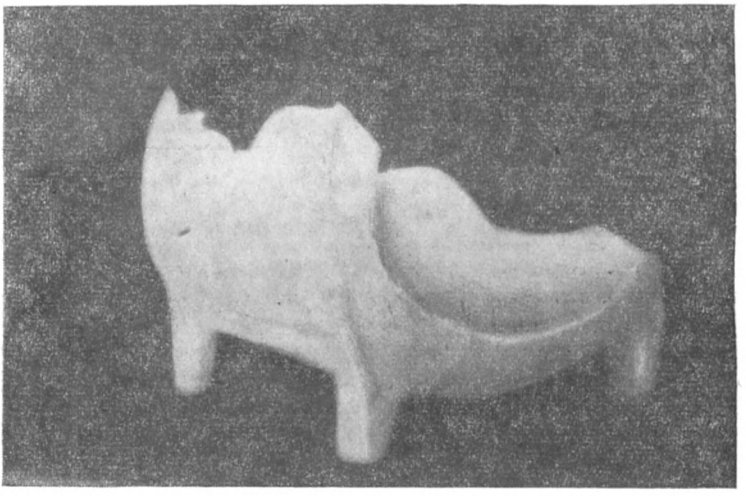


Рис. 4. Глиняный оссуарий с городища Калалы Кыр I.

части их были разбросаны по всей поверхности оссуария. На дне его в желтой глине лежали аккуратно сложенные длинные кости конечностей, также плохой сохранности.

Описанные нами 3 оссуария в настоящее время хранятся в историческом кабинете Ташаузского учительского института.

Глиняный оссуарий, найденный на городище Калалы Кыр I, целиком не сохранился, из фрагментов можно собрать и реконструировать только его нижнюю часть. Этот оссуарий по своему виду напоминает небольшой бочонок или корзинку и имеет форму цилиндра длиной в 35 см и 27—30 см в диаметре, лежащего боком на четырех ножках (рис. 4). Одно из оснований этого цилиндра является передней стороной оссуария и имеет большое отверстие около 22 см в диаметре, ведущее во внутренность оссуария. Это отверстие было обращено на юг, когда оссуарий стоял на городище. В стенке оссуария, на расстоянии около 1—1,5 см от края этого отверстия, находятся маленькие сквозные отверстия, имеющие около 0,3 см в диаметре. Два из них симметрично расположены с двух сторон у ножек оссуария, третье находится внизу посередине. Подобные отверстия, вероятно, были и в верхней части оссуария, которая не сохранилась, и предназначались, очевидно, для прикрепления крышки, закрывавшей доступ во внутренность оссуария. На наружной поверхности оссуария налеплены глиняные валики с насечками, идущие вдоль оссуария с обеих сторон его от одной ножки к другой, и опоясывающие оссуарий в трех местах: спереди, в середине и сзади. Оссуарий изготовлен из красной глины и хорошо обожжен, толщина его стенок около 1 см. Один из боков оссуария (справа от отверстия) и часть его нижней поверхности покрыты белым ангобом, по которому проходят бледные и слабо выраженные полоски красного ангоба шириной в 2—3 см. Эти полоски опоясывают оссуарий в нескольких местах и проходят по его нижней поверхности из угла в угол, пересе-

каясь между собой в середине. На остальной части поверхности оссуария белый ангоб отсутствует, но в некоторых местах заметны следы красного ангоба.

Заслуживает внимания небольшая длина оссуария, всего 35 см. Это обстоятельство, если учесть размеры бедренной кости человека, самой длинной из костей человеческого скелета, имеющей длину в среднем около 45 см, приводит нас к выводу, что оссуарий предназначался для хранения костей не взрослого человека, а ребенка. Может быть, в связи с этим оссуарию и была придана форма, несколько напоминающая детскую колыбель, подвешенную на веревках.

Этот оссуарий в настоящее время поступил на хранение в Музей краеведения Туркменского филиала Академии Наук СССР, находящийся в гор. Ашхабаде.

Рассмотренные нами оссуарии с городища Калалы Кыр I имеют некоторые черты сходства с другими оссуариями, найденными в низовьях Аму-Дарьи, как, например, наличие ножек, орнамент на глиняных оссуариях в виде валиков с насечками и др.

Вместе с тем сравнение оссуариев, найденных на городище Калалы Кыр I, с оссуариями из Ташкента и Самарканда показывает, что они существенно различаются между собой; таким образом, мы можем установить факт существования различных типов оссуариев и выделить оссуарии древнего Хорезма в особую группу.

Известен еще один тип оссуариев—оссуарии южноиранские, сходные по своему внешнему виду с хорезмийскими. К этому типу можно отнести оссуарии (один каменный и два глиняных), найденные в начале XIX в. в г. Бушире на берегу Персидского залива. Сведения об этих оссуариях сообщает К. Иностранцев в своих статьях, опубликованных в 1907 г.[1]

Каменный оссуарий из Бушира имеет вид ящика длиной в 70 см, шириной в 35 см, высотой в 25 см, толщина его стенок около 2,5 см. Он изготовлен из цельного куска камня, покрыт крышкой также из цельного куска, на четырех стенках оссуария и на крышке имеются отверстия для прикрепления крышки к оссуарию. Этот оссуарий сходен с оссуарием № 1 с городища Калалы Кыр I, отличаясь от него только несколько большей длиной, отсутствием ножек и орнамента на крышке.

Глиняные оссуарии из Бушира, подобно глиняному оссуарию с городища Калалы Кыр I, имеют вид бочонка, но отличаются значительно большей длиной, так как они, очевидно, предназначались для хранения костей взрослого человека, а не ребенка. Длина этих оссуариев достигает 91,5 см, диаметр—26,5 см, толщина стенок 0,75—1,25 см, диаметр отверстия во внутренность оссуария—8,25 см. Орнамент на поверхности оссуария и ножки отсутствует.

Приведенные данные подчеркивают взаимную близость южноиранских и хорезмийских оссуариев. Как в древнем Хорезме, так и в Южном Иране были в употреблении оссуарии двух видов: каменные в форме прямоугольного ящика и глиняные в форме бочонка.

Необходимо подвергнуть тщательному изучению оссуарии, найденные на территории древнего Хорезма, и выявить все характерные черты, свойственные этому типу оссуариев.

С. А. Вязигин

Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г.

Археологические исследования на территории Бурят-Монгольской АССР и в соседних с ней районах Восточной Сибири были начаты участниками великих русских экспедиций уже в первой половине XVIII ст. Они продолжались затем Кастреном, Давыдовым и другими исследователями. Большие работы в этой области были осуще-

[1] К. Иностранцев, Туркестанские оссуарии и астоданы. «Зап. Вост. отд. имп. Русск. Археолгич. о-ва», т. XVII (1907), стр. 0166—0171, «К изучению оссуариев, там же, т. XVIII, вып. 1 (1907), стр. 064—067.

ствлены в конце XIX ст. Талько-Грынцевичем на Селенге. Но наибольшие успехи в археологическом изучении территории БМАССР и смежных с ней районов Иркутской и Читинской областей, заселенных бурятами, были достигнуты только после Октябрьской революции, когда они получили невиданный размах и совершенно новое содержание, стали проводиться на основе передовой методологии и получили правильное идейное направление. Таковы работы Г. Ф. Дебеца, М. М. Герасимова, Г. П. Сергеева, А. П. Окладникова и, в особенности, двухлетние работы специальной археологической экспедиции Академии Наук СССР, работавшей под руководством Г. П. Сосновского в 1928 и 1929 гг.

Однако, несмотря на значительный археологический материал, собранный в результате перечисленных исследований, археологическая изученность даже и центральных районов республики остается далеко еще недостаточной и неполной. В ряде же районов ее до сих пор не производилось даже разведочных археологических исследований, хотя несомненно, что они могут дать много важных и интересных открытий.

Ряд больших и важных исторических и историко-культурных проблем, связанных с археологическими памятниками республики, остается до сих пор неразработанным или выясненным совершенно недостаточно.

Первая из этих проблем—о каменном веке, о палеолитических памятниках Бурят-Монгольской АССР. Изучение этих памятников должно ответить на вопрос о первоначальном заселении этой территории человеком и об отношении его культуры к культурам других областей Азии и Европы, а вместе с тем и о роли палеолитических культур Забайкалья и Прибайкалья в мировой истории того времени.

Вторая проблема—изучение многочисленных памятников зрелой неолитической культуры на территории республики, выяснение подлинного характера и распространения этих памятников, а также последовательности смены отдельных этапов неолитической культуры. С этим связаны такие важные вопросы, как проблема происхождения скотоводческой культуры в Северной Азии.

Третья проблема—изучение памятников бронзового века, широко распространенных в Бурят-Монголии. Оно должно показать особо важное значение местных племен бронзового века в связях, имевших место более двух тысяч лет назад между древним Китаем, с одной стороны, Сибирью и Европой—с другой («карасукские» памятники Забайкалья и их отношение к одновременным памятникам южной Сибири и к памятникам раннединастического Китая, «скифские» памятники Бурят-Монголии и памятники эпохи Чжоу в Китае, скифские памятники Сибири и Восточной Европы).

Четвертая проблема связана с изучением памятников гуннского времени, в том числе не только погребениями типа найденных Талько-Грынцевичем в Ильмовой пади или Дэрестуйском Култуке на р. Джиде, но и с единственными в своем роде укрепленными поселениями-городищами вблизи устья реки Нижней Иволги. Изучение этих замечательных памятников двухтысячелетней давности поможет разрешить проблему возникновения первых кочевнических государств в Азии и будет содействовать выяснению взаимоотношений гуннского центра с его периферией, с соседними, более отсталыми племенами Забайкалья и Прибайкалья и более отдаленными областями.

Особо важное значение имеет, наконец, изучение раннетюркских, раннемонгольских и древнебурятских памятников, которое является наиболее отсталым разделом археологических исследований в Бурят-Монгольской АССР. Работы в этой области должны осветить древнейшие судьбы монгольских племен, о которых молчат письменные источники, возникновение самой монгольской империи и, что особенно важно, исторические судьбы бурят-монголов, не имевших до недавнего времени собственной письменности.

Простой случайностью, должно быть, следует объяснить тот факт, что на территории Бурят-Монгольской АССР, едва ли не единственной в этом отношении среди других республик в составе РСФСР, археологические работы заглохли и временно прекратились после окончания академической экспедиции 1928—1929 гг. и работ Г. П. Сергеева, осуществленных местным музеем в 1935—1936 гг.

Только летом 1947 г. начала свои полевые исследования организованная, согласно

постановлению Совета министров БМАССР, Бурят-Монгольская археологическая экспедиция, в которой принял участие Институт истории материальной культуры АН СССР. Работы экспедиции за полевой сезон 1947 г. были развернуты в трех районах, изучение археологических памятников которых представляет сейчас наибольший интерес для выяснения ранней истории племен и народов, населявших в прошлом территорию республики и, в первую очередь, бурят-монгольского народа.

На первом этапе своей работы экспедиция выехала в Качугский район Иркутской области, издавна заселенный бурятами.

Этот район представляет большой интерес для изучения вопроса о происхождении и прошлом бурят-монгольского народа, как местопребывание эхирит-булагатов, предки которых упоминаются в древнейших письменных документах, относящихся

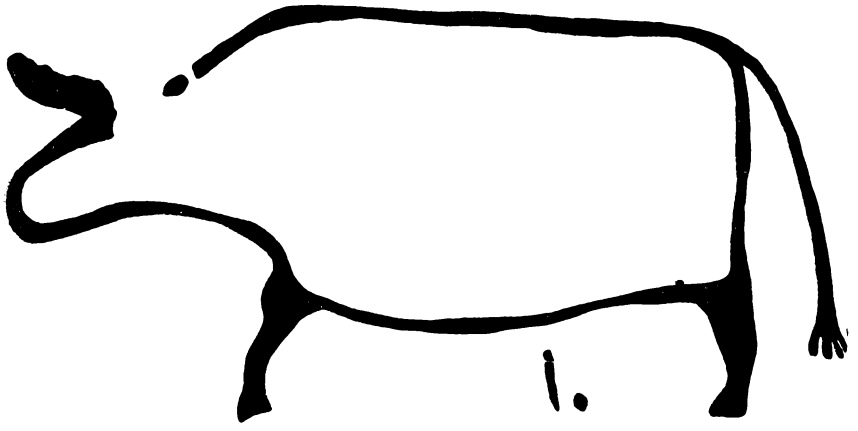


Рис. 1. Палеолитическое изображение быка. Шишкино.

к истории монголов. Здесь же находится такой исключительный по своей научной ценности археологический памятник, каким является писаная гора, вблизи деревни Шишкино, в 18 км ниже Качуга, с которой связаны предания и мифы, касающиеся прошлого ленских бурят-монголов и якутов-сахаларов.

Наскальные изображения шишкинской «шаманки», т. е. священной горы ленских бурят, пользовавшейся в недавнем прошлом глубоким почитанием всех шаманистов, стали известны в науке еще около двухсот лет назад, когда историк академик Г. Ф. Миллер видел широко известные в то время наскальные рисунки «между Качегой и Верхоленском». Снова они были открыты автором настоящего отчета в 1929 г.

Эти изображения и явились предметом специального тщательного изучения и фиксации в 1947 г. Как показало изучение шишкинских писаниц, они являются единственными в Северной Азии по своему обилию, разнообразию и культурно-исторической ценности. Высокие уступы шишкинских скал, протянувшиеся вдоль правого берега Лены более чем на 2 км, оказались своего рода огромной картинной галлереей, в которой сохранились сотни самых разнообразных по технике исполнения, по стилю и содержанию изображений различной давности. Среди них на первом месте следует отметить группу самых древних изображений. Еще в 1941 г. мной было открыто здесь огромное изображение дикой лошади, длиной 2,8 м. В 1947 г. при тщательном изучении всей площади скалистых обрывов шишкинской горы мне удалось обнаружить еще два рисунка такого же рода и стиля, изображающих жеребенка и вымершего дикого быка—бизона (рис. 1). Сюжеты этих изображений и их стилевые особенности ясно показывают, что рисунки выполнены рукой первобытного художника древнекаменного века, древнего палеолитического мастера, жившего, вероятно, около 10—15 тысяч лет назад. Они являются первыми и пока единственными в Северной Азии образцами палеолитических росписей и свидетельствуют, что, вопреки ложным расистским тео-

риям, такое искусство существовало не только в Западной Европе, но и в глубине азиатского материка.

На шишкинских скалах имеются прекрасные образцы зрелого реалистического мастерства художников последующего, неолитического времени. Оно представлено

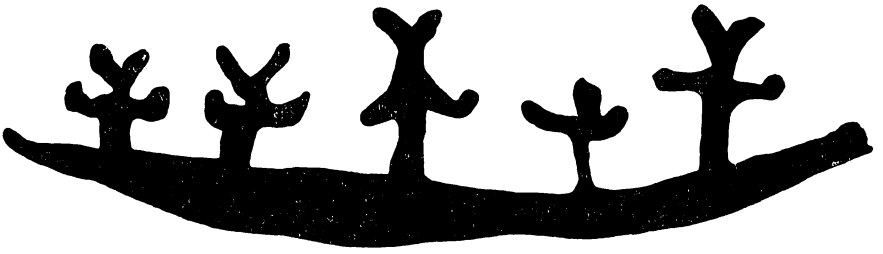


Рис. 2. Изображения лодок. Шишкино.

большими, часто приближающимися к натуральному размеру, фигурами животных, сохранившихся до наших дней лесных обитателей—лосей. Неолитические писаницы удивительно жизненно и верно передают облик этих могучих животных, охота на которых была главным источником существования неолитических охотников.

К следующей культурно-исторической эпохе, к бронзовому и раннему железному веку, относятся новые и чрезвычайно своеобразные наскальные изображения, выполненные темномалиновой, пурпурной краской. На них изображены совершенно новые

Рис. 3. Курыканская писаница. Изображение всадников. Шишкино.

сюжеты, несравненно более сложные и богатые, чем прежде. Такова целая процессия лодок, плывущих одна за другой (рис. 2). В каждой из них видны люди, стоящие с молитвенно воздетыми к небу руками. Эта процессия сильно напоминает аналогичные наскальные изображения Западной Европы, имеющие связь с культом мертвых и солнечного божества, широко развитым в древности в странах классического Востока, в особенности в Египте, где солнечная ладья и ладья мертвых были непременным атрибутом культа умирающего и воскресающего божества растительности Озириса.

Сюда же, в круг новых религиозных идей и образов нового мировоззрения, выросшего на почве социальных отношений отцовского рода и патриархально-родовых

отношений, входит уникальное изображение космического чудовища-дракона, глотающего солнечный диск.

Не меньшую научную ценность представляют чрезвычайно многочисленные рисунки первого и начала второго тысячелетий нашей эры, имеющие прямое отношение

Рис. 4. Курыканская писаница. Шишкино.

к предкам якутов и сменившим их на Лене бурят-монголам. Это преимущественно любовно вычерченные фигуры лошадей, воинов-витязей, военные и охотничьи сцены. Характерные стилевые особенности таких рисунков отражают связи древних жителей Средней Лены в средневековое время с передовыми культурными странами Востока,

Рис. 5. Курыканская писаница. Изображение пеших людей. Шишкино.

с сассанидским Ираном, с Китаем вэйского и танского времени, а также с еще более отдаленной Византией, осуществлявшиеся при посредстве различных соседних тюркских народностей, в частности, енисейских кыргызов (рис. 3, 4, 5, 6).

На многих рисунках изображены сцены перекочевок каких-то скотоводов на запряженных волами кибитках особого рода. Такими, очевидно, и были кибитки древних монголов, описываемые в источниках XIII—XV вв., а также в «Сокровенном сказа-

нии». Здесь, повидимому, отражен момент появления на Лене кочевников, предков современных бурят-монголов.

Как известно, именно писаные шишкинские скалы являлись одним из важнейших культовых центров бурятских племен. Здесь, по воззрениям шаманистов, пребывал грозный Хара-Ажирай, властитель реки Лены. В культе Хара-Ажирая слышны удивительные по яркости отзвуки былых столкновений якутов и бурят на Лене, о которых сообщают предания.

Закончив свои работы в Шишкино, основной целью которых была подготовка специальной монографии к юбилею республики, экспедиция выехала в Улан-Удэ, а затем вверх по Селенге.

В долине Селенги работы были начаты посещением Кяхтинского краеведческого музея, являющегося подлинной гордостью республики во всех отношениях, в том числе и по своему драгоценному собранию археологических находок, содержимых

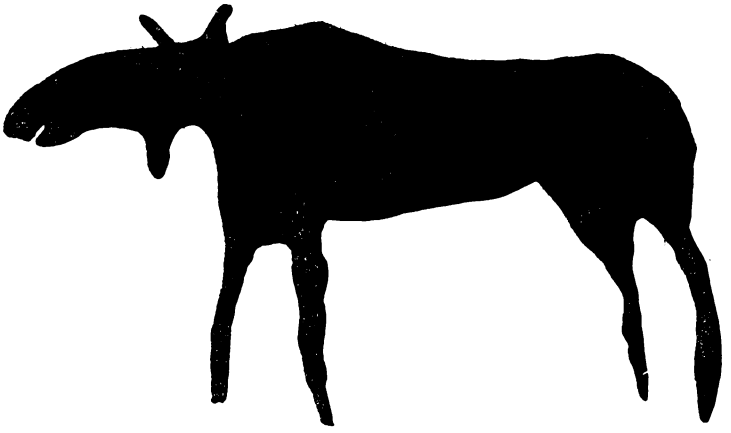


Рис. 6. Курыканская писаница. Изображение лося. Шишкино.

в образцовом порядке. Здесь, помимо тщательного ознакомления с коллекциями музея, была изучена любопытная древняя стела скифо-сибирского стиля, покрытая орнаментализованными фигурами оленей и впоследствии дополненная изображением человеческого лица, т. е. переоформленная уже в виде «каменной бабы».

Работами экспедиции зарегистрирован ряд новых интересных пунктов, где распространены каменные орудия древнейшего человека палеолитического времени. Едва ли не самыми интересными из них по характеру залегания культурных остатков оказались поселения вблизи современного поселка Усть-Кяхта, давно уже известного в литературе обилием археологических памятников. Палеолитические культурные остатки залегали здесь в лессовидных толщах второй надпойменной террасы, в ненарушенном залегании, а не на выдувах, как на всех других палеолитических поселениях Забайкалья. Вместе с каменными орудиями палеолитического типа здесь оказались также и кости животных, тогда как прежде бесспорной связи каменных палеолитических предметов с фаунистическими остатками установить не удавалось, по той причине, что находки происходили с выдувов, а не из слоя.

Среди обычных следов поселений на выдувах особенный интерес представляют находки вблизи ст. Нянги, где на обширной площади выдувов оказалось почти целиком обнаженным от покрывавшей его рыхлой почвы большое позднепалеолитическое поселение с характерным каменным инвентарем из черного кремнистого сланца, выразительно характеризующим технику изготовления и типы каменных орудий этого времени. Среди многочисленных каменных изделий в Нянги оказались, например, превосходные нуклеусы мустьерского типа-диски, такие же «мустьероидные» скребла и замечательный остроконечник. По яркости этот материал не уступает находкам на классической для позднего палеолита стоянке у Красноярска—Афонтовой Горе.

К следующему культурно-историческому периоду относятся находки в ряде пунктов по Селенге. Как выяснилось, неолитические памятники на Селенге являются значительно более редкими и менее многочисленными, чем поселения предшествующей эпохи. Это, возможно, объясняется особыми условиями их залегания. В то время как палеолитические стоянки размещены на древних высоких террасах, сложенных супесью и легко развеваемых ветром, неолитические люди селились на более низких надпойменных террасах, сложенных плотными отложениями, не столь легко поддающимися действию ветра. Тем не менее в долине Селенги обнаружено несколько новых неолитических стоянок со своеобразной керамикой. Последняя показывает, как и находки на давно уже известной Березовской стоянке, что, вопреки старым нашим представлениям, уже нельзя более говорить о полной идентичности забайкальского неолита прибайкальскому, хотя между ними и существует несомненная общая связь.

Исключительный интерес представляют найденные на ряде выдувов остатки керамики совершенно особого рода—фрагменты глиняных сосудов с тремя ножками-подставками. Для них характерна и своеобразная орнаментация, которую по первым находкам в местности Хара-Бусун следует назвать харабусунской. Сосуды такого типа являются специфической особенностью древнейших культур Китая, южной Монголии и южной Манчжурии, где они появляются уже в древнейших памятниках местного неолита и существуют до конца чжоуского времени, сменяясь впоследствии такими же триподами, но только лишь культовыми и не из глины, а из бронзы (типов ли и дин). Некоторые из подобных находок на территории Бурятии отличаются весьма архаическими чертами, сближающими их с наиболее древними подобными сосудами Дальнего Востока—вплоть до древнейшей керамики из неолитических поселений типа Яншао. Остальные же могут относиться и к бронзовому веку, свидетельствуя о каких-то культурных связях с Дальним Востоком и для данного времени, что вполне естественно, если учесть географическое положение Селенгинского края—по дороге к Китаю и Монголии, а также и последующие исторические события, в ходе которых население Забайкалья постоянно находилось в тех или иных взаимоотношениях с Китаем.

Эпохе бронзы принадлежат едва ли не самые многочисленные на территории Селенгинского края погребальные памятники в виде так называемых «плиточных могил», т. е. своеобразных каменных ящиков, обычно прямоугольной формы, из каменных плит, поставленных на ребро, а также давно известные в литературе, но очень плохо еще изученные археологами «оленные камни».

К сожалению, нет, повидимому, ни одной плиточной могилы неразграбленной. Грабители обыкновенно не ограничивались тем, что извлекали весь погребальный инвентарь, они выбрасывали кости покойника, забрасывая снова пустую внутренность могилы камнями и землей. Тем важнее находка в одной из плиточных могил целого черепа захороненного в ней человека. Эта находка позволит гораздо увереннее, чем прежде, судить о физическом типе и антропологической принадлежности населения Забайкалья в эпоху бронзы, о том, каковы именно были эти загадочные «динлины» китайских летописей чжоуского времени. Как установил Г. Ф. Дебец, это был не «европеоид», а типичный представитель монгольского типа.

Не менее интересны и случайно уцелевшие в некоторых разграбленных в древности могилах изделия, в том числе наконечники стрел и впервые найденные здесь остатки самого лука. Это был лук сложного типа, наиболее близкий по своей конструкции к короткому «сигмовидному» луку скифов Причерноморья, о котором сообщают античные авторы.

Около одной наиболее обширной плиточной могилы оказалась чрезвычайно интересная каменная стела «эмбриональной формы», представляющая не обычную плиту, сплошь покрытую художественно выполненными фигурами оленей, а простой камень, на вершине которого по обеим сторонам высечены небольшие круги, несомненно, изображающие глаза «вишапа», т. е. чудовища, данного здесь в наиболее примитивном виде. Возможно, что эта стела является древнейшей из всех остальных известных в настоящее время археологам.

Памятники железного века, обследованные в долине Селенги, кроме многочисленных дюнных находок и замечательного гуннского городища на Н. Иволге, где была вновь обнаружена одна из характерных для него землянок, огороженных каменными плитами, представлены главным образом могилами двух типов. К первому типу относятся большие каменные курганы с круглой или четырехугольной оградкой из вкопанных в землю больших камней. Такие курганы обыкновенно сопровождаются кольцами из небольших камней. Раскопка одного каменного кургана показала, что он был целиком разграблен в древности; между камнями, однако, уцелела одна железная пластинка от лат обычного азиатского типа. Ко второму типу принадлежат

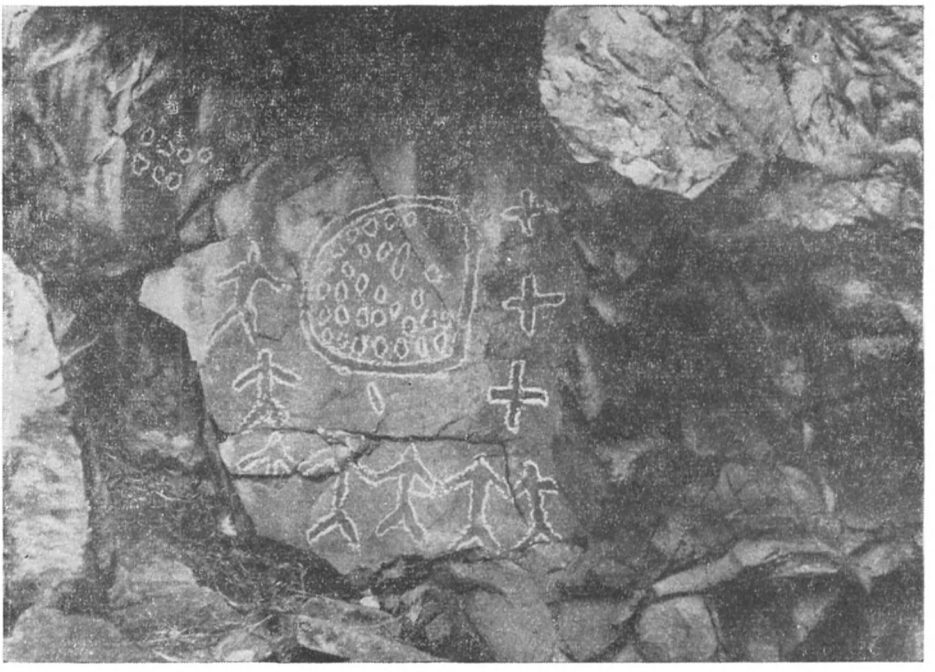


Рис. 7. Наскальный рисунок на Селенге. Изображение магического круга.

могилы поздних кочевников с овальной насыпью из небольших камней. Такие могилы очень бедны находками. В некоторых из них найдены все же весьма интересные предметы (в том числе один глиняный сосуд), полнее освещающие быт кочевнических племен. Грабители не трогали эти бедные вещами могилы, и в них полностью сохранились костяки людей, имеющие большое значение для антропологических исследований.

Последняя группа археологических памятников на Селенге, обнаруженных работами 1947 г.,—наскальные изображения. Вопреки обычным представлениям, долина Селенги дала неожиданно много таких изображений. Все они выполнены красной минеральной краской—охрой и имеют много общего в стилистической манере и в содержании. На скалах изображены обыкновенно характерно стилизованные человеческие фигурки и реже изображения животных. Очень часто повторяется одна и та же сложная композиция, изображающая магический круг, охраняемый человечками, в которых следует видеть духов-охранителей рода (рис. 7). Имеются также изображения рогатых антропоморфных фигур, должно быть, шаманов (рис. 8).

Для определения возраста этих изображений важно, что они часто совпадают с местонахождениями плиточных могил, а на одном из таких рисунков уцелел фрагмент изображения чаши, напоминающий по форме скифский котел. К этому времени, вероятно, относится значительная часть наскальных изображений, но есть, несомненно, и более ранние и более поздние рисунки.

Кроме работ на Селенге и Лене, особым отрядом экспедиции, были осуществлены археологические исследования также в районе Алари и Балаганска. Основное внимание отряда было уделено поискам и копированию замечательных наскальных рисунков на горе Хашкай около с. Нукуты, известных еще с конца XIX ст., но до сих пор не описанных и не изданных. Писаницы эти обнаруживают черты особого стиля и могут быть разделены на две хронологические группы. Аларским отрядом также велись поиски старинных бурятских погребений, в результате которых выяснилось совершенно неожиданное обстоятельство, что буряты в старину хоронили мертвых в каменных могилах, чрезвычайно похожих на ящики плиточных могил. Одновременно были обследованы также древние городища, которыми богат этот район. Как показывает найденная там керамика, городища в массе датируются курумчинским временем, т. е. относятся к I тысячелетию нашей эры и, может быть, к самому началу II тысячелетия, до проникновения на Ангару и Лену кочевников монгольского происхождения из Забайкалья. Это были укрепленные поселения племени курыканов или, по данным китайских летописей, гулиганей.

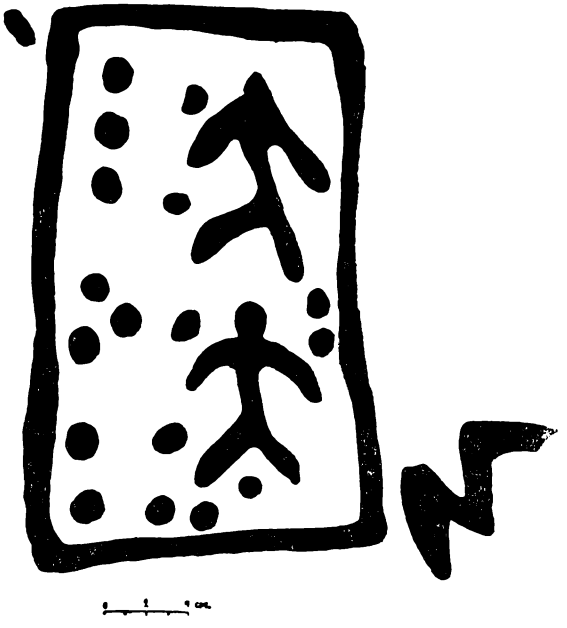


Рис. 8. Рисунок на скале. Долина Селенги.

Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции, развернутые в трех наиболее интересных районах, дали, таким образом, новый обширный и разнообразный материал по ранней истории республики.

Вместе с тем они показывают, что известное отставание, имевшееся в области археологического изучения территории БМАССР и соседних с ней районов, начинает преодолеваться. Работы экспедиции в 1949 и 1950 гг. должны быть только началом систематической и постоянной работы по археологии БМАССР. На очереди—археологическое обследование новых, еще совершенно не изученных в археологическом отношении районов республики, в том числе северных. Необходимы также аналогичные работы в бассейне р. Онона и в Тунке, столь важные для изучения ранней истории монгольских племен и народов вообще.

А. П. Окладников

Статуэтка «Медведицы» с о. Березани

В Археологическом музее г. Одессы среди находок с о. Березани находится весьма своеобразная терракотовая статуэтка с телом женщины и головой зверя (инв. III, оп. № 1). По сведениям, сообщенным М. Ф. Болтенко, статуэтка была найдена на о. Березани в 1904—1908 гг. А. Штерном. Никаких других данных о ней не имеется.

Статуэтка имеет небольшие размеры (около 6 см), сделана из тонкой, хорошо промытой, желтовато-коричневой с золотистыми блестками, повидимому, ионийской глины. Сохранность статуэтки в общем очень хорошая[1] (рис. 1).

[1] Имеется большой сбой на левом колене и несколько трещин.

Легко определяется дата и круг памятников, к которому принадлежит эта терракота, но ее сюжет необычен.

Статуэтка представляет собой весьма распространенный в архаический период тип сидящей на троне богини, но вместо женской головы она имеет голову зверя. Хотя

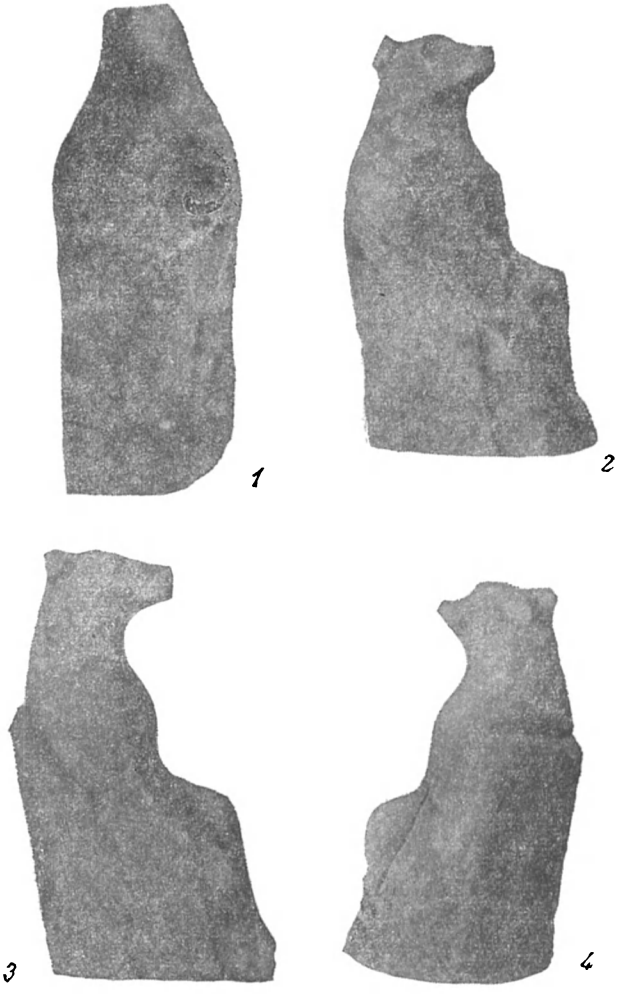


Рис. 1. Статуэтка «Медведицы».

голова исполнена очень суммарно, но ее силуэт, общие формы морды, уши и глаза явно напоминают медведя. Так изображена медвежья морда в более поздней (александрийской) карикатуре, представляющей бегство Энея с сыном и отцом из Трои.

Среди опубликованного материала терракот мне не удалось найти аналогий нашей статуэтке; надо думать, что аналогичные изображения имеются в обширном неопубликованном материале античных терракот, находящихся в музеях. Самый материал статуэтки, способ ее изготовления путем оттискивания в форме связан с большей или меньшей массовостью производства.

Наличие медвежьей головы заставляет предположить, что перед нами или посвященная Артемиде девушка, или сама богиня. Одним из распространенных культов Артемиды был культ ее, как покровительницы охоты и диких животных; к числу самых ранних греческих изображений «восточной Артемиды» относится бронзовая пластина из Олимпии, где Артемида представлена с 2-мя львами; обычным атрибутом

Артемиды-охотницы была также лань. Впервые в этолийских, позднее в аркадских и аттических мифах Артемида связывалась с вепрем и медведем; на о. Самосе Артемида называлась καπροφάγος, т. е. пожирающей кабанов, в жертву ей приносили кабанов[1].

В некоторых греческих народных культах служение Артемиде выражалось в формах, связанных со сказаниями о медведе Артемиды. Главную часть праздника Артемиды Бравронской составляло шествие девочек (от 5 до 10 лет, по мнению других, от 10 до 15 лет) к святилищу богини со жрицей во главе. Они двигались, исполняя ритуальный танец ἀρκτεία. Девочки назывались «медведицами» (ἄρκτοι); танец заключался в том, что девушки подвигались, подражая походке и движениям медведя. Во время этого праздника девочки надевали одежду шафранового цвета, возможно, заменившую прежнюю медвежью шкуру[2].

О происхождении этого праздника Свида рассказывает следующее: в Аттике на горе жил прирученный медведь; однажды, играя с ним, молодая девушка разозлила медведя и он сожрал ее; братья девушки убили медведя, тотчас же в Афинах появилась чума; оракул ответил афинянам, что они могут избавиться от чумы, если вместо убитого медведя, принадлежавшего Артемиде, они посвятят ей своих девушек; с этих пор ни одна девушка не выходила замуж, не побыв в течение ряда лет «медведицей», посвященной богине[3].

По одному из вариантов мифа, жертвоприношение Ифигении происходило в Бравроне, и Артемида положила на алтарь не лань, а медведицу; по другому варианту Артемида превратила Ифигению в медведицу; вероятно, и сама богиня почиталась когда-то в виде медведицы. Культ Артемиды Бравронской в Афинах включил в себя культ Артемиды-Тавропольы и Артемиды-Ифигении[4]. В храме Артемиды Бравронской находилось изображение Артемиды Таврической, по аттическому преданию унесенное из Тавриды Орестом и Ифигенией[5].

При тщательном рассмотрении статуэтки обращают на себя внимание следующи детали: поверхность морды и шеи постепенно переходит в плечи и спину, но на груди по линии ключиц и около рук эта поверхность резко ломается; кроме того, по правому плечу в низком рельефе спускается полоска, которая очень похожа на висящую лапу, —эти детали позволяют предположить изображение накинутой на голову медвежьей шкуры и определить статуэтку, как образ девушки—«медведицы».

Изображает ли наша статуэтка Артемиду или служительницу ее культа «медведицу»,—она является чрезвычайно важным памятником, иллюстрирующим культ Артемиды Бравронской. Единственным опубликованным изображением, намекающим на богиню-медведицу и медвежий танец девушек, является вотивное приношение—небольшая мраморная статуя, найденная в Афинах на Акрополе[6]. Статуя изображает медведицу, сидящую на задних лапах, и, судя по воспроизведению, может быть датирована IV в. до н. э. Изображение медведя редко встречается в Западной Греции. Медведи чаще изображаются на малоазийских памятниках. Мы видим медведя на рельефах памятника Гарпий, на вазе из Карпи[7], рельефе Кибелы[8].

---

[1] Roscher, Mythologie, I, 1, стр. 64.

[2] Кагаров, Культ фетишей, растений и животных в древней Греции, СПБ., 1913, стр. 231.

[3] С. И. Радциг, Романтические мотивы в поэзии Еврипида, Ярославль, 1920, стр. 29.

[4] RE, III, 1, s. v. «Brauronia».

[5] Там же, I, 23, 9.

[6] Harrison, Mythology and Monuments of Athens, London, 1898, рис. 26, стр. 403. Изображения медведя в греческом искусстве дает Keller «Tiere des klassischen Altertums... стр. 124.

[7] Ath. Mitth., XII, V; стр. 226—234.

[8] Th. Macridy, Antiquités de Nation, «Jahrb. Deutsch. Arch. Inst.», XV (1912), рис. 28.

Дата статуэтки определяется и качеством ее тонко промытой архаической глины и всей архаической ее формой. Она всецело входит в круг очень широко распространенных именно в архаическое время статуэток богини в стефане или калафе, с которого спадает на спину и плечи покрывало, и в узком, обтягивающем тело хитоне, сидящей на троне, положив руки на колени и поставив ноги на скамеечку и восходит к типу статуй милетских Бранхидов, которые датируются 2-й четвертью VI в. до н. э.[1].

Находка этой статуэтки на о. Березани свидетельствует о существовании во 2-й половине VI в. до н. э. на о. Березани культа Артемиды Бравронской, покровительницы диких животных и расширяет наши представления о почитании Артемиды на северном побережье Черного моря, засвидетельствованном источниками в Херсонесе, Ольвии, Пантикапее, Фанагории, на Тамани.

М. М. Кобылина

Уникальный сассанидский сосуд из-под Кунгура

Применяемая колхозами глубокая тракторная вспашка заметно повысила у нас количество случайных археологических находок, в частности, количество находок восточного серебра в Прикамье. Таково, например, происхождение замечательного Аниковского клада массивных серебряных блюд из Чердынского района, опубликованного в 1937 г. К. В. Тревер[2].

После Великой Отечественной войны в посмертной статье Н. А. Прокошева[3] отмечен и частью издан целый ряд находок этого рода, хранящихся в Кировском, Горьковском и Чердынском музеях, в том числе замечательная серебряная чаша из-под с. Ильинского, поступившая в Молотовский областной музей и переданная затем Эрмитажу. Наконец, А. П. Смирновым[4] опубликован новый сассанидский золотой сосуд, сданный в 1943 г. на скупочный пункт в г. Молотове неизвестным гражданином и поступивший затем в Государственный исторический музей в Москве.

Летом 1947 г. у с. Бартым Березовского района Молотовской области, в 35 км от г. Кунгура, плугом, пущенным на глубину 22 см, был пропорот конец ладьевидного серебряного сосуда. Однако плуг не разорвал несколько утолщенного края сосуда и, видимо, довольно долго ехал в серебряной ладье, пока подошедший бригадир колхоза остановил трактор. В конце октября сосуд был доставлен трактористом Хабиром Капизовым в Молотовский областной музей.

Сосуд имеет правильную ладьевидную форму, близкая к которой в специальных изданиях обозначается как ложчатая. Длина его 26 см, ширина 9,2 и высота 6 см. На дне—следы припая от сорванного (вероятно, при движении за плугом) овального поддона—подставки. Ширина припая 6,5—8 мм. Толщина стенок около 2 мм, минимально—несколько более 1 мм. Края округлы, толщиной в 3 мм. Наружная поверхность сосуда покрыта рельефными изображениями.

Сосуд испорчен плугом, пропоровшим один его конец. Наружная поверхность его и часть рельефных изображений сильно поцарапана и стерта. Впрочем, все эти повреждения, если не говорить об утраченной подставке, несущественны благодаря дублированию симметрично расположенных фигур.

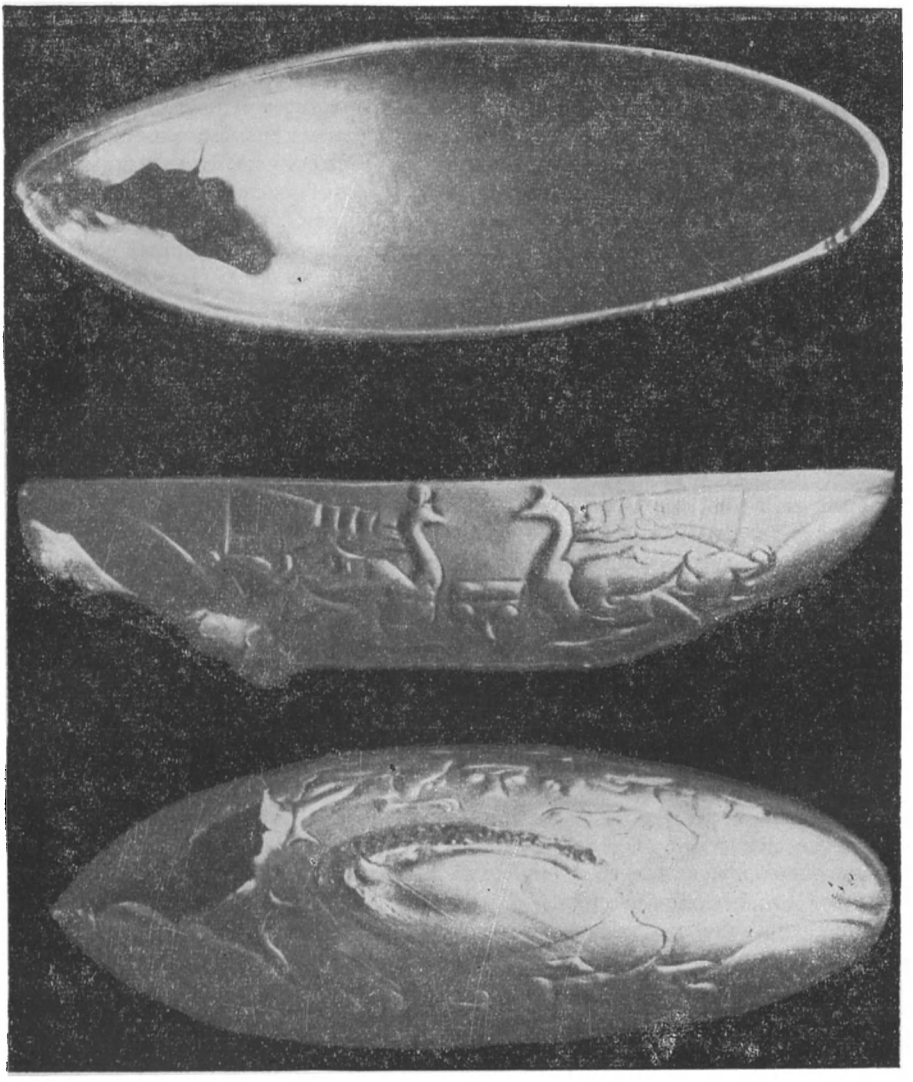
---

[1] ВДИ, 1940, 3, рис. 7; 1947, 3, рис. 2.

[2] К. В. Тревер. Новые сассанидские блюда Эрмитажа. М.—Л., 1937.

[3] Н. А. Прокошев. Из неопубликованных материалов Молотовского и Чердынского музеев, Кр. Сообщ. ИИМК, XII, 1946.

[4] А. П. Смирнов. Восточный сосуд из Молотовской области в собрании Государственного исторического музея, ВДИ, № 1, 1946. А. П. Смирнов. Новый сассанидский золотой сосуд из Молотовской области, Кр. Сообщ. ИИМК, XIV, 1947.



Серебряная чаша, найденная в 1947 г. у с. Бартым.

Сосуд изготовлен из серебра. Вес около 700 граммов. На наружной поверхности у основания рельефов, т. е. в наиболее предохраненных от стирания местах—остатки тонкой позолоты. Техника изготовления предварительно определена как отливка с последующей шлифовкой поверхности и чеканкой деталей.

На наружной поверхности с каждой стороны—рельефные фигуры двух павлинов, обращенных друг к другу. Между каждой парой—небольшой сосуд на ножке. Все четыре фигуры идентичны, но выполнены индивидуально, отличаясь друг от друга отдельными деталями и главным образом размерами этих деталей. Каждая фигура включает несколько других изображений. На спине птиц, заменяя сложенные крылья, изображено в профиль человеческое лицо с довольно длинным прямым носом, большой бородой (в одном случае с небольшой бородой), в высоком головном уборе. На груди птицы также человеческое лицо в профиль, без бороды, с выступающим носом и мясистыми губами. Внизу, перед ногами—третье, но слабо

намеченное лицо; в одном случае это нижнее изображение больше напоминает голову слона благодаря длинному очертанию носа,—вернее,хобота. Бедренная часть обращенной к зрителю ноги дана в виде рыбы, с раздвоенным хвостом. Задняя часть туловища представляет собой голову хищника с раскрытой пастью и большими, острыми зубами. Хищник глотает большую рыбу (?), заменяющую хвост птицы; на рельефе рыбы—хвоста еще заметны гравированные кружки с глазками, напоминающие по рисунку нарядные перья на хвосте павлина, а отчасти и рыбью чешую. Ноги птицы имеют характерные «шпоры». Вокруг шеи как бы обвернут, завязан своеобразный шарф,складки и широкие концы которого развеваются над спиной. К этому следует добавить, что на дне чаши, в овале припая оторванной полой подставки—крупный рельеф рыбы.

Перелистывая альбомы изделий из восточного серебра А. П. Смирнова (1909) и И. А. Орбели и К. В. Тревер (1935), нетрудно убедиться, что бартымская находка не имеет прямых аналогий ни по форме, ни по характеру изображений. Это обстоятельство затрудняет ее определение и датировку; к тому же, хронология этого рода предметов вообще еще недостаточно разработана.

Все же бартымская чаша может быть по ряду признаков отнесена к числу изделий сассанидского Ирана. Среди сассанидского металла имеются близкие формы серебряных, серебряных с позолотой и золотых ложчатых чаш на полых овальных ножках. Но форма этих чаш, приближаясь к овалу,—вычурна[1], тогда как форма нашей чаши отличается предельной простотой. Наиболее близка бартымской серебряная ложчатая чаша, также с несохранившейся ножкой, имеющая на дне следы припая (как и у бартымской) рельефного изображения рыбы (там же, табл. 57, фиг. 1). Между прочим, эта чаша найдена также в Кунгурском уезде, у дер. Кулагыш.

Изображения рыб, хоть и не часты, но не раз встречены на сассанидской посуде[2]. Птицы—также известный мотив в сассанидском металле. Их фигуры воспроизводятся формой водолеев (гусь, утка), встречаются и в виде рельефов (там же, табл. 28, 29, 33, 65, 80, 81). В отдельных случаях встречается вполне аналогичная нашей передача характерных лац птицы.

Особенно интересен фазан, несущий в клюве ожерелье (там же, табл. 28), при этом за головой фазана развевается аналогичный нашему шарф, лишь более схематично поданный. Однако на изданных сассанидских сосудах мы не нашли ни одного изображения, составленного из других изображений, как у нас, и представляющего сложную символику.

Подходя в вопросу о датировке бартымской чаши, мы сравнили ее с датированными сассанидскими находками, каковыми являются монеты и блюда с фигурами, так сказать, опознанных царей. При этом мы обратили особое внимание на профили человеческих голов и своеобразный шарф за головой.

Сличение профилей бартымской чаши с сассанидскими монетами показывает наибольшую близость с монетами Арташира I Папакана, Нарсе и Ормузда II. Сравнение с фигурами царей на блюдах дает более близкое сходство. В особенности это можно сказать о царях: Варахране I (там же, табл. 4), Шапуре II (там же, табл. 5, 6), Шапуре III (там же, табл. 7, 8, 9) и Бахраме Чубине[3]. Однако подобные сопоставления недостаточно надежны, тем более, что лица на бартымской чаше—не обязательно лица царей. Так, наши профили очень похожи (головные уборы, бороды) также на головы военачальников, окружающих царя Хосрова I Ануширвана на блюде из Стрелки Кунгурск. у.[4]. Эти сопоставления лишь подтверждают сассанидское происхождение бартымской чаши.

---

[1] И. А. Орбели и К. В. Тревер, Сассанидский металл, 1935, табл. 57, 58, 63

[2] Там же, табл. 33; Я. И. Смирнов, Восточное серебро, 1909, табл. 289 (также из Кунгурского уезда) и 153 (последний сосуд хранится в Молотовском обл. музее).

[3] Я. И. Смирнов, Восточное серебро, 1909, фиг. 287.

[4] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сассанидский металл, 1935, табл. 13.

Интереснее для датировки своеобразный шарф, прикрепленный к шее фазана. На сассанидских сосудах вполне аналогичные шарфы встречаются нередко и являются принадлежностью царского костюма, они развеваются за спиной, будучи прикреплены к головному убору, к поясу, за плечами (там же, табл. 4—17), а иногда даже, в миниатюрных размерах, к царскому луку и сбруе царского коня (там же, табл. 14). Принадлежность их именно к царскому убранству подчеркивается в фигурах, переданных en face: находясь на спине и будучи в таком положении не виден, шарф неестественно приподнят художником по обеим сторонам головы (там же, табл. 16). Шарф всегда имеет два конца, каждый из которых завершается, видимо, тяжелой вышивкой трапециевидной формы.

Итак, описываемые шарфы в датированных изображениях царей налицо у Варахрана I, Шапура II, Шапура III, Бахрам Гура и Хосрова I Ануширвана. По форме и передаче деталей обращает на себя внимание близость к нашему бартымскому—шарфа у Бахрам Гура (там же, табл. 10), еще более у Варахрана I (там же, табл. 4) и в особенности у Шапура III (там же, табл. 7). Принимая также во внимание указанное сходство между Варахраном I и рельефами головы на спине павлина, можно предварительно датировать нашу бартымскую чашу эпохой Варахрана I—Шапура III, т. е. промежутком времени от 273 до 388 г., и не позднее царствования Бахрама Гура (420—438 гг.). Вероятнее всего, она изготовлена в IV веке.

Более детальный анализ этого вопроса, так же как изучение семантики рельефов бартымской чаши, мы передаем специалистам.

Осенью 1947 г. студентами Молотовского университета было произведено обследование места находки у с. Бартым. Оказалось, что на том же поле в 1925 г. было найдено серебряное блюдо. Следов культурного слоя не обнаружено. Рядом открыта группа курганов, грунтовой могильник; собраны сведения о монетных кладах; в 5 км находится городище с хорошо сохранившимся валом. Все это говорит о необходимости постановки там серьезных археологических исследований. Последние намечаются Молотовским университетом на лето 1948 г.

О. Н. Бадер

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Научная сессия по археологии Закавказья

В конце января в Ленинграде происходила объединенная научная сессия ИИМК им. Н. Я. Марра АН СССР и Государственного Эрмитажа, посвященная археологии Закавказья.

В работе сессии приняли широкое участие научные работники РСФСР, Азербайджанской, Армянской и Грузинской Союзных Республик. На заседаниях присутствовали представители научных учреждений Москвы, Ленинграда, Баку, Еревана, Тбилиси, Краснодара, Ставрополя, Поти и др. Всего на сессии было прочитано 37 докладов, посвященных разнообразным вопросам древней и средневековой истории Кавказа. Кроме пленарных заседаний, на которых было прочитано 11 докладов, происходили заседания секций: древней, античной и средневековой истории, на которых были поставлены еще 26 докладов. Сессию открыл член-корр. АН СССР А. Д. Удальцов. Со вступительным словом выступил академик И. А. Орбели. Он отметил огромное значение сессии, которая должна подвести итоги большой работе, проделанной советскими учеными, занимающимися изучением истории Кавказа. Он выразил надежду, что совместные обсуждения важнейших исторических проблем дадут большие результаты и принесут пользу дальнейшему развитию советской науки.

Доклад «Основные итоги и проблемы археологического изучения Закавказья» сделал член-корр. АН Армянской ССР—Б. Б. Пиотровский (Ленинград, Ереван). Он дал краткий обзор археологических работ, проводимых в Закавказье с конца XIX в., затронул вопросы истории и развития на ранних этапах народов

Азербайджана, Грузии и Армении, а также поставил ряд проблем, связанных с древнейшей историей народов Закавказья (доклад Б. Б. Пиотровского издан Государственным Эрмитажем, Ленинград, 1948 г.).

Вопросам, связанным с археологией и историей Азербайджана, были посвящены доклады: И. М. Джафар-Заде, С. М. Казиева, Г. И. Ионе, З. И. Ямпольского, А. Е. Пахомова и др.

И. М. Джафар-Заде (Баку) отметил, что действительно научные систематические археологические исследования Азербайджана начались лишь после Великой Октябрьской революции, когда было основано общество изучения и обследования Азербайджана, преобразованное затем в Институт истории АН Аз. ССР, и Музей истории

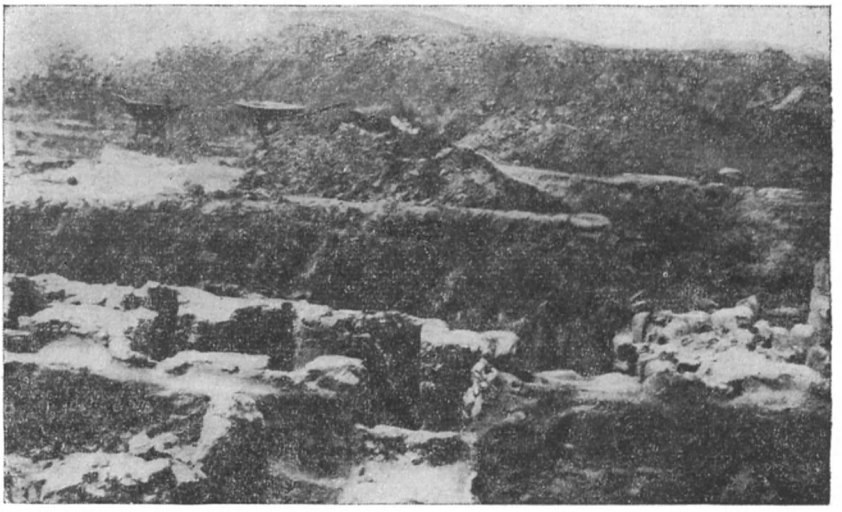


Рис. 1. Мингечаур. Общий вид гончарной печи.

АН Аз. ССР. Докладчик указал на большие заслуги академика И. И. Мещанинова, заложившего основы археологического изучения Азербайджана, и осветил историю дальнейшего развития археологических работ в Азербайджане вплоть до настоящего времени.

Крупнейшим раскопкам, проводимым с 1946 г. Академией наук Азербайджанской ССР в Мингечауре, на территории строительства гидростанции, были посвящены доклады С. М. Казиева (Баку) «Раскопки Мингечаура» и Г. И. Ионе (Баку) «Обжигательные печи Мингечаура». С. М. Казиев дал характеристику некрополя Мингечаура, расположенного по берегам среднего течения р. Куры, где она прорезает Боздагский хребет (см. ВДИ, № 2, 1948 г., стр. 162—164).

Доклад Г. И. Ионе касался характеристики обжигательных печей Мингечаура. Ряд участков с гончарными обжигательными печами был обнаружен в Мингечауре на древнем могильном поле, находящемся на правом берегу р. Куры. Раскопками 1947 г. было вскрыто и расчищено 7 печей. Характерной особенностью всех печей является их общая конструктивная схема. Все они прямоугольные в плане, в вертикальном разрезе дают усеченную пирамиду и имеют двухярусное размещение камер. Размеры этих печей колеблются (длина от 5 до 7 метров, ширина от 2,5 до 4 метров). Верхние части всех печей разрушены, наибольшая сохранившаяся высота 2,5 м. Топочная камера имела трапециевидную форму. Стены печей сложены из саманных кирпичей различных размеров. Внутри камеры, стены и пол покрыты специальной обмазкой (рис. 1). Печи датируются периодом кувшинных погребений, т. е. периодом от III в. до н. э.

Докладчик считает, что наличие такого скопления гончарных печей больших размеров на территории, представляющей богатую сырьевую базу, говорит о том, что печи служили не только для обслуживания внутреннего рынка, но продукция их, повидимому, экспортировалась и в другие области. Кроме того, большое количество печей предполагает существование специального комплекса вспомогательных мастерских, где изготовлялись сосуды до их обжига, и тем самым наличие разделения труда.

Доклад Джафар-Заде «Раскопки древнего сооружения, расположенного в Бакинской бухте», был посвящен раскопкам в Баку, которые велись в 1939—40 гг. и в 1946—47 гг. В бухте было исследовано сооружение крепостного типа, выступившее из-под воды в связи с понижением уровня Каспийского моря, начиная с 20-х годов XX в. Было найдено и поднято из-под воды 570 камней с надписями арабским шрифтом: «Несх» и другие камни, являющиеся архитектурными деталями. Среди них имеются камни с датами (XIII в.). Джафар-Заде на основании собранных материалов и выявленных объектов предполагает наличие здесь культового сооружения, относящегося к началу нашей эры, которое было разрушено арабами и вновь восстановлено в период правления ширваншахов Керсанидов.

З. И. Ямпольский (Баку) прочел доклад «Термин «мар» и топонимика древней кавказской Албании», в котором он старался установить местоположение территории, населенной племенем мардов, о котором упоминают многие античные писатели.

Вопросам, связанным с археологией и древней историей Грузии, были посвящены доклады А. Н. Каландадзе, И. И. Джавахишвили, И. Н. Цицишвили, А. И. Болтуновой, Д. Г. Капанадзе, Н. В. Хоштария, Л. Н. Соловьева и др.

А. Н. Каландадзе (Тбилиси) в докладе «Периодизация памятников Самтавро» дал характеристику инвентаря и отдельных видов погребений Самтаврского некрополя. Докладчик отметил, что Самтаврский некрополь, находящийся на территории древнегрузинского столичного города Мцхета (в 22 км. от Тбилиси) известен в науке с 70-х годов прошлого столетия. Но ввиду разбросанности материалов из Самтавро по разным хранилищам СССР и Западной Европы составить полное и точное представление об облике Самтавро было затруднительно. Планомерное и систематическое изучение Самтавро началось с 1938 г., когда были начаты работы Мцхетской археологической экспедиции, руководимой ныне покойными учеными, акад. И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа. В результате шести археологических кампаний, проведенных до 1947 г., на Самтаврском погребальном поле была вскрыта площадь более 1,5 гектара и обнаружено 1767 разновременных погребений.

Погребения эти хронологически можно распределить следующим обазом: а) погребения курганного типа—эпохи средней бронзы, датируемые XV—XIV вв. до н. э.; б) грунтовые погребения—эпохи поздней бронзы и железа—XIII—IV вв. до н. э; в) кувшинные погребения позднеэллинистического времени—II—I вв. до н. э.; г) черепичные погребения—I в. до н. э. и I—III вв. н. э.; д) кирпичные погребения—I—III вв. н. э.; е) погребения в каменных ящиках—I—VIII вв. н. э.; ж) погребения в глиняных гробах—саркофагах—IV—VI вв. н. э.

Представленная Самтаврским могильником материальная культура отражает огромный отрезок времени от второй половины II тысячелетия до н. э. до эпохи раннего средневековья и, следовательно, соответствует: а) находящемуся в процессе разложения патриархальному обществу (групповые погребения); б) стадии рабовладельческих общественных отношений (кувшинные, кирпично-черепичные и каменные ящики, глиняные саркофаги) и в) раннефеодальному периоду истории Грузии(каменные ящики IV и последующих веков).

Предварительное изучение предметов вооружения и самозащиты, домашнего производства и ремесла, предметов украшений, искусства и культовых изделий дает представление об интенсивной культурно-экономической жизни населения этой области в соседстве и близком общении с древневосточными цивилизованными государстами и с народами Восточного Средиземноморья (рис. 2 и 3).

Изучение материалов последних веков до н. э. и первых веков н. э. позволяет

сделать заключение об образовании Восточно-Грузинского (Иберийского) царства, которое находилось в дружественных отношениях с Римской империей.

Этим необычайно богатым материалам раскопок в Самтавро были посвящены еще два доклада, прочитанные на сессии: доклад И. И. Джавахишвили (Тбилиси) «Техника изготовления золотых предметов из Самтавро» и доклад Г. Г. Лемлейна (Москва) «Бусы из самтаврского могильника». И. И. Джавахишвили демонстрировал и характеризовал золотые и серебряные изделия, найденные Мцхетской археологической экспедицией в Армазисхеви. Погребения, содержащие золотые и серебряные изделия, часто хорошо датируются монетами. В целом они относятся к периоду I—IV вв. н. э. Некоторые изделия, особенно серебряные, носят ярко выраженный римский характер. Но техника изготовления многих из них очень своеобразна.

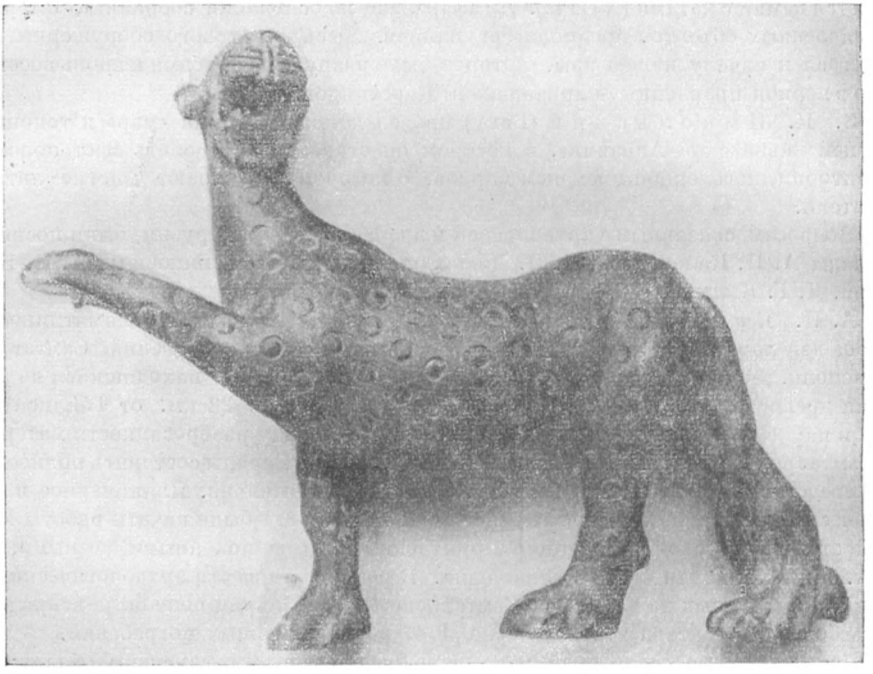


Рис. 2. Самтавро. Бронзовый леопард.

Интересны 2 серебряные чаши с рельефными почти скульптурными фигурками центре, выкованными из нескольких пластинок, соединенных горячим способом, серебряное блюдо из погребения № 3 с графически выполненным узором (рис. 4), золотая коробочка с красной головой тура из аметиста и флакончиком, подвешенным внизу на цепочке (рис. 5), из погребения № 7, и много других ювелирных изделий.

Г. Г. Лемлейн, характеризуя бусы из Самтаврского могильника выделил 8 групп сердоликовых бус, отличающихся сортом сердолика. С точки зрения техники изготовления он различает и подробно характеризует три способа сверления отверстия бусины. В результате анализа сорта сердолика и техники изготовления бусины он пришел к заключению, что существовало четыре центра, откуда были привезены бусы, найденные в Самтавро (бусы ассирийского производства, бусы индоиранского происхождения, бусы из малоазиатских мастерских и бусы из Александрии и других эллинистических центров). Но эти четыре типа охватывают только часть найденных в Самтавро сердоликовых бус. Происхождение же остальных бус ему установить не удалось.

Этот доклад вызвал большие возражения. Выступавшие тт. Е. И. Крупнов, Н. Б. Хоштария и др. доказывали местный характер производства сердоликовых бус,

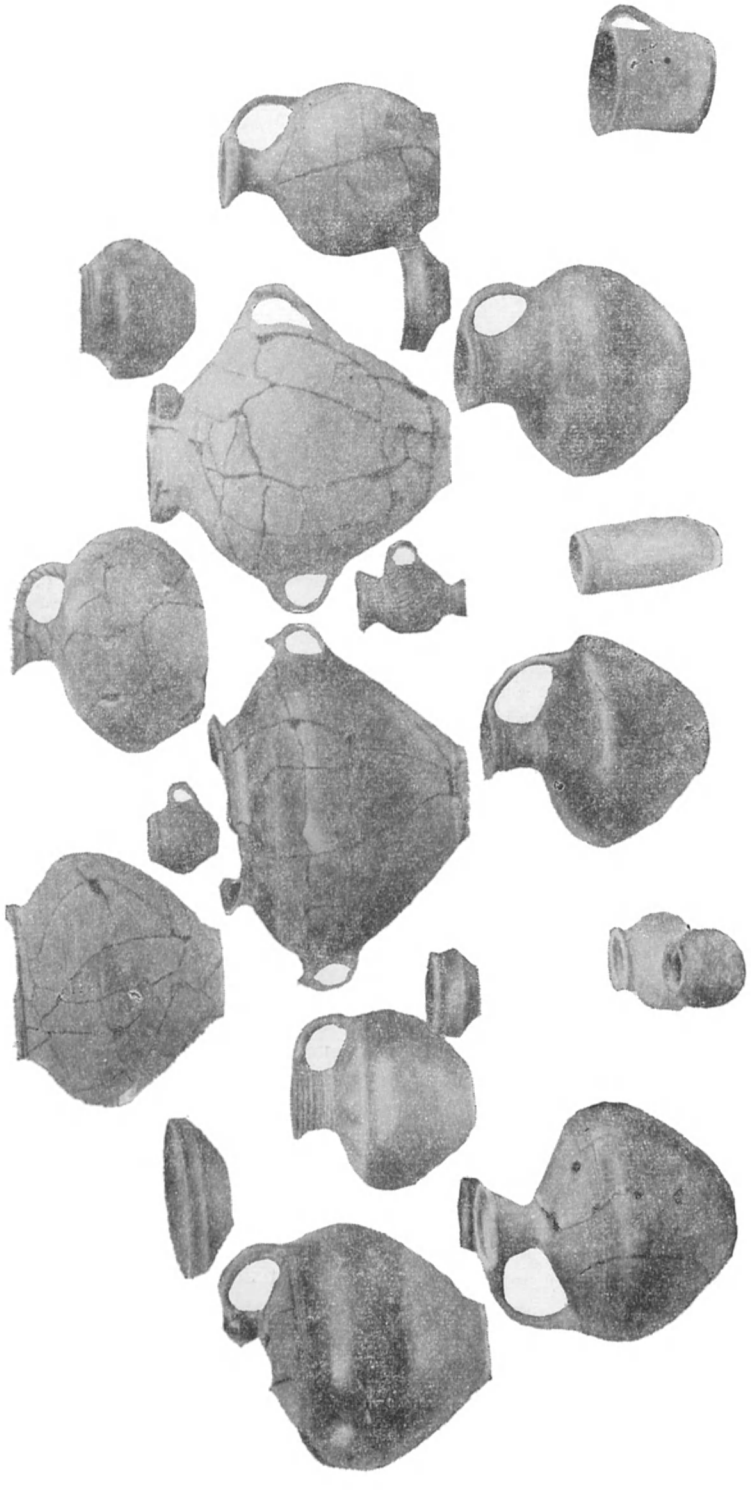


Рис. 3. Самтавро. Комплекс разных сосудов из погребений.

аргументируя это фактом наличия на Кавказе залежей сердолика, а также тем, что сердоликовые бусы встречаются в большом количестве в глухих горных погребениях вдали от всяких торговых путей.

И. И. Цицишвили (Тбилиси) сделал доклад «О строительном искусстве древней Грузии по материалам археологических раскопок в Багинети». Багинети или

Рис. 4. Армазисхеви. Серебряная чаша. III в. н. э.

Армазская крепость расположена напротив местечка Мцхети у слияния Арагвы с Курой, на правом берегу последней. Городище занимает площадь до 30 гектаров и является типичным примером древних городов—крепостей с резко выделенными цитаделью и поселениями. В результате археологических раскопок последних четырех лет выявлено достаточное количество сооружений, позволяющее констатировать наличие в Багинети четырех различных строительных периодов. Верхний слой Багинети представлен сооружениями из бутового камня или плит на известковом растворе и датируется ранним средневековьем. Второй слой характеризуется основной массой сооружений и представлен наряду с крепостными стенами целым рядом построек, как-то: дворцовые комнаты, бани, жилые и хозяйственные строения и, наконец, погребения. Строительная техника, а также многочисленные находки монет и предметов материальной культуры позволяют датировать данный слой I—II вв. н. э., т. е. периодом оживленной связи Иберии с Римом. К третьему слою относятся необычайно тщательно сложенные крепостные стены и сооружения из слабо обожженного кирпича на каменном основании сухой кладки. Наконец, четвертый слой Багинети представлен крепостными стенами цитадели из сырцовой кладки на каменном основании, а также монументальными сооружениями, среди которых выде-

ля тся колонный зал (рис. 6). К самому древнему слою докладчик относит пока что мало выявленную кладку башни цитадели, сложенную из крупных грубообработанных каменных глыб сухой кладки.

В отношении строительных материалов и конструкции, сооружения Багинети подразделяются докладчиком на две основных группы. Первая (более древняя), пови-

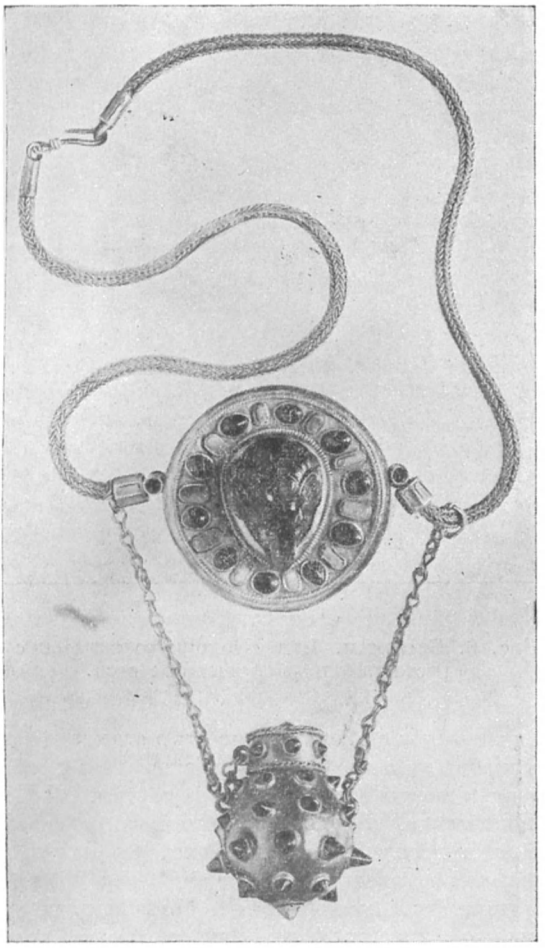


Рис. 5. Армазисхеви. Золотое ожерелье. III в. н. э.

димому, связана с переднеазиатскими странами, в частности с архитектурой хеттов и халдов. Во второй группе сооружений прослеживаются черты античной эллинистическо-римской культуры. Большой интерес представляют многочисленные и разнообразные детали сооружений: колонны различных типов, фрагменты орнаментов и декора, системы водопровода, канализации и дренажа, лепные своды и т. д.

Благодаря раскопкам в Багинети удалось заново поставить ряд исторических проблем, уточнить и по-новому понять сведения Страбона, Плиния, Птолемея, Диона Кассия, а также грузинских летописей, упоминающих Армази как акрополь, столицу Иберии, и определить доселе не известный античный период грузинской архитектуры, являющийся логическим продолжением более древнего периода мегалитической культуры с циклопическими сооружениями.

В докладе «Об этнических элементах в составе населения эллинистической Иберии по данным литературной традиции» А. И. Болтунова осветила неясную до настоящего времени проблему этнического состава населения Иберии.

На основании анализа племенного названия tubal в исторической науке принято считать тубалов предками тибаренов и иберов, упоминаемых в сочинениях древне-гре-

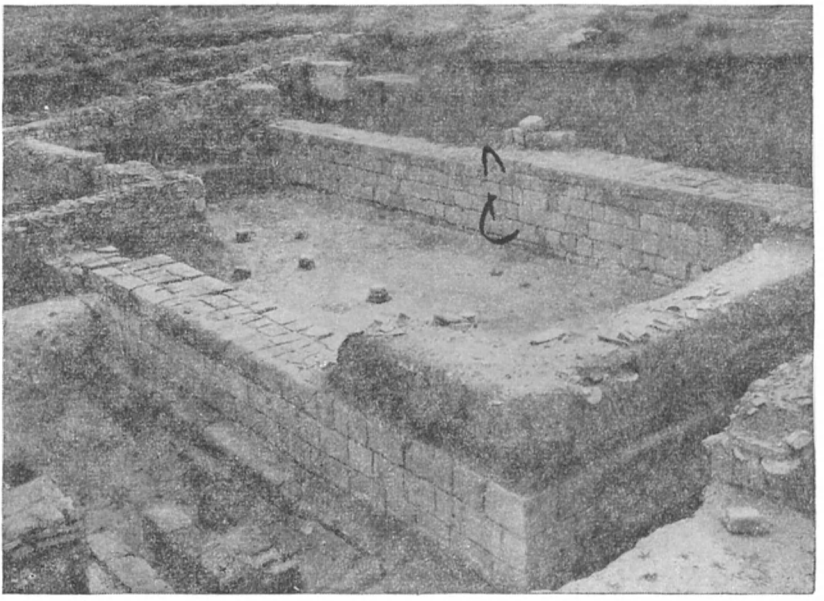


Рис. 6. Багинети. Вид «Колонного зала» после реставрации разрушенных стен.

ческих писателей. Однако тубалов нельзя полностью отождествлять ни с тибаренами, ни с иберами. Тубалы обитали в горах Малоазийского Тавра, тибарены на южном побережье Черного моря, а иберы в среднем течении Куры.

Союз племен, положивший начало образованию иберийского народа, сформировался в горном районе между верховьями Евфрата, Чороха и Куры. Разрозненные племена, которых греческие писатели объединяли под общим именем саспейров, явились основным этническим компонентом в формировании иберийского народа. Саспейры примыкали к обширной западной группе яфетических племен, явившихся наследниками великих древних культур Малой Азии.

Наличие иберов в верховьях Чороха и Куры свидетельствуется в очень раннее (доисторическое) время лингвистическими данными, а в более позднюю эпоху—Страбоном и Аппианом, и в I в. н. э. Плинием. Между тем Страбон в описании Иберии говорит о центре иберийского царства в районе слияния Куры и Арагвы и указывает политические границы Иберии, которые не совпадали с древними этнографическими границами Иберии.

В течение приблизительно пяти веков (VII—II вв. до н. э.) формирования иберийского народа коренными обитателями района среднего течения Куры были древние яфетические племена каспиев, тяготевшие вместе с утиями и миками к бассейну Каспийского моря. В VII и начале VI в. в э. от район проникают скифы, а около III в. до н. э. ведущая роль переходит к сарматам.

Скрещение иберов со скифо-сарматскими племенами в среднем течении р. Куры нашло свое отражение у Страбона, который, описывая население Иберии, различает

жителей равнины, земледельцев, склонных к мирной жизни, в материальном быту сходных с армянами и мидянами, и воинственных обитателей горной полосы, преимущественно скотоводов, родственных сарматам и скифам и представлявших этническое большинство.

Древние предания иберов, зафиксированные в «Хронике обращения Грузии» и в Грузинских летописях (Леонтий Мровиш), сохранили воспоминание о древних обитателях страны. В образе спутника Александра Македонского царевича легендарной страны Ариан-Картли, пришедшего сюда вместе со своими сородичами и ставшего первым правителем Мцхеты, а также в образах ближайших его преемников воплощены воспоминания о проникновении иберов в район среднего течения Куры и первые этапы их деятельности в качестве созидателей иберийского государства.

Докладчик представляет себе расселение иберийского народа не как миграцию и не как завоевание, а как естественное разрастание основного этнического ядра, сложившегося у верховья Чороха, и, в процессе формирования народа, ассимилирующего этнически и культурно неоднородные с ними элементы. Развитию этого процесса способствовала назревшая потребность к политическому объединению в среде местных племен, вызванная внутренними экономическими причинами.

Д. Г. Капанадзе прочел доклад «Новые материалы по изучению статеров Аки» (Тбилиси), (См. ВДИ, № 1, 1948 г., стр. 150—155).

Н. В. Хоштария (Тбилиси) в докладе «Древние поселения в бассейне реки Хоби» рассказала об археологических исследованиях, которые проводились в течение нескольких лет в Колхиде, по берегам рек: Риона, Хоби и Цивы, в районе, находившемся вблизи от древнегреческого г. Фасис, который, судя по письменным источникам, был расположен в устье реки Рион, на территории, в настоящее время полностью заболоченной. Многочисленные находки, обнаруженные во время раскопок, свидетельствуют о существовании здесь ряда поселений, относящихся к различным историческим эпохам, начиная с III тысячелетия до н. э. вплоть до византийского времени.

Л. Н. Соловьев (Сухуми) в своем докладе «Памятники каменного века около Анахвы» (Абхазия) дал характеристику различным слоям палеолитической стоянки у Анахвы и показал ее особенности.

Вопросам археологических исследований и древней истории Армении были посвящены доклады чл.-корр. АН СССР К. В. Тревер, чл.-корр. АН СССР Б. Б. Пиотровского, К. Л. Оганиесяна и М. З. Паничкиной.

Доклад «Гарнийская крепость» члена-корр. АН СССР К. В. Тревер (Ленинград) был посвящен проблеме взаимоотношений Рима и Армении. В первой части доклада был дан подробный разбор знаменитого храма в Гарни (Армения). На основании подробного разбора стиля этой постройки, его отдельных архитектурных деталей и сравнения его с многочисленными зданиями такого же типа в М. Азии и Сирии, К. В. Тревер приходит к выводу, что ближайшей аналогией этому храму является храм в Сагалассе (Киликия), построенный при Антонине Пие, а также отдельные элементы храма к югу от Бальбека в Ниха (Сирия). Основываясь на детальном анализе архитектуры гарнийского храма, привлекая нумизматический материал и данные литературных источников, К. В. Тревер приходит к выводу, что начало сооружения храма относится к 115 г. и связано с объявлением Армении римской провинцией и желанием возвести храм для хранения статуи Траяна; постройка была прервана в связи со смертью Траяна в 117 г.

К. В. Тревер выдвигает предположение, что архитектура Гарнийского храма не является заимствованной у римлян. Это подтверждается сравнением храма Гарни с построенным десятью веками раньше урартийским храмом в Мусасире, изображенном на ассирийском рельефе Саргона II в Хорсабаде в IX в. до н. э. Оба эти храма имеют высокие стилобаты, 6 колонн в фасадном портике и фронтоны с акротериями.

Установив местные корни архитектурного стиля Гарнийской крепости, К. В. Тревер определяет этот памятник как эллинистический. Во второй части доклада она

подробно останавливается на переводе и толковании греческой надписи, обнаруженной в 1945 году на местном кладбище в Гарни[1].

Подвергая надпись палеографическому и филологическому анализу, К. В. Тревер приходит к выводу, что надпись была сделана в 77 г. н. э. во время царствования Тиридата. Надпись является юридическим документом, который удостоверяет, что некто Менней (Μεννέας) выкупил часть стены или башню и за это получил право запечатлеть свое имя на специально оставленном месте ранее заготовленной надписи. Такой же обычай заранее заготавливать надпись и затем вписывать имя существовал в Ани.

Раскопкам Кармир-Блура были посвящены доклады члена-корр. АН Арм. ССР Б. Б. Пиотровского (Ленинград, Ереван) и К. Л. Оганиесяна (Ереван).

Б. Б. Пиотровский подвел итоги археологическим исследованиям урартийской крепости на холме Кармир-Блур, которые проводились под его руководством начиная с 1933 г. В результате проделанных работ выявлен общий план постройки, найдена масса интереснейших археологических памятников и в том числе много надписей. Все это позволило сделать целый ряд важных исторических выводов о населении Урарту и его связях с соседними государствами и скифами, а также об истории самой крепости и жизни ее обитателей.

К. Л. Оганиесян сделал доклад об архитектуре и строительной технике Кармир-Блура. Он отметил, что планировка города Тейшебаини, примыкающего к крепости, отличается от обычной планировки восточных городов, остановился на устройстве городских стен и ворот и сделал попытку реконструкции оборонительных сооружений крепости и внутренних помещений дворца. Он подробно охарактеризовал особенности строительной техники Кармир-Блура.

Выступивший в прениях по докладу К. Л. Оганиесяна академик И. А. Орбели возразил утверждению докладчика о том, что урартийцы не применяли способа искусственного возведения платформы.

Доклад М. З. Паничкиной (Ленинград) «Памятники нижнего палеолита на территории Армении» был посвящен характеристике результатов раскопок последних лет в Армении, позволивших установить там наличие нижнего палеолита.

Проблемам, связанным с археологией Северного Кавказа, были посвящены доклады А. А. Иессена, Е. И. Крупнова, М. И. Максимовой, Н. В. Анфимова.

А. А. Иессен (Ленинград) прочитал доклад «Основные итоги и проблемы археологического изучения Северного Кавказа». Он остановился на истории археологических раскопок Сев. Кавказа и отметил, что в течение XIX и начала XX вв. по существу происходило лишь накопление археологического материала. Только после Великой Октябрьской революции советские археологи начали планомерное исследование археологических памятников Северного Кавказа, подчиненное четко поставленной задаче изучения внутренних процессов развития человеческого общества. А. А. Иессен дал характеристику отдельных этапов развития общества Северного Кавказа: палеолита, неолита, медного века и эпохи бронзы. Докладчик отметил, что в области изучения палеолита и неолита на Северном Кавказе сделано далеко не достаточно. На северном склоне Кавказского хребта достоверно известна только одна палеолитическая стоянка (Ильская). Несколько больше в области изучения палеолита и неолита сделано в южных районах Краснодарского края, граничащих с Абхазией. Кроме того, культура неолита обнаружена близ Нальчика. Более подробно докладчик остановился на характеристике медного века, который охватывает период от конца III до конца II тысячелетия до н. э.

Большой археологический материал этого периода происходит главным образом из погребений, поселения же медного века почти не исследованы. Из 10—12 известных поселений исследовано пока одно Долинское, около Нальчика. Характеризуя отдельные периоды медного века, докладчик устанавливает, что к раннекубанскому периоду (рубеж III—II тысячелетия до н. э.) относятся большие Кубанские курганы

[1] См. ВДИ, № 2, 1947 г., стр. 212—213

и в первую очередь Майкопский. К наиболее ранней хронологической группе данного периода относится слой Долинского поселения. Здесь уже развивается земледелие, появляется скотоводство и широко применяется медь. К этой же группе относятся курганы близ Долинского поселения и ранние погребения Закубанья с медными орудиями (Майкоп, станица Ново-Свободная). В настоящее время еще нельзя дать ответа на вопрос, откуда появились предметы, найденные в курганах. Характерно, что все находки сконцентрированы в районе Закубанья. Повидимому, именно здесь раньше всего началось и быстро проходило развитие скотоводства и накопление богатств, а также возникли связи с Закавказьем. Следующим этапом развития медного века является среднекубанский период, захватывающий почти все II тысячелетие до н. э. Для этого периода мы можем впервые говорить о местном производстве орудий. В керамике широко применяется шнуровой орнамент, а для степной полосы характерно наличие ритуальных сосудов-курильниц.

Можно различить три территориальных группы этого периода: 1) в районе черноморского побережья—дольменную группу Абхазии и Прикубанья; 2) собственно среднекубанскую группу; 3) степную культуру, доходящую на севере до Маныча, Астрахани, Сталинграда и сливающуюся с катакомбной культурой.

Рубеж II и I тысячелетия связывается с периодом кубанской культуры. Это уже эпоха развитого бронзового века, когда ясно намечается наличие нескольких локальных групп, очагов местной металлургии. Период поздней бронзы характерен наличием трех основных культурных групп: кобанско-колхидской, прикубанско-черноморской и хорочоевской (на побережье Каспийского моря). В это время происходит освоение высокогорных пастбищ и широких степных пространств и начинается следующая, так называемая скифская стадия. Она характерна развитием кочевого скотоводства и резкого имущественного неравенства, что находит свое выражение в материале курганов: Келермесского, Ульского и др.

Раннескифские датированные курганы относятся к началу VI в. н. э. в то время как древневосточные письменные источники упоминают о кочевниках уже в VIII в. до н. э. В связи с этим одной из главных проблем, которые встают перед исследователями Северного Кавказа, является выделение ранних комплексов, относящихся к концу VIII—началу VII в. до н. э. В этом отношении интересен Новочеркасский клад с кобанским топором и раннескифскими псалиями, а также Нальчикский могильник. Второй проблемой является изучение ярко проявляющегося различия культур предгорных и горных районов, с одной стороны, и степной полосы, с другой. Третьей проблемой, которую поставил А. А. Иессен, является проблема сочетания оседлости и скотоводства.

Е. И. Крупнов (Москва) сделал доклад «Археологические памятники Северной Осетии докобанского периода». До самого последнего времени история Северной Осетии, ошибочно признававшаяся в еще недавнем прошлом своеобразной «прародиной» кобанской культуры, изучалась только с I тысячелетия до н. э. Докладчик впервые подверг подробному рассмотрению огромный материал, относящийся к докобанским эпохам, и дал первый опыт периодизации памятников материальной культуры республики энеолитической и бронзовой эпох с подразделением на отдельные хронологические стадии. Дав их размещение на карте республики, проследив тяготение сложившихся групп к древнейшим перевальным путям, ведущим в Закавказье, и установив связь этих памятников с культурами Южного Кавказа с древнейших времен, докладчик опроверг тем самым укоренившееся у кавказоведов представление о сравнительно позднем освоении местными племенами высокогорных, ксерофитных районов Северного Кавказа (только в I-м тыс. до н. э.). Изучение материальных источников эпохи бронзы позволило выделить особую группу Дигорских комплексов и обосновать возможность их выделения в особую культуру докобанского периода, характеризуемую блестящим развитием местной металлургии. Это культура, отмеченная широкими связями с Закавказьем, Передней Азией и степными районами нашего Юга, бытовала в Западной Осетии и восточной Кабарде во 2-й половине II тысячелетия до н. э.

Второй доклад Е. И. Крупнова, прочитанный им на секции древней истории, был посвящен итогам Северо-Кавказской экспедиции 1947 г., организованной ИИМК АН СССР и ГИМ, при участии Кабардинского научно-исследовательского института, Грозненского областного музея краеведения и музея Дагестанской республики. Работы экспедиции были проведены на территории Кабардинской и Дагестанской АССР, а также Грозненской области. Наиболее интересными результатами экспедиции явились: исследование кургана у сел. Старый Лескен (КАССР), содержавшего погребения ранней и средней бронзы, исследование курганных погребений эпохи бронзы и скифского времени в северных полупустынных районах Грозненской области, выявление в Дагестане (при раскопках Таркинского могильника) выразительных комплексов сарматской культуры I-III вв. н. э. Эти открытия ставят новые вопросы в изучении Сарматской культуры и культуры Кавказской Албании, и в частности вопрос о связи Сарматской культуры с Кавказом. Выдающимся результатом является обнаружение клада древних бронзовых предметов в глухом ущелье р. Псыганжу близ с. Жемтала (КАССР). Клад состоит из высокой бронзовой вазы с двумя звериными ручками, бронзовых топоров кобанской культуры, бронзовых цепей, бронзовых сосудиков типа «сутул» с ручками и др. вещей. Уникальной находкой является бронзовая ваза (выс. 45 см.), искусно склепанная медными заклепками из 6 частей. Дата захоронения клада определяется VIII—VII вв. до н. э. Характер вещей, составляющих клад, документирует местное изготовление их и доказывает высокое мастерство металлообработки у племен Северного Кавказа I тыс. до н. э.

Доклад доктора исторических наук М. И. Максимовой (Ленинград) был посвящен датировке, анализу стиля и вопросу происхождения знаменитого серебряного зеркала, найденного в одном из скифских курганных погребений близ станицы Келермесской, впервые опубликованного в 1905 г. Фармаковским и хранящегося в Государственном Эрмитаже.

Зеркало представляет собой массивный серебряный диск диаметром в 17 см. Его лицевая сторона отполирована, а оборотная—покрыта тонким электровым листом, украшенным изображениями. Ручка зеркала отломана, но, судя по аналогичным находкам в других местах, она состояла из двух столбиков, накрытых сверху фигуркой животного. М. И. Максимова останавливается на технике изготовления зеркала и различает две операции, проведенные различными мастерами. Мастер скиф отлил серебряный диск зеркала вместе с ручкой, а мастер грек, получив готовое зеркало, декорировал его, наложив на него собранный из 8 частей электровый лист, на котором он затем путем пунцовки вырезал изображения. Докладчик отмечает, что композиция изображений отличается большой продуманностью. Вся декорированная поверхность разделена на 8 частей. Одна из них занята изображением крылатой женской фигуры, стоящей во весь рост с двумя пантерами. Художник изобразил здесь Кибелу, божественное происхождение которой подчеркнуто наличием крыльев, а ее власть над природой символизируют фигуры усмиренных пантер. С противоположной стороны представлены два бородатых героя с волосатыми телами, борющиеся с грифоном, стоящим на задних ногах. Возможно, художник хотел изобразить здесь аримаспов. Остальные части поля заполнены фигурами фантастических и реальных зверей, подчиненных Кибеле.

У скифов, вероятно, существовала вера в чудодейственную силу зеркал, как это было, например, у китайцев, зеркала которых сохранили нам соответствующие надписи. Такое отношение к зеркалам и обусловило сюжетную композицию изображений.

Давая подробный стилистический анализ изображений, М. И. Максимова приходит к выводу, что в основном здесь преобладает греческий характер образов, типов и их художественного оформления, и что мастер, выполняя данный ему заказ, остался верен обычным для него приемам, хотя некоторые образы безусловно отражают влияние варварского скифского и переднеазиатского искусства.

М. И. Максимова устанавливает близость изображений к кругу памятников восточногреческой архаики, считает мастера, украсившего зеркало, выходцем из северной Ионии и относит время изготовления зеркала к 60—70 гг. VI в. до н. э. На вопрос

о месте производства зеркала М. И. Максимова окончательного ответа не дает. Она отрицает возможность импорта из Греции и считает, что зеркало было изготовлено в Скифии, либо в одном из греческих поселений на Тамани, либо в Закавказье.

С возражениями докладчику выступила А. П. Манцевич. Она остановилась на преобладании варварских мотивов в изображениях на зеркале, возражала против предположения докладчика о причине разделения поверхности диска на 8 сегментов и упомянула о находке фрагмента серебряного зеркала в Киевской губернии.

Н. В. Анфимов (Краснодар) в докладе «Хронология грунтовых могил Прикубанья сарматского времени» дал общую характеристику известных в настоящее время грунтовых могильников Прикубанья. Могильники располагаются всегда рядом с городищем и представляют собой рядовые некрополи оседлого населения. Видимых признаков на поверхности земли они не имеют.

Исследования могильников, датируемых периодом от VI в. до н. э. до III в. н. э. (наиболее интересный в этом отношении материал дает могильник № 2 станицы Усть-Лабинской) с привлечением материалов городищ и курганов, позволяют установить три основных этапа развития общества Прикубанья этой эпохи: 1) Раннемеотский период с VI по IV в. до н. э.; 2) Среднемеотский период с III по II в. до н. э.; 3) Позднемеотский период—I в. до н. э.—III в. н. э.

Для каждого из периодов характерно наличие определенных типов оружия, керамики, украшений, бытовых предметов, а также определенных черт в обряде погребений (ориентировка, положение скелета и т. д.). Докладчик отмечает, что резких границ между очерченными периодами не существует, что каждый последующий период генетически связан с предыдущим. Несколько более резкое отличие наблюдается только между средне- и позднемеотскими периодами, что, вероятно, объясняется значительным проникновением в это время на Кубань сарматских элементов.

Кроме того, целый ряд докладов, прочитанных на сессии, был посвящен вопросам связанным с историей Закавказья в средние века: доклад акад. И. А. Орбели (Ленинград), чл.-корр. АН СССР Ш. Я. Амиранашвили (Тбилиси), К. Г. Кафадаряна (Ереван), Б. Н. Аракеляна (Ереван), Л. Г. Гюзальяна (Ленинград), Н. М. Токарского (Ленинград), Т. А. Измайловой (Ленинград), Е. А. Пахомова (Баку), А. Л. Якобсона (Ленинград). К еще более позднему периоду (XVIII в.) относится доклад Д. И. Лаврова (Ленинград). Доклад В. М. Арутюняна (Ереван) был посвящен работе, проделанной в Армянской ССР по охране исторических памятников.

И. К.

Кафедра классической филологии ЛГУ

На ноябрьской научной сессии университета, посвященной 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, классическая филология была представлена 4 докладами: академика И. И. Толстого—«Художественный стиль творчества Каллимаха», проф. И. М. Тронского—«Проблемы изучения античной литературы в советской филологической науке», проф. О. М. Фрейденберг»—«98 и 27а фрагменты Сафо», доц. С. В. Поляковой—«Греческий роман и античная реторика».

Аспирант Н. С. Гринбаум читал на кафедре доклад «Семантика местоимения ἐκεῖνος», соприкасающийся с темой, подготовляемой им кандидатской диссертации «Язык Алкея». Доклад Н. С. Гринбаума вызвал оживленную дискуссию, в которой участвовали акад. И. И. Толстой, член-корр. АН СССР П. В. Ернштедт, профессоры С. Я. Лурье, И. М. Тронский, О. М. Фрейденберг, доц. Я. М. Боровский и канд. наук Н. В. Вулих-Морева.

Аспирант В. В. Каракулаков читал на кафедре главу из своей кандидатской диссертации «Античные теории речи V в. до н. э. и их отражение в комедиях Аристофана».

Кандидатские диссертации защитили ассистент Б. И. Надэль («Боспорские манумиссии») и б. аспирантка Т. А. Красоткина-Лукина («Римская буколика»). При кафедре вновь принято 3 аспиранта.

Кафедра по линии организованного недавно при университете Филологического института будет разрабатывать две коллективные темы: «Проблемы становления реализма в античной литературе» и «Библиография классической филологии в СССР за 30 лет 1917-1947». Последняя тема в дальнейшем составит часть запланированной «Русской библиографии по классической филологии», которая сомкнется частично с «Указателем» Прозорова (для греческой филологии), частично же (для римской филологии) включит и более старые работы, начиная с XVIII в.

Предполагается также в ближайшем будущем издать материалы апрельской юбилейной сессии кафедры (17 научных докладов, хроника, personalia).

Б. И. Надэль

Кафедра классической филологии Львовского университета в 1946—47 гг.

После произведенной в 1940 г. реорганизации Университета кафедра классической филологии развернула большую педагогическую и научную работу.

В 1940/41 учебном году в составе кафедры было 3 профессора, 4 доцента, 8 преподавателей и 1 ассистент. Кроме того, при кафедре было 3 аспиранта. Члены кафедры работали над двумя коллективными темами: 1) Происхождение и развитие греческой трагедии и 2) Римская поэзия эпохи Августа.

Вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР и последовавшая затем гитлеровская оккупация Львова прервали работу Университета и прекратили на ряд лет (1941—1944) существование кафедры. Гитлеровцами было совсем разрушено оборудование кафедры и полностью уничтожена ее библиотека.

После освобождения Львова от гитлеровских оккупантов (июль 1944 г.) жизнь и работа кафедры, как и всего Университета в целом, возобновилась. Однако не все сотрудники кафедры возвратились к работе, многие погибли от рук гитлеровских оккупантов. В первые годы после освобождения Львова силы кафедры были малочисленны. В настоящее время кафедра насчитывает 15 членов.

Кафедра обеспечивает преподавание латинского и греческого языков на филологическом, историческом и юридическом факультетах, а также преподавание античной литературы на всех отделениях филологического факультета. После постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» в работе кафедры произошли значительные сдвиги. Члены кафедры усилили свою работу над повышением своего идейно-политического уровня и над повышением своей квалификации по специальности. К концу 1947 г. два члена кафедры сдали кандидатский минимум, ряд членов кафедры готовится к сдаче кандидатского минимума, 9 членов кафедры состоят студентами вечернего университета марксизма-ленинизма.

Научно-исследовательская работа кафедры в 1946—47 гг. охватывает целый ряд вопросов античного языкознания, греческой и римской литературы, философии, материальной культуры и славяноведения.

Руководитель кафедры В. Ю. Пастущин работает над темой «Славяне в античной и средневековой византийско-латинской литературе до X в. н. э.». В результате тщательного изучения источников он пришел к выводам, что славянское праотечество, согласно сообщениям Плиния, Тацита, Птолемея, Прокопия и Иордана, было расположено между Балтикой и Карпатами, между Вислой и верхним бассейном Днепра, что славяне являются автохтонами на континенте Европы. Позже славяне вышли за пределы своего праотечества и встретились с греками, римлянами и другими народами.

В 1947 г. на научной сессии Львовского университета В. Ю. Пастущин прочитал доклад на тему «Проблема расселения и соседства славян в доисторическую эпоху»,

в котором он поставил задачу—ответить на вопрос: каким образом и когда произошло расселение славян в Европе. В докладе содержится ряд замечаний, подкрепляющих новейшую теорию советских ученых о происхождении и расселении славян, анализируются понятия: Германия, германцы, скифы, Скифия, сарматы, Сарматия и т. п. В. Ю. Пастущин пришел к выводу, что содержание этих понятий было коллективным, географическо-сборным, а не монолитным, имевшим в разные времена далеко не одинаковый этнический облик. Анализ античных и византийских источников приводит В. Ю. Пастущина к убеждению, что славяне уже в I ст. н. э. расширяли территорию своей прародины и скрещивались, смешивались с разными этническими группами. В 1948 г. основной задачей В. Ю. Пастущина является изучение материальной культуры славян до X в. до н. э.

Старший преподаватель М. И. Билык работает над темой «Развитие материалистического мировоззрения в античном обществе». В плане разработки этой темы М. И. Билык написал работу «Детронизация богов у Эврипида и Аристофана». Ст. преподаватель Ю. Ф. Мушак пишет работу на тему о продлении кратких слогов у Гомера. Ст. преподаватель Я. Н. Коржинский работает над кандидатской диссертацией «Типы рабов в римской комедии «плаща» (fabula palliata по произведениям Плавта и Теренция). Ст. преподаватель Н. П. Щербанский пишет работу на тему об употреблении причастий у Тацита. Центр тяжести работы лежит в установлении разницы в употреблении деепричастий у Тацита и его предшественников. Ст. преподаватель Н. М. Байрак работает над темой о формах и употреблении оружия у Вергилия. Ст. преподаватель Т. И. Франко пишет статью «συμπόσιον в античном обществе». Ст. преподаватель И. У. Кобов собрал и изучил сравнительный материал по теме «Loci communes в античной этнографии».

Преподаватель И. П. Дидык работает над двумя темами: 1) «Об исторической форме греческого орфизма»; 2) Творчество Вакхилида. Работа «Об истории греческого орфизма» уже закончена. Основной вывод автора: орфизм возник в народе и является протестом угнетенных против эксплоататоров. По теме «Творчество Вакхилида» И. П. Дидык ставит перед собой задачу проанализировать творчество Вакхилида и дать обзор лирических жанров и мифических сюжетов.

Преподаватель А. Д. Ковбуз пишет работу «Об употреблении неопределенной формы у Гомера и Шевченко». Основная задача работы—проследить инфинитив у Гомера и Шевченко, сравнить употребление инфинитива вместо существительного этими поэтами. Преподаватель М. Н. Посацкий работает над темой «Классики марксизма-ленинизма об античности».

Научно-исследовательские интересы преподавателя В. Н. Волошанского сосредоточены на творчестве Горация. Результатом изучения им творчества этого великого римского поэта должна быть работа «Патриотические песни Горация». Цель работы—выяснение условий, при которых написаны были патриотические песни Горация, и выяснение их воспитательного значения.

Учение о частях речи в античной литературе является предметом изучения преподавателя Г. И. Розенштрауха. Ст. лаборант кафедры классической филологии П. П. Венгловский приступил к разработке вопроса «О риторическом искусстве Гермагора», ставя перед собой задачу, в результате изучения греческих и римских авторов, реконструировать риторическую систему Гермагора.

И. Вейцковский

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

НОВЫЙ ВАРИАНТ МИФА О РОЖДЕНИИ И ГИБЕЛИ СОЛНЦА

(Египетское сказание о «небе-свинье»)

I

В Египте, наряду с широко распространенным мифом об Осирисе, олицетворявшем ежегодное увядание и весенний расцвет природы, существовал не менее популярный миф, в котором отразились древнейшие народные воззрения о ежедневной гибели и новом рождении солнца, сына земли и неба. По этим воззрениям мать-небо ежедневно рождает солнце, проходящее от восхода до захода путь человеческой жизни: младенец утром, муж в полдень, старик вечером, оно обновляется каждое утро, рождаясь снова. Этот хорошо известный в мировом фольклоре мотив нашел, между прочим, яркое выражение и в фольклоре славянском.

В египетских мифах солнце, как и Осирис, не погибает, а, свершив свой жизненный путь, вновь попадает в утробу матери-неба и странствует внутри нее до нового восхода. Эта «другая страна, Запад—имя ее»[1], в которую уходит Осирис, иной раз описывается как безрадостная обитель мрака, лишенная воздуха, воды и пищи. Так, в 175-й главе «Книги мертвых» передается следующий диалог, происходящий между Осирисом, жалующимся на свою судьбу, и Атумом:

«О, Атум! Что это значит, что я должен отправляться в пустыню? Она ведь лишена воды, лишена воздуха, очень глубока, совершенно темна и безгранична (?)»

«Ты живешь там в довольстве сердца».

«Однако там нельзя наслаждаться любовью».

«Я даровал блаженство взамен воды, воздуха и любовных наслаждений и довольство сердца взамен хлеба и пива»,—говорит Атум[2].

Недовольство своей судьбой могущественного владыки подземного царства, держащего на своих плечах землю[3], описывается и в другом тексте, посвященном борьбе Гора и Сета за наследие Осириса.

Боги никак не могут рассудить соперников. По предложению Тота решаются, наконец, обратиться за советом к Осирису, «великому изобилием, владыке пищи». Последний, узнав о несправедливостях, учиненных богами по отношению к его сыну Гору, шлет им возмущенное послание, в котором заявляет:

«Ведь это я делаю вас сильными и я творю ячмень и полбу для того, чтобы прокормить богов, так же как и скот, после богов. Не найти никакого бога, никакой богини, которые могли бы это сделать».

Ра на это отвечает:

---

[1] C. E. Sander-Hansen, Die religiösen Texte auf dem Sarg der Anchnesnefe-ribre, Kopenhagen, 1937, строки 353—354.

[2] Книга мертвых (Papyrus Ani), гл. 175, строки 10 сл. («Proc. Soc. Bibl. Arch.», Dec., 1904, табл. III к статье Навилля).

[3] ÄZ, 38 стр. 30 сл.

«Если бы ты даже не существовал, если бы ты даже не родился, ячмень и полба все равно были бы».

Тогда Осирис угрожает:

«Страна, в которой я нахожусь, полна свирепоиликих гонцов, не боящихся никаких богов и богинь. Я дам им выйти, и они принесут сердце каждого творящего несправедливость, и те очутятся здесь со мной. В самом деле, почему я должен пребывать здесь и покоиться на западе, в то время как вы все вместе находитесь снаружи? Кто из них сильнее меня? И, однако, они измышляют ложь. Ведь когда великий Птах... создавал небо, разве он не сказал звездам, которые в нем[1]: «Вы должны заходить каждую ночь на западе, там, где находится царь Осирис», и затем после богов, люди *pᶜ.t, rḫj.t*) также должны покоиться там, где находишься ты, сказал он мне».

Когда Тот прочитал это послание Ра и Эннеаде, «они сказали: правильно, правильно все, что сказал он, великий изобилием, владыка пищи»[2].

Роль Осириса, промыслителя мира, иногда выражена еще более конкретно— злаки произрастают непосредственно из его тела. Наиболее ярко это выступает в следующем тексте, посвященном умершей дочери фараона 26-й династии Псамметиха II, отождествленной с Осирисом:

«О Осирис, жена бога Анхнеснефрибра, правогласная!

Привет тебе!...

Зерно (*npr*), возникшее из тебя, лежит перед тобой и не удалится от тебя во веки-веков.

При каждом подъеме Нила радуются люди и боги.

Они радуются зерну, возникшему из тебя.

Они прыгают (от радости) из-за зерна, вышедшего из твоего тела.

Люди, скот, боги, богини,—они воздают хвалу твоему могуществу, сотворившему их...

Привет тебе!

Ты—Осирис, великий живой бог, породивший зерно, создавший всякие всходы,[3] возникшие из твоего тела.

Привет тебе!

Ты—Осирис, сотворивший зерно для того, чтобы прокормить скот.

Боги живут твоей любовью вечно.

Боги живут тем, что сотворило твое тело.

Живой бог страны, любимый правдой, сын Ра, любимый им вечно...

Привет тебе!

Ты—Осирис.

Мы оплакиваем тебя, как бога страны, царя стран.

Они[4] говорят, они оплакивают Осириса, жену бога Анхнеснефрибра правогласную.

Осирис покоится на своем ложе.

Все боги в молчании, все богини поникли главой[5].

«Все люди в стране в стенаниях по величеству Осириса, жене бога Анхнеснефрибра, правогласной...

Боги говорят плача:

Осирис, жена бога Анхнеснефрибра, правогласная,

Она направилась в некрополь.

---

[1] Т. е. в небе.

[2] Papyrus Ghester Beatty, I, recto, 14, 9—15, 10.

[3] *b'к*. Буквально: работа, а также произведение, продукт, результат работы.

[4] Боги.

[5] Буквально: «голова (на) колене»—поза сидящего, в знак траура, на корточках с опущенной головой.

Зерно возникло в ней в доме для бальзамирования, когда Тот поместил ее туда»[1].

При раскопках были обнаружены применявшиеся в заупокойном культе фигуры прорастающего Осириса. Сделанную из смешанной с песком земли фигуру Осириса, распростертую на ложе (четырехугольная рама из кедрового дерева, покрытая поверх тростниковой цыновки полотном), засевали ячменем. После того как ростки достигали нескольких сантиметров, их подстригали, и зелень срезанных всходов покрывала всю фигуру Осириса.

Иногда Осирис, «отец и мать людей», которые «едят плоть его тела», совершенно отожествляется с зерном.

Параллельно с этим небо есть амбар, и когда зерно, нагруженное на ослов, увозится с гумна, то это является символом победоносного вступления восторжествовавшего над Сетом (ослом) Осириса (зерна) на небо[2].

На рисунках, изображающих суточное странствование солнца, небо передано женщиной, склонившейся к земле в виде свода. У рта ее надпись: «западный горизонт» (ꜣ *ḫ. t* '(*mnt. t*), у бедер: «восточный горизонт» (ꜣ *ḫ.t*'(ꜣ*bt.t*). Возле головы богини с крылатым диском у рта читаем: «Величество этого бога входит в ее (scil. Нут) рот, в преисподнюю. Преисподняя открывается после того, как он (scil. бог солнца) проезжает в нее. Эти звезды входят за ним и они выходят за ним и они спешат к своим местам[3]. Другой текст нам точно указывает все этапы ночного путешествия солнца с момента проникновения (*ḳ* «входит») и до момента, когда оно покидает (*prj*, «выходит»—обычный термин для передачи восхода солнца из восточного горизонта) свою небесную мать. Указывается маршрут солнца в каждый час ночи. Пройдя в начале путешествия по преисподней—небесной богине Нут—между рук неба, оно затем в каждый следующий час последовательно минует «губу», «зуб», «горло», «грудь» и т. д. и в 10-м часу попадает в чресла для того, чтобы, пройдя в 12-м, последнем часу ночи, между бедер богини, взойти на востоке[4]. Надпись на бедре Нут, возле которой изображено солнце в образе скарабея, поясняет: «Вот он разверзает чресла своей матери Нут, вот он удаляется к небу».

Подобный же путь проходят и звезды: «они выходят из ее (Нут) чресел и они входят в ее рот ежедневно»[5], т. е. ежедневно богиня их рождает вечером, а утром проглатывает.

Аналогичные рисунки и надписи находим в гробницах[6] и на саркофагах Нового царства, причем иной раз солнце, как в приведенных выше текстах Осирис, и здесь

---

[1] Ук. текст, изд. C. E. Sander-Hansen, строки 276—330. Текст этот повествует о связанных с погребальными обрядами мистериях, целью которых служит воскресение умерших, наступающее в тот момент, когда из тела Осириса появляются всходы злаков.

[2] K. Sethe, Dramatische Texte zu altägyptischen Mysterienspielen («Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Aegyptens», X.), Leipzig, 1928, стр. 134, 138. Небо—амбар; см. «Тексты пирамид», 1419a и 786a.

[3] Текст кенотафа Сети I в Абидосе (H. Frankfort, The Cenotaph of Seti I at Abydos, «The Egypt Explor. Soc.», 1933, I, стр. 73; II, табл. 81).

[4] Там же, I, стр. 76 и II, табл. 82. По другим представлениям, солнце ночью лежит связанным, а с зарей освобождается от своих пут. См. «Тексты пирамид», 285, c—d. Так понимает это место Зэтэ.

[5] Текст на внутренней поверхности крышки саркофага с изображением Нут на звездном фоне (K. Piehl, Inscriptions hiéroglyphiques recueillies en Europe et en Egypte. Troisième série, I, Leipzig, 1895, табл. LX).

[6] R. Lepsius, Die Wandgemälde der verschiedenen Räume..., Berlin, 1870, табл. 7 (гробница Рамсеса IV)=H. Brugsch, Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum, табл, после стр. 174.

выступает в столь обычной для него роли промыслителя мира. Так, на одном из саркофагов о солнце, изображенном в виде скарабея с диском и одновременно в образе младенца, рождаемого небом-женщиной, говорится:

«...вышедший из преисподней, спустившийся в утреннюю ладью..., вошедший в рот, вышедший из чресел, взошедший из врат горизонта... для того, чтобы доставлять пропитание всем людям, скоту и пресмыкающимся, которых он создал»[1].

Связь солярных воззрений с заупокойным культом ярко выступает уже в древнейшем памятнике, связанном с этим культом,—в «Текстах пирамид». Умерший отожествляется со светилом, преимущественно с солнцем, и это обеспечивает ему вечную жизнь в потустороннем мире. Он связан с небом уже с самого момента погребения, так как гроб, по египетским воззрениям, есть не что иное, как небо, являющееся в то же время его (умершего) матерью[2]. В одной из надписей на саркофаге с изображением Нут, рождающей и проглатывающей солнечный диск, в ее уста вложена следующая фраза:

«Я твоя мать Нут, я распростерлась над тобой, в этом имени моем небо, и ты входишь в мой рот, и ты выходишь из моих чресел, как (это) делал Ра каждый день»[3]

Нередко подчеркивается, что умерший не имеет ничего общего с людьми и земной жизнью—у него даже нет среди людей ни отца ни матери[4], это «Нут родила его вместе с Осирисом»[5].

В другом месте умерший заявляет:

«Я Орион, достигший своей страны, проезжающий вместе со звездами небесными чрево (*ḫ.t*) моей матери Нут. Она зачала меня, когда ей было угодно, она родила меня по желанию своего сердца»[6]. С ее помощью он попадает на небо и вечно странствует там, либо в свите Ра, в «барке миллионов»[7], либо сам становясь солнцем.

II

Наряду с небом-женщиной в этой роли матери светил выступает другой очень древний образ неба—корова, рождающая золотого теленка—солнце[8]. С ней связан миф об удалении солнца от людей.

Некогда солнце царствовало на земле. Когда оно состарилось, люди задумали бунт против него. Ра, одряхлевший бог солнца с костями из серебра, телом из золота и волосами из ляпис-лазури, созывает в своем дворце совет богов, на котором решено послать для наказания мятежников око Ра—свирепую богиню Хатор. Последняя настигает бунтовщиков в пустыне и начинает их истреблять. Однако совершенно искоренить род человеческий не входило в планы Ра, и он, чтобы удержать лютую богиню, применяет хитрость. По его приказанию на месте, где происходило избиение людей, разливают ночью опьяняющий напиток, похожий по внешнему виду на кровь. Этот напиток пришелся по сердцу богине, выступившей на утро для продолжения

---

[1] Mariette, Monuments divers..., табл. 46.

[2] «Тексты пирамид», 616.

[3] Ук. текст, изд. C. E. Sander-Hansen'a, строки 372—373. В «Текстах пирамид», 1417 в., где речь идет о проглатывании умершего фараона небесной богиней Нут, один из вариантов употребляет вместо слова *'m* (проглатывать) слово *šsp.* (зачинать).

[4] «Тексты пирамид», 659, 728, 809, 2002/3.

[5] Там же, 1428 d—e, ср. 729a.

[6] «Книга мертвых», 69, 4—5.

[7] Ладья, в которой солнце разъезжает по небу.

[8] «Тексты пирамид», 1029. Ср. «Книгу мертвых», 17 гл., строки 34 сл. Небо—корова: «Тексты пирамид», 388—389, 289 с (ср. 508a), 1131 в.: ср. там же, 1344: рогатая Нут.

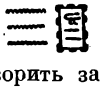
бойни, она напилась и «вернулась обратно опьяневшая и не узнала людей». Таким образом мятеж был подавлен. Но Ра не захотел оставаться на земле с неблагодарным человечеством. Он садится на спину Нут, богини-коровы, и поднимается с ней ввысь. Корова Нут стала таким образом небом со звездами на теле и с плавающей по ней ладьей солнца. Однако она испугалась, «задрожала из-за высоты», и тогда Ра приказал своему сыну Шу: «Сын мой Шу, поместись под дочерью моей Нут». С тех пор бог воздуха поддерживает Нут, касаясь ее своей головой[1].

Последние строки являются переоформлением старого мифа о разделении неба и земли. По этому мифу, впервые реконструированному Масперо[2], Нут лежала на своем супруге, боге земли, Гебе. Шу поднял Нут и вместе с ней богов и все, что находилось на ней, превратившееся с тех пор в звезды. По Нут стала плавать ладья солнца.

Намек на оба мифа сохранился в «Текстах пирамид», где наряду с упоминанием о том, что Шу поместился некогда под небесной богиней, содержится просьба к нему поднять на небо умершего фараона. При этом так же, как некогда боги, превратившиеся в звезды, не могут покинуть ее, так богиня не должна допустить, чтобы умерший удалился от нее[3].

III

В 1935 г. A. de Buck опубликовал текст, происходящий из кенотафа Сети I в Абидосе и содержащий в первой своей части новый вариант мифа о рождении и гибели светил в связи с мифом о разделении неба и земли[4].

Этот небольшой текст, местами сильно фрагментированный и представляющий большие трудности для перевода, содержит целый ряд языковых данных, характерных для очень древних памятников египетской литературы и наличных также в архаичных текстах более позднего происхождения, как, например, употребление частицы *św*, слова *dnḥnḥ*, известного еще только из «Текстов пирамид», и др. Для древних памятников характерны также и некоторые факты, связанные с внешним оформлением опубликованного текста, как, например, расщепление строки на две части, при постановке рядом параллельных частей фразы (строка 32), или стремление избегать переноса на другую строку иероглифов, относящихся к одному слову. В этом отношении, как и в отношении употребления частицы *św*, текст напоминает один из древнейших в Египте мифологических памятников—так называемый «Мемфисский богословский трактат»[5]. С другой стороны, некоторые факты, как, например, употребление определенного артикля *p*, являющегося одной из отличительных черт новоегипетского языка, хотя и засвидетельствованного уже в некоторых памятниках Среднего царства, написание *sn* вместо *śn* (местоим. суффикс 3 лица мн. ч.)[6], также известное уже из некоторых текстов Среднего царства, но характерное для текстов эпохи Нового царства, или же передача выражения *m ḫnw* (в, внутри) посредством группы иероглифов  [7], необычной в этом значении для древних текстов, и др., могут говорить за позднее происхождение текста. Для объяснения этого противоречия A. de Buck выдвигает две гипотезы. Можно допустить, что миф написан в древности и был переписан в эпоху Нового царства, причем в него были

[1] См. М. Э. Матье, Мифы Древнего Египта, Л., 1940, стр. 74—78.

[2] C. Maspero, Etudes de mythologie et d'archéologie égyptiennes, I, стр. 339-340.

[3] «Тексты пирамид», 784—785, 275f, 519c и др. Ср. там же 299a: умерший угрожает, что он оттолкнет «руки Шу», поддерживающие Нут, если он не займет свое место в ладье солнца.

[4] В упоминавшемся выше издании: H. Frankfort, The cenotaph... I, стр. 82—86; II, табл. 84—85. Текст воспроизведен на вклейке стр. 192 настоящей статьи.

[5] См. K. Sethe, Dramatische Texte..., стр. 2 сл.

[6] 2-я строка.

[7] Например, 17-я строка.

внесены некоторые изменения. Не исключена и другая возможность, представляющаяся A. de Buck'у более вероятной: миф написан в новоегипетскую эпоху, причем автор пытался подделаться под язык древних религиозных текстов.

И в том и в другом случае памятник представляет исключительный интерес как со стороны содержания, так и по форме. По форме—поскольку текст, во второй его части, является одним из крайне немногочисленных в Египте так называемых драматических текстов, представляющих собой как бы сценарии разыгрывавшихся в храмах мистерий. Об этом свидетельствуют выделенные в строке ограничительными линиями группы иероглифов, играющие роль кратких указаний для действующих лиц драмы. Со стороны содержания—поскольку в нем сохранился, наряду с другими, фрагмент неизвестного до сих пор мифа о небе-свинье, пожирающей своих детенышей—звезды. В целом основной идеей текста, находившегося возле колоссального изображения Нут с именами декан на теле, проглатывающей и вновь рождающей солнечный диск, является борьба мрака и света (смена дня и ночи, фазы луны и т. д.).

С этой основной темой увязаны вкрапленные в текст фрагменты различных мифов, частично известных нам по другим источникам, например, упоминавшийся уже выше миф о самооплодотворении божества[1], засвидетельствованный большим количеством текстов миф о поврежденном Сетом оке Гора, поставленный здесь в связь с фазами луны, и др.

Интересующий нас миф, занимающий первые строки текста и относящийся к изображению Нут, о котором шла речь выше, изложен следующим образом.

«Эти звезды едут до края неба по ее (Нут) внешней стороне ночью, когда они появляются и их видят. Они едут внутри нее днем, не появляясь и не будучи видимы.

Они входят вслед за этим богом[2], и они выходят вслед за ним. И вот[3], они едут вслед за ним по небу (*ṯs.šw—šw*) и останавливаются на (своих) местах[4] после того, как его величество заходит в западный горизонт. Они входят в ее рот в месте ее головы на западе, и вот, она пожирает их.

И вот, Геб ссорился с Нут потому, что он сердился на нее из-за пожирания детенышей.

И было названо ее имя: «свинья, пожирающая своих поросят», потому что она пожирает их.

И вот, отец ее Шу поднял ее и вознес ее к своей голове и сказал(?): «остерегайся (?) Геба. Пусть он не ссорится с ней из-за того, что она пожирает свои порождения[5]. Она родит их (снова) и они будут жить (снова), и они будут (снова) выходить в месте, в котором находится ее зад на востоке, каждый день, как она рождает...»[6].

---

[1] См. «Тексты пирамид», 1248; Лейденский папирус, I, 350, V, 2; Берлинский папирус, 3049, XIII, 6 и др.

[2] Имеется в виду бог солнца Ра, изображенный в виде диска у рта Нут.

[3] *šn*. О трактовке *šn* (строка 2-я), а также *šj* и *šw* (строка 3-я), как древнего личного местоимения, поставленного впереди глагольного предложения см. A. de Buck, ук. соч., стр. 83, прим. 5 и H. Grapow, ÄZ, 71, стр. 46, прим. 2). В соответствии с такой трактовкой Грапов и переводит: «Und sie, sie fahren (строка 2-я), «Und er, Geb, zankte mit Nut» (строка 3-я), «Und sie, sie isst sie auf» (строка 3-я), и т. п.

[4] *dmj.w*. Возможно, технический термин египетских астрономических текстов, касающийся положения звезд на ночном небе. См. A. de Buck, ук. соч., I, стр. 85, прим. 7 и H. Brugsch, Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum, 176.

[5] Темное место. Текст сильно поврежден (см. табл. 1, строку 4).

[6] Дальше текст сильно поврежден. A. de Buck восстанавливает: «even as she gave birth [the first time?]». Не исключена возможность, что здесь стояла стереотипная фраза: «как она рождает Ра ежедневно».

Таким образом, и в данном тексте налицо метафорическое восприятие неба в виде живого существа. Обычно, как указывалось выше, это либо женщина, проглатывающая и вновь рождающая светило, либо же, при зооморфном восприятии, корова, рождающая золотого теленка—солнце. В отличие от этого в приведенном тексте мы сталкиваемся с представлением о небе-свинье. С этим образом неба-свиньи, как мы видели, связываются все те представления, которые столь характерны для целого ряда египетских космогонических мифов: представления о разделении неба и земли, восходе и заходе светил в связи с их рождением и проглатыванием матерью-небом и т. д.

Не менее характерно и приурочение данного мифа, наряду с другими, к заупокойному культу, о чем говорит, помимо прочих данных, уже самый факт нахождения текста, сопровождающего изображение Нут, в кенотафе фараона.

IV

Настоящий текст является пока единственным египетским литературным памятником, свидетельствующим о связи свиньи с описанным выше кругом идей[1], восходящих к глубокой древности. Однако роль свиньи в египетской религии этим не ограничивается. Классические писатели отмечают, что, по воззрениям египтян, свинья враждебна солнцу и луне и вместе с тем Осирису и Гору[2]. Обычно это животное связывается с врагом Осириса и Гора— Сетом. Так, Плутарх[3], сообщая, что египтяне считали свинью нечистым животным и что они приносили ее в жертву и съедали при наступлении полнолуния, в качестве обоснования этого обычая приводит рассказ, по которому Тифон (т. е. Сет), преследуя во время полнолуния свинью, нашел деревянный гроб с телом Осириса и растерзал его на части. Геродот (II, 47) также рассказывает, что египтяне приносят свинью в жертву лишь Селене и Дионису (Осирису) во время полнолуния. О запрещении египтянам употреблять свинью в пищу говорит ряд авторов, причем один из них[4] мотивирует этот запрет тем, что свиньи пожирают своих собственных детенышей, а также человеческие трупы. С другой стороны, ряд авторов указывает, что свинья у египтян, в частности у жителей Фив и Саиса, считалась священным животным.

Связь свиньи с Сетом подтверждается и египетским текстом, содержащим эпизод, в котором Сет выступает как враг Гора, светового божества с глазами-светилами. Этот эпизод передается следующим образом,

«Ра сказал (однажды) Гору:

Дай-ка я осмотрю твой глаз после того, что произошло с ним»[5].

Затем он осмотрел его и сказал:

«Взгляни-ка на ту черту, причем (пусть) твоя рука закрывает тот неповрежденный глаз».

Затем Гор взглянул на ту черту. Затем Гор воскликнул:

«Смотри! я вижу ее белой, белой».

Тогда Ра предлагает ему:

«Взгляни-ка другой раз на ту черную свинью».

Затем Гор взглянул на эту свинью и закричал от боли,—его глаз снова был поврежден. Оказывается, что черной свиньей обернулся враг Гора, Сет, и при взгляде на него поврежденный некогда глаз снова разболелся.

---

[1] Возможно, что намеком на миф о небе-свинье, пожирающей поросят-светила, является вложенная в уста Нут фраза, обращенная к Сету: «Разве существует мать, пожирающая свое дитя»? («Urkunden des ägyptischen Altertums», VI, стр. 57; ср. A. de Buck, ук. соч., I стр. 83, прим. 8).

[2] Элиан, X, 16.

[3] «De Iside et Osiride», cap. 8.

[4] Элиан, X, 16.

[5] Имеется в виду повреждение глаза Гора Сетом.

Вследствие этого Ра приказал гнушаться свиньи, и «таким образом возникло отвращение к свинье, ради Гора, со стороны богов»... Однако раньше, прибавляет текст, когда Гор был еще ребенком и его глазу еще не было нанесено увечье, ему приносились в жертву и свиньи[1].

Таким образом, враждебная роль свиньи по отношению к светилам, о которой говорит новый миф, проявляется и в других египетских памятниках.

Однако иногда свинья выступает в иной роли, являясь воплощением благодетельного божества. Так, в одном тескте Исида, богиня-мать,—в древности, как полагают некоторые исследователи, богиня неба, рождающая солнце [2],—названа белой свиньей, матерью Мина[3], бога мужской производительной силы, плодородия и урожая. Найдены также амулеты в виде свиньи, причем некоторые из них снабжены надписями, из которых видно, что амулеты эти должны принести счастье их владельцам и стоят в связи с Исидой[4], подобно тому как в Греции изображения свиньи были связаны с Деметрой[5].

Наконец, в Британском музее хранится фаянсовая группа саисской эпохи, изображающая свинью, которую сосут поросята (рис. 1)[6]. Надпись на нижней поверхности основания гласит: Нут великая, мать богов[7].

Фигурка эта поразительно похожа, как отмечает и Newberry, на другую фигурку свиньи (рис. 2)[8], относящуюся ко времени первой династии и отделенную от группы саисской эпохи промежутком времени приблизительно в два с половиной тысячелетия. Это сходство, проявляющееся как в позе животного, так и в трактовке отдельных частей фигуры, особенно—склоненной к земле удлиненной морды с короткими, торчком стоящими ушами и выступающим вперед пятачком[9], может быть не случайно. Оно могло явиться следствием длительной традиции или, что не менее вероятно, есть результат столь характерного для саисской эпохи подражания древним образцам[10]. Если это предположение справедливо, то образ свиньи, засвидетельствован-

---

[1] «Книга мертвых», гл. 112 (редакция эпохи Среднего царства). Перевод см. ÄZ, 58 (1923), стр. 2—3 (K. Sethe).

[2] См. например, A. Erman, Die Religion der Aegypter, Berlin und Leipzig, 1934, стр. 32—33.

[3] Стела Меттерниха, строка 86.

[4] См. Th. Hopfner, Der Tierkult der alten Aegypter, Wien, 1913, стр. 63 и «Königliche Museen zu Berlin. Ausfürliches Verzeichnis der ägyptischen Altertümer»..., Berlin, 1899, стр. 288. Некоторое количество глиняных фигурок свиньи, относящихся еще к додинастическому периоду, найдено в гробницах Абидоса и в некоторых других пунктах Верхнего Египта. См.: JEA (1928), стр. 211 (Newberry). Отметим также наличие слова *rrt* (свинья) в женских именах: *t', rrt*: H. Ranke, Die ägyptischen Personennamen, 364. 14 (18-я династия).

[5] О существовавшем у греческих женщин обычае посвящать Деметре изображения свиньи см. Б. Л. Богаевский, Земледельческая религия Афин, т. I (Зап. истор.-филол. факультета Петрогр. унив.», ч. CXXX, Пгр., 1916), стр. 175.

[6] Британ. музей, № 11976: JEA, 14, табл. XVIII, 3.

[7] Mackenzie (The migration of Symbols..., London,1926, табл. IX) видит в этой фигуре олицетворение звездного неба и сопоставляет ее с одним из воплощений богини неба Нут. Шлиманом при раскопках Трои была найдена фигурка свиньи, покрытая звездным (?) орнаментом. См. ÄZ, 71, стр. 47.

[8] Petrie, Abydos, II, табл. VI, № 66, JEA, 14, табл. XVIII, 4.

[9] Последнее, впрочем, может быть обусловлено тем обстоятельством, что в обоих случаях изображена одна и та же порода свиньи.

[10] Аналогичные группы известны нам и от еще более позднего времени. L. Keimer (Remarques sur le porc et le sanglier dans l'Egypte ancienne, «Bull. de l'Institut d'Egypte, XIX, Session 1936—1937, Le Caire, 1937) на стр. 155, фиг. 6, при-

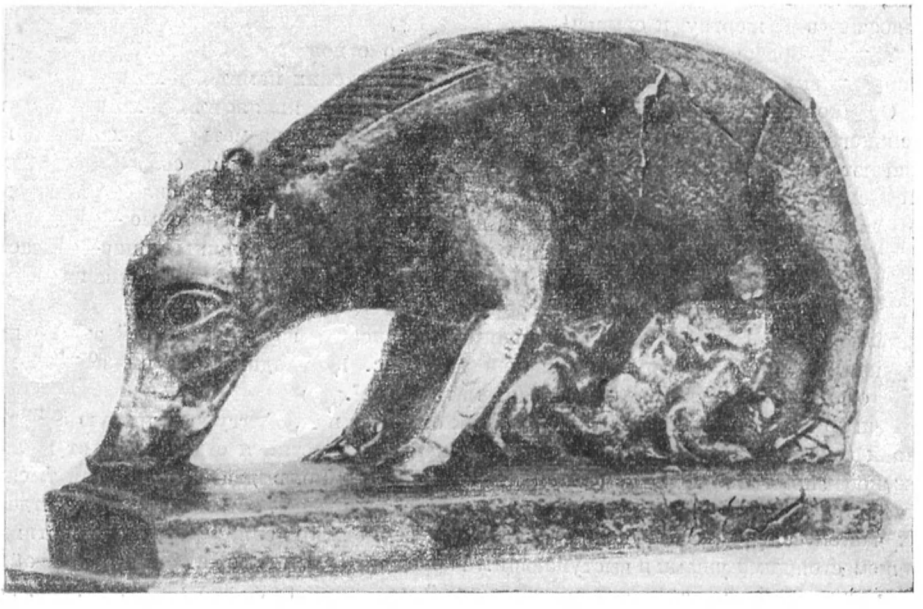


Рис. 1. Саисское время. Фаянс. Британский музей.

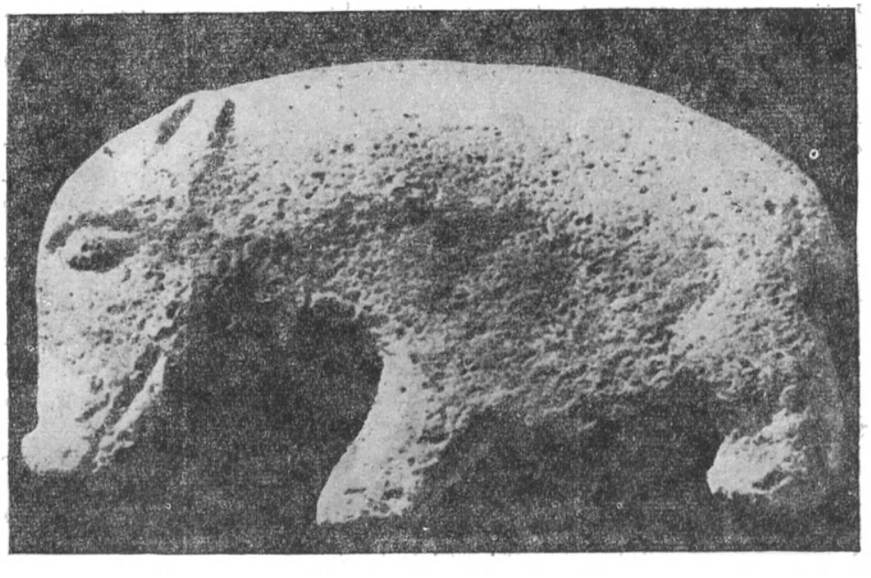


Рис. 2. Время первой династии (Petrie, Abydos, II, табл. VI, № 66).

ный новым текстом, в котором, как показывают некоторые приведенные здесь данные, можно видеть воплощение одного из аспектов благодетельной богини-матери, отодвигается в глубь тысячелетий, в древнейшие эпохи египетской истории.

Учитывая, во-первых, глубокую древность представлений, связанных с египетским мифом о небе—матери светил[1], во-вторых, наличие ряда фактов, дающих основание считать культ свиньи относящимся к отдаленным эпохам египетской истории, а также наличие фактов, говорящих о связи свиньи с представлением о богине-матери (Нут или Исиде), как это имеет место и за пределами Египта,—можно предположить, что миф о небе-свинье был известен,—возможно, и в иных вариантах,—в эпохи, предшествовавшие Новому царству, и лишь случайно не сохранился в более ранних списках, как это произошло и с некоторыми другими памятниками египетской литературы, а дошел до нас лишь от эпохи 19-й династии, когда, вскоре после искоренения учения царя-еретика Эхнатона, охотно возвращались к освященной традицией древности. Если это так, то архаизмы, обнаружившиеся как в языке, так и во внешнем оформлении текста мифа, о чем шла речь выше, свидетельствуют о древности последнего, и эти архаизмы следует отнести за счет не сохранившегося или же еще не найденного оригинала, к которому в конечном счете восходит наш памятник.

И. Г. Лившиц

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Страбон (VII, 3, 9) приводит следующие слова греческого поэта Херила Самосского, творчество которого относится к последним десятилетиям V в. до н. э. «И пастухи овец саки—по происхождению скифы, но населяли они богатую пшеницей Азию и были, несомненно, выходцами из земли номадов—справедливых людей».

Эти строки Херила были заимствованы Страбоном у историка Эфора для характеристики скифских племен, к которым причислялись и саки. Слова Херила являются цитатой из несохранившегося его труда, содержавшего эпическое описание греко-персидских войн, во время которых саки входили в состав персидских вооруженных сил.

Для нас отрывок из произведения Херила интересен не только тем, что в нем упоминается один из среднеазиатских народов, но еще и потому, что в словах греческого поэта страна саков Азия (у Херила она именуется по-гречески Асидой) выступает как житница, как страна, производящая пшеницу. Эпитет πυροφόρον, данный Херилом далекой стране, где жили саки, конечно, не был случаен. Очевидно, сведения, которыми располагали греки в V в. до н. э. о Средней Азии, рисовали последнюю не только как страну, заселенную кочевниками-скотоводами, но и как страну развитого земледелия[2]. Ниже мы попытаемся представить свод тех све-

---

водит терракотовую группу, относящуюся к римскому времени и изображающую свинью с тремя сосущими ее поросятами.

[1] Уже самый мотив проглатывания светила небом, мотив, на котором построен текст из кенотафа Сети I, является, как мы видели выше, необходимым элементом древнего мифа о небесной богине-матери, ежедневно зачинающей и рождающей солнце.

[2] Интересно с этим сопоставить характеристику основных черт хозяйственного уклада жизни среднеазиатских государств, которую мы находим у наиболее ранних китайских историков, впервые располагавших сведениями о Средней Азии (ее китайцы именовали «Западным краем») после того, как в 20-х гг. II в. до н. э. китайцам удалось проникнуть туда и завязать отношения с некоторыми среднеазиатскими государствами. В хронике старшей династии Хань (202 г. до н. э.—25 г. н. э.)

дений о древнем земледелии в Средней Азии, которые можно почерпнуть из античных, преимущественно греческих, письменных источников, дополняя их в меру возможности данными археологических исследований.

Где, в каких районах Средней Азии возникли наиболее ранние очаги земледельческой культуры? По мнению некоторых исследователей (В. Гейгер, А. Германн и др.), одной из наиболее древних культурных областей Средней Азии, а вместе с тем и областей древнейшего земледелия, являются земли нижнего течения Аму-Дарьи, т. е. Хорезм. Германн так выражал эту мысль: «В то время как в окружающих степях жили только кочевники, в пределах теперешней Хивы на берегах реки люди рано перешли к оседлому быту, стали заниматься земледелием и прокладывать оросительные каналы; есть основание предполагать здесь такую же картину, как в древней Месопотамии»[1]. В доказательство этого положения Германн ссылается на средневекового хорезмского ученого аль-Бируни, который в составленной им хронологии восточных народов заселение Хорезма отнес к 1292 г. до н. э. Последнее свидетельствует о существовании в народных преданиях хорезмийцев традиции, относившей к весьма отдаленной древности возникновение оседлого быта на территории хорезмийского культурного оазиса[2].

В этом же смысле подвергают толкованию и упоминаемую в Авесте (Вендидад, 1, 2) легендарную страну Айрианэм-Ваэджо, «первую обитель благословения и изобилия», расположенную в географической зоне суровых зим и питаемую какой-то большой рекой. На основании различных соображений ряд ученых отождествляет Айрианэм-Ваэджо с Хорезмом, подкрепляя и этим мнение о давности существования там оседлой земледельческой культуры[3].

Новейшие археологические исследования Хорезма, систематически производящиеся экспедициями под руководством С. П. Толстова, действительно привели к открытию на территории Хорезма следов жизни человека, восходящих к весьма далекому прошлому. Наиболее ранние остатки поселений в районе правобережного Хорезма восходят к концу IV—III тысячелетия до н. э. Это были поселения оседлых охотников и, главным образом, рыболовов. Изучение одной из таких стоянок (Джанбас-кала № 4) позволило выяснить картину жизни первобытных жителей, селившихся преимущественно вдоль речных протоков и водоемов[4].

говорится: «Вообще почти во всех государствах Западного края ведут оседлую жизнь, имеют города, скотоводство и в обыкновениях не сходствуют ни с хуннами, ни с усунями» (Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, III, СПб., 1851, стр. 34). Противопоставление хуннов и усуней имело очевидной целью подчеркнуть важную роль оседлого быта и земледелия у населения главных культурных областей Средней Азии.

[1] A. Herrmann, Alte Geographie des unteren Oxusgebiets, «Abh. der Gesell. der Wiss. zu Göttingen», Phil.-hist. Kl., t. XV, вып. IV, 1914, стр. 43.

[2] Об отсутствии каких-либо реальных оснований этой даты см. у В. Бартольда, Сведения об Аральском море..., стр. 9.

[3] Herrmann, ук. соч., стр. 43 (с ссылкой на исследование F. C. Andreas). По мнению К. Иностранцева, которое нам представляется более близким к истине, под мифологической страной Айрианэм-Ваэджо следует разуметь «обширную территорию скифов-саков (кит. Сэ) за всю эпоху их миграций, от крайних северо-восточных пределов Ирана, приаральских и прикаспийских степей, до юго-восточных границ его, до Индии» (К. Иностранцев, О домусульманской культуре хивинского оазиса, ЖМНП, 1911, март, стр. 316; он же, Река Иран-Вэджа в парсийской традиции, «Изв. Росс. Академии Наук», 1917, № 12, стр. 891).

[4] С. П. Толстов, Хорезмская экспедиция 1939 г., КСИИМК, № 6, стр. 70 сл.; он же, Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, ВДИ, 1946, № 1, стр. 61 сл.

Они жили в примитивных шалашах из дерева и камыша, занимались ловлей речной и озерной птицы, охотились на диких зверей, использовали в пищу черепах, степных грызунов.

Лишь на следующем этапе бронзовой культуры, во II тысячелетии до н. э., есть основания предполагать зачатки земледелия, сочетавшегося со скотоводством. Люди и тогда еще продолжали жить на песчаных дюнах вдоль берегов. Однако на прибрежных узких полосах в это время, повидимому, уже велось земледелие в виде богарных посевов, т. е. посевов на не орошаемых искусственным поливом полях. Такие посевы были возможны благодаря тому, что высокостоящие почвенны воды в полосе, ближайшей к реке и естественным водоемам, обеспечивали хлебные злаки необходимым минимумом влаги. Повидимому, происшедший в конце бронзового века значительный подъем уровня воды в водоемах привел к временному затоплению населенных пунктов. После спада вод жизнь снова возобновлялась. Тем не менее и в этот период, т. е. первые века первого тысячелетия до н. э. (начало железного века), земледелие носило попрежнему зачаточно-примитивный каирный характер и велось на площадях илистых отложений в узкой прибрежной полосе. Ирригационных сооружений еще не было. Это подтверждается тем, что следы поселений указанного времени находятся вдали от больших каналов, возникших позднее. Расширение площади обрабатываемых земель в сторону от Аму-Дарьи и ее притоков могло произойти только на основе искусственного орошения, без которого в условиях жаркого и весьма сухого климата даже в небольшом удалении от водоемов земледелие невозможно[1].

Результаты археологического обследования земель древнего орошения правобережного Хорезма дают С. П. Толстову основание считать, что начало сооружения здесь большой ирригационной системы относится примерно к первой половине I тысячелетия до н. э. С этого времени на территории Хорезма постепенно складывается земледельческая культура крупного оазиса.

Между тем в Средней Азии имеются области, где зарождение земледелия, как мы увидим ниже, произошло по крайней мере на одно — два тысячелетия раньше. Спрашивается, что же препятствовало более раннему развитию оседлой земледельческой культуры на прилегающих к Аму-Дарье землях, которые, казалось бы, могли быть обводнены этой грандиозной речной артерией Средней Азии и тем самым очень рано стать значительным земледельческим оазисом?

Причиной тому являлись прежде всего природно-физические особенности Аму-Дарьи, которые присущи в той или иной степени всем большим рекам Средней Азии. Аму-Дарья имеет очень большой уклон русла: ее горные истоки находятся на 3700 м выше уровня Аральского моря, куда изливаются воды Аму-Дарьи. Вследствие указанной причины течение Аму-Дарьи отличается исключительной быстротой и напором, что уже было в древности замечено участниками похода Александра Македонского, испытавшими большие затруднения при устройстве переправы (как полагают, ее сооружали в районе Келифа; Arr., Anab., III, 29).

Обуздание такой могучей реки было, конечно, не под силу первобытному человеку с его примитивными техническими средствами и отсутствием достаточно развитых производственных отношений, при которых было бы возможно осуществление больших по масштабу и весьма трудоемких ирригационных работ. При осваивании земель в низовьях Аму-Дарьи населению приходилось затрачивать массу труда не только на создание каналов, но и на поддержание их в надлежащем состоянии, в особенности головных частей каналов, подвергающихся в период половодья разрушительному воздействию реки. Более того, значительные колебания уровня Аму-Дарьи требуют принятия мер к защите культурных земель специальными дамбами, прорыв которых грозит затоплением и уничтожением поселений и посевов.

[1] Б. Георгиевский, Южный Хорезм, Геологические и гидрологические исследования 1925—1935 гг., Ташкент, 1937, стр. 98—99.

В силу указанных выше причин использование Аму-Дарьи для развития земледельческой культуры стало возможным в сравнительно позднее время, когда уже был накоплен опыт ирригационного земледелия в других районах, с более благоприятными для этого природными условиями.

Остатки древнейшей земледельческой культуры на территории Средней Азии были обнаружены в 1904 г. близ Ашхабада, в предгорьях Копет-дага, в 2 км к западу от развалин древнего города Анау. Произведенными тогда раскопками были вскрыты два холма, представлявшие остатки поселений. Многослойные культурные напластования содержали в основном развалины строений из сырцового кирпича. Наиболее древний культурный слой северного поселения относится к эпохе энеолита, III тысячелетия до н. э.[1]. Наряду с кремневыми наконечниками стрел, пряслицами и большим количеством обломков полихромной керамики, выполненной без применения гончарного круга, в числе культурных остатков были обнаружены каменные зернотерки, а в глиняном тесте некоторых глиняных сосудов и сырцовых кирпичей были найдены отпечатки соломы и обугленные зерна двух растений—мягкой пшеницы (Triticum vulgare) и двурядного ячменя (Hordeum distichum)[2]. Помпелли был склонен считать анаусскую культуру древнейшим очагом земледелия и скотоводства, исходным центром, откуда земледелие распространилось в области Месопотамии, Нила и Средиземного моря. Отвергая в этой части выводы Помпелли, как порожденные прежде всего неправильной датировкой древних поселений Анау (Помпелли относил анаускую культуру I к IX—VII тысячелетию до н. э.), все же надо признать, что поселения Анау представляют древнейшие памятники первобытноземледельческой культуры Средней Азии.

Местоположение остатков древнейших земледельческих поселений на юге Туркмении показывает, что наиболее ранние земледельческие оазисы возникли в предгорной зоне, в которой возможен был прежде всего, так наз. лиманный или болотный способ орошения, не требовавший от человека сложных технических приспособлений. Указанный способ примитивного земледелия удержался кое-где у туркмен, например, в районе Сумбар и Кюрен-Даг, до недавнего времени. Обычно под посев выбираются небольшие площадки у подошвы мергелистых склонов, во время осенних дождей с этих склонов стекают ручейки, дающие небольшое количество влаги, все же достаточное для того, чтобы увлажнить расположенные у подошвы посевные площади. Вода, сбегающая по склонам, содержит большое количество ила, богатого известью. Почва благодаря этому очень плодородна (Букинич, «Хлопковое дело», 1924, № 1—2, стр. 112—113). Самое большое, что иногда должен сделать земледелец, это соорудить небольшой земляной валик по окраине поля для удержания на некоторое время влаги весенних потоков. Крайне несложен и самый процесс посева. После спада воды земледелец разбрасывает семена прямо на болотистую поверхность посевной площадки, даже без предварительной обработки ее, зерна запахиваются примитивным деревянным плугом (омачом), который тянет пара верблюдов. Киргизы на Усть-Урте в низовьях р. Чегана делают еще проще: разбросанные в жидкий ил семена не запахиваются, а по полю просто прогоняется несколько раз стадо баранов, которые втаптывают зерна.

Первобытный человек не мог справиться с бурными потоками вод, стекавшими с гор, с разрушительными ливневыми водами (сили) значительных горных рек. Поэтому древнейшие земледельцы селились или в районах предгорных лиманных площадок, орошаемых мелкими речушками и ручейками, или в низовьях рек, иссякающих на равнинах (типа Мургаб, Теджен и др.). В период половодья поверхност-

---

[1] R. Pumpelly, Prehistoric civilisations of Anau, I, Вашингтон, 1908, стр. 136.

[2] R. Pumpelly, указ. соч., т. II, стр. 471—472. Хронология так наз. анаусской культуры, основанная на учете результатов археологического изучения Туркмении в советский период, дана А. А. Марущенко в книге «Архитектурные памятники Туркмении», в. 1, Москва—Ашхабад, 1939, стр. 101.

ные сбросные воды на окраине речного конуса дают возможность обходиться без специальных ирригационных сооружений при использовании под посевы расположенных среди песков такырных площадок. Характерно, что анаусские энеолитические поселения расположены именно в конце выноса ручья Кельте-Чинар. Курганы—поселение Гумыш-тепе, Ак-тепе (в низовьях Мургаба), Караган-тепе (в низовьях Меаны) и др., содержащие анаусскую керамику, находятся по самым окраинам оазисов в зоне затихающих вод, т. е. там, где выступавшие из рек во время разливов воды уже не имели разрушительной силы.

Наблюдения над древнейшими оседлыми земледельческими поселениями в предгориях Копет-Дага и выводы о соответствовавших этим поселениям приемах орошения, могут быть подкреплены данными археологического обследования северо-восточной окраины Ферганской долины[1]. Здесь, в Кызыл-ярской степи, прилегающей к горной гряде, выявлены остатки крупного магистрального канала, проведенного поперек степи от склона горного кряжа. Весенние воды, сбегающие по склонам, направлялись в указанный канал и далее шли через водоразборную сеть на орошение прилегающих к нему с юго-запада полей, где обнаружено значительное число древних земледельческих поселений, большинство которых, повидимому, относится ко времени «разложения родового строя и начала формирования классового общества» (там же, стр. 142). Несмотря на то, что в указанном районе проходит большая река Нарын, древнее население пользовалось для орошения своих полей водами горных весенних потоков, а не реки. Это объясняется опять-таки тем, что на ранних стадиях исторического развития людям было не под силу строительство ирригационной системы, основанной на использовании воды большой бурной реки со значительно меняющимся в разные периоды года уровнем и т. д.

При современном состоянии историко-археологического изучения Средней Азии невозможно представить полную историческую картину постепенного развития земледелия на всей ее территории. Можно только считать установленным, что древнейшие земледельческие оазисы возникли в районах предгорий[2], позволявших вести земледелие наиболее простыми средствами орошения, создававшимися самими природными условиями,—в южной Туркмении, Фергане и некоторых других местах, например, на Зеравшане, где обнаруживаются остатки материальной культуры анауского типа. Лишь постепенно человек мог переходить к земледелию в более сложных условиях вдоль русел больших рек, где обработка полей на широких пространствах возможна была при условии сооружения плотин, проведения каналов и т. д.; вдоль крупных рек местами могло также рано возникнуть земледелие неполивное, каирное, сочетавшееся с рыболовческо-охотничьим хозяйственным бытом. Следует, однако, признать, что для прогресса земледельческой культуры в наиболее ранние периоды имели большое значение предгорные оазисы с поливным земледелием на основе так наз. лиманного орошения—орошения водами мелких горных рек и ручьев. Именно тут мог накапливаться ирригационный опыт, позволявший в дальнейшем перейти к освоению районов, требовавших более сложных приемов искусственного орошения.

К середине I тысячелетия до н. э., когда сведения о Средней Азии стали проникать в древнегреческую литературу, среднеазиатское земледелие уже имело за собой достаточно длительный путь развития, хотя еще и в то время, наряду с земледельческими оазисами не менее обширные территории Средней Азии были заняты

---

[1] Б. Латынин, Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарыне в Фергане (Гидроэлектропроект), «Археологические работы на новостройках 1932—33 гг.», М.—Л., 1935, стр. 123.

[2] Некоторые исследователи склонны придавать горным районам особенно важную роль в развитии культуры, видя в них исходные ее очаги, см. статью Г. В. Ковалевского, Культурно-историческая и биологическая роль горных районов, «Природа», 1931, № 2, стр. 149—172.

кочевьями, а в таких районах как, например, Семиречье, земледелие стало приобретать заметный удельный вес только со времени раннего средневековья.

Какие сведения о земледелии в Средней Азии дают античные источники? Гекатей и Геродот не дают почти никаких данных о земледелии в далеких от Греции странах Средней Азии.

Значительно расширились представления греков о Средней Азии в результате вторжения туда Александра Македонского. Греческая литература обогатилась новыми географическими сведениями о Средней Азии. Впервые грекам стала известна Сыр-Дарья (Яксарт), хотя участники походов Александра ошибочно еще принимали ее за Дон (Танаис). Александр в последний год своей жизни имел намерение предпринять специальное исследование Каспийского моря. Казалось бы, что все вышеприведенные обстоятельства должны были способствовать накоплению в греческой литературе сведений о хозяйственном быте народов Средней Азии времени Александра. В действительности же таких данных у греческих авторов крайне мало. Как известно, ни одно из крупных произведений непосредственных участников походов не сохранилось. Они дошли лишь в виде выдержек, цитат и пересказов более поздних писателей (Страбон, Квинт Курций, Арриан и др.), заимствовавших из оригинальных произведений то, что им казалось важным и интересным. Писатели не задавались целью обстоятельного описания быта, хозяйственных занятий населения отдельных областей, в частности Средней Азии. Будничная жизнь народов, живших там, интересовала их мало. Описание страны и ее населения давалось лишь постольку, поскольку это нужно было в качестве фона для обрисовки деятельности великого полководца и его армии. Поэтому в дошедших до нас описаниях походов Александра мало данных, которые характеризовали бы хозяйственную жизнь оседлого земледельческого населения Средней Азии. Упоминаются отдельные города, поселения, в которых жило местное население, но без конкретной характеристики его быта. Порой отмечаются лишь такие подробности, которые привлекали к себе особое внимание своей необычностью. Так, например, при описании Гиркании, области, прилегавшей к юго-восточному побережью Каспийского моря и отличавшейся плодородием, последнее иллюстрировалось примером, что одной виноградной лозы там хватает на целый метрет (т.е. 39 л.) вина (Diod., XVII, 75), без какой-либо более широкой и конкретной характеристики использования плодородия страны местным населением.

Торговые сношения стран Средиземноморья с востоком, развившиеся в римский период, обусловили дальнейший приток сведений о Средней Азии, нашедших свое отражение в трудах греческих географов римского времени (II в. н. э.) Мартина Тирского и Клавдия Птолемея. Но эти данные касались в основном лишь размещения на карте географических сведений о горах, лесах, населенных пунктах и т. п. Описания жизни народов в указанных трудах нет. Ввиду этого чрезвычайно ценным дополнением к греко-римским литературным источникам являются труды китайских историков, писавших о Средней Азии со времени известной экспедиции Чжан Цзяня (20-е гг. II в. до н. э.), когда китайцы не только впервые проникли в Среднюю Азию, но и завязали с ней длительные культурно-политические связи. При всей лапидарности известий о Средней Азии в китайских источниках они содержат немало важного материала для суждения об агрикультуре Средней Азии в античную эпоху.

Поскольку основой земледелия в Средней Азии являлось искусственное орошение земель, естественно было бы ожидать, что в античной литературе мы найдем сведения об этой весьма существенной стороне среднеазиатской агрикультуры, тем более, что сами греки поливного земледелия не вели и для них ирригационные приемы должны были представляться характерной особенностью земледелия Средней Азии. Однако в действительности, за исключением лишь одного—двух сообщений, о которых речь будет ниже, в античных литературных источниках сведений об искусственном орошении земель Средней Азии мы не находим. Даже в подробных описаниях военных действий Александра Македонского, происходивших на территории

Средней Азии, нет упоминаний ни об оросительных системах, ни об отдельных каналах, встречавшихся на пути греческих войск во время походов и боевых операций. Иногда только косвенным образом греческие писатели дают понять читателю, сколь велико значение речного орошения в Средней Азии. Арриан, описывая преследование Александром своего противника Спитания через область, орошаемую рекой Политемет (Зеравшан), отмечает, что «где вода (Политемета) исчезает, там страна представляет пустыню» (Anab., IV, 6). Здесь имеется в виду западный конец реки Зеравшана, иссякающий теперь в песках за бухарским оазисом. Географическая характеристика указанной реки у Арриана как бы подчеркивает одну очень важную особенность природы Средней Азии: области, лишенные речных вод, пустынны, так как атмосферные осадки, бывающие в недостаточном количестве, в условиях сухого и жаркого климата не могут обеспечить надлежащих условий для развития растительного и животного мира.

Более определенно характеризует значение р. Зеравшан Страбон, заимствовавший приводимые им сведения у Аристобула.

Отметив, что через Согдиану протекает река, которой македонцы дали наименование Политемет, Страбон (XI, 11, 5) пишет; «Оросивши эту страну, река изливается в пустынную и песчаную землю, где и поглощается песками». В этом описании весьма важно примененное Страбоном по отношению к реке выражение: «ἄρδοντα δὲ τὴν χώραν», что значит буквально: напоив страну. Стало быть, река уходит в песчаную пустыню после того, как она удовлетворила потребность в воде вышележащих местностей, через которые она протекает. Несомненно, имеется в виду орошение культурных земель Согдианы, расположенных в долине р. Зеравшан. Принимая во внимание, что это описание р. Политемет (Зеравшан) заимствовано из труда участника походов Александра, надо признать в вышеприведенной выдержке важное античное свидетельство, которое подтверждает значение названной реки как водной артерии, питавшей оросительные каналы согдийцев в IV в. до н. э.

Китайские династические летописи, содержащие немало ценных сведений о земледельческой культуре Средней Азии, не касаются вопросов ирригации, хотя, несомненно китайцам было хорошо известно значение искусственного орошения в «Западном крае», т. е. в среднеазиатских областях[1].

При таком положении, когда литературные источники почти не содержат конкретных данных относительно ирригации Средней Азии, тем больший интерес представляет сообщение Геродота, который рассказывает следующее: «Есть в Азии равнина, окруженная горами со всех сторон, в горах же имеется пять проходов. Когда-то эта равнина принадлежала хорезмийцам, будучи расположенной на границе земель самих хорезмийцев, гирканиев, парфян, сарангов и фаманейцев. С тех пор как власть перешла к персам, равнина принадлежит [персидскому] царю. С горы, замыкающей равнину, течет большая река по имени Акес. Прежде река орошала земли упомянутых пяти стран посредством пяти отведенных от реки каналов, проходивших через горные проходы. С тех пор как они перешли под власть персов, произошло следующее: проходы в горах [персидский] царь закрыл шлюзами (πύλας), сооруженными у каждого прохода. Лишенная, таким образом, выхода, вода образовала на равнине внутри гор море, так как река вливалась, а выхода не имела. Те, кто привык раньше пользоваться водой, будучи лишены этой возможности, стали теперь испытывать большое бедствие. Зимой бог посылает им дождь, как и другим людям, но летом во время посева проса

---

[1] Лишь в поздней летописи Тан (618—907) отмечено, что на территории, простирающейся от области Ши (Ташкент) до Западного моря (Аральское море), начиная с третьего до девятого месяца обычно не бывает дождей, «жители орошают свои поля водой из снега и льда». Очевидно, здесь подразумевалось искусственное орошение водами рек, питаемых ледниками. Так понимает это место Chavannes (E. Chavannes, Documents sur les toukiue (Turcs) occidentaux, S. Petersbourg, 1903, стр. 144); у Бичурина несколько иначе: «поля орошают снеговой водой».

и кунжута, они нуждаются в воде. Когда они не получают воды, они отправляются в страну персов, сами и их жены, становятся у ворот дворца, кричат и плачут, царь приказывает тогда открыть для наиболее нуждающихся соответствующие шлюзы. Когда же земля достаточно увлажнится, шлюзы закрываются и [царь] приказывает открыть [шлюзы] другим, кто более всего нуждается [в воде] из остальных. Как я слышал, царь сверх [обычных] податей, взимает большие деньги за открытие [шлюзов]» (III, 117).

Сообщаемые Геродотом данные, почерпнутые, повидимому, из персидских источников, интересны прежде всего тем, что подтверждают факт существования в Средней Азии уже при первых Ахеменидах поливного земледелия на основе достаточно сложной ирригационной техники. Исследователи, касавшиеся вышеприведенного сообщения Геродота, сходятся на том, что, при всей легендарной окраске рассказа и его характерном восточном колорите, в основе своей он заслуживает доверия. Наиболее существенным с исторической точки зрения представляется то обстоятельство, что персидский царь выступает в рассказе Геродота активным распорядителем водных ресурсов страны. Геродот недвусмысленно говорит, что именно персидский царь соорудил плотины, превратившие долину внутри гор в озеро-водохранилище, которым затем регулировалось распределение оросительной воды. Геродот вкладывает в рассказ определенную тенденцию, стремясь подчеркнуть эксплоататорский характер предприятия персидских деспотов. У Геродота получается так, что персидский царь построил плотины для того, чтобы народы, ранее свободно пользовавшиеся водой, этой свободой располагать не могли. Вряд ли в действительности персидские цари занимались ирригационными сооружениями только лишь для того, чтобы потом взимать с жителей денежные сборы за пользование водой. Подчинив главнейшие области Средней Азии, персидские цари создали ряд административных округов—сатрапий, население которых было обложено со времени Дария I регламентированными суммами дани, шедшей в персидскую казну. Размеры этих обложений находились в какой-то зависимости от экономических возможностей, доходности отдельных областей. Естественно, что персидские цари, заинтересованные как в систематическом получении дани, так и в возможности ее увеличения, должны были взять на себя и заботу о том, чтобы население могло поддерживать свое хозяйство на каком-то уровне. Последнее же мыслимо было при условии соответствующей организации искусственного орошения. Здесь уместно вспомнить слова Энгельса: «Многочисленные деспотии, поднимавшиеся и падавшие в Персии и Индии, все отлично помнили свою первейшую обязанность: заботиться об орошении долин, без которого в этих странах невозможно земледелие»[1]. Под этим углом зрения действия персидского царя в эпизоде с рекой Акес следует понимать не только как проявление одной из форм эксплоатации земледельческого населения взиманием особой подати за водопользование. Надо думать, что постройка гидротехнических систем была тесно связана с необходимостью обеспечения поливными водами земледельческого населения, от экономического состояния которого зависела и возможность широкой эксплоатации его персидскими завоевателями. Вместе с тем из рассказа Геродота надлежит сделать заключение, что и до возведения плотин персидским царем население уже искусственно орошало свои пахотные земли посредством каких-то более примитивных каналов, по которым вода из реки отводилась в соответствующие районы.

Труднее осмыслить сообщение Геродота в конкретной географической обстановке Средней Азии, причем главное затруднение обусловлено невозможностью надежного отождествления реки Акес с какой-либо среднеазиатской рекой. Река с таким наименованием упоминается единственный раз у Геродота в приведенном выше месте его труда, ни в каких других письменных источниках нет упоминания реки с подобным названием. Высказывались предположения, что под р. Акес, повидимому, следует разуметь Аму-Дарью. В пользу такого отождествления говорит будто бы и близость

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг. Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 182.

названия реки Акес к древнему иранскому наименованию Аму-Дарьи (Вахшу), которое у греческих авторов применялось в форме Окс[1]. В последнее время за отождествление Акес с Аму-Дарьей высказывался С. П. Толстов в связи с его исследованиями древнего Хорезма и хорезмийских земель древнего орошения[2]. Однако в сообщении Геродота имеются подробности, которые мешают идентификации реки Акес с Аму-Дарьей. По Геродоту, расположенная в горной местности равнина, где образовалось озеро, когда персидский царь построил запруду, находилась на границе владений хорезмийцев, парфян, сарангов и фаманейцев. Все поименованные народы пользовались водами той же реки. Вряд ли таковой могла быть Аму-Дарья, если принять во внимание места расселения перечисленных народов. Упоминание парфян ведет в южную Туркмению, основная территория гирканцев находилась у юго-восточного побережья Каспийского моря, южнее реки Атрек. Область сарангов, называвшаяся у античных авторов Дрангианой (позднее Сакастан, теперешний Сеистан), локализуется в юго-западной части Афганистана, в районе нижнего течения реки Гильменд (древний Етимандр). По соседству с сарангами жили и фаманейцы, судя по упоминанию последних у Геродота (III, 93) при перечислении персидских сатрапий. В. В. Бартольд относительно р. Акес считал, что «подробности рассказа Геродота едва ли позволяют видеть в этом рассказе точное воспроизведение слов лица, хорошо знакомого с географическими условиями страны»[3]. К такому отрицательному заключению Бартольда приводила невозможность найти удовлетворительное объяснение, каким образом все перечисленные у Геродота народы могли для орошения своих земель пользоваться одной и той же рекой. Во всяком случае Аму-Дарья для этого не подходит. Была поэтому предложена сначала Томашеком, а затем и другими исследователями (Вестберг, Германн, Кисслинг) гипотеза, согласно которой река Акес—это нынешняя река Герируд, носящая в нижней своей части, на нашей территории южной Туркмении, название Теджена. Как известно, Герируду обязан процветанием гератский оазис, славящийся своим плодородием как в настоящее время, так и в древности (Strabo, II, 1, 14; XI, 10, 1), когда он представлял основное ядро области Haraeva (Ария)[4].

В подтверждение гипотезы о тожестве Акес и Герируда-Теджена вполне резонно указывают на близость самого названия Акес к древнему наименованию нижнего течения Герируда—Охос[5]. Наиболее обстоятельную аргументацию отождествления Акес с Тедженом-Герирудом дал Кисслинг (R E, IX, 470). По его мнению, плотину персидский царь построил несколько севернее изгиба Герируда, где река переходит из широтного направления в меридиональное. Запруда была, очевидно, построена в узком горном проходе. Что касается равнины внутри гор, ставшей после постройки плотины озером, то такой равниной могла быть горная долина Герируда в районе Герата. Такое толкование данных, сообщаемых Геродотом, может быть подкреплено следующими соображениями. Согласно Гекатею, Гиркания и Парфия граничили на востоке с хорезмийскими владениями. Отсюда не без основания делают вывод, что владения Хорезма в VI в. до н. э. до персидского завоевания, не ограничивались областью нижнего течения Аму-Дарьи, а простирались, повидимому, далеко на юг, вплоть до долины р. Герируд, включая, таким образом, Маргиану (теперь Мервский оазис) и, возможно, Арию (Гератский оазис). На запад от Теджена тянулись территории Гиркании и Парфии. Гиркания при первых Ахеменидах—это не малая прибрежная область в юго-восточном углу Каспийского моря, а нечто значительно большее; в состав Гиркании этого времени включалась

[1] Впрочем, под таким именем Аму-Дарья фигурирует в греческой литературе лишь со времени походов Александра, у Геродота она названа Араксом.

[2] С. П. Толстов, Подъем и крушение империи Дальнего Востока (рец.), ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 206.

[3] В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море . . ., стр. 8.

[4] Александром Македонским здесь была основана одна из его Александрий, упоминаемая у античных писателей наряду с древней столицей области Артакоаной (Arta Kâvana), соответствующей, вероятно, цитадели современного Герата.

[5] Сводка данных о реке Охос в статье J. Sturm, s. v. «Ochos», RE.

предгорная полоса Копет-Дага (ср. Strabo, XI, 8,2—3), ограничиваемая с юга названными горами, а с севера Каракумской пустыней. Таким образом, восточной окраиной Гиркании была область теперешнего Атекского оазиса (позднее, во времена Арсакидов, она составляла парфянскую провинцию Апаварктика). Одновременно с указанными территориальными границами Гиркании парфяне занимали, вероятно, несколько более южную полосу Хорасана, в основном долину р. Кашаф-Руд, являющейся притоком Теджена. Упоминаемые у Геродота в рассказе о реке Акес фаманейцы могут быть локализированы к юго-востоку от теперешнего Гератского оазиса, там, где проходит ущелеобразная долина р. Тагад-Ишлан, впадающей в Герируд восточнее Герата. Этот горный район до настоящего времени носит название Таймани, которое, очевидно, связано с древним этнонимическим наименованием. Необходимо признать, что из всех возможных толкований приведенных у Геродота сведений о реке Акес наиболее правдоподобной представляется только что изложенная версия, отождествляющая Акес с Тедженом-Герирудом. Сомнительно, чтобы какая-либо иная река могла доставлять воду всем тем народам, которые названы у Геродота. Между тем Теджен-Герируд, действительно, мог использоваться в пределах теперешнего Афганистана местным населением, в том числе сарангами и фаманейцами, тогда как в нижней своей части та же река могла питать оросительную сеть парфян, гирканиев и хорезмийцев, если допустить, что владения последних охватывали и южные районы, которые упоминались выше[1].

Письменные источники не содержат данных, по которым можно было бы в полной мере выяснить, как отразилось персидское завоевание на развитии ирригационного земледелия в Средней Азии. Остается, прежде всего, выяснить вопрос, насколько значительны были достижения в развитии искусственного орошения в доахеменидский период. Рассказ Геродота, как мы уже отмечали, позволяет считать,что оросительные каналы имелись во всяком случае у тех народов, которые в нем поименованы. На основании того же источника можно предполагать, что персидские цари, подчинив себе среднеазиатские области, взяли под свой надзор и опеку ирригационное хозяйство. Обладание оросительными средствами, конечно, давало в руки Ахеменидов большие возможности для утверждения своего господства. Вместе с тем представляется весьма вероятным, что период подчинения среднеазиатских областей персидской рабовладельческой деспотии является временем создания крупных оросительных систем, возведения гидротехнических сооружений и т. д., осуществление которых требовало организации соединенных усилий больших масс населения. Маркс писал: «Подобно тому как в Египте и в Индии пользуются наводнениями для орошения полей,точно так же в Месопотамии, Персии и других странах пользуются высоким уровнем воды для того, чтобы наполнять водой оросительные каналы. Эта элементарная необходимость экономного и совместного использования воды, которая на западе толкнула частную предприимчивость соединяться в добровольные ассоциации, как во Фландрии и в Италии, на Востоке, где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, повелительно требовала вмешательства централизующей силы правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации публичных работ»[2]. В свете этих указаний Маркса сообщение Геродота о сооружении персидским царем плотин и запруд на реке Акес может быть истолковано как одно из мероприятий по развитию ирригации, проводившихся Ахеменидами, повидимому, в довольно значительных масштабах и в конечном счете имевших целью увеличение поборов с порабощенного земледельческого населения.

---

[1] Ср. замечание В. В. Бартольда: «Хорезмийцам принадлежало политическое преобладание в Средней Азии до образования персидской империи династии Ахеменидов» (статья «Таджики» в сборнике «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 93; ср. он же, История Туркестана, стр. 4.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., IX, стр. 347—348.

Персия была страной, где ирригационное земледелие восходит к очень глубокой древности. Полибий (X, 28, 3) сообщает о существовании в Персии при Ахеменидах сети подземных водосборных каналов, проведенных из таких мест, что сами жители не знали точно, где находится источник каждого канала. Этот способ орошения земель посредством кяризов, т. е. каптажа грунтовых вод, свойствен районам маловодным, лишенным значительных рек. Сообщение Полибия важно тем, что оно подтверждает существование в самой Персии больших оросительных сооружений в период господства Ахеменидов, что, в свою очередь, показывает наличие у персов длительного опыта поливного земледелия. Ахемениды имели в своем распоряжении соответствующие квалифицированные технические силы, необходимые для организации различных и притом достаточно сложных гидротехнических работ.

Полагаем в этой связи, что геродотовский рассказ о реке Акес и о вмешательстве персидского царя в использование ее водных ресурсов для целей орошения дает право предполагать в ахеменидском периоде важный этап развития ирригационного хозяйства на территории главнейших земледельческих оазисов Средней Азии.

Археологические работы, столь успешно производящиеся в последнее время на территории Средней Азии, позволяют сделать некоторые ценные выводы и по истории ирригации, Археологическое обследование района пустыни Кызыл-Кум, прилегающей к Бухарскому оазису, показало, что обширные территории, расположенные к востоку от названного оазиса, представляли в древности продолжение культурных земель, тогда как в настоящее время это—безжизненная, занесенная песками пустыня, в которой только развалины многочисленных древних поселений (среди них Варахша—столица домусульманских владений Бухарского оазиса), а также следы заброшенных оросительных каналов напоминают о былой жизни. Подъемный археологический материал, собранный на местах бывших поселений, свидетельствует, что некоторые из них возникли за несколько столетий до нашей эры. Поскольку жизнь в них могла развиваться при условии искусственного орошения прилегавших к населенным пунктам земель, тем самым определяется и время сооружения сети каналов древней, позже запустевшей культурной полосы западной части Бухарского оазиса. Совокупность сделанных при археологическом обследовании наблюдений позволила В. А. Шишкину сделать вывод, что «устройство хвостовой части Гау-Хитфара (и, надо полагать, некоторых других крупных каналов Бухары и других областей Средней Азии) относится ко времени, предшествующему походу Александра[1].

Исследование древнего согдийского поселения Тали-Барзу (близ Самарканда) дало возможность Г. В. Григорьеву заключить, что «в ахеменидский период здесь имелось довольно густое население, жившее в родовых укрепленных поселениях. Это население было оседлым и знало искусственное орошение, причем для истории ирригации важно отметить, что в то время существовала система орошения, основанная на совсем иных, в последующее время исчезнувших, источниках водоснабжения. Вокруг таких поселений оазисами располагались посевы, сады и виноградники...»[2].

К сожалению, совершенно не подверглись исследованию, с точки зрения истории ирригации, горные районы по р. Зеравшану. Между тем имеются сведения о сохранившихся там остатках гидротехнических сооружений, местами действующих до настоящего времени: так, в районе Кырк-булакского перевала, несколько восточнее его, поперек долины р. Зеравшана, находятся остатки старинной большой запруды, поблизости от которой имеется старинное кладбище. Следы старинных запруд отмечены на Искандер-Дарье, Шинк-Дарье, Джиланчи и на других горных речках Самаркандской области (Н. Петровский, Заметка по гидрографии Туркестанского края, ИРГО, XXXIV, 1898, в. IV, стр. 490—493). Вопрос о времени возникновения этих ирригационных сооружений, построенных в прошлом в целях регулирования

---

[1] В. А. Шишкин, Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 42.

[2] Г. В. Григорьев, Поселения древнего Согда, КСИИМК, VI (1940), стр. 28.

расхода воды горных рек, остается открытым. Внести ясность в этот вопрос, очевидно, смогут лишь соответствующие археологические исследования.

Как уже отмечалось, очень важные сведения по истории ирригации древнего Хорезма дала Хорезмская археологическая экспедиция под руководством С. П. Толстова. Вещественные находки, обнаруженные на поверхности земель древнего орошения правобережного Хорезма, эксплоатация которых в прошлом могла быть только при условии существования крупных оросительных каналов, восходят к середине I тысячелетия до н. э. Сохранившихся остатков поселения этого времени не обнаружено, но, по мнению С. П. Толстова, последнее обстоятельство объясняется тем, что в процессе последующей интенсивно протекавшей здесь жизни ранние поселения эти были разрушены. Памятники указанного времени обнаружены в левобережном Хорезме, в районе древнего канала Чермен-яб (городище Калалы-тыр № 1 и Кюзели-тыр). С. П. Толстов полагает, что главные большие каналы правобережного и левобережного Хорезма были проведены уже даже во второй четверти первого тысячелетия до н. э. Археологическое обследование района Термеза выяснило, что «основная система ирригационных магистралей была создана еще в период рабовладельческой формации, так как по берегам главных каналов открыты остатки поселений с керамикой кушанского времени»[1].

Таким образом, археологические данные также свидетельствуют, что ирригационные системы важнейших культурных оазисов Средней Азии возникли за несколько столетий до нашей эры, причем в таких областях, как Хорезм и Согд, уже около середины I тысячелетия до н. э., очевидно, существовала сеть оросительных каналов, которая служила базой развития земледелия на протяжении многих последующих столетий.

В. Ф. Гайдукевич

КУЛЬТ МАТЕРИ И ДЕВЫ В БОСПОРСКОМ ЦАРСТВЕ

(По поводу трех надписей из Боспора)

Одним из популярнейших святилищ близ побережья Черного моря было в первые века нашей эры святилище богини Ма в понтийских Команах[2]. Все население города Коман было иеродулами храма, этих иеродулов было не менее 6000[3]. Жрец храма мог делать с ними все, что хотел,—не мог он их только продать (Strab., XII, 558 C). Другое, совершенно аналогичное этому святилище находилось в каппадокийских Команах; здесь также было 6000 иеродулов. Оба святилища, посвященные одной и той же богине (τῇ αὐτῇ θεῷ; Strab., XII, 3, 557), были организованы совершенно одинаково и имели совершенно тождественные храмовые предания и реликвии. Они постоянно соперничали друг с другом[4].

---

[1] М. Е. Массон. Термезская археологическая экспедиция, КСИИМК, VIII, стр. 144.

[2] См., например, Strab., XII, 3,559: Литературу вопроса см. в ст. Drexler'a «Ma» у Roscher, II, 2, стб. 2215; A, Hartmann, ст. «Ma» в RE, XIV, 1, стб. 77 сл. Как видно из материала, сопоставленного Гартманом, надписи с посвящением богине Ма, *в которых она названа этим именем*, дошли до нас из лидийской Гиркании, из Пергама, из Константинополя, из Галаты (все эти места расположены в Малой Азии близ Южного Причерноморья) и из Эдессы в Македонии (ср. ниже стр. 208).

[3] Strab., XII, 535 C: τὸ τῆς Ἐνυοῦς ἱερὸν ἐκεῖνοι Μᾶον ὀνομάζουσιν...οἱ (ἱερόδουλοι) κατὰ τὴν ἡμετέραν ἐπιδημίαν (в начале правления Тиберия) πλείονες ἦσαν τῶν 6.000, ἄνδρες ὁμοῦ γυναιξί. Μᾶον—мое чтение; рукописи дают бессмысленное Μάων. Μᾶον—святилище Ма, очевидно, образовано так же, как Μητρῷον, Θησεῖον, Ἡραῖον.

[4] Ср. Cass. Dio, 36, 11; так же Paus., III, 167; ср. Strab., XII, 557 C.

Эта отмеченная всеми источниками поразительная тождественность организации обоих святилищ дает право пользоваться свидетельствами об одних Команах для характеристики других.

Можно считать установленным, что слово Μᾶ означало «мать»[1], и было лишь синонимом названия Μήτηρ θεῶν или Μεγάλη Μήτηρ, Μήτηρ Φρυγία и т. д. См., напр., Eustath., 565,3 в in Il. 5, 408: μᾶ · ἡ μήτηρ; Aesch., Supplices, 901, 911: μᾶ γᾶ, μᾶ γᾶ. В качестве «Великой Матери Богов» она отождествлялась с Реей (Steph. Byz., s. v. Μάσταυρα; ἐκαλεῖτο δὲ καὶ ἡ Ρέα Μᾶ)[2].

Вполне понятно, что Ма, «Великая мать богов», пользовалась большой популярностью не только в Южном, но и в Северном Причерноморье. Правда, до сих пор из надписей Северного Причерноморья была известна только «Мать богов», а не «Ма». Так, два посвящения из Ольвии (IOSPE, I², 170, 192) сделаны Μητρὶ θεῶν, посвящение из Пантикапея (IOSPE, II, 17)—Μητρο Φρυγίᾳ; в другом—фрагментарном—тоже из Пантикапея (IOSPE, II, 16) можно с большой вероятностью дополнить [ἀνέ]θη[κε] τ[ῆι Μ]η[τ]ρ. Однако то, что Мать богов и в Северном Причерноморье была известна под именем Μᾶ, нетрудно было заключить уже из теофорных собственных имен.

Такими именами были мужское—Μάης и женское—Μᾶ. Эти имена дошли до нас главным образом из Северного Причерноморья; Μάης [IOSPE, II, 172; IV, 318, 319, 472 (Пантикапей); II, 427, 452 (Танаис); I, 104 (Ольвия)]; Μᾶ [IOSPE, II, 243, 67¹ 91¹; IV, 221, 262; ИАК, 10, стр. 74, № 81 и 18, стр. 127, № 44 (Пантикапей)].

Имена Μάης и Μᾶ встречаются и в других местах Греции, но во всех случаях, где это можно проследить, его носителями являются приезжие из Причерноморья, например, IG, III, 2272: Μάης Μάου Ἀμισηνός, IG, III, 2910: Μηνοφίλα Μάου Σινωπίσσα (из Афин); IG, II, 3391: Μᾶ Τιανή. Автор одного собрания пословиц («Paroem. gr.», I, Appendix, III, 79) видит в Μάιος характерное фригийское имя.

Обратим внимание на то, что *собственное имя* интересующей нас богини (Кибела?) никогда не употребляется, и даже название Μᾶ есть не собственное имя, а описательный оборот («матушка»). Впрочем, и это имя, как правило, избегают употреблять. Стефан Византийский называет Ма по имени только потому, что ему нужно объяснить этимологию слова Маставра; Страбон, говоря о каппадокийском святилище (p. 535), дает название святилища Μᾶον (см. пр. 3 на стр. 204), но не дает имени богини, отождествляя ее с Ἐνυώ (Беллоной); говоря же о понтийском святилище, он употребляет дважды выражение ἡ θεός как собственное имя, хотя нигде выше о ней не говорилось: Аппиан (Mithr., 114) употребляет выражение τῆς ἐν Κομανοῖς θεᾶς. В надписи из Команы, приводимой у Гартмана (ук. ст., стб. 82), она также названа описательно: ἡ Νικηφόρος θεός. В посвящениях богине Ма из Эдессы (см. ниже, стр. 208) обычно, когда следует имя богини, употребляется выражение θεά, выражение же ἡ θεός стоит самостоятельно, представляя собой, как и у Страбона, как бы самостоятельный эквивалент имени богини.

Эта заповедь—«не употреблять имени бога твоего всуе», вызванная магическими соображениями, характерна для еврейских и других восточных религий (ср., например, θεοὶ οἱ ἐν Σαμοθράκῃ вм. «Кабиры» в надписи IOSPE, I² 191 и др. (θεὰ Συρία у Лукиана). Наоборот, грек не только стремится всегда назвать своего бога полным именем, но еще, по возможности, всегда прибавляя эпитет, отличающий местную богиню от других

[1] Kretschmer, Einleitung in die Gesch. der griech. Sprache, 334 слл., 355; Hartmann, ук. ст. 82.

[2] Иногда Ма превращается лишь в спутницу Реи: Steph. Byz., s. v. Μάσταυρα: Μᾶ δὲ τῇ Ρέᾳ εἴπετο

[3] Шкорпил (V. Škorpil, Kybelin Kult v říši Bosporské, «Sbornik praci filologických dvornìmu radovi prof. J. Královi...», Praha, 1913, стр. 202) на основании археологических памятников замечает: Пантикапей был... с древнейших времен самым крупным центром культа Фригийской «богини на Северном побережье Черного моря (до III в. н. э.)» Ср. Латышев, SC, I, стр. 853, где приведено указание Гесихия: Κιμμερὶς θεά · ἡ μήτηρ τῶν θεῶν.

одноименных богинь, и место культа, например на Боспоре: Ἄρτεμις Ἀγροτέρα, Ἀφροδίτη Ἀπατούρου μεδέουσα.

Не менее популярна, чем Ма, должна была быть на Боспоре и херсонесская богиня Παρθένος. Дева, главная предстательница и царица города Херсонеса, имя которой столь часто встречается в херсонесских надписях. Херсонес входил со времени Митридата до времени Тиберия в состав Боспорского государства (Strab., VII, 308 C) и чудеса, совершаемые Девой, должны были стать известными и пользоваться популярностью на всем Боспоре.

Действительно, до нас дошли не встречающиеся нигде, кроме Северного Причерноморья, теофорные имена целых *девяти* боспорцев, образованные от богини Партенос[1], тогда как даже из Херсонеса, главного места культа этой богини, до нас дошли только *три* надписи (I, 351, 485, 486) с именем Παρθενοκλῆς.

Отметим еще, что херсонесская Дева в интересующее нас время давно была отождествлена либо с Артемидой, либо с ее жрицей Ифигенией. «Образ богини-воительницы, изображенный на многочисленной серии херсонесских монет, в том числе и на ялтинском экземпляре с полной легендой «Παρθένος», трактован в... типе, родственном греческой Артемиде»[2]; если Геродот (IV, 103—107) отождествляет Παρθένος, с Ифигенией, то для Еврипида (Iph. Taur., 762 слл. и 1432 слл.) она уже тождественна с Артемидой Тавропола, и эта версия становится господствующей.

Согласно храмовой легенде святилища в Команах, богиня Ма тождественна с таврической Артемидой, а следовательно,—с херсонесской Девой. По Павсанию (III, 16,7), в святилищах обоих Коман жрецы утверждали, что статуя Артемиды, похищенная из Тавриды, находится именно у них.

В уже приведенном месте Страбона (XII, 535C), лично посетившего святилище в Команах, Страбон передает версию, по которой Орест вместе с Ифигенией перенесли сюда из таврической Скифии священные мистерии Артемиды Тавропола. Еще интереснее сообщение Диона Кассия, (XXXVI, 11), по которому в Команах находилось старинное изображение Артемиды, похищенное из Таврики, и здесь еще в его время постоянно жил род потомков Агамемнона. Рассказывая о соперничестве между святилищами в обоих Команах, он говорит о полном сходстве их учреждений (выше, стр. 205) и священных реликвий, выразившемся, между прочим, в том, что в обоих местах показывают тот самый подлинный меч Ифигении, которым она убивала иноземцев.

По Прокопию Кесарийскому (Bell. Pers., I, 17,83 Dind=Bell. Goth., IV, 5), Орест, похитивший кумир богини, тяжело заболел и оракул предсказал ему, что для исцеления он должен построить храм в Команах; он построил сперва храм в Команах понтийских, а затем в Каппадокии. Сообщение о существовании такой храмовой легенды подтверждается еще и тем, что на монетах Коман, как указывает Т. Рейнак[3], богиня Ма изображена в образе Артемиды и что, как видно из надписи CIG, 4769, в Команах до очень позднего времени существовал род Орестидов.

Итак, все говорит за то, что в результате синкретизма и «мать богов» Ма и «Девственница» из Херсонеса в сознании жителей Причерноморья отождествлялись как различные ипостаси одной и той же Артемиды Тавропола.

Никакого противоречия в понятии «Девственница-мать», как известно, с точки зрения мистических религий не существует[4]. В частности, как раз интересующая нас

---

[1] Παρθεναία: IOSPE, II, 255[1]; Παρθενοκλῆς: там же, II, 26, 77, 187, 421, 438, 451; ИАК, 10, № 54, стр. 56; IOSPE, I, 203; Παρθενοκλῆς Βοσπορανός.

[2] См. И. И. Толстой, Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте, Петр., 1918, стр. 116—128, где и литература вопроса.

[3] Th. Reinach, Mithridate Eupator, roi de Pont, Paris, 1890, стр. 243, со ссылкой на его же книгу: Trois Royaumes, pl. 3, 27.

[4] Так, богиня Гера, почтенная супруга Зевса, неоднократно названа Девственницей, например, Pind., Ol.6,88: Ἥραν Παρθενίαν κελαδῆσαι. Поскольку мифы о богах сплошь и рядом отражают смерть и воскресение природы, каждый бог в принципе переживает пору целомудрия, брака и вдовства, затем этот цикл снова и снова

богиня Артемида, будучи девственницей, тем не менее имела сына. По наиболее распространенному преданию, приводимому Цицероном дважды, этим сыном был «старший» Эрот (Cic., De natura deorum, III, 23, 58: *Diana ... Iovis et Proserpinae, quae pinnatum Cupidinem genuisse dicitur*; III, 29, 60: *Cupido primus Mercurio et Diana... natus dicitur*)[1].

Перейдем теперь к пантикапейской надписи IOSPE II, 54, которую Латышев транскрибировал так: θεῷ ΤΗCΜΑC καὶ Παρθένου Χρηστοῦς Κοσσοῦ Μενάνδρου καὶ γυνὴ Χημ [άτα] ΕΡΙΑ[?] ἀνέθηκαν Θάλλουσαν [θρ]επτὴν ἡμῶν.

Надпись эта датирована в прескрипте царем Савроматом; Латышев видит в этом Савромате Савромата III, царствовавшего с 229 по 232 г. н. э.

Ссылаясь на то, что надпись вырезана небрежно, Латышев отказывался расшифровать загадочное ΤΗCΜΑC.

Дарест[2], Кальдерини[3] и Фрей[4] видят в Τησμάς некое загадочное, нигде более не засвидетельствованное божество, имя которого не склоняется. Как бы мы эти загадочные буквы ни понимали, здесь может стоять только родительный падеж, ибо он связан при помощи союза καὶ со словом Παρθέου (родительный падеж обоих этих слов мог быть, впрочем, поставлен неправильно, на это указал уже Латышев: «deae nomen... casu genetivo vitiose positum»[5]).

Итак, само собой напрашивается и в надписи 54 чтение: θεῷ τῆς Μᾶς καὶ Παρθένου... ἀνέθηκαν и т. д.

Единственной трудностью при таком чтении является наличие артикля τῆς при имени богини. В боспорских надписях, если не считать двух несколько проблематичных случаев, основанных на дополнениях (II, 16: τ[ῇ Μ]η[τ]ρί, II, 47: το]ῦ Ἄρεως), имена богов не сопровождаются артиклями. Но нельзя забывать того, что в слове Μᾶ (особенно в сопоставлении с Παρθένος) для древних еще ощущался смысл Μήτηρ, «матушка», «мама»; поэтому артикль здесь вполне уместен в конкретизирующем смысле: mater illa; illa, quae simul mater et virgo est.

Понимание и перевод этого места затруднены возможностью грубых ошибок в падежах, о которых мы уже говорили, вследствие чего получается несколько различных возможностей перевода.

повторяется; так, из Павсания (VIII, 22,2) мы узнаем, что Гера в Аркадии поочередно чтилась во всех трех стадиях, а по аргосским представлениям она ежегодно возвращает себе девственность, омывшись в реке (Paus., II, 38,2).

Я не говорю уже о тождественных христианских представлениях, возникших в это же время, где богоматерь в то же время—дева.

[1] По Анакреонту (fr. 135 у Гесихия s. v. Αἰθιόπιον), сыном Артемиды был Дионис.

[2] Dareste, Haussoulier et Th. Reinach, Recueuil des inscriptions juridiques grecques, II, Paris, 1904, стр. 298.

[3] A. Calderini, La manomissione e la condicione dei liberti in Grecia, Milano, 1908, стр. 113.

[4] J. B. Frey, Corpus Inscriptionum Judaicarum, I, Roma, 1936, № 65[a], стр. 565. За эти библиографические указания считаю своим долгом выразить благодарность Б. И. Надэлю.

[5] Такое неправильное употребление падежей нередко на Боспоре, см., например, № 430: ἐπὶ βασιλεῖ Ῥησκουπόριδι (дат.) ...καὶ Ζήνων (имен.!)... πρεσβευτῇ (дат.)... καὶ Χοφάρνου (род.!)..., βάβος (имен.!)..., Νιβλόβωρος (имен.!)...ἄρχοντες (имен.!)..., тогда как требовался всюду дательный падеж; № 431: ἐπὶ βασιλεῖ (дат.), Ῥησκουπόριδος (род.!), υἱῷ (дат.); № 435: ἐπὶ πρεσβευτῇ (дат.) Χόφρασμος (вин.!) καὶ ἑλληνάργῃ (дат.)... Ἀντίμαχον (вин.!) καὶ Ἔρωτος (род. !), Σαμβατίωνα (вин.!)..., Μύριππος (имен.!) и т. д. Но такое безразличие к падежным окончаниям характерно для далекого Танаиса, а не для Пантикапея. Если и в Пантикапее родительный падеж заменяет дательный, то на это были другие причины, о которых мы скажем ниже, на стр. 209.

Если считать, что ошибок в падежах нет, то исходным пунктом для толкования загадочного генетива скорее всего должны служить надписи из Эдессы о посвящении рабов богине Ма. В самом деле, интересующая нас надпись IOSPE, II, 54 представляет собой отпущение рабыни на волю в форме посвящения ее божеству. Вспомним, что все 6000 жителей города Команы, мужчины и женщины, как мы говорили уже, формально были *иеродулами* богини Ма. Может быть, именно поэтому одним из распространенных видов освобождения рабов на волю было дарение их богине Ма. Из Эдессы в Македонии дошло до нас 14 надписей, представляющих собой освобождение на волю рабов и рабынь в форме дарения их θεᾷ Μᾷ ἀνικήτῳ ἐπηκόῳ.

По времени они очень близки к нашим надписям об отпущении рабов (211—265 гг. н. э.); как и в боспорской надписи, здесь родительный падеж употребляется вместо ожидаемого дательного (θεᾷ Μᾷ ἀνικήτῳ наряду с θεᾶς Μᾶς ἀνικήτου). Наконец, и здесь имя Μᾶ чередуется с именем Μητρὶ θεῶν (AM, XVIII, 415 слл.)[1].

Формально эти надписи представляют собой дар богине Ма, но фактически речь, несомненно, идет об отпущении рабов на волю с возложением на них, быть может, каких-то обязательств по отношению к храму.

Это видно из оговорок, характерных для надписей об освобождении рабов на волю: клаузула о παραμονή, пребывании у рабовладельца до его смерти, о наказании для возможных поработителей (дважды), об отдаче документа на сохранение богине[2].

Наконец, характерно, что в двух случаях посвященные богу или «рабыня богини» сами посвящают своих рабов богине: очевидно, они—иеродулы только номинально: будучи рабами, они не имели бы права совершать гражданские сделки от своего имени!

Эти надписи обнаруживают поразительное сходство с боспорскими отпущениями на волю и должны быть тщательно изучены каждым, занимающимся этими отпущениями. Для нас особенно интересны две надписи из Эдессы, в которых, как в разбираемой нами боспорской надписи, θεᾶς Μᾶς стоит в родительном падеже. В одной из них (243 г. н. э.) родительный падеж обусловлен тем, что женщина, совершающая посвящение, названа δούλη θεᾶς Μᾶς. В другой надписи (тоже 243 г. н. э.) читаем: Φάβιος Γραφικὸς καὶ Ἰουλία Χρήστη ἡ γυνὴ αὐτοῦ κατὰ χρηματισμὸν θεᾶς Μᾶς ἀνικήτου δωροῦνται παιδαρίδιον ὀνόματι Ζώσιμον.

Женщины в эту эпоху были правоспособны к совершению сделок (χρηματίζουσαι) только в присутствии (παρόντος) своего душеприказчика—мужа или отца; только женщины, имеющие трех или более детей, согласно римскому закону, действовавшему и в провинциях, были правоспособны к совершению сделок и без душеприказчиков. Поэтому в папирусах римского времени обычна формула: Χωρὶς κουρίου χρηματίζουσα τέκνων δικαίῳ κατὰ τὰ Ῥωμαίων ἔθη[3]. Такую же оговорку мы встречаем и в одной из разбираемых нами эдесских надписей (224 г. н. э.): ἔχουσα τριῶν [τέκνων δίκην. Поэтому и в нашей надписи 243 г. выражение ἡ γυνὴ αὐτοῦ κατὰ χρηματισμόν равносильно ὡς γυνὴ αὐτοῦ χρηματίζουσα (муж Фабий График присутствует при сделке, как παρῶν). Поскольку это так, выражение θεᾶς Μᾶς ἀνικήτου может представлять собой

[1] Надписи эти были впервые опубликованы в Смирне Папагеоргиу, в провинциальной газете; статья его была перепечатана в «Berliner philologische Wochenschrift», XIX (1899), стр. 634 слл. и Contoléon в «Revue des études grecques», 1899, XII, стр. 169 слл. Еще одну надпись этой же группы издал Mordtmann, AM. XVIII (1899), стр. 415 сл. Цитирую по изданию W. Baege, De Macedonum sacris, «Dissertationes philologae Halenses», 22 (1913), стр. 113, См. Hartmann, ук. ст., стб. 79, разд. 2g.

[2] Из того, что в некоторых отпущениях этот документ назван καταγραφή, а в некоторых ὠνή, напрасно делали вывод, что в одних случаях речь идет о дарении богине, в других о продаже: ὠνή—означает: «крепость», «документ на владение» вообще, как в египетских папирусах. Глаголы ἀνατιθεῖναι и χαρίσαι употребляются только в смысле дарения.

[3] Mitteis-Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, II, 1, 1912, стр. 252.

только genetivus possessivus, зависящий от Φάβιος Γραφικὸς καὶ Ἰουλία Χρήστη[1], т. е. означать: «принадлежащие богине Ма Непобедимой», как в аналогичной надписи 243 г.: δούλη θεᾶς ἀνικήτου Μᾶς.

Сопоставление имен: τῆς Μᾶς καὶ Παρθένου в боспорской надписи невольно заставляет нас сблизить gen. possess. θεᾶς Μᾶς в надписи из Эдессы с родит. пад. в херсонесской надписи IOSPE, I², 457: Σωτήριχος θεᾶς Παρθένου. Латышев (там же, стр. 417) замечал: «Не вполне ясно, как объяснять родительные падежи θεᾶς Παρθένου, быть может, они зависят от подразумеваемого или, быть может, пропущенного по ошибке слова ἱερεύς, но их можно также понимать как genetivus possessivus, указывающий на то, что Сотерих был ἱερόδουλος Девы» (подчеркнуто мной). В свете параллельной эдесской надписи второе предположение Латышева становится вполне убедительным, и нет нужды делать произвольное предположение о пропущенном или подразумевающемся термине ἱερεύς.

Обратим внимание на то, что в обеих эдесских надписях вовсе не указано, кому посвящается (дарится) рабыня или земельный участок: из gen. poss. уже ясно, что посвящение делается той же богине, которой принадлежат отпускающие на волю.

Может быть, и надпись IOSPE, II, 54: θεῷ τῆς Μᾶς καὶ Παρθένου Χρηστοῦς... καὶ γυνὴ Χημ[άτα]... ἀνέθηκαν... следует переводить: «Богине (принадлежащие) Ма-Партенос[2] Хрест... и жена его Хемата... посвятили вскормленницу Фаллусу...» («принадлежа» богине Ма, Хрест и Хемата были фактически свободными гражданами так же, как посвящающие богине Ма в Эдессе).

Если же считаться с постулированной Латышевым возможностью неправильного употребления падежа, то мы вправе полагать, что θεῷ τῆς Μᾶς καὶ Παρθένου написано вместо θεῷ τῇ Μᾷ καὶ Παρθένῳ «богине Ма-Партенос».

Акад. И. И. Толстой, ознакомившись с моим предложенным выше толкованием родительного падежа в этой надписи, пишет мне: «Нельзя ли понимать эту конструкцию с род. пад. еще и иначе: «такие-то поднесли (ἀνέθηκαν) богине (θεῷ) свою вскормленницу (θρεπτήν) *в собственность* Ма-Девы? По-русски это выражается дательным, а по-гречески может быть выражено и род. пад.: быть ей (εἶναι αὐτήν) собственностью Ма-Девы, τῆς Μᾶς καὶ Παρθένου—своего рода genetivus possessivus».

Это остроумное толкование mutatis mutandis находит свое подтверждение в том факте, что, начиная с I в., дательный падеж в греческом языке постепенно вытесняется родительным.

Я ограничусь здесь лишь приведением в примечании параллельных мест (с таким же глаголом ἀνέθηκε, ἀνέστησε и т. п.), причем приведу лишь одновременные примеры III—V вв. н. э. из Вифинии, Галатии и Писидии в Малой Азии, которая была в теснейшей культурной связи с Северным Причерноморьем. Почти во всех этих случаях (как и в нашем случае из Пантикапея!) genetivus и dativus стоят рядом: обычно приложение—нарицательное имя—в дат. пад., определяемое—собственное имя—в родительном[3]. В свете этих параллельных примеров становится ясным, что даваемое И. И. Тол-

[1] Интересны имена этих «рабов богини Ма»: Fabius и Iulia. Скорее всего—это римские граждане. Таким образом, римские граждане могли (разумеется, добровольно) становиться «рабами Ма Непобедимой», не теряя, однако, при этом прав римского гражданства. Невольно вспоминаются стихи 63—68 катуллова Аттиса (Catull., 68): ego ephebus, ego gymnasi fui flos, ego eram decus olei... ego nunc deae *ministra*, *et* Cybeles *famula*.

[2] Конечно, возможен и такой перевод: «богине Ма и Деве» (т. е. не одной, а двум богиням), ср. Her., VIII, 65: τῇ μητρὶ καὶ τῇ κούρῃ (для всякого античного человека было понятно, что речь идет о Деметре и Коре). Но против этого говорит отсутствие артикля при Παρθένου при наличии его перед Μᾶς.

[3] Ramsay, AM, XIII, № 53, стр. 233: ἀνέστησα τῷ πατρὶ Καλλιμάχου; № 54; ἀνεστήσαμεν τῶν γλυκυτάτων ἡμῶν γονέων Ἑρμῇ πρεσβυτέρου καὶ Ἀσιατικῇ; № 68: (ἀνέστησα) τῷ ἀνδρί μου Μακεδονίου καὶ τοῖς...υἱοῖς μου Κόνωνι καὶ Ἰωάννου; № 82: τῷ γλυκυτάτῳ γονεῖ

стым толкование интересующего нас выражения θεῷ τῆς Μᾶς καὶ Παρθένου... ἀνέθηκαν (как и параллельного из Эдесской надписи: θεᾶς Μᾶς δωροῦνται) не менее убедительно, чем предложенное мной выше: gen. poss. в III в. уже заменяет dat. poss.

Есть также некоторое основание предполагать, что на Боспоре не только чтили богиню Ма-Артемиду, но что здесь (в Фанагории) ей был воздвигнут храм с культом, близким к культу в Команах. Я имею в виду фанагорийскую надпись IOSPE, II, 353 (151 г. н. э.). Здесь рассказывается, что земельные участки и прикрепленные к ним люди (πελάται), некогда посвященные каким-то Летодором «богине» (τῇ θεῷ: надпись сохранилась целиком, и нигде в предыдущем тексте имя богини не упоминается!) с течением времени «уменьшились» (μειωθέντα), т. е., очевидно, были расхищены, царь Реметалк не только полностью восстановил все это достояние богини, но и увеличил[1].

В. В. Латышев (стр. 180) отказывался определить, какая богиня подразумевается под ἡ θεός, но отождествлял пелатов с иеродулами, известными нам из культа Ма: «Πελάται videntur esse coloni, qui una cum praediis a Letodoro deae dedicati ἱερόδουλοι facti sunt». М. И. Ростовцев (ИАК, 49, 1913, стр. 7) сравнивал боспорскую богиню с «Ма и Анагитой в Понте и Каппадокии».

Тем не менее упоминаемую в надписи богиню Ростовцев считал Афродитой-Уранией. В прим. 1 на стр. 29 он замечал: «ἡ θεός, очевидно, Афродита, т. е. богиня Фанагории κατ'ἐξοχήν. Храмов других богов в Фанагории не засвидетельствовано (подчеркнуто мной), и вряд ли для какой-либо другой богини мы можем предполагать сказывающуюся в надписи усиленную ориентализацию всего строя храмовой жизни». Вот и вся его аргументация.

Здесь у Ростовцева содержатся, как мне кажется, утверждения, противоречащие известным уже с 1890 г. фактам. Во II том IOSPE вошло всего 22 надписи из Фанагории (№№ 342—364). Если бы в этих надписях ни разу не упоминалась ни одна богиня кроме Афродиты, то при таком незначительном количестве материала мы вправе были бы объяснять это простой случайностью. Упоминание же *храма* богини вообще не столь часто в надписях, и нахождение таких надписей—счастливая случайность. Однако неверно самое утверждение М. И. Ростовцева: до нас дошли из Фанагории *две* надписи, посвященные Артемиде, и одна, посвященная Астаре (II, 346), причем из надписей, посвященных Артемиде, одна как раз говорит о постройке храма. Вот эти надписи (обе 347—309 гг. до н. э.):

II, 344: Ξενοκλείδης Πόσιος ἀνέθηκε τὸν ναὸν Ἀρτέμιδι Ἀγροτέραι (дата—имя Парисада I). Кроме этой надписи, с несомненностью доказывающей наличие храма Артемиды в Фанагории, в ИАК, 49, 1913, стр. 64 (т. е. в том же номере «Известий», в котором напечатана разбираемая статья М. И. Ростовцева!), Шкорпил опубликовал еще следующую надпись из Фанагории, содержащую посвящение Артемиде [Ἡ δεῖνα ἀνέθηκε] ἄγαλμα ἱερωμένη Ἀρ[τέμιδι]

Εὐσεβίου; № 85: ἀνέστησα... τῷ γλυκυτάτῳ μοῦ ἀνδρὶ Πολυχρονίου; Ramsay, The Historica, Geography of Asia Minor, «Papers of Royal Geogr. Society», Suppl.-Pap., т. IV, 1890, стр. 408: Αὐρήλιος... καὶ Ἄπτονις ἀνεστήσαμεν τῇ γλυκυτάτῃ ἡμῶν Μητρὶ Δόμνης; G. Perrot E. Guillaume et J. Delbet, Exploration Archéologique de la Galatie et de la Bithynie, Paris, 1872, т. I, № 149, стр. 280: Αὐρ. Ἀπολλώνιος ἀνέστησεν εἰδίας τυγατρὸ Δόμνας; Anderson, JHS, XIX, № 227, стр. 52 слл.: Αὐρ. Μάρκος τῷ ἰδίῳ πατρὶ Ἀλεξάνδρου; № 230: ἰδίῳ πατρὶ Σιλωνίνου ἀνέστησαν...; «Bull. de Corr. Héll.,» XXIV, стр. 397, № 70: ἀνέστησα ἐμαυτῷ καὶ Εἰάς τῆς συμβίου; JHS, стр. 364 № 131: Σελήνη (ἀνέστησε) Ἀνικήτου Ἀλεξάνδρου ἀνδρὶ αὐτῆς. Только родительный: Ramsay, AM, XIII, № 71, стр. 233 слл.: ἀνέστησα τοῦ ἐμοῦ τέκνου Βιάνορος; Anderson, JHS, XIX, стр. 52, № 35 слл.: Αὐρ. Τιμόθις ἀνέστησα τοῦ ἐμοῦ τέκνου Πολυκάρπου καὶ τῆς ἁρμοστῆς αὐτοῦ Δάδι.

[1] ...Βασιλεύς Ῥοιμητάλκης...τὰς ὑπὸ Λητοδώρου ἀνατεθείσας γεας...καὶ τοὺς πελάτας... ἀπεκατέστησε τῇ θ[ε]ῷ σῶα...

(дата—имя Парисада I—сформулированная точь в точь так, как в предыдущей надписи)[1].

Богиня, которой возвращаются земли и иеродулы в надписи IOSPE, II, 353, как мы говорили уже, названа просто ἡ θεός, хотя в предыдущем тексте надписи о ней ничего не говорится. Ростовцев объясняет это тем, что Афродита была единственной богиней Фанагории, ее богиней κατ' ἐξοχήν, он далее делает отсюда вывод, будто Афродита Урания была той главной богиней всего Боспора, которая давала боспорским царям власть. Он ссылается на боспорские монеты, на которых изображено женское божество, вручающее царю знак власти. Перед этой богиней стоит юное божество, по своей трактовке напоминающее Эрота. Повидимому, то же женское божество изображено на золотом медальоне, найденном на Кубани: «Богиня сидит на троне, передние ножки которого сделаны в виде двух эротов». Если учесть далеко идущий синкретизм не только непосредственно в религии, но и в изобразительном искусстве, то не было бы ничего удивительного в том, что изображения любого юного божества были бы стилизованы под Эрота; следовательно, на монетах могла бы быть изображена любая богиня. Но мы видели уже, что по традиции, известной нам из Цицерона, сыном Артемиды был также Эрот. Поэтому вполне возможно, что богиня царской династии на Боспоре была вовсе не Афродитой, а Артемидой—Ма-Партенос[2]. Но я не археолог и не историк искусства,—допустим, что М. И. Ростовцев прав и что на этих монетах действительно изображена Афродита. Почему же эта Афродита должна быть именно Афродита Урания из Фанагории, когда в самом Пантикапее был храм Афродиты Навархиды (II, 25; ИАК, 23, 1907, № 32, стр. 46)? Почему Афродита Урания только в одной надписи (II, 353) именуется просто ἡ θεός, тогда как во всех прочих она названа по греческому обычаю с полным титулом Ἀφροδίτη Οὐρανία, а обычно еще с точным указанием места почитания: Ἀκτούρου μεθέουσα? Между тем мы выше показали, что криптонимия характерна для восточных религий и что, в частности, cognomen ἡ θεός именно в этой форме характерен для богини Ма-Артемиды.

Поэтому я считаю наиболее вероятным мое предположение, что надпись IOSPE, II, 353 относится к тому же храму Артемиды Агротеры[3], что и II, 344 и ИАК, 49, 1913, стр. 64, и что эта Артемида Агротера лишь другая ипостась той же Ма (ср. Paus., VII, 26,5: Ἀρτέμιδος Ἀγροτέρας...ἱερόν,., ἔστηκε δέ καὶ ἄγαλμα ἐντοῦθα ἀρχαῖον, Ἰφιγένεια ἡ Ἀγαμέμνονος).

Культ Μᾶ καὶ Παρθένος, богоматери-девственницы, удивительно напоминает христианские верования с обычным эпитетом богоматери — Παρθενομήτηρ—(см. в «Anthologia Palatina» и у церковных писателей). Значения разобранных надписей для истории возникновения христианской мифологии поэтому не следует недооценивать. Но эта оценка не входит в задачу моего настоящего исследования, являющегося лишь этюдом для переиздаваемого второго тома IOSPE.

Проф. С. Я. Лурье

---

[1] Шкорпил дополнял Ἀρ[τέμιδι Ἐφεσίηι], ссылаясь на надпись II, 11. Но надпись II, 11 происходит не из Фанагории, а из Пантикапея, где, очевидно, и находился храм Артемиды Эфесской (см. также надпись ИАК, 63/1917/, № 1, стр. 103, с посвящением Артемиде Эфесской, также из Пантикапея). Приводимая же им надпись найдена, как он сам указывает на стр. 63, в стене церкви в *Тамани*, т. е. происходит из Фанагории, для которой засвидетельствован только храм Артемиды Агротеры; только это слово Ἀγροτέραι и следует дополнять. Впрочем, какое бы дополнение ни принять—Шкорпила или мое—речь и здесь идет во всяком случае об Артемиде, а не об Афродите.

[2] Шкорпил, ук. ст. 196, считает, что на этих боспорских монетах изображена Кибела.

[3] С. А. Жебелев («Основные линии экономического развития Боспорского государства», ИАН, 1934, стр. 597) замечает вслед за М. И. Ростовцевым: «Летодор «посвятил ... Афродите Апатуре... участок земли», ничем, однако, не обосновывая этого утверждения.

БОСПОРСКАЯ НАДПИСЬ IOSPE, II, 33

В боспорских надписях римского времени царь почти всегда носит эпитеты φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος[1]. Как показал Мюнстерберг, мы имеем в данном случае дело с греческой калькой латинского титула amicus Caesaris populique Romani[2].

В боспорских надписях, найденных до сих пор, нет прямых указаний на заключение договора о дружбе с Римом, что всегда предшествовало факту именования нового союзника φιλορώμαιος.

У Плутарха (Luc., 24, 1), где идет речь о просьбе Махара принять его в число «друзей» римского народа, имеется любопытное выражение δεόμενος (т. е. Μαχάρης) Ρωμαίων ἀναγραφῆναι φίλος καὶ σύμμαχος.

О том, куда вписывали этих друзей, можно заключить из senatus-consultum de Asclepiade (CIL, I, 203, IG, XIV, 951): uti (consules) eos in ameicorum formulam referundos curarent=ὅπως τούτους εἰς τὸ τῶν φίλων δάταγμα ἀνενεχθῆναι.

Такая практика продолжалась и в эпоху империи, как можно заключить из одного места у Диона (LIII, 25, 1): κἂν τῷ αὐτῷ ἔτει τούτῳ [т. е. в 25 до н. э.] ὅ τε Πολέμων ὁ ἐν τῷ Πόντῳ βασιλεύων, ἔς τε τοὺς φίλους καὶ ἐς τοὺς συμμάχους τοῦ δήμου ἐνεγράφη.

В этой связи обращает на себя внимание боспорская надпись 133 /4 г. н. э./ (IOSPE, II, 33), в которой боспорский царь Реметалк прославляет Адриана, как своего εὐεργέτην καὶ ἴδιον κτίστην[3].

Надпись восстановлена была Беком и Латышевым (по копиям Стемпковского и Дюбуа). По Латышеву надпись перепечатана у Канья (IGRR, I, 877). В издании Латышева она гласит: Αὐτοκράτορα καίσαρα Τραϊα[νοῦ υἱὸν|Ἀδριαν]ὸν Σεβαστὸν τὸν τοῦ [Βοσπόρου? εὐεργέτ]ην καὶ ἴδιον κ[τ]ίστη[ν], Τ[ιβέριο]ς Ἰού|[λιος βασιλε]ὺς Ῥοιμετάλκης, φιλό[καισα]ρ καὶ|[5] [φιλορώμαιος] εὐσεβής, εὐχα[ρ]ισ[τήσας..... ἀν[έ]στησε[ν δὶ ἐπιμε|λητοῦ... Ἰου]λίου Φ[λαβ]ιανοῦ....|.... ἔτους] λύ κ[αὶ μηνὸς] Ἀπελλαίο[υ...

Другие дополнения:

строка 1: Τραϊα[νὸν|Ἀδριαν]ὸν Cagnat, IGRR, I, 877.

---

[1] R. Münsterberg, Verkannte Titel auf griechischen Münzen, J. Ö. A. I., XVIII, 1915, 317 слл.

[2] Мюнстерберг строит свои выводы на двух фактах:

а) В надписи IOSPE, II, 40 Савромат I назван amicus Imp(eratoris) populiq(ue) (omani) praestantissimus.

б) Боспорские монеты, начиная со времен Котиса I, имеют изображения *почетных даров* (ΤΕΙΜΑΙ), которые римские императоры присылали царям Боспора, как своим «союзникам», на что в свое время уже обратили внимание акад. Келер (Ges. Schriften I, St. Petersburg, 1850, стр. 196—99) и Кене (Mus. Kotschubey, II, 219).

Совершенно искажают смысл подлинника переводы Ашика («Боспорское царство», I, 80: «преданный императору и римлянам»), Ростовцева («Эллинство и иранство», 169: «любящий Рим и любящий Цезаря») и Латышева (перевод к IOSPE, II, 354, 356: «римлянолюбивая»). Между тем в переводе к IOSPE, II, 25, в которой речь идет об Аспурге, φιλορώμαιος переведен правильно «друг римлян». Тем не менее Каллистов (ВДИ, 1940, № 2, стр. 67, 73) и Дьяков (ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 75; УЗМГПИ им. Ленина, XXVIII, стр. 30) говорят о «римлянолюбивой» Динамии.

[3] Обычно в боспорских надписях римский император назван εὐεργέτης (IOSPE, II, 34, IV; 420) или σωτὴρ καὶ εὐεργέτης) (IOSPE, II, 32, 354; IV, 201). Употребление выражения ἴδιος κτίστης придется объяснить заимствованием готовой формулы, которая применяется обыкновенно к городу, фиасу и т. д. Так, Адриан называется κτίστης τῆς οἰκουμένης (SEG, III, 425), Савромат—εὐεργέτης τῆς πατρίδος καὶ κτίστης (IOSPE, II,39).

стр. 5—6: εὐχαριστ[ῶν τῆς εἰ] [ἑαυ|τὸν καλοκα]γα[θ]ί[ας]?—Boeckh, CIG, II, 2108 сл; εὐχα[ρ]ισ[τήσας....| ...γραφ.... Cagnat.

стр. 7: λ...ου...'Αδριανοῦ—Cagnat; Φ[λ.'Αρρ]ιανοῦ—Doulcet, Quid Xenophonti debuerit Fl. Arrianus, Paris, 1882; Nissen, RM, XLIII, 258,5.

По поводу дополнения Бека в строках 5—6 Латышев замечает, что они не согласуются со следами букв на камне, хотя он сам ничего более определенного не может предложить (комментарий к IOSPE, II, 33, стр. 35).

Стр. 3 кончается на σιο или σιου, что восстанавливается как Τ[ιβέριο]ς 'Ιού[λιος], причем буквы λιος являются уже началом стр. 4[1]. Таким образом, при сравнении лакуны в 5—6 стр. (от букв ευ...α...σ до γραφ) со стр. 4 (36 букв) мы видим, что в 5-й строке, нехватает около 10 букв, а в 6-й строке—10—12.

Итак, вся лакуна охватывает пространство в 20—22 буквы, причем почти в конце 5-й строки читается буква σ (по Беку).

Учитывая тот факт, что боспорские цари были «друзьями» императора (ср. эпитеты Реметалка в данной надписи[2], можно попытаться восстановить стр. 5—6 таким образом: εὐχαριστ[ῶν ἐπὶ τῷ ἐ]ς|[τοὺς φίλους ἐν] γραφ[ήνα]ι, т е. «в знак благодарности за внесение его в число (его) друзей». Так, в декрете в честь Диофанта читаем: ἐφ' οἷς ὁ δᾶμος εὐχαριστῶν ἐτίμασε...

В IOSPE ἐγγράφω пишется часто через —ν[3], ср. IOSPE, II, 439, 452, 456 (см. также Ditt., SIG[3], IV (Index), стр. 301). Так как по-гречески артикль часто имеет значение притяжательного местоимения никакой надобности в ἑαυτοῦ нет. При таком чтении отпадают всякого рода эпиграфические и грамматические затруднения, вроде черточки перед γραφ и перед αν, которые могут быть восстановлены только как буквы —ν или —ι, непонятный Imperfectum ἐνέγραφε (если полагать что на камне читалось [ἐνέ]γραφ[ε καὶ] ἀν[έ]στησε[ν] и др. Что же касается восстановления имени эпимелета, надо согласиться с Брандисом, что вряд ли здесь мог упоминаться римский легат Флавий Арриан, правитель Каппадокии в 30 гг. II в. н. э.[4]

Таким образом, данная надпись позволяет сделать целый ряд выводов, имеющих немаловажное значение для истории римско-боспорских отношений.

Во-первых, договор о дружбе (amicitia) с Римом не был наследственным, а обновлялся при вступлении на престол каждым новым царем[5].

---

[1] Предложенные к этой строке конъектуры [βασιλε]ύς и φιλό[καισαρ] также вне всяких сомнений. Поэтому надо считать, что строка 4 восстановлена правильно и что надпись имела в среднем по 36 букв в строке. Из этой длины и надо исходить при восстановлении надписи. Тем не менее 1—2 стр. у Латышева насчитывают лишь по 30 букв, что явно недостаточно. Поэтому я бы предложил конец стр. 1 дополнить таким образом: Τρα[νοῦ θεοῦ υἱὸν?]; ср. Δελτίον 'Αρχαιολ. 1890, стр. 45 (ILS, I[1], 345). Конец стр. 2 можно по аналогии с IOSPE, II, 355 и ИАК, LXIII, 111, 3, где читается σύμπαντος Βοσπόρου дополнить: τοῦ [παντὸς Βοσπόρου?] ср. Dittenberger, SIG[3], 569, 30, 1023, 40. За это дополнение говорят также стилистические соображения, а именно: противопоставление παντὸς Βοσπόρου εὐεργέτην и ἴδιον κτίστην.

[2] См. также IOSPE, II, 353, 437; ИАК, LXIII, 110, 2; монеты его с изображением почетных даров см. Köhne, II, табл. 14, №№ 157, 59, стр. 263; Бурачков, табл. 29, № 185, пр. 263, № 196 и там же, № 189, стр. 264, пр. 200; Орешников, Кат. Увар., стр. 99, №№ 632—635; Wroth, Cat. Brit. Mus., стр. 63.

[3] На это обратил мое внимание проф. С. Я. Лурье, которому приношу здесь свою благодарность.

[4] Brandys, Bosporos, RE, III, 1897, 784.

[5] Так как римское право не знает наследственности царской власти, то после смерти царя—«друга римского народа», его наследник должен был обновить договор своего предшественника, по существу, заключить новый договор.

Во-вторых, Реметалк, как известно, правил с 131/2 г. н. э.[1], а надпись датирована 133/4 г., из чего следует, что между вступлением Реметалка на престол и внесением его в список «друзей» прошло два года или около этого. Это, конечно, не значит, что в течение почти двух лет Реметалк не был признан римским императором. Титул «друг» иногда давался после признания царя законным монархом, как об этом говорят случаи с Фарнаком (Dio, XXXVII, 14, 2) и Птолемеем XI (там же, XXXIX, 12). Полемон, например, был внесен в список «друзей» через четыре года после вступления на престол и признания его Римом (там же, LIII, 25, 1).

В-третьих, эта «дружба» далеко отходит от обычного шаблона, когда контрагент Рима лишался возможности вести самостоятельную внешнюю политику[2]. Известно ведь, что тот же Реметалк заключил союз (συμμαχία) с Херсонесом (IOSPE, I² 423)[3]. Это, как и ряд других моментов, указывает нам на особое правовое положение Боспора в эпоху Римской империи.

И, наконец, можно думать, что такого же происхождения, как наша надпись, и другие надписи боспорских царей в честь римских императоров (IOSPE, II, 355; IV, 201), а особенно те, которые вырезаны на пьедесталах статуй, очевидно, императоров (IOSPE, II, 34; 354; возможно также, IOSPE,II,32; IV, 420).

Б. Надэль

---

[1] Latyschev, IOSPE, II, praef., стр. XLVIII.

[2] Bohn, Qua condicione iuris reges socii populi Romani fuerint, Diss., Berlin, 1876, стр. 40—41; Sandys, там же, стр. 91 слл.

[3] Ср. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 524; 605.

ПРИЛОЖЕНИЕ

BASILIUS LATYSCHEV

SCYTHICA ET CAUCASICA

В. В. ЛАТЫШЕВ

ИЗВЕСТИЯ ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ О СКИФИИ И КАВКАЗЕ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
АВДЕЕВА Р. Б.

В. В. Латышев

ИЗВЕСТИЯ ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ О СКИФИИ И КАВКАЗЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГРЕЧЕСКИЕ ПИСАТЕЛИ

(Продолжение[1]*)*

ЕВСЕВИЙ

Евсевий, сын Памфила, уроженец палестинский, был епископом Кесарии Палестинской с 314 г. до своей смерти в 340 г. Из его многочисленных сочинений первое место занимает Χρονικά, в котором автор изложил синхронистически всеобщую историю с древнейших времен до 324 г. н. э., но которое, к сожалению, не сохранилось до нас в первоначальном виде (см. Christ, Gesch. d. griech. Litt.,[4] стр. 953 сл.); затем сохранились: Προπαρασκευὴ εὐαγγελική в 15 книгах, Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία в 10 книгах до 325 г.; полемическое сочинение против Гиерокла и жизнеописание императора Константина.

Текст: Eusebii Chronicorum libri duo, ed. Alf. Schoene, Berol., т. I, 1875, т. II, 1866. Eusebii Caesariensis opera recogn. Guil. Dindorfius, Lips., Teubn., 1867—71, 4 тома. Eusebii Pamphili vita Constantini et panegyricus, rec. Fr. Ad. Heinichen, Lips., 1869; [последнее сочинение в берлинском Corpus'е издано Heikel'ем в 1902 г. Русская работа: Н. Розанов, Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской, Москва, 1881].

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ПРИУГОТОВЛЕНИЕ

(ΠΡΟΠΑΡΑΣΚΕΥΗ ΕΥΑΓΓΕΛΙΚΗ)

I, 4,6. Очевидный показатель пользы, проистекающей из его (т.е. спасителя нашего) слов, ты можешь увидеть, представив себе, что обычаи

---

[1] Начало см. ВДИ, 1947, №№ 1—4; 1948, № 1—2.

всех народов, даже те, которые прежде были дикими и варварскими, облагорожены не когда-либо прежде *искони* веков и не кем-либо из знаменитых прежде *лиц*, а только из его слов и распространившегося по всей вселенной учения его; так, ни принявшие его учения персы не вступают в браки с матерями, ни скифы не едят людей благодаря дошедшему и до них слову Христа, ни другие варварские племена не сообщаются безнравственно с дочерьми и сестрами... не выбрасывают умерших родственников собакам и хищным птицам, делавшие это прежде; не предают стариков повешению, как прежде, не едят мяса самых дорогих покойников по старинному обычаю, не приносят людей в жертву демонам, как богам, по *примеру* предков, не режут самых близких под предлогом благочестия. (7). Такие и бесчисленные подобные им обычаи оскверняли прежде человеческую жизнь: говорят, что массагеты и дербики считали самыми несчастными родственников, умерших естественной смертью, и в предупреждение этого резали их и угощались состарившимися близкими; тибарены сбрасывали со скал живыми состарившихся ближайших родственников, гирканы и каспии,—первые выбрасывали хищным птицам и собакам живых, вторые—умерших; скифы зарывали живыми в могилу и резали на кострах тех, кого особенно любили умершие; бактрийцы также выбрасывали стариков живыми *на съедение* собакам[1].

II, 6, 2. Зачем мне говорить тебе о гиперборейских женщинах? Они назывались Гиперохой и Лаодикой и похоронены на острове Делосе в храме Артемиды, находящемся в святилище Аполлона Делосского[2].

IV, 16, 12... Совершенно естественно достопочтенный Климент в «Увещательной *речи* к эллинам»[3]... также оплакивает человеческие заблуждения в следующих словах: «... Племя тавры, живущие на Таврическом полуострове, кого ни захватят у себя из иностранцев, потерпевших кораблекрушение на море, тотчас приносят в жертву Таврической Артемиде; эти жертвоприношения Эврипид выводит на сцену в трагедии»...[4]

IV, 17, 4... Если на Родосе, на Саламине и других островах,... у фракийцев и скифов доказано существование в древние времена вдохновенного демонами[5] человекоубийства, продолжавшегося до *времен* спасителя нашего, то разве нельзя вполне основательно сказать, что все *они* тогда были порабощены злыми демонами, и прекращение столь великих зол в жизни совершилось не раньше, чем воссияло учение нашего спасителя, ибо глас истории свидетельствует, что это продолжалось до времен Адриана и прекратилось при нем; а это было именно то время, в которое спасительное учение укреплялось во всем человечестве.

VI, 10, 29. Все амазонки не имеют мужей, но подобно бессловесным животным раз в году, около весеннего равноденствия, переходят свои границы и соединяются с соседями, считающими это за праздник; зачав от них, они возвращаются и по необходимости в одно время бывают беременны по закону природы; рожденных мальчиков они выбрасывают, а девочек воспитывают; они воинственны и преданы физическим упражнениям.

---

[1] Ср. Porph., de abst., IV, 24. [О перечисленных племенах и их обычаях см. Her., I, 216; IV, 71 сл. (массагеты и скифы); Strabo, XI, 11, (дербики, каспии, гирканы и бактрианы)].

[2] [Легенда о названных гиперборейских девах, представлявших собой второе посольство (после Аргии Опиды) гипербореев в Дельфы, изложена у Her., IV, 33, 35].

[3] Clem., Protr., III, 42.

[4] [Eur., Iph. Taur., 28 сл.].

[5] [Т. е. ритуального].

Ibid., 31... В Верхней Сарматии, в Скифии, у всех народов на северной стороне Понта, во всей Алании, Албании, Отене, Савнии и в Хрисе[1] нельзя видеть ни менялы, ни ваятеля, ни живописца, ни зодчего, ни землемера, ни декламатора, ни чтеца поэтических произведений...

IV, 11, 70 упоминается обычай амазонок «устранять одну из грудей».

IX, 41, 1. Я нашел и в сочинении Абидосца об ассирийцах[2] следующее о Навуходоносоре: «Мегасфен говорит, что Навуходоносор, превосходивший силой Геракла, совершил поход на Либию и Иберию и, покорив их, поселил часть их *жителей* на правой стороне Понта»...[3]

X, 6, 5 цитируется Clem. Al., Strom., I, 16, 75.

Ibid., 8 цитируется Clem Al., Strom., I, 16, 76.

X, 12, 18 цитируется Clem. Al., Strom., I, 21, 105.

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

(ΕΚΚΛΗΣΙΑΣΤΙΚΗ ΙΣΤΟΡΙΑ)

КНИГА III

...I [Nic. H E II, 39—44. III, 1]. Так было у иудеев. Из святых же апостолов и учеников спасителя нашего, рассеявшихся по всей вселенной, Фома, как гласит предание, получил в удел Парфию, Андрей—Скифию, Иоанн—Азию...

ХРОНИКА

(CHRONICA)

Издание Schoene, т. I, Армянская версия, переведенная на латинский язык и по рукописям просмотренная Petermann'ом. Греческие фрагменты собраны Schoene.

Извлечения и перевод **А. И. Малеина**

---

[1] [Под Верхней Сарматией надо понимать области на среднем Дунае и к востоку от него, занятые сарматскими племенами; наименование аланы распространялось в поздние века Римской империи на значительную часть восточных областей Северного Причерноморья; об Албании на Северном Кавказе см. Strabo, XI, 4, 1 сл.; об Отене см. As. Quadr., Parth., III, fr. 8 ((Steph. Byz. s. v. Ὠτηνή); Савния ближе не известна; Хриса—область внутренней Индии, соответствующая современной Бирме и северной части области Пегу].

[2] [«Абидосец» Ἀβυδηνός)—греческий историк неопределенного времени, написавший не дошедшую до нас историю Ассирии, фрагменты которой собраны во FHG, IV, 278].

[3] [Т. е. на кавказском берегу; речь идет о легендарном походе Навуходоносора II (605—562) в Иберию (Испанию), сочиненном для объяснения омонимичности западных иберов (испанцев) и восточных (предков современных грузин)].

КНИГА I

... Col. 23, 6 Schoen.-Col. 24 fr. Graeca. От корабля же того[1] (в том месте), в котором он остановился на пути в Армении, и ныне осталась некоторая малая часть (словно), останки на горах Кордуэев (Κορδυαίων)[2], в стране арменийцев, *как* говорят, и некоторые, отскабливая нафту (горную смолу), которой был обмазан карабль, относили *ее домой* для исцеления и отвращения некоторых недомоганий (болезней, болей), наподобие амулета... Syn c., 55, 16—56,3.

АБИДОСЦА[3] О ПОТОПЕ

... Col. 31,35 = Col. 32. И когда *они*, уже подняв паруса, хотели ехать на судне в Армению, неожиданно мореплаватели (туда) прибыли (прибывали) по *воле* бога (т. е. по руководительству бога). Eus., Praep. ev., 9, 12; ср. Sync., 70,2—15.

... Col. 33,16 Schoen. Корабль, занесенный в страну Армению, стоял и из своих досок доставлял спасительное средство (помощи) населяющим страну...

КЕФАЛИОНА ИСТОРИОГРАФА О ЦАРСТВЕ АССИРИЙЦЕВ

Col. 61,26 = Col. 62. В (этом) последнем поколении при владычестве *над* ассирийцами Панина[4], флот аргонавтов приплыл в реку Фасис и к Медее (Mentem) Колхидской... Sync., 315,6—316,7.

ПРИЛОЖЕНИЕ II: ВВЕДЕНИЕ[5]

P. 46,23... И остановился ковчег на седьмом месяце, в двадцать седьмой день месяца над горами Арат (Arath)[6]. Эти горы находятся в Верхней Армении рядом с персами...

ПРИЛОЖЕНИЕ IV: КРАТКАЯ ХРОНОГРАФИЯ[7]

ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ ГРАНИЦ СВЯТЕЙШИХ ПАТРИАРШИХ И АПОСТОЛЬСКИХ ПРЕСТОЛОВ

Первый престол верховного апостола Петра... от Равенны и до Фессалоники, склавов[8], аваров[9] и скифов, до реки Данубия, обнимает церковные границы епископов...

---

[1] [Т. е. ноева ковчега].

[2] «Κορκυραίων кодексы, исправил A. v. Gutschmid» [Кордуэи—жители Кордуэны или Гордиены, области Великой Армении между рекой Тигром и озером Ван].

[3] [См. выше, Eus., Praep. ev., IX, 41, 1].

[4] [Ближе не известен, сопоставляется с мифическим Нином, эпонимом Ниневии].

[5] Об этом введении см. Schoene, praef. стр. XII сл.

[6] Ararath.—A. v. G.

[7] Ср. Schoene, praef., стр. XIII сл.

[8] [Т. е. славов, славян].

[9] [Об аварах (обрах), племени, родственном гуннам и появившемся в V в. н. э. на Дунае см. Menander, p. 400 сл.].

ПРИЛОЖЕНИЕ VI: ЛАТИНСКИЕ ЭКСЦЕРПТЫ БАРБАРА, ПОСЛЕ СКАЛИГЕРА

Из парижской рукописи вновь изданные[1]

P. 180 (cod. fol. *46*)... Сыны Гамера[2], сына Иафета, третьего сына Ноя: Асханат[3], от которого сарматы...

P. 181 (fol. 5 *a*)... А сии суть племена от Иафета, третьего сына Ноя. От Мидии вплоть до Сперии, простираясь со стороны океана до Аквилона[4] так: мидяне, албаны, гарганы[5], эрреи, армены, амазоны, колы[6], корзины, деннаги (Dennagi)[7], каппадоки, пафлагонцы, мариандины, табарины[8], халлиры, моссоники, сарматы, савробаты[9], меоты, скифы, тавринии[10], фраки, бастарны...

P. 182 (fol. 5 *b*)... Провинции же тех *народов* суть следующие: Мидия, Албания, Амазония[11], Армения малая и великая, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхида, Индия, Ахея, Боспорина[12], Меотия[13], Деррис, Сарматия, Таврианния[14], Бастарния, Скифия...

P. 183 (fol. 6 *a*)... Вместе сорок провинций Иафета: Албания, Амазония, Армения, Каппадокия, Пафлагония..., Галатия, Колхида, Индия, Италия, Боспорина, Меотия..., Деррис, Сарматия, Таврианния, Бастарния..., Скифия, Фракия, Македония...

P. 185 (fol. 9 *a*)... И сын Арам сына Сима, сына Ноя, он же и Гул, от которого происходят лидии, и Гатер, откуда гасфинии, и Мосох[15], откуда моссинии[16]...

P. 186 (fol. 9 *b*) и Абимеил[17], откуда гиркании .

И Гебал[18], откуда скифии . . . . . .

---

[1] Ср. Schoene, praef., стр. XV сл.

[2] [Или Гомера Библии (Gen., X, 1 сл., см. ВДИ, 1947, № 1, стр. 265), отождествляемого с гимирраи (киммерийцами) клинописных памятников].

[3] [Ашкеназ Библии (Ишкуза клинописных текстов), отождествляемые в новой литературе со скифами. См. ВДИ, 1947, № 1, стр. 265].

[4] [С юго-востока на северо-запад].

[5] [Ближе не известны; могут быть сопоставлены с гаргареями Страбона (XI, 5, 1 сл.), а также с гаргенаями Птолемея (Geogr., VI, 16), локализующимися в центрально-азиатских степях].

[6] [Может быть, колхи; колы, как незначительное племя западного Кавказа и область Колика известны Гекатею (fr. 186) и Псевдо-Скилаку, 78].

[7] [Быть может, должны быть сопоставлены с Δανναγενοί или Βενναγενοί —народностью Передней Азии; не исключено также, что в этом наименовании кроется Κομμαγενοί (Strabo, XI, 12, 2].

[8] [Быть может, западнокавказские тибарены, известные уже Ксенофонту) (Anab., V, 5, 1 сл.)].

[9] [Вероятно, савроматы].

[10] [Должны быть сопоставлены с тафриями (тавриями) Страбона (VII, 3, 18)].

[11] [Видимо, имеется в виду область по реке Термодонту, считавшаяся средоточием легендарного народа амазонок].

[12] [Т. е. Боспорское царство].

[13] [Этим именем, видимо, обозначена область к востоку от Азовского моря].

[14] [Видимо, Херсонес Таврический (Крымский полуостров), что явствует из сопоставления с упомянутыми выше тавриниями].

[15] [Западнокавказские мосхи, известные уже Гекатею Милетскому (fr. 188)].

[16] [Моссинии или моссины других древних авторов, локализующиеся к востоку от Трапезунта; см. Xen., Anab., V, 4, 2 сл.].

[17] [Абимаил Библии, область Южной Аравии].

[18] [Область к югу от Мертвого моря].

И Гуир, откуда армении.

Р. 187 (fol. 10 *a*). Имена же провинций сыновей Сима суть следующие: Персида со всеми подчиненными племенами ... Иргания[1].

Р. 188 (fol. 10 *b*). Племена же, которые рассеял господь бог по лицу всей земли по языкам их во дни Фалека и Эктама брата его при построении башни, когда смешаны были языки их. Суть же следующие....

XIII. Каспианы.

XIIII. Албаны.

. . . . . .

XXXII. Армении.

XXXIII. Ибиры[2].

XXXIIII. Бибраны.

XXXV. Скифы.

XXXVI. Колхи.

XXXVII. Санны[3].

XXXVIII. Боспораны.

. . . . . .

LIII. Сарматы.

Р. 189 (fol. 13 *a*)... У сарматов два соседних племени: амаксобии и греко-сарматы...[4]

О НЕИЗВЕСТНЫХ ПЛЕМЕНАХ

Р. 190 (fol. 13 *b*)... Албаны же за воротами каспианов...[5] и за Каппадокией по правую сторону армении, вирры и вирраны. По левую же скифы, колхи и боспораны. Санны же, которые называются саннигами[6], которые и до Понта простираются, где соединение Апсара и Себастополя и Кавсолимин[7] и Фасис река вплоть до Трапезунта простираются те племена...

Р. 191 (fol. 14*a*)...Кавказ и скифии...

О ДВЕНАДЦАТИ НАЗВАННЫХ ГОРАХ

О РЕКАХ, КОТОРЫЕ ВПАДАЮТ В МОРЯ

Р. 192 (fol. 14*b*)...

... Рек названо по именам сорок: ...(12) Термод...[8] (15) Борисфен... (23) Данубий... (35) Истр...[9]

Р. (206 fol. 29 *b*)... Жил же Навуходоносор, судя всю землю от Каспийских ворот до пределов Гераклии, Египет и всю Иудею, подчиняя себе Понт, всю Азию и всю землю римскую,—19 лет.

---

[1] [Гиркания, что явствует из сопоставления с названными выше гирканами].

[2] [Т. е. иберы].

[3] [Они же макроны, известные уже Гекатею Милетскому, fr. 191].

[4] [Под этим именем, может быть, следует понимать те прибрежные племена, которые у Her., IV, 17, названы эллино-скифами (миксэллины)].

[5] [Т. е. Каспийские ворота древних авторов, современный Дербентский проход из Закавказья в Дагестан].

[6] [Это племя (санниги) упоминается в качестве скифского племени, соседнего с абасгами (абхазцами) у Steph. Byz. s. v. Σαννίγαι].

[7] [Быть может, Καλὸς ποταμός или Καλὸς λιμήν, упоминаемые на кавказском побережье, Arr., PPE, 8].

[8] [Вероятно, малоазийский Термодонт, о котором см. Strabo, VII, 3, 6].

[9] [О сосуществовании этих двух наименований реки Дуная в первые века н. э., применительно к разным ее частям, см. Ptol., Geogr., III, 10, 1 сл.].

КНИГА СИНХРОНИСТИЧЕСКИХ ТАБЛИЦ ЕВСЕВИЯ (издание Schoene, т. II)

ЕВСЕВИЙ — АРМЯНСКАЯ ВЕРСИЯ

	От Авр.	Евр.	Асс.	Сик.	Аф.	Ег.
	—	Тола 22 года	Митрей 25 лет	Инах 42 года	Тезей, сын Эгея, 30 лет	Аменофис 40 лет
Sch., p. 48 Медея Колхидская удалилась от Эгея[1] Sync., 308, 13.	784	9	1	32	2	22

	От Авр.	Евр.	Асс.	Кор.	Лак.	Аф.	Лат.	Ег.
	—	Самуил 40 лет	Деркил 40 лет	Алет 35 лет	Эврисфей 49 лет	Кодр 21 год	Латин Сильва 31 год	Династия диополитов 178 лет
Sch., p. 60 Амазонки пришли в Азию вместе с киммерийцами[2] Sync., 334,17. .	939	39	28	23	24	13	31	104

ИЕРОНИМ

	От Авр.	Асс.	Евр.	Сик.	Мик.	Аф.	Ег.
	—	Сосарм 19 лет	Тола 22 года	Инах 42 года	Атрей и Тиест 65 лет	Эгей 48 лет	Аменофис 40 лет
Медия Колхика удалилась от Эгея.	782	18	7	30	27	48	20

	От Авр.	Асс.	Евр.	Аф.	Лат.	Лак.	Кор.	Ег.
	—	Деркил 48 лет	Самуил и Саул 40 лет	Кодр, сын Мелянта, 21 год	Латин Сильвий 50 лет	Эврисфей 42 года	Алет 35 лет	XX диополитанская династия 178 лет
Вторжение амазонок в Азию с гимериями. . . .	940	28	40	14	1	25	25	106

Медея Колхидянка удалилась от Эгея.

Одновременное вторжение в Азию амазонок и киммерийцев

[1] [Медея, в соответствии с версией мифа, изложенной у Myth. Vat., I, 48, жила у Эгея после того, как она покинула Язона; события похода аргонавтов легендарная хронология относила к поколению героев, предшествующему поколению Троянской войны].

[2] [О хронологии киммерийско-скифских вторжений в Малую Азию см. Her., I, 15 и прим.; ср. Strabo, 1, 3, 21 и прим. О перенесении фактов, связанных с киммерийскими вторжениями в Переднюю Азию, на амазонок см. Diod., II, 46.].

ЕВСЕВИЙ	АРМЯНСКАЯ ВЕРСИЯ										ИЕРОНИМ							
	Осн. гор.	Ол.	От Авр.	Иуд.	Лид.	Мак.	Мид.	Римл.	Ег.		От Авр.	Мид.	Иуд.	Римл.	Мак.	Лид.	Ег.	
				Амос 12 лет	Ардей 36 лет	Аргей 38 лет	Диок 54 года	Тулл Сильва 32 года	Псаметих 44 года			Дейок 54 года	Амон 12 лет	Тулл Гостилий 32 года	Аргей 38 лет	Ардис 37 лет	Псаммет-ик 44 года	
Sch., p. 86											Олимпиада XXXI,1							
В Понте основан полис Истор.[1], Sync., 402,8.	96	31,1	1360	1	7	28	52	17	2	В Понте основан город Истор	1361	53	2	18	29	8	3	В Понте основан город Гистр.
				Иосия 31 год	Ардей 36 лет	Филип 38 лет	Фраорт 24 года	Тулл Сильва 32 года	Псаметих 44 года			Фраорт 24 года	Иосия 32 года	Тулл Гостилий 32 года	Филип 38 лет	Ардис 37 лет	Псаммет-ик 44 года	
Sch., p. 88											Олимпиада XXXIII,4							
В Понте основан Борисфен[2]. Sync., 402,18.	108	34,1	1372	1	19	2	10	29	14	(нет)	1372	10	1	29	2	19	14	В Понте основан Борисфен
				Он же	Он же	Он же	Он же	Анк Марк 23 года	Он же			Он же	Он же	Анк Марций 23 года	Он же	Он же	Он же	
Там же											Олимпиада XXXVI,2							
Скифы сделали набег на Палестину и заняли Басу[3], названную от них Скифополем, Sync., 405,3	120	37,1	1384	13	31	14	22	9	26	Скифы господствовали вплоть до Палестины.	1382	20	11	7	12	29	24	Скифы проникли вплоть до Палестины

[1] [Об этой милетской колонии, расположенной к югу от устья реки Дуная, на месте современого селения Истере, см. Ps.-Scymn., 767 сл., относящего ее основание к моменту проникновения в Малую Азию скифов, преследовавших киммерийцев].

[2] [Г. е. Ольвия при устье Днепра и Буга. Об этой милетской колонии (и о времени ее основания по археологическим данным) см. Her., IV, 17 прим.; ср. Strabo, VII, 3,17, прим.].

[3] [Испорченное Бетесеан—местное наименование эллинистического Скифополя, имя которого связывается с воспоминанием о нашествии скифов (саков) на Палестину, Plin., NH, V, 74; см. Б. А. Тураев, Скифия в иероглифической надписи, «Сборник статей в честь С. Ф. Платонова», 1911, стр. 356 сл.].

ЕВСЕВИЙ — АРМЯНСКАЯ ВЕРСИЯ — ИЕРОНИМ

Евсевий	Осн. гор.	Ол.	От Авр.	Иуд.	Лид.	Мак.	Мид.	Римл.	Ег.		От Авр.	Мид.	Иуд.	Римл.	Мак.	Лид.	Ег.	Иероним
				Плена и сожженного храма 70 лет	Алиат 49 лет	Алкет 20 лет	Астиаг 38 лет	Серый Тулл 34 года	Вафр 25 лет			Астиаг 38 лет	Еврейского плена и т. д.	Серый 34 года	Алкет 29 лет	Алиатт 48 лет	Вафр 30 лет	
Sch., p. 94											Олимпиада LIII,1							
Абарис пришел из Скифии в Элладу[1]. Sync., 453, 19.	184	53,1	1448	23	42	14	30	13	23	Абарис пришел от скифов в Грецию (Элладу)	1449	31	23	14	15	44	29	Абарис из Скифии пришел в Грецию.
	Осн. гор.	Ол.	От Авр.	Мак.	Перс.						От Авр.	Перс.	Мак.					
				Пердика 28 лет	Артаксеркс Лонгиман 40 лет							Артаксеркс Лонгиман 40 лет	Пердика 28 лет					
Sch., p. 106											Олимпиада LXXXII, 4							
Абарис, гиперборейский прорицатель, стал известным. Sync., 471,5.	304	83,1	1568	12	16						1568	16	12					Абарис, гиперборейский, прорицатель, становится известным.
											От Авр.	Алекс.	Иуд.					
												Птолемей Дионисий 30 лет.	Александра 9 лет					
	(нет)										Олимпиада CLXXVII,2							Sch., p. 135
											1946	10	6					М[арк] Лукулл получил триумф над бессами, взяв Кабилу, Томы и прочие соседние города[2]. (Ср. Eutr., VI, 10).

[1] [Об Абарисе, гиперборейском жреце и прорицателе, и о связанных с ним легендах см. Her., IV, 33 сл.; Iambl., V. Pyth., XIX, 91].

[2] [О бессах, фракийском племени, жившем к югу от Балканского хребта, см. Strabo, VII, 5, 13; Марк Лициний Лукулл, о котором идет речь, брат знаменитого Луция Лукулла, консул 73 г. до н. э. и проконсул Македонии, откуда он и совершил свой поход к устью реки Дуная].

ЕВСЕВИЙ					АРМЯНСКАЯ ВЕРСИЯ				ИЕРОНИМ			
	Ол.	От Авр.	Римл.	Иуд.					От Авр.	Римл.	Иуд.	
			Кесарь Октавиан 56 лет и 6 месяцев	Ирод						Октавиан Кесарь Август и т. д.	Ирод 32 года	
Sch., p. 142.									Олимпиада CXCI, 3			
Агриппа подчинил Боспор[1]. Sync., 594,4	191,3	2002	29	19	Агриппа подчинил Боспор.				2003	30	20	Агриппа захватывает Боспор.
	Ол.	От Авр.	Римл.	Иуд.					От Авр.	Римл.	Иуд.	
			Он же	Архелай 9 лет						Он же	Архелай 9 лет	
Sch., p. 146.									Олимпиада CXCVI, 3			Sch., p. 147
(нет)	196,3	2022	49	2	Тиберий Кесарь подчинил далматов и сарматов.				2023	50	3	Тиберий Кесарь подчинил римской власти далматов и сарматов[2].

[1] [Марк Випсаний Агриппа (63—12 гг. до н. э.) во время своей деятельности на Востоке в 14 г. до н. э. послал против Скрибония, правившего на Боспоре, Полемона, сына Зенона, который и был с того же года утвержден Августом на боспорском престоле. См. JOSPE, II, стр. XXXVII сл.].

[2] [Тиберий в 12 г. н. э. праздновал триумф за свои победы в Германии и Паннонии. К этому его походу и относится упоминание Евсевия о сарматах].

ЕВСЕВИЙ	АРМЯНСКАЯ ВЕРСИЯ				ИЕРОНИМ		
	Ол.	От Авр.	Римл.		От Авр.	Римл.	
			Домициан 16 лет			Домициан 15 лет 5 месяцев	
Sch., p. 160				Олимпиада CCXVI, 2			
При нем [т. е. при Домициане] даки и насамоны, восставшие против римлян, были перебиты. Sync., 650,6 . . .	216,2	2101	5	Насамоны и даки предприняли войну против римлян и были перебиты.	2102	6	Насамоны и даки, воюя против римлян, побеждены.
				Олимпиада CCXVII, 2			
Домициан праздновал триумф над даками и германцами. Sync., 650,8	217,3	2106	10	Домициан праздновал триумф над даками и германцами.	2106	10	Домициан праздновал триумф над даками и германцами.
			Траян 19 лет и 6 месяцев			Траян 18 лет и 6 месяцев	
Sch. p. 162				Олимпиада CCXX, 1			

[1] [Североафриканское племя.].

(Продолжение)

Траян же, подчинив даков и скифов, праздновал над ними триумф, сделав Дакию провинцией[1]. Sync., 655,14 . . .	220,2	2117	4	Траян праздновал триумф над даками и скифами. . .	2117	4	Траян празднует триумф над даками и скифами.
							Sch., p. 163
	нет				2118	5	Траян, победив царя Децибала, сделал Дакию провинцией. Иберов, савроматов, осроэнов, арабов, боспоранов, колхов он принял под *свое* покровительство[2].
				Олимпиада CCXXIII,1			Sch., p. 165
	нет				2129	16	Траян сделал провинциями Армению[3], Ассирию *и* Месопотамию.
						Адриан 21 год	
				Олимпиада CCXXIV,1			
	нет				2133	1	Адриан, завидуя славе Траяна, из Ассирии, Месопотамии *и* Армении, которые тот сделал провинциями, отозвал войска.

[1] [Первая война против даков, на стороне которых были также и сарматские племена, именуемые в данном случае скифами, имела место в 101—103 гг. н. э.; в результате ее Траян праздновал триумф и принял титул Dacicus].

[2] [Указанные события имели место в эпоху парфянской войны 114—116 гг. н. э.; относительно иберов и колхов см. Arr., PPE, 15; под осроэнами следует понимать жителей западной части северной Месопотамии Осроэны].

[3] [Имеется в виду Малая Армения, ставшая не надолго римской провинцией; об Армении под римским владычеством Я. А. Манандян, Краткий обзор истории древней Армении, 1943, стр. 15 сл.].

ЕВСЕВИЙ				АРМЯНСКАЯ ВЕРСИЯ	ИЕРОНИМ		
	Ол.	От Авр.	Римл.		От Авр.	Римл.	
			Адриан 21 год			Адриан 21 год	
Sch., p. 164					Олимпиада CCXXIII,4		
Савроматы выдержали войну[1]. Sync., 659,17	2255,1	2136	4	Савроматы выдержали войну	2136	4	Война, веденная против савроматов . . . . .
			Марк Аврелиан, который и Бер. Луций Аврелий Комод 19 лет			Марк Антонин и т. д. 19 лет и 1 месяц	
Sch., p. 170					Олимпиада CCXXXVI,4		
Римляне победили германцев, савроматов, даков и квадов[2]. Sync., 665,4	237,1	2184	8	Началась война римлян против германцев и против даков и против сарматов и против квадов.	2184	8	Римляне воюют с германцами, маркоманнами, квадами, сарматами, даками (ср. Eutr., 8,12) . . . . .
Sch., p. 172					Олимпиада CCXXXVIII,1		

[1] [Подразумеваются столкновения с сарматскими племенами на границах Мевии, имевшие место в 118—119 гг. н. э., при императоре Адриане].

[2] [Подразумеваются столкновения римлян с северо-восточными племенами (германскими и сарматскими), имевшие место во время маркоманских войн, происходивших на протяжении 70-х гг. II в. н. э., при Марке Аврелии].

(Продолжение)

Антонин[1] император часто выступал на врагов, и лично *присутствуя* в походах и посылая военачальников; и когда Пертинакс и бывшие с ним страдали от жажды, был ниспослан от бога дождь, и на выстроившихся напротив германцев и сарматов упала молния и многих из них истребила. Chron. pasch., 486,19 .	238,1	2188	12	Антонин император часто выступал на войну, присутствовал сам и посылал военных вождей. Когда (однако) Пертинакс и те, что с ним, были у квадов, *они* страдали жаждой, и вследствие молений воинов-христиан был послан дождь (пришел от бога), и над врагами—германцами и сарматами сыпались молнии и многих из них погубили . .	2189	13	Император Антонин, так как много возникало против него войн, присутствовал сам, часто посылал знаменитейших вождей, среди которых однажды Пертинаксу и войску, которое вместе с ним сражалось в области квадов, подавленным жаждой, был послан божественный дождь, когда, напротив, германцев и сарматов преследовали молнии и многих из них убили. .
						Валериан и Галлиен 15 лет	
					Олимпиада	CCLX,3	
		(нет)			2279	9	Греция, Македония, Понт, Азия опустошены готами. Кваты и сарматы заняли Паннонии[2] (ср. Eutr., 9,8)
						Клавдий 1 год 9 мес.	
					Олимпиада	CCLXII,2	
		(нет)			2286	1	Клавдий побеждает готов, опустошивших Иллирик и Македонию[3] . . . . .

[1] [Марк Аврелий Антонин (161—180 гг. н. э.)].
[2] [Речь идет о варварских нашествиях в пределы империи при императоре Галлиене (260—268)].
[3] [Император Клавдий II (Марк Аврелий Клавдий), 268—270 гг. н. э., победитель готов близ Наисса, в Дардании, в 269 г., принявший после этой победы титул Gothicus].

ЕВСЕВИЙ	АРМЯНСКАЯ ВЕРСИЯ		
	Ол.	От Авр.	Римл.
			Аврелиан 7 лет и 6 месяцев
Sch., p. 184			
Аврелиан . . . отправившись и против скифов, убит собственным войском, вследствие возмущения[1]. Sync., 721. 16	264,1	2292	4
			Кар с сыновьями Карином и Нумерианом 2 года
Sch., p. 186			
На II году своего *правления* галл Кар, храбрый муж, подчинил восставших сарматов[2]. Sync., 724,12	266,4	2303	2

ДОПОЛНЕНИЯ ИЕРОНИМА К ЕВСЕВИЮ

	От Авр.	Римл.	
		Константин 30 лет 10 месяцев	
Sch., p. 192	Олимпиада CCLXXVII, 4		
	2348	26	Римляне победили готов в стране сарматов[3].
	Олимпиада CCLXXVIII, 2		
Там же	2350	28	Сарматы-лимиганты (Sarmatae Limigantes)[4] составили отряд, изгнали на римскую почву своих владык, которые теперь именуются ардарагантами (Ardaragantes)[5].

---

1 [Император Аврелиан (270—275 гг. н. э.) был убит собственными военачальниками во Фракии во время подготовки к походу против персов, которых Евсевий и имеет в виду под именем скифов].

2 [Император Марк Аврелий Кар (282—283 гг. н. э.), родом из Нарбона в Галлии или Нароны в Иллирии, совершил в первом году своего правления поход против сарматов и квадов].

3 [Имеется в виду победа над готами, одержанная в союзе с сарматами императором Константином 20 апреля 332 г. н. э. (Soz., Hist. Eccl., I, 8)].

4 «Sarmatae limicantes B, eliminates F, eliminantes F²» (Schoene).

5 «Argaragantes A, arcaragantes P, agaracantes F, argaracantes F¹» (Schoene). [По Tomaschek'y, RE, III, 429, иранское наименование, означающее bellum gerentes, речь идет о сарматах, изгнанных своими рабами из области нижней Тиссы и поселенных императором Константином в 337 г. в Паннонии. Ср. ниже Eus., V. Const., IV, 6 и прим.].

(Продолжение)

		Константин и Констант 24 года, 5 месяцев, 13 дней	
(Sch., p. 195).	Олимпиада CCLXXXIII,4 2372	19	Считаются знаменитыми сармат Амата и Махарий, ученики Антония.
(там же)	Олимпиада CCLXXXIV,1 2373	20	Сарацины, вторгнувшись в монастырь блаженного Антония, убивают сармата.
		Валентиниан и Валент 14 лет и 5 месяцев	
(Sch., p. 198).	Олимпиада CCLXXXVIII,3 2391	11	Так как в предыдущем году сарматы опустошили Паннонию, то консулы остались те же.

СИРИЙСКАЯ ЭПИТОМА, ИЗВЛЕЧЕННАЯ ИЗ КНИГИ ЕВСЕВИЯ «СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА»

	От Авр.	
Sch. p. 213	2102	насамоны и даки вступили в сражение с римлянами и побеждены[1]
Sch., p. 214	2117	Траян получил триумф над даками и скифами[2]

О ЖИЗНИ БЛАЖЕННОГО КОНСТАНТИНА ЦАРЯ

(ΕΙΣ ΤΟΝ ΒΙΟΝ ΤΟΥ ΜΑΚΑΡΙΟΥ ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ)

КНИГА III

ГЛАВА 7. О ВСЕЛЕНСКОМ СОБОРЕ, НА КОТОРОМ ПРИСУТСТВОВАЛИ ЕПИСКОПЫ ИЗ ВСЕХ НАРОДОВ

1. Из всех церквей, которые наполняли всю Европу, Ливию и Азию, собрались вместе избраннейшие служители бога... Уже и персидский епископ присутствовал на соборе, и скифский не отсутствовал в *общем* хоре[3].

КНИГА IV

ГЛАВА 5. ПОКОРЕНИЕ СКИФОВ, ПОБЕЖДЕННЫХ ЗНАМЕНИЕМ СПАСИТЕЛЯ НАШЕГО

1. Зачем мне делать отступление в речи *о том*, как *Константин*[4] подчинил римской власти варварские племена и как он первый подвел под иго роды скифов и савроматов, раньше не знавшие рабства, принудив их даже против желания признавать римлян *своими* господами. Ведь скифам прежние правители платили даже дань, и римляне служили варварам ежегодными взносами *дани* (2). Невыносима была царю речь об этом, и победителю казалось неприличным вносить *дань* наравне с предками; и вот он, уповая на спасителя своего, простер и на них победный трофей и в короткое время покорил всех, или смирив необузданных воинской силой, или приручив прочих посольскими речами и от беззаконной и звероподобной жизни приведя их к разумной и закономерной. Так, наконец, и скифы признали владычество римлян.

ГЛАВА 6. ПОКОРЕНИЕ САВРОМАТОВ ПОД ПРЕДЛОГОМ ВОССТАНИЯ РАБОВ

1. Савроматов сам бог привел под ноги Константина, следующим образом покорив людей, гордых варварским высокомерием. Когда восстали против них скифы, господа вооружили рабов для отражения неприятеля, *эти* рабы, одержав победу, подняли щиты против господ и всех *их* выгнали с родины (2). Господа нашли пристань спасения не в *ком* другом как в Константине; он, умея спасать, всех их принял в римскую страну и пригодных к *военной службе* набрал в свои войска,

[1] [См. выше, Eus., Chron. can., Ol. CCXVI, 2].
[2] [См. выше, Eus., Chron. can., Ol. CCXX, 1].
[3] Должно разуметь Теофила, епископа готов, о котором см. ниже Socr., Hist. eccl., II, 41. Ср. Беликов, Христианство у готов, стр. 34.
[4] [Константин I Великий (306—337 гг. н. э.)].

а остальным роздал земли для обработки ради *добывания* необходимого для жизни, так что они *сами* признали, что несчастие послужило им во благо, ибо они стали наслаждаться римской свободой вместо варварского зверства[1]. Так бог подчинял ему всяческие варварские племена.

КОНСТАНТИНУ ЦАРЮ, ПОХВАЛА ПО ПОВОДУ ТРИДЦАТИЛЕТИЯ

(ΕΙΣ ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΝ ΤΟΝ ΒΑΣΙΛΕΑ ΤΡΙΑΚΟΝΤΑΕΤΗΡΙΚΟΣ)

Глава 13, 7 ... История свидетельствует вообще, что все эллины, а равно фракийцы и скифы, убивали людей в *жертву* прежде, чем выступать на войну.

ЯМБЛИХ

Философ-неоплатоник, уроженец города Халкиды в Келесирии, ученик Порфирия и Анатолия, жил при Константине Великом. Из его сочинений сохранились до нас Περὶ τοῦ Πυθαγορικοῦ βίου, Λόγος προτρεπτικὸς εἰς φιλοσοφίαν, Περὶ κοινῆς μαθηματικῆς ἐπιστήμης и другие.

Текст: Iamblichi de vita Pythagorica liber. Ad fidem codicis Florentini recensuit Aug. Nauck, Petr., 1884.

О ЖИЗНИ ПИФАГОРА

(ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΠΥΘΑΓΟΡΙΚΟΥ ΒΙΟΥ)

XIX, 90. Вообще стоит знать, что Пифагор изобрел много способов обучения и сообразно с природными дарованиями и силами каждого давал ему посильную часть знания. Важнейшее доказательство *этого следующее*: когда скиф Абарис прибыл из *страны* гиперборeев, незнакомый с эллинской образованностью, не посвященный *в нее* и в пожилых летах, то Пифагор ввел его *в курс* этих знаний не путем разных степеней обучения и без пятилетнего молчания, столь же продолжительного слушания и прочих испытаний, но тотчас сделал его пригодным к слушанию своих положений и в очень короткое *время* объяснил ему *свое* сочинение о природе и другое—о богах.

(91). Из *страны* гиперборeев прибыл Абарис, жрец *чтимого* там Аполлона, приближавшийся *уже* к старости и весьма опытный в священнослужении, на возвратном пути из Эллады на родину для посвящения богу в гиперборейское святилище собранного золота. Попав проездом в Италию и увидев Пифагора, *Абарис* вполне уподобил его богу, которому служил жрецом, и поверил, что это не иной кто, и не человек, подобный богу, а действительно сам Аполлон; *он заключал* это из черт, которые находил *в Пифагоре* достойными почитания, и из признаков, которые *он, как* жрец, заметил раньше; он дал Пифагору стрелу, с которой вышел из святилища и которая могла быть ему полезной для *преодоления* встречающихся трудностей при стольких странствиях: сидя на ней, *он* переправлялся через непроходимые *места*, как например, реки, озера, болота, горы и т. п.[2] и во время путешествий, как гласит молва, совершал очищения и изгонял моровые болезни и поветрия из городов, приглашавших его на помощь в таких *случаях*. (92) Так, по преданию, Лакедемон после произведенного им очищения не подвергался моровым болезням, тогда как раньше часто испытывал это бедствие

[1] [Описываемые события, когда на территории империи (в Македонии, Паннонии и Италии) было расселено до 300 000 сармат, имели место в 334 г.; см. Eutr., X, 7, 1].

[2] [См. об этом подробнее Porph., Vita Pyth., 29].

по причине неудобства местности, в которой расположен, так как господствующие над ним Тайгетские горы причиняют сильную духоту; *то же говорят* о критском *городе* Кноссе. Приводятся и другие подобные свидетельства могущества Абариса. Пифагор, получив стрелу, не был поражен этим *даром* и не спросил причины его, но, как бы будучи в самом деле богом, отвел Абариса в сторону и показал ему свое золотое бедро в доказательство того, что он не ошибся...[1]

XXVIII, 135. Очень распространено *сказание,* что *Пифагор* показал свое золотое бедро гиперборею Абарису, принявшему его за Гиперборейского Аполлона, жрецом которого был Абарис, в доказательство того, что *он* справедливо так думает и не ошибается. Есть тысячи и других, более чудесных и удивительных *сказаний, которые* одинаково и единогласно передаются об этом муже, *как например,* достоверные предсказания о землетрясениях, скорое прекращение моровых болезней, немедленное успокоение бурных ветров и градобития и усмирение речных и морских волнений для облегчения переправы товарищей. *Говорят, что* Эмпедокл Акрагантский, Эпименид Критский и Абарис Гиперборей, сделавшись соучастниками этих *деяний,* и сами во многих местах совершали подобные *чудеса.* (136) Известны их произведения, а кроме того Эмпедокл имел прозвище «отвратителя ветров», Эпименид—«очистителя», а Абарис—«воздушного ходока», потому что он, как говорят, восседая на подаренной ему стреле Аполлона Гиперборейского, переправлялся через реки, моря и непроходимые места, как бы путешествуя по воздуху; некоторые вообразили, что так поступил и Пифагор тогда, когда в один и тот же день в Метапонтии и Тавромении беседовал с *бывшими* в обоих *этих городах* товарищами[2].

XXVIII, 138...Все пифагорейцы, однако, склонны верить таким *вещам,* каковы, например, сказания об Аристее Проконнесском, Абарисе Гиперборее и всему другому подобному. Что ни говорится...

140... Говорят, что [Пифагор] был Аполлон Гиперборейский и что доказательство этого имеется *в том,* что он во *время* состязания, встав, показал золотое бедро, что имел гостем гиперборея Абариса и взял у него стрелу, которой *он* направлял путь. (141) Говорят, что *этот* Абарис прибыл из *страны* гиперборeев, собирая золото для храма и предсказывая моровую болезнь; он останавливался в святилищах и никогда никто не видал, чтобы он что-нибудь пил или ел. Говорят также, что он совершил у лакедемонян предохранительные жертвоприношения и что поэтому никогда впоследствии не было в Лакедемоне моровой болезни. Взяв у этого Абариса имевшуюся у него золотую стрелу, без которой он не мог отыскивать дорогу, Пифагор заставил его признать *свою божественность...*

XXX, 173... Замолксис, *родом* фракиец, был рабом Пифагора и слушал его учение; будучи отпущен на волю и прибыв к гетам, он дал им законы... и призвал их к мужеству, убедив в бессмертии души. Еще и ныне все галаты, трибаллы и большинство варваров убеждают своих сыновей, что душа умерших не может погибнуть [но продолжает существовать], и что не должно бояться смерти, а *следует* мужественно итти навстречу опасностям. *Принеся* такое учение гетам и написав им законы, *Замолксис* считается у них величайшим из богов.

XXXII, 215... Когда *Пифагор* был в плену у Фалариса[3], жесточай-

---

[1] [Ср. Porph., Vita Pyth., 28].

[2] Ср. Porph., Vita Pyth., 28—29.

[3] [Тиран Акраганта, знаменитый своей жестокостью, правил в первой половине VI в. до н. э.].

шего из тиранов, к нему явился мудрый муж, родом гиперборей, по имени Абарис, прибывший именно для беседы с ним, и предложил ему вопросы о самых священных предметах, *именно* о кумирах, о наиболее благоговейном *способе* богопочитания, о промысле богов, о небесных явлениях и земных переменах и многие другие подобные. (216) Пифагор отвечал ему, соответственно своему характеру, весьма вдохновенно, вполне правдиво и убедительно...

XXXVI, 267... среди знаменитейших пифагорейцев упоминается «гиперборей Абарис».

ЭПИГРАММА НЕИЗВЕСТНОГО ПОЭТА НА ИБЕРОВ И АРМЕНОВ, ПОДЧИНИВШИХСЯ РИМСКОМУ ЦАРЮ

(ΕΠΙΓΡΑΜΜΑ ΑΔΗΛΟΝ ΕΙΣ ΤΟΥΣ ΙΒΗΡΑΣ ΚΑΙ ΑΡΜΕΝΙΟΥΣ, ΟΤΕ ΥΠΕΤΑΓΗΣΑΝ ΤΩΙ ΤΩΝ ΡΩΜΑΙΩΝ ΒΑΣΙΛΕΙ).

Текст: Anth. Pal., IX, № 582; Anth. Gr., ed. Jacobs, II, стр. 207 = Anth. Pal., ed. Dübner, т. II, стр. 119.

Эти колена (τάδε φύλα) армениев и сильное племя иберов, имея ревность о Христе, добровольно пришли под иго, подчиняясь закону непобедимых царей[1].

ЕВСТАФИЙ, АРХИЕПИСКОП АНТИОХИЙСКИЙ

Евстафий, родом из Сиды в Памфилии, жил в первой половине IV в. н. э. и был епископом сначала в сирийском городе Беррии, потом в Антиохии; на Никейском соборе был ревностным противником ариан, умер в 360 г. в изгнании во фракийском городе Траянополе. Он оставил много догматических и экзегетических сочинений, из которых сохранилось целиком Κατὰ Ὠριγένους εἰς τὸ τῆς ἐγγαστριμύθου θεώρημα διαγνωστικός. Сочинение под заглавием Εἰς τὴν ἑξαήμερον ὑπόμνημα и Allocutio ad imperatorem Constantinum in concilio Nicaeno считаются подложными.

Текст: Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca, XVIII, 609—894.—[Никанор, К вопросу о творениях Евстафия Антиохийского, ЖМНП, 1912, № 2, стр. 100; Н. П. Кудрявцев, Евстафий Антиохийский, БВ, 1910, вв. 1—2, стр. 453].

ОБЪЯСНЕНИЯ К ШЕСТОДНЕВУ

(ΕΙΣ ΤΗΝ ΕΞΑΗΜΕΡΟΝ ΥΠΟΜΝΗΜΑ)

Migne, XVIII, 740 *c*. Есть в *стране* скифов, называемых лоями (Λώοις)[2], животное, именуемое тарандом, имеющее величину быка и вид, похожий на оленя. Ловить его трудно, вследствие его *способности* изменять цвет применительно к деревьям, местностям и вообще всем *предметам*, к которым он приближается, уподобляться им по виду и вследствие этого быть для многих незаметным.

Ibid., 753 *b*. У Ноя было три сына: Сим, Хам и Иафет; они заселили *землю*, начиная от гор Тавра и Аммана[3] и дошли в Азии до реки Танаиса, а в Европе до Гадир. Они суть следующие: Гамер, который был родоначальником гамареев, нынешних галатов (Γαμὲρ ὅστις τοὺς νῦν Γαλά-

[1] «Должно разуметь Константина [I (273—337гг.)]. Армениев, обращенных в христианскую веру, упоминает Le-Beaux, Hist. de Bas-Empire, V, 22, т. I, стр. 333, издание Sammart'a (В.)—Τάδε φύλα из этих слов следует заключить, что стихи эти были подписаны под изображениями, представляющими посольство армениев и иберов к Константину, о котором рассказывает Socr., Hist. Eccl., II, 8, p. 370 [см. ниже].

[2] Видимо, должно читать Γελωνοῖς, ср. Arist., de mir. aus., 30.

[3] [На севере Сирии].

τας συνέστησεν)[1] Агод — Магодос[2], нынешних скифов... Обел — теобелов[3], нынешних иберов; Осох — месхенеев[4], нынешних каппадокийцев.

Ibid., p. 760 *b*. У Иектана были сыновья: Гебал, от которого *произошли* скифы; Абимеел—от которого гирканы...[5] Это все сыновья Сима.

АФАНАСИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

Афанасий, епископ Александрийский, родился около 300 г., умер в 373 году. На первом вселенском соборе много ратовал за догмат единосущия бога отца и бога сына, чем навлек на себя особенную ненависть ариан. Кроме полемических сочинений против них, святой Афанасий занимался эксегезой Священного писания. Новейшее изложение биографии (Jülicher'a) см. RE, II, 2, 1896, стт. 1935—1938.

Текст: Patrologiae cursus completus. Series Graeca, тт. XXV—XXVI [ed. Migne] S. P. N. Athanasii Alexandrini opera omnia, тт. I—II, Paris, 1857.

Извлечения и перевод **А. И. Малеина**

РЕЧЬ ПРОТИВ ЭЛЛИНОВ

(ΛΟΓΟΣ ΚΑΤΑ ΕΛΛΗΝΩΝ)

23... И скифы не принимают *богов* персов, персы же не принимают богов сиров...

25. Скифы, называемые тавриями[6], приносят так называемой у них «Деве» (Παρθένῳ)[7] в жертву потерпевших кораблекрушение и вообще

---

[1] «Γαμὲρ, ὅστις Γαμαρεῖς. Chron. Al.: Κελκαῖοι. Eus.: Καππάδοκες. С Евстафием согласен Ios., Ant., I, 7: „ибо ныне называемых эллинами-галатами, которым давали имя и гомареев, породил Гомар". Некоторые считают, что от него произошли киммерийцы, которые после этого названы кимврами, и то, что киммерийцы были по ту сторону Фракии вокруг Меотийского озера доказывают на основании Ezech., XXXVIII, который пишет, что Гомер и Иогорма были сторонами Аквилона» (L. Allatius; там же, ст. 997) [Ср. Eus., Exc. Lat. Barb., p. 180 прим.].

[2] «Иосиф: „Магог же поселил названных по нему магогов, прозванных ими скифами". Это племя магогов Иезекииль называет северным и таким, которое в последние времена широко опустошит Израиль, отсюда не без основания наш Евстафий утверждает, что это Скифия» (L. All.; там-же) [Ср. Ios., Ant., I, 6, 122 прим.].

[3] «Иосиф: „Поселяет же и тобелов Тобел, которые среди нынешних называются иберами". Доказать это всячески стараются Анний и Тарафа, заимствуя аргументы из имен некоторых общин Иберии, они делают его и первым царем испанцев. Но если посмотреть как следует священное писание, то оно указывает на другое племя и народ, а не то, к которому относят все эти два писателя. Ибо народы иберов были в Азии соседями народа халибов и там разрабатывали металлические жилы. Ведь и Иезекииль помещает Тубала на севере» (L. All., там же) [Ср. ВДИ, 1947, № 1, стр. 276].

[4] «Иосиф: „И месхины, поселенные Месхом, ибо каппадоками они стали называться недавно, но показывается знак их старинного наименования, ибо город есть у них еще и ныне Мазака, показывающий могущим соображать, что так некогда назывался и сам народ". Некоторые полагают, что это—народы Мосховии, которые древними были названы Μοσχικοί и Μοσσύνοικοι. Первичным местом поселения этого племени был берег Понта Эвксинского; затем они стали каппадокийцами; потом снова их место поселения продвинулось на север» (L. All., там же, ст. 998) [Ср. Eus., Exc. Lat. Barb., p. 185, прим.].

[5] [Ср. Eus., Exc. Lat. Barb., p. 186, прим.].

[6] [Афанасий имеет в виду племя тавров, по Геродоту (IV, 99 сл.), не скифского происхождения, однако, именуя их тавриями, он позволяет нам сопоставить это наименование с известным через Страбона (VII, 3, 19) именем племени тафриев, связываемых со рвом (τάφρος), вырытым через Перекоп потомками скифских рабов (Her., IV, 3). Имя этих тафриев или тафров, отождествляемых у Steph. Byz., s. v. Τάφραι, с сатархеями (см. IOSPE, I, 244), восходит, видимо, к тем же таврам; точнее, и то и другое наименование является греческой этимологизацией варварского имени].

[7] [О таврской богине «Деве», отождествляемой с Ифигенией и Артемидой, см. Her., IV, 103, а также «Херсонесскую присягу», см. Латышев, Πονικά, 1909, стр. 145 сл.].

всех эллинов, которых захватят, до такой степени нечестиво обращаясь со *своими* ближними и изобличая таким образом жестокость своих богов; ибо они закалывают тех, кого Провидение вырвало из опасностей моря, становясь почти против Провидения, ибо благодеяние его они скрывают в своей звероподобной душе. А другие, возвратившись с войны и одержав победу, разделяют затем пленных на сотни и, выбирая из каждой по одному, закалывают Аресу столько людей, сколько выберут по *одному* в каждой сотне[1]. Но не только скифы, в силу врожденного варварам зверства, совершают подобные гнусные деяния...

РЕЧЬ О ВОПЛОЩЕНИИ СЛОВА

(ΛΟΓΟΣ ΠΕΡΙ ΤΗΣ ΕΝΑΝΘΡΩΠΗΣΕΩΣ ΤΟΥ ΛΟΓΟΥ)

51. Кто из людей мог пройти когда-нибудь столь большое *пространство* и проникнуть и к скифам и эфиопам, или персам, или армениям, или готам, или к тем, которые, по рассказам, *живут* по ту сторону Океана, или к живущим выше Гиркании, как господь всех... Иисус Христос.

ИСТОРИЯ АРИАН К МОНАХАМ[2]

(HISTORIA ARIANORUM AD MONACHOS)

60... Ариане и скифов жесточе...

ДИДИМ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

Дидим, по прозванию «Слепой», родился в Александрии около 310 г. н. э. Еще в раннем детстве он потерял зрение, но тем не менее, благодаря своим блестящим способностям и необычайной памяти, сделался одним из знаменитых ученых своего времени и в течение более полустолетия стоял во главе александрийской катехетической школы. В своих догматических воззрениях Дидим находился под сильным влиянием Оригена. Умер он около 395 г. Из сочинений его сохранились Περὶ τριάδος в 3 книгах, De spiritu sancto в 63 главах (только в латинском переводе ученика его, святого Иеронима), Κατὰ Μανιχαίων и отрывки из нескольких других сочинений. Изданы у Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca, XXXIX.

О СВЯТОМ ДУХЕ

(DE SPIRITU SANCTO)

5. (M., XXXIX, стр. 1038)... Иисус, посылая проповедников своего учения, наполнил их духом и, дунув в лицо их, сказал: «Приимите духа святого» и «идите, научите все народы», как бы посылая всех ко всем народам. Однако ведь не все апостолы отправились одинаково ко всем народам, но некоторые в Азию, некоторые в Скифию и другие рассеялись по другим племенам...

КВИНТ СМИРНСКИЙ

О личности Квинта Смирнского из историко-литературных источников ничего неизвестно. В сохранявшейся до нашего времени его поэме Τὰ μεθ' Ὅμηρον в 14 книгах имеются лишь весьма скудные биографические указания. Точно определить время жизни Квинта невозможно. Судя по строению стиха в его поэме, мы имеем некоторое

[1] [Ср. Her., IV, 62].

[2] Эта книга Афанасия в начале испорчена и поэтому подлинное греческое заглавие неизвестно.

право полагать, что он писал раньше Нонна (конец IV в. н. э.), так как в ней не замечается влияния нонновой метрики, особенности которой стали нормой для последующих поэтов.

Текст: Κοΐντου τῶν μεθ' Ὅμηρον λόγοι recognovit et selecta lectionis varietate instruxit Albertus Zimmermann, Lipsiae, 1891.

Извлечения и перевод **С. А. Селиванова**

РАССКАЗЫ О СОБЫТИЯХ ПОСЛЕ ГОМЕРА

(ΤΩΝ ΜΕΘ' ΟΜΗΡΟΝ ΛΟΓΟΙ)

VII, 228—271. Вдали[1] были изображены глубокие ущелия Кавказа, а возле *было изображено, как Геракл* освобождал великого титана [т. е. Прометея], разорвав цепи его вместе со скалами, к которым они были прикреплены в разных местах...

X, 199—202[2]. [Здесь] между прочим, и великий сын неутомимого Иапета [Прометей] был прикован к скале крутого Кавказа на несокрушимой цепи; орел терзал его печень, постоянно возрождавшуюся...

ЛИБАНИЙ

Уроженец антиохийский (родился в 314, умер в 393 г.), известный ритор, имевший собственную школу риторики сперва в Константинополе, потом (с 344 г.) в Никомедии, а с 354 г., после короткого вторичного пребывания в Константинополе, окончательно поселившийся в Антиохии. Либаний стоял близко к императору Юлиану, даровавшему ему чин quaestorius. По своему образованию и убеждениям Либаний был чистым эллином и врагом всего римского.

Текст: 1) для риторических сочинений Libanii Sophistae Orationes et Declamationes ad fidem codicum manuscr. recensuit Joh. Jakobus Reiske (тт. I—IV), Altenburg, 1791—1797; 2) для писем: Libanii Sophistae Epistolae ed. Joh. Chr. Wolfius. Accedunt in calce eiusdem Libanii epistolae a Francisco Zambicario olim Latine conversae et Cracoviae primum editae, Amstelaedami, 1738. В издании Epistolographi Graeci Herher'a —только избранные. [Полное издание сочинений (незаконченное): Libanii opera, recens. K. Foerster, Lpz., с 1903 г. 7 томов].

Извлечения и перевод **А. И. Малеина**

АРТЕМИДА

(ΑΡΤΕΜΙΣ)

[Foerst., I, речь V, стр. 14, § 32]... Когда люди приносили ей в жертву людей, считая, что ее надо почитать величайшими *жертвами* за величайшие *благодеяния*, она изменила закон, так как и у тех, у кого она за подобное почитается кровью, она почитается живой кровью. Сама же она и человеколюбива и эллинолюбива. Поэтому она пришла к эллинам, оставив скифов[3]. R., I, 233.

[Ibid., речь V, стр. 317, § 41]... Этот обширный город [Антиохия] стал бы *принадлежать* скифам и был бы разграблен в давний поход, если бы она, взяв брата[4], не обратила *врагов* в бегство стрельбой из лука,

---

[1] Поэт дает описание щита Эврипила, сына Телефа, внука Геракла. На этом щите были изображены подвиги Геракла.

[2] Речь идет о вооружении Филоктета, сына Пианта, доставшемся ему от Геракла. На нем было, между прочим, описываемое изображение мучений Прометея.

[3] [Имеется в виду культовая легенда о переносе Орестом из Тавриды, по наущению богини, статуи Артемиды Тавополы в Браврон в Аттике или Артемиды Ортии в Лимнею в Спарте (Paus., III, 16, 7)].

[4] [Т. е. Аполлона].

когда они уже занимали эти Флегры (τοξεύουσα φεύγοντας ἔδειξε, Φλέγρας ἤδη ταύτας ἔχοντες[1].

Войска же у нас, могущего принять наступающих, не было. Они же, скифы, как подобало поражаемым, с криком отступили, не вынося двух стрелков... R., I, 235—236.

К ЮЛИАНУ ИМПЕРАТОРУ КОНСУЛУ

(ΕΙΣ ΙΟΥΛΙΑΝΟΝ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΑ ΥΠΑΤΟΝ)

[Foerst., II, речь XII, § 78, стр. 37]... Пришедшим от скифов, верность которых в клятвах он испытал, он приказал возвратиться и наблюдать за войной. R., I, 391.

В этой же речи упоминаются гипербореи (стр. 21, § 38; R., I, 378) и вспомогательные войска скифов во время персидской войны Юлиана (стр. 32, § 62; R., I, 388).

МОНОДИЯ ПО ЮЛИАНЕ

(Η ΕΠΙ ΙΟΥΛΙΑΝΩΙ ΜΟΝΩΙΔΙΑ)

[Foerst., II, речь XVII, § 30, стр. 218]... Пляшите, скифы, ликуйте, савроматы: иго у вас сокрушено, и ваши шеи свободны. R., I, 518.

О МЩЕНИИ ЗА ЮЛИАНА

(ΠΕΡΙ ΤΙΜΩΡΙΑΣ ΙΟΥΛΙΑΝΟΥ)

[Foerst., II, речь XXIV, § 12, стр. 519]. Перешли[2] Истр савроматы, не устрашившись непобедимого войска[3] старейшего, разграбили цветущий во всем народ иллирийский, перенесли в свою страну великое богатство, дело долгого времени. R., II, 38.

[Ibid., § 15, стр. 521]. Погибло[4] у нас двадцать пять провинций (ἔθνη πέντε καὶ εἴκοσι). Одни *из людей* погибли вне стен, другим же,

---

[1] «Я восстановил это место с правильной пунктуацией. Во всех моих рукописях разделено так: ἔδειξε φλέγρας, ἤδη. Диана обратила скифов в бегство, хотя они уже занимали эти Флегры, поселение, соседнее с нашим городом» (Reiske). Πάγρας — Gasda, «может быть и правильно» (Foerster). Место испорчено, и поправки неудовлетворительны. [Флегры близ Антиохии неизвестны. Флегрейской равниной называлось место во Фракии (благодаря своей вулканической почве), где, по преданию, происходила гигантомахия. Возможно, что и в данном случае, по словам Либания, позднее испорченным, Артемида и Аполлон обратили поле сражения в подобную φλέγρας πεδίον].

[2] «Савроматы, соединившиеся с квадами и перешедшие Данубий, нанесли в местах, прилегающих к нему, жестокое поражение [римлянам], раздраженные несправедливым убийством своего царя, некоего Габиния. Все это рассказывает Amm., XXIX, 6» (Olearius).

[3] «Ибо Валентиниан держал в этих местах не только паннонский и месийский легионы, которые были уже разбиты савроматами, как передает Аммиан, XXIX, 6, но и сам он πλήστην (sic) παρασκευήν имел при себе огромные войска» (Olearius).

[4] «Что все последующее должно относиться к набегам гуннов, алан и других народов Азиатской Скифии на Фракию и соседние местности, ясно и из того, что эти бедствия называются τελευταῖα, ибо это те волнения, среди которых лишился жизни Валент, после смерти которого через небольшое время была написана эта речь, как мы сказали выше, и потому, что немного дальше все это приписывается Σκύθαις κωμάζουσι. То, что он говорит, что во время этих волнений погибло ἔθνη πέντε καὶ εἴκοσι, полагаю, что этот термин он употребляет в смысле провинций, в каковом смысле слово ἔθνη употребляет Евсевий, I, 1, de vita Const., 28 и Дион у Зонары в истории Антонина» (Olearius).

истратившим все съестные припасы, после голодной смерти не пришлось даже получить погребения. Но родственники (?), принеся их на стену, сбрасывали несчастных нагими вниз. Подобное натворили скифы, всегда дрожащие при слухе о римском военном искусстве. R., II, 43—44.

[Ibid., § 30, стр. 527]... Ибо они, люди тяжелые и внушившие страх обитателям самого Рима (Ῥώμην)[1], и притом отстоя на путь столь многих дней, являются тебе советниками в заботе о мщении. По совершении его скифы не будут более насильничать. R., II, 52—53.

К ИМПЕРАТОРАМ КОНСТАНТУ И КОНСТАНЦИЮ ЦАРСТВЕННАЯ РЕЧЬ

(ΕΙΣ ΤΟΥΣ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΑΣ ΚΩΝΣΤΑΝΤΑ ΚΑΙ ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΟΝ ΛΟΓΟΣ ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ)

[Foerst., IV, речь LIX, § 89, стр. 252]. Все мы знаем то, что эту часть империи окружают два величайшие *народа* варваров: с одной стороны скифы, распространившиеся над Истром, а с другой—беспокоящее многолюдие персов. Из них последние, дерзая, ничего не достигают, первые же и не начинали двигаться... Что именно заставило скифов, *народ* кровожаднейший и посвященный Аресу, считающий спокойствие за несчастие, полюбить мир, сложить оружие и считать нашего царя наравне с собственными, хотя он далеко находится от Истра и строит свои войска против других... Это можно бы узнать, если сопоставить с теперешней безопасностью от скифов *их* прежние набеги, на которые нельзя было взирать и от которых спастись было возможно при исполнении единой мольбы. А она заключалась в том, чтобы лед на Истре не был настолько крепок, чтобы можно было перейти *по нему*... R., III, 302—303.

[Ibid., § 92—93, стр. 254]. Некогда вышло скифское войско, чтобы соединиться с римским отрядом и противостать могуществу персов, чтобы власть первых сохранить непоколебимой, а владычество вторых сокрушить. И что еще важнее: они выступили в поход не для того только, чтобы отделаться от обязанности, и, как оказалось, не отступили при нужде, по добровольному коварству, и, варвары, увидев приближение варваров, не изменили намерения от этого зрелища... но, как бы сражаясь за собственную страну, нисколько не отличались по *своим* ревностным действиям от пригласивших их. И причиной этого следует считать не природные их качества, а мудрость царя, который из неверных сделал *их* верными, из непостоянных надежными, из врагов союзниками и одним замыслом доставил себе оплот против персов, обезлюдил немалую часть скифской земли и сделал врагами по мыслям объединенных названием[2]. R., III, 303—304.

---

[1] «Он имеет в виду скифов, которые дошли до того, что нападали на Константинополь, чем, можно сказать, навели страх на самый Рим. Может быть, однако, в этом месте под Ῥώμη должно понимать δευτέρα или νέα Ῥώμη, каковым именем писатели этого века повсюду называют Константинополь» (Olearius).

[2] «Ибо и те и другие, как скифы, так и персы, для римлян были варвары, соединенные одним этим именем» (Reiske).

ПОСОЛЬСКАЯ РЕЧЬ ОДИССЕЯ К ТРОЯНЦАМ ЗА ЕЛЕНУ

(ΠΡΕΣΒΕΥΤΙΚΟΣ ΟΔΥΣΣΕΩΣ ΠΡΟΣ ΤΟΥΣ ΤΡΩΑΣ ΥΠΕΡ ΤΗΣ ΕΛΕΝΗΣ)

...Александр[1] явился для мщения за финикиян и скифов, как будто они не умели притти в раздражение от происшедшего или не могли отомстить за это... R., IV, 27—28.

ДЕКЛАМАЦИИ

(ΜΕΛΕΤΑΙ)

ЗАЩИТА ДЕМОСФЕНА

Моя кафедра, как кажется, нисколько не отличается от скифской пустыни и тамошних жертв, где оратору, с позолоченными рогами и с венками, надо ждать, когда придет готовый принести его в жертву[2]. R., IV, 28.

РЕЧЬ КОРИНФЯН

Еще если бы вы[3] были полчищем скифов или кочующих варваров, какими-нибудь таврами или меланхленами, которые живут наподобие зверей, незнакомы с человеческими установлениями и не единодушны по своей природе, но живут совместно диким и насильственным образом; если, будучи таковыми, вы осадили Потидею, то не сделано ничего ужасного. И от скифов даже спасались греческие гости, и у самих скифов засвидетельствованы подобные пиршества, сами же они заводили и у тех греческий стол. R., IV, 359.

НРАВООПИСАНИЯ

(ΗΘΟΠΟΠΑΙ)

КАКИЕ СЛОВА ПРОИЗНЕСЛА БЫ МЕДЕЯ, КОГДА ЯЗОН ЖЕНИЛСЯ НА ДРУГОЙ

...*Язон* в земле скифов клялся Артемидой... R., IV, 1033.

РАССКАЗЫ

(ΕΚΦΡΑΣΕΙΣ)

РАССКАЗ МЕДЕИ

... Итак, на видном месте города воздвигнута Медея, не такая, какую, посвященную в Колхиде, Артемида получила по жребию... R., IV, 1090.

---

[1] [Т. е. Парис, именовавшийся в эпосе «фригийцем» и символизировавший собой Азию].

[2] [Жертвенных животных в древности нередко украшали гирляндами цветов и золотили им рога].

[3] Т. е. афиняне, которых коринфяне обвиняют в нечестии.

ПИСЬМА

(ΕΠΙΣΤΟΛΑΙ)

192... Но они всего тягостнее при победе, подобно скифам, ибо они побеждают бегством. Но тем доставляла это жизнь на повозках... W., 91.

429. Темистий[1]..., при речи которого даже скифы стали бы кроткими... W., 219.

1042. Мне кажется, что, даже прибыв к лютейшим скифам, *Пелагий*[2] добился бы от них кротости... W., 489.

Кроме того в сочинении Λιβανίου περὶ τῆς ἑαυτοῦ τύχης λόγος упоминаются скифы ἅπαντα πλὴν τείχων κατασύροντες (R., I, 107; Foerst., I, речь I, 179, стр. 166: «грабящие все, кроме стен»). — В сочинении Ἀντιοχικός упоминаются Δαρεῖος εἰς Σκύθας ἐλαύνων (R., I, 296; Foerst., I, речь XI, § 73, стр. 460) и амазонки (R., I, 325; Foerst., ib., § 162, стр. 491). — В сочинении Πρεσβευτικὸς πρὸς Ἰουλιανόν упоминаются скифы (R., I, 471; Foerst., I, речь XV, § 59, стр. 142). — В сочинении Ἐπιτάφιος ἐπ' Ἰουλιανῷ упоминаются скифы и савроматы (R., I 620; Foerst., II, речь XVIII, § 290, стр. 364). — В сочинении Πρὸς Θεοδόσιον βασιλέα περὶ τῆς στάσεως упоминаются скифы Θεοδοσίου δοῦλοι εὔνοι (R., I, 632; Foerst., II, речь XIX, § 16, стр. 391) и войско скифов (τὸ Σκυθικόν; R., I, 635; Foerst., ib., § 22, стр. 395). — В сочинении Περὶ τῆς τιμωρίας Ἰουλιάνου упоминаются скифы (R., II, 60; Foerst., II, речь XXIV, § 38, стр. 532). — В сочинении Περὶ δουλείας упоминаются скифы и их законы (R., II, 73; Foerst., II, речь XXV, § 34, стр. 553). — В сочинении Πρὸς τὰς τοῦ παιδαγωγοῦ βλασφημίας упоминается τὸ Κιμμερίων σκότος (R., II, 270; Foerst., III, речь XXXIV, § 11, стр. 196). — В сочинении περὶ τῶν προστασιῶν упоминается ἡ σκυθικὴ φλόξ (R., II, 523; Foerst. III, речь XLVII, § 35, стр. 421). — В речи, которая называется Λόγος ἐπὶ τῷ τοῦ Δημοσθένους ὀνόματι κατὰ Αἰσχίνου πυλαγόρου I, упоминается Σκύθης ᾧ βραχὺς λόγος (R., III, 403). — В сочинении Καλλαίσχρου λόγος (μελέτη) упоминаются амазонки (R., IV, 454). — Μήδεια Σκυθῶν βασιλίς упоминается в нравоописательной речи, озаглавленной ее именем (R., IV, 1009). — В письмах дважды упоминаются скифы (в греческих № 551, стр. 267, и в латинских № 259, стр. 801). Ὁ ἐν Κολχοῖς δράκων упоминается в письме № 1151 (стр. 551).

ЭПИФАНИЙ

Эпифаний, уроженец иудейского города Элевтерополя в Палестине, родился около 314 г., с 367 г. был епископом кипрского города Констанции, в конце IV в. упорно боролся с оригенианами и скончался 12 мая 403 г. Он принадлежит к числу знаменитейших борцов против ересей; этой борьбе посвящено главное его сочинение, вышедшее в 374—377 гг. под заглавием Πανάριον или Κατὰ αἱρέσεων, содержащее в 3 книгах подробное изложение и опровержение 80 религиозных учений; заключением этого сочинения служит «Краткое и истинное слово о вселенской вере и апостольской церкви». Краткое изложение содержания этого сочинения (Ἀνακεφαλαίωσις), может быть, и не принадлежит самому Эпифанию. Сочинение под заглавием Ἀγκυρωτός (374 г.) содержит изложение учения о святой троице и святом духе. Кроме того, он писал библейско-археологические сочинения Περὶ μέτρων καὶ σταθμῶν, Περὶ τῶν ἰβ' λίθων и другие.

Текст: Epiphanii episcopi Constantiae opera, ed. G. Dindorfius, 5 томов, Lips., 1859; Migne, тт. XLI—XLIII].

---

[1] [Известный ритор IV в. н. э. Отрывки из его сочинений и речей см. ниже].

[2] [Епископ лаодикейский, живший в IV в. н. э. в эпоху императоров Валента и Валентиниана].

СЛОВО ЯКОРНОЕ

(ΑΓΚΥΡΩΤΟΣ)

113. У Сима рождаются сыны и сыны сынов до *того времени*, когда разделены были языки, и рассеяны по языкам, коленам и царствам; а имена их суть следующие: элимеи, пеоны, лазы[1] коссесуи[2], гасфены[3], палестинцы, индийцы, сирийцы, арабы, кеианы), арианы, масирелии, гирканцы, магусеи, троглодиты, ассирийцы, германцы, лидийцы, месопотамиты, евреи, килены, бактрийцы, адиабены, камилии, саракены, скифы, хионы[4], гимнософисты, халдеи, парфяне, эноты[5], кордилены[6], массены, финикияне, мадиенеи, коммагены, дардании, эламасены, кедрусии, эламиты, арменийцы, киликийцы, египтяне, каппадокийцы, финикияне, понтики, мармариды, бионы (Βίονες)[7], карийцы, халибы, псиллиты, лазы, моссиники, иберы, фригийцы. У второго *сына* Хама были сыны и сыны сынов в числе тридцати двух до того же самого разделения языков: . . . псиллиты, моссиники . . .

. . . У третьего сына Иафета сыны и сыны сынов в числе пятнадцати до того же самого разделения языков: мидяне, гарганы, арменийцы, арреи (''Αρρεοι)[8], амазоны, коллы (Κόλλοι)[9], корзены (Κορζηνοί)[10], бенеагены[11], галаты, пафлагонцы, мариандены, тибарены, халибы, моссиники, колхи, меласхены, савроматы, меоты, скифы, тавры, фракийцы, бастерны, иллирийцы. . . Если же где-нибудь имя народа или острова вставлено дважды, в уделе одного и потом другого, по общим пределам или по совершившимся со временем выселениям, или по присвоению Хама, который получил большой удел и захватил *нечто* из части Сима — то пусть никто этому не удивляется и не сомневается.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

(ΑΝΑΚΕΦΑΛΑΙΩΣΙΣ)

...В первой части первой книги *изложено* 20 религиозных сект, которые суть следующие: варварство, скифство, эллинство, иудейство.

Скифство, от дней Ноя и последующих до построения башни и Вавилона и в *следующее* за *построением* башни время немного лет, т. е. до

---

[1] «Большинство из этих народов, расположенных вне жребия Сима, относятся к части Иафета, например пеоны, которые считаются живущими в Европе. Лазы, если и находятся в Азии, однако помещаются вне κλῆρος Сима, ибо они колхи» (Petavius, V, 341 Dind.).

[2] «От Коссеи, области Персиды, если не ошибаюсь, от которой Κοσσαῖοι, как пишет Стефан. У Евсевия читается Κοσαῖοι» (Petavius, там же).

[3] «Такого имени не нахожу нигде, но есть близкое по названию—аспии, народ Индии» (Petavius, там же).

[4] «Хиониты, соседи персов; по Аммиану указываются Ortelius'ом» (Petavius, там же).

[5] «Может быть, энеты, или генеты, народы Пафлагонии» (Petavius, там же).

[6] «Кордулы—название порта у Эвксина, близ Колхиды» (Petavius, там же).

[7] «Βίονες]. Ничего не нахожу, что могло бы объяснить это место, если не читать Ἴωνες» (Petavius, там же»).

[8] «''Αρρεοι]. Плиний упоминает Аррену, область Великой Армении. У Стефана из Страбона есть ''Αρρηλοι, живущие у Меотиды» (Petavius, там же).

[9] «Κόλλοι]. Стефан называет Κῶλοι соседящих с Кавказом; от них область Колика» (Petavius, там же).

[10] «Κορζηνοί]. Пиши 'Ορσηνοί. Ибо есть 'Ορσήνη—по Птолемею, часть Малой Армении» (Petavius, там же).

[11] «Что поставить вместо бенеагенов? Ничего другого не имею, если не Κωμμαγενοί, которых автор поместил выше в жребии Сима. Но, как упоминает автор немного ниже, в разных владениях упоминаются одни и те же области и народы» (Petavius, там же).

Фалека и Рагаба[1], которые, направившись в Европейскую часть *света*, присоединились к Скифской стране и ее народам...[2]

ПРОТИВ ЕРЕСЕЙ КНИГА I

(ΚΑΤΑ ΑΙΡΕΣΕΩΝ Α')

ЧАСТЬ I

4 (p. 5*c*)... После потопа, когда ковчег ноев остановился на горах Араратских, между арменийцами и кардиеями, на горе, называемой Лубар, там впервые после потопа устраивается поселение людей и там пророк Ной насаждает виноградник и делается жителем *этого* места...

5 (p. 6*c*)... В пятом поколении после потопа, когда люди снова умножились от троих сыновей Ноя..., распространяясь и идя вперед от гор Лубара и пределов Армении, т. е. страны Араратской, они вступили в равнину Сенаар... Там на совещании они принимают решение совместно построить башню и город. От страны Европейской направились в Азию, они все получили от того времени наименование скифов...

7 (p. 8*c*)... Чтущие меч из числа скифов савроматы и *из числа* фракийцев Одриса, родоначальника, от которого производится род фригийцев.

9 (p. 11*b*)... В те времена известен был *у* эллинов Инах, у которого *была* дочь Ио, называемая также Аттидой, по *имени* которой *называется* и нынешняя Аттика. От нее же *получил название* и Боспор, с которым одно имя носит город на Эвксинском Понте, называемый Боспором...[3]

39. ПРОТИВ СЕТИАН

8 (p. 288*d*)... И так возникла башня и Вавилон. С этих *пор* рассеялись по всей земле племена и языки. И так как семьдесят два *мужа*, строившие тогда башню, по смешении языков рассеялись и вместо одного *языка*, который знали, вдохновленные волей божией получили каждый *свой* особый *язык*, то отсюда и возник доныне продолжающийся состав говоров; так, желающему можно найти родоначальника каждого языка; так, *например*, Иован получил эллинский язык, и от него имеют прозвание ионийцы, владеющие древним языком эллинов, Тера—фракийский, Мосох—язык моссиникский... и так распространилось в мире преемство каждого языка.

ПРОТИВ ЕРЕСЕЙ КНИГА II

(ΚΑΤΑ ΑΙΡΕΣΕΩΝ Β')

54. Против оригениан, II, 50 (стр. 576*c*) приводятся для сравнения: «Скиф, нещадно рассекающий члены какого-то врага для его уничтожения».

96. ПРОТИВ МАНИХЕЕВ

83 (p. 703*c*). Симу выпал жребий в ширину, *именно*: Палестина, Финикия, Келе- [Сирия], Коммагена, Киликия, Каппадокия, Галатия,

[1] Ср. Gen., XI, 18 сл.

[2] Ср. Prooem., p. XC; adv. haer., I, 8, 3; Ep., т. I, стр. 344 Dind.

[3] См. примечание Petavius'a (т. V, стр. 24, изд. Dind., [а также A e s c h., Prom. vinct., 729 сл.].

Пафлагония, Фракия, Европа, Родопа, Лазия, Иберия, Каспия и Кардиея до Мидии к северу. Отсюда этот надел ограничивает *владения* Иафета к северу...

70. О РАСКОЛЕ АВДИАН

14 (p. 827*a*—*b*)... Сам старец Авдий подвергся изгнанию, будучи сослан царем[1] в пределы Скифии вследствие восстания народов и сделанного царю епископами доноса. Пребывая там, не могу сказать сколько лет, и идя вперед, в самую внутренность Готтии, он огласил *христианским учением* многих готтов, и с тех пор в самой Готтии возникли монастыри, общежитие, обеты девства, юности и строгое подвижничество...

ПРОТИВ ЕРЕСЕЙ КНИГА III

(ΚΑΤΑ ΑΙΡΕΣΕΩΝ Γ')

КРАТКОЕ ИСТИННОЕ СЛОВО О ВСЕЛЕНСКОЙ ВЕРЕ И АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ

10 (p. 1091*c*)... Говорят, что в Мидии есть шесть различных религиозных сект, а сколько *их* в Эфиопии, у персов, или в Парфии, или в Эламитиде, или в Каспии, или в Германской стране, или в Сарматии, или сколько в давнидах[2] или у зикхов, амазонов, лазов, иберов, боспорян, или гелов, или серов, или других народов различий в обычаях, философии, религиозных сектах,—бесчисленное множество различий... У гелов, напротив, совершающие дурные поступки восхваляются их законами...

13 (p. 1094*b*)... *Есть* опять в Элладе и другие мисийцы, называемые абиями, питающиеся кобыльим молоком и вообще населяющие дикую страну...[3]

К ДИОДОРУ, ЕПИСКОПУ ТИРСКОМУ, СОЧИНЕНИЕ О 12 КАМНЯХ, БЫВШИХ НА ОДЕЯНИЯХ ААРОНА

(ΠΡΟΣ ΔΙΟΔΩΡΟΝ ΕΠΙΣΚΟΠΟΝ ΤΥΡΟΥ ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΙΒ' ΛΙΘΩΝ ΤΩΝ ΟΝΤΩΝ ΕΝ ΤΟΙΣ ΣΤΟΛΙΣΜΟΙΣ ΤΟΥ ΑΑΡΩΝ ΒΙΒΛΙΟΝ)

6 (IV, 225—233 Dind.). Камень яспис... другой похож на лед. Мифотворцы говорят, что он служит лекарством от призраков. Его находят у иберов и гирканских пастухов, живущих в Каспийской земле...

7. Камень лигирий... первый вид называется таласситом (морским), второй—розовым, третий—природным, четвертый зовется ханниеем, а пятый—беловатым. Находятся они во внутренней части варварской Скифии...

8. Камень агат... он также встречается в Скифии...

---

[1] Констанцием. Об Авдии и авдианах ср. Беликов, Христианство у готов (приложение к ПС, 1886, и отдельно, Казань, 1887), стр. 42 сл.

[2] «Автор заставляет призадуматься—кого он разумеет под давнидами. Ибо, думаю, нельзя этого относить к давнам, народу Италии. Ведь зинхи или зикхи помещаются Аррианом у Понта Эвксинского в Азиатской Сарматии. Нельзя сказать, гелы то же ли, что гелоны, или нет. Геллы, однако, в панегирике Максимиану Мамертина считаются каким-то народом, как замечает Ortelius» (Petavius).

[3] «Абии и мисийцы не больше заслуживают зачисления в число ересей и сект, чем все другие народы того мира, из которых одни имеют разные языки, другие отличаются от остальных обычаями и образом жизни» (Petavius).

О 12 КАМНЯХ, ВСТАВЛЕННЫХ В НАПЕРСНИКЕ [ПЕРВО] СВЯЩЕННИКА[1]

(ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΙΒ' ΛΙΘΩΝ ΤΩΝ ΕΝ ΤΩΙ ΛΟΓΙΩΙ ΤΟΥ ΙΕΡΕΩΣ ΕΜΠΕΠΗΓΜΕΝΩΝ).

(P. 234*a*)... Гиацинт цветом красноват, а находится во внутренней части варварской Скифии. Скифией древние обыкновенно называют всю северную страну, где живут готты и давны[2]. Там, во внутренней пустыне великой Скифии есть ущелье, чрезвычайно глубокое, людям недоступное, с обеих сторон обрамленное скалистыми горами, так что если кто-нибудь нагнется сверху с вершин гор, как бы со стен, то не может разглядеть дна ущелья, ибо оно вследствие глубины покрыто тьмой, как бы некая бездна. Туда насильно посылаются живущими по соседству царями осужденные *преступники*. Зарезав ягнят и сняв *с них* шкуру, они бросают *их* сверху, со скал, в бездну ущелья, и камни прилипают к этим тушам. Орлы, живущие наверху в скалах, *привлеченные* запахом мяса, спускаются и выносят наверх ягнят с прилипшими камнями. Когда они съедят мясо, камни остаются на вершинах гор, а осужденные, заметив, куда вынесены туши орлами, уходят *туда* и таким образом приносят камни...

ДРЕВНИЙ ПЕРЕВОД СОЧИНЕНИЯ О 12 ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЯХ

(LIBRI DE XII GEMMIS VERSIO ANTIQUA)

О КАМНЕ ЯСПИСЕ

IV, 186 Dind. ...Другой *сорт*, который похож на лед, сочинителями баснословных *сказаний* выдается за лекарство от призраков. Оно открыто иберами[3] и пастухами гирканцев, которые живут у Каспийской земли и озера. Есть и другой яспис, называемый опалом, похожий на снег или морскую пену, или если смешать кровь с молоком, как обыкновенно пьют массагеты...

О КАМНЕ ЛИГИРИИ

IV, 190 Dind. ...Самый лучший камень гиацинт называется таласситом [морским], так как представляет сходство со спокойным морем. Есть и другой, называемый родией, иной—опал, иной опять—перилевтий. Эти камни находятся в глубине варварской Скифии. Скифией древние обыкновенно называют всю северную страну, где живут готы и давны (Gothi et Dauni)[4], а также венны (Venni)[5] и арии

[1] Другая редакция предыдущего сочинения.

[2] [Должны быть идентичны давнидам, упомянутым в с. haer., III, 10; и те и другие, может быть, соответствуют дакам более ранних авторов или тем «данубиям», которых упоминает Caesarius, Dial., II, 110, см. ниже].

[3] «Область этих народов Евстафий называет Иберией Эоей; ее называют и Азиатской для отличия от Иберии Европейской, а именно Испании. Ныне мы знаем их под именем георгиан» (Dind.).

[4] «Эпитома Анастасия: οἱ Γότθοι καὶ Δαύνεις и пропускает других здесь упомянутых народов. Видимо, должно читать не Dauni, но даги или дасы и в греческом восстановить Δάαι или Δάσαι» (Dind.).

[5] « Плиний, IV, 12, в Европейской Сарматии помещает некое Ваннианское царство. См. также Тас., Ann., XII. Что если восстановить *Hunni?* Агафий помещает гуннов вокруг Меотийского озера» (Dind.).

(Arii)[1] до пределов германцев и амазонок[2]. Итак там, в пустыне внутри этой великой Скифии, есть глубочайшее ущелье, совершенно недоступное людям, так как оно с обеих сторон обрамлено скалистыми горами. Если кто сверху, с вершин гор, как со стен, посмотрит на дно ущелья, то не может разглядеть *его*, но из глубины, как бы из некоей бездны поднимается густой туман. Итак те, которые посылаются пребывающими вблизи царями отыскивать эти камни, для исполнения порученного им необходимого дела закалывают ягнят и, сняв шкуру, сбрасывают *их* сверху со скал в эту неизмеримую пропасть ущелья, причем камни, как говорят, прилипают к мясу освежеванных ягнят. Орлы, пребывающие вверху на скалах, привлеченные запахом мяса, спускаются вниз и, вытащив освежеванных ягнят, пожирают их, причем камни остаются на вершинах гор. Осужденные, которые при помощи этой хитрости направляются для добывания вышесказанных камней, замечают, куда снесены орлами туши ягнят, идут туда и, найдя камни, приносят *их царям*...

О КАМНЕ АГАТЕ

...Этот *камень* также встречается в Скифиях...[3]

ПАРФЕНИЙ ФОКЕЙСКИЙ

Жил, вероятно, в IV в. н. э. Стефан Византийский, s. vv Γότθοι, Δεκεδνοι и Μοῦρσα, называет его, не упоминая названий сочинений, s. v. Φράγγοι ссылается на I книгу, не называя сочинения, а s. vv. Βελημδόνιοι, Γρύνοι и Ὤγενος цитирует его поэму Δῆλος. Из других источников этот писатель, кажется, неизвестен.

Фр. см. Steph. Byz., s. v. Γότθοι.

ГИМЕРИЙ

Знаменитый в свое время софист, родился в Прусе около 315 г. н. э., умер в 386 г. Большую часть жизни провел в Афинах в качестве учителя красноречия, жил также в Константинополе при дворе императора Юлиана. Из его собрания речей (λόγοι διάφοροι) Фотию известны были 71, но до нас сохранилось только 24 в целом виде и 10 в неполном, а кроме того, 36 извлечений (ἐκλογαί), сделанных Фотием.

Текст: Himerii sophistae declamationum quae supersunt... Optimo et XXII orationum unico codice accurate excussa emend. Fr. Dübner, Paris, Didot, 1849 (вместе с Филостратами, Каллистратом и Эвнапием).

РЕЧЬ 25

К КОМЕТУ УРСИКИЮ

(ΕΙΣ ΤΟΝ ΚΟΜΗΤΑ ΟΥΡΣΙΚΙΟΝ)

2. Говорят, что мудрец Абарис был родом гиперборей, а по языку эллин; по одежде и внешнему виду—скиф, но чуть только пошевелит языком,—его слова казались исходящими из среды Академии и самого Ликея...

4. Абарис прибыл в Афины вооруженный луком, с висящим на плече колчаном, облаченный в хламиду; на чреслах был золотой пояс, штаны были натянуты от ступней до ягодиц...

[1] «Может быть, Abii—народы, которые, по словам Птолемея, живут в северных частях Скифии» (Dind.).

[2] «Речь идет об амазонках у Танаиса» (Dind.).

[3] «У географов—две Скифии: Европейская и Азиатская» (Dind.).

РЕЧЬ 26

...Что же касается племенного [деления], то Понт... (Скиф)ию вплоть до второй стороны по Боспору и [области] киммерийцев..., когда римляне..., привели к концу.

РЕЧЬ 30

К РИМЛЯНИНУ ПРИВАТУ... ВОСПИТЫВАВШЕМУ СЫНА ПРОКОНСУЛА АМПЕЛИЯ

(ΕΙΣ ΤΟΝ ΠΡΙΒΑΤΟΝ ΡΩΜΑΙΟΝ... ΠΑΙΔΕΥΟΝΤΑ ΤΟΝ ΠΑΙΔΑ) ΑΝΘΥΠΑΤΟΥ ΑΜΠΕΛΙΟΥ)

1. Жажда элевсинского огня привела к мистериям и скифа Анахарсиса[1]. Этот Анахарсис был мудр и стремился к добродетели... вместо скифского языка он говорил на аттическом и т. д.

ФОТИЙ

ИЗВЛЕЧЕНИЯ

(ΕΚΛΟΓΑΙ)

ИЗВЛЕЧЕНИЕ XIII

ВСТУПЛЕНИЕ К ПРОПЕМПТИЧЕСКОЙ [НАПУТСТВЕННОЙ] РЕЧИ

14. У киммерийцев, народа западного[2], мифическое сказание отняло солнце...

30. Вся Азия, а не *та*, которую мы теперь называем этим *именем*, прилагая название целого материка к одной его части[3], начинается сверху от Индии, отделяясь от других материков и оканчиваясь с востока и севера Эритрейским заливом и Фасисом, а к югу и западу—Египтом и Ионическим морем...[4]

ИЗВЛЕЧЕНИЕ XIX

ИЗ РЕЧИ, СКАЗАННОЙ КАППАДОКИЙЦУ

1. Не только через Истр и Танаис, но по всей земле и морю пронесся на стреле скиф [т. е. Абарис]. А стрела Аполлона—*это* красноречие...

---

[1] [Намек на то, что Анахарсис якобы был посвящен в элевсинские таинства, ср., однако, Her., IV, 76 сл.].

[2] [Относить киммерийцев на запад, помещая их у входа в подземное царство, греки стали в связи с развитием колонизации Сицилии и Великой Греции, когда многие мифы и их персонажи (Одиссей, Диомед, аргонавты и др.) были локализованы на западе. Особенно же упорно о северо-западных киммерийцах заговорили в I в. до н. э., после знакомства с кимврами, которых по фонетическому сходству греческие и латинские писатели отождествили с киммерийцами. В Италии (Кампании) киммерийцев локализует Страбон, V, 4, 3].

[3] [Т. е. к той части Малой Азии, которая в эпоху Римской империи носила название провинции Азии].

[4] [В определении границ азиатского материка Гимерий проявляет чрезвычайный консерватизм: в его время граница между Азией и Европой проводилась не по Фасису (это деление принадлежит ионийской географии эпохи Анаксимандра), а по Танаису; к этому же времени относится деление азиатского и африканского материков по реке Нилу. Что касается западной границы Азии, то Ионическим морем Гимерий именует восточную часть Эгейского моря].

ИЗВЛЕЧЕНИЕ XXXII

ИЗ РЕЧИ К ПРЕФЕКТУ АНАТОЛИЮ

8. Мудрец Анахарсис первый прибыл из Скифии в Элладу...

КИРИЛЛ, АРХИЕПИСКОП ИЕРУСАЛИМСКИЙ

Кирилл Иерусалимский родился около 315 г.; с 345 г. был в Иерусалиме священником и затем архиепископом, причем вследствие споров с арианами трижды был изгоняем; в 381 г. участвовал во II вселенском соборе в Константинополе. Скончался 18 марта 386 г. Из сочинений его наибольшей известностью пользуются 24 κατηχήσεις, т. е. поучения приготовляющимся к крещению и новокрещенным, составленные в 348 г.

Текст: Migne, Patrol. cursus compl., ser. Graeca, т. XXXIII, P., 1857.

ПОУЧЕНИЕ XIII

(ΚΑΤΗΧΗΣΙΣ ΙΓ')

40. (p. 820 M.). Ты имеешь двенадцать апостолов, свидетелей креста, и *всю* вселенную и *целый* мир верующих в распятого людей. То самое, что ты ныне *здесь* присутствуешь, должно убедить тебя в силе распятого. Ибо кто привел тебя ныне *сюда*? какие воины? какими оковами принужден ты? какой приговор принудил тебя ныне? Но спасительный трофей Иисуса—крест собрал всех. Он поработил персов и укротил скифов...

ПОУЧЕНИЕ XVI

(ΚΑΤΗΧΗΣΙΣ ΙΖ')

22... Посмотри, просвещенный им [т. е. святым духом] в мыслях, сколько христиан во всем этом околотке и сколько во всей Палестинской епархии. Простри *свой* ум от епархии на всю Римскую империю и от нея посмотри *на* весь мир: *на* роды персов и племена индийцев, *на* готтов и савроматов, *на* галлов, испанцев и мавров, *на* либийцев, эфиопов и прочих, безыменных для нас: ибо многие народы неизвестны нам даже по имени.

ОРИБАСИЙ

Орибасий (по Свиде—из Сард, по Эвнапию—из Пергама) был лейб-медиком императора Юлиана и составил по его поручению медицинскую энциклопедию: Ἰατρικῶν συναγωγῶν ἑβδομηκοντάβιβλος. Впоследствии сам автор сделал из нее Σύνοψις в 9 книгах.

Текст: Oeuvres d'Oribase, texte grec, en grande partie inédit, traduit pour la première fois en français par les docteurs Bussemaker et Daremberg, тт. I—V, Paris, 1851—73; т. VI par Molinier, Paris, 1876.

Извлечения и перевод **А. И. Малеина**

МЕДИЦИНСКИХ СОБРАНИЙ К ЮЛИАНУ

КНИГА II

(ΙΑΤΡΙΚΩΝ ΣΥΝΑΓΩΓΩΝ ΠΡΟΣ ΙΟΥΛΙΑΝΟΝ ΒΙΒΛΙΟΝ Β')

58 (I, 139). Понт производит много *гребенчатых* раковин, но маленьких и с трудом растущих...

(I, 155—156). Малый тунец родится в Меотиде (Μαιώταις)[1], приятен на вкус, легко портится и удобно переваривается. Кубик тунец через

[1] «Μαιώταις по исправлению Mattei. Рукописи: μεσόταις, μεσοταῖς, μεσογαίαις. ἑλεσι τῆς Μαιώτιδος Strabo» (Bussemaker, Daremberg).

сорок дней возвращается из Понта в Меотийское озеро, приятен на вкус и сочен...[1].

КНИГА IV

(ΒΙΒΛΙΟΝ Δ')

(I, 263). Очень вкусное кушанье—тыква, приготовленная на блюде с соленой рыбой, в особенности, если эта рыба из понтийских *так* называемых краснобородок.

(I, 267). Самые лучшие соленые рыбы из тех, которых я сам пробовал,—гадирские..., а также привозимые из Понта краснобородки.

V, 1 (I, 334)... Озеро в *стране* савроматов, через которое и птица не успевает перелететь (не упав мертвой)[2].

IX, 6 (II, 293)... Страны возле Истра и Меотийского озера и, говоря вообще, северные должны быть холодными в силу своего положения в мире.

(II, 294). В некоторых холодных местностях, каковы Фракия и Понт, приморские *места*, будучи низменными, в силу этого имеют более теплую температуру.

XI, 15 (II, 312). Северная часть земли—самая холодная и самая сырая; этой страной владеют скифы; тут границы нашей обитаемой *земли*...

XIV, 38 (II, 539—540). К числу размягчающих скиры [твердые нарывы] лекарств принадлежит... и скифский бделлий, который и чернее и смолистее *аравийского*.

XV, 1 (II, 622). Скифский бделлий имеет очень действенные смягчающие свойства[3].

XXI, 6 (III, 22). У кельтов, германцев и всего фракийского и скифского племени кожа холодная и сырая, а врожденная теплота убегает во внутренности вместе с кровью, и так как кровь там смешана, сжата и кипит, то *эти народы* становятся гневными, порывистыми и непостоянными во мнениях.

Кроме того, в работах Орибасия упоминается Медея, т. I, 334; βδέλλιον τὸ σκυθικόν называется т. III, стр. 667.

ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ [КЕСАРИЙСКИЙ]

Василий, названный Великим, сын ритора в Неокесарии при Понте, родился около 330 г., высшее образование получил в Константинополе и в Афинах; в 359 г. он крестился, а с 371 до своей кончины 1 января 379 г. был архиепископом Кесарии Каппадокийской.

Текст: Migne, Patrologiae cursus completus, ser. Graeca, тт. XXIX—XXXII, Paris, 1857. [Новое издание в Афинах, 1900; русский перевод Московской Духовной Академии в 7 томах, 4-е издание].

ДЕВЯТЬ БЕСЕД НА ШЕСТОДНЕВ

(ΟΜΙΛΙΑΙ Θ' ΕΙΣ ΤΗΝ ΕΞΑΗΜΕΡΟΝ)

III, 6 (M., XXIX, 25). От средины востока *текут* и Бактр, и Хоасп и Аракс, от которого отделяется Танаис и изливается в Меотийское

[1] [Сведения, сообщаемые Орибасием о тунцах (пеламидах), восходят к Xenocr., de al. ex. aq., XIX; XXIV. О ловле пеламид см. еще Aristot., Hist. an., VIII, 13; Oppian, Hal., 504 сл.; 595 сл.].

[2] [Легенда эта восходит к Каллимаху, см. Antig. Car., CLII].

[3] Ср. также в старинных латинских переводах Орибасия, т. VI, 1876, стр. 443.

озеро[1]; и сверх этих *рек* Фасис, вытекающий из Кавказских гор, и бесчисленные другие несутся из северных стран к Эксинскому Понту... И зачем исчислять другие *реки*, которым дают начало Рипы—горы, находящиеся за самой отдаленной частью Скифии?[2]

IV, 4 (М., XXIX, 88). Впрочем, некоторые думают, что и Гирканское и Каспийское моря заключены сами в себе; но если только следует сколько-нибудь верить землеописаниям повествователей, они имеют взаимное сообщение и все узкими проливами соединяются с величайшим морем[3].

БЕСЕДА НА VII ПСАЛОМ

(ΟΜΙΛΙΑ ΕΙΣ ΤΟΝ Ζ' ΨΑΛΜΟΝ)

5 (М., XXIX, 240). Господь будет судить народы. Иначе иудея и иначе скифа. Ибо первый почиет в законе и прославляется в боге и одобряет лучшее... Скифы же кочевники, воспитанные в диких и бесчеловечных нравах, приученные к взаимным грабежам и насилиям, невоздержанные в гневе и легко раздражаемые к взаимной ярости, привыкшие всякий спор решать оружием и наученные оканчивать битвы кровью, своими *доблестными* деяниями, если они проявят взаимное человеколюбие и честность, предуготовляют для нас более тяжкое наказание.

ПИСЬМА

(ΕΠΙΣΤΟΛΑΙ)

155 (М., XXXII, 613. К Сорану, вождю Скифии)... Сам же ты все творимое тобой добро собираешь для себя самого, и то успокоение, которые ты доставляешь гонимым во имя господне, предуготовляешь себе самому в день мздовоздаяния. Хорошо ты сделаешь, если и останки мучеников отошлешь в отечество, если только, как ты нам сообщил, тамошнее гонение и теперь творит мучеников господу.

164 (М., XXXII, 636. К Асхолию, епископу Тессалоники) ...Мученик[4] явился к нам из *среды* варваров, *обитающих* по ту сторону Истра, возвещая собой правоту исповедуемой там веры... Ибо почти ни одна часть вселенной не избежала пожара от ереси. Твои же рассказы, мужественные подвиги, растерзание тел за благочестие, варварское неистовство, презираемое людьми, неустрашимыми в сердце, разнообразные мучения гонителей, упорное постоянство состязающихся, бревно, вода[5], конец мучеников.

165 (М., XXXII, 640. К Асхолию, епископу Фессалоники)... Мучеником, недавно свершившим подвиг на соседней вам варварской *земле*, почтил

---

[1] [Ионийские географы искали истоки Танаиса на Кавказе, принимая течение Маныча за русло Танаиса. Историки Александра объединили в своих представлениях Кавказ с горными хребтами Центральной Азии (Индийским Кавказом), вследствие чего представление о Танаисе совместилось с представлением о Яксарте (Сыр-Дарье), с которым он и отождествлялся. Яксарт, в свою очередь, отождествлялся по фонетическому сходству с кавказским Араксом. Все эти географические представления и лежат в основе эрудиции Василия Кесарийского].

[2] Ср. латинскую метафразу Евстафия на шестоднев святого Василия, Migne, т. XXX, стр. 898.

[3] Ср. там же (М., XXX, 908).

[4] Разумеется святой Саба.

[5] Это легко выясняется из письма церкви готской, которое вместе с телом мученика святого Сабы было послано церкви кесарийской (Migne [само письмо см. ниже]).

ты отечество, как какой-нибудь благодарный земледелец, посылающий начатки плодов доставившим семена. Дары, поистине подобающие подвижнику христову! Мученик истины, возложивший на себя венец правды, которого мы и приняли с радостью, и восславили бога, исполнившего, наконец, во всех народах евангелие Христа его[1].

Кроме того в письме 74 (к Мартиану, М., XXXII, 448) упоминается Σκυθῶν τινων ἢ Μασσαγετῶν ἀμουσία (невежество). В письме 324 (к Асхолию, М., XXXII, 1072) приводится Σαυρομάτης τις ἢ Σκύθης, как пример людей, которых очень трудно в чем-либо убедить.

В произведении, озаглавленном τὰ ἠθικά (М., XXXI, 737), цитируется письмо апостола Павла к колоссянам (III, 9—11), где упоминается скиф.

ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ

Григорий Богослов, по месту рождения называемый Назианским, родился около 330 г. и был другом Василия Великого; при императоре Феодосии короткое время занимал патриарший престол в Константинополе (380 г.); умер в 390 г.

Собрание сочинений: Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca, тт. XXXV—XXXVIII [Речи изданы Mason, Cambridge, 1899. Есть полный русский перевод].

Извлечение и перевод **А. И. Малеина**[2]

РЕЧИ

(ΛΟΓΟΙ)

IV. ПЕРВОЕ ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРОТИВ ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА

(М., XXXV, 645)... Первый из христиан замыслил ты восстание на господа, как некогда рабы на скифов...[3]

XLIII. НАДГРОБНАЯ РЕЧЬ ВАСИЛИЮ ВЕЛИКОМУ, ЕПИСКОПУ КЕСАРИИ КАППАДОКИЙСКОЙ

21 (М., XXXVI, 524)... Что мог бы я сказать о стреле Абариса Гиперборея или об аргосском Пегасе, которым не так *трудно* было носиться по воздуху, как нам подняться к богу друг через друга и друг вместе с другом?

ПИСЬМА

(ΕΠΙΣΤΟΛΑΙ)

III. (К ЭВАГРИЮ)

(М., XXXVII, 25)... Я буду удивляться твоему Понту и понтийскому мраку, и жилищу, достойному *быть местом* изгнания, и холмам над головой, и зверям, которые испытывают вашу веру, и расположенной внизу пустыне, вернее, мышиной норе с громкими именами гимнасия, монастыря и школы, и чащам диких растений, и венцу высокоотвесных

[1] О гонениях на христиан в Готтии, к которым относятся письма Василия, ср. Беликов, Христианство у готов, Казань, 1887, стр. 73 сл.

[2] Григорий Богослов, Кесарий, Василий Великий, Григорий Нисский, Аммоний и Гераний Филон.

[3] [Ср. Her., IV, 3].

дот[1], был некий человек из гипербореев, а гиперборей живут севернее скифов и дальше от моря. И вот этот Абарис, *как* говорят, став боговдохновенным, обходил кругом Элладу со стрелой и говорил разные прорицания и пророчества, как боговдохновенный. Оратор Ликург упоминает об Абарисе в речи против Менесехма[2], говоря, что когда у гипербореев случился голод, Абарис явился в Элладе, служил слугой у Аполлона и был научен им искусству прорицания, и таким образом, владея стрелой, как символом Аполлона[3] (ибо этот бог—стрелец), он обходил всю Элладу, давая прорицания.

КЕСАРИЙ

Младший брат Григория Богослова; был при Констанции и Юлиане придворным врачом в Константинополе, затем при Валенте—квестором в Вифинии, умер в 368 г. Подлинность приписываемых ему сочинений сомнительна.

Биография и издание сочинений: Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca, т. XXXVIII, 851—1190.

ДИАЛОГИ

(ΔΙΑΛΟΓΟΙ)

I. Ответ 68 (М., XXXVIII, 936). Заметь... одну из четырех рек, текущих из райского источника, называемую Фисоном в нашем писании, у греков же Истром, у римлян Данубием, а у готтов Дунабисом.

II. Ответ 109 (М., XXXVIII, 981). Амазонки не имеют мужей, но, как бессловесные животные, раз в год, около весеннего равноденствия, выходят из своей страны, сообщаются с соседними мужчинами и считают время общения как бы торжественным собранием и праздником. Зачав от них во чреве, они все вместе возвращаются домой. По истечении беременности они уничтожают мужской пол, а женский оставляют в живых и старательно кормят...

(М., XXXVIII, 984)... В верхней Сарматии, в Скифии и у всех племен в отдельных частях Понта нельзя найти ни менялы, ни ваятеля, ни живописца, ни архитектора, ни учителя декламации, ни декламатора, как у нас.

Ответ 110 (М., XXXVIII, 985). Каким образом живущие в другой части *света* склавены[4] и фисониты, именуемые и данубиями[5], одни охотно едят женские груди[6], потому что они полны молока, разбивая грудных *детей* о камни, как мышей, другие же воздерживаются и от обычного и непорицаемого мясоядения? и одни из них дерзки, самовольны, безначальны, убивают очень часто своего начальника при совместной еде или путешествии, пожирают лисиц, лесных кошек и свиней и вызывают друг друга волчьим воем, другие же воздерживаются от обжорства и подчиняются и повинуются всякому встречному?

Ответ 112 (М., XXXVIII), 993). Жители острова Белого обоготворили... Ахилла, а понтийцы—отцеубийцу Патрокла.

Ὑρκανία καὶ Κασπία—упоминаются в диалоге II (М., XXXVIII, 948).

---

[1] [Her., IV, 36].

[2] [Lyc., c. Mens., fr. 86; Sauppe, Oratores Attici, II, стр. 271)].

[3] [По другой версии, изложенной у Orig., c. Cels., III, 31, Абарис верхом на стреле перелетал через моря и горы].

[4] [Т. е. славяне; этот текст является одним из ранних упоминаний этого наименования, в V—VI вв. употреблявшегося в качестве объединяющего в себе отдельные племенные имена: венды, анты и др.].

[5] [Ср. вышесказанное в прим. к Epiph., de XII gemm., p. 234 *a*].

[6] [Ср. сказанное у Стефана Византийского о племени хабаренов (обаренов или тибаренов) s. v. Χαβαρηνοί].

ИМПЕРАТОР ЮЛИАН

Император Флавий Клавдий Юлиан, прозванный «Отступником», родился в 331, умер в 363 г., по своему образованию и произведениям принадлежит к числу софистов. Из его сочинений дошло до нас 8 речей, остроумно написанное в духе римской сатиры сочинение Συμπόσιον ἢ Κρόνια (называемое также Καίσαρες), Μισοπώγων и более 90 писем. От важнейшего из его сочинений—3 книг против христиан—сохранились лишь отрывки.

Текст: Juliani Imperatoris quae supersunt praeter reliquias apud Cyrillum omnia rec. Fr. C. Hertlein, 2 тома, Lips., Teubn., 1875—76; Juliani Imperatoris librorum contra Christianos quae supersunt coll. recens. Car. Joh. Neumann, Lips., Teubn., 1880 [Новейшие издания: Bidez, Paris («Les belles lettres»), 1921; английское издание «Loeb Classical Library», 3 тома].

ПОХВАЛЬНАЯ РЕЧЬ ИМПЕРАТОРУ КОНСТАНЦИЮ

(ΕΓΚΩΜΙΟΝ ΕΙΣ ΤΟΝ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΑ ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΟΝ)

P. 6*d*... Зачем говорить о старине, вспомнив о Клавдии, и представлять очевидные и всем известные примеры его доблести, напоминая о битвах с живущими выше Истра варварами...

P. 30*b*. ...Как ты распоряжался в Европе, еще занимаясь *теми* делами, о которых я упомянул немного раньше, *именно* посылал посольства, расходовал деньги и высылал войска, расположенные против скифов в Пеонии[1], заботясь о том, чтобы старец не был побежден тираном,—как может кто-либо представить это в краткой речи, даже при большом старании?..

О ДЕЯНИЯХ ИМПЕРАТОРА ИЛИ О ЦАРСТВЕ

(ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΤΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ ΠΡΑΞΕΩΝ Η ΠΕΡΙ ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ)

P. 72*c*. ...Области выше западных Альп занимают галаты, а реты *живут в областях* к северу, где находятся истоки Рейна, и вблизи *их*, у соседних варваров, *истоки* Истра...

ПОХВАЛЬНАЯ РЕЧЬ ЦАРИЦЕ ЕВСЕВИИ

(ΕΥΣΕΒΙΑΣ ΤΗΣ ΒΑΣΙΛΙΔΟΣ ΕΓΚΩΜΙΟΝ)

P. 107*a* ... [Филипп] первый сделал попытку возвысить могущество Македонии и, подчинив себе большую часть Европы, сделал границей с востока и юга море, с севера, думаю, Истр и с запада народ орикский...[2]

ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА ПИСЬМО К АФИНСКОМУ СОВЕТУ И НАРОДУ

(ΙΟΥΛΙΑΝΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΤΗΙ ΒΟΥΛΗΙ ΚΑΙ ΤΩΙ ΔΗΜΩΙ)

P. 269*a*... Разве не прославляется и у мидийцев Деиок, у гиперборeев Абарис и у скифов Анахарсис, в которых было удивительно то, что, происходя из безнравственнейших племен, они все-таки чтили правду, *последние* двое во истину, а первый притворно ради выгоды...

ОТРЫВОК ПИСЬМА

P. 291*b*... Вот что при размышлении представляется мне чрезвычайно несправедливым: мы называем Зевса Гостеприимным, а *на деле* бываем негостеприимнее скифов...

[1] [Т. е. в Паннонии, ср. Prisc. Pan., Hist. Goth., fr. 8].

[2] [Т. е. до иллирийского побережья, где был расположен греческий город Орик (современный Эрико)].

ПИР ИЛИ САТУРНАЛИИ

(ΣΥΜΠΟΣΙΟΝ Η ΚΡΟΝΙΑ)

P. 320*d*... [Слова Цезаря]. Но раз я вспомнил о кельтах,—разве можно сопоставить кельтский разгром с гетскими деяниями Александра? Он однажды переправился через Истр, а я—дважды через Рейн...[1]

P. 322*d*... Армению и соседние с ней *области* завоевал Лукулл, а триумф за их *покорение* получил Помпей...

P. 326*c* ... [Слова Октавиана]. Я положил *для Римской империи* две границы, как бы данные *самой* природой,—реки Истр и Евфрат, затем, подчинив скифский и фракийский народ..., я не придумывал войны одну за другою, а воспользовался *своим* досугом для законодательства и исправления *причиненных* войной бедствий...

P. 327*d* [Слова Траяна]. Я... один осмелился присоединить *живущие* выше Истра племена и уничтожил племя гетов, которые являются самыми воинственными изо *всех* когда-либо *живших народов*, не только благодаря физической крепости, но и по *верованиям*, которые им внушил чтимый у них Замолксис: будучи убеждены, что они не умирают, а *только* переселяются, они делают это с бо́льшей готовностью, чем переносят путешествия. Дело это совершено мной в течение приблизительно пяти лет...

P. 392*b* [Слова Константина]. Я выше этих, сказал он: македонянина[2] *превосхожу* тем, что боролся с римлянами и германскими и скифскими племенами, а не с азиатскими варварами...

ПИСЬМА

(ΕΠΙΣΤΟΛΑΙ)

53. ФИЛОСОФУ ЯМБЛИХУ

P. 439*c* ... Если сказать правду, нас, пока с нами нет Ямблиха, окружает киммерийский мрак...

75. ЮЛИАН ВАСИЛИЮ [ВЕЛИКОМУ]

...Вот всякие варвары до пределов реки Океана пришли к моим стопам, принося мне дары, а также и живущие вдоль Данубия сагадары[3] и в разнообразных головных уборах готы (Γότται), не похожие на людей своим диким видом; они в настоящее время преклоняются перед следами ног моих, обещая сделать то, что полезно для моего государства...

ПРОТИВ ХРИСТИАН СЛОВО I

(ΚΑΤΑ ΧΡΙΣΤΙΑΝΩΝ ΛΟΓΟΣ Α')

P. 131*c*... Скифы не приняли Анахарсиса, справлявшего вакхические оргии...[4]

---

[1] [Имеется в виду поход 335 г. до н. э. против трибаллов].

[2] [Т. е. Александра Македонского].

[3] [Это наименование, быть может, следует сопоставить с сарагурами—именем одного из «гунских» племен, упомянутым P r i s c. P a n., Hist. Goth., fr. 30].

[4] [Вакхические оргии справлял, по рассказу Г е р о д о т а (IV, 71), не Анахарсис, а Скил].

P. 138*b*... Зачем мне перебирать по одиночке, излагая свободолюбие и непокорство германцев, прирученность и кротость сиров, персов, парфян и вообще всех варваров, *живущих* на востоке и юге, а также *тех племен*, которые охотно подчиняются деспотической власти царей...

P. 134*d*... Ясно и то, насколько в физическом отношении отличаются германцы и скифы от либийцев и эфиопов, если посмотреть на них...

ФЕМИСТИЙ

Уроженец пафлагонский, современник Либания, еще в юности переселился в Константинополь, где выступил сначала в качестве учителя красноречия и философии, но скоро достиг влиятельного положения при дворе и в течение 40 лет при императорах Констанции, Юлиане, Иовиане, Валенте и Феодосии исполнял разные государственные должности, причем, между прочим, в 384 г. был префектом Константинополя. От него сохранились пересказы (παραφράσεις) некоторых сочинений Аристотеля и 35 софистических речей, из коих одна (12-я) в латинском переводе.

Текст: Themistii Paraphrases Aristotelis librorum quae supersunt, ed. L. Spengel, Lips., 1866; Themistii orationes ex codici Mediolanensi emendatae a G. Dindorfio, Lips., 1832.

ПЕРЕСКАЗ ПОЗДНЕЙШЕЙ «АНАЛИТИКИ» АРИСТОТЕЛЯ

(ΠΑΡΑΦΡΑΣΙΣ ΤΩΝ ΥΣΤΕΡΩΝ ΑΝΑΛΥΤΙΚΩΝ ΤΟΥ ΑΡΙΣΤΟΤΕΛΟΥΣ)

I, 13 (I, 44 Sp.)... И Анахарсис выставил подобную причину отсутствия флейтисток у скифов, *именно* отсутствие виноградных лоз: это тоже отдаленная *причина*, ибо непосредственная причина—невозможность опьянения, *причина* этого—отсутствие вина, а этого—отсутствие лоз... И так как лозы имеются у имеющих флейтисток, а у скифов не имеются, то у скифов нет и флейтисток

ПАРАФРАЗА СОЧИНЕНИЯ АРИСТОТЕЛЯ О МАНТИКЕ ВО СНЕ

(ΠΑΡΑΦΡΑΣΙΣ ΕΙΣ ΤΟ ΠΕΡΙ ΤΗΣ ΚΑΘ' ΥΠΝΟΝ ΜΑΝΤΙΚΗΣ)

I (II, 291 Sch.)... Если причину этого не считать зависящей от бога, то, повидимому, нет никакой другой разумной причины; ведь то, что кто-нибудь предвидит совершающееся у Геракловых столбов или у *устья* Борисфена, найти начало этого показалось бы выше нашего понимания.

РЕЧИ

(ΛΟΓΟΙ)

В речи (II), обращенной к императору Констанцию, p. 31*d*, упоминается ῥῆσις ἀπὸ Σκυθῶν.

IV. К ИМПЕРАТОРУ КОНСТАНЦИЮ[1]

P. 55*b*... Таким образом, и эфиопы, и индийцы, и киммерийцы, по словам Гомера, живущие при океане вне солнечного *света*, были бы, пожалуй, посвящены в мистерии...

VII. О ПОТЕРПЕВШИХ ПОРАЖЕНИЕ ПРИ ВАЛЕНТЕ[2]

P. 87*c*... До тех пор я не верил писателю Геродоту[3], что взбунтовавшиеся рабы скифов с оружием в руках покорились господам, появившимся без железа [т. е. без оружия].

[1] Произнесена эта речь в 357 г.
[2] Речь произнесена в 367 г. н. э., после подавления заговора Прокопия.
[3] Her., IV, 3, 4.

VIII. РЕЧЬ ПРИ СОВЕРШАЮЩЕМСЯ РАЗ В ПЯТЬ ЛЕТ ПРАЗДНИКЕ

В качестве примера упоминаются скифы, стр. 113*b*, 114*c*, 115*a* и *c*, 119*c*.

IX. УВЕЩАТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ К МОЛОДОМУ ВАЛЕНТИНИАНУ[1]

Еще носимый на руках, ты участвуешь в походах и предводительстве с отцом; он воспитывает тебя, не усыпляя в чертогах и не *кормя* туком и мозгом овец, а на Истре среди скифских непогод, причем ты вкушаешь одинаковую пищу и пьешь одинаковое питье с отцом и солдатами...

X. ВАЛЕНТУ ПО ПОВОДУ МИРА[2]

В виде примера упоминаются скифы: р. 131*c* («...по разумению своему столь противоположные народы, как скифы и германцы римлянам»), 132*d* («у меня перед глазами не скифские силы, но экклесия страха и синедрион потрясения, и полководец римлян, повелевающий царем скифов»), 133*c*, 134*a*, 135*c*, 136*d* (...«знайте же это вы, рожденные в этой стране, много прекраснее Скифии, о которой мы постоянно слышим»), 138*d*.

XI. ДЕСЯТИЛЕТНЯЯ ИЛИ О ДОЛГЕ ЦАРЯ[3]

Р. 148 *d*. Мы видим, что царь выказывает такое различие не только в частных *делах*, но и в общественных. Ибо почему он скифам дарует мир, а у персов отнимает[4]. Оба эти племени—варварские и не сочувствующие римской власти; но первое горячо и неразумно, а второе злокозненно и коварно; поэтому первое он заставляет себе повиноваться посредством страха и внушения..., а второе необходимо истребить или вырезать, чтобы оно не надоедало. И поэтому как хороший охотник не сразу устремляется на зверя, а *предварительно* выследит его со всех сторон, науськает собак, подбодрит загонщиков, расставит колья и сети, чтобы во время самой охоты не трудиться над приготовлениями к охоте,—так и военачальники, расположившись кругом *каждый* отдельно, один действует против Кавказа, другой—против албанов и иберов, третий спасает армян, а сам *царь* устремляется против Евфрата и Тигра...

XIII. ЛЮБОВНАЯ ИЛИ О ЦАРСТВЕННОЙ КРАСОТЕ[5]

Р. 179*c*... Затем, если Камилл, отразивший нашествие галлов, был признан вторым основателем *Рима*, то как назвать этих двух императоров, которые отражают германцев, устрашают Ахеменидов, истребляют гетов и савроматов и доставили блестящий мир из конца в конец...

---

[1] Этой речью Фемистий приветствует Валентиниана младшего, сына Валентиниана от Юстины, по поводу вступления его в должность консула в 369 г. н. э.

[2] Этой речью, произнесенной в 370 г., Фемистий поздравляет Валента, после того как он даровал мир готам по их усиленным просьбам.

[3] «Произнесена эта речь в Константинополе в сенате в присутствии Валента в 373 г., в праздник десятилетия. Он превозносит изображения и украшения, исключительные достоинства Августа; любовь к литературе, гуманность, прозорливость, общественные постройки» (Harduin).

[4] «Конечно, это было сказано в том году, когда Валент замышлял персидскую экспедицию» (Harduin).

[5] «Когда Грациан правил на Западе, по его просьбе посланный Валентом Фемистий прибыл в Рим [в 377 г. н. э.]. Кроме других речей, которые погибли, он произнес в сенате эту, прославляя Августа; он назвал ее ἐρωτικός потому, что вся она наполнена прославлением своего восхищения, т. е. описанием красоты государя» (Harduin).

P. 138*b*... Зачем мне перебирать по одиночке, излагая свободолюбие и непокорство германцев, прирученность и кротость сиров, персов, парфян и вообще всех варваров, *живущих* на востоке и юге, а также *тех племен*, которые охотно подчиняются деспотической власти царей...

P. 134*d*... Ясно и то, насколько в физическом отношении отличаются германцы и скифы от либийцев и эфиопов, если посмотреть на них...

ФЕМИСТИЙ

Уроженец пафлагонский, современник Либания, еще в юности переселился в Константинополь, где выступил сначала в качестве учителя красноречия и философии, но скоро достиг влиятельного положения при дворе и в течение 40 лет при императорах Констанции, Юлиане, Иовиане, Валенте и Феодосии исполнял разные государственные должности, причем, между прочим, в 384 г. был префектом Константинополя. От него сохранились пересказы (παραφράσεις) некоторых сочинений Аристотеля и 35 софистических речей, из коих одна (12-я) в латинском переводе.

Текст: Themistii Paraphrases Aristotelis librorum quae supersunt, ed. L. Spengel, Lips., 1866; Themistii orationes ex codici Mediolanensi emendatae a G. Dindorfio, Lips., 1832.

ПЕРЕСКАЗ ПОЗДНЕЙШЕЙ «АНАЛИТИКИ» АРИСТОТЕЛЯ

(ΠΑΡΑΦΡΑΣΙΣ ΤΩΝ ΥΣΤΕΡΩΝ ΑΝΑΛΥΤΙΚΩΝ ΤΟΥ ΑΡΙΣΤΟΤΕΛΟΥΣ)

I, 13 (I, 44 Sp.)... И Анахарсис выставил подобную причину отсутствия флейтисток у скифов, *именно* отсутствие виноградных лоз: это тоже отдаленная *причина*, ибо непосредственная причина—невозможность опьянения, *причина* этого—отсутствие вина, а этого—отсутствие лоз... И так как лозы имеются у имеющих флейтисток, а у скифов не имеются, то у скифов нет и флейтисток

ПАРАФРАЗА СОЧИНЕНИЯ АРИСТОТЕЛЯ О МАНТИКЕ ВО СНЕ

(ΠΑΡΑΦΡΑΣΙΣ ΕΙΣ ΤΟ ΠΕΡΙ ΤΗΣ ΚΑΘ' ΥΠΝΟΝ ΜΑΝΤΙΚΗΣ)

I (II, 291 Sch.)... Если причину этого не считать зависящей от бога, то, повидимому, нет никакой другой разумной причины; ведь то, что кто-нибудь предвидит совершающееся у Геракловых столбов или у *устья* Борисфена, найти начало этого показалось бы выше нашего понимания.

РЕЧИ

(ΛΟΓΟΙ)

В речи (II), обращенной к императору Констанцию, p. 31*d*, упоминается ῥῆσις ἀπὸ Σκυθῶν.

IV. К ИМПЕРАТОРУ КОНСТАНЦИЮ[1]

P. 55*b*... Таким образом, и эфиопы, и индийцы, и киммерийцы, по словам Гомера, живущие при океане вне солнечного *света*, были бы, пожалуй, посвящены в мистерии...

VII. О ПОТЕРПЕВШИХ ПОРАЖЕНИЕ ПРИ ВАЛЕНТЕ[2]

P. 87*c*... До тех пор я не верил писателю Геродоту[3], что взбунтовавшиеся рабы скифов с оружием в руках покорились господам, появившимся без железа [т. е. без оружия].

[1] Произнесена эта речь в 357 г.
[2] Речь произнесена в 367 г. н. э., после подавления заговора Прокопия.
[3] Her., IV, 3, 4.

VIII. РЕЧЬ ПРИ СОВЕРШАЮЩЕМСЯ РАЗ В ПЯТЬ ЛЕТ ПРАЗДНИКЕ

В качестве примера упоминаются скифы, стр. 113*b*, 114*c*, 115*a* и *c*, 119*c*.

IX. УВЕЩАТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ К МОЛОДОМУ ВАЛЕНТИНИАНУ[1]

Еще носимый на руках, ты участвуешь в походах и предводительстве с отцом; он воспитывает тебя, не усыпляя в чертогах и не *кормя* туком и мозгом овец, а на Истре среди скифских непогод, причем ты вкушаешь одинаковую пищу и пьешь одинаковое питье с отцом и солдатами...

X. ВАЛЕНТУ ПО ПОВОДУ МИРА[2]

В виде примера упоминаются скифы: р. 131*c* («...по разумению своему столь противоположные народы, как скифы и германцы римлянам»), 132*d* («у меня перед глазами не скифские силы, но экклесия страха и синедрион потрясения, и полководец римлян, повелевающий царем скифов»), 133*c*, 134*a*, 135*c*, 136*d* (...«знайте же это вы, рожденные в этой стране, много прекраснее Скифии, о которой мы постоянно слышим»), 138*d*.

XI. ДЕСЯТИЛЕТНЯЯ ИЛИ О ДОЛГЕ ЦАРЯ[3]

Р. 148 *d*. Мы видим, что царь выказывает такое различие не только в частных *делах*, но и в общественных. Ибо почему он скифам дарует мир, а у персов отнимает[4]. Оба эти племени—варварские и не сочувствующие римской власти; но первое горячо и неразумно, а второе злокозненно и коварно; поэтому первое он заставляет себе повиноваться посредством страха и внушения..., а второе необходимо истребить или вырезать, чтобы оно не надоедало. И поэтому как хороший охотник не сразу устремляется на зверя, а *предварительно* выследит его со всех сторон, науськает собак, подбодрит загонщиков, расставит колья и сети, чтобы во время самой охоты не трудиться над приготовлениями к охоте,—так и военачальники, расположившись кругом *каждый* отдельно, один действует против Кавказа, другой—против албанов и иберов, третий спасает армян, а сам *царь* устремляется против Евфрата и Тигра...

XIII. ЛЮБОВНАЯ ИЛИ О ЦАРСТВЕННОЙ КРАСОТЕ[5]

Р. 179*c*... Затем, если Камилл, отразивший нашествие галлов, был признан вторым основателем *Рима*, то как назвать этих двух императоров, которые отражают германцев, устрашают Ахеменидов, истребляют гетов и савроматов и доставили блестящий мир из конца в конец...

---

[1] Этой речью Фемистий приветствует Валентиниана младшего, сына Валентиниана от Юстины, по поводу вступления его в должность консула в 369 г. н. э.

[2] Этой речью, произнесенной в 370 г., Фемистий поздравляет Валента, после того как он даровал мир готам по их усиленным просьбам.

[3] «Произнесена эта речь в Константинополе в сенате в присутствии Валента в 373 г., в праздник десятилетия. Он превозносит изображения и украшения, исключительные достоинства Августа; любовь к литературе, гуманность, прозорливость, общественные постройки» (Harduin).

[4] «Конечно, это было сказано в том году, когда Валент замышлял персидскую экспедицию» (Harduin).

[5] «Когда Грациан правил на Западе, по его просьбе посланный Валентом Фемистий прибыл в Рим [в 377 г. н. э.]. Кроме других речей, которые погибли, он произнес в сенате эту, прославляя Августа; он назвал ее ἐρωτικός потому, что вся она наполнена прославлением своего восхищения, т. е. описанием красоты государя» (Harduin).

XIV. ПОСОЛЬСКАЯ К ИМПЕРАТОРУ ФЕОДОСИЮ[1]

P. 181 *b* ...Благодаря возлагаемым на тебя надеждам мы стоим твердо, переводим дух, верим, что проложим уже победный путь против скифов и потушим всеобъемлющий пожар, которого не остановили ни Гем, ни пределы Фракии и Иллирии, непроходимые даже для пешехода...

P. 182 *c* ...И тебя римляне стали призывать на царство с тех пор, как ты один отразил бушевавших савроматов, опустошивших набегами всю землю у реки *Истра*, выступив *против них* с небольшой и притом не отборной силой.

XV. К ФЕОДОСИЮ: КАКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ НАИБОЛЕЕ ПРИЛИЧЕСТВУЕТ ЦАРЮ[2]

P. 189*d* ... Для охранения этой *добродетели* [т. е. справедливости] ничего не значат ни гоплиты, ни — клянусь Зевсом — пращники, ни стрелки, ни отряды армян или иберов, не надо будет ни оруженосцев, ни копьеносцев, но довлеешь ты сам себе...

P. 198 *a*... Лаконцы в числе четырехсот не уступили бесчисленному множеству варваров, как и Лукулл Тиграну, Помпей—Митридату, Цезарь—галлам и *ты в бытность* гиппархом—савроматам[3].

XVI. БЛАГОДАРСТВЕННАЯ РЕЧЬ ИМПЕРАТОРУ ЗА МИР И КОНСУЛЬСТВО ВОЕНАЧАЛЬНИКА САТУРНИНА[4]

P. 206 *c*. Имея *возможность* проследить и военные доблести *этого* мужа, я, однако, думаю предоставить их поэтам и логографам, дело которых—прославлять и превозносить битвы и человекоубийства; я же, как любитель мира и речей мирных и безмятежных, к ним и перейду, *только* немногое припомнив предварительно, чтобы вы лучше поняли, из каких в какие *обстоятельства* перешли мы, благодаря заботливости государя. После невыразимой Илиады бед на Истре[5] и нашествия поражающего

[1] «Когда Грациан привлек к себе Феодосия как соправителя [379 год], то константинопольским сенатом было постановлено отправить к нему посольство из скольких-нибудь сенаторов; будучи в их числе, Фемистий вследствие дурного состояния здоровья отстал в дороге. Но, придя, наконец, к императору, он обратился к нему с этой речью» (Petavius).

[2] «Что император должен быть страшен врагам военной доблестью, а подданным дорог своей справедливостью, Фемистий выставляет с той целью, чтобы показать, что оба эти достоинства не отсутствуют у Феодосия. Сказана же эта речь на третьем году правления этого императора, как это подробно говорит Фемистий, p. 190, т.е. в 381 г. при консулах Эвхерии и Сиагрии в Палатинском дворце» (Harduin).

[3] «Тут нет никакой ошибки: он разумеет победу Феодосия, которую тот одержал, когда был еще префектом Мезии. О ней говорит Аммиан [Марцеллин] в конце XXIX книги: «Начальник Мезии Феодосий... свободных сарматов... нападавших на пограничные наши местности, изгнал и разбил»; сам Фемистий, or., XIV, p. 182» (Harduin).

[4] «Когда Атанарик был изгнан своими и потом умер в 381 г. в Константинополе, готы под предводительством Фритигерна задумали государственный переворот. Больше чем в три года их подавил оружием Феодосий, и их теперь то обещаниями, то убеждениями Сатурнин привлек к тому, чтобы в 382 г. они заключили мир...Поэтому за столь искусно проведенное дело на следующий год Сатурнин был назначен консулом. Было же в обычае, чтобы в день вступления консула в должность кто-либо произносил панегирик. Этот долг поздравления и приветствия Фемистий выполнил после январских календ 383 г. в тот же год правления Феодосия, как указывает сам автор, p. 205» (Harduin).

[5] «Дело идет о поражении Валента, что было причиной провозглашения Феодосия императором» (Harduin).

пламени, когда государь еще не стоял во главе Римской державы, были подвергнуты разгрому фракийцы и иллирийцы, целые армии исчезли, как тень, не оказывали препятствий ни неприступные горы, ни непереплываемые реки, ни непроходимые топи, но в конце концов даже соединились против варваров почти вся земля и море, и их отовсюду окружили кельты, ассирийцы, армяне, либийцы и иберы, которые стоят впереди римлян от края до края земли; но и по окружении ими варваров мы считали свое положение прекрасным тогда, когда не испытывали ничего более тяжкого.

При стольких и столь великих несчастиях, когда почти все, и военачальники и воины, потеряли голову и смотрели *только* на то, чем кончится это бедствие, а препятствовать никто и не пытался, бог призывает к предводительству *человека*, который один способен был противостать такому потопу бед. Грациан возвещает веление свыше; земля и море принимают *это* провозглашение за добрые надежды и добрые знамения. Приняв бразды и, подобно опытнейшим возницам, прежде всего испытав, какова сила и ретивость его коней, он первый осмелился притти к *тому* убеждению, что ныне сила римлян заключается не в железе, не в панцырях и щитах и не в бесчисленном количестве тел, а нужна другая сила и подготовка, которая царствующим по изволению божию бесшумно нисходит свыше, покоряет все племена и всех делает кроткими из диких и которой одной уступают доспехи, луки и кони, дерзость скифов, смелость аланов и безрассудство массагетов...

P. 208 *d*. И он тотчас смело выступил, не сопровождаемый ни фалангой пехоты, ни кавалерийскими отрядами, не таща с собою пятерых подначальных полководцев, но будучи защищен только повелениями государя и пользуясь ими, как авангардом и арьергардом. Однако ему не понадобилось даже времени для этой победы, но чуть только он явился и показал благосклонность пославшего *его*, тотчас склонилась дерзость скифов, исчезла смелость, стеснился дух, оружие само собой выпало из рук и они последовали за ведущим *их* к государю как бы на параде и празднике, стыдясь земли, на которой они раньше издевались, и щадя останки, как святыни, неся с собой только ножи, которые они намеревались поднести государю вместо молитвенной ветви, обнаженные и смиренные, покорившись духом, но не телом...

P. 210 *d*. Но смотри, ненавистнейшее имя скифов как ныне любимо, как ныне приятно, как ныне благозвучно. Они торжествуют вместе с нами триумф военачальника, которым к нашему удовольствию захвачены, и празднуют вместе с *нами* победу над собой. Если же они не истреблены совершенно, в корень, то *на это* не следует досадовать: ибо разуму и человеколюбию свойственны победы, заключающиеся в том, чтобы не уничтожать досадивших *нам*, а делать их лучшими...

P. 213 *a* ...Мы покорили скифов без *пролития* крови и слез...

XVIII. О ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРЯ[1]

P. 218 *d*—219 *a*, *b*... Нужно искать и знать одно это искусство, кто воистину государь и каковы его отличия и признаки; ведь *это* не золотой орел и не драконы из тонких материй[2], *составляющие*, клянусь Зевсом, хорошую цель для стрельбы из луков и метания дротиков; это было, я думаю, и у Нерона, игравшего на кифаре, и у Домициана, страдавшего черной желчью; но если душа, смотрящая выспрь к царю всего и оттуда управляемая, черпает с неба что возможно для земного царства.

[1] Речь была произнесена в 384 г., 11 сентября.

[2] «Золотой орел и пурпурный дракон были инсигниями императора и носились перед императором» (Petavius).

И ты, дорогой, черпая это, не нуждался ни в стрелках, ни в гоплитах, ни в армянах, ни в иберах, ни в броненосной коннице для погашения скифского пламени: это пламя погасло само собой, благодаря одному твоему благоразумию...

P. 223 *d*... Зелья колхидянки [т. е. Медеи] обманули Пелиад, так как она обещала им сделать их отца из старца молодым...

XIX. О ЧЕЛОВЕКОЛЮБИИ ИМПЕРАТОРА ФЕОДОСИЯ[1]

P. 229 *c*... Этот трофей [т. е. человеколюбия] я считаю более блестящим, чем скифский[2], хотя и тот ты воздвигнул один и без оружия...

XXIV. УВЕЩАНИЕ НИКОМЕДИЙЦАМ К ФИЛОСОФИИ

P. 305 *d*. Или чем, по вашему мнению, возбуждается во мне это страстное желание? Этим таинственным[3] и обширным морем? Но меня морское дело интересует нисколько не больше, чем аркадских солдат. Или привлекательностью фригийской реки?[4] Но я люблю и египетский Нил не за то, что он—отец нив, а за то, что течет по *земле* мудрых египтян. Или величиной этого соседнего озера?[5] Так почему же я не пожелал Меотийского озера в шесть тысяч стадиев?[6] а потому, что на нем живут круглые невежды и варвары...

XXVII. О ТОМ, ЧТО СЛЕДУЕТ ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НЕ НА МЕСТА, А НА ЛЮДЕЙ

P. 332 *d*—333 *a*. Я и сам, о добрый юноша, снял жатву риторических речей в местности гораздо более захолустной, чем эта, и не в культурной и эллинской, а на краю Понта, вблизи Фасиса, где и прибывший из Фессалии *корабль* Арго прославили поэты и взяло к себе небо. Там же где-то и Термодонт, и деяния амазонок и Темискирий. Но все-таки столь варварскую и дикую страну сделали эллинской и чертогом муз мудрость и доблесть одного мужа, который, поселившись среди колхов и армян, учил не стрелять из лука, не метать дротики и не ездить верхом сообразно с воспитательными взглядами соседних варваров, а заниматься риторикой и отличаться на эллинских праздничных собраниях...

P. 334 *b*—*c*. Ты же, называя себя любителем образования и словесности, разве не будешь искать образования и словесности и, где бы ни нашел, там и пожелаешь остаться и удовлетворять свое желание, в Афинах ли, или в Пелопоннесе, или в Беотии? ведь и Беотия казалась неве-

---

[1] Произнесена в 385 г.

[2] «Говорит о той знаменитой победе, которую он одержал над готами, раньше чем получил императорскую власть, когда он был послан Грацианом и в небольшом столкновении обратил варваров в бегство, Theodor., V,5, Никифор и другие» (Petavius). Иначе думал Harduinus (издание Dindorf'a, p. 641).

[3] «Никомедия расположена у Астакского залива, который является частью Пропонтиды. Strabo, XII, Plin., V. Итак под этим огромным морем я подразумеваю Пропонтиду и Эвксинский Понт» (Petavius).

[4] Оратор, повидимому, подразумевал Сангарий.

[5] «Озера Аскании. О нем Strabo, XVI; Плиний, Птолемей. См. Plin. Iun., X» (Petavius).

[6] Однако Страбон, V [конечно, II, 5, 23] говорит, что его периметр равен 9000 стадиев или немного больше. Полибий, IV [39], однако, говорит, что оно по окружности в 8 000 стадиев. О нем и живущих на его берегах см. Dion., de situ orb. [указывает стт. 163—166]» (Petavius).

жественной страной, и, помнится, называли какую-то «беотийскую свинью», насмехаясь над необразованностью населения; однако Пиндар, Коринна и Гесиод не были загажены свиньей. И о скифе Анахарсисе ты, конечно, знаешь, что он был и мудрецом и скифом [т. е. несмотря на свое скифское происхождение]...

P. 335 *d*... Мидийский конь ретивее савроматского...

P. 336 *d*... Если же ты полагаешь, что один только тот город имеет значение в деле образования, где впервые явилась словесность, то ведь не там только родится пшеница и виноград, откуда впервые явились хлеб и вино, но ты видишь, что хлебные торговцы плавают в Египет, Фракию, Боспор и Херсонес...

XXX. РАССУЖДЕНИЕ, СЛЕДУЕТ ЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ

P. 349 *c—d* ...Если ты придешь к эфиопам, *земли которых* простираются от востока через юг до запада[1], или к кельтам, занимающим северную часть, или к *живущим* посредине,—*все они* земледельцы, пахари и садоводы; и у кого более *развито* земледелие, те и более благоденствуют; если же какой-либо негостеприимный и дикий скиф предпочитает бродячую жизнь земледелию, то он несет наказание в самом своем неразумии, не имея пристанища, блуждая и живя по-звериному...

XXXIV. К ОБВИНЯВШИМ В ПРИНЯТИИ ДОЛЖНОСТИ[2]

VIII (стр. 33)... Римские полководцы проходили Каспийские ворота, выгоняли аланов из Армении и устанавливали границы иберам и албанам.

XXIV (стр. 62—66). Идите сюда, фракийцы и македоняне, насытьтесь невероятным зрелищем: скифами, живущими под одной кровлей с нами, союзниками и празднующими вместе победу над собой[3]. Они не знали, кажется, с каким Иолаем столкнутся и будут пойманы в сети. Но (ἀλλὰ) они считали непреодолимыми для римлян Гем, Гебр и фессалийские теснины, на которые они изъявляют притязания (δικάζονται)[4], но *ныне они* без большого труда захвачены божественными твердынями—благочестием, справедливостью, кротостью и человеколюбием. Итак, выходите уже спокойно из укреплений; пора вам, покинув стены, заботиться о волах и плугах и вместо мечей и копий точить косы. Открыта уже и земля для путешественников и не нужно плавать по морю, так как можно безопасно ходить *по суше*. Строятся станции, конюшни и усадьбы и укрепляются с прежним спокойствием. Вдруг заменилась вёдром такая градовая туча и затишьем такая грозная буря и притом так спокойно и бесшумно, что дело похоже на загадку. Ведь тех, кого мы не одолели на войне, мы

---

[1] [Эфиопами древние географы заселяли все обитаемое пространство к югу от экватора. Ср. Ephor., fr. 38].

[2] «Вероятно, префектуры города Константинополя, о принятии которой Фемистий также говорит во всей XVII (издания Harduinus'a) речи; если сравнить обе эти речи, получается разительное сходство» (Mai).

[3] «Полагаю, он говорит о мире, который старанием полководца Сатурнина заключил с готами в 382 г. Феодосий. Это так упоминается в хронике Марцеллина Комита: «Antonio et Syagrio Coss. Hoc anno universa gens Gothorum Athanarico rege suo defuncto, Romano sese imperio dedit». Поэтому на следующий год в свой пятилетний праздник Феодосий назначил Сатурнина консулом: радость относительно назначения последнего консулом Фемистий выразил в XVI речи; кто ее прочтет, тот не пожелает более точного описания этого мира» (Mai).

[4] То, что читается между ἀλλὰ и δικάζονται, видимо, испорчено.

привлекли к себе, сложив оружие; до сих пор приходилось считать, против скольких *врагов* мы выстроимся, а теперь мы считаем, над сколькими будем господствовать; тогда мы сердились, если *их было* много, а теперь негодуем, если немного.

XXV. Смотри же, насколько царственнее относится Феодосий к обидчикам, чем Пелопид, Атрид и «широковластный» Агамемнон у Гомера[1]. Тот упрекает брата за мягкое отношение к умоляющему и произносит столь жестокое и варварское желание, чтобы ни один троянец не избежал гибели, даже ребенок, которого мать *еще* носит в утробе, и тот чтобы не избежал *смерти*, но чтобы еще нерожденные погибли до рождения. Мы же, *кроткие* к умоляющим, воспитываем их сыновей и готовим приданое дочерям, не ненавидя *их*, как скифов, но удостоивая пощады, как людей...

ГРИГОРИЙ НИССКИЙ

Брат Василия Кесарийского, епископ Нисский с 372 г.; в 375 г. в спорах из-за ересей Ария и Афанасия был лишен сана, но через три года восстановлен в своем достоинстве императором Феодосием. Умер около 394 г. Из сочинений наиболее замечателен Λόγος κατηχητικός, представляющий систематическое обоснование христианского учения.

Текст: Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca, т.т. XLIV—XLVI, Paris, 1856—58; [полный перевод в 8 томах Московской Духовной Академии. Много русских работ: Несмелов, Догматическая система Григория Нисского, Казань, 1887; Д. Тихомиров, Григорий Нисский, как моралист, Могилев, 1888; А. Мартынов, Учение святого Григория Нисского о природе человека, М., 1886].

ПОХВАЛА ВЕЛИКОМУЧЕНИКУ ФЕОДОРУ

(ΕΓΚΩΜΙΟΝ ΕΙΣ ΤΟΝ ΜΕΓΑΝ ΜΑΡΤΥΡΑ ΘΕΟΔΩΡΟΝ)

[M., XLVI, 737]...Ибо он, как мы веруем, и в прошлом году успокоил вражескую бурю и остановил ужасную войну диких скифов, страшно потрясши *пред* ними, уже видимыми и приблизившимися, не шлемом с тремя гребнями и не мечом, хорошо отточенным и блестящим на солнце, но отражающим беды и всемогущим крестом христовым.

Кроме того, в сочинении Григория contra Eunomium (XXII; M., XLV, 1045) упоминается скиф.

АММОНИЙ

Грамматик, живший во второй половине IV в. Принадлежность ему издаваемого под его именем сочинения Περὶ ὁμοίων καὶ διαφόρων λέξεων сомнительна.

Текст: Ammonius de differentia adfinium vocabulorum. Vulgavit L. C. Valckenaer, Lips., 1822. В этом же издании помещен и цитируемый ниже Гераний Филон.

P. 15. Ἅμα и ὁμοῦ различаются; ἅμα—временное наречие, а ὁμοῦ местное. Например, Солон был ἅμα (одновременно) со скифом Анахарсисом, если только они процветали в одно и то же время. Но, конечно, *они не были* ὁμοῦ (вместе), ибо не в одном и том же месте они родились, но один—в Афинах, другой—в Скифии.

АСТЕРИЙ, ЕПИСКОП АМАСИЙСКИЙ

Астерий, епископ города Амасии, жил во второй половине IV в. Под его именем сохранилось до 20 «бесед», содержанием которых служит или изъяснение мест Писания, или прославление святых.

Текст: Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca, XL, стр. 155—480.

[1] Hom., Il., VI, 54.

1. БЕСЕДА НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЛУКИ О БОГАТОМ И ЛАЗАРЕ

(ΟΜΙΛΙΑ ΕΚ ΤΟΥ ΚΑΤΑ ΛΟΥΚΑΝ ΕΥΑΓΓΕΛΙΟΥ, ΕΙΣ ΤΟΝ ΠΛΟΥΣΙΟΝ ΚΑΙ ΕΙΣ ΤΟΝ ΛΑΖΑΡΟΝ)

(М., 169 *b*: *описывается роскошная жизнь*)... Прибавь затем к этому и сосчитай серебро и золото утвари, дорогую покупку птиц с Фасиса...

9. ПОХВАЛА СВЯЩЕННОМУЧЕНИКУ ФОКЕ[1]

(ΕΓΚΩΜΙΟΝ ΕΙΣ ΑΓΙΟΝ ΙΕΡΟΜΑΡΤΥΡΑ ΦΩΚΑΝ)

(М., 313 *a—c*) ... Сего сильнейшего и боголюбивого *мужа* чтут и цари, и украшают храм славного бессребренника драгоценными дарами. Позднейшие *люди* стараются в *этом* превзойти живших ранее. И еще не удивительно, что благочестивые мужи Римской империи, воспитанные *в добрых* нравах и законах, столь почтительно относятся к рабу христову, когда почитание его проникло и к варварам: все крайне дикие скифы, владеющие материком за Эвксинским Понтом, обитатели стран, соседних Меотийскому озеру и реке Танаису, а также живущие по Боспору и простирающиеся до реки Фасиса,—все они чтут садовника; различаясь от нас всеми обычаями и занятиями, они только в этом единомысленны *с нами*, и дикость их нравов смягчается истиной. Один владетельный царь из тех стран, сняв со своей головы венец, блестящий золотом и самоцветными каменьями, и скинув военный панцырь, осыпанный драгоценностями (ибо варварское вооружение хвастливо и роскошно), послал тот и другой в виде вкладов, посвящая богу, через *его* мученика, знаки своего могущества и достоинства. Ибо очевидно, что венец был благодарственным даром за царскую власть, а панцырь—за военную силу.

14. РЕЧЬ О НАЧАЛЕ ПОСТОВ

(ΛΟΓΟΣ ΕΙΣ ΤΗΝ ΑΡΧΗΝ ΤΗΝ ΝΗΣΤΕΙΩΝ)

(М., 381 *c*) ... Что *мне* сказать о вине? Кочевые скифы, которые живут по Боспору и которые сидят по реке Рейну[2], не имеют ни домов, ни очагов. Они живут в шалашах, устраивая себе покрышку из шерсти, овечьих

---

[1] «О двух Фоках, которые оба являются мучениками, происходящими из Синопы,—одном—садовнике, праздник которого справлялся у латинян 5 марта, другом—рыбаке, ставшем епископом, которого праздник справляется 14 июля,—и которые оба у греков почитаются 22 сентября, подробно сообщает Baronius в примечании к Mart. Rom., 14 июля. Итак, они относятся у латинян к явно различным дням и греки различают их, хотя и празднуют 22 сентября, особенно торжественно справляя праздник Фоки, епископа и мученика, в честь которого составлена вся служба, и вместе прославляя память другого Фоки, ставшего из садовника мучеником; деяния их обоих содержатся по отдельности в Синаксарии; при этом многие, приписанные здесь Астерием Фоке садовнику чудеса принадлежат тому епископу, которого даже называют θαυματουργός (а не Фоку садовника), так что с необходимостью вытекает, что Астерий был введен в заблуждение одинаковостью имен и с ним произошло то же, что случилось с Григорием относительно Киприана, поскольку тот отождествил Киприана мага и Киприана епископа, о которых древние и достовернейшие памятники свидетельствуют, что они различны» (Migne). О похвале священномученику Фоке ср. наши замечания в «Материалах по археологии России», издание Императорской Археологической Комиссии, № 23, СПб., 1899.

[2] [Астерий распространяет название «скифы» также на германские племена].

шкур и всего, чем можно прикрыться. Поэтому они не употребляют *в пищу* хлеба, не знают плуга и не вспахивают земли: ибо как *могут это делать* не наученные возделыванию хлебных растений и производимых землей семян? И все-таки, проводя жизнь без хлеба и вина, они мужественны, способны воевать с целыми племенами и многих себе подчиняют; отсутствие хлеба и вина нисколько им не вредно, но исконная привычка сделалась у *этих* людей *второй* натурой.

К РАБУ СОТНИКА, КОТОРОГО ПОЧТИЛ ГОСПОДЬ

(ΕΙΣ ΤΟΝ ΔΟΥΛΟΝ ΤΟΥ ΕΚΑΤΟΝΤΑΡΧΟΥ, ΟΝ Ο ΚΥΡΙΟΣ ΕΘΕΡΑΠΕΥΣΕΝ)

(Phot., Bibl. cod. 271, т, II, стр. 502, издание Bekker'a).

Я видел, говорит он, скифа, скоро изучавшего эллинский язык, едва достигнув юношеского возраста; затем, когда купивший его господин отдал его *для изучения* высших наук, то он оказал в них такие успехи и оказался во многих науках настолько сведущим, что сделался известным и славным у эллинов и у римлян, тем более, что его увидели учителем законов. Купивший его был родом сириец, антиохийский гражданин, учивший детей грамматике. Этот добролюбивый Астерий говорит, что он [т. е. антиохиец] сам сделался учеником этого купленного скифа; но не говорит, где пребывал он или какую науку *преподавал хозяину*.

ПСЕВДО-ОРФЕЙ

«ПОХОД АРГОНАВТОВ»

(ΑΡΓΟΝΑΥΤΙΚΑ)

«Что автор «Аргонавтики», ложно принявший имя древнего Орфея, жил в IV в. н. э. после Квинта Смирнского и раньше Нонна,—это аргументами, почерпнутыми из метрики и языка, доказал Hermann» (Abel.). [Орфическая «Аргонавтика», несмотря на ее позднее происхождение, несет в себе значительно более древнюю мифологическую традицию, восходящую иногда к раннеэллинистической эпохе и составлявшую арсенал орфических мистических знаний. По части мифической топонимики и племенных наименований, входивших в круг этнографии «Аргонавтики», но с трудом находящих поддержку в данных этнографии реально-исторической, эта поэма является значительным дополнением к поэме Аполлония Родосского, расширяя запас содержащихся у него имен древней мифической космографии и вариантов путей корабля «Арго»].

Текст: Orphica, rec. E. Abel. Pragae—Lips., 1885.

Стихи 1—46 содержат обращенное к Аполлону вступление.

47—55. Теперь... ты узнаешь из наших слов, что я прежде скрывал: как некогда первый из героев и полубогов пришел в Пиерию и на крутые вершины Либетр[1], прося меня быть сотрудником его плавания на мореходном корабле к негостеприимным племенам людей, к богатому и дерзкому народу, над которым царствовал Ээт, сын лучезарного Гелиоса.

56—60. Ибо Пелий очень боялся, чтобы впоследствии Эзонид не отнял у него силой царскую власть, и *поэтому* хитроумно указал ему коварный путь: он приказал ему привезти из Колхиды в богатую конями Фессалию золотое руно...

Получив такое приказание, Язон обратился с молитвой к Гере, которая приказала Афине построить для него корабль, а затем приступил к Орфею с просьбою сопутствовать ему в отдаленные края негостеприимного моря к Фасису. Орфей соглашается

[1] [Либетры—город в Пиерии, области Македонии, место, связанное с культом Орфея, где находилось его святилище с древней (деревянной) статуей и где он, по преданию, умер].

исполнить эту просьбу и приходит с лирой к миниям на Пагассейские берега[1] (ст. 60—112). Далее идет перечень героев, участвовавших в походе, с указанием происхождения и качеств каждого (ст. 113—230), описание приготовлений к походу и начало самого похода до прибытия к реке Парфению[2] (ст. 231—732).

733—742. Оттуда, миновав выступающий мыс, мы пошли к земле пафлагонян, которую обогнул «Арго», быстро двигаясь по высоким волнам. Он прибыл к мысу Карамбийскому, у которого течет Термодонт и поток Галиса, клубящийся большими и бурными водоворотами к Эгиалу[3]. С другой стороны, против Северной Медведицы[4] выступают длинные... Диантской (Δοιαντίδος)[5] Фемискиры, а вблизи лежат города конеборных амазонид и живут халибы, племена тибаренские и народы бехиры на равнине вместе с моссинами.

744—756. Проплыв немного, мы причалили к берегам, где макриеи живут по соседству с мариандинами[6]. Затем тянется длинный перешеек Гелики[7], где на выдающихся подгорьях идут кругом далеко видные ущелья над широким заливом моря. Там крутая гора Синд[8] и цветущие луга и поток многошумной реки Аракса, из которой текут Термодонт, Фасис и Танаис. Там славные племена колхов, гениохов и абасгов. Минуя ее[9], мы приплыли к отдаленнейшим пристаням уров, хиндеев, харандеев и солимов[10], *затем миновали* народ ассирийский, крутой выступ Синопы, филиров, напатов[11], густо населенные города сапиров[12], а за ними—бизеров и негостеприимные племена сигиннов[13].

757—763. Утром, когда денница разливалась по безграничному миру, «Арго» с надутыми парусами под дыханием ветра прибыл к пределам Аксина[14] у красивого потока Фасиса. Когда мы прошли через устье спо-

---

[1] [К этому роду, правившему в Орхомене, принадлежали и цари Иолка, города на Пагассейском заливе (в Фессалии), откуда был родом Язон. С именем миниев связаны предания о древнейшей колонизации северных и северо-восточных берегов Эгейского моря].

[2] [Отождествляется с современной рекой Бартан-су, одной из больших рек Малой Азии, впадающей в Черное море на пафлагонском побережье].

[3] [Наименование многих местностей и пунктов Греции, связанное с именем Эгиалия, сына Адраста].

[4] [Т. е. против созвездия Малой Медведицы].

[5] [Эпитет может быть сопоставлен с Δοιή —мифическим именем дочери Меандра и жены Милета].

[6] [Макриеи, быть может, должны отождествляться с макронами—племенем, жившим к юго-западу от колхов, но в таком случае они окажутся не в непосредственном соседстве с мариандинами, населявшими область Гераклеи Понтийской].

[7] [Название пунктов и местностей в Фессалии и Ахайе, связывающихся с именем Геликоны и Гелики, дочери Ликаона].

[8] [Должны быть отождествлены по положению своему с Кавказом].

[9] [Т. е. гору Синд].

[10] [Если солимы засвидетельствованы Гомером для Ликии (Il., VI, 171 сл.), то хиндеи могут быть сопоставлены лишь с одноименным сарацинским племенем (RE, III, 2, 2282), а харандеи с упомянутыми у Plin., NH, VI, 167, харандами, также в Аравии].

[11] [Наименование это, засвидетельствованное у Plin., NH, VI, 50 (Napei), может быть сопоставлено с именем мифического скифского царя Напа, засвидетельствованного Диодором, в пересказе легенды о происхождении скифов (II, 43)].

[12] [Саспиров (Her., IV, 37), локализуемых в Азии, орфеева «Аргонавтика» помещает в числе причерноморских народов по традиции, засвидетельствованной также Apoll. Rhod., II, 397].

[13] [Это племя знает на Дунае уже Геродот, сообщая об его «персидском» образе жизни. Страбон называет его в окружении азиатских племен (XI, 11, 8). В современной науке (см. RE, II 2, 2458) было высказано предположение о том, что в сигиннах следует видеть предшественников позднейших цыган, сохранивших и ныне свое древнее имя].

[14] [Т. е. «Негостеприимного» (Черного) моря].

койно текущей реки, тотчас показался венец и крутая стена Ээта и рощи, в которых висело золотое руно на крепком буке[1].

В стт. 764—1019 содержится подробный рассказ о похищении золотого руна Язоном при помощи Медеи.

1020—1054. Минийские герои очень обрадовались и подняли руки к бессмертным, живущим на широком небе. Так занимались они руном. Вдруг Ээт услышал от прислужниц об уходе Медеи; он тотчас приказал Апсирту собрать народ и отправиться на поиски единокровной сестры. Тот быстро поспешил к устью реки, к отряду героев, и встретил *там* могучую деву. Звездная ночь застала его посредине пути; совершилось ужасное коварство и жестокое убиение славного Апсирта вследствие любви Медеи. Его убили и бросили в устье текучей реки; она понесла его быстрой волной и, крутя в водоворотах в волны вечно плещущего моря, выбросила на островах, которые зовут Апсиртовыми. Но *убийцы* не скрылись от всевидящего Зевса и от возмездия. Они бросились на корабль, обрубили с обеих сторон причалы, *привязывавшие его* к берегу, и быстро поплыли на веслах по речному разрезу, но мы не бросились прямо к изобильному рыбой морю через широкое устье Фасиса; мы были увлечены заблуждением, постоянно выплывая далеко назад[2]. Города колхов остались позади неразумных миниев, и густой туман окутал их. Затем мы по неразумию поспешно бежали по течению[3] посреди равнины; ее населяют смертные гимны[4], буономы[5] и дикие аркии[6], а также племя мужей керкетских и гордых синдов, которые жили посреди Харандийских ущелий[7] у Кавказского хребта в узкой Эритии[8]. Когда на востоке появилась веселящая смертных денница, мы пристали к покрытому травой острову, который образуют своими изобильными руслами два потока, именно широко-могучий Фасис и плавно текущий Саранг[9], который с шумом посылает по земле в море полноводная Меотида через болотную траву[10].

1055—1082. Тогда мы плыли на веслах день и ночь и в двое страшных *суток* прибыли к находящемуся посреди озера Боспору, где некогда воруующий быков титан[11], сидя на сильном быке, прорезал проход в озере. Целый день трудясь над веслами, мы прежде всего прибыли к меотам в мягких одеждах, затем к народу гелонов, бесчисленным племенам батиа-

---

[1] [У Apoll. Rhod., II, 1270, руно висит на ветвях дуба].

[2] [Из этих слов явствует, что аргонавты плыли по реке Фасис в противоположном от Черного моря направлении].

[3] [Из этого следует заключить, что река Фасис представлялась автору этих стихов вытекающей из Черного моря].

[4] [Это племенное наименование не может быть оторвано от названия города Гимниада, известного Ксенофонту (Anab., IV, 7, 19) и расположенного в земле халибов, где-то в области истоков реки Аракса, нередко смешиваемого в древности в верхнем его течении с истоками реки Фасиса].

[5] [Ближе не известное и, как полагает Tomaschek (RE, III, 1, ст. 1054), вероятно, поэтически измышленное племенное наименование, могущее, однако, быть сопоставленным с древним названием македонской столицы Пеллы (Βουνόμεια; см. Steph. Byz., s. v.)].

[6] [Ближе не известны].

[7] [Ср. выше это же имя в форме наименования племени харандеев (ст. 753)].

[8] [Сказочная страна, помещаемая обычно на дальнем западе, за Гадесом (Arr., Anab., II, 16, 5); лишь рассказ Геродота позволяет локализовать ее в Скифии (IV, 8)].

[9] [Этим именем называется один из притоков Гидраота, реки в Индии (Arr., Ind., IV, 8)].

[10] [Из этого, географически совершенно неясного, пассажа следует заключить лишь одно: аргонавты прибыли из реки Фасиса в результате ее бифуркации или достигнув волоком течения реки Саранга, в Меотиду].

[11] [Гелиос, которому поздняя мифологическая традиция приписывала владение стадами быков на острове Эритии, или, по ранней традиции, на острове Тринакрии (Сицилии, Hom., Od., XII, 128)].

гров,[1] к савроматам, гетам, гилеям[2], кекрифам[3], арсопам[4] и племенам аримаспов, богатому народу, поколение которого живет вокруг Меотийского озера. Но нам, спешащим, бессмертные ниспослали страшное несчастие, и мы миновали конечные шумные воды. Шумно волнующееся *озеро* изливает жестокую гибель на низменные берега; изобильная пена с шумом несется к северным пределам в океан. Подхваченный ею, «Арго» пробежал тогда через устье. Трудясь девять ночей и *столько же* дней, мы миновали там и сям соседние племена смертных, *именно* роды пактеев[5], арктиев[6], гордых лелиев[7], луконосных скифов, верных служителей Ареса, и людоедов тавров, которые приносят суровые жертвы Мунихии[8], и чаша бывает мала для человеческой крови; *затем миновали* гиперборейских мужей, номадов и народ каспийский. Когда же появилась десятая денница, освещающая смертных, мы прошли Рипейские ущелья, а оттуда «Арго» побежал вперед по узкому потоку и вошел в океан, который гипербореи называют Кроновым, а также мертвым морем[9]...

1105—1125 ...Когда пришла шестая денница, светящая смертным, мы прибыли к зажиточному и богатому народу макробиев (долговечных)[10], которые живут многие годы, *именно* двенадцать тысяч столетних месяцев, в цвете лет без всяких тягостей *жизни*; когда исполнится назначенное время цветущей жизни, они достигают смертного конца в сладком сне. У них нет заботы о средствах к жизни и делах человеческих; среди трав они питаются медовыми кормами, черпая себе божественное питье в бессмертной росе, и все одинаково блистают в приятном равенстве лет. У детей и родителей постоянно светится на челе мягкий и ясный взгляд, а спокойствие ума *побуждает их* делать должное и говорить разумно. Мы миновали их всех, идя пешком по берегу[11]. Затем, направляя быстрый корабль, мы прибыли к киммерийцам, которые одни лишены сияния огненосного солнца: с востока его закрывают Рипейская гора и Калпийский (Κάλπιος) перешеек[12], а огромная Флегра[13] висит близко, затеняя воздух с полудня;

---

[1] [Это наименование может быть сопоставлено с именем иллирийского племени батиатов].

[2] [Имя, несомненно связанное с геродотовой (IV, 54) Гилеей (Полесьем) в низовьях реки Днепра].

[3] [Наименование, которое, может быть, следует сопоставить с κεκρύφαλον—род головного убора].

[4] [Это наименование Tomaschek, RE, II, 1, 1290, сопоставляет с арзоями Плиния (NH, VI, 38) и Tab. Peut., локализуемыми в области Кавказа, и с аорсами, считая его поэтической модификацией одного из этих имен].

[5] [Ближе не известна; если это не эпитет арктиев, то имя, скорее всего, создано искусственно].

[6] [Могут быть сопоставлены с ἄρκτοι—фиасом Артемиды Арктеи].

[7] [Это имя встречается только в орфеевой «Аргонавтике»].

[8] [Т. е. Артемиды, называвшейся так по храму ее в Мунихии, в Афинах: здесь она названа, вероятно, вместо также весьма популярной в Аттике Артемиды Бравронии, культовая статуя которой, по традициям, происходила из Тавриды].

[9] [Кронийский, а также Скифский океан реально может быть отождествлен с Балтийским, или Немецким, морем, а северное устье Танаиса—с какой-либо из впадающих в него рек, например с Эльбой, устье которой, как полагают, принял за устье реки Танаиса массалиот Питей].

[10] [Народ под этим именем Геродот (III, 17) помещает на берегу океана, а Плиний (NH, VI, 190) в Либии, к югу от Египта].

[11] [Пешее путешествие и перенос корабля «Арго» на плечах на возвратном пути после плаванья по океану предполагает версия аргонавтики, известная Гесиоду и Пиндару (схол. к Apoll. Phod., IV, 259)].

[12] [Κάλπη в древности называлась скала Гибралтар, господствующая над одноименным проливом (Strabo, II, 1, 8)].

[13] [Скалистая местность, на которой, по преданию, происходила гигантомахия, локализуемая на севере Фракии (RE, XIX, 264), а также древнее название полуострова Паллены].

вечерний же свет закрывают несчастным смертным длинные Альпы, так что над ними всегда расстилается мрак...

Остальная часть поэмы (стт. 1128—1376) описывает путешествие аргонавтов к реке Ахеронту, к Иернским островам, затем к Кирке на остров Ээю, оттуда, через Тартесское устье и Геракловы столпы, к Сардинии, тирренским берегам и к Сицилии, далее, мимо Харибды и Сирен, на остров Керкиру к феакам, где царствовал Алкиной и где они встретились с отрядом, посланным Ээтом на розыски Медеи; здесь совершился брак Язона с Медеей, а затем аргонавты вернулись на родину.

ИОАНН ЗЛАТОУСТ

Иоанн Златоуст родился в Антиохии около 347 г. в языческой семье; был учеником славного ритора Либания. Приняв крещение, он в 381 г. был посвящен в диаконы, в 386—в священники, а в 397 г. был избран патриархом константинопольским. В 401 г. по проискам противной партии был изгнан и в изгнании умер в 407 г. Его многочисленные сочинения изданы у Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca, тт. XLVII—LXIV, [полный русский перевод Петербургской Духовной Академии в 12 томах, 1898—1906].

Извлечения и перевод **А. И. Малеина**

БЕСЕДА ПРОТИВ ЕВТРОПИЯ

(ΟΜΙΛΙΑ ΕΙΣ ΕΥΤΡΟΠΙΟΝ)

(M., LII, 409) ...И к кому пришел (*апостол Павел*)? К скифам... К диким зверям и все изменил у них.

ПИСЬМО К ИННОКЕНТИЮ

(ΕΠΙΣΤΟΛΗ ΠΡΟΣ ΙΝΝΟΚΕΝΤΙΟΝ)

(M., LII, 535) ...Ни скифы, ни савроматы так никогда не судили, разбирая дело в интересах одной стороны, в отсутствие обвиняемого...

ТОЛКОВАНИЕ НА IV ПСАЛОМ

(ΕΡΜΗΝΕΙΑ ΕΙΣ ΤΟΝ Δ' ΨΑΛΜΟΝ)

XII (M., LV, 58). Ибо даже скифы так... не воюют обыкновенно, как нечестивейшее помышление, гнездясь в глубине души...

ЗАМЕЧАНИЯ НА СВЯТОГО МАТФЕЯ

(ΥΠΟΜΝΗΜΑ ΕΙΣ ΤΟΝ ΑΓΙΟΝ ΜΑΤΘΑΙΟΝ)

БЕСЕДА 69

(M., LXIII, 652) ...Выслушай, какова жизнь живущих в повозках скифов, какое время препровождение, говорят, имеют кочевники. Так следовало бы жить христианам: обходить вселенную, воюя с диаволом, увлекая пленными одержимых им, и освободиться ото всего житейского...

БЕСЕДА, СКАЗАННАЯ В ЦЕРКВИ В ЧЕСТЬ ПАВЛА

(ΟΜΙΛΙΑ ΛΕΧΘΕΙΣΑ ΕΝ ΤΗΙ ΕΚΚΛΗΣΙΑΙ ΕΠΙ ΠΑΥΛΟΥ)

(M., LXIII, 501) ...И скифы, и савроматы... и поселившиеся у самых окраин вселенной, переводя *священное писание* каждый на свой язык, философствуют об этих словесах.

Кроме того, в творениях Иоанна Златоуста упоминаются: скифы или скиф, т. 49, 830; т. 49, 106 bis; 112; т. 50, 459, 491; т. 54, 606; т. 55,

203; т. 56, 144; т. 59, 65; т. 60, 405; 408 (κἂν Σκύθης, κἂν βάρβαρος, κἂν αὐτοθηρίον) 412, 444, 517, 593 bis; т. 63, 816.—Скифия: т. 52, 611; т. 54, 664—Анахарсис; т. 47, 467—οἱ τὸν Εὔξεινον πόντον οἰκοῦντες καὶ οἱ Σαυρομάται; т. 48, 714.—Скифы и савроматы: т. 48, 822.—Гамаксобии: т. 52, 687.—В сомнительных произведениях: скифы, т. 59, 707.

ЕВНАПИЙ

Уроженец города Сард, софист и историк, родился около 347 г. н. э., умер после 414 г. Известны два его сочинения: 1) Βίοι φιλοσόφων καὶ σοφιστῶν и 2) Ἡ μετὰ Δέξιππον ἱστορία χρονική в 14 книгах, содержавших в себе историю Римской империи от смерти Клавдия II в 270 г. до 404 г. н. э.

Собрание отрывков из истории: Müller, FHG, IV, 7—56, Historici Graeci minores ed. Dindorfius, I, 205—274.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ДЕКСИППА

(ΙΣΤΟΡΙΑ Η ΜΕΤΑ ΔΕΞΙΠΠΟΝ)

Фр. 37. Император Валент, отдыхавший от домашних и внешних *дел*, получает известие, что где-то близко уже находится отборный отряд скифов, которых Прокопий раньше вызвал себе на помощь у скифского царя[1]. Говорили, что наступающие держат себя надменно, с презрением относятся ко *всем*, кого видят, беспечны и дерзки вследствие безнаказанности и со всеми обращаются очень заносчиво и буйно. Император, быстро отрезав им обратный путь в Скифию, поймал *как бы* в сети и приказал выдать оружие. Они выдали, обнаружив свое презрение только потряхиванием волос (κόμας) (?)[2]. *Император* разослал их по *разным* городам, приказав держать на свободе под надзором. Во *всех*, кто их видел, возбуждали презрение их тела, чересчур вытянувшиеся в вышину, слишком тяжелые для ног и суженные в талии, как насекомые по словам Аристотеля[3]. Жители городов, принимая их в свои дома и узнавая их бессилие, принуждены были смеяться над своими неверными *о них* представлениями. Скифский царь потребовал *выдачи* этих молодцов. Дело было щекотливое и не соответствовавшее доводам справедливости: царь скифский говорил, что дал их императору согласно *условиям* союза и клятвы, а Валент отвечал, что *Прокопий*—не царь, а сам он не давал клятвы. Когда скифский царь упомянул *имя* Юлиана, говоря, что дал их по родству с ним *Прокопия*, и прибавил *упоминание* о достоинстве посланников, император возразил, что и послы подлежат наказанию и находящиеся налицо задерживаются, как неприятели, если являются на помощь неприятелю. Из-за этих причин вспыхнула скифская война, которая, как ожидали, по важности вступающих в борьбу народов и величине приготовлений должна была принять широкие размеры и представить весьма различные несчастия и непредвиденные случайности, но благодаря энергии и предусмотрительности императора была приведена к твердому и безопасному *концу*. [Exc. de leg., p. 18—19 Par., 46—48 Nieb. Из последней части этого фрагмента нечто взял Свида s. vv. ἀτέκμαρτον и σταθερόν].

---

[1] Ср. об этих событиях (366 г.) Schiller, Gesch. d. Röm. Kaiserzeit, II, Gotha, 1887, стр. 350 сл. Под скифами следует разуметь готов.

[2] κώμας] κόμας Wyttenbach с таким смыслом: mentis superbiam demonstrantes eo quod pagos seditione implerent.

[3] Arist., Hist. an., I, 2.

Ф р. 41. Так как никто не может сказать ничего определенного о том, откуда вышли унны, где они находились и *как* прошли всю Европу и оттеснили скифское племя, то я в начале *этого* сочинения изложил *сведения, заимствованные* из древних *писателей*, сопоставляя по правдоподобным соображениям, а современные известия взвешивая с точностью, чтобы не составить сочинения из *одних* вероятностей и чтобы изложение *наше* не уклонялось от истины... [Exc. de sent. (cod. p. 174, 283). p. 269—270 Mai., 75—76 Nieb].

Ф р. 42. Побежденные скифы были истреблены уннами и большинство их погибло[1]; одних ловили и избивали *вместе* с женами и детьми, *причем* не было предела жестокости при *их* избиении; другие, собравшись вместе и обратившись в бегство, числом немного менее двухсот тысяч самых способных к войне, сошлись... Двинувшись и став на берегах *Истра*, они издали простирали руки с воплями и криками и протягивали молитвенные ветви, прося позволения переправиться *через реку*, оплакивая свои бедствия и обещая присоединиться к союзникам. Начальники римских *отрядов* на берегах объявили, что без воли императора ничего не могут сделать. *Дело* было доведено до сведения императора. В царском совете произошло большое разногласие и высказано было много мнений за и против, *наконец*, царь решил *в пользу скифов*. У него была некоторая ревность к соцарствующим, которые были дети *его* брата, как сказано об этом раньше[2]; они решили разделить царство между собою, не доложив дяде о разделе. Как по этой причине, так и в надежде умножить *силу* римлян *столь* значительным дополнением, он приказал принять скифов, *предварительно* сложивших оружие. Но еще раньше *получения* от царя позволения на переправу самые смелые и дерзкие скифы решились переправиться силой, и при *этом* насилии были изрублены. Однако истребившие этот отряд были отрешены от должностей и опасались *даже* за жизнь *свою* за то, что истребили неприятелей. Влиятельные при императоре и имевшие огромную силу люди смеялись над их воинственностью и распорядительностью и говорили, что они не имеют понятия о политике. Император из Антиохии предписал им прежде всего принять *людей* непригодного *к военному делу* возраста, препроводить их в римские владения и держать бережно в *качестве* заложников, *затем* стать на берегу и способных носить оружие *скифов* принимать и доставлять *им* суда для переправы не прежде, чем они сложат оружие и будут переправляться безоружными. Но из получивших такое приказание один влюбился в белого и красивого лицом мальчика из переправившихся, другой был тронут хорошенькой женщиной из *числа* пленниц, третий пленился девушкой; иных привлекло богатство даров, льняные ткани, мохнатые с обеих сторон ковры. Коротко говоря, каждый из них думал *только о том, чтобы* пополнить дом рабами, поместья пастухами и удовлетворить свое сладострастие. Побежденные постыднейшей и противозаконнейшей страстью ко *всему* этому, они приняли *скифов* с оружием, как бы старинных благодетелей и спасителей. А последние, без труда достигнув такого успеха и получив счастие в бедствии *своей* родины,—так как скифские пустыни и пропасти они променяли на римские владения,—тотчас обнаружили *свое* грубое варварство в вероломстве и измене. Непригодный *к войне* возраст, перевезенный раньше, с большим тщанием и заботливостью был рассеян исполнителями этого *приказания* среди разных племен. Мальчики уже носили царские знаки, а женщин можно было видеть *одетыми* роскошнее, чем *прилично* пленницам. Дети их и рабы в благорастворенном климате выросли и воз-

[1] Здесь описывается первое появление гуннов к западу от Азовского моря в 376 г.
[2] В потерянной части труда.

мужали не по годам, и подраставшее вражеское поколение было весьма многочисленно. Древние мифы говорят, что в Беотии и Колхиде из посеянных драконовых зубов вместе с посевом вырастали вооруженные люди. Наше время вывело на свет и этот миф, осуществило его и заставило видеть *воочию*. Едва только дети скифского племени были рассеяны, подобно зубам, по римским владениям, как всюду распространилась их ярость, бешенство и убийство, когда они преждевременно вошли в мужской возраст. Цветущая силой и мужеством часть скифов, немедленно подняв восстание против тех, которые приняли *их к себе*, вместо *борьбы* с изгнавшими, отважилась на большие ужасы и жестокости, нежели какие *они* потерпели сами. Вся Фракия и смежные с ней Македония и Фессалия так известны и так прославлены, что для описания их не осталось больше и слов; но эти области, столь обширные, столь многолюдные, цветущие и славные силой населения вероломное и нежданное восстание скифов, внезапно вспыхнувшее и разлившееся тотчас после переправы, довело до такого разорения и так измучило бедами, что вошедшие в пословицу «грабежи мисийцев» оказались золотом в сравнении с *тогдашними* напастями Фракии. Решив поднять восстание, когда не было достаточной *военной* силы для сопротивления, *варвары* оказались весьма страшными по своей многочисленности сравнительно с беззащитными и безоружными людьми и своим беспощадным *отношением* к побежденным лишили жителей *области* всего. Дошло до того, что скифы столько же ужасались имени уннов, сколько римляне—скифов. Лишь весьма немногие и известные на перечет города сохранились и доселе остаются в целости благодаря стенам и укреплениям; а страна по большей части разорена, и вследствие *этой* войны остается необитаемой и непроходимой. Император, как только узнал об этих несказанных бедствиях, заключил с персами необходимый мир и упрекал самого себя, раскаиваясь в принятии *скифов*. Вскипев гневом и устремив все свои помыслы к войне, он высылает вперед сарацинскую конницу для сопротивления варварам. Последние делали набеги уже на *самый* Константинополь и, обложив стены, тревожили жителей, не видя никакого противника для открытой борьбы и *потому* предаваясь всяким неистовствам. Но судьба в то время явно дала отличный способ военных действий при таких обстоятельствах. [Exc. de leg., p. 19—21 Par., 48—52 Nieb.].

Ф р. 43. Император принял их и дал им имущество и землю, надеясь иметь *в них* мужественных и несокрушимых защитников против тамошних вторжений уннов. (S u i d., s. v. προβολος.)

Ф р. 46. Император Валент в то время, как скифы делали набеги на Македонию, прибыл в столицу и отовсюду собирал военные силы как бы для совершения великого и необычайного *подвига*. [Exc. de sent., p. 271—272 Mai., 77—78 Nieb.].

Ф р. 60. При Феодосии, в первые годы *его* царствования, когда скифский народ был изгнан уннами из *своей* страны, переправились *к римлянам* начальники племен, отличавшиеся достоинством и родом. Возгордившись почестями, оказанными *им* императором, и видя, что все лежит под их властью, они начали между собой немаловажную распрю: одни требовали довольствоваться настоящим счастливым положением и пребывать *в нем*, другие—соблюдать данную дома клятву и не нарушать заключенных тогда условий. Эти *условия* были весьма бесчеловечны и свирепостью превосходили даже обычаи варваров: *они состояли в том, чтобы* строить всякие козни против римлян и всякими средствами и хитростями вредить принявшим *их к себе*—хотя бы испытывали от них величайшие благодеяния,—дабы овладеть всей их страной. Из-за этого-то и возникла у них распря; они разделились *на две партии, из коих* одна последовала худшему мнению, другая—лучшему, но каждая из них все-таки скрывала причину

своего неудовольствия. Император не переставал осыпать их почестями: они обедали за его столом, жили в его палатах и получали щедрые дары; ибо тайна их распри нигде не выносилась *на свет* и не обнаруживалась. Вождем боголюбивой и святой стороны был Фрабит, человек молодой по летам, но лучший из людей по добродетели *и любви к* правде: он открыто чтил богов по исконному обычаю, не допускал никакого притворства для обмана и ниспровержения *других*, но проявлял в жизни открытую и чистую душу, считая ненавистным, подобно вратам ада,

«кто на уме скрывает одно, а вещает другое»[1].

Он тотчас попросил *себе* в жены римлянку, чтобы не совершать никаких насилий ради физической потребности. Царь разрешил *ему* брак; отец девушки (она воспитывалась *еще* под властью отца) был удивлен предложением *Фрабита* и считал за счастье иметь такого зятя. Из единоплеменников *Фрабита* лишь немногие, уважавшие благочестие и добродетель юноши, пристали к его мнению и сплотились *вокруг него*, а большинство, и притом наиболее сильные, твердо держались раз принятого решения и дошли до неистовства, трепеща от страстного желания *исполнить* замысел; во главе их стоял Эриульф, человек полусумасшедший и превосходивший других бешенством. *Однажды* император предложил им пышное и роскошное пиршество; *тут скифы* оправдали пословицу, гласящую, что «правда в вине», и Дионис обнаружил во время попойки скрываемый ими замысел. Пир прерывается в беспорядке[2], *пирующие* в смятении и беспокойстве выбегают из дверей. Фрабит, по своей чрезвычайной доблести полагая, что прекрасный и справедливый поступок покажется *еще* прекраснее и богоугоднее, если совершится скоро, не ожидая другого времени, обнажил меч и пронзил *им* бок Эриульфа. Он пал мертвым *в то самое время*, когда мечтал *об исполнении* преступного замысла...[3] [Exc. de leg., p. 21—22 Par., 52—54 Nieb.].

Ф р. 68 [Suidas]. Многоизгибистый—часто изворачивающийся в изгибах Евнапий: «этот страшный и многоизгибистый змей, как бы околдованный нашептыванием Медеи и усыпленный душой, предал себя[4].

Ф р. 77 [Suidas]. Субармахий: это был начальник телохранителей, более всех других верный евнуху Евтропию. Он пил вина больше, нежели мог вместить; но все-таки его желудок, благодаря привычке и сильным, свойственным юности телесным упражнениям, все переносил и естественным путем выделял жидкости. Выпив или не выпив, он всегда был пьян, но умел скрывать свое опьянение: хотя и ходил шатаясь, но старался не падать, по молодости, и удерживался *на ногах*. Он был царского рода, настоящий колх из живущих выше Фасиса и Термодонта и превосходный стрелок, если бы не подстреливало его *самого* излишество неги.

Ф р. 87. При царице Пульхерии... законы были не только слабее и тоньше паутины, как говаривал скиф Анахарсис, но рассеивались и разносились легче всякого праха... [Exc. de sent.].

---

[1] Слова Ахилла у Н о м., II., IX, 312 (перевод Гнедича).

[2] Ср. о н ж е, фрагмент в exc. de sent. (cod., p. 320), p. 281 M a i, 85—86 N i e b. «Когда же им был предложен... обильный и роскошный пир, *они* оправдали правдивую пословицу, гласящую: «в вине правда Диониса». Поэтому и *самого* бога правильно называют Освободителем (Δυαῖον), как не только освобождающего от горестей, но раскрывающего и уничтожающего покровы тайн. И тогда, когда во время попойки обнаружился их замысел, они в беспорядке покидают пир».

[3] О Фрабите ср. еще фрр. 80, 82, 85.

[4] Сказано об Евтропии или о Руфине.

НОНН ПАНОПОЛЬСКИЙ

Нонн из города Панополя в Египте жил во второй половине IV в. н. э. (по мнению Людвига, он писал не ранее 390 г. н. э.). От него сохранилась обширная поэма Διονυσιακά (48 песен), предметом которой служит фантастический миф о походе бога Диониса в Индию.

Текст: Nonni Panopolitani Dionysiacorum libri XLVIII. Recens. et praefatus est A. Koechly, тт. I—II, Lips., 1857—58.

Извлечения и перевод **С. А. Селиванова**

О ДИОНИСЕ

(ΔΙΟΝΥΣΙΑΚΑ)

X, 99 сл. [СЛОВА ЛЕВКОТЕИ]:

«Я слышала, что принесенный с воздуха в землю колхов воздушный седок похитителя барана, переселенец Фрикс до сих пор еще жив...»

XI, 132 сл. [СЛОВА АТЫ К АМПЕЛУ]:

... Ты слышал о самом Абарисе, которого Феб посылал в воздушный путь на летучей, странствующей стреле...

XIII, 83 слл.

... Другим отрядом беотян предводительствовал прекраснокудрый Гименей, с нетронутой верхней губой, цветующий, любимец Бромия. За идущим юношей следовал его воспитатель, по имени Феникс, седой воин, во всем Лаокоонту подобный, который прежде, сев на язонов корабль Арго, отправился вместе с блистающим оружием Мелеагром в страну колхов...

XIII, 245 сл.

Он [Астерий Диктейский] вместо *того, чтобы жить* у Дикты, будучи *гражданином* кносским, стал в Скифии скитальцем и, оставив седого Миноса с Андрогенией, мудрец пришел к варварским племенам колхов, убивающих чужеземцев. Он назвал их астериями и даровал критское имя колхам, которым природа дала неслыханно-странные обычаи; оставив родное русло критского Амниса[1], вскормившего его в детстве, он стал пить своими славными устами чуждую воду Фасиса[2].

XIII, 331

... Кирка, родная сестра Ээта, царствующего над многими народами.

XVII, 271 сл. [СЛОВА УМИРАЮЩЕГО ОРОНТА, ОБРАЩЕННЫЕ К ФАЭТОНТУ]:

«О, солнце, пламенной колесницей рассекающее соседний эфир, бросающее *свой* луч через Кавказскую гряду, останови для меня свою колесницу...»

---

[1] [Современная речка Картеро на острове Крите, близ одноименной древней гавани].

[2] [Нонн объединяет в своем рассказе двух одноименных, но разных персонажей: мифического царя Крита, мужа Европы, и аргонавта, сына Комета, упомянутого у Apoll. Rhod., I, 35].

XX, 199 слл. [СЛОВА ИРИДЫ, ПОСЛАННОЙ ГЕРОЙ И ПРИНЯВШЕЙ ВИД АРЕСА, ОБРАЩЕННЫЕ К ЛИКУРГУ]:

«Дитя, отпрыск непобедимого Ареса, неужели ты дрожишь перед женской угрозой нежных бассарид [вакханок]? Ведь они—не амазонки с Термодонта, не войнолюбивые жены с Кавказа...»

XXI, 198 слл.

... Через гору Кавказскую в город индов пришел быстрый глашатай Бромия, дарующего вино [сатир]...

XXI, 309 слл.

... Возле скалы Кавказской проходя гористое пространство, он [Дионис] миновал светлый край восточного поля, идя к полуденным пределам Солнца...

XXIII, 85 слл.

Не Танаис со снежной, каменеющей водой вооружается против соседа савромата, но, вооружая против враждебных колхов богиню войны, живущую в ущельях, часто поражал стрелой морозной...

XXV, 310 слл.

... К печальному Вакху через скифскую гору пришел в длинной одежде бесплодный Аттис, бичуя львов, запряженных в скитальческую колесницу, быстрый вестник божественной Реи...

XXV, 373 слл.

... Он [Аттис] мчался возле скал Кавказских ущелий, возле вершин Ассирии, непроходимых гор Бактрии, миновал высоты Ливана и горы Тавра, пока не ступил на меонийскую землю...

XXVI, 329 слл.

... Ведя их [слонов], владыка Дионис после битвы с индами поверг в страх женщин с прекрасными шлемами у кавказского берега амазонской реки...[1]

XXVII, 150 слл.

...[Дионис поставил] первое [войско] у лесистых краев круга Медведицы [с севера], где, стремительно несясь, бежит из скалы Кавказской светлая вода многочисленных рек...

XXIX, 197 слл.

... Кругом жеребята,... которых с неподражаемым искусством сотворил родитель Гефест, выдыхающих из зубов грозное пламя, как и у Ээта, могучего повелителя колхов...

---

[1] [Т. е. реки Термодонта].

XXXV, 262 слл.

... Проснулся Зевс на вершинах Кавказа, отбросив крыло сна...

XXXVI. 259 сл. [СЛОВА, СКАЗАННЫЕ КЕМ-ТО ПРИ ВИДЕ УБИЙСТВА КОЛЛИТА ВАКХАНКОЙ ХИРОБИЕЙ]:

«Арес, Арес, оставь лук, щит и копье свое! Арес, ты ограблен! Оставь Кавказ! Ведь Дионис влечет на битву других мужеубийц амазонок»...

XXXVI, 266 слл.

... Не так отличаются прекраснопанцырные жены кавказские [как вакханки]...

XL, 26 сл. [СЛОВА АФИНЫ К ДЕРИАДУ]:

... «Есть амазонки возле Кавказа, где многие женщины отличаются славными подвигами гораздо больше Хиробии»[1].

XL, 292 слл.

... Вакх со своими сатирами и вакханками, убивающими индов, после кавказской битвы у амазонской реки вторично ступил на землю аравийскую...

МАРКИАН

ИЗ ГЕРАКЛЕИ ПОНТИЙСКОЙ

Автор жил около 400 г. н. э. О времени его жизни и о произведениях см. C. Müller, Geographi Graeci minores, т. I, стр. CXXIX сл.
Текст: там же, стр. 515 сл.

ОБЪЕЗД ВНЕШНЕГО МОРЯ[2]

(ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ ΤΗΣ ΕΞΩ ΘΑΛΑΣΣΗΣ)

КНИГА I

4. ...Река Танаис отделяет Европу от Азии... в северной части, впадая в Меотийское озеро, которое изливается в Понт, называемый Эвксинским...
5. ...Морское побережье Европы начинается от реки Танаиса...
6. ...Из трех морей по величине... третье—Гирканское.
7. Из величайших заливов первый—Гангетский[3]... шестой—Понт... восьмой—Меотийское озеро...[4]

15 *extr.* Персидский залив противолежит Каспийскому морю, называемому также Гирканским, и, сузив *лежащую* между ними землю, образует большой перешеек Азии.

---

[1] [Мифическая воительница, персонаж круга Диониса, дочь Дериада, участвовавшая в борьбе с бассаридами (вакханками) и известная лишь из Нонна].

[2] [Ввиду того, что перипл Маркиана основан преимущественно на тексте Птолемея, разъяснения в отношении географических имен см. в прим. к Птолемею].

[3] [Гангетским заливом в древности назывался Бенгальский залив].

[4] [Маркиан рассматривает Черное море как залив Средиземного, а Азовское—как залив Черного моря].

КНИГА II

ОБЪЕЗД ВЕЛИКОЙ ГЕРМАНИИ

31. Великая Германия ограничивается с севера так называемым Германским океаном, с востока—Сарматскими горами [частью Сарматии] за горами [до] верховья реки Вистулы и самой этой рекой...

ОТЪЕЗД ЕВРОПЕЙСКОЙ САРМАТИИ[1]

38. Европейская Сарматия ограничивается с севера Сарматским океаном по Вендскому[2] заливу и частью неизвестной земли с востока—перешейком [от реки Каркинита], озером Бикой и частью Меотийского озера до реки Танаиса, затем самой рекой Танаисом и еще]полуденником] от истоков реки Танаиса до неизвестной земли; с запада—рекой Вистулой, Великой Германией за Сарматскими горами и самими горами; с юга—языгами-метанастами от южного предела Сарматских гор до начала горы Карпата, затем Дакией до устья реки Борисфена и *начинающимся* отсюда побережьем Эвксинского Понта до угла Каркинитского залива. Итак общее описание таково; частное же *описание* Сарматии мы расположили *лишь* в общих чертах, не прибавляя числа стадий вследствие того, что почти неизвестен точный объезд этого северного океана, приближающегося на севере к неизвестной земле, которая лежит выше Меотийского озера, будучи мало известна огромному большинству людей, тем более, что и Протагор[3], повидимому, опустил число этих стадиев. По этим же причинам и описание местностей будет изложено только по устьям рек.

39. За устьями реки Вистулы следуют устья реки Хрона; а за рекой Хроном далее находятся устья реки Рудона. Эти реки изливаются в Вендский залив, который начинается от реки Вистулы, простираясь на огромнейшее *пространство*. За рекой Рудоном находится устье реки Турунта; а за рекой Турунтом следует река Хесин и ее устье. За рекой Хесином находится неизвестный Гиперборейский океан, прилежащий к Гиперборейской неизвестной земле. По реке Хесину живут агафурсы, народ Европейской Сарматии. Реки Хесин и Турунт текут с вышележащих гор, которые называются Рипейскими горами, и лежат внутри материка между Меотийским озером и Сарматским океаном. Река же Рудон течет из Аланской горы; у этой горы и *вообще* в этой области живет на широком пространстве народ алан-сармат, в *земле* которых находятся истоки реки Борисфена, впадающей в Понт. Землю по Борисфену за аланами населяют так называемые европейские хуны[4].

40. Длина Сарматии составляет 7700 стадиев, ширина—7650. В ней народов 56, значительных городов 53, значительных гор 9, значительных рек 4, значительных мысов 3, значительных гаваней 3, значительных заливов 4, *именно* вышесказанный Вендский залив и три других...

---

[1] Составлено по Ptol., Geogr., III, 5 и Протагору. Текст—C. Müller, GGM, стр. 558.

[2] У Птолемея везде читается—Венедский.

[3] [Автор «Измерения населенной земли», преимущественно парадоксографического содержания, известный по Phot., Bibl. cod., 188; наиболее раннее упоминание о нем—данный текст, в связи с чем его относят предположительно к III в. н. э. См. Christ-Stählin, Geschichte d. Griech. Literatur, II, 2, 1924, стр. 803].

[4] [Гунны].

СОКРАЩЕНИЕ ОБЪЕЗДА ВНУТРЕННЕГО МОРЯ, КОТОРЫЙ НАПИСАЛ В ТРЕХ КНИГАХ МЕНИПП ПЕРГАМСКИЙ[1]

(ΕΠΙΤΟΜΗ ΤΟΥ ΤΗΣ ΕΝΤΟΣ ΘΑΛΑΣΣΗΣ ΠΕΡΙΠΛΟΥ, ΟΝ ΕΓΡΑΨΕΝ ΕΝ ΤΡΙΣΙ ΒΙΒΛΟΙΣ ΜΕΝΙΠΠΟΣ ΠΕΡΓΑΜΗΝΟΣ)

Текст: GGM, ed. C. Müller, т. I, стр. 563 сл.

ОБЪЕЗД ПАФЛАГОНИИ[2]

9. ...От Тимолаева укрепления[3] до высокого и большого мыса Карамбиса 100 стадиев. Напротив мыса Карамбиса в Европе лежит очень большой мыс, называемый Бараньим лбом...

[Описание восточного и северного побережья Понта Эвксинского не сохранилось].

ФИЛОСТОРГИЙ

Филосторгий, уроженец каппадокийский, родился около 365 г., написал «Историю церкви» (Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία) в 12 книгах, обнимавшую время с 300 по 425 г. Его труд дошел до нас в обширных извлечениях, сделанных патриархом Фотием, и в отрывках у других писателей. Так как Филосторгий был приверженцем арианства и эвномианства, то, по словам Фотия, его «История» была скорее похвалой еретиков, клеветой и порицанием православных, чем историей.

Текст: Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca, т. LXV, 1858, стр. 455—638.

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

(ΕΚΚΛΗΣΙΑΣΤΙΚΗ ΙΣΤΟΡΙΑ)

ИЗ ВТОРОЙ КНИГИ

5. *Филосторгий* говорит, что около этого времени[4] Урфила[5] из живших за Истром скифов (которых древние *называли* гетами, а *наши* современники называют готами) переселил на римскую *землю* большое количество людей, изгнанных с родины за благочестие. *Этот* народ обратился в христианство следующим образом. В царствование Валериана и Галлиена[6] большое полчище скифов, *живших* за Истром, перешло на римскую *землю* и опустошило набегами большую часть Европы. Перейдя также в Азию, они прошли через Галатию и Каппадокию, захватили множество пленных как других, так и из числа избранных в клир, и возвратились восвояси с большой добычей. Благочестивая часть пленных, вступив в общение с варварами, немалое их количество обратила к благочестию и приготовила к восприятию христианства вместо эллинской религии. В числе

---

[1] Жил при Августе и Тиберии.

[2] Müll., I, стр. 570.

[3] [На пафлагонском побережье Черного моря, упомянуто также в Anon., PPE, 17, отождествляется с современным населенным пунктом Тимле].

[4] Это приложено к рассказу о смерти Константина в 337 г.

[5] «Об Ульфиле (как другие называют этого епископа готов) и о готах, как и когда они стали христианами см. Socr., IV, 36 [конечно, 33], Soz., II, 6; VI, 27 [конечно, 37], Theod., IV, посл. гл.» (Migne). Ср. Беликов, Христианство у готов, Казань, 1887.

[6] 253—268 гг. н. э.

этих пленных были и предки Урфилы, родом каппадокийцы из окрестностей города Парнасс, из деревни Садаголтины. Этот-то Урфила был предводителем выселения благочестивых и первым их епископом; поставлен он был [в епископы] следующим образом: будучи послан начальником *своего* народа во времена Константина вместе с другими в качестве посла (ибо и эти варварские племена были подвластны царю), он был рукоположен Евсевием и бывшими с ним епископами для живущих в гетской земле христиан[1] и имел о них попечение в разных отношениях, а кроме того изобрел для них азбуку и перевел на их язык все *священное* писание, кроме *книг* Царств, так как они заключают в себе рассказы о войнах, а народ готский был войнолюбив и скорее нуждался в узде для своей страсти к битвам, чем в поощрении к этому. А между тем книги Царств могли произвести такое влияние, так как пользовались величайшим уважением и склоняли верующих к служению богу. Царь поселил этот перешедший народ в *разных* местностях Мезии, где кому хотелось, и относился к Урфиле с величайшим уважением, так что часто *даже* называл его «Моисеем нашего времени». Филосторгий очень превозносит этого мужа и пишет, что как он, так и паства его были приверженцами его еретического учения [т. е. арианства].

ИЗ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

8. Река Евфрат берет свое явное начало из Армении, где находится гора Арарат, еще и ныне так называемая армянами, на которой, по словам *священного* писания, остановился ковчег; от него, говорят, и поныне сохраняются немалые остатки дерева и гвоздей. Отсюда-то и вытекает Евфрат сначала *в виде* маленькой речки, а в дальнейшем течении постепенно увеличивается, объединяя под одним именем множество впадающих в него рек. Пройдя Великую и Малую Армении, он течет далее, прорезая сначала Сирию, носящую специальное название Евфратской...

ИЗ ДЕВЯТОЙ КНИГИ

17. Живущие за Истром скифы вследствие нашествия на них уннов поднялись с родины и переправились мирно на римскую землю[2]. *Эти* унны—вероятно *тот народ*, который древние называли неврами[3], они жили у Рипейских гор, из которых катит свои воды Танаис, изливающийся в Меотийское озеро.

Переселившиеся скифы, сначала скромно относившиеся к римлянам, обратились к разбойничеству, а затем подняли жестокую войну. Валент, узнав об этом, выехал из Антиохии и, достигнув Константинополя, двинулся во Фракию. Вступив в битву с варварами и потерпев большой урон, он обратился в стремительное бегство. В отчаянном положении, не зная, что делать, он с немногими спутниками скрылся в одном из *стоявших* в поле строений, наполненном сеном. Преследовавшие *его* варвары предали огню

---

[1] Беликов, стр. 51 сл.

[2] «О скифах или готах, побежденных гуннами и бежавших к римлянам, см. Socr., IV, 33—34, Soz., VI, 37, о походе против них Валента и его гибели см. Socr., IV, 38, Soz., VI, 39—40»... (Migne).

[3] [Это замечание Филосторгия, являющееся не более, чем ученым домыслом, имеет под собой известную реально-историческую почву в том смысле, что гунны, племя, вышедшее из степей Центральной Азии, в своем движении на Запад увлекли за собой значительные контингенты из числа сарматских, аланских и протославянских племен, а к числу последних иногда относят и геродотовых невров (IV,17), имя которых, однако, уже не было живо в эпоху Римской империи].

это строение, подобно прочим, лежавшим на их пути, ничуть не подозревая присутствия императора. Так погиб Валент[1], потеряв вместе с тем значительнейшую и лучшую часть Римской державы. Варвары под предводительством Фритигерна безбоязненно опустошили всю Фракию...

19. Император Феодосий, сразившись с варварами при Сирмии (куда он прибыл, по требованию обстоятельств, немедленно по вступлении на престол) и победив *их* в битве, с блестящим триумфом возвратился оттуда в Константинополь...[2]

ИЗ ОДИННАДЦАТОЙ КНИГИ

8. *Филосторгий* говорит, что одни из гуннов, сначала подчинив себе и опустошив значительную часть Скифии, *лежащей* за Истром, а затем перейдя через замерзшую реку, вторглись своими полчищами в Римскую землю и, пройдя по всей Фракии, разграбили всю Европу; другие же, *жившие* восточнее, перейдя через реку Танаис и вторгнувшись в восточные *области*, через Великую Армению ворвались в так называемую Мелитину. Отсюда они напали на Евфратскую *область*, проникли до Келесирии, и пройдя через Киликию, произвели невероятное избиение людей...

Ко всему этому *присоединился* Трибигильд, родом скиф из так называемых ныне готов; ибо эти скифы делятся на множество разных племен. Он, имея *под начальством* варварскую силу, пребывая в фригийском *городе* Наколии и имея титул комета, изменил дружественные отношения к римлянам на враждебные и, начав с Наколии, захватил множество фригийских городов и произвел большое избиение людей. Высланный против него военачальник Гаина, тоже варвар, предал победу, замышляя сделать то же самое с римлянами. Оттуда Трибигильд, как бы избегая Гаины, вторгся в Писидию и Памфилию и опустошил их. Затем, ослабленный в свою очередь многими неудобствами местностей и стычками с исаврами, он спасся на Геллеспонт и, переправившись во Фракию, немного спустя был убит[3]. Гаина после своей измены возвратился в Константинополь с титулом военачальника и замыслил подчинить его себе. Но некая вооруженная небесная сила, показавшаяся тем, которые стремились напасть *на город*, и устрашившая их своим появлением, защитила город от взятия, а открытых заговорщиков предала человеческому правосудию, и произошло большое их избиение. Гаина был поражен таким ужасом, что тотчас, с наступлением ночи бежал из города с кем мог *из своих приверженцев*, силой прорвавшись сквозь стражу у ворот. А так как Фракия опустела и не могла ни доставить какого-либо продовольствия, ни выдержать нового опустошения, то Гаина отправился в Херсонес, намереваясь переправиться *оттуда* в Азию на плотах. Когда это намерение сделалось известно императору, против него был послан военачальник Фравит, родом гот, а по религии эллин, верный римлянам и весьма искусный в военном деле. В то время, как Гаина высылал вперед свое войско для переправы на пло-

---

[1] В 378 г. н. э.

[2] «Тут Филосторгий ошибается, ибо Феодосий был провозглашен императором в Сирмии, и он же, направившись в Македонию, победил готов у Фессалоники. Прав Филосторгий вместе с другими писателями в том, что относит победу Феодосия над готами к тому времени, когда он был уже провозглашен императором. Ибо неправ Ф е о д о р и т, который (V, 5) говорил, что это произошло до провозглашения его императором. Прогнав варваров, Феодосий вернулся в Константинополь и тотчас восстановил церкви гомоусианам [т. е. единосущникам (православным)], в конце 380 г., как говорит Jac. G o t h o f r e d u s in locum» (M i g n e).—Правил Феодосий в 379—395 гг.

[3] [З о с и м (V, 13 сл.) показывает, что Гаина в этой войне не был предателем, см. о нем еще S o c r., VI, 62; T h e o d., H. E, V, 32; о Трибигильде см. также S o z., VIII, 4, 2].

тах, Фравит напал на них со своим флотом и весьма легко истребил всех плывших на плотах. Гаина, совершенно отчаявшись в спасении, бежал в верхнюю Фракию; *здесь* немного времени спустя некоторые из уннов напали на него и убили. Посоленная голова его была привезена в Константинополь.

ИЗ ДВЕНАДЦАТОЙ КНИГИ

2. В вышесказанные времена Аларих, родом гот, собрав *военные* силы в верхних частях Фракии, совершил нашествие на Элладу и взял Афины[1], а *затем* подчинил македонян и соседних далматов. Он совершил также нашествие на Иллирию и, перейдя через Альпы, вторгнулся в Италию...

ОТРЫВКИ

[Suid., s. v. Λεόντιος]. Леонтий, епископ Триполя Лидийского[2] *был* родом из мисийцев, живущих у Истра, которых Гомер называет «бойцами рукопашными»[3].

ЭВСТОХИЙ

По данным Свиды—софист, родом из Каппадокии, написал τὰ κατὰ Κώνσταντα τὸν βασιλέα и Ἀρχαιολογία Καππαδοκίας καὶ λοιπῶν ἐθνων. См. Müller, FHG, IV, стр. 3.

Фр. см. Steph. Byz., s. v. Παντικάπαιον.

СИНЕСИЙ

Родился около 370 г. в Кирене, в благородной языческой семье. В Александрии учился у знаменитой Гипатии, посвятившей его в учение неоплатоников. В 397—400 гг. был в Константинополе в качестве посланника от городов Киренаики, в 410 г. крестился и был посвящен в сан епископа Птолемаиды; умер, повидимому, не позднее 413 г. Большинство сохранившихся сочинений Синесия относится к дохристианскому периоду его жизни; сюда принадлежат: речь Περὶ βασιλείας, сказанная императору Аркадию в 399 г. в Константинополе, ὑπὲρ τοῦ δώρου ἀστρολάβου, Περὶ προνοίας ἢ Αἰγύπτιος, Φιλάχρις ἐγκώμιον и др. Из времен епископства сохранились не вполне две беседы (ὁμιλίαι) и две речи; кроме того, ему принадлежат 10 гимнов и большое собрание писем, написанных в 399—413 гг.

Сочинения Синесия изданы у Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca, т. LXVI, 1859; новое издание писем—Epistolographi Graeci, ed Hercher, Paris, 1873, стр. 638—739.

О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ К ИМПЕРАТОРУ АРКАДИЮ

(ΠΕΡΙ ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ ΕΙΣ ΤΟΝ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΑ ΑΡΚΑΔΙΟΝ)

11. ... (p. 1081 M.) Но они [т. е. предки] не удерживали ни азиатских, ни европейских варваров тем, что загораживали свои дома, а тем, что своими деяниями побуждали их укреплять свои *границы*, часто переходя через Евфрат против парфян и через Истр против гетов и массагетов...

15. (p. 1093 M.) ...А я удивляюсь нашей глупости как во многом другом, так, в особенности, в следующем. Всякий мало-мальски зажи-

---

[1] [В 395 г.].

[2] Филосторгий, VII, 6, считает этого Леонтия современником императора Юлиана.

[3] Hom., Il., XIII, 5.

точный дом имеет скифского раба[1]; и стольник[2] и пекарь[3], и водонос[4] у каждого скиф, и из *числа* свиты носящие на плечах низкие складные стульчики для того, чтобы господам можно было садиться на улицах,—все скифы, так как это племя искони признано способным и наиболее достойным служить римлянам...

(P. 1096 M.) ...Об этих скифах и Геродот[5] рассказывает и мы *сами* видим, что они все одержимы женской болезнью. Это те, из которых повсюду *приобретаются* рабы, которые еще не владеют землей, из-за которых вошла в поговорку «Скифская пустыня», которые всегда бегут из родной *земли*. Древние предания говорят, что их сначала изгнали с родины киммерийцы[6], потом другие, а также некогда женщины[7], и наши предки, и македоняне; от одних из них они уходили к *народам, живущим* внутри страны, от других—вне *ее*. Они не останавливаются, пока под натиском преследователей не удалятся к живущим на противоположной стороне. Когда же они внезапно нападут на *народ*, не желающий принять их *мирно*, то на время приводят *его* в смятение, как некогда ассирийцев, мидян и палестинцев. И ныне они пришли к нам не с враждебными намерениями, а в качестве просителей, так как снова были изгнаны; но, встретив мягкое к ним отношение римлян (хотя и не слабость оружия), какое, быть может, и следовало *проявить* к просителям, это невежественное племя, как и следовало ожидать, обнаружило дерзость и презрение к благодеянию. Наказанные за это твоим отцом, вооружившимся против них, они снова сделались жалки и вместе с женами сели в виде умоляющих. Он же, победив на войне, был вполне побежден жалостью: он поднял их *из положения* умоляющих, сделал союзниками, даровал права гражданства, уделил почести и разделил *этим* злодеям часть римской земли, побуждаемый к кротости великодушием и благородством своего характера. Но варвары не понимают добродетели. Начиная с тех пор, они по настоящее время смеются над нами, зная, чего заслуживали от нас и чего удостоились. Слава об этом уже открыла их соседям дорогу против нас. И вот некоторые чужеземные конные стрелки выходят к доступным людям, требуя дружеского приема и ссылаясь на пример тех негодяев. Зло, повидимому, доходит до так называемого большинством насильственного убеждения...

Итак, разве не трудно, вновь завоевав себе славу, «выгнать отсюда неистовых псов, нанесенных судьбой[8]?» Если ты послушаешь меня, то это трудное *дело* окажется весьма легким. Когда у нас увеличатся *военные* списки и благодаря спискам поднимется дух *воинов*, когда полки освоятся с делом, прибавь к царской власти то, что у нее исчезло; и Гомер приписал это своим героям, *говоря*: «велик гнев царей, питом-

---

[1] «То же говорит [Синесий] в Enc. Calv., p. 77. Это было древним обычаем в Греции, более всего в Афинах, как это видно из Aristoph., Themosph. и поскольку схолиаст его к «Ахарнянам» говорит, что общественные служителя назывались скифы. У Свиды σκύθαινα—то же, что «служанка» (Petavius).

[2] «Iuv., Sat., V, [120], называет его structor. У Гесихия же ὁ τῆς πάσης περὶ τὰ συμπόσια παρασκευῆς ἐπιμελούμενος (Petavius).

[3] «ὁ περὶ τὸν ἰπνόν. Этим словом обозначается различное. Здесь оно, думаю, равнозначно ἰπνοκναύστης. Древний глоссарий переводил его funarius—тот кто приставлен к производству хлеба или всяких сладостей» (Petavius).

[4] «Гесихий называет: ἀμφορεαφόρους τοὺς μισθοῦ τὰ κεράμια φερούντας. На латинском языке aquarii и amphorarii» (Petavius).

[5] Her., I, 105; IV, 67.

[6] Это неверно, ибо, напротив, Геродот (IV, II) передает, что киммерийцы были изгнаны из своего местожительства скифами.

[7] Т. е. амазонки, см. Her., IV, 110.

[8] Hom., Il., VIII, 527.

цев Зевса»[1]. Нужен гнев на этих людей, и они или будут заниматься земледелием по приказанию, как некогда мессеняне, положив оружие, служили гелотами у лакедемонян, или побегут «той же дорогой назад»[2], объявляя живущим за рекой[3]. что у римлян уже не прежняя мягкость, но что ими правит некто юный и мужественный...

ПОХВАЛА ПЛЕШИВОСТИ

(ΦΑΛΑΚΡΑΣ ΕΓΚΩΜΙΟΝ)

13. (P. 77) ...И у меня и у многих других в городе есть рабы скифы, носящие длинные волосы по скифскому обычаю. Если им кто-нибудь дает пощечину, то побитый погибает...[4].

ПИСЬМА

(ΕΠΙΣΤΟΛΑΙ)

57. ПРОТИВ АНДРОНИКА

(P. 195 *c*) ...Какие тавроскифы, какие лакедемоняне настолько почтили свою Артемиду кровью от бичевания?..

В сочинении Αἰγύπτιος ἢ περὶ προνοίας, I, 15; II, 2—3, имеются рассказы о нашествии скифов на Египет в мифические времена Тифона и Осириса, о чем мы считаем достаточным только упомянуть, несмотря на то, что автор в этом сочинении, очевидно, имел в виду современные ему обстоятельства. (Ср. в издании Migne, «Предисловие», стр. 1207: «Книги «О прозорливости» по большей части являются иносказательными и под видом рассказа о египтянах изображают положение Римской империи, особенно на Востоке при правлении Аркадия. Ведь власть скифов, т. е. готов, в это время была чрезвычайной и страшной, на что сам Синесий жалуется в речи «De regno», произнесенной в присутствии самого императора; доходило до того, что они были соучастниками не только гражданства, но даже очень часто и власти, так как занимали и консульства и почести других достоинств и префектуры обоих видов войска и управляли всей совокупностью военного дела. Об этом свидетельствуют Зосим и другие, которые придали письму историю этого времени»).

ГЕРАНИЙ ФИЛОН

По мнению Валькенера, этого грамматика, следует отличать от Геренния Филона, историка императора Адриана. Во всяком случае он жил после Аммония, которого неудачно компилировал, как показывает нижеследующая цитата, взятая из его сочинения Περὶ διαφορᾶς σημασίας κατ' ἀλφάβητον в издании Валькенера (см. выше).

P. 153. Ἅμα и ὁμοῦ различаются. Ибо ἅμα—временное наречие, а ὁμοῦ —местное. Поэтому скифы были [с греками] ἅμα [одновременно] (ἅμα μὲν οὖν ἐγένοντο Σκύθαι), если только они процветали в одно и то же время. Но, конечно, *они не были* ὁμοῦ [вместе], ибо не в одном и том же месте

[1] Hom., Il., II, 196.
[2] Hom., Il., VI, 391.
[3] Т. е. Истром.
[4] Это замечание приведено в доказательство слабости черепных костей при ношении длинных волос.

родились, но греки в Афинах, а те—в Скифии ἀλλ' οἱ μὲν Ἕλληνες Ἀθήνησι, οἱδὲ ἐν Σκυθίᾳ).

СОКРАТ

Сократ, уроженец константинопольский, родился около 380 г., по профессии адвокат (σχολαστικός), написал «Церковную историю» (Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία) в 7 книгах, служащую продолжением истории Евсевия и обнимающую время с 305 по 439 г.

Текст: Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca, т. LXVII, стр.33—842. О Сократе, Созомене и Теодорете ср. А. Лебедев, Греческие церковные историки IV, V и VI веков, М., 1891.

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

(ΕΚΚΛΗΣΙΑΣΤΙΚΗ ΙΣΤΟΡΙΑ)

КНИГА ПЕРВАЯ

8. О СОБОРЕ В НИКЕЕ ВИФИНСКОЙ И ОБ ИЗЛОЖЕННОМ ТАМ ИСПОВЕДАНИИ ВЕРЫ

...Уже и персидский епископ присутствовал на соборе и скифский не отсутствовал в *общем* хоре...[1]

18. КАК ИМПЕРАТОР КОНСТАНТИН УНИЧТОЖИЛ ЭЛЛИНСКОЕ ИДОЛОПОКЛОНСТВО И ПОСТРОИЛ МНОГО ЦЕРКВЕЙ В РАЗНЫХ МЕСТАХ

...Около этого же времени, несмотря на то, что варвары сарматы и готы[2] опустошали Римскую землю, заботливость императора о церквах нисколько не прерывалась: он относился с надлежащим вниманием к тому и другому: уповая на христианский трофей, онна- голову разбил варваров, так что прекратил и дань, которая обыкновенно платилась варварам прежними царями, и сами *варвары*, пораженные неожиданностью победы, тогда впервые приняли христианскую веру, в которой находил спасение Константин...

19. КАКИМ ОБРАЗОМ ВО ВРЕМЕНА КОНСТАНТИНА ПРИНЯЛИ ХРИСТИАНСТВО ПЛЕМЕНА ВНУТРЕННЕЙ ИНДИИ

Далее следует упомянуть и о том, как во времена *этого* императора распространилось христианство. Ибо тогда начали веровать в Христа племена внутренней Индии и иберы...

20. КАКИМ ОБРАЗОМ ИБЕРЫ ПРИНЯЛИ ХРИСТИАНСТВО

Пора уже рассказать, как и иберы около того же времени приняли христианство. Одна женщина, ведшая честную и целомудренную жизнь, по *воле* божественного провидения попала в плен к иберам[3]. Эти иберы

---

[1] Ср. Eus., V. Const., III, 7, 1.

[2] «Вместо готов Евсевий, de vita Const., IV, 5, называет скифов. Действительно, греческие писатели обыкновенно называют Σκύθαι, тех, кого латинские называют готами. Затем готы были побеждены римским войском в земле сарматов 20-го апреля, при консулах Пакатиане и Гилариане, т. е. в 332 г. н. э., как говорит Valesius к данному месту» (Migne).

[3] Это святая Нина, просветительница Грузии (Иберии). Тогдашний царь иберский носил имя Мириана. О христианстве в Иберии ср. Макарий, История христианства в России до равноапостольного князя Владимира, изд. 2, Спб., 1868, стр. 125 сл.

живут около Эвксинского Понта и являются выходцами от иберов испанских. Пленная женщина, находясь среди варваров, вела любомудрую жизнь: вместе с высоким подвигом целомудрия она предавалась строжайшему посту и постоянным молитвам. Видя это, варвары изумлялись странности ее поведения. Случилось так, что царский сын, *еще* младенец, тяжко заболел. По туземному обычаю царица стала посылать ребенка для лечения к другим женщинам, не знают ли они по опыту какого-либо средства против болезни. Когда же ребенок, обнесенный кормилицей, ни от одной женщины не получил облегчения, в конце *концов* его привели к пленнице. Последняя, в присутствии многих женщин, не применила никакого вещественного лекарства, так как и не знала *его*; взяв ребенка и положив его на сотканную из шерсти подстилку, она сказала простое слово: «Христос, исцеливший многих, исцелит это дитя». Когда она после этих слов помолилась и призвала бога, ребенок тотчас выздоровел и с тех пор чувствовал себя хорошо. *Об этом* распространилась молва между варварскими женщинами, *дошла* до самой царицы, и пленница сделалась известнее. Немного спустя заболела и *сама* царица и повелела призвать к себе пленницу. Когда же последняя по своей скромности отказалась, *царица* сама была принесена к ней. Пленница сделала то же, что и раньше с ребенком. Больная тотчас выздоровела и стала благодарить женщину. Она же сказала: «Это дело не мое, а Христа, который есть сын бога, сотворившего мир». Она увещевала призывать его и познать истинного бога. Царь иберский, изумившись скорому выздоровлению *жены* и узнав, кто ее исцелил, послал пленнице дары. Она сказала, что не нуждается в богатстве, ибо имеет богатство в благочестии и получит великий дар, если *царь* познает чтимого ею бога. С этими словами она отослала обратно дары, и царь принял к сердцу ее слово. На следующий день, когда он вышел на охоту, случилось следующее: туман и густой мрак разлился по вершинам гор и ущельям, где он охотился; охота стала невозможна и дорога непроходима. Придя в отчаяние, *царь* стал усердно призывать чтимых им богов, но безуспешно; наконец, он вспомнил бога пленницы и призвал его на помощь. Как только он помолился *ему*, произведенный туманом мрак рассеялся. Изумляясь случившемуся, царь с радостью возвратился домой и рассказал случившееся жене. Он тотчас пригласил пленницу и спросил, кто *тот* бог, которого она почитает. Пленница, явившись, сделала иберского царя проповедником Христа: ибо он, уверовав во Христа через благочестивую женщину, созвал всех подвластных ему иберов и, рассказав им об исцелении жены и ребенка, а также и о случившемся на охоте, убеждал почитать бога пленницы. Оба они сделались проповедниками Христа: царь—мужчинам, а жена *его*—женщинам. Узнав от пленницы вид *существующих* у римлян церквей, царь повелел построить молитвенный дом и приказал тотчас заготовить *все* нужное для постройки. Дом стал воздвигаться. Когда же стали поднимать колонны, то привлекающее жителей к вере божественное провидение устроило следующее. Одна из колонн оставалась недвижимой, и не находилось никакого орудия, которое могло бы сдвинуть ее; канаты рвались, машины ломались, и рабочие в отчаянии удалились. Тогда обнаружилась вера пленницы: ночью, когда никто не знал, она пришла на место и провела всю ночь в усердной молитве. По воле божией колонна выпрямилась и утвердилась в воздухе выше подножия, совсем не касаясь помоста. С наступлением дня царь, озабоченный, прибыл к *месту* постройки; *вдруг* он видит колонну, висящую над своим подножием; он сам поражается случившимся, поражаются и бывшие с ним. Немного спустя на их глазах колонна спускается и утверждается на своем подножии; при этом люди подняли громкий крик, провозглашали веру царя

истинной и прославляли бога пленницы. Тут *они* уверовали, с большим рвением стали поднимать остальные колонны, и недолго спустя дело было окончено. Затем было отправлено посольство к императору Константину: *иберы* предлагали ему жить на будущее время в мире с римлянами и получить епископа и священный клир, говоря, что они искренно веруют во Христа. Руфин[1] говорит, что он узнал об этом от Бакурия[2], который сначала был царьком иберов, затем, перейдя к римлянам, был поставлен таксиархом палестинского войска[3] и после этого в звании стратилата помогал императору Феодосию в войне против тиранна Максима[4]. Таким-то образом и иберы приняли христианство во времена Константина.

КНИГА ВТОРАЯ

41. ...Последний [символ веры] был издан в Константинополе с дополнением. Именно, к нему прибавлено, чтобы о боге не употреблялись слова οὐσία («сущность») и ὑπόστασις («ипостась», «воплощение»). С этим *символом* тогда впервые согласился и Ульфила, епископ готский[5]. В предыдущее время он признавал никейский символ, следуя Теофилу, который, будучи епископом готским, присутствовал на Никейском соборе и подписался...

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

8. О НАХОДКЕ ВЫРЕЗАННОГО НА КАМНЕ ПРОРИЦАНИЯ ВО ВРЕМЯ РАЗРУШЕНИЯ СТЕНЫ ХАЛКЕДОНА ВСЛЕДСТВИЕ ГНЕВА ИМПЕРАТОРА ВАЛЕНТА

Император приказал разрушить стены города Халкедона, *лежащего* против Византия. Он поклялся сделать это, победив тирана, за то , что халкедонцы, став на сторону тирана, тяжко оскорбили его[6] и при его проходе заперли городские ворота. Итак, по приказанию императора стали разрушать стену и перевозить камни в константинопольские общественные бани, называвшиеся Константианскими[7]. *При этом* на одном

---

[1] Тираний Руфин (345—410 н. э). написал церковную историю, о нем см. Bardenhewer, Petr., Freib., 1894, стр. 424.

[2] О Бакурии см. RE, II, 2724. [Amm. Marc., XXXI, 12, 16; у Зосима (IV, 5, 3) он ошибочно назван армянином].

[3] «В этом месте Сократ не последовал смыслу Руфина. Ибо Руфин пишет, что Бакурий, когда рассказывал ему это, был начальником палестинской военной границы. Сократ, как кажется, прочел у Руфина Palaestini militis ducem» (Valesius).

[4] «Здесь также Сократ ошибся. Ибо Бакурий сражался за Феодосия не в войне против Максима, но в войне против Евгения, как свидетельствуют Руфин, XI, 33 и Зосим, IV» (Valesius).

[5] Этот собор был в 360 г. Ср. об этом Беликов, Христианство у готов, стр. 59.

[6] Ср. Amm. Marc., XXVI, 8: «Со стен Халкедона на него сыпалась брань и его дерзновенно называли Сабаярием. Сабая же—перегонный напиток из ячменя или жита, питье бедняков в Иллирике» [откуда происходил Валент]. Тиран, который тут упоминается,—Прокопий [провозглашен императором в 365 г.].

[7] «Об этих Константианских термах говорит также Созомен, VIII, 22. Были же они в десятом районе Константинополя, как указывает древнее описание этого города. Аммиан Марцеллин также пишет в XXXI книге, что около Константинополя Валентом была выстроена баня из камней халкедонских стен. Но Кедрен и Зонара пишут, что из этих камней была выстроена не баня, а водопровод. Тут нет противоречия. Ведь для бани необходим водопровод. Во всяком случае это было замечательное сооружение, о котором вспоминал Фемистий в своей «десятилетней» речи к Валенту и Григорий Назианзин, Or. 25... Затем у Сократа лучше было бы читать Καρωσιαναί, нежели Κωνσταντιαναί. Ведь Константианские термы, как показывает

камне найдено вырезанное прорицание[1], которое скрывалось издавна, а тогда открылось. Оно гласило, что когда у города будет в изобилии вода, тогда стена послужит для бани, а бесчисленные племена варваров, опустошив Римскую землю и натворив много бед, в конце *концов* погибнут и сами. Ради любознательности не мешает привести здесь и самое прорицание. «Но когда веселые нимфы устроят в городе влажный хоровод по разукрашенным венками улицам и печальная стена будет защитой бани,— тогда-то бесчисленные племена разнородных людей, дикие, свирепые, одетые грубой силой, перейдя во всеоружии поток прекрасно текущего Истра, опустошат и Скифскую страну и Мисийскую землю, но *затем*, вступив во Фракию с неистовыми надеждами, найдут там свою судьбу и кончину жизни».

Таково прорицание. С течением времени случилось, что построенный при Валенте водопровод доставил Константинополю изобильную воду; тогда же пришли в движение и варварские племена, как мы скажем после...

16 ...Константинополь, несмотря на то, что прокармливает бесчисленное множество жителей, всегда имеет в изобилии большинство *жизненных продуктов,—с одной стороны*, благодаря тому, что отовсюду имеет морем подвоз провианта, а *с другой*—что прилегающий *к нему* Эвксинский Понт в случае надобности доставляет ему в изобилии хлеб.

28 ...Фригийские племена кажутся более благоразумными, чем другие; фригийцы ведь даже редко клянутся. Скифы и фракийцы склонны к вспыльчивости, а *племена*, живущие к востоку, более поддаются страстям, тогда как племена пафлагонские и фригийские не имеют склонности ни к тому, ни к другому *пороку*...

31. О КОНЧИНЕ ВАЛЕНТИНИАНА

После этого император, вследствие нашествия савроматов на Римскую державу, пошел против них с огромной армией. Услышав об этой армии, варвары испугались и послали к императору посольство с просьбой заключить мир на *прежних* условиях. Когда послы вошли и показались неказистыми, *император* спросил, таковы ли все савроматы. Когда же послы ответили, что к нему пришли самые знатные из савроматов, Валентиниан пришел в ярость и громко вскричал, что на горе перешла к нему власть над римлянами, когда столь презренное варварское племя не довольствуется безопасным пребыванием на родине, а поднимает оружие, попирает римские границы и отваживается на войну. Он до такой степени напрягся при *этом* крике, что все его жилы открылись и все артерии лопнули. Таким образом он умер от кровотечения в крепостце, называемой Бергитионом[2], после консульства Грациана в третий раз и Эквиция...[3].

33. КАК ГОТЫ ПРИ ВАЛЕНТЕ ПРИНЯЛИ ХРИСТИАНСТВО[4]

Жившие за Истром варвары, называемые готами, подняв междоусобную войну, разделились на две части, из коих одной предводитель-

самое имя, воздвигнуты императором Констанцием. Каросианские же действительно закончены Валентом и открыты после консульства Грациана в третий раз и Эквиция, когда префектом города Константинополя был Виндатоний Магн, как пишет Идаций в Fasti и автор Chronicum Alexandrinum. Они были так названы в честь Каросии, дочери Валента, как свидетельствует Созомен, и были в седьмом районе города, как показывает «Описание города Константинополя» (Valesius).

[1] О том же прорицании упоминает Аммиан Марцеллин в начале XXXI книги (у него стихи во многом отличаются от сократовых), Кедрен. стр.310—13 и другие. Ср. H. Hendess, Oracula Graeca etc, Halae Sax., 1877, №. 169.

[2] Prigetio, о котором см. Patsch, RE, III, 847.

[3] В 375 г. н. э. См. Schiller, Gesch. d. Röm. Kaiserzeit, II, стр. 388.

[4] Ср. Беликов, Христианство у готов, стр. 56 сл.

ствовал Фритигерн, а другой Атанарих. Когда Атанарих оказался сильнее, Фритигерн обратился к римлянам и призвал их на помощь против своего соперника. Это дошло до сведения императора Валента, и он приказал расположенным во Фракии войскам помочь варварам в *их* походе против варваров. Они одержали над Атанарихом победу за Истром и обратили врагов в бегство. Это послужило поводом к принятию христианства многими варварами. Ибо Фритигерн в знак благодарности за оказанную услугу принял веру императора и склонил к тому же подвластных ему *варваров*. Поэтому-то и доселе большинство готов придерживается арианства, приняв его тогда ради императора. Тогда же и Ульфила, епископ готский, изобрел готскую азбуку и, переведя на готский *язык* священное писание, подготовил варваров к изучению божественных глаголов. Когда же Ульфила научил христианской вере не только подвластных Фритигерну, но и подвластных Атанариху варваров, то Атанарих, считая это искажением религии предков, подверг наказаниям многих принявших христианство, так что державшиеся арианства варвары сделались тогда мучениками. Но Арий, не будучи в состоянии опровергнуть мнения либийца Сабеллия, отпал от истинной веры, признав сына божия новым богом, а варвары, приняв христианство в простоте *души*, презрели земную жизнь ради веры во Христа. Вот что *мы можем сказать о готах*-христианах.

34. КАК ГОТЫ, ПОБЕЖДЕННЫЕ ДРУГИМИ ВАРВАРАМИ, ПЕРЕБЕЖАЛИ В РИМСКУЮ ОБЛАСТЬ И БЫЛИ ПРИНЯТЫ ИМПЕРАТОРОМ, ЧТО ПОСЛУЖИЛО ПРИЧИНОЙ ГИБЕЛИ РИМСКОЙ ДЕРЖАВЫ И САМОГО ИМПЕРАТОРА

Немного спустя, варвары, заключив между собой дружбу, снова подверглись нападению со стороны других соседних варваров, *так* называемых уннов; будучи изгнаны из своей страны, они перебежали на римскую землю, обещая служить императору и исполнять *все* то, что повелит римский император. Это доходит до сведения Валента; ничего не предвидя, он приказывает оказать милость умоляющим, в этом одном выказав себя сострадательным. Он назначает им *для поселения* части Фракии, видя в этом свое величайшее счастье; он полагал, что приобрел готовое и благоустроенное войско против варваров, так как надеялся, что варвары будут более страшными охранителями *границ*, чем римляне, и поэтому впоследствии не заботился об увеличении римского войска. На старых воинов, храбро сражавшихся в войнах, он не обращал внимания, а собранных из провинций по деревням солдат осыпал серебром, приказав требовать от плательщиков по восьмидесяти золотых на каждого солдата, хотя раньше не облегчил им взносов. Это послужило началом тогдашнего, *хотя и* непродолжительного, печального положения Римской державы.

35. КАК ИМПЕРАТОР, ОЗАБОЧЕННЫЙ ВОЙНОЮ С ГОТАМИ, ОТЛОЖИЛ ВОЙНУ ПРОТИВ ХРИСТИАН

Занявшие Фракию варвары, свободно владея Римской землей, не сумели воспользоваться своим счастием, но пошли против своих благодетелей и опустошили всю Фракию. Когда это обстоятельство дошло до сведения Валента, он перестал отправлять в изгнание приверженцев учения об единосущии. Встревоженный *известием*, он тотчас прибыл из Антиохии в Константинополь, и поэтому тамошняя война с христианами прекратилась.

38. КАК ИМПЕРАТОР, ВОЗВРАТИВШИСЬ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ВСТРЕТИВ НЕДОВОЛЬСТВО НАРОДА ИЗ-ЗА ГОТОВ, ВЫСТУПИЛ ИЗ ГОРОДА ПРОТИВ ВАРВАРОВ И, СРАЗИВШИСЬ С НИМИ ПОД АДРИАНОПОЛЕМ В МАКЕДОНИИ, БЫЛ УБИТ ИМИ, ПРОЖИВ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ И ПРОБЫВ НА ПРЕСТОЛЕ ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Император Валент, прибыв в Константинополь тридцатого мая в шестое свое консульство и второе *консульство* Валентиниана Младшего, застал народ в большом унынии. Варвары, прошедшие всю Фракию, опустошали уже предместья Константинополя, между тем как войска, которое могло бы противостать им, вовсе не было. Когда же варвары стали пробовать подступать уже к *самым* стенам, *весь* город пришел от этого в негодование; против императора поднялся ропот, что он *сам* привел *этих* врагов и не выступает против них немедленно, а *нарочно* затягивает войну с варварами. Во время конских ристаний все по уговору подняли крик против императора, что он не заботится о государстве. *Все* громко кричали: «Дай оружие, и мы *сами* пойдем воевать!» Император был разгневан этими криками и одиннадцатого июня выступил в *поход*, пригрозив, что если он возвратится, то накажет жителей Константинополя за нанесенное тогда оскорбление и за то, что они уже раньше сочувствовали тирании Прокопия. Сказав, что он превратит город в пустыню и распашет плугом, он двинулся против варваров, отбросил их далеко от города и гнал до фракийского *города* Адрианополя, лежащего на границе Македонии. Сразившись там с варварами, он погиб девятого августа в то же консульство. Это был четвертый год двести восемьдесят девятой Олимпиады[1]. Одни говорят, что он погиб в огне, бежав в одну деревню, которую сожгли налетевшие варвары; другие передают, что он, переменив царское одеяние, бросился в средину пехотного отряда и затем, так как всадники изменили и не приняли участия в битве, весь этот *отряд* был окружен и перебит в стычке. Тут, говорят, павший *император* остался неузнанным, так как *на нем* не было царского одеяния, которое показало бы, кто он.

КНИГА ПЯТАЯ

10. ...По *воле* божественного провидения, около этого же времени подчинились ему [т. е. императору Феодосию] варварские племена. В числе их изъявил покорность вместе со своими подвластными и готский предводитель Атанарих[2], который, *впрочем*, вскоре окончил свою жизнь в Константинополе...

23. ...Учение их [т. е. псатириан] принял и готский епископ Селена, муж смешанного происхождения: по отцу он был гот, а по матери фригиец, и поэтому свободно учил в церкви на обоих языках. Немного спустя у них произошел раскол вследствие ссоры Марина с Агапием, которого сам он возвел на епископскую кафедру в Эфесе. Они враждовали друг с другом не из-за религиозных убеждений, а вследствие мелочного самолюбия, из-за первенства, причем готы стали на сторону Агапия. Поэтому многие из подчиненных им клириков, возненавидев порожденную тщеславием вражду их, отстали от них и присоединились к вере в единосущность[3].

[1] Это—378 г. н. э.

[2] «Атанарих, король готов, прибыл в Константинополь при консулах Эвхерии и Эвагрии 11 января. В том же месяце 25 января, как написано в Fasti Идация и в Chronicum Марцеллина, Атанарих умер в следующем же году, т. е. 382, при консулах Антонии и Сиагрии. Все племя готов сдалось Феодосию 3 октября, как передает тот же Идаций» (Valesius).

[3] Это относится к 394 г. Ср. Sozz., VII, 17.

25. ...При выступлении Феодосия на войну против Евгения за ним последовали весьма многие из живших за Истром варваров, желая помочь ему против тирана...

КНИГА ШЕСТАЯ

В главе 6 автор рассказывает о тирании гота Гайны, о волнении, которое он вызвал в Константинополе, и о его убийстве.

12. КАК ЭПИФАНИЙ, ПРИБЫВ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ, ИЗ УГОЖДЕНИЯ ТЕОФИЛУ СОВЕРШАЛ СЛУЖЕНИЯ И РУКОПОЛОЖЕНИЯ БЕЗ ПОЗВОЛЕНИЯ ИОАННА

Немного спустя[1] снова прибыл с Кипра в Константинополь епископ Эпифаний под влиянием советов Теофила, привезя с собой предложение об уничтожении сочинений Оригена, в котором он не объявлял самого Оригена лишенным общения, а только осуждал его сочинения. Причалив к месту мучения святого Иоанна, отстоявшему на семь миль от города, и выйдя из корабля, он совершил служение, рукоположил диакона и затем вступил в город. Из угождения Теофилу он уклонился от приглашения Иоанна[2] и остановился в частном доме. Созвав бывших *в городе* епископов, он прочитал предложение об уничтожении сочинений Оригена, причем ничего не мог сказать против них, *кроме того,* что ему и Теофилу казалось необходимым их устранить. Некоторые из уважения к Эпифанию подписали *это предложение,* но многие отказались сделать это, в том числе и скифский епископ Теотим, который ответил Эпифанию так: «Я, Эпифаний, не желаю оскорблять того, кто давно уже почил прекрасной *смертью,* и не смею совершить соблазнительное дело, выбрасывая то, чего не отвергли предки». Прибавив к этому, что в сочинениях Оригена не заключается дурного учения, и принеся оригенову книгу, он прочитал ее и показал принятые церковью мнения, а после этого прибавил: «Подвергшие это порицанию не заметили, что они порицают то, о чем *написаны эти книги*». Так ответил Эпифанию славный благочестием и чистотой жизни Теотим[3].

ЕВДОКИЯ

Элия Евдокия (в язычестве Афинаида), дочь софиста Леонтия и супруга императора Феодосия II (с 421 г.), писала различные стихотворения, от которых сохранились лишь фрагменты. Самое большое из дошедших до нас произведений ее— Λόγοι εἰς μάρτυρα Κυπριανόν, как называет его Фотий (Bibl. cod., 184). Он говорит о *трех* «словах», но до нас дошло только два.

Текст: Eudociae Augustae, Procli Lycii, Claudiani carminum graecorum reliquiae. Accedunt Blemyomachiae fragmenta. Rec. A. Ludwich, Lips., 1897. Ср. A. Ludwich., Eudokia, die Gattin des Kaisers Theodosius II, als Dichterin, RM, т. XXXVII.

Извлечения и перевод **С. А. Селиванова**

---

[1] Это произошло в 402 г.

[2] Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Ср., что об этом рассказывает Созомен, VIII, 14.

[3] [Ср. о Теотиме Soz., VII, 26].

СЛОВА О МУЧЕНИКЕ КИПРИАНЕ

(ΛΟΓΟΙ ΕΙΣ ΜΑΡΤΥΡΑ ΤΟΝ ΚΥΠΡΙΑΝΟΝ)

СЛОВО II, стт. 65—71

(Слова Киприана о себе самом):

...Я вынес из Скифии знание птицегаданий, знамений по звукам, сверх того *научился понимать* извилистые следы животных, вещие голоса могучих *людей*, которые способны провидеть будущее, треск деревянных досок, а также и скал, голоса из могил давно умерших *людей*, скрип дверей, трепещущие переливы людских песен, кровавые опухоли, оскверняющие члены...[1]

ФЕОДОРИТ, ЕПИСКОП КИРСКИЙ

Родился около 390 г. в Антиохии; был учеником Иоанна Златоуста и Феодора Мопсуестийского; в 423 г. сделался епископом сирийского городка Кира и известен своей борьбой против Кирилла Александрийского и против монофизитов. Умер в 457 г., оставив много сочинений апологетического, догматико-полемического, эксегетического и исторического содержания, а также проповеди и письма. Особенно следует отметить апологетический труд его под заглавием Ἑλληνικῶν παθημάτων θεραπευτική (написан около 427 г.) и «Церковную историю» в 5 книгах, написанную около 449 г. и содержащую в себе изложение событий с 323 по 428 г., а также написанное около 444 г. изложение подвигов известнейших восточных аскетов.

Текст: Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca, тт. LXXX—LXXXIV, 1859—60 [Новое издание: Raeder, русский перевод Московской Духовной Академии, тт. I—V, Москва, 1855—1857].

ТОЛКОВАНИЕ ИЗБРАННЫХ МЕСТ ПРОРОКА ИСАИИ

(ΕΙΣ ΤΟΝ ΗΣΑΙΑΝ ΠΡΟΦΗΤΗΝ ΕΡΜΗΝΕΙΑ ΚΑΤ'ΕΚΛΟΓΗΝ)

(Migne, LXXX)

XIII (ст. 325). При объяснении слов пророка Κύριος καὶ ὁπλομάχοι αὐτοῦ упоминается Дарий, сын Гистаспа, который покорил скифов-кочевников.

XIV, 13 (ст. 336) ...Говорят, что к северу от ассирийцев и мидян есть высокая гора, отделяющая от них скифские племена и самая высокая из всех гор вселенной...

LXVI, 19 (ст. 493) ...Господь сказал святым апостолам: «Пойдите, научите все народы». При них исполнилось [*дословно*: получило предел] предлежащее пророчество, ибо они принесли божественную проповедь всем народам. Тарсисом[2] *пророк* называет Карфаген, столицу Ливии; Фудом—весь народ ликийский, Лудом—лидийцев, Мосохом—каппадокийцев и Тобелом—иберов...

---

[1] Существует «Исповедь Киприана мученика и епископа», где между прочим излагаются те же вещи, которых касается и Евдокия; по этой причине ученые при исправлении чтений нередко могут найти поддержку в тексте этой «Исповеди». Об исповеди см. издание Ludwich'a, стр. 21, сл.: «и звук от треска всякого дерева и камня, и голос мертвых в гробах, и скрип дверей я познал, и переливы песен и стремление крови в телах в ее движении и т. д.» (Conf., 2). Следующие стихи Евдокии совершенно испорчены.

[2] [Библейский Тарсис (Таршиш) связывается в современной науке с Тартессом на юге Испании, куда вслед за финикийцами плавали в VII в. до н. э. также и фокейцы. См. A. Schulten, Tartessos, 1922, а также ВДИ, 1941, № 1, стр. 8 сл. Мосоха следует идентифицировать с мосхами (Hec., fr. 188), а Тобела (Тубала)—с тибаренами (Hec., fr. 193) на юго-западном Кавказе].

ТОЛКОВАНИЕ ПРОРОЧЕСТВА БОЖЕСТВЕННОГО ИЕЗЕКИИЛЯ

(ΕΡΜΗΝΕΙΑ ΤΗΣ ΠΡΟΦΗΤΕΙΑΣ ΤΟΥ ΘΕΙΟΥ ΙΕΖΕΚΙΗΛ)

XXXVII, 10—12 (ст. 1204) ...И пусть никто не считает *это* пророчество невероятным, принимая во внимание расстояние между скифскими народами и Иудеей. Пусть вспомнят, что и в наши времена этот народ[1] захватил весь Восток и удалился, поработив огромное количество *людей*. Фригийцы же, галаты, иберы, персы и эфиопы, по словам *пророка*, участвовали в походе не в качестве подвластных ему [т. е. скифскому народу], но присоединились к нему по разным причинам: одни перебежали к *нему* и шли в поход добровольно, а другие были взяты в плен и принуждены участвовать в войне...

ОБЪЯСНЕНИЕ К ВИДЕНИЯМ ПРОРОКА ДАНИИЛА

(ΥΠΟΜΝΗΜΑ ΕΙΣ ΤΑΣ ΟΡΑΣΕΙΣ ΤΟΥ ΠΡΟΦΗΤΟΥ ΔΑΝΙΗΛ)

VII, 5 (ст. 1416) ...Дарий, сын Гистаспа, победил скифов-кочевников, которые получили в удел для поселения северную часть вселенной...

VIII, 3 (ст. 1440). Дарий и скифов-номадов поставил в числе своих подданных.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПРОРОКА ИОИЛЯ

(ΕΡΜΗΝΕΙΑ ΕΙΣ ΤΟΝ ΠΡΟΦΗΤΗΝ ΙΩΗΛ)

Содержание (ст. 1638) ...*Пророк* предсказывает и события после возвращения *из вавилонского плена, именно* всенародное нашествие Гога (это народ скифский) на Иерусалим и причиненную ему богом конечную гибель..

ТОЛКОВАНИЕ НА ПРОРОКА АМОСА

(ΕΡΜΗΝΕΙΑ ΕΙΣ ΤΟΝ ΠΡΟΦΗΤΗΝ ΑΜΩΣ)

VII, 1—3 (ст. 1697) ...Выражение «один Гог царь» показывает величину войска: *пророк* говорит, что, как Гог, царь скифских народов, соберет огромнейшее количество воинов против Иерусалима, так и ассирийцы и вавилоняне придут с большим войском...

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

(ΕΚΚΛΗΣΙΑΣΤΙΚΗ ΙΣΤΟΡΙΑ)

КНИГА ПЕРВАЯ

23. О РУКОВОДСТВЕ ИБЕРОВ К БЛАГОЧЕСТИЮ[2]

Итак, Фрументий был для индийцев вождем к богопознанию. В то же самое время *некая* пленница привела иберов к истине. Она пребывала в постоянной молитве; вместо ложа и мягкой постели ей служил разостланный на полу мешок, а величайшей роскошью она считала пост. Это

---

[1] [Имеются в виду скифы, упоминаемые Иезекиилем под именем Гога и Магога проникшие во второй половине VII в. до н. э. в Сирию].

[2] Ср. Socr., I, 20; Soz., II, 7.

подвижничество уделило ей апостольскую благодать. Варвары, незнакомые с врачебной наукой, в случае болезни обыкновенно ходили друг к другу и узнавали способ *восстановления* здоровья от болевших уже *той же болезнью* и выздоровевших; *и вот* одна женщина пришла к *этой* достохвальной пленнице с больным ребенком и просила научить ее, что следует *с ним* делать. *Пленница*, взяв дитя и положив на ложе, помолилась творцу всего, чтобы он благосклонно разрешил болезнь. Он, услышав молитву, возвратил *больному* здоровье. Благодаря этому дивная жена сделалась всем известной; даже от супруги царя не укрылось *это* событие. *Последняя* тотчас пригласила ее *к себе*, так как и сама была одержима некоей тяжкой болезнью. Пленница по своей скромности отклонила приглашение царицы; но последняя, принуждаемая необходимостью, невзирая на свое царское достоинство, сама поспешно прибыла к пленнице. Эта, положив и ее на *свою* скромную постель, применила к болезни спасительное врачевание—молитву. Царица принесла ей награду за исцеление, какую считала достойной приобретения, *именно* золото, серебро, хитоны, плащи и прочие дары царской щедрости; но божественная жена сказала, что в этом она не нуждается, а считает великой наградой познание благочестия; она присоединила, какое могла наставление в вере и увещевала *царицу* воздвигнуть божественный храм спасшему *ее* Христу. Услышав это, царица возвратилась во дворец и поразила супруга быстротой исцеления; затем она показала всемогущество бога пленницы и просила его одного признавать богом, воздвигнуть ему храм и привести весь народ к его почитанию. Царь восхвалил совершившееся с *его* супругой чудо, но не пожелал построить храм. Немного времени спустя он вышел на охоту, и человеколюбец господь изловил его подобно Павлу. Именно, внезапно разлившийся туман не позволил ему итти вперед. *Прочие* охотники пользовались обычным светом, только он один был охвачен и связан узами невидения. Находясь в затруднении, он нашел путь к спасению: тотчас вспомнив о *своем* непослушании и, призвав на помощь бога пленницы, он освободился от тумана и, придя к той дивной пленнице, просил ее показать *ему* вид постройки. Тот, кто исполнил Беселеела строительной мудрости, удостоил и эту *женщину* благодати описать божественный храм. Она описывала, а *рабочие* копали и строили. Когда постройка была окончена, крыша наложена и недоставало только священников, дивная жена нашла исход и для этого: она убедила вождя *этого* племени отправить посольство к римскому императору и попросить прислать им учителя благочестия. Царь, приняв этот совет, отправил послов. Узнав о причине просьбы, император—а это был Константин, горячий любитель благочестия,—удостоил послов величайшей благосклонности и в *качестве* проповедника богопознания послал *этому* народу мужа, украшенного верой, разумом и чистотой жизни и удостоенного архиерейства, *вместе* с огромным количеством даров. С такой готовностью исполнил он желание просителей...

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

11 ...Когда готы перешли через Истр и стали опустошать Фракию, [Валент] решился собрать войско и выступить против них...[1].

Ср. 14, где говорится, что Евсевий, епископ Самосатский, жил около Истра в то время, когда готы опустошали Фракию и осаждали города, как указывают сочинения его самого.

[1] [В 376 н. э.].

28. О ПИСЬМЕ ВАЛЕНТА К ВЕЛИКОМУ ВАЛЕНТИНИАНУ КАСАТЕЛЬНО ВОЙНЫ И ОБ ЕГО ОТВЕТЕ

[Человеколюбивый господь], подвигнув на войну народ готский, привлек к Боспору [Валента], выучившегося воевать только с благочестивыми. Тогда, познав свою слабость, *этот* жалкий послал к брату просить войска. Но тот ответил *письмом*, что не приличествует помогать мужу, воюющему с богом, а, *напротив*, справедливо прекратить его дерзость. Это исполнило труса еще большей печалью, но он не прекратил бороться против истины.

31. ...И Бретанион[1], украшенный всяческими доблестями и архиерейски правивший городами всей Скифии, возжег свой ум ревностию, изобличил нарушение догматов и беззакония Валента против святых и с божественнейшим Давидом восклицал: «Я говорил во свидетельствах твоих перед царями и не стыдился»[2].

32. О ПОХОДЕ ВАЛЕНТА ПРОТИВ ГОТОВ И О ТОМ, КАК ОН БЫЛ НАКАЗАН ЗА НЕЧЕСТИЕ

Валент, пренебрегши этими прекрасными советниками, послал вперед выстроенное для битвы войско, а сам ожидал победы, сидя в каком-то селении. Но *его* солдаты, не выдержав натиска варваров, обратились в бегство и подверглись избиению преследующими, причем они быстро бежали, а *враги* упорно преследовали. Захватив то селение, в котором пытался укрыться Валент, узнавший о поражении, они подложили огонь и вместе с селением сожгли и противника благочестия. Таким образом он и в настоящей жизни понес наказание за свои прегрешения[3].

33. ОТКУДА ГОТЫ ПРИНЯЛИ АРИАНСКУЮ ЕРЕСЬ

Я считаю полезным объяснить незнающим, как варвары приняли арианскую язву.

Когда они, перейдя через Истр, заключили мир с Валентом, то присутствовавший *при этом* ненавистный Эвдоксий[4] внушил императору, чтобы он убедил готов иметь с ним *религиозное* общение. Ибо прежде они, приняв лучи богопознания, воспитывались в апостольском учении. «Единомыслие *в вере*, сказал *Эвдоксий*, сделает мир более прочным». Похвалив это мнение, Валент предложил предводителям готов согласие в догматах; но они сказали, что не могут отказаться от учения отцов. В это время у них был епископом Ульфила, которому они беспрекословно повиновались и слова его считали незыблемыми законами. Эвдоксий, прельстив его словами и подкупив дарами, уговорил убедить варваров принять *религиозное* общение с императором. Он убедил его тем, что распря, будто бы, возникла из-за честолюбия, а в догматах нет никакой разницы. Вследствие этого готы и поныне утверждают, что отец больше сына, но не признают сына созданием, хотя и сообщаются с говорящими *это*. Но все-таки они не вполне покинули учение *своих* отцов, так как Ульфила, убеждая их иметь общение с Эвдоксием и Валентом, сказал, что в догматах нет разницы, но *только* суетная распря произвела *этот* раскол.

---

[1] [Также Бреттанион—епископ Том в 60—70 гг. IV в. н. э.; ср. Soz., VI, 21].
[2] Psal., CXVIII, 46.
[3] [В 378 г. н. э.; ср. Soz., VI, 40].
[4] Архиепископ Константинопольский с 360 г., преемник Македония.

КНИГА ПЯТАЯ

4. extr. Грациан, узнав об опустошении Фракии сжегшими Валента варварами, покинул Италию и прибыл в Паннонию.

5. О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ФЕОДОСИЯ

В это время Феодосий пользовался большой известностью как по славе предков, так и по собственной храбрости и, благодаря этому преследуемый завистью товарищей по службе и соплеменников, пребывал в Испании, где он родился и получил воспитание. Император, находясь в затруднении, так как возгордившиеся победой варвары были и казались неодолимыми, признал разрешением *этих* бедствий назначение Феодосия военачальником. Тотчас вызвав его из Испании и назначив полководцем, он выслал его с собранным войском. Последний, подкрепляемый верой, смело выступил в *поход* и, вступив во Фракию и увидев идущих навстречу варваров, построил войско к битве. В происшедшей стычке варвары, не выдержав натиска, расстроили ряды; повернув назад, они ударились бежать, а *наши* упорно преследовали их. Произошло большое избиение варваров, так как они были избиваемы не только римлянами, но и своими. Таким образом огромное большинство *их* было истреблено и *лишь* немногим удалось скрыться и переправиться за Истр; тотчас доблестный вождь, распределив свое войско по ближайшим городам, сам поспешно прибыл к императору Грациану и оказался вестником своих трофеев...

30. О ЦЕРКВИ ГОТСКОЙ

Видя, что и скифский народ пойман в арианские сети, он [т. е. Иоанн Златоуст] и сам принял меры против этого и нашел способы ловли. Назначая к ним владевших *их* языком пресвитеров, диаконов и чтецов священного писания, он отделил им одну церковь и этим уловил многих заблудших. Он сам очень часто отправлялся туда и вел беседы, употребляя в качестве переводчика одного *человека*, знавшего оба языка, и советовал умеющим говорить делать то же *самое*. Он постоянно делал это в городе и уловлял многих обманутых, объясняя им истину апостольской проповеди.

31. О ЗАБОТЛИВОСТИ ЕГО О СКИФАХ...

Узнав, что некоторые из кочевников, имеющих становища по Истру, жаждут спасения, но не имеют *того*, кто бы поднес им питье, он (т. е. Иоанн) отыскал мужей, соревнующих апостольскому трудолюбию, и поставил их над ними. Я читал и послание, написанное им к анкирскому епископу Леонтию, в котором он сообщил ему об обращении скифов и просил послать мужей, способных руководить ими...

34. [О кончине Иоанна Златоуста]... Враги *Иоанна*, составив второй собор, не потребовали суда над ним, но, убедив императора в законности и справедливости приговора, не только изгнали его из Константинополя, но и сослали в маленький и запустелый городок Армении, по имени Кукус[1], а *затем* вывезли и оттуда и переселили в Питиунт; это крайний предел Понта и римской власти, соседний с самыми дикими варварами. Но человеколюбивый господь не допустил, чтобы добропобедный подвижник

[1] [Также Кокус, город в Каппадокии, на дороге из Мелитены в Команy, отождествляется с современным селением Гексюн. При Юстиниане был причислен к Armenia tertia (Hierocl., 703, 10). Иоанн Златоуст прибыл в Кукус в 404 г.].

был отвезен на этот островок, и по прибытии *его* в Команы переселил его в вечную и беспечальную жизнь...[1]

...И по кончине великого вселенского учителя западные епископы не вступали в общение с *епископами* Египта, Востока, Боспора и Фракии, пока последние не включили имя *этого* божественного мужа в *число* почивших епископов...

36. Когда Роил[2], предводитель кочевых скифов, перейдя через Истр с огромнейшими полчищами, грабил и опустошал Фракию и грозил осадить, немедленно взять и разрушить царственный город, бог ударил с неба молниями и громовыми стрелами, сжег самого *Роила* и уничтожил все *его* войско...

ИСТОРИЯ БОГОЛЮБЦЕВ ИЛИ АСКЕТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

(ΦΙΛΟΘΕΟΥ ΙΣΤΟΡΙΑ Η ΑΣΚΗΤΙΚΗ ΠΟΛΙΤΕΙΑ)

8. АФРААТ

(M., LXXXII, 1372) ...Скифы и другие варвары безнаказанно грабили всю Фракию от Истра до Пропонтиды, а он[3] даже слуха о них не мог выносить, как говорится, настороженными ушами, но употреблял оружие против *своих* единоплеменников и подданных, славившихся благочестием...

26. СИМЕОН [СТОЛПНИК]

(M., LXXXII, 1464). Знаменитого Симеона, великое чудо вселенной, знают все подвластные Римской державе; его узнали и персы, и мидяне, и эфиопы, слава *о нем* проникла и к кочевым скифам и возвестила об его трудолюбии и любомудрии...

...(p. 1472). [К Симеону] стекаются не только жители нашей *части* вселенной, но и измаильтяне, и персы, и подвластные им арменийцы, и иберы, и гомериты[4], и жители лежащих за ними *стран*...

(p. 1476) ...Как бы поставленный на некоем подсвечнике, этот блестящий светильник, подобно солнцу, повсюду рассыпал *свои* лучи: можно видеть, как я сказал, и иберов, и арменийцев, и персов, приходящими к *нему* и удостоивающимися божественного крещения...

ВРАЧЕВАНИЕ ЭЛЛИНСКИХ СТРАСТЕЙ ИЛИ ПОЗНАНИЕ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ИСТИНЫ ИЗ ЭЛЛИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

(ΕΛΛΗΝΙΚΩΝ ΘΕΡΑΠΕΥΤΙΚΗ ΠΑΘΗΜΑΤΩΝ ΗΤΟΙ ΕΥΑΓΓΕΛΙΚΗΣ ΑΛΗΘΕΙΑΣ ΕΞ ΕΛΛΗΝΙΚΗΣ ΦΙΛΟΣΟΦΙΑΣ ΕΠΙΓΝΩΣΙΣ)

РЕЧЬ I О ВЕРЕ

(M., LXXXIII, 792)...И пользующиеся плодами всякого ремесла не обращают внимания на язык ремесленников: не требуют, например, чтобы происходили из Аттики кожевники или медники, или плотники, или живописцы,

---

[1] [В 407 г.].

[2] [Также Руас (Jorn., Get., 35, 180) и Ругас (Socr., VII, 43), дядя Бледы и Аттилы, царь гуннов в 40 гг. IV в.].

[3] Т. е. император.

[4] [Народ гомериты (химьяриты) обитал в южной Аравии; впрочем, в данном случае это этническое обозначение, возможно, должно быть отнесено к Кавказу в широком смысле, ибо Гомер в библии—это киммерийцы, локализировавшиеся в Каппадокии и на Кавказе; ср. Gen., X, 1 (ВДИ, 1947, № 1, стр. 265)].

или кораблестроители, или кормчие; будут ли они скифы, или савроматы, [или иберы], или египтяне, *заказчики* с удовольствием пользуются их ремёслами, требуя только аккуратности в них, а на различие племен нисколько не сердятся...

(ст. 797) ...Если же вы говорите, что эти мужи[1] и родились и воспитаны были вне Эллады, но пользовались греческим языком, то, во-первых, вы соглашаетесь, что и из других народов происходили мудрые мужи: ведь вы удивляетесь и Замолксису фракийцу и Анахарсису скифу за их мудрость...

РЕЧЬ II О НАЧАЛЕ

(ст. 842) ...Орфей, первый из поэтов, одним поколением старше троянских *событий*: ибо он вместе с Язоном, Пелеем, Теламоном, Гераклом и Диоскурами совершил плавание в Колхиду; а сыном Язона был Эвней, посылавший под Трою вино ахейцам...

РЕЧЬ V О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА

(ст. 944) ...Дабы никто не думал, что иначе произошли эллины, иначе римляне, особо египтяне, а персы, массагеты, скифы и савроматы получили в удел особую сущность, описавший наше мироздание объяснил, что творец, создав одного мужчину из земли и сотворив женщину из ребра его, от *брачного* их союза наполнил людьми всю вселенную...

(ст. 945) ...Различие языков также не вредит природе: ибо как среди эллинов, так и среди варваров можно видеть и последователей добродетели и рабов порока. Эту мысль подтверждают и эллины: они удивляются Анахарсису, *родом* скифу, а не афинянину, не аргосцу и даже не коринфянину, не тегеату или спартиату, и преклоняются пред брахманами, *родом* индийцами, а не дорийцами, эолийцами или ионийцами; они хвалят и египтян, как мудрейших *людей*, потому что и у них переняли много знаний. Итак, различие языков не служит во вред природе: ведь и гиппемолгов Гомер[2] назвал справедливейшими; а это—народ фракийский...

(*Там же*) ...*Что же касается до* семи мудрецов, живших после пророков, и их преемников, *то* даже говорящие на греческом языке не знают их имен. Что мне говорить о наших современниках? даже у древних было сомнение относительно их: одни причисляют к ним Периандра Коринфского, другие—Эпименида Критского, иные—Акусилая Аргосского, иные—скифа Анахарсиса, иные—Ферекида Сирского, а Платон—Мисона Хенейского.

(ст. 948) ...Мы можем наглядно показать силу апостольских и пророческих учений; ибо вся подсолнечная полна этих речей. И еврейский язык переведен не только на греческий, но и на римский, египетский, персидский, индийский, арменский, скифский и савроматский, или, коротко говоря, на все языки, на которых продолжают говорить все народы...

РЕЧЬ VIII О ПОЧИТАНИИ МУЧЕНИКОВ

(ст. 1009) ... Особенно все восхищаются и изумляются тем, что [апостолы] и после смерти совершают то, что обычно творили при жизни,

---

[1] Которые были названы выше.

[2] Hom., Il., XIII, 5. [Гиппемолгов Гомера считали скифами Страбон (VII, 3, 2) и комментатор Гомера Евстафий].

или, лучше *сказать*, совершаемое ими после отшествия отсюда гораздо важнее и славнее. Ибо, пока они имели тела, они ходили то к одним, то к другим, и раз беседовали с римлянами, а другой раз—с испанцами или кельтами; но когда они отошли к тому, которым были ниспосланы, то все люди постоянно пользуются их помощью, не только римляне или те *народы*, которые выносят их иго и управляются ими, но и персы, и скифы, и массагеты, и савроматы, и индийцы, и эфиопы и, вообще говоря, все пределы вселенной.

РЕЧЬ IX О ЗАКОНАХ

(ст. 1037) ...Многие, даже приняв узду рабства, не могут жить по законам своих поработителей. Ведь ни пограничные с египетскими Фивами эфиопы, ни многочисленные племена измаильские, ни лазы, ни санны, ни абасги, ни прочие варвары, подчинившиеся господству римлян, не заключают друг с другом договоров по римским законам. А наши рыбари, мытари и кожевники принесли всем людям евангельские законы и убедили принять законы распятого не только римлян и подвластные им народы, но и племена скифские и савроматские, и индийцев, и эфиопов, и персов, и серов, и гирканцев, и бактрийцев, и британцев, и киммерийцев, и германцев, и вообще всякое племя и род человеческий...

...К персам, скифам и прочим варварским народам законы перешли после их [т. е. апостолов] кончины и, несмотря на противодействие всех не только варваров, но и самих римлян, продолжали сохранять одинаковую силу; и римляне, принимая всевозможные меры для того, чтобы истребить память рыбарей и кожевника, сделали ее более блестящей и славной...

(ст. 1041) ...Траян и Адриан сильно боролись против этих законов; но Траян уничтожил Персидскую державу, подчинил армениев узде римлян, принудил и скифские племена склониться пред *своим* скипетром, а уничтожить законодательство рыбарей и кожевника не имел силы...

(ст. 1045) ...И массагеты, прежде считавшие весьма несчастными умерших как-нибудь иначе, нежели от зарезания, и поэтому установившие закон приносить старцев в жертву и угощаться их мясом[1], получили отвращение к этой гнусной пище и резне, когда услышали рыбацкие и кожевнические законы. И тибарены, имевшие обычай сталкивать стариков с высочайших утесов[2], уничтожили этот безобразный закон, приняв законы евангельские. Уже ни гирканцы с каспийцами не откармливают псов телами умерших[3], ни скифы не зарывают живьем вместе с умершими[4] любимых ими лиц. Такую перемену обычаев произвели законы рыбарей.

РЕЧЬ XII О ДЕЯТЕЛЬНОЙ ДОБЛЕСТИ

(ст. 1136). ...Неправедную жизнь презирали не только Сократ, Платон, Аристид, сын Лисимаха, и некоторые другие эллины, но и многие из варваров. Так, Гелланик в «Истории» говорит, что гипербореи живут выше Рипейских гор и что они упражняются в праведности, не употребляя в пищу мяса, но питаясь древесными плодами...[5] Говорят также, что

[1] [Ср. Her., I, 216].
[2] [Подобный обычай, но не только по отношению к старикам, засвидетельствован у Xen., Anab., IV, 7, 13, для таохов].
[3] [Ср. Strabo, XI, 11, 3].
[4] [Ср. Her., IV, 71].
[5] [Hellan., fr. 96; ср. Clem. Alex., Strom., I, p. 305 *c*; ВДИ, 1947, № 1, стр. 316].

скиф Анахарсис был философом. Его до такой степени жгла любовь к философии, что он стал весьма известным и у всех прославленным. Он не только бодрствуя боролся с душевными страстями, но и во время сна показывал признаки воздержности: он обыкновенно левой рукой сдерживал срамные *органы*, а правою сжимал губы, показывая этим, что борьба с языком гораздо больше и требует большего усилия для безопасности[1]. Гермипп Беритский говорит, что и кентавр Хирон был учителем праведности, а Гомер назвал его праведнейшим из кентавров. Однако не следует особенно удивляться ни Гесиоду, называющему дорогу к добродетели каменистой, крутой и неприступной, ни Симониду, [сказавшему, что добродетель живет на неприступных скалах]. Ведь то, что Гомер приписал Хирону и гиппемолгам и что скиф Анахарсис представил на деле,— это на словах советовали прославляемые поэты...

ПИСЬМА

(ΕΠΙΣΤΟΛΑΙ)

В письме CXLVII, написанном к Иоанну, епископу Германии, упоминаются гамаксобии в качестве сравнения: «Что я понял, что действенная добродетель назначена от спасителя гамаксобиям более чем им, об этом вопиют сами дела».

Phot., Bibl. cod. 273 (II, 507 сл. Bekk.-Migne, LXXXIV, 47 сл.). Прочитано из речей блаженного Феодорита, которые он составил к святому Иоанну Златоусту...[2]

(p. 508, c. 2) ...Ты имеешь и другое сходство с апостолами: ты первый водрузил жертвенники у скифов, живущих в кибитках; и варвар, только что соскочивший с коней, научился склонять колена и простираться на земле; не трогаемый слезами пленников научился плакать о грехах[3].

ОЛИМПИОДОР

Уроженец египетских Фив, жил в первой половине V в. Он написал и посвятил Феодосию Младшему 22 книги истории, обнимавшие время с 407 по 425 г. Отрывки из них сохранены Фотием (Bibl. cod. 80).

Текст: HGM, ed. L. Dindorfius, т. I, 1870, стр. 450—472.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

(ΙΣΤΟΡΙΚΟΙ ΛΟΓΟΙ)

Фр. 27. Историк говорит, что он слышал от некоего Валерия, *принадлежавшего* к знати, *известие о* серебряных кумирах, посвященных *богам* для отвращения *нашествия* варваров. Во дни царя Констанция[4], говорит он, когда Валерий управлял Фракией, получено донесение, что найден клад. Валерий, придя на *указанное* место, узнал от тамошних жителей, что это место священно и что в нем посвящены кумиры по старинному обряду. Он донес об этом царю и получил письменный приказ

[1] [Этот анекдот восходит к Ферекиду Лерийскому (Theog., фр. 113), где он изложен несколько иначе (ВДИ, 1947, № 1, стр. 316)].

[2] Из этих речей сохранились только извлечения Фотия.

[3] О Феодорите см. Н. Глубоковский, Блаженный Феодорит, епископ Кирский, его жизнь и литературная деятельность, 2 тома, М., 1890.

[4] 353—361 гг. н. э.

взять объявленное. Итак, когда *это* место было раскопано, найдены три кумира, сделанные из цельного серебра; они лежали по варварскому обычаю, подбоченившись обеими руками, одеты были в пеструю варварскую одежду, головы имели косматые и обращены были к северу, т. е. к стране варварской. Недолго спустя после взятия этих кумиров, *всего лишь* через несколько дней, готское племя первое совершает набег на всю Фракию, а немного позднее и унны и сарматы намеревались напасть на Иллирию и на самую Фракию; ибо посвященные *кумиры* лежали между Фракией и Иллириком; повидимому, число кумиров—три—служило заклятием против всякого варварского народа.

ГЕРМИЙ СОЗОМЕН

Гермий Созомен, по прозванию Σαλαμίνιος, откуда ошибочно заключают об его происхождении из города Саламина на Кипре, тогда как в действительности он происходил из Палестины, младший современник [церковного историка] Сократа и, подобно ему, адвокат в Константинополе, около 444 г. написал Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία в 9 книгах, обнимающую время с 324 по 423 г. В трудах Сократа и Созомена так много общего, что давно уже возник вопрос об их взаимной зависимости. B a r d e n h e w e r, Patrologie, Freib., 1894, стр. 362, говорит об этом следующее: «Целый ряд параллельных рассказов у Сократа и Созомена заставляют заключить о зависимости одного от другого. Этот вопрос теперь разрешается так, что Созомен списал у Сократа в очень многих местах, но нередко сам смотрел источники, которыми пользовался Сократ, и на их основе расширял данные своего предшественника» [Ср. B a t i f f o l, Sozomène et Sabinos, BZ., VII, 265—285]. Ср. А. Л е б е д е в, Греческие церковные историки.

Т е к с т: M i g n e, Patrologia Graeca, LXVII, 843—1630.

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

(ΕΚΚΛΗΣΙΑΣΤΙΚΗ ΙΣΤΟΡΙΑ)

КНИГА ПЕРВАЯ

6. ...После того, как был убит Максенций, сын Геркулия[1], и его часть *империи* перешла к Константину, свободно исповедывали *христианскую веру* все жившие по рекам Тибру, Эридану, который туземцы называют Падом[2], и Аквилу, в который, по преданию, был перетащен *корабль* Арго и *затем* спущен в Тирренское море[3]. Ибо аргонавты, бежавшие от Ээта, на возвратном пути совершили не то же плавание, но, переправившись через *лежащее* выше Скифии море, через тамошние реки прибыли в пределы Италии и, зазимовав здесь, построили город, по имени Гемон[4]. С наступлением лета они при помощи туземцев протащили Арго по земле

---

[1] 28 октября 312 г. [Herculius—почетный эпитет отца Максенция, императора Максимиана].

[2] [Т. е. по реке По].

[3] [Эта версия о возвратном пути аргонавтов по Истру, основанная на смутных данных о перевалочном судоходстве по реке Саве, восходит, вероятно, к Тимею; она развита у Каллимаха и Аполлония Родосского, а географически конкретизирована у S t r a b o, I, 2, 39; P l i n., III, 129; P o m p. M e l a, II, 57. Река Аквила (Ἀκυλίς) отождествляется с рекой Фригидом римских итинерариев (современная река Bunnax между Эмоной (на Саве) и Аквилеей (на берегу Адриатического моря), по которой она и названа. См. об этом E. P a i s, I dui Istri e il monte Appennino delle Alpi Carniche secondo Strabone, «Studi Storici», т. I, в. III, стр. 314 сл.].

[4] [Т. е. Эмону].

посредством машин около 400 стадиев и спустили на реку Аквил, впадающую в Эридан; а Эридан изливается в Италийское море[2]. После битвы при Кибалах[3] подчинились Константину дарданцы, македоняне, все прибрежные жители Истра, *так* называемая Эллада и весь народ иллирийский.

8. ...При цветущем состоянии империи Константина распространялась и *христианская* религия. И после войны с Лициниєм он так был счастлив в битвах с иноплеменниками, что победил и савроматов и *так* называемых готов и, наконец, в виде благодеяния заключил с ними мир. Этот народ жил тогда за рекой Истром; будучи весьма воинственным, отличаясь многолюдством и высоким ростом, постоянно занимаясь военными упражнениями, этот народ одолевал прочих варваров и только в римлянах имел *достойных* противников...

КНИГА ВТОРАЯ

6. ПО КАКОМУ СЛУЧАЮ ПРИ КОНСТАНТИНЕ ИМЯ ХРИСТА РАСПРОСТРАНИЛОСЬ ПО ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ

Когда таким образом церковь увеличивалась по всей Римской империи, *христианская* религия проникла даже и к варварам. Уже исповедывали христианскую веру племена, *живущие* по Рейну, кельты и крайние галаты, живущие по побережью океана, а также готы и *племена*, жившие раньше по соседству с ними по берегам реки Истра, давно уже приняв веру во Христа, изменили *свои обычаи* на более кроткие и разумные...

7. КАК ИБЕРЫ ПРИНЯЛИ ВЕРУ ВО ХРИСТА[4]

В вышеупомянутое царствование, говорят, познали Христа иберы. Это народ варварский, значительный и весьма воинственный; живет он за Арменией к северу. Побудила их отвергнуть веру предков пленная женщина-христианка; отличаясь силой веры и благочестием, она даже среди иноплеменников не изменила обычного образа жизни; она очень любила поститься и *как* ночью, *так* и днем молиться и славить бога. Варвары спрашивали *ее*, чего ради она выносит это. Когда же она просто говорила, что так надлежит чтить сына божия, им казались странными и имя чтимого и способ его почитания. Случилось тут сильно заболеть *одному* ребенку; мать обносила его по всем домам и показывала. У иберов в обычае делать это для того, чтобы, если найдется какой-либо врач *данной* болезни, то лечение ее было удобно для страждущих. Когда же младенец, нигде не вылеченный, был принесен и к пленнице, она сказала: «я не имею знания или опыта ни в намазываемых (χρηστῶν), ни

---

[1] [Любопытная деталь, основанная, несомненно, на римской военной практике перетаскивания на машинах (катках) гребных судов через волоки].

[2] [Рассказ полон географических неточностей и смешений; река Аквила впадает не в Эридан, а в Адриатическое море: представление об Эридане-По путается с представлением об Эридане-Родане (Роне), вследствие чего и становится возможным появление аргонавтов в Тирренском, или Италийском, море].

[3] «Автор имеет в виду ту битву, в которой был побежден Лициний при консулах Волусиане во второй раз и Апниане, как сказано в Fasti Д а ц и я в 314 г. н. э. После этой победы, когда был заключен мир между Константином и Лициниєм, Константин получил под свою власть весь Иллирик, как, кроме Созомена, пишет Зосим во второй книге» (Valesius).

[4] Ср. S o c r., I, 20.

в прикладываемых (ἐπιπλάστων)[1] лекарствах; но я верю, о женщина, что Христос, которого я чту, истинный и великий бог, будет спасителем твоего младенца». И тотчас, помолившись над ним, она исцелила его от болезни, хотя уже ждали, что он тотчас умрет. Немного спустя она таким же образом исцелила и супругу правителя *этого* народа, умиравшую от неизлечимой болезни, и передала ей познание Христа, называя его подателем здравия и господом жизни, царства и всего *прочего*. Царица, по опыту случившегося с нею, уверовав в истину слов пленницы, приняла христианскую веру и относилась к пленнице с большим почтением. Царь, изумленный быстротой и неожиданностью веры и исцеления, узнал от супруги причину *его* и приказал наградить пленницу дарами. «До этих *даров*, сказала царица, ей мало дела, хотя бы они считались и очень ценными; она ценит только служение ее богу. Итак, если мы пожелаем угодить ей и постараемся поступить уверенно и прекрасно, то почтим и мы этого всемогущего бога и спасителя, по воле своей оставляющего и царей в обладании их царствами и, с другой стороны, легко могущего великих соделать малыми, бесславных славными и спасать впавших в бедствия». Хотя жена часто и, как казалось, справедливо говорила это, правитель Иберии колебался и не решался послушаться *ее*, думая о необычности дела и уважая религию предков. Вскоре после этого он со своей свитой отправился в лес на охоту. Вдруг густейший туман разлился вокруг них и отовсюду закрыл небо и солнце; глубокая ночь и сильный мрак воцарились в лесу. *Люди* отстали друг от друга, так как каждый боялся за себя. Царь, бродя в одиночестве, как часто случается с людьми, не знающими что делать в беде, подумал о Христе и решил в своем уме признать его богом и чтить на будущее время, если избежит настоящей опасности. Пока он еще думал об этом, вдруг рассеялся туман, воздух сделался безоблачным, *солнечные* лучи проникли в лес, и *царь* вышел из него невредимым. Сообщив о случившемся жене, он пригласил пленницу и попросил научить, каким образом надлежит почитать Христа. Когда она объяснила, насколько можно было рассказать и сделать женщине, царь, собрав своих подданных, объявил во всеуслышание об оказанных ему и жене божеских благодеяниях и, еще не будучи посвящен *в таинства веры*, сообщил подданным догматы *новой религии*; они убеждают всенародно чтить Христа, сам царь—мужчин, а царица вместе с пленницей—женщин. Вскоре по общему согласию всего народа весьма ревностно приготовились построить церковь. Воздвигнув ограду кругом храма, поставили машины и стали поднимать колонны и укреплять их на подножиях. Говорят, что после поднятия первой и второй колонны оказалась весьма затруднительной установка третьей, которая не поддавалась ни искусству опытных *мастеров*, ни силе, хотя множество народа тащило ее. С наступлением вечера одна пленница осталась там на ночь и молилась богу, чтобы легка была установка колонн; все же прочие удалились в печали, особенно царь. Ибо поднятая до половины колонна осталась в наклонном положении и, упершись в землю, была недвижима с нижнего конца. *Господь* пожелал этим и предшествующими чудесами сделать иберов более твердыми в вере. Когда они на заре пришли в церковь,—чудное дело и подобное сновидению,—недвижимая накануне колонна оказалась вы-

[1] «Я более согласен с Christophorson'ом и Savilius'ом, которые исправляют χριστῶν. Греки различают три вида медикаментов. Из лекарств одни суть χριστά, а именно те, которыми мы мажемся для лечения, другие же ποτά, а именно те, которые мы пьем, иные же ἐπίπλαστα, а именно те, которые мы присыпаем». Здесь, как видно, ἐπίπλαστα называется то, что Созоменом именуется ἐπίπλαστα. Каким же образом нужно писать это название, неопределенно. Определенно Теокрит в «Фармакевтриях» говорит πάσσειν и ἐπιπάσσειν: ἐπιπλάττειν, однако, говорится у Пселла в книге De daemonibus» (Valesius).

прямленной и стоящей в воздухе на небольшом расстоянии от своего подножия. Все были поражены этим и единодушно признали Христа истинным богом; *между тем* колонна на глазах всех тихо опустилась сама собой и как бы *руками* искусного *мастера* приладилась к подножию. После этого легко были подняты и остальные *колонны*, и иберы *еще* ревностнее довели *дело* до конца. Быстро построив церковь, *они* по совету пленницы отправили послов к императору Константину с предложением союза и мира и с просьбой прислать за это священников к *их* народу. Когда послы рассказали, что у них случилось и как весь народ весьма ревностно чтит Христа, римский император был *очень* обрадован *этим* посольством и отпустил послов, исполнив все по *их* желанию. Так иберы познали Христа и поныне ревностно чтут его.

34. ...[Константин] в своих деяниях имел такую удачу, как никто другой, ибо, по моему мнению, не принимался за дело без *воли* божией. Он вышел победителем из бывших при нем войн с готами и савроматами и т. д.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

IV, 16 упоминается некий боспорский епископ, который в 358 г. участвовал в Никомедийском соборе.

IV, 24 упоминается епископ готов Ульфила в числе тех пятидесяти, которые, собравшись в Константинополе, подтвердили своим голосованием ту формулу веры, которая была зачитана в Аримине.

КНИГА ШЕСТАЯ

21. СПИСОК МЕСТНОСТЕЙ, ГДЕ ПРИЗНАВАЛОСЬ НИКЕЙСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ; О ВЕРЕ СКИФОВ И О БРЕТТАНИОНЕ, ЕПИСКОПЕ ЭТОГО НАРОДА

...Сирия с окрестными племенами и в особенности город Антиохия пребывали в настроении волнения, так как приверженцы Ария превышали численностью и владели церквами, но не мало было и последователей католической церкви, которых называли евстафианами и павлинианами и во главе которых стояли Павлин[1] и Мелетий[2], как мы сообщили выше. Благодаря им антиохийская церковь, едва не присоединившаяся вся к ереси Ария, с трудом устояла против стремлений императора [Валента] и могущественных его сотрудников. Как и следовало ожидать, если церквами правили *люди* мужественные, *их* паства не меняла ранее принятую веру. Говорят, что и скифы по этой причине устояли в своей прежней вере. Этот народ имеет много городов, селений и укреплений. Столицей его служит Томея, большой и богатый приморский город, *лежащий* по левую руку для въезжающего в так называемый Эвксинский Понт. Здесь и поныне господствует исконный обычай[3] иметь одного епископа церквей всего народа. В то время во главе их [т. е. церквей]стоял

[1] [Христианский деятель и писатель по прозванию «Милостивый» (353—431 гг.)].

[2] [Епископ антиохийский, умер в 381 г.].

[3] «То же повторяет Созомен, VII, 19, где он передает обычаи различных церквей, различающихся между собой, ибо на первом месте он указывает обычай скифов, которые, хотя имели много городов, имели, однако, все одного епископа. Между тем в других провинциях иной раз даже отдельные поселки имели своих епископов. Далее, что этот обычай скифов сохранился до сего времени, свидетельствует Nic. Chon., Thes. orth. fid., V, 5» (Valesius).

Бреттанион. Император Валент прибыл в Томею[1]. Когда он пришел в церковь и по своей привычке стал уговаривать епископа присоединиться к приверженцам *ариевой* ереси, то *Бреттанион*, весьма твердо и свободно ответив правителю об учении Никейского собора, покинул его и ушел в другую церковь; народ последовал за ним. Почти весь город собрался, *желая* увидеть императора и ожидая какой-нибудь *важной* новости. Валент, покинутый со своей свитой, разгневался на *это* оскорбление и приказал схватить Бреттаниона и отправить в ссылку, но вскоре дозволил ему возвратиться: вероятно, видя негодование скифов за изгнание епископа, он испугался, чтобы они не подняли восстания, а *между тем* он знал, что они мужественны, по положению своей страны необходимы для Римской державы и представляют оплот против живущих в этих странах варваров. Таким образом Бреттанион, муж почтенный в остальном и выдающийся чистотой жизни, как свидетельствуют и сами скифы, вышел победителем из столкновения с императором. Вообще весь клир испытал за это [т. е. за религию] гнев императора, кроме церквей, находящихся на западе империи...

36. О ПОХОДЕ ПРОТИВ САВРОМАТОВ И О СМЕРТИ ВАЛЕНТИНИАНА В ГАЛЛИИ

...Вследствие набега савроматов на некоторые местности западной части империи Валентиниан выступил против них. Услышав о величине войска и запасов, они отправили послов просить мира. Увидев их, *Валентиниан* спросил, все ли савроматы таковы. Когда же они ответили, что в качестве послов прибыли самые лучшие, он пришел в *сильный* гнев и громко вскричал, что *его* подданные переносят страшное несчастие и что на горе перешла к нему Римская держава, если савроматы—варварский народ—из коих лучшие вот эти, не довольствуются спокойной жизнью на родине, а осмелились напасть на его империю и бредят войной с римлянами вообще. Когда он кричал это в страшном гневе, от чрезмерного напряжения разорвались его внутренности, лопнули жилы и артерии и он умер от кровотечения в одном укреплении в Галлии[2] в возрасте около пятидесяти четырех лет, после прекрасного и весьма славного тринадцатилетнего царствования...

37. О ЖИВУЩИХ ЗА ИСТРОМ ВАРВАРАХ, КАК ОНИ, БУДУЧИ ИЗГНАНЫ УННАМИ, ПЕРЕШЛИ К РИМЛЯНАМ И КАК ПРИНЯЛИ ХРИСТИАНСТВО; ОБ УЛЬФИЛЕ И АТАНАРИХЕ, О ПРОИСШЕДШЕМ МЕЖДУ НИМИ И ПОЧЕМУ *ГОТЫ* ПРИНЯЛИ АРИАНСТВО

...Готы, которые раньше жили за рекой Истром и владычествовали над прочими варварами, будучи изгнаны так называемыми уннами, переправились в римские пределы. Этот народ, как говорят, до тех пор не был известен *жившим* по Истру фракийцам и самим готам. Они не знали, что живут по соседству друг с другом, так как между ними лежало огромное озеро и те и другие думали, что занимаемая ими страна есть конец суши, а за ней *находится* море и беспредельное *пространство* воды. *Однажды* случилось, что преследуемый оводом бык перешел через озеро и за ним

[1] «Валент прибыл в Томы, видимо, в 369 г., как правильно предполагает Gothofredus в «Chronologia codicis Theodosiani»... (Migne).

[2] «Валентиниан император умер у Брегетиона, города Паннонии, как пишет Аммиан Марцеллин в XXX книге. [Ср. Socr., H. E-, IV, 31]. Идаций в Fasti пишет, что Валентиниан Старший умер в кастеле Виргитионе после консульства Грациана в третий раз и Эквиция, т. е. в 375 г. н. э.» (Valesius).

последовал пастух; увидав противолежащую землю, он сообщил *о ней* соплеменникам. Другие говорят, что перебежавшая лань показала охотившимся уннам эту дорогу, слегка прикрытую сверху водой. В тот раз они возвратились назад, с удивлением осмотрев страну, более умеренную по климату и удобную для земледелия, и доложили правителю, что они видели. Сначала они с небольшими силами попробовали бороться с готами, а потом совершили нашествие с огромными полчищами, победили *готов* в бою и захватили всю их землю. Преследуемые готы перешли на римскую землю и, переправившись через реку, отправили посольство к императору с обещанием быть на будущее *время* союзниками и с просьбой разрешить им поселиться, где они захотят. Во главе этого посольства стоял епископ *готского* народа Ульфила[1]. Посольство достигло своей цели, и *готам* было разрешено жить во Фракии. Немного спустя, вступив в междоусобную борьбу, они разделились на две части, *из коих* одной предводительствовал Атанарих[2], а другой Фритигерн[3]. В происшедшей войне Фритигерн потерпел поражение в битве и обратился за помощью к римлянам. Когда император разрешил фракийским войскам соединиться с ним и оказать помощь, в новой битве Фритигерн остался победителем и обратил в бегство партию Атанариха. Желая доказать *свою* благодарность Валенту и подтвердить свою готовность быть ему другом во всем, он присоединился к его религии и уговорил подвластных ему варваров держаться той же *веры*. Я думаю, однако, что не одно это *обстоятельство* послужило причиной того, что и поныне все *готское* племя придерживается верований ариан: ведь и Ульфила, бывший в то время их священнослужителем, сначала ни в чем не отступал от католической церкви; в царствование Констанция, необдуманно, по моему мнению, приняв участие в Константинопольском соборе с Эвдоксием и Акакием, он *все-таки* сохранил общение с отцами *из числа* собиравшихся в Никее[4]. Но когда он прибыл *снова* в Константинополь, то, как говорят, вступив в рассуждение о догматах с представителями арианской ереси и получив обещание содействия перед императором в делах его посольства, если он будет веровать одинаково с ними,—он под влиянием необходимости или и в самом деле признав лучшим так думать о боге, вступил в общение с арианами и оторвал себя и весь *свой* народ от католической церкви. Ибо готы, наученные благочестию под его руководством и через него приобщившиеся к более культурному образу жизни, легко верили ему во всем, будучи убеждены, что в его словах и делах нет ничего дурного, а все служит на пользу соревнующим *о боге*. К тому же он дал множество доказательств своей доблести, подвергшись бесчисленным опасностям за веру в то время, когда названные варвары были еще язычниками. Он первый изобрел для них азбуку и перевел священные книги *на свой* родной язык. Такова причина того, что почти все *живущие* по Истру варвары держатся арианства. В то время множество подданных Фритигерна приняли мученическую кончину ради Христа. Ибо

---

[1] [311—383 гг. н. э.].

[2] [Король вестготов в эпоху их пребывания в Дакии. Столкновение его с римлянами относится к 367—69 гг.].

[3] [Вестготский князь, власть которого распространялась на часть племени, находившуюся в непосредственной близости от границ империи].

[4] «... Созомен говорит, что Ульфила, епископ готов, вначале придерживался католической веры; после же этого в правление Констанция благодаря неблагоразумию он участвовал в Константинопольском синоде вместе с еретиками Эвдоксием и Акакием в 359 г. н э.; тем не менее он сохранил общение с католическими епископами—участниками Никейского собора. Однако, когда в правление Валента Августа в Константинополь прибыл посол народа готов, он, после рассуждения с арианскими епископами, перешел на их сторону»... Valesius.

Атанарих, негодуя *на то*, что и его подданные, под влиянием убеждений Ульфилы, приняли христианство и изменяют вере предков, многих подверг разнообразным наказаниям, причем одних предавал казни, призвав к суду, где они мужественно и свободно говорили за свою веру, и других— даже не позволив говорить *в свою защиту*. Говорят, что по повелению Атанариха особо назначенные им *люди* обвозили по шалашам всех обвиняемых в христианстве стоявший на повозке кумир и приказывали поклоняться ему и приносить жертвы; если кто отказывался, то они сжигали шалаши вместе с людьми. Я узнал, что тогда было совершено и другое, более ужасное злодеяние: в отчаянии от насилий *этих людей*, принуждавших к жертвоприношениям, многие мужчины и женщины, из коих одни вели маленьких детей, другие кормили грудью новорожденных младенцев, прибегли под прикрытие местной церкви и все погибли от огня, зажженного язычниками. Немного спустя готы примирились между собой и, дойдя до неистовства, стали нападать на фракийцев и опустошать их города и селения. Узнав об этом, Валент понял по опыту, как он ошибся: ведь, думая, что готы будут полезны ему и его подданным и страшны врагам, как всегда готовые к военным действиям, он перестал заботиться о римских войсках и вместо обычного набора в военную службу собирал деньги с подвластных римлянам городов и селений...

39. ... И О ПОХОДЕ ВАЛЕНТА НА ЗАПАД ПРОТИВ СКИФОВ

...Император Валент ...как только прибыл в Константинополь, оказался в большом подозрении и ненависти у народа. Ибо варвары, опустошив Фракию и дойдя уже до предместий *столицы*, стали без всякой помехи приступать к самым стенам. Горожане негодовали на это, обвиняли императора *за то*, что он не выступал против них, а откладывал войну, и распускали слухи, что он сам призвал врагов. Наконец, во время зрелищ на ипподроме стали открыто кричать против него, что он пренебрегает государственными делами, и требовали оружия, чтобы самим итти на войну. Оскорбленный Валент выступил против варваров и пригрозил, что если он возвратится, то накажет народ за оскорбление и за то, что они раньше приняли сторону тирана Прокопия.

40. ... И КАК ВАЛЕНТ В БЕГСТВЕ, ЗАЙДЯ В МЯКИННИЦУ, БЫЛ СОЖЖЕН И ТАКИМ ОБРАЗОМ ОКОНЧИЛ ЖИЗНЬ

...Когда [Валент] выступил с войском, преследуемые готы стали отступать. *Валент* в своем преследовании, уже миновав Фракию, прибыл в Адрианополь; очутившись в недальнем расстоянии от варваров, стоявших лагерем в крепкой позиции, он вступил *с ними* в битву скорее, чем следовало, не распорядившись предварительно, где и как нужно было поставить войско. Когда его конница рассыпалась и гоплиты были обращены в бегство, *Валент*, преследуемый неприятелями, в бегстве сойдя с коня, вошел с немногими спутниками в какой-то домик или башню и спрятался *там*. Варвары гнались за ним, чтобы *его* захватить, и, стремясь вперед, пробежали мимо *башни*, не предполагая, что он там скрывается. Некоторые из его спутников, когда уже большая часть варваров миновала это место и *лишь* немногие оставались сзади, стали стрелять с крыши в проходивших мимо; последние при этом закричали: «Валент здесь!» Услышав это, случившиеся поблизости спереди и сзади криком известили находившихся за ними *о том*, что они слышали; таким образом и находившиеся далее враги вскоре услышали *об этом* и быстро все собрались в одно *место*. Оцепив кругом домик и собрав вокруг него

множество *горючего* материала, они подложили огня; тотчас пламя, раздуваемое случившимся сильным ветром, охватило костер. Вместе с *этим* и все находившееся в домике загорелось и сожгло самого императора и его спутников. Он скончался, имея около пятидесяти лет и пробыв на престоле тринадцать *лет* вместе с братом и три года после него[1].

КНИГА СЕДЬМАЯ

1. КАК РИМЛЯНАМ, СТЕСНЕННЫМ ВАРВАРАМИ, ПОСЛАЛА ПОМОЩЬ МАБИЯ...

Такова была кончина Валента. Варвары, гордые победой, опустошили всю Фракию и, наконец, совершили набег на предместья Константинополя. При тогдашнем опасном положении оказало большую пользу небольшое число союзных сарацинов, посланное Мабией[2], и очень многие из народа...

2. ГРАЦИАН ИЗБРАЛ ФЕОДОСИЯ ИЗ ИСПАНИИ ДЛЯ СОВМЕСТНОГО ЦАРСТВОВАНИЯ...

Сообразив, что следует бороться с *жившими* по Истру варварами, тревожившими иллирийцев и фракийцев..., *Грациан* в Сирмии сделал Феодосия соучастником своей власти...[3]

4. О ЦАРСТВОВАНИИ ФЕОДОСИЯ ВЕЛИКОГО...

Около этого времени Грациан, так как западные галаты еще подвергались нападениям аламанов, возвратился в отцовскую часть *империи*, которую оставил для управления себе и брату[4], предоставив Феодосию иллирийцев и восточные части империи. Он удачно действовал против аламанов, а Феодосий—против *живущих* по Истру варваров. Одних из них он победил в бою, с другими, искавшими дружбы с римлянами, заключил договоры, взяв от них заложников, и *затем* прибыл в Фессалонику...

В главе 9, в которой говорится о втором вселенском соборе, упоминаются епископы городов Фракии и Скифии Терентий Томский и Мартирий Маркианопольский.

17. ... И О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ПСАТИРИАНАХ[5]

...Около этого времени и у константинопольских ариан возник вопрос, может ли бог называться отцом до рождения сына, который у них признавался *возникшим* из небытия. Дорофей, который, будучи призван из Антиохии вместо Марина, стоял во главе этой ереси, объявил, что бог не *может* называться отцом до рождения сына, так как имя *отца*—относительное. Марин же доказывал противное и признавал, что отец есть всегда отец, даже при несуществовании сына,—или *действительно*

---

[1] [В 378 г. н. э.].

[2] [Пленная римлянка, ставшая женой сарацинского (арабского) царька (Theoph., I, 64, 12), а по его смерти правившая самостоятельно. Заключив, после грабительских нападений на империю, союз с римлянами, указанную в тексте помощь она прислала в 378 г. (Amm. Marc., XXXI, 16, 5)].

[3] В январе 379 г.

[4] «Грациану достались Галлии, Испании, Британнии; брату его Валентиниану—Италия, Иллирик, Африка (Zos., IV, p. 746). Поэтому неправильно Созомен потом отдает Иллирик Феодосию» (Migne).

[5] Ср. Socr., V, 23.

держась такого мнения, или будучи врагом Дорофея, предпочтенного ему для предстоятельства в *арианской* церкви. По этой причине народ разделился на две части. Так как Дорофей со своими последователями остался в тех молитвенных домах, которыми владел, то приверженцы Марина, построив другие дома, собирались отдельно. Они прозывались псатирианами или готскими: первое потому, что ревностным последователем этого мнения был некто Феоктист, продавец ψαθυρῶν [род пирожного], а готскими потому, что этого мнения держался и Селина, епископ этого *народа*. За ним последовали почти все варвары и участвовали в их *молитвенных* собраниях. Они очень охотно слушались Селины, так как он был секретарем и преемником их бывшего епископа Ульфилы и способен был учить в церкви не только на их родном языке, но и на эллинском. Немного спустя, когда возникла распря из-за первенства у Марина с Агапием, которого он рукоположил в епископы для эфесских единоверцев, они разъединились и чуть не вступили в борьбу между собой, причем готы стали на сторону Агапия. По этой причине, говорят, многие из тамошних клириков, негодуя на соперничество предводителей, приобщились к католической церкви.

19. ...Скифы, живя во многих городах, все имеют одного епископа; а у других народов иногда епископы посвящаются и в поселках...

В главе 24 говорится, что когда Феодосий отправлялся на запад против Евгения, то за ним последовала огромная толпа вспомогательных войск, состоявшая из варваров, живших вокруг Дуная

26. ... И О СКИФСКОМ АРХИЕРЕЕ ТЕОТИМЕ

...В это время церковью Томеи и прочей Скифии управлял скиф Теотим[1], муж воспитанный в философии. Удивляясь его добродетели, *жившие* по Истру варвары унны называли его римским богом: и действительно, они испытали на нем божественные деяния. Говорят, по крайней мере, что, когда он однажды ехал по тамошней варварской стране, с ним встретились ехавшие по той же дороге в Томею; когда его спутники подняли плач, предвидя скорую гибель, он сошел с коня и помолился. И варвары проехали мимо, не заметив ни его, ни его спутников или лошадей, с которых они сошли. Так как они часто своими набегами причиняли вред скифам, будучи звероподобны по природе, то он склонил их к кротости, угощая и ублажая дарами. Один варвар, заключив из этого, что он человек зажиточный, задумал захватить его и, приготовив веревку, оперся на щит (ἀσπίδι ἐπερειδόμενον)[2], как обыкновенно делал в разговоре с врагами, и, подняв руку, хотел накинуть на него петлю, чтобы притащить к себе и своим единоплеменникам. Но во время самой попытки его рука осталась протянутой в воздухе, и варвар не освободился из невидимых уз, пока Теотим, по просьбе других, не помолился за него богу. Говорят, что он постоянно носил длинные волосы, в каковом виде первоначально стал заниматься философией, и был воздержан в образе жизни;

[1] [Один из древнейших епископов в Северном Причерноморье, родом славянин. Известен так же как церковный писатель. Епископство его в Томах относится к 390—412 гг. н. э.].

[2] «'Ασπίδι ἐπερειδόμενον. Думаю, что должно написать ἐπερειδόμενος, т. е. «опершись на щит». Ибо Созомен хочет сказать, что этот варвар говорил с Теотимом, опершись на щит, как привык делать всякий раз, когда говорил с римлянами. Определенно даже Никифор прочел ἐπερειδόμενος, но неправильно понял, что это говорится о Теотиме, даже если бы епископ Теотим действительно носил щит. Впрочем, об этом обычае гуннов и других варваров, которые ловили людей петлями, я много уже указал в замечаниях к Amm. Marc., XXXI, p. 417, к которым хотел бы добавить еще это. О том, что это делалось также сарматами, пишет Павсаний, I, 21, 5» (Valesius).

для принятия пищи он не имел одного определенного времени, а ел или пил тогда, когда чувствовал голод или жажду. Мне кажется, философу свойственно и эти потребности удовлетворять по мере надобности, а не по изнеженности.

КНИГА ВОСЬМАЯ

В главе 4 рассказывается о готе Гаине и о бедствиях, причиненных им.

14. ...[Иоанн], созывая отдельно пребывавших в Константинополе епископов, показывал им постановление против книг Оригена и некоторых убедил согласиться *с ним*, но большинство отказалось. Скифский епископ Теотим даже открыто порицал Эпифания: он говорил, что неприлично оскорблять давно умершего и позорно осуждать решение старших и отвергать принятое ими. С этими словами он принес одну из книг Оригена, прочитал *ее* и, показав, что прочитанное полезно для церквей, продолжал: «Безрассудно поступают порицающие это, ибо они, повидимому, оскорбляют то, о чем идет здесь речь...»[1]

25. Около этого времени...[2] и государство испытало смятение и беспокойство. Гунны, перейдя через Истр, опустошали Фракию...

28. ...И О КОНЧИНЕ ИОАННА ЗЛАТОУСТА

...Враги Иоанна в Константинополе...придумали клевету и приверженцам его, якобы причинявшим беспокойство светской власти (ὡς ὑπερορίαν ἀρχὴν ἐνοχλήσαντας)[3], приготовили позорную ссылку, а для самого Иоанна им удалось устроить, по решению императора, переселение в отдаленный Питиунт; вскоре явились солдаты и исполнили это *распоряжение*. Говорят, что *Иоанн*, увезенный ими, на пути предусмотрел день своей кончины, так как в армянском *городе* Команах ему явился мученик Василиск. Здесь же, не имея сил для *продолжения* пути вследствие головных болей и не будучи в состоянии выносить солнечных лучей, он скончался от болезни[4].

КНИГА ДЕВЯТАЯ

5. О РАЗНЫХ НАРОДАХ, ВОЕВАВШИХ С РИМЛЯНАМИ И ПО ВОЛЕ БОЖЬЕЙ ПОБЕЖДЕННЫХ ИЛИ ПРИНЯТЫХ В СОЮЗ

...В то же время случилось, что и унны, расположившиеся во Фракии, без войны и преследования *со стороны императора* со стыдом вернулись, потеряв большинство *своих сил*. Именно Ульдис, предводитель *живущих* по Истру варваров, с огромными силами переправился через реку и расположился в пределах Фракии; взяв путем измены мисийский город Кастрамартис[5], он совершал оттуда набеги на остальную Фракию и по *своей* самонадеянности не хотел и слышать о договоре с римлянами. Когда начальник фракийских войск договаривался с ним о мире, он указал на восходящее солнце и сказал, что ему не трудно, если пожелает, покорить всю землю, которую оно освещает. Так угрожал он, приказы-

---

[1] Ср. Socr., VI, 12.

[2] Относится это примерно к 404 г.

[3] [Перевод Латышева «вредившим заграничной власти» неудачен, но и всякий иной перевод сомнителен. Ὑπερόριος, —находящийся вне пределов; ἐνοχλεῖν—надоедать, быть неприятным. Лучше всего «причинявшим беспокойство светской власти», но, может быть, власти верховной (т. е. божественной)].

[4] 27 июня 407 г.

[5] [Castra Martis (Лагерь Марса) локализуется по археологическим остаткам у современного селения Кула, близ города Видина в Болгарии, RE, III, 1769].

вал *римлянам платить* дань по его усмотрению и на этом условии предлагал *им* или пользоваться миром, или ожидать войны. В *этих* затруднительных обстоятельствах бог показал, какое он имеет попечение о нынешнем царстве. Именно, немного спустя до окружавших Ульдиса слуг и командиров дошли слухи о римском государственном устройстве и о человеколюбии императора, а *также о том*, какими наградами чествует он храбрых и доблестных мужей. Не без воли божией привлеченные этим, они перешли к римлянам и стали лагерем подле них вместе со своими подчиненными. Ульдис едва спасся *бегством* на ту сторону реки, потеряв многих *своих* и в *том числе* поголовно всех так называемых скиров[1]. Это *был* варварский народ, довольно многочисленный до этого несчастия. Опоздав в бегстве, одни из них были перебиты, другие взяты живыми и в оковах отосланы в Константинополь. Так как власти решили рассеять их, чтобы они при своей многочисленности не задумали чего-либо дурного, то одних продали по дешевой цене, других даром роздали многим в рабство под условием, чтобы они не *смели* являться ни в Константинополь, ни *вообще* во все страны Европы и чтобы знакомые им места отделялись морем. Значительное число их, оставшееся непроданным, получило приказание жить в разных местах. Многих *из них* я видел в Вифинии живущими рассеянно у горы Олимпа и возделывающими тамошние холмы и подгорья.

В главе 9 упоминается епископ готов Сигесарий, которым был крещен Аттал.

СТЕФАН ВИЗАНТИЙСКИЙ

«ОПИСАНИЕ ПЛЕМЕН»

(ΕΘΝΙΚΑ)

(Сокращение)

Время жизни Стефана Византийского с точностью не известно, но, без сомнения, он жил позднее Дексиппа и Маркиана, труды которых цитируются в его сочинении. Его обширный географический словарь, носивший название Ἐθνικά, дошел до нас в неумелом сокращении, сделанном, по свидетельству Свиды, константинопольским грамматиком Гермолаем в царствование императора Юстиниана[2]. В подлинном виде сохранились только статьи от Δύμη до Δώτιον и статья Ἰβηρία.

[Новейшие исследования устанавливают, что извлечения из «Описания племен» произведены несколькими эпитоматорами и при этом в различной манере. Они указывают, кроме того, на незначительную историко-географическую ценность Стефанова труда, как такового, ибо он интересовался своим материалом преимущественно с грамматической стороны. При всем том ценность извлечений из «Описания племен» для современной науки, в частности для древней истории юга СССР, колоссальна. Только благодаря им для нас сохранились отрывки из безвозвратно утраченных трудов Гекатея, Теопомпа, Александра Полигистора и других весьма важных греческих историков. Во многих случаях данные Стефана Византийского являются единственным упоминанием о тех или иных фактах; некоторые из приводимых им имен местностей и племен до сих пор еще не могут быть истолкованы с помощью других исторических или археологических данных. См. В. Müller, «Hermes», LIII, стр. 337 сл.; Honigmann, RE, III,2369 слл.].

Текст: Stephani Byzantii Ethnicorum quae supersunt. Ex recensione Aug. Meinekii, т. I, Ber., 1849.

[1] [Также гирры, сарматское племя, к которому, может быть, принадлежал Одоакр, локализуется в числе других гуннских племен на Дунае (Jorn., Get., 49); Плиний помещает одноименное племя, к востоку от нижнего течения Вислы (IV, 97), что могло соответствовать в его время действительности].

[2] [Правильность этого указания Свиды опровергает Sokolowski, «Phil.-Hist. Beiträge zu Ehren Wachsmuths», 1897, стр. 107; самого Стефана он помещает в царствование Юстина (518—527); новейшая работа по Стефану—Stemplinger, Studien zu Stephanos, Münch., 1902, который считает время его жизни не раньше 538 и не позже 573 г. н. э.].

Перевод **П. И. Прозорова**

А б и и—скифское племя. Гомер *о них говорит*[1]: «млекоедов и абиев, справедливейших смертных». Александр в «Описании Эвксинского Понта», по свидетельству Диофанта, объясняет их название тем, что они живут у реки Абиана[2]; а справедливыми Гомер назвал их за то, что они не пожелали итти вместе с амазонками против Азии[3], или *они* называются так потому, что не живут оседлой жизнью, а на телегах переезжают *с места на место*. Дидим называет их фракийским племенем[4], а Эсхил *называет* габиями[5] с γ в «Освобожденном Прометее»: «затем придешь ты к габиям, народу самому справедливому и гостеприимному из всех смертных, где ни плуг, ни землекопный заступ не режут почвы, но сами собой нивы в изобилии приносят смертным средства к жизни». Подобным образом говорят Филостефан и другие; но *на самом деле* они скифы. Большинство комментаторов говорят, что *слова* «млекоедов» и «абиев» представляют собой эпитет агавов, причем одни объясняют его в смысле «не прибегающие к насилию» (поэтому и «справедливейшие»), другие—в *смысле* «бездомные», потому что жизнь их не похожа на нашу, *наконец*, третьи—словом ὁμοβίων, т. е. «однолучники», потому что они—стрелки.

А г а ф и р с ы (Ἀγάθυρσοι)—народ за Гемом. Название получили или от Агафирса, сына Гераклова, или, как *думает* Лисандр, от тирсов (θύρσων) Диониса. Ударение—тяжелое... называются и агафирсиями притяжательно или народно...

С в я т о е (Ἅγιον)—местность Скифии, где, по свидетельству Полигистора, почитался Асклепий.

А т и р а... есть и в Скифии (Σκυθίας)[6] река Атира, как *говорит* Нимфодор.

Э я—город колхов, построенный Ээтом, отстоящий от моря на триста стадиев; его обтекают две реки, Гипп и Кианей, образуя из него полуостров; кажется, наоборот, от имени города *образовано имя* Ээта: как от Ἀσία — Ἀσιάτης, так от Αἶα — Αἰάτης и Αἰήτης. Имя жителей—Αἰαῖος как [от Γάζα]—Γαζαῖος, женский *род* Αἰαία.

А к р а—шестая [т. е. шестой город этого имени] в Скифии.

---

[1] Hom., Il., XIII, 6.

[2] [Упомянутая, со ссылкой на Александра Полигистора, река у других авторов не засвидетельствована и является, скорее всего, выдумкой, в порядке ученой реконструкции, произведенной Александром Полигистором для объяснения происхождения имени гомеровых абиев. Ср. Thraemer, RE, I, 7].

[3] [Об амазонках на юге и на западе Малой Азии существует много разнообразных легенд. «Илиада» (III, 188; IV, 186) упоминает их во Фригии и в Ликии; рассказы, переданные Диодором о военных передвижениях амазонок, обнаруживают с несомненностью, в качестве исторического зерна, легшего в их основание, предания о походах киммерийцев и скифов в VII в. до н. э.].

[4] [По общепринятому в поздней античности мнению (ср. Strabo, VII, 3, 2 сл.), абии—скифы; однако в глубокой древности граница между скифским и фракийским миром была не очень отчетлива: достаточно напомнить о том, что киммерийцы идентифицировались нередко с фракийскими трерами. Птолемей (VI, 15, 3) помещает абиев на севере Скифии, Аммиан Марцеллин (XXIII, 25)—к северу от Гиркании. По Арриану (Anab., IV, 1, 1) их послы прибыли к Александру для заключения договора о дружбе].

[5] [У других авторов подобное написание не встречается; наименование «габии» может быть сопоставлено с упоминаемым Плинием именем племени габры (Gabri), локализуемого на Кавказе].

[6] «Σικελίας Casaubonus, каковая конъектура вследствие упоминания Нимфодора, очень вероятна». [Река во Фракии между Селимбрией и Византием, отождествляемая с современной рекой Кара-су, впадающей у местечка Биюк Гекемше, где в древности помещался одноименный реке населенный пункт (Plin., IV, 46); Tomaschek, RE, II, 2074, допускает, что это наименование, применительно к Скифии, является поэтической формой для имени Тира].

Алазон—племя соседнее со скифами...[1]

Алан—гора Сарматии[2].

Албания—страна около восточных[3] иберов.

Алопекия—остров[4]. О *нем упоминает* Страбон в XI *книге*[5]. Название жителей—'Αλωπεκιεύς как Οἰχαλιεύς *от* Οἰχαλία.

Амадоки—скифское племя[6], *о котором упоминает* Гелланик *в сочинении* «О Скифии». Земля их *называется* Амадокией.

Амазонки—женское племя у Термодонта, как *говорит* Эфор; ныне их называют савроматидами[7]. «О них рассказывают, что физической *силой* они превосходят мужчин, и объясняют это климатическими свойствами местности, которая будто бы обыкновенно производит женщин, более сильных и рослых, чем мужчин; но я думаю, что общие всем свойства заключаются *уже* в *самой* природе, так что *приведенная* причина не основательна. Более правдоподобна *та*, которую приводят *их* соседи: савроматы *еще* в незапамятные времена отправились походом в Европу, но все погибли там, и женщины их остались одни... когда у них мальчики подросли, то восстали против женщин, но когда последние одолели, то мужское население убежало в густые заросли и *там* погибло; опасаясь мести со стороны младших, *женщины* постановили переломать у них члены и всех сделать хромыми[8]. Назывались они также савропатидами, потому что растаптывали ящериц и ели их, или савроматидами потому, что жили в Савроматской Скифии...

Амаранты, по-*гречески* с ударением на последнем слоге, колхидское племя, из страны которого течет Фасис, почему и называют Фасис амарантским[9].

Амиргий—равнина саков: Гелланик в сочинении «О Скифии». Название жителей—'Αμύργιος[10], как говорит тот же *писатель*.

Анариака—город у Каспийского моря, о *котором упоминает* Страбон[11]; имя жителей—'Αναριάκαι как от λέσχη—λέσχης, от ἀράχνη—ἀράχνης. В нем, говорят, дается прорицание во время сна[12].

---

[1] [Собственно, алазоны; по мнению Геродота (IV, 17) и Страбона (XII, 3, 21), скифское племя, живущее на Днепре между эллино-скифами и скифами-пахарями].

[2] [По координатам, сообщаемым для нее Птолемеем (III, 5, 5), эта полумифическая гора (или горы) может быть реально отождествлена лишь с Донецким кряжем.

[3] [Т. е. кавказских, в отличие от испанских (пиренейских) иберов].

[4] [Локализуется в дельте реки Дона, а по координатам Птолемея (III, 5, 15), называющего этот остров, так же как и реку,—Танаисом,— к югу от нее, в Азовском море].

[5] Strabo, XI, 2, 3.

[6] [Это фракийское (по Paus., I, 4, 4,—гиперборейское) имя, встречающееся у Ptol., III, 5, 5; 10; 13, в качестве наименования горы, озера и племени, Tomaschek, RE, I, 1711, толкует как «поедатели сырого мяса» и сопоставляет их с андрофагами Геродота (IV, 18)].

[7] [О реальных основаниях связи савроматов с легендой об амазонках см. теперь Б. Н. Граков, ВДИ, 1947, № 3, стр. 100 сл.].

[8] «Повидимому, все это изложение взято из Эфора» (Mein.).

[9] Apoll. Rhod., III, 1220.

[10] [Геродот называет саков неоднократно амиргскими скифами (I, 53; VII, 64; IX, 113), и, по его локализации этого племени, Амиргий Гелланика должен был находиться в горах к северо-востоку от Бактрианы. Имя это, как племенное наименование, должно быть сопоставлено с «хумаваргскими скифами» Накширустемской надписи, ВДИ, 1947, № 1, стр. 279].

[11] Strabo, XI, 7, 1.

[12] [Упоминание об инкубации, связанной с хтоническим культом, подкрепляет сопоставление наименований Анариака—анариаки, известность которых зиждилась на этом оракуле, с санареями (анареями) Птолемея (V, 8, 25) и энареями Геродота (I, 105). См. об этом подробнее, ВДИ, 1948, № 2, стр. 100].

Антандр—город под горой Идой... Аристотель говорит, что он назывался Эдонидой вследствие того, что в нем поселились фракийцы эдоны, или Киммеридой от киммерийцев, населявших его в течение ста лет...[1]

Антиохия. Насчитывается десять городов с *этим именем*, но *на самом деле их* больше... десятый в Скифии...[2]

Аорсы—народ [скифский], о котором *упоминает* Страбон в XI книге[3]; *прилагательное* имя народа то же самое.

Апасиаки, племя массагетов. Страбон в одиннадцатой *книге* и Полибий в десятой *книге*: апасиаки—кочевники, живут между Оксом и Танаисом.

Апатур—святилище Афродиты в Фанагории. О *нем говорит* Страбон в XI книге[4]: «происхождение *этого имени* объясняют так: при нападении гигантов *Афродита*, призвав на помощь Геракла, скрыла его в одной пещере и, впуская каждого из гигантов по одному, обманом (ἀπάτη) предавала их Гераклу для умерщвления»[5]. Гекатей знает залив Апатур в Азии; название по месту Ἀπάτουρος, но также и Ἀπατουρίτης; может быть еще Ἀπατούριος и Ἀπατουρεύς.

Аракс—река *в* Армении и *другая* в Фессалии: ибо так назывался Пеней от глагола ἀράξαι [разорвать]. Местное название—«Араксийская вода».

Аргос... восьмой *город этого имени*—Аргос Орестов в Скифии...[6]

Аресов остров близ Колхиды на Понте. Скимн *говорит о нем* в *описании* Азии. Имя народа—Ἄρειος, произведенное от одного из двух [слов, входящих в состав названия].

Арианы[7]—народ, соседний с кадусиями: Аполлодор во II *книге*.

Аримаспы—племя гиперборeев[8], притяжательное название Ἀριμάσπειος

Армения—страна вблизи Персии, *названная так* от Армена родосца, как *говорит* Антипатр в III *книге сочинений* «О Родосе». Жители *называются* арменийцами, как *говорит* Эвдокс в I *книге* «Землеописания»: «арменийцы—родом из Фригии, и в языке их есть много фригийского[9];

---

[1] [О наименовании древнемисийского города Антандра, на берегу Пропонтиды Эдонидой и Киммеридой упоминает также Плиний (V, 23), без указания на столетнее господство киммерийцев. Под последними должны быть понимаемы фракийцы (треры или упоминаемые Аристотелем эдоны). Появление их в Мисии может быть отнесено к VIII—VII вв. до н. э. Сочинение Аристотеля, из которого заимствовано это сообщение, неизвестно].

[2] [Вероятно, имеется в виду Антиохия Маргиана (Александрия) Птолемея (VI, 10, 4), отождествляемая с современным Мервом].

[3] Strabo, XI, 5, 1; XI, 5, 8.

[4] Strabo, XI, 2, 10.

[5] [Истолкование эпитета Афродиты Апатуры (засвидетельствованного также эпиграфически, IOSPE, II, 19; 352) как «обманщицы» является не более чем греческой этимологизацией местного наименования. Относительно упомянутого мифа о Геракле и гигантах, а также о возможной его интерпретации на золотом фаларе, найденном близ станицы Сиверской,—см. Спицын, ИАК, 29 (1908), стр. 24 сл.].

[6] [Город под этим именем, основанный по преданию Орестом, находился в Македонии (Орестиде) или в Эпире, см. Strabo, VII, 7, 8].

[7] [Локализуется к югу от Каспийского моря; племенное наименование, в котором звучит имя позднейших иранцев].

[8] [Имя этого мифического народа, жившего по преданиям, опоэтизированным Аристеем из Проконнеса в его поэме «Аримаспея», к северу от скифов, толкуется как иранское (по Геродоту—скифское, IV, 27) в значении «одноглазые», но также и в других значениях. Не исключено, что оно означает «одногрудые» и в этом случае аримаспы могут быть поняты как разновидность амазонок, для чего имеются подтверждения в изображениях на краснофигурных вазах].

[9] [Выведение происхождения армян от их греческого эпонима Армена, родом с острова Родоса или из Фессалии (см. Strabo, XI, 4, 8), относится к позднеэллинистической эпохе и обязано своим происхождением азиатским грекам или эллинизированным «ученым» армянам. На малоазийские параллели армянского языка и культуры

у них добывается камень, служащий для вырезывания и просверливания печатей». Ἀρμενία—также форма женского рода у Ксенофонта. Есть и Арменийская гора у начала Гиркании, как *говорит* Дионисий: «извергает быструю пену, получив начало от Арменийской горы»[1].

Аррехи—племя меотов. Страбон в одиннадцатой *книге*[2].

Аспургианы—племя из *числа живущих* у Меотийского озера[3]. Страбон в одиннадцатой *книге*[4]: «к ним принадлежат и аспургианы, живущие между Фанагорией и Горгиппией».

Асса... есть и деревня в Скифии[5] Жители *называются* Ἀσσαῖοι.

Астерусия—гора в южной части острова Крита, обращенная к морю; от нее и лежащий у Кавказа синдский город назван Астерусией[6], так как туда была послана критская колония; жители *называются* Ἀστεροσιανοί, Ἀστεροσιεῖς и Ἀστερούσιοι.

Аханы—народ около Скифии; они же называются ахарнами у Теопомпа.

Афродисиада, город... восьмой—приморский в Скифии, удобный для пиратства...[7]

Ахиллов Бег, остров за Таврикой[8]; есть и остров Ахиллов или, как некоторые *его называют*, Белый; есть и селение *того же имени* при устье Меотиды...[9] Имя жителей Ἀχιλλειώτης и Ἀχιλλείτης; может быть и Ἀχιλλειοδρομίτης.

Апсилы—скифское племя, соседнее с лазами, как *свидетельствует* Арриан в «Объезде Эвксинского Понта»[10].

Апсиртиды—острова на Адриатическом море[11], *получившие название* от Ээтова сына Апсирта, убитого на одном *из них* сестрой Медеей. Жители *их называются* Ἀψορτεῖς и Ἄψορτοι. Есть и на Эвксинском Понте местность Апсар, прежде называвшаяся Апсиртом[12]. Артемидор в «Сокращенной географии» рассказывает и про город и остров Апсирт.

указывали по лингвистическим данным также и некоторые современные ученые (см. RE, II, 1181), но наиболее обоснованным мнением, подкрепленным многочисленными археологическими данными, является то, по которому древние и современные армяне являются потомками урартийцев. См. А. Манандян, Краткий обзор истории древней Армении, 1943; Б. Пиотровский, История и культура Урарту, 1944].

[1] Dion. Per., 693.

[2] Strabo, XI, 2, 11.

[3] [Засвидетельствованы эпиграфически: IOSPE, II, 29; 431].

[4] Strabo, XI, 2, 11.

[5] [Фонетически сопоставляется Tomaschek'ом, RE, II, 1740, с асеями Птолемея (V, 9, 16)].

[6] [Ни синдский город с подобным наименованием, ни какое-либо другое близкое этому местное наименование в области Северного Причерноморья из других источников не засвидетельствованы. Основанная критскими ветеранами, из состава войск Александра Македонского, Астерусия находилась у Индийского Кавказа (Гиндукуша) и упомянута Плинием (VI, 92)].

[7] [Из других источников пункт с подобным именем в Северном Причерноморье не засвидетельствован. Быть может, имеется в виду упомянутая Птолемеем (III, 11, 7) Афродисиада на Херсонесе Фракийском].

[8] [По данным древних авторов вплоть до Птолемея (III 5, 2), Ахиллов Бег является не островом, а полуостровом, точнее—длинной песчаной косой, соединяющейся посредине с материком].

[9] [Имеется в виду Страбонов Ахиллий (или Ахиллова Деревня, VII, 4, 5; XI, 2, 6) на азиатском берегу Боспора, против селения Мирмекий, расположенного на Керченском полуострове, к западу от города Керчи].

[10] Arr., PPE, 15.

[11] [Острова Херсо и Осеро близ иллирийского побережья; их древние наименования должны были звучать близко к современным и, так же, как Апсар на Кавказе, по созвучию с именем брата Медеи Апсирта, послужили основанием для связи их с мифом об аргонавтах, распространявшимся по путям греческой колонизации].

[12] Ср. Arr., PPE, 7.

Бастарны—народ, живущий над Истром. Дионисий в «Землеописании» *говорит*[1]: «Многие *племена* одно за другим *живут* до устья Меотийского озера: германцы, саматы, геты и бастарны».

Бехир—скифское племя...[2]

Боавлия—город в Скифии[3]. О *нем упоминает* Писандр в двадцать шестой *книге*.

Борисфен—город и река Понта у Меотийского озера и реки Танаиса; так *же* назывался и Геллеспонт раньше Геллы; есть эллинский город к западу (от Гипаниса?), милетская колония, которую другие *называют* Борисфеном, а сами *жители* Ольвией; [он лежит против Гипполаева мыса?], который образуют Борисфен и Гипанис[4]; гражданин—Βορυσθενίτης, а форма женского рода—Βορυσθενῖτις не от *названия* города, а от реки...

Боспор—город Понта у Киммерийского залива, по свидетельству Филона, и пролив того же имени, названный от Ио [дочери Инаха, как пишет] Эсхил в «Скованном Прометее»: «Будет у смертных навеки великая слава о твоем странствовании, и именем *его* назван будет Боспор»[5]. [Страбон же в одиннадцатой *книге*[6] «Географии» пишет следующее: «все подвластные владыкам Боспора называются боспорианами, и столицей европейских служит Пантикапей, а азиатских—Фанагорий». Флегонт в пятнадцатой *книге* «Олимпиад» также свидетельствует, что Боспор подчинялся власти боспорианского царя Котиса[7], которому Цезарь повелел носить и диадему и подчинил ему города, в числе которых он считает и самый Херсон[8]. Есть два места, называемых Боспорами, одно—так называемый Киммерийский вблизи Херсона, в котором была и столица боспорианов, а другое—в Византии]... Есть и другой Боспор—индийский. Название жителей—Βοσπόριος, Βοσποριανός, Βοσποραν ός и Βοσπορηνός, ибо *пишется* двояко—через *α* и через *η* как Τιβαρανός и Τιβαρηνός; говорится также Βοσπορίτης и Βοσποριχός—притяжательное. Софокл в первом «Финее» пишет в предпоследнем слоге притяжательного имени дифтонг: «ни боспорийская вода у скифов».

Будины—скифское племя, *называемое так* потому, что кочуют (διναύειν) на телегах, влекомых быками (Βοῦς), ибо скифы—народ кочевой[9]. *О них упоминает* Парменон Византийский в первой *книге* «Ямбов».

Библ—город в Финикии... название жителей Βύβλιος и [в женском роде] Βυβλιάς. Есть и скифское племя, *называемое* библии...

Бизеры—народ в Понте[10]; есть и Бизерская гавань.

Гаргареи—народ, который вступает в половые сношения с ама-

---

[1] Dion., Per., [illegible].

[2] [Бехиры других авторов (Hec., fr. 190; Ps.-Scyl., 84)—кавказское племя, локализующееся на юго-восточном берегу Черного моря между макронами и экехериейцами].

[3] [Из других источников не известна; Томашек, толкующий это наименование как «Бычья Деревня» (RE, III, 576), считает его измышлением Писандра].

[4] Много вероятнее предложил A. Boeckh, CIG, II, стр. 86. Об этой конъектуре см., что сказано мной в книге «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии; стр. 24, № 4. Ср. также, что предложил C. Müller, издание Птолемея, т. I, стр. 433.

[5] Aesch., Prom. vinct., 730 сл.

[6] Strabo, XI, 2, 10.

[7] [Имеется в виду Тиберий Юлий Котис II (123—131 гг. н. э.). Ср. IOSPE, II, стр. XLVII].

[8] [Т. е. Херсонес в Крыму, близ современного Севастополя].

[9] [Эти северо-восточные соседи скифов, локализующиеся между Волгой и Доном в их среднем течении, идентичны у многих греческих писателей (по свидетельству Геродота, IV, 109) гелонам. Ср. Ps.-Scymn., ст. 863 сл., где со слов Эфора в числе северных соседей скифов вместо будинов называются гелоны].

[10] [Вероятно, идентичны дизерам у Hec., fr. 190].

зонками, как *говорит* Страбон в XI *книге*[1]. Женский род—Γαργαρίς по правильному образованию, как Μεγαρίς, а в местной форме—Γαργαρηνή.

Гелон—город в Европейской Сарматии, *названный по имени* Гераклова сына Гелона, брата Агафирса; жители называются так же; ударение острое на последнем слоге. Город этот—деревянный, лежащий в *стране* будинов, великого народа, по словам Геродота[2]. У них *водится* странное животное, называемое тарандом: оно меняет цвет своей шерсти сообразно месту, где находится, благодаря этому свойству его трудно ловить, потому что цвет его шерсти меняется сообразно со свойствами местности. Это явление странно, потому что *только* хамелеон и полип меняют цвет кожи. Величиной *это животное* с быка, а формой головы походит на оленя, как *свидетельствует* Аристотель в пятой *книге сочинения* «О чудесных слухах»[3].

Герр—местность и река вблизи Борисфена[4]; житель *называется* Γέρριος.

Горгиппия—город в Синдике[5]; название жителей Γοργιππεύς.

Готты—народ, живший прежде в области Меотиды; впоследствии они переселились во внешнюю Фракию (ἐκτὸς Θράκην), как сказано у меня в статье о Византии[6]. О них упоминает Парфений Фокейский.

Гогарена—местность между *странами* колхов и восточных иберов. Название народа—Γωγαρηνός.

Даи—скифское племя; они кочевники, называются так же дасами, с *буквой* σ.

Дакия—страна близ Борисфена. *Жители ее*—даки, которых мы называем даями: «Гетами *называют* живущих у Понта в восточной части *страны*, а даями—живущих в противоположной части, со стороны Германии и истоков Истра»[7]. И у аттиков *встречаются* имена рабов Δᾶοι и Γέται.

Дандарии—народ около Кавказа, как *говорит* Гекатей в *описании* Европы[8].

---

[1] Strabo, XI, 5, 1 сл.

[2] Her., IV, 108 [ВДИ, 1947, № 2, стр. 278; ср. вышесказанное в прим. к слову «будины»].

[3] [Ps.-Arist., De mir. ausc., 30 (ВДИ, 1947, № 3, стр. 327)].

[4] [Трудно локализуемые ввиду путаницы в Геродотовых данных (IV, 19, 20, 47, 53, 56, 71) наименования, на основании которых река Герр может быть отождествлена с первым рукавом Днепра в его нижнем течении или с речкой Молочная, или Конские воды, впадающей в Азовское море. Местность же Герр, в которой, по словам Геродота, находился царский некрополь, локализуется по расчетам расстояний где-либо в Приднепровье, ниже порогов, а по другим признакам—в области Полтавской курганной группы; ввиду того, что одноименные реку и племя называет на Кавказе у Каспийского моря Птолемей (V, 8, 17—25; V, 11, 2), вся эта топонимика должна указывать диапазон распространения племени герров, входившего, судя по данным Геродота, в состав «царских скифов». Ср. ВДИ, 1948, № 2, стр. 100 сл.].

[5] [На месте современной Анапы; есть основания думать, что в глубокой древности город носил наименование Синдской гавани (ср. Ps.-Scyl., 72), которое долго удерживалось за его портом по переименовании города в Горгиппию (по имени одного из Спартокидов)].

[6] Эти книги называются Βυζαντιακοί. Мейнеке думает, что отсюда нельзя заключить, что Стефан писал историю Византии. Подобным образом выразился Страбон (VIII, 6, 16) ἐροῦμεν δ'ἐν τοῖς Καρικοῖς, т. е. в той части труда, в которой трактуется о Карии. [Это свидетельство, выводящее готов из Причерноморья, является лишним подтверждением того факта, что крымские готы, о происхождении которых было столько споров, с готами-германцами не имеют ничего общего, кроме имени, присвоенного себе во II—III вв. н. э. некоторыми из сарматских племен].

[7] [Эта цитата является перифразой Страбонова текста (VII, 3, 12), где говорится о разделении Гетской земли между гетами и даками и высказывается предположение (основанное вряд ли на чем-нибудь большем, чем простое фонетическое сходство) о том, что даки в древности должны были именоваться даями].

[8] [Fr. 161; засвидетельствованы эпиграфически (IOSPE, II, 6; 344) и локализуются к востоку от Азовского моря].

Данубий или Данусий—река Истр, прежде называвшаяся Матоем[1], первое название получил он, когда скифов постигла беда. Ματέας по-гречески значит «безвредный», так как при частых переправах через него *скифы* не терпели никаких бед, а Δάνουσις в переводе значит как бы «виновник неудачи.

Дия, город... седьмой в Скифии у Фасиса...[2]

Диоскуриада ... *город* у Понта, названный *также* Севастополем; прежде, по свидетельству Никанора, он назывался Эей[3]. Гражданин—Διοσκουριεύς.

Дрилы—поселение в Понтийской области, недалеко от Трапезунта, как *говорит* Ксенофонт в пятой *книге* «Анабасиса»[4].

Элевтеры—город... есть и другой на реке Истре в Понте, *названный так* потому, что Язон и его спутники, спасшись бегством от Ээта, там освободились от страха...[5]

Эликсия, остров гиперборeев, не меньше Сицилии, под рекой Карамбиком. Островитяне *называются* карамбиками от реки, как *говорит* Гекатей Абдерский.

Гелуры—скифское племя[6]; о них *упоминает* Дексипп в XII *книге* «Хроник»:

Гептакометы [Семисельники]—варвары, живущие на горе Скидисе; некоторые из них назывались также бизерами[7].

Гермонасса—небольшой остров[8] с городом при Киммерийском Боспоре, основанным ионянами, по свидетельству Периэгета[9]. Скимн

---

[1] Это из нашего писателя повторил Евстафий к Dion. Per., 298, но по ошибке приписал это Страбону (сожалеем, что опустили это в своем месте, ВДИ, 1948, № 1, стр. 293). «Сам же Географ [Страбон] говорит и то, что Истр некогда назывался Матоем, что у эллинов означает «безвредный», и что часто переправлявшиеся через него скифы не терпели никакой *беды*; когда же с ними некогда произошло несчастье, он был перетолкован как Данубий или Данусий, что *должно означать* «бывший виновником их неудачи»; то-есть обвиненный через это имя, *данное* ими на их языке, как оказавшийся виновным в их несчастии». Видно, что Евстафий слова, написанные Стефаном, сохранил несколько полнее, чем они существуют ныне. [О том, что Данубий, наименование, прилагавшееся к реке Дунаю кельтскими племенами, жившими по его верхнему течению, постепенно распространилось на все протяжение реки, видно из слов Птолемея (III, 10, 1), поясняющих, что от впадения реки Киабра до устья Дунай именовался Истром еще во II в. н. э. Форма Данусий более древними источниками не засвидетельствована].

[2] [Это наименование для Кавказского побережья из других источников не известно; Tomaschek, RE, V, 1, ст. 292, объясняет его присутствие у Стефана Византийского искажением имени Эя. С другой стороны, Дия прочно засвидетельствована Плинием (IV, 86) на Керченском полуострове и локализуется близ Камыш-Буруна].

[3] [Отождествление Диоскуриады с Эей, из других источников не известное, должно быть приписано Никанору Александрийскому, автору сочинения «О переименованиях»].

[4] Xen., Anab., V, 2.

[5] [Наименование, связанное с эпитетом Артемиды (и Великой Матери), Элевтера, прилагавшееся к многогрудому куротрофному божеству, святилища которого обладали правом убежища для рабов. Местоположение этого пункта, обладавшего, несомненно, и другим наименованием, переводом или истолкованием которого является приводимое Стефаном Византийским, ближе не известно].

[6] [Чаще герулы—наименование германского племени; однако о том, что под этим именем скрывались скифо-сарматские элементы, свидетельствует, помимо Дексиппа, и Зонара (Ann., XII, 24)].

[7] [Дикое горное племя в районе Трапезунта и Фарнакии; под вторым из названных имен они известны уже Гекатею (fr. 190)].

[8] [Островом, по примеру многих других древних авторов, называет Стефан Византийский в данном случае Таманский полуостров, отделявшийся от материка дельтой реки Кубани. На нем, предположительно у Цукурского лимана, близ станицы Вышестеблеевской (судя по археологическим находкам), располагалась древняя Гермонасса].

[9] Dion. Per., 552. «То, что Евстафий (см. выше к Dion. Per., 549) приводит как слова Арриана, без сомнения надо отнести к Стефану» (Meineke).

называет его также Гермонией[1]; Страбон в VII *книге* называет деревню Гермонакта[2]; Менипп в «Объезде двух морей» говорит, что это—местечко Трапезунта. Гекатей и Теопомп называют его городом. От Гермонассы название жителей 'Ερμωνασσαῖος или 'Ερμωνάσσιος как Σορακόσσιος.

Эвергеты [благодетели]—скифское племя по Страбону[3]; называлось также аримаспами. Так они названы потому, что у них во время бури нашли спасение аргонавты со своим кораблем[4].

Зефирий... есть и местечко в Скифии...[5]

Зиги—у Азиатского Боспора; Страбон в одиннадцатой книге[6]; им, кажется, принадлежит и Зигополь близ Трапезунта; о *нем упоминает* Страбон в двенадцатой книге[7]. От Ζυγοί прилагательное—Ζυγιανός.

Геды—скифское племя. Гекатей в *описании* Европы[8].

Гемикины [полупсы][9]—народ недалеко от массагетов и гиперборeев. Симмий в «Аполлоне» *говорит*: «видел я странное племя мужей гемикинов: у них на красивых плечах собачья голова, снабженная крепкими челюстями; лают они, как собаки, и не понимают славной речи других смертных». Также Гесиод[10].

Гениохия—страна у Кавказа; жители—гениохи; о *них* Страбон в одиннадцатой *книге*[11].

Темискира—город, лежащий против[12] Термодонта; *так же называется* и страна. Жители—Θεμισκύριοι, говорится и Θεμισκύρειαι.

Февдосия—приморский таврический город. Страбон в VII *книге*[13]. Название жителей: Θεοδοσιανός и Θεοδοσιεύς.

Тиссагеты—народ у Меотийского озера, по свидетельству Геродота[14].

Иазабаты—народ у Меотиды; Эфор называет их савроматами[15].

Язиги—европейский народ, как *говорит* Маркиан в «Перипле»[16].

---

[1] [В сохранившемся ямбическом землеописании, приписывавшемся Скимну, этот город называется Гермонассой (см. выше, Ps.-Scymn., 886)].

[2] Strabo, VII, 3, 16. 'Ερμώνασσα и κώμη 'Ερμώνακτος—два разные поселения.

[3] Strabo, XV, 2, 10 (стр. 724); «Затем [Александр] прибыл от дрангов к эвергетам, которых так назвал Кир, и к арахотам. Затем *перешел* через Паропамисады ко времени захода Плеяд...»

[4] [Объяснение причины наименования аримаспов эвергетами, приводимое Стефаном Византийским, основано на двойном недоразумении: и страбоновы эвергеты и аррианов (Anab., III, 27, 4; IV, 6, 6) ариаспы-эвергеты (которых отдельные авторы по сходству наименований путают с аримаспами) жили между Дрангианой и Арахозией, т. е. в восточном Иране и вдалеке от путей аргонавтов. По свидетельству Страбона и Арриана, наименование «эвергеты» получено этим племенем от Кира Старшего за благодеяния, оказанные им его войску].

[5] [Ближе не известно].

[6] Strabo, II, 5, 31; XI, 2, 1.

[7] Strabo, XII, 3, 17.

[8] [Fr. 159; быть может, идентичны эдонам, помещаемым Плинием (VI, 50) в закаспийских степях. Должны быть также сопоставлены с фракийскими (македонскими) эдонами (Strabo, VII, fr. 11)].

[9] [Фантастическое «гиперборейское» племя, о котором со ссылкой на неизвестное произведение Гесиода упоминает Страбон. Из Гесиода позаимствовал их, вероятно, и Симмий Родосский. Имя «гемикины» является, скорее всего, перетолкованием на греческий лад какого-либо варварского племенного наименования].

[10] Ср. Strabo, I, 2, 35; VII, 3, 6.

[11] Strabo, XI, 2, 12.

[12] [Собственно, при устье названной реки, на малоазийском берегу Черного моря].

[13] Strabo, VII, 4, 4.

[14] Her., IV, 22.

[15] [Также иксибаты и язаматы древних авторов].

[16] [Marcian, Per., 38; сарматское племя (язиги—сарматы Страбона, VII, 3, 17), жившее по среднему течению Днепра и соответствовавшее царским скифам Геродота].

Илаис—город на острове Родосе, в Скифии[1] и на Адриатическом море. Гражданин—Ἰαλύσιος и Ἰηλύσιος и *в женском роде* Ἰαλυσιάς.

Иамы—племя скифское. Гекатей в *описании* Азии[2].

Иамы—племя *в* Скифии...[3], как рассказывает Александр в «Описании Эвксинского Понта».

Иксибаты—народ у Понта, соседний с Синдикой[4]. Гекатей в *описании* Азии.

Исеп—скифское племя[5]. Гекатей в *описании* Европы.

Исседоны—скифское племя[6]. Гекатей в *описании* Азии. Алкман один называет их эсседонами. У других *писателей* встречается второй *слог* через ε. Встречается и трехсложное название «исседы». Есть и город Исседон.

Кадусии—народ между Каспийским морем и Понтом: Страбон в одиннадцатой книге[7].

Карамбики—народ гиперборeев, от реки Карамбики, как говорит Гекатей Абдерский.

Кардесс—город *в* Скифии. Гекатей в *описании* Европы[8]. Жители *называются* Καρδήσσιος и Καρδησσεύς.

Каркинитида—город скифский. Гекатей в *описании* Европы[9]; жители—Καρκινῖται.

Каспийское море; от него *происходят названия*: каспии, Каспийская гора, каспийские мужи, Каспийская страна и Каспий. Каспийское море называется также Гирканским: некоторые, *впрочем*, различают эти моря: «внешнее море большинство варваров называет океаном, жители Азии—великим морем, а эллины—Атлантическим морем»[10] ... От Κασπία происходит Κασπιανός, как Καρδιανός.

Катанны[11]—народ у Каспийского моря. Гекатей в *описании* Азии.

Кавказ—гора, которую называют и Паропамисом[12], величайшая из гор Азии; *прилагательное* название народов—Καυκάσιος и в женском *роде* Καυκασία о стране; откуда Καυκασιανός, как Κασπιανός и средний *род* Καυκάσιον. Говорится также и ι—Καύκασις, откуда Καυκασίτης как Ὀασίτης от Ὄασις.

Кораксы—племя колхов, вблизи колов. Гекатей в *описании* Азии. Кораксийская стена и Кораксийская страна.

---

[1] [Из других источников не известен].

[2] [Hec., fr. 167].

[3] [Иамы Александра Полигистора, заимствованные им, быть может, не из Гекатея, а из какого-либо другого источника, не находят себе других параллелей в сохранившихся данных. Это имя следует, вероятно, сопоставить с наименованием горы Имай, прилагавшимся к Гималаям или к Алтайским горам, и отнести племя иамов к числу азиатских народностей].

[4] [Ср. выше s. v. Ἰαξιβάται].

[5] [Hermann, RE 2058, предлагает читать «город» вместо «племя». Так как фонетическое сходство заставляет сопоставить это имя с именем племени исседонов, то в таком случае Исеп следует признать идентичным упоминаемому ниже (s. v. Ἰσσηδόνες) городу Исседон].

[6] [Это племя, локализуемое Геродотом (IV, 25) «к востоку от плешивых», помещается Hermann'ом, по фонетическому сходству, на реке Исети].

[7] Strabo, XI, 6, 1.

[8] [Hec., fr. 157].

[9] [Hec., fr. 153; на месте современной Евпатории в Крыму].

[10] Цитата взята из сочинения Фаворина Παντοδαπὴ ἱστορία; она повторяется также s. v. Ὠκεανός. Здесь она или неуместна или неполна.

[11] «Или испорчено это название, или это сокращение надо перенести перед Καταονία» (Meineke).

[12] [Под этим именем (также Парапамис) понимается Индийский Кавказ (современный Гиндукуш)].

Корокондама—деревня близ Синдики. Артемидор в XI *книге* сочинения Γεωγραφούμενα. Название жителей Κορoκονδαμίτης и озеро Κορoκονδαμῖτις.

Крема—город Понта[1]. Флегонт в восьмой *книге* «Хроник». Название жителей—Κρημήσιος, как Ἰθακήσιος[2].

Кросса—город у Понта[3]. Гекатей в *описании* Азии. Название жителей—Κρossαῖος [и] в женском и среднем роде.

Киты—город колхидский, родина Медеи; есть и другой *город того же имени* в Скифии. *Называется* также Китея; *например*, у Ликофрона[4]: «который, придя в Китею Лигистийскую» (либистины—это народ, соседний с колхами). Житель—Κυταῖος, откуда еще Κυταιεύς [как *говорит* Аполлоний]: «Башни узрите вы китейца Ээта»[5]; женский *род* Κυταιιάς. Говорится также Κυταιίς от Κυταῖος. Некоторые *говорят*, что есть два *города* Киты: этот и в Европе[6]. Есть также критский город Китей.

Колы—народ у Кавказа: Гекатей в описании Азии[7]. Подгорья Кавказа называются Кольскими горами, а страна *называется* Κωλική.

Конопа... Есть и Конопий[8] на Меотийском озере, где, говорят[9], волки, получая пищу от рыбаков, стерегут *их* добычу; а если заметят, что их обижают, то портят и сети и рыбу их...

Лазы—скифское племя; по свидетельству Арриана[10] есть и местечко Старая Лазика.

Либистины—народ, соседний с колхами, как *говорит* Диофант в *сочинении* Πολιτικά; женский род—Λιβυστίνη.

Меоты—весьма сильное и многочисленное скифское племя; женский род [Μαιῶτις] как, *например*, Μαιῶτις Λίμνη [Меотийское озеро], которое, по рассказам, названо *так* потому, что служит кормилицей Эвксинского Понта. Есть и некая рыба μαιώτης. Употребляется и притяжательное Μαιωτικός.

Макрокефалы [длинноголовые]—*народ* близ колхов: «ибо полупсы, длинноголовые и пигмеи...»[11]

Макроны—нынешние санны: Страбон в двенадцатой книге[12]; Гекатей в *описании* Азии[13]; Аполлоний во второй *книге*.

Мары—народ соседний с моссиниками. Гекатей в *описании* Азии[14].

Матикеты—скифское племя. Гекатей в *описании* Европы[15].

Меланхлены [черноризцы]—скифское племя: Гекатей в *опи-*

---

[1] [Быть может, тот же город, который в рукописях Птолемея (III, 5, 4 называется Κρήμη [Κρημνοί; ср. также Кремны Геродота (IV, 20) на Азовском море].

[2] Ср. Müller, FHG, III, 605 к fr. 9: «город неизвестный, если не то же, что Κρῶμνα».

[3] [Ближе не известен. Наименование это фонетически может быть сопоставлено с Кросеей—местностью в Халкидике (Her., VII, 123)].

[4] Lycophr., Alex., 1312.

[5] Apoll. Rhod., II, 403.

[6] [Помимо колхидских Кит (или Китея), отзвук имени которых хотят слышать в позднейшем Кутаиси, и помимо Китеи «Лигистийской» (т. е. северно-каппадокийской), имеется еще Китей в Крыму на Керченском полуострове, между Феодосией и Нимфеем (Ps.-Scyl., 48)].

[7] Hec., fr. 186.

[8] [Относительно локализации этого пункта см. прим. к Arist., Hist. an., IX, 36].

[9] Arist., Hist. an. IX, 36; Antig., Hist. mir., 33.

[10] Arr., PPE, 28

[11] Ср. Müller, FHG, II, 339.

[12] Strabo, XII, 3, 18.

[13] [Hec., fr. 191].

[14] [Hec., fr. 192].

[15] [Hec., fr. 156].

сании Европы[1]. Названы *так* по *одежде*, которую носят, как гиппемолги потому, что доят кобылиц, а моссиники—по жилищам.

Метрополь, [город]... седьмой у моссиников, живущих у Понта, восьмой в Скифии...[2]

Моссиники—народ, о котором *говорит* Эвдокс в первой *книге* «Землеописания». Притяжательное—Μοσσυνοικικός.

Мосхи—племя колхов, соседнее с матиенами. Гекатей в *описании* Азии[3].

Миргеты—скифское племя: Гекатей в *описании* Европы[4]. В некоторых *сочинениях* Геродиана неправильно пишется через γ (Γυργετῶν).

Мирмекий—городок в Таврике: Страбон в одиннадцатой *книге*[5]. Геродиан пишет через дифтонг и с облеченным ударением на предпоследнем слоге. Прилагательное, если *писать* через дифтонг,—Μορμηκειεύς, а если через ι—Μυρμήκιος. Артемидор называет его Μυρμηκία.

Напис—деревня в Скифии[6]; житель Ναπάτης или Ναπίτης деревня, и собирательное Ναπῖται.

Невры—народ в Сарматии: Дионисий в сочинении Περιήγησις[7]; и страна—Неврида[8]. Называются также Νευρῖται.

Никония—город в Понте при устьях Истра: Страбон в седьмой *книге*[9]. Имя жителей—Νικωνιάτης, как Ῥιθυμνιάτης.

Нимфей—таврический город между столицей Пантикапеем и Феодосией, как говорит Страбон[10]. Название жителя может быть Νυμφαιεύς, как Ἡραιεύς, но употребляется в форме Νυμφαΐτης; а νυμφαῖος—притяжательное от *слова* «нимфы».

Нисы—*называются* многие города... восьмой на горе Кавказе...[11]

Ольвия... вторая—город в Понте[12].

Пантикапей—очень большой город, столица прибоспорского края; основан сыном Ээта (Αἰήτου παιδός)[13], получившим это место от скифского царя Агаета (Ἀγαήτου)[14] и назвавшим город по имени мимотекущей реки Пантикапа[15]. Гражданин—Παντικαπαιεύς; говорится и

---

[1] [Hec, fr. 154].

[2] [Пункт в Скифии с этим названием отмечен Птолемеем на Днепре, выше Ольвии; его необходимо сопоставить с упомянутым у Геродота (IV, 53) святилищем Деметры или Матери (богов) на Гипполаевом мысу (т. е. между устьями Днепра и Буга)].

[3] [Hec., fr. 188].

[4] [Hec., fr., 155].

[5] Strabo, XI, 2, 6.

[6] [Это не поддающееся локализации наименование связывается, однако, с легендой о происхождении скифов, изложенной у Диодора, в соответствии с которой один из сыновей Скифа, потомка Зевса и местной богини, назывался Нап (II, 43, 3); этим подтверждается, с одной стороны, местный характер использованной Диодором легенды, а с другой—удостоверяется вероятность племенного наименования напиты или напаты в Скифии].

[7] Dion. Per., 310.

[8] [Область племени невров, одного из протославянских племен, по мнению многих современных славистов, локализуется, по данным Геродота (IV, 17, 51 и пр.), у истоков реки Днестра (Тиры)].

[9] Strabo, VII, 3, 16.

[10] Strabo, VII, 4, 4.

[11] [Имеется в виду Индийский Кавказ, где, по преданию, в области племени нисеев расположен город Ниса (у горы Мер), основанный Дионисом и знаменитый своей священной виноградной лозой (Strabo, XV, 1, 7)].

[12] [При устье рек Днепра и Буга].

[13] Αἰήτου παιδός. «Имя сына пропало; не представляется определенным и Αἰήτου. Ср. Boekh, Inscr., II, стр. 98, где предполагается Ἀγαήτου» (Meineke).

[14] [Имя этого царя, не будучи засвидетельствовано другими источниками, может быть сопоставлено с именем скифского царя Агара, которое передано Диодором (XX, 24) и происходит от племенного наименования агары].

[15] [Наименование Пантикапея, так же как и отождествляемой обычно с рекой Конкой реки Пантикапа, является греческой адаптацией каких-то местных наименований].

Παντικαπαιάτης[1]; есть также Παντικαπεύς, образованное как бы от Παντικάπη, как от Σινώπη—Σινωπεύς; форма Παντικάπη встречается у Евстохия.

Святилище Девы—место и мыс перед боспорским городом Херсонесом, как *говорит* Страбон: «названы по имени какого-то божества и мыс, и храм, и статуя Парфении, имеющий сто стадиев...»[2]

Парфиеи—народ, прежде *живший* в Скифии, а потом бежавший или переселившийся к мидянам и получивший такое название у мидян от свойств принявшей из земли—болотистой и богатой ущельями; или вследствие их бегства, так как у скифов беглецы называются πάρθοι[3]. *Народ* называется и Πάρθοι и Πάρθιοι и Παρθυαῖοι, а страна—Παρθυαία Παρθυηνή и Παρθυηνός.

Патрасис—понтийский город, как *говорит* Гекатей в *описании* Азии[4]; имя жителей—Πατρασύτης, Πατράσυος и Πατρασυεύς.

Павсарки—народ под Кавказом[5].

Певка [Сосновый]—остров на Истре; жители—Πευκηνοί[6].

Понт, в частности Эвксинский; название жителей—Πόντιος, Ποντία и Ποντιάς и притяжательное Ποντικός. Есть и область Понт Полемоновский[7].

Портмия и Портмий—селение при устье Меотийского озера[8]. Название жителей—Πορθμιεύς, как Σουνιεύς, и Πορθμίτης.

Пиенида—город колхов[9]; название жителей—Πυηνίτης, по правилу *имен*, оканчивающихся на ις.

Ребас—река у Понта[10]; есть и страна *с этим названием*, откуда имя жителей Ῥηβαῖοι.

---

[1] Παντικαπαιάτης X. Παντικαπαίτης вероятным образом исправил Eckhel, как на монетах, так и в надписи Boekh, CIG, 2123, 8 (=Latyschev, IOSPE, II, 358).

[2] Слова Страбона (VII, 4, 2) совершенно искажены эпитоматором, как отметил Мейнеке. [Речь идет о святилище Девы (Артемиды-Ифигении) на мысу Парфений близ Херсонеса Таврического, по недоразумению причисляемого Стефаном Византийским или его эпитоматором к числу боспорских городов, если только источник Стефана не восходит к тому времени, когда Херсонес действительно находился под властью боспорских царей (на рубеже н. э.)].

[3] Ср. Eust. к Dion. Per., 1039: «Парфов же и парфиэями называют некоторые и говорят, что это скифское племя, переселившееся в бегстве к мидянам, отчего они и называются таким образом, поскольку скифы зовут «парфами» беглецов». [Парфяне, аналогичное происхождение имени которых и принадлежность к скифскому племени удостоверяет также Юстин (XLI, 1), занимали первоначально пустынную область к юго-востоку от Каспийского моря, а затем, по воцарении парфянской династии Аршакидов (около 250 г. до н. э.), расширили свои владения вплоть до Евфрата].

[4] [Hec., fr. 198].

[5] [Ближе не известны].

[6] [Отождествляется обычно с островом Пикчиной в дельте Дуная. Певкинами Страбон называет живших на острове бастарнов (VII, 3, 15)].

[7] [Греки называли Черное море Эвксинским (Гостеприимным) Понтом—от древнеперсидского Ахшайна (что должно было означать Черное море,—см. С. Я. Лурье, Геродот, 1947, стр. 107); в более поздние времена это море часто именовалось просто Понтом. Наименование это в эллинистическую эпоху получила, кроме того, припонтийская часть Северной Каппадокии, именовавшаяся Понтийским царством или просто Понтом. После Митридатовых войн, когда царство это было передано триумвиром Антонием Полемону I, сыну Зенона, названная область стала именоваться Полемоновым Понтом].

[8] [Этот пункт, упоминающийся также в Anon., PPE, 69, как лежащий на европейском берегу Боспора Киммерийского против Ахиллия (на Таманском полуострове), должен соответствовать упоминаемым у Her., IV, 12 «Киммерийским переправам»].

[9] [Ближе не известен].

[10] [Незначительная, но широко известная в древности, благодаря неоднократным упоминаниям в «Аргонавтике» Аполлония Родосского и у других авторов, речка на вифинском берегу при выходе из Босфора в Черное море (современная Рива). Плиний (VI, 4) называет ее Resos, по имени фракийского героя эпохи Троянской войны, что, несомненно, указывает на фракийское происхождение этого наименования].

Рипеи — гора гиперборeев[1]; прилагательное (Ῥιπαῖος, от которого производится Ῥιπαιεύς.

Саки — народ; так называют скифов от доспеха [τὸ σάκος — щит], потому что они изобрели (εὕραντο) его[2]. Женский род Σακίς.

Саннигн — скифское племя, живущее в соседстве с абасгами[3].

Сапиры — народ Понтийской области, ныне называемый через β — сабирами[4].

Сарматы — скифское племя; страна их — Сарматия; *есть* и Сарматская гора[5].

Савроматы — скифское племя; Σαυρομάτις *означает* и женщину и страну.

Сиагатурги — народ, о котором Маркиан в описании Сарматии[6].

Синды — к югу от Меотийского озера; некоторые говорят, что и синдское племя есть отрасль меотов...[7]

Скифы — фракийское племя[8]; прежде назывались Νομαῖοι, а скифами *названы* от *имени* гераклова сына Скифа, по некоторым же от σκύζεσθαι [сердиться], потому что *они* очень сердиты. Итак *говорится* Σκυθία и по-ионически Σκυθίη, Σκυθικοί и Σκυθικά; говорится и Σκυθικαί — это род обуви, как Περσικαί. *Есть и форма прилагательного* Σκύθης, как, *например*, Σκύθης ὅμιλος [скифская толпа][9], Σκύθην εἰς οἶμον [в скифскую страну][10] и Σκύθης σίδηρος [скифское железо]; отсюда ἀποσκυθίσαι [железом срезать волосы]. Звательный падеж Σκύθα, как Πέρσα, но есть и Σκύθη; женский *род* Σκυθίς, *говорится также* Σκύθαιναν, как κηρύκαιναν, и σκυθίζειν [жить по-скифски].

Скифены — народ, *живущий* недалеко от макронов, как *говорит* Ксенофонт в четвертой *книге* «Анабасиса»[11].

Соаны — храбрый народ (ἔθνος ἀνδρεῖον)...[12], как *говорит* Страбон в одиннадцатой *книге*: «вблизи и соаны»[13].

---

[1] [Локализация этих мифических гор, из которых, по данным легендарной космографии, вытекали крупнейшие восточноевропейские реки, так же неустойчива, как и локализация самих гиперборeев. Однако, благодаря связи этого наименования с легендой об аримаспах, навеянной рассказами о впечатлениях торговцев, пользовавшихся караванными путями из Ольвии на скифский восток, наименование Рипейские горы теснее всего увязывается с Уралом].

[2] [Саками в древнеперсидских надписях именуются скифы вообще. Греческие авторы и, в частности, Геродот (VII,67) саками называют амиргских скифов, локализуемых в центральноазиатских степях к северо-востоку от массагетов].

[3] [Это племя у Arr., PPE, 15, и Anon., PPE, 51, локализуется в районе Себастополя (Диоскуриады), с ним должна быть также сопоставлена область и населенный пункт Стеннитика (Anon., PPE, 56) к северу от Питиунта (Нитика аррианова перипла)].

[4] [Речь идет о саспирах, племени, жившем к югу от Колхиды на реке Акампсисе (Чорох), известных уже Геродоту (I, 104), помещающему их между Колхидой и Мидией (Персией)].

[5] О тексте ср. сказанное мной в ЖМНП, август 1892, фил. отд., стр. 67. [Или Сарматские горы; по данным Птолемея (II, 11, 6), они соответствуют западным отрогам Карпат — гористой местности, тянущейся в меридиональном направлении от истоков Вислы до Дуная].

[6] [В сохранившемся тексте маркианова перипла сиагатурги не упоминаются, не известны они и из других источников].

[7] [Это — мнение Страбона (XI, 2, 11)].

[8] [Мнение об общем происхождении скифских и фракийских племен со ссылкой на Гомера см. Strabo, VII, 3, 2, сл.].

[9] Aesch., Prom., 415.

[10] Там же.

[11] [Xen., Anab., IV, 7, 18].

[12] После ἀνδρεῖον, видимо, выпало название страны, которую населяли соаны.

[13] Strabo, XI, 2, 19.

Стамена (Σταμένη) — город халибов. Гекатей *в описании* Азии[1]. Название жителей — Σταμεναῖος и Σταμένιος.

Синдик — город с гаванью, смежный со Скифией. Некоторые называют его Горгиппой[2].

Сирматы — *то же, что* савроматы, как *говорит* Эвдокс в первой *книге*: «вблизи Танаиса живут сирматы»[3].

Сфактерия... есть и Сфагитида (Σφαγῖτις), мыс *в* Скифии...[4]

Тамирака — город в Европейской Сарматии[5]; название жителей — Ταμυρακηνός.

Танаис — город одноименный с рекой: Страбон в седьмой *книге*[6]. < Называется также Ἐμπόριον, как *говорит* Александр Полигистор: «При впадении Танаиса в Меотийское озеро построен эллинский город Танаис, который называется также Ἐμπόριον. Гражданин — Ταναΐτης, в женском *роде* Ταναῖτις. Некоторые *полагают, что эта* река — *та же, что* Акесин и Яксарт[7], но что многие варварские имена эллинизировались, как говорит Никанор.

Таохи — народ во внутренней части Понта[8]; так же *называется* и страна. Некоторые называют их таями; как говорит Софенет в «Анабасисе».

Таркиния... есть и гиперборейское племя таркинеи[9], у которых грипы стерегут золото, как *говорит* Гиерокл в *сочинении* Φιλίστορες.

Тарра... есть и другой город Тарра у Кавказа, колония критян...[10]

Таврика — большой и очень замечательный остров, имеющий много народов и *своим* положением запирающий *кругом* Меотийское озеро; неподалеку от него лежит небольшой *остров* Алопекия. К Таврике прилегают два острова: Фанагора и Гермонасса[11]. Говорят, что

---

[1] [Hec., fr. 196]. «Σταμένεια говорится у Ps.-Scyl., 87 (в кодексе Ἀμένεια, что исправил Halsenius)» (Meineke).

[2] [Также Синдика. Относительно отождествления ее с Горгиппией и о ее локализации см. выше, Steph. Byz., s. v. Γοργίππεια и прим.].

[3] [Имя сирматы (вместо сарматы), отождествляемое Эвдоксом с савроматами, засвидетельствовано также у Ps.-Scyl., 68, причем они помещены среди народов Европы, тогда как о савроматах речь идет у него в описании Азии (Ps.-Scyl., 70). Однако локализует и тех и других он равно на Танаисе].

[4] По мнению Hermann'a, RE, III A, 2, 1680, производящего это наименование от σφαγή (заклание), речь идет о мысе Парфении близ Херсонеса, где, по преданию, в честь Артемиды приносились в жертву пленники].

[5] [Локализуется в Крыму на берегу Каркинитского (Тамиракского) залива, сохранившего и поныне это наименование].

[6] Strabo, VII, 4, 5.

[7] [С Яксартом (Сыр-Дарьей) Танаис смешивался неоднократно историками Александра, переносившими кавказскую географическую номенклатуру в Центральную Азию, к Индийскому Кавказу. Этой же тенденцией следует объяснять появление в Европейской Скифии к востоку от реки Пантикапа реки Акесина, отмечаемой Плинием (IV, 83), которую Tomaschek и Hermann, RE, I, 1164, ищут в бассейне Азовского моря, тогда как вообще под этим именем известен Ченаб, приток Инда (Diod., II, 37); в результате подобной путаницы географических представлений о двух Кавказах Птолемей помещает при устье Танаиса «Александровы алтари» (III, 5, 12)].

[8] [Т. е. в северо-восточной Каппадокии на границе Армении, Xen., Anab., IV, 4, 18].

[9] [Этот народ, идентичный по указанному легендарному мотиву аримаспам, из других источников не известен, поскольку сочинение Гиерокла касалось Индии и центральных областей Азии, таркинеев следует поместить где-либо к северу от Индийского Кавказа].

[10] [Эту колонию критских ветеранов Александра, подобно вышеназванной Астерусии, следует искать где-либо на пути Александра Македонского в Азии].

[11] [Все перечисленные «острова» могут быть названы таковыми лишь в том условном смысле, какой древние прилагали к местностям, заключенным между морем и руслом реки, между двумя реками и т. п.].

там Осирис, запрягши быков, вспахал землю, и от *этой-то* пары быков (ταύρου) получил имя народ. Житель — Ταυρικός, как Ἀττικός. Некоторые называют его Танаисом, другие — Алопекией, третьи — Меотидой.

Тафры (Τάφραι) и в единственном числе Тафра (Τάφρη) — страна у Меотийского озера, которую окружили рвами рабы, вступившие в связь со *своими* госпожами во время долговременной войны у скифов, когда господа их воевали с фракийцами или *живущими* по сю сторону Истра, как *рассказывает* Каллистрат в третьей *книге*... эту страну-де заселили саторхеи. Жители — саторхеи[1].

Теос, город *в* Ионии... Есть и другой город в *стране* дирбеев в Скифии, в котором, говорят, есть озеро, изобилующее рыбами; от них в хорошую погоду плавает на поверхности столько жира [*собственно* масла], что его черпают руками в лодку и употребляют в дело.

Тибарения—страна у Понта, прилегающая к халибам и моссиникам; имя жителей—Τιβαρανοί и Τιβαρηνοί, женский *род* Τιβαρηνίς. Эфор в пятой *книге* говорит, что «Тибарены поставили целью своих стремлений забаву и смех и считают это величайшим блаженством. Соседи их—халибы и народ левкосиров»[2].

Типанисы—народ у Кавказа. Гекатей в *описании* Европы[3].

Токсии и токсианы—народ таврический[4]. Геродиан в седьмой *книге*.

Тореты—народ понтийский. Аполлодор во второй *книге сочинения* «О земле».

Травхении—народ у Понта Эвксинского, соседний с синдами.

Травсы—город кельтов; народ, который эллины называют агафирсами.

Трафа (Τράφη)[5]—город у Понта. Название жителей — Τραφαῖος.

Тиенида—город колхов[6], от реки Тиениды. Название жителей—Τοηνίτης.

Тира—город и река при Эвксинском Понте; от Τύρας имя жителей должно бы быть Τυράτης, но Полигистор город и реку называет Τύρας, а жителей—Τυρανοί; есть и Τυρίτης, как бы от Τύρις; город назывался еще Офиуссой.

Тиритака—понтийский город. Название жителей—Τυριτακαῖος и Τυριτακηνός по обычному образованию[7].

Тирмении—скифский народ, весьма преданный мореплаванию; в переводе значит «изгнанники».

Гилея—понтийская страна, *иначе* называемая Ἀβική, т. е. «Полесье»[8]. Александр в «Описании Понта».

---

[1] [Страна под этим именем,—очевидно, область у Перекопского перешейка, ибо именно там, соответственно описанию Геродота, был выкопан ров потомками «слепых». Последнее наименование с помощью глоссы схолиаста Aristoph., Eq., 963, раскрывается как этникон, благодаря чему геродотовы «слепые» (τυφλοί) должны быть отождествлены с тафрами Каллистрата (тафриями Страбона, VII, 3, 19), которые, в свою очередь, вероятно, идентичны сатархеям, топонимически засвидетельствованным в Крыму Птолемеем (III, 6, 5, наряду с Тафром); засвидетельствованы они также и эпиграфически (IOSPE, I[1] 244); подробнее об этом см. ВДИ, 1948, № 2, стр. 99].

[2] [Это место из «Истории» Эфора более пространно изложено у Ps.-Scymn., 900 сл.].

[3] [Hec., fr. 162].

[4] [Ближе не известны; вероятнее всего, что это этимологически весьма прозрачное наименование (τόξον—лук) измышлено Геродианом].

[5] «Τράφη то же самое, как думает H(olstānius), что выше Τάφραι или Τάφρη»(Meineke).

[6] [Вероятно, идентичен упомянутой выше Пиениде].

[7] [Локализуется в Крыму, на Керченском полуострове, у мыса Камыш-Бурун].

[8] [Скифское наименование Геродотовой Гилеи (IV, 19), приводимое Александром Полигистором, должно быть поставлено в связи с засвидетельствованными Птолме-

Гипанис—река и город между Понтом и Меотийским озером. Александр Полигистор говорит, что Гипанис, разделяясь на два *рукава*; одну часть *воды* изливает в Меотийское озеро, а другую в Понт[1]. Геродот в четвертой *книге*[2] *говорит, что* в него впадает некий горький источник и делает речную воду негодной для питья. Название жителей—Ὑπανίτης, как Ταναΐτης.

Гипербореи—народ. Протарх *говорит*, что Альпы называются Рипейскими горами и что все живущие выше Альпийских гор носят имя гиперборeев. Каллимах же говорит, что *гипербореи* тождественны с аримаспами. Дамаст в сочинении «О народах» говорит, что выше скифов живут исседоны, еще выше этих—аримаспы, за аримаспами *находятся* Рипейские горы, с которых дует Борей и никогда не сходит снег, а за этими горами живут гиперборeи до другого моря[3]. Другие *говорят* иначе. Гелланик пишет Ὑπεβόρειοι с дифтонгом.

Фанагория—город, *названный* от *имени* Фанагора, как говорит Гекатей в *описании* Азии[4]. Остров *называется* Фанагорой и Фанагорией; есть еще торговое место Фанагории, среднего рода. Имя жителей по обычному образованию должно бы быть Φαναγορεύς, как Ἀλεξανδρεύς, однако, преимущественно употребляется Φαναγορείτης.

Фарнакия—понтийская страна и город близ Трапезунта. Имя жителя—Φαρνακεύς от слов Φάρνακος.

Фасис—город Эи[5] у реки Фасиса в Колхиде; основан милетянами. Имя жителей должно было бы быть Φασίτης, как Ὀασίτης, Μεμφίτης, или Φασιάτης с плеонастическим α, как *действительно* и говорят; имя жителей—Φασιάτης, *притяжательное*—Φασιατικός и Φασιανός, как *говорит* Аристофан в «Судах»; женский род—Φασιανή, а в среднем роде—Φασιανὸν νάπος (фасийская чаща). Есть и другая река Фасис на Тапробане[6].

Фтирофаги [вшееды]—народ... Страбон в одиннадцатой *книге*[7].

Филиры—народ у Понта, названный по имени Кроновой матери Филиры. Женский *род* Φιλυρίς и Φιλυρηίς с плеонастическим η. Может быть также Φιλυρίτης от Φιλύρη.

Хабарены—народ. Эвдокс в первой *книге* «Землеописания» *говорит*: «Называются ведь и хабаренами живущие вокруг халибов; они едят сырыми груди чужих женщин, которыми случится им овладеть, а детей угощают».

меем акибами (или, по чтению некоторых рукописей, принятых в издании Мюллера, абиками—III, 5, 10),—племенным наименованием, которое, в свою очередь, перекликается с упомянутой у Steph. Byz., s. v. Ἄβιοι, рекой Абианом. Не было бы ничего удивительного, если бы вся эта номенклатура, имеющая под собой в той или иной форме реальную почву, послужила основой для имени гомеровых абиев].

[1] [Устанавливая, таким образом, ошибочно общие истоки для Гипаниса-Буга и Гипаниса-Кубани].

[2] Her., IV, 52.

[3] [Мифическое имя гиперборeев связывается, однако, с совершенно реальной культовой практикой, а именно, с процессией приношения гиперборейских даров (хлебных колосьев) Аполлону Делосскому. Путь этих даров (о которых сообщает легендарные подробности Геродот, IV, 34 сл.) может быть прослежен до Эноса на фракийском побережье—важного перевалочного пункта хлебной торговли с северными (в том числе и со «скифско-гиперборейскими») странами. Культ Аполлона Гиперборейского и связанные с ним обряды принесения гиперборeями хлебных злаков в дар делосскому храму уходят своими корнями в крито-микенскую эпоху, чем удостоверяется значительная древность импорта хлебных злаков из северных стран в Элладу. См. Ch. Picard, RHR, LXXXII (1937), N 1—3, стр. 98 сл.].

[4] [Hec., fr. 164].

[5] [Эя, в данном случае,—наименование области на юге Колхиды или «острова» при устье реки Фасиса (см. схол. к Apoll. Rhod., III, 1093)].

[6] [Остров Цейлон].

[7] Strabo, XI, 2, 19.

Халдеи... есть и халдеи—народ вблизи Колхиды[1]. Софокл в «Тимпанистах» *говорит*: «и колх, и халдей, и сирийский народ». Однако *люди* более сведущие говорят, что они живут около Вавилона...

Халкида... [5] есть и город Халкида в Скифии[2], граждане которого *называются* Χαλκῖται и область Χαλκῖτις, как *говорит* Гермий в сочинении Περιήγησις.

Халибы—племя у Понта на реке Термодонте, о коих *говорит* Эвдокс в первой *книге*: «из земли халибов вывозится железо, которое хвалят за *пригодность* к закаливанию». Их Гомер называет гализонами в каталоге после пафлагонцев[3]: «Одий и Эпистроф предводительствовали гализонами, *пришедшими* издалека от алибов, где родится серебро»; здесь или написание изменено из «издалека из Халибы», или люди назывались сначала алибам вместо халибов. Притяжательное говорится также с δ — Χαλυβδικός. Ликофрон *говорит*: «халибдийским мечом»[4]. Страна называется Χαλυβική; *жители* у Гекатея *называются* также халибоями: «с халибоями к югу граничат армении»[5].

Хариматы—народ у Понта. Палефат в седьмой *книге сочинения* Τρωικά *говорит*: «к керкетам примыкают мосхи, и хариматы владеют Парфением до Эвксинского Понта». Также Гелланик в «Основаниях народов и городов»: «Выше керкетов (Κερκετέων) живут (οἰκέουσι) мосхи и хариматы, ниже гениохи, а выше кораксы» (κάτω δ'Ἡνίοχοι, ἄνω δὲ Κοραξοί)[6].

Херронес... есть и 3-й город в Таврике. Геродот в четвертой *книге*[7]: «Племя тавров занимает *землю* до так называемого Скалистого полуострова». Имя жителей этого *города* Χερρονησίτης[8].

Хои — народ вблизи бехиров. Гекатей в *описании* Азии: «до сих пор земля бехиров, а с ними рядом живут хои»; и опять: «до этих хоев»; и опять: «с хоями к востоку граничат дизеры»[9].

Хирады — город моссиников. Гекатей в *описании* Европы (Εὐρώπη)[10] *говорит*: «с тибаренами к солнечному восходу граничат моссиники, а у них город Хирады»[11]. Имя жителей — Χοιραδεύς.

Псевдартака—холм в Скифии за так называемой Святой горой... Название по месту — Ψευδαρτάκατος, и по правильному образованию говорится Ψευδαρτακηνός по образцу соседних *названий*.

Псессы — народ Тавринии Аполлодор во второй *книге сочинения* «О земле» говорит: «Затем Гермонасса и Кепы [город], а третий — народ псессов»[12].

---

[1] [Имеются в виду халды-халибы (урарты), о которых см. ниже, s. v. Χάλυβες

[2] [Пункт этот и одноименную область, известные лишь из этого отрывка «Землеописания» Гермия Метимнского, Tomaschek локализует в районе Ольвии (RE, III, 2, 2090), полагая, что через названную гавань в древнейшую эпоху производился вывоз меди и бронзовых изделий из Скифии; однако все, что известно о древней торговле металлом в Причерноморье, равно как и самое наименование пункта и прилежащей к нему области, заставляют искать ее скорее на Кавказе, в земле халибов].

[3] Hom., Il., II, 856.

[4] Lycophr., Alex., 1109.

[5] [Hec., fr. 195; вопрос о взаимоотношении наименований «гализоны», «алибы» и «халибы» подробно обсуждает Страбон, XII, 3, 20 сл.; ср. также соответств. прим.].

[6] Κερκεταίων и οἰκούσι рукописи, исправил Meineke. Он же предложил κάτω Ἡνίοχοι καὶ Κοραξοί, сравнив с Ps.-Scyl., 73—76.

[7] Her., IV, 99.

[8] [Херронес и херронеситы—аттическая форма вместо Херсонес, херсонеситы].

[9] [Hec., fr. 190].

[10] Может, быть Ἀσία? (см. Hec., fr. 193).

[11] [Hec., fr. 193].

[12] [Меотийское племя, засвидетельствованное эпиграфически: IOSPE, II, 6; 36].

Обарены — часть Армении, прилегающая к реке Киру, которая течет параллельно Евфрату. О них упоминает и Квадрат в шестой *книге сочинения* Παρθικά: «у реки Кира живут обарены и отены, составляющие значительную часть Армении».

Олинна — город у Каспийского моря[1]. Название жителей Ὠλιγναῖος, как от Πέλιγνα — Πελιγναῖος.

Отена — область Армении. Квадрат в третьей *книге сочинения* Παρθικά говорит: «Царь Армении Пакор, находясь в это время у Артаксат и Отены в Армении». Название жителей *приводит* он же во второй *книге*: «вокруг реки Кира живут обарены и отены, составляющие значительную часть Армении».

ОРИОН

Грамматик Орион, уроженец египетских Фив, жил около середины V в. в Константинополе, где его грамматические чтения пользовались такой славой, что их удостаивала своим посещением даже императрица Евдокия, супруга Феодосия II. Впрочем, главным местом его деятельности была, вероятно, Кесария, так как в рукописях он называется γραμματικὸς Καισαρείας. До нас сохранились отрывки его главного труда Περὶ ἐτυμολογιῶν

Текст: Orionis Etymologica, ed. Sturz, Lips., 1816—20.

ОБ ЭТИМОЛОГИЯХ

(ΠΕΡΙ ΕΤΥΜΟΛΟΓΙΩΝ)

(Sturz, 148.) Σκυθρωπάσαι *говорится* со вставкой излишнего ρ, а σκυθωπάσαι значит иметь взгляды скифские, т. е. поражающие.

ПРОКЛ ЛИКИЙСКИЙ

Уроженец ликийского города Ксанта, живший в V в. н. э. (410—485 гг.), был главным представителем последнего периода неоплатонической философии и писал главным образом комментарии к сочинениям Платона, а также и других писателей. См. о нем Christ, Gesch. d. Griech. Litter.[4], стр. 863 сл. и руководства по истории древней философии. Собрание его сочинений издал V. Cousin, Paris, 1820—27, в 6 томах. [Второе издание в одном томе, 1864].

Приводимая ниже выдержка находится в издании Procli commentariorum in Rempublicam Platonis partes ineditae, ed. R. Schoell (Anecdota varia Graeca et Latina ed. R. Schoell et G. Studemund, II, 1886].

14 (Schoell, p. 20)... Мы удивляемся, почему одно *животное* живет один день, как, например, *водящееся* у реки Гипаниса, рождающееся при восходе *солнца* и умирающее при закате, а другое—девять поколений людей, доживающих до старости...[2]

---

[1] [Этот пункт связывается Hermann'ом RE, XVII, 2, 2487, с племенем олонды (Ptol., V, 8, 17—25) в качестве их поселения и локализуется им на реке Алонте (Терек)].

[2] «Ср. Arist., Hist. an., V, 19 и тех, кого цитирует O. Keller, Rerum naturalium Scripta minora, стр. XXVIII » (Schoell).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ВДИ

AEp—Archaeologisch-Epigraphische Mitteilungen aus Österreich
AJA—American Journal of Archaeology
AJSLL—American Journal of Semitic Language and Literature
AM—Athenische Mitteilungen
AfO—Archiv für Orientforschung
APAW—Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften
АзФАН—Азербайджанский филиал Академии Наук СССР
BASOR—Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BSAW—Berichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften
BSOS—British School of Oriental Studies
БВ—Богословский Вестник
BZ—Byzantinistische Zeitschrift
CAH—Cambridge Ancient History
CIL—Corpus Inscriptionum Latinarum
CJ—Classical Journal
CRAI—Comptes-Rendues de séances de l'Académie des Inscriptions et des Belles Lettres
ДАН—Доклады Академии Наук
ESA—Eurasia Septentrionalis Antiqua
FHG—Fragmenta Historicorum Graecorum
GGM—Geographi Graeci Minores
ГИМ—Государственный исторический музей
ГМИИ—Государственный музей изящных искусств
HGM—Historici Graeci Minores
ИАК—Известия археологической комиссии
ИАН (ООН)—Известия Академии Наук (Отделение общественных наук)
ИВАН—Институт востоковедения Академии Наук
ИЖ—Исторический журнал
ИИАН—Институт истории Академии Наук
ИООИА—Известия Общества обследования и изучения Азербайджана
ИООН—Известия Отделения общественных наук
ИТОИАЭ—Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
IG—Inscriptiones Graecae
IOSPE—Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini
JAs—Journal Asiatique
JBL—Journal of Biblical Literature
JDAI—Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts
JEA—Journal of Egyptian Archaeology
JHS—Journal of Hellenic Studies
JNES—Journal of Near Eastern Studies
JPOS—Journal of the Palestine Oriental Society
JRAS—Journal of the Royal Asiatic Society
JRS—Journal of Roman Studies
КСИИМК—Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАК—Материалы по археологии Кавказа
МАР—Материалы по археологии России

MVAG—Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft
NJPh—Neue Jahrbücher für Philologie
NJWB—Neue Jahrbücher fur Wissenschaft und Bildung
ОАК—Отчеты археологической комиссии
OLZ—Orientalistische Literaturzeitung
PhW—Philologische Wochenschrift
ПИДО—Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИМК—Проблемы истории материальной культуры
PLG—Poëtae Lyrici Graeci
PSI—Papiri della Società Italiana
RA—Révue archéologique
RAs—Revue d'Assyriologie
RAA—Révue des arts asiatiques
RE—Pauly-Wissowa-Kroll, Realencyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft
RE—Révue épigraphique
SBAW—Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften
SC—B. Latyschev, Scythica et Caucasica. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.
SHA—Scriptores Historiae Augustae
SIG—W. Dittenberger, Sylloge Inscriptionum Graecarum
СА—Советская археология
САГУ—Среднеазиатский государственный университет
SBAW—Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
СВ—Советское Востоковедение
СЭ—Советская этнография
СЯ—Советское языкознание
ТОИА—Труды общества изучения Азербайджана
ТОИКИВ (ТОВЭ)—Труды отдела истории и культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа
Труды ГИМ—Труды Государственного исторического музея
УЗЛГУ—СИН—Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук
УЗЛГУ—СФН—То же, серия филологических наук
ВАН—Вестник Академии Наук
ВДИ—Вестник древней истории
ВИ—Вопросы истории
ВСОРГО—Вестник Среднеазиатского отделения Российского географического общества
ЗВОРАО—Записки Восточного Отделения Российского археологического общества
ЗКВ—Записки коллегии востоковедов
ЗОО—Записки Одесского общества истории и древностей
ЖМНП—Журнал Министерства народного просвещения

СОДЕРЖАНИЕ

«Сталинский курс Истории ВКП(б)» и советская историческая наука . . . 3
Акад. В. В. Струве. Геродот и политические течения в Персии эпохи Дария I . 12
К. К. Зельин. Земли клерухов в Керкеосирисе по данным тебтюнисских папирусов 36
О. В. Кудрявцев. Римская политика в Армении и Парфии в первой половине правления Нерона 52
А. Д. Дмитрев. К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах 66

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обсуждение книг по античной науке и философии

Проф. З. А. Цейтлин, проф. Ф. А. Петровский и *проф. С. Я. Лурье.* Проф. А. О. Маковельский, Древнегреческие атомисты 79
Проф. А. О. Маковельский. Проф. С. Я. Лурье, Очерки по истории античной науки 100
И. С. Кацнельсон. Проф. С. Я. Лурье, Геродот 106
М. К. Узунова. Проф. С. Ф. Кечекьян, Учение Аристотеля о государстве и праве 112
Проф. С. В. Киселев, Б. И. Надэль. А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья 117
Проф. В. В. Павлов. «Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа»,т. IV 125
Б. И. Надэль. О постановке преподавания древних языков 132

ХРОНИКА

Абрам Борисович Ранович (некролог) 136
Д. И. Нудельман. Б. В. Фармаковский 144
С. А. Вязигин. Оссуарии с городища Калалы Кыр I Ташаузской области Туркменской ССР 150
А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г. 155
М. М. Кобылина. Статуэтка «Медведицы» с о. Березани 163
О. Н. Бадер. Уникальный сассанидский сосуд из-под Кунгура 166
Хроника научной жизни (Сессия, посвященная археологии Закавказья; кафедры классической филологии Ленинградского и Львовского университетов) 169

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

И. Г. Лившиц. Новый вариант мифа о рождении и гибели Солнца 184
В. Ф. Гайдукевич. К истории древнего земледелия в Средней Азии 193
Проф. С. Я. Лурье. Культ матери и девы в Боспорском царстве 204
В. И. Надэль. Боспорская надпись IOSPE, II, 33 212

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе 217

А08511. Подписано к печати 13.IX.48 г. Заказ № 408. Печатных лист. 21. Уч.-издат. лист. 34,1
Тираж 5 500.

16-я типография треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР
Москва, Трехпрудный, д. 9.

Редакционная коллегия:

Проф. *Н. А. Машкин*
Проф. *А. В. Мишулин* (редактор)
Проф. *А. Б. Ранович* (зам. редактора)
Акад. *В. В. Струве*
Акад. *И. И. Толстой*

Адрес редакции: Москва, Волхонка 14, Институт истории АН СССР.
Телефон К-3-75-69.

СПИСОК

ОПЕЧАТОК, ЗАМЕЧЕННЫХ В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» № 2, 1948 г.

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
25	10 снизу	родственника	родственникам
47	7 сверху	было передано	была передана
70	4 снизу	действя	действия
70	20 »	гда	где
83	15 »	в начале правления Нерона	при Нероне
95	28 сверху	а для того	, а для этого
99	25 »	предвеличения	преувеличения
109	2 »	Министерства просвещения СССР	Министерства просвещения РСФСР

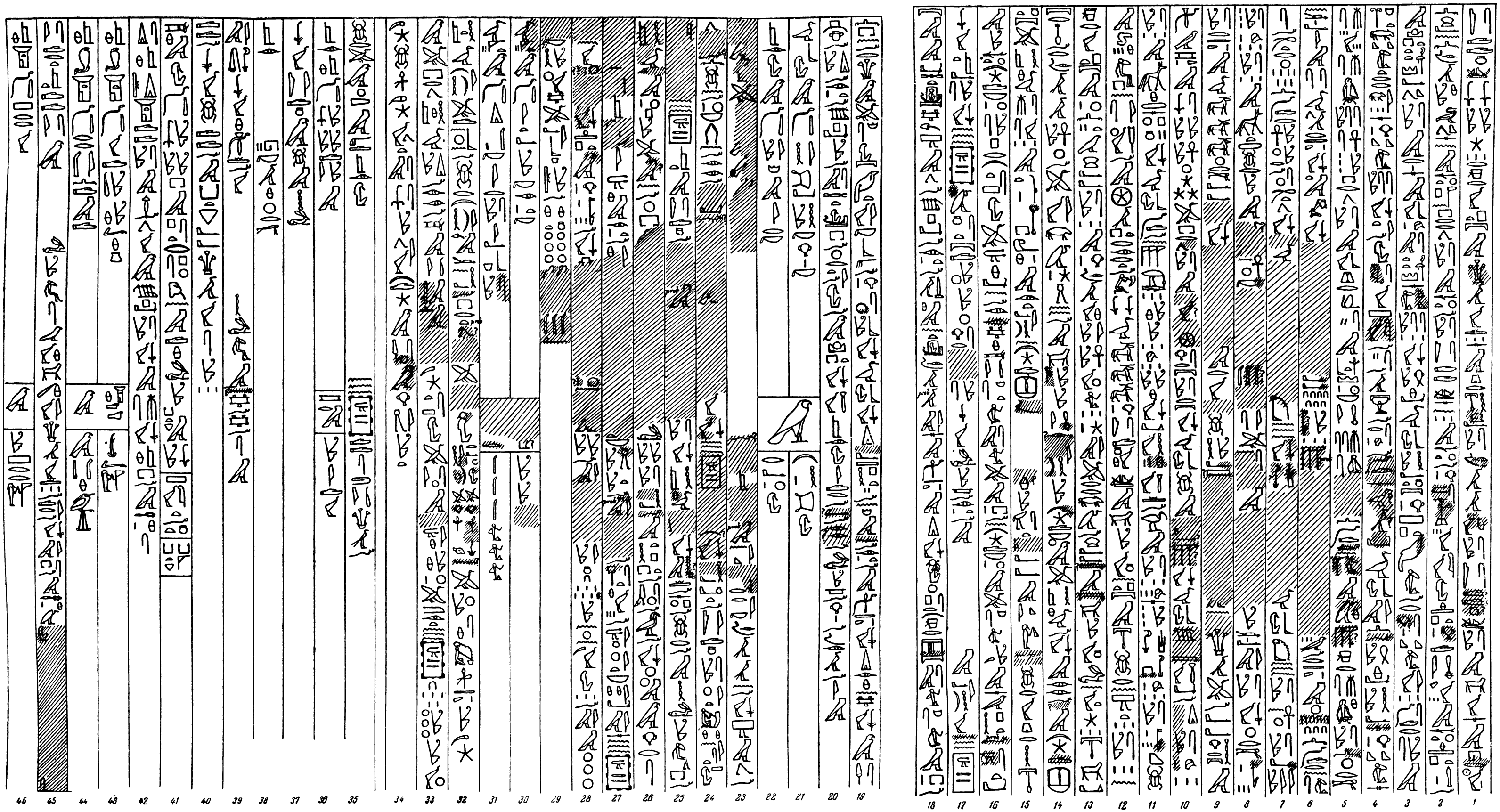
Библиотекам, учреждениям и научным работникам, изъявившим желание абонироваться на книги, издаваемые Академией Наук СССР, высылаются «тематические заявки» для оформления абонемента.

Книги высылаются наложенным платежом.

За пользование абонементом плата не взимается.

Заявления об открытии абонемента адресовать:

Москва, Б. Черкасский, 2, К-ра «АКАДЕМКНИГА».



Текст на кенотафа Сети I в Абидосе (H. Frankfort, The Cenotaph of Seti I at Abydos, «The Egypt Explor. Soc.», 1933, I, стр. 82—86; II, табл. 84—85.